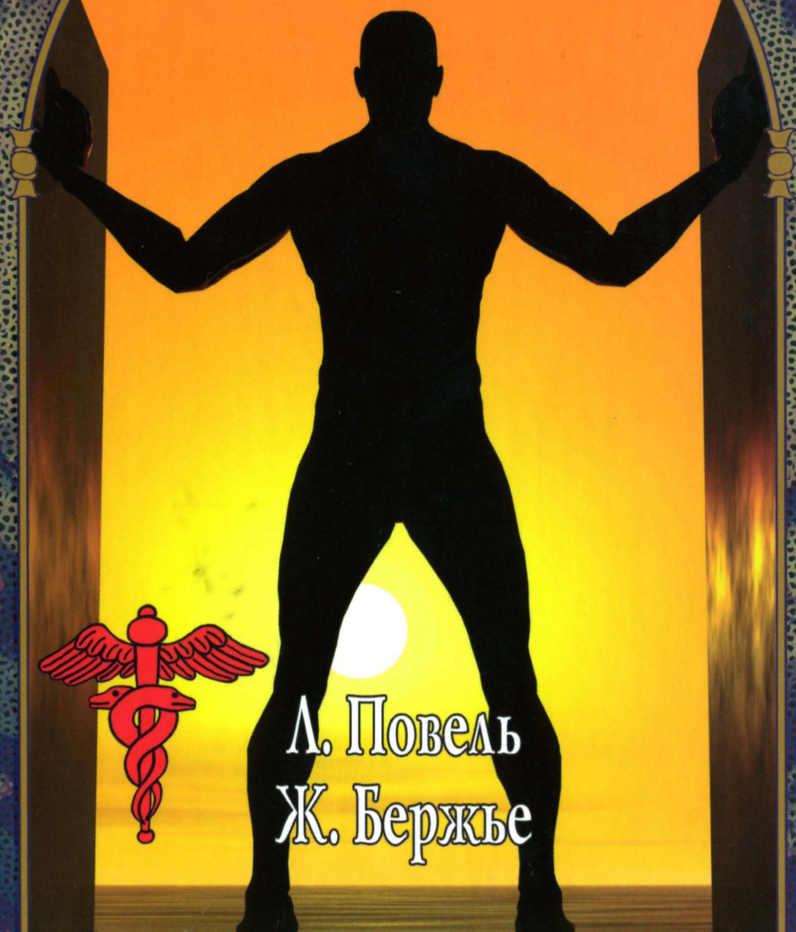

ЛАБИРИНТЫ
ТАЙНОВЕДЕНИЯ

МЕГАПРОЕКТ – TERRA INCOGNITA

УТРО МАГОВ

А. Повель
Ж. Бержье

ЛУИ ПОВЕЛЬ
ЖАК БЕРЖЬЕ

УТРО МАГОВ

ВВЕДЕНИЕ
В ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РЕАЛИЗМ

МОСКВА
«ВЕЧЕ»
2005

Перевод с французского Л.Д. Каневского

Приложение Юлиуса Эволы

Вниманию оптовых покупателей!

Книги различных жанров
можно приобрести по адресу:
129348, Москва, ул. Красной сосны, 24.
Акционерное общество «Вече».
Телефоны: 188-88-02, 188-16-50, 182-40-74;
т/факс: 188-89-59, 188-00-73.
E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Филиал в Нижнем Новгороде
«Вече—НН»
тел. (8312) 64-93-67, 64-97-18.

Филиал в Новосибирске
ООО «Опткнига—Сибирь»
тел. (3832) 10-18-70

Филиал в Казани
ООО «ВЕЧЕ-КАЗАНЬ»
тел. (8432) 71-33-07

Филиал в Киеве
ООО «ВЕЧЕ-УКРАИНА»
тел. (044) 537-29-20

ISBN 5-9533-0459-5

Pauwels Louis, Bergier Jacques
Le Matin des Magiciens

© Л.Д. Каневский, перевод
с французского, 2005

© ООО «Издательский дом «Вече», 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мои руки как крюки, и я всегда на это сильно досадовал. Я был бы куда лучше, будь мои руки такими же ловкими и проворными, как у других. Такие руки, руки, способные делать что-то полезное, могут погружаться в потаенные глубины жизни и находить там источник доброты и умиротворения. Мой отчим (я здесь буду называть его отцом, так как он меня воспитал) был обыкновенным портным. Это был человек широкой души, могучего, проповеднического духа. Иногда он с улыбкой говорил, что обман церковных служек начался в тот день, когда один из них изобразил ангела небесного с двумя крылами: «Нет, — утверждал он, — человек добирается до небес с помощью своих натруженных рук».

Несмотря на некоторую неловкость, я мог перелистывать книгу, и даже при случае ее переплести. Мне было шестнадцать лет. Я учился на курсах в Жювизи, бедном парижском предместье. По субботам мы могли выбрать для себя занятие по душе — что кому больше нравилось: работа по дереву, металлу, моделирование или переплетное дело. В то время я увлекался поэтами, особенно Артюром Рембо. Преодолевая себя, я не стал переплетать его «Сезон в аду». У моего отца была небольшая библиотечка, около тридцати книг, которую он хранил в своей мастерской в узком шкафчике вместе с катушками, мелками, накладными плечиками и выкройками. Были там стопки написанных аккуратным почерком листков — плод его усидчивых ночных трудов. Из них я прочитал «Мир до сотворения человека» Камиля Фламмариона и «Куда идет наш мир?» Вальтера Ратенау. С горечью в сердце переплетал я эту книгу. Ратенау стал одной из первых жертв нацистов, а жили мы в 1936 году. Каждую субботу на своих курсах я занимался каким-нибудь ручным тру-

дом из-за любви к отцу, простому работяге, и вообще к рабочему люду. Первого мая я подарил ему переплетенный мной томик Ратенау вместе с букетиком ландышей. В этой книге мой отец подчеркнул красным карандашом одну фразу, которая навсегда сохранилась в моей памяти: «Даже эпоха, в которой царит всеобщее уныние, достойна уважения, ибо она — плод творения не людей, а всего человечества, творческая природа которого может стать довольно грубой, но никогда — абсурдной. Если мы считаем ту эпоху, в которой живем, суровой, мы тем более должны ее больше любить, пронизывать ее своей любовью, чтобы своими усилиями разгрести тяжелые, серые массы материи, добраться до сияющего с другой стороны яркого света».

«Даже эпоха, в которой царит всеобщее уныние...» Мой отец умер в 1948 году. Его никогда не покидало желание любить этот скорбный мир, в котором он жил, пронизывать его своей любовью в надежде увидеть, наконец, яркий свет по другую сторону за тяжелыми серыми массами материи. Он принадлежал к поколению социалистов-романтиков, идеалами которых были такие видные личности, как Виктор Гюго, Ромен Роллан, Жан Жорес. Все они носили широкополые шляпы, а в складках красного знамени сохраняли маленький голубой цветочек.

На незримой линии, там, где граничат чистой воды мистицизм и социальные инициативы, мой отец, проводивший по четырнадцать часов в сутки в своей мастерской, чтобы мы не впали в ужасающую нищету, старался примирить активный оппортунизм с поисками внутренней свободы человека. В скупых, коротких жестах своей скромной профессии он следовал своему методу концентрации и очищения духа, о чем оставил немало исписанных мелким почерком страниц. Занимаясь, казалось бы, скучным делом, — обметывая петли для пуговиц или утюжа куски ткани, — он никогда не терял яркого, всепоглощающего присутствия духа. По четвергам и воскресеньям мои товарищи приходили к нему в мастерскую, чтобы ощутить его неукротимый дух, проникнуться им, и в результате такой процедуры очень многие изменили свой стиль жизни.

Он был всегда убежден в победе прогресса, науки, в приход к власти пролетариата, и он выстроил для себя могучую философию. Читая работу Фламариона, посвященную доисторической эпохе, он испытал озабоченность. Затем, охваченный новой страстью, отец стал читать книги палеонтологов, астрономов, физиков. Не имея достаточной научной подготовки, он сердцем понимал суть затронутых в них тем. Он говорил вслед за Тейяром де Шарденом, о котором мы тогда ничего не знали: «Тот факт, что наш век все еще живет, более поразительный, чем появление буддиз-

ма! Речь отныне не идет о практическом использовании того или иного божества, человеческих способностей. Религиозная мощь земли вызывает у нас окончательный кризис, связанный в первую очередь с его осознанием. Мы постепенно начинаем понимать, — этот процесс не остановится никогда, — что единственной приемлемой для человека религией является та, которую он, прежде всего, хочет признать, потом полюбить, и затем со всей страстностью служить Вселенной, самым важным элементом которой он, человек, и является».

Отец считал, что эволюцию не следует путать с трансформизмом, но эта эволюция, интегральная и восходящая, усиливает психическую плотность нашей планеты, подготавливая ее к становлению контактов с разумными существами других миров, приближая ее к самой душе космоса. Он считал, что род человеческий еще не достиг своего завершения. Он продвигается к новому состоянию, состоянию сверхсознания, через укрепление коллективной жизни и постепенное создание всеобщего психизма (панпсихизма). Он говорил, что человек — еще не завершенное творение; он пока не спасен, но законы концентрации энергии творения позволяют нам лелеять такую надежду на уровне космического пространства. И он никогда не сомневался в существовании такой возможности. Вот почему он с такой лучезарной ясностью и религиозным динамизмом судил о делах мирских, земных, и искал повсюду — вдалеке или в вышине — тот оптимизм, ту непосредственность, которые могли оказаться весьма полезными. В 1948 году война уже три года как закончилась, но появилась угроза новых сражений, на сей раз с применением атомного оружия. Тем не менее он рассматривал тревоги и беспокойства своего времени лишь как издержки, негативные стороны общей лучезарной, великолепной картины мира... Казалось, что какая-то невидимая нить связывала его с духовной судьбой Земли, и он в эпоху, когда царило всеобщее уныние и в которую завершалась его жизнь, жизнь простого работника, безгранично верил и любил ее, несмотря на все свои внутренние терзания.

Он умер у меня на руках 31 декабря и сказал мне перед тем, как его глаза навечно закрылись: «Не стоит слишком полагаться на Бога, может, сам Бог должен больше полагаться на нас...»

А что в это время было со мной? Мне было двадцать девять. В 1940-м, когда начался всеобщий крах, мне было двадцать. Я принадлежал к поколению, стоявшему на перепутье, поколению, на глазах у которого мир разваливался, поколению, отрезанному от прошлого, сомневающегося в будущем. Я не верил, что эпоха всеобщего уныния достойна уважения и

что ее следует пронизывать нашей любовью. Я был далеко от этого. Мне казалось, что нельзя играть в игру, в которой все жульничают.

Во время войны я нашел нравственное убежище в индуизме. Индуизм стал моим личным «маки»*. Я жил полным сопротивлением. Не стоит искать точку опоры в истории и среди людей — она постоянно ускользает. Нужно искать ее в самом себе. Будем познавать этот мир как бы со стороны, как будто мы к нему непричастны. Что может быть прекраснее птички-ныряльщицы из «Бхавгавад-гиты», птички, «которая ныряет в воду и выскакивает из нее, не омочив крылышек»? Те события, ход которых мы не в силах изменить, требуют, как мне говорили, другого поведения — нужно вести себя так, словно они ничего не в состоянии сделать с нами. Я воспарял к потолку, принимал позу лотоса на облачке, прилетевшему с Востока. По ночам мой отец читал книжки, которые я хранил у изголовья, чтобы понять, что за болезнь приключилась со мной, — болезнь, которая постоянно отдаляет сына от отца.

Позже, накануне Освобождения, у меня появился мэтр, который учил меня думать и жить. Я стал учеником Гурджиева. Я стремился освободиться от своих чувств, эмоций, восторгов, чтобы обрести где-то за их пределами нечто неподвижное, постоянное, обнаружить чье-то безмолвное, анонимное трансцендентное присутствие, которое утешило бы меня, смягчило мои страдания из-за мало понимаемой мной реальности и абсурдности этого мира. Теперь я смотрел на отца по-иному — с состраданием к нему. Мне казалось, что мне удалось овладеть тайнами управления своим духом и приобретения всех знаний. На самом деле я лишь тешил себя иллюзией и проявлял свое безграничное презрение по отношению к тем, кто такую иллюзию со мной не разделял.

Я приводил в отчаяние отца. И сам приходил в отчаяние. Но я упорствовал в своем отступничестве. Читал Рене Генона. Я считал, что нам всем не повезло, и мы вынуждены жить в этом извращенном мире, мире, обреченном на апокалипсис. Я теперь постоянно обращался к речи Кортеса, произнесенной им в 1849 году в палате депутатов Мадрида.

«Главная причина всех ваших заблуждений, сньюоры, заключается в том, что вы игнорируете истинное направление развития цивилизации и всего мира. Вы считаете, что цивилизация и мир прогрессируют. Нет, господа, они регрессируют!» Для меня современный век был черным веком. Я занимался тем, что подсчитывал преступления, со-

* Маки — французское сопротивление во время Второй мировой войны. —

Прим. авт.

вершенные современным духом против самого духа. Начиная с XII века Запад, освободившись от своих принципов, устремился к гибели. Питать какую-то надежду означало примкнуть к силам зла. Я обличал такую веру как соучастие в преступлении. У меня не было никакого иного желания, кроме отречения от этого мира, полного разрыва с ним. Только в той части мира, уже на три четверти поглощенного пучиной, где священнослужители, ученые, политики, социологи, организаторы всевозможных мастей представляли как копрофаги*, традиционная учеба и безоговорочное сопротивление веку были достойны всяческого уважения.

Альберт Эйнштейн создал комитет пришедших в отчаяние ученых-атомщиков, а угроза тотальной войны висела над разделившимся на два лагеря человечеством. Мой отец умирал, не утратив ни грамма веры в будущее, и я не понимал его.

В этой книге я не стану затрагивать вопросы классовой борьбы. Но я хорошо знаю, что такие проблемы существуют. Из-за них распяли на кресте человека, любившего и меня.

Я не знал своего родного отца. Он принадлежал к бельгийской буржуазии из Гента. А моя мать, как и отчим, были рабочими и вышли из рабочей среды. Мои фламандские предки, эти жуиры, художники и артисты, гордые и праздные люди, по-видимому, отдалили меня от благородных динамических мыслей, заставили меня подчиниться и неверно истолковать добродетель соучастия. Уже давно между мной и отцом пролегла пропасть. Он не желал иметь другого родного сына, чтобы я не страдал от этого, и шел ради меня на все, принося любую жертву, чтобы сделать из меня интеллигента. При этом он мечтал, что моя душа будет такой, как у него. В его глазах я должен был стать светочем, человеком, способным осветить дорогу другим, вселить в них надежду, подбодрить их, показать им, как он говорил, свет, сияющий там, в самом конце. Но я не видел никакого яркого света, одну черную мглу, как в самом себе, так и там, в конце развития человечества. Я был таким же клерком, как и множество других. Я доводил до предела чувство «вечно ссыльного», постоянно говорил о необходимости мятежа радикалов, которые в 1947 году в журналах рассуждали о «метафизическом беспокойстве» и разделяли трудное наследие моего поколения. Каким же образом можно в таких условиях стать светочем? Такая идея невольно вызывала у меня улыбку. Мой отец упрекал меня за «разложение», за

* Копрофаг — животное, питающееся экскрементами. — *Прим. авт.*

то, что я перешел на сторону привилегированных от культуры, мандаринов, гордых своей немощью.

Атомная бомба, которая для меня означала начало конца всех времен, для него стала символом новой зари. Материя осуществлялась, и человек открывал для себя, что он окружен такими могучими силами, о существовании которых он и не подозревал. Буржуазный дух, для которого Земля — это уютное, удобное место для комфортного проживания, и из него следует извлечь максимальную пользу, вытеснялся другим, новым духом тружеников Земли, для которых окружающий мир — это движущаяся машина, преобразующийся организм, единения которого еще нужно добиться. Истина, которая еще должна раскрыться. Человечество находится лишь на первом этапе своего эволюционного развития. Оно получило лишь начальные сведения, подготовленные для нее Вселенским Разумом. Мы только начинаем познавать, что такое любовь к этому миру.

Для моего отца все злоключения рода человеческого имели свое направление. И он судил о том или ином событии, если только оно укладывалось в эту колею. Наша История наделена смыслом, она тяготеет к какой-то сверхчеловеческой форме, она носит в себе зародыш сверхсознания. Ее космическая философия неотделима от нашего века. Для нашего тогдашнего настоящего такие взгляды были «прогрессивными». Меня это раздражало, ибо я не видел, чтобы он вкладывал куда больше духовности в такой прогресс, чем я прогрессирувал в своей духовности.

В конце концов я стал задыхаться от моих недалеких мыслей, перед этим человеком я часто чувствовал себя маленьким высушенным, прозябающим интеллектуалом, и мне очень хотелось мыслить так же широко и дышать так же вольно, как он. Сидя по вечерам в углу его мастерской, я раздувал, как мог, наши противоречия, всячески провоцировал его, мне так хотелось сбить его с толку, ввергнуть в смущение. Но несмотря на усталость, он резко мне возражал, злился от того, что не может передать все свои великие мысли мятежному и враждебно настроенному пасынку, и обычно мы расставались оба недовольные и рассерженные. Я обращался за помощью к своим книгам, вызывавшим у меня еще большее отчаяние. А он склонялся над своими выкройками, с иглой в руке, под ярко горевшей лампой, которая скрывала его седину. Из своей клетушки, где стояла моя кровать, я еще долго слышал, как он что-то насвистывает и недовольно ворчит. Вдруг неожиданно он принимался насвистывать сквозь сжатые зубы первые такты «Гимна к радости», чтобы оттуда, из мастерской, доказать мне, что любовь всегда находит тех, кому она пред-

назначена. Теперь я думаю о нем каждый вечер, когда приближается время наших былых диспутов. Я слышу его посвистывание, недовольное ворчание, переходящее в мотив религиозного гимна, чувствую этот вселенский ветерок, который обдувает мне лицо и уносится прочь.

Вот уже двенадцать лет, как его нет на этом свете! Мне уже сорок. Если бы я понял его при жизни, то давно устремил бы свой разум, свое сердце в верном направлении. Я никогда не прекращал своих исследований. Теперь, после стольких бесплодных опытов и опасных блужданий я солидарен с ним, но ведь я мог бы гораздо раньше примирить вкус к внутренней жизни с любовью к постоянно меняющемуся миру. Я мог бы гораздо раньше, более эффективно, когда сил у меня было невпроворот, навести прочный мост между мистикой и духом современного человека. Я мог бы гораздо раньше почувствовать в себе тесную связь между религией и великим порывом Истории.

Я мог бы гораздо раньше обрести веру, надежду, милосердие. Эта книга потребовала пятилетних исследований во всех областях знаний, изучения пограничных областей науки и преданий. Я долго искал, как завещал Рембо, которым я увлекался в детстве, «Истину в душе и теле человека». Но мне не удалось это сделать. В поисках этой Истины я утратил контакт с другими малыми истинами, которые могли бы сделать из меня если и не сверхчеловека, к чему я стремился, то, по крайней мере, человека лучшего и более собранного, чем прежде. Тем не менее мне удалось опознать с помощью глубины проявления духа различные состояния человеческого сознания, память и интуицию, извлечь очень много ценного, без чего этого нельзя было бы сделать, и это позволило мне позднее узнать то грандиозное, поистине революционное, что находится на острие современного разума: природу человеческого сознания, жгучую потребность определенной трансмутации рассудка.

Когда я вылез, наконец, из своей йоговской ниши и бросил взгляд на современный мир, который я осуждал, по существу не зная его, я был буквально ошарашен его чудесами. Мои реакционные по характеру исследования, которые наполняли меня то гордостью, то ненавистью к самому себе, были весьма полезны в следующем: они помешали мне подойти к этому миру с неверной позиции — позиции старого рационализма XIX века, демагогического прогрессизма, и не помешали мне также воспринимать этот мир как что-то простое и естественное, лишь потому, что это был мой мир, и я воспринимал его в своем сонном состоянии разума, как это делает большинство людей. Мой взор, благотворно освеженный долгим пребыванием вне моего времени, обратившись на этот мир, по-

зволил мне увидеть на самом деле фантастическую, а не предположительно фантастическую, реальность. Более того: то, что я изучил в отношении нашего века, изменило и углубило мои знания древнего духа. Я увидел старину и древности новыми глазами, и эти новые глаза позволили мне разглядеть все новое.

Я встретился с Жаком Бержье, когда заканчивал свою книгу о тех могучих умах, которые окружали Гурджиева. Эта наша далеко не случайная, как я полагаю, встреча стала для меня определяющей. Я отдал почти два года изучению и описанию одной эзотерической школы и своих собственных приключений. Но теперь для меня начиналась новая авантюра. Да простят мне читатели приводимые здесь цитаты из моихopusов, так как я вовсе не желаю привлекать их внимание к своим писаниям. Мне важно другое. Чтобы пояснить, что я имею в виду, я придумал басню о мартышке и бутылочной тыкке. Туземцы, чтобы поймать живьем обезьянку, привязывают к кокосовой пальме бутылочную тыкву с земляными орехами. Обезьянка подбегает к тыкке, сует руку в узкое горлышко тыквы, хватается горсть орешков, зажимает их в ладони и уже не может вытащить руку. Остается только схватить неразумную пленницу.

Покидая школу Гурджиева, я писал:

«Нужно как следует ощупать, изучить такие ловушки из фруктов или плодов, после чего поскорее убраться восвояси. Удовлетворив любопытство, следует перенести все свое внимание на тот мир, в котором мы живем, вернуть себе свободу, трезвость взгляда, возобновить путь по земле людей, к сообществу которых мы принадлежим. Самое важное — это определить, каким образом так называемая традиционная мысль соответствует мысли современной. Такие науки, как физика, биология, математика, в своей экстремальной точке сегодня соприкасаются с данными эзотерики, приближаются к некоторому видению космоса, рассматривают взаимосвязь энергии с материей, которая соответствует представлениям древних. Современные отрасли науки, если к ним подойти без обычного научного конформизма, открывают диалог с магами древности, алхимиками, чудотворцами. Прямо на наших глазах происходит настоящая революция — неожиданный союз разума, достигшего вершины своих открытий, с духовной интуицией человека. Для действительно внимательных наблюдателей проблемы, стоящие перед современным разумом, — это лишь проблемы, от которых зависит дальнейший прогресс. Вот уже несколько лет, как само представление о прогрессе приказало долго жить. Это — проблемы изменения состояний, проблемы трансмутации. В этом смысле ученые, концентри-

рующие свое внимание на реальности внутреннего опыта человека, выбирают будущее и протягивают руку солидарности ученым авангарда, которые готовят приход другого мира, несовместного с миром длительного переходного развития, мира, в котором мы, по сути дела, живем всего несколько часов».

Вот та тема, которую я намерен осветить в этой довольно объемистой книге. Перед тем как приступить к ее написанию, я говорил себе: необходимо направить свой разум далеко назад и еще дальше вперед, чтобы понять настоящее. Я понял, что если я никогда не любил людей, называющих себя просто современными, то делал это не без причины. Я считал, что все они обречены на заблуждения. Да, это на самом деле так, ибо их разум активно действует в течение ничтожно малого отрезка времени. Только они вышли на авансцену, глядь, а уже превратились в анахронизм. Для того чтобы быть современным, нужно быть человеком будущего. Даже далекое-далекое прошлое можно воспринимать как провозвестника будущего. А когда я начинаю задавать вопросы настоящему, то получаю какие-то странные ответы, которые, однако, полны надежд.

Американский писатель Джеймс Блиш, говоря о славе Эйнштейна, заметил, что тот «проглотил Ньютона живьем». Какая восхитительная формулировка! Если наша мысль возносится к наивысшему видению жизни, то она должна поглощать «живьем» истины внутреннего плана. К такому выводу я пришел во время проведения своих исследований. Может, это звучит и банально, когда живешь мыслями, чье место на самой высокой вершине, такими, как мудрость Рене Генона или система Гурджиева, которые никогда не обращали внимания на большую часть научно-социальных реальностей или вообще относились к ним с пренебрежением, то такой новый способ выносить суждения меняет направление разума и его аппетиты. «Низменные вещи, — говорил уже Платон, — должны пребывать в вещах возвышенных, правда, в другом состоянии».

Теперь я твердо убежден, что всякая высшая философия, в которой нет места для тех реальностей, которые она якобы уже превзошла, ложна.

Вот почему я совершил довольно продолжительное путешествие в область физики, антропологии, математики и биологии, прежде чем вновь попытаться составить свое представление о человеке, его природе, способностях и свойствах, его судьбе. Никогда прежде я так не стремился познать и понять человека, во всей его целостности, и никогда еще я

так сильно не презирал науку. Я давно подозревал, что человеческий разум способен достичь величайших высот. Но что мне известно о его достижениях в области науки? Разве он не продемонстрировал мне уже кое-какие из своих способностей, которым я был склонен верить? Я говорил себе: нужно преодолеть линию явного противоречия между материализмом и спиритуализмом. Но ведет ли научный поиск в этом направлении? И не мой ли долг ученого разобраться во всем? Разве не такое решение более разумно для западного ученого XX века, чем желание взять в руки посох и босиком пошлепать в далекую Индию? Разве мало вокруг меня умных голов, мудрых книг, чтобы дать мне необходимые сведения? Не лучше ли как следует изучить ту землю, которая у меня под ногами?

Если научные раздумья в их экстремальности требуют пересмотра всех воспринятых прежде идей о человеке, то я должен знать, для чего это нужно. Кроме того, возникает еще одна необходимость. Любую идею, которая может прийти мне в голову о судьбе человеческого разума, смысле жизни человека, нельзя считать приемлемой, если только она не отражает развития современных знаний.

Я нашел отзвук своих рассуждений в словах Роберта Оппенгеймера:

«В настоящее время мы живем в таком мире, в котором поэты,истики, философы с гордостью заявляют, что они не желают даже пытаться заняться чем-нибудь, имеющим отношение к наукам: они считают, что наука находится в конце длинного тоннеля, слишком длинного, чтобы осторожный человек осмелился туда не только войти, но даже всунуть голову. Наша философия, если у нас таковая есть, — превратилась в анахронизм, совершенно не приспособленный к нашей эпохе, — я в этом убежден».

«Для просвещенного интеллектуала ничуть не труднее при желании ознакомиться с системой мышления, лежащей в основе ядерной физики, чем, скажем, проникнуть в марксистскую экономику или учение Фомы Аквинского — томизм. Нисколько не труднее понять теорию кибернетики, чем проанализировать причины китайской революции или поэтический опыт французского поэта-символиста Стефана Малларме. По сути дела от этого подхода сейчас отказываются не в силу того, что это потребует затраты больших усилий, а потому, что все предчувствуют, что такое изучение повлечет за собой изменения способов мышления и выражения мысли, до сих пор считающихся неизбывными ценностями».

«В результате, — продолжает Оппенгеймер, — уже довольно давно

на разум более тонкий и восприимчивый к природе человеческого познания, на отношения человека со Вселенной нужно было наложить запрет».

Я принялся рыться в этой сокровищнице науки и техники отнюдь не как эксперт, проявляя порой опасную изобретательность и веру в чудеса, что, однако, порой приводило к появлению целого ряда небывалых сравнений, соответствий, немыслимых прежде сближений. Именно тогда я пришел к некоторым непреодолимым выводам о влиянии эзотеризма, мистики на безграничное величие человека.

Однако они вернулись ко мне в другом состоянии. Теперь это были убеждения, которые полностью поглотили формы и действия человеческого разума моего времени, примененные к изучению реальности. Они уже не были «реакционными», они смягчили противоречия, вместо того чтобы обострить их. Под воздействием высокого напряжения мысли расплавлялись очень серьезные конфликты, такие как конфликт между материализмом и спиритуализмом, индивидуальной и коллективной жизнью. В этом смысле они больше не выражали выбор и поэтому разрыв, а выражали становление, преодоление, обновление, то есть, иначе говоря, Бытие.

Стремительные, маловразумительные на первый взгляд полеты пчел, их «танцы» в пространстве, которые выписывают правильные геометрические фигуры, являются на самом деле каким-то таинственным способом передачи информации, т.е. языком. Я всегда мечтал о том, чтобы написать роман о тех встречах, которые были у человека в течение всей его жизни, — продолжительных или мимолетных — тех, которые мы называем случайностью или необходимостью, и выразить их в фигурах с присущей им ритмикой. Составить мудрую речь, обращенную человеком к своей душе во имя ее осуществления, из которой за всю его жизнь она усвоит лишь несколько разрозненных слов.

Иногда мне кажется, что я улавливаю смысл этого человеческого балета, кружащегося вокруг меня, кажется, что я догадываюсь, о чем говорят мне все эти движения существ, которые сближаются, остаются друг подле друга или расходятся. Потом я, как и все, теряю нащупанную нить, наталкиваясь на какое-то грубое, фрагментарное свидетельство. Я шел от Гурджиева. Меня связывала прочная дружба с Анри Бретоном. Это он познакомил меня с Рене Алло, историком алхимии. Однажды, когда я искал способного популяризатора для серии современных книжек, Алло представил мне Бержье. Эта совершенно случайная встреча на долгое время определила мою жизнь, так как соединила и направила все самые значительные интеллектуальные воссоединить их преемственнос-

ти все значительные интеллектуальные и духовные влияния, оказанные на мою личность, — от Вивекананды до Генона, от Генона до Гурджиева, от Гурджиева до Бретона, что в зрелом возрасте привело меня к исходной точке — к моему отцу.

В течение пяти лет изучения наук и размышлений над ними, во время которых наши умы, столь непохожие один на другого, испытывали наслаждение от совместного общения, мне казалось, что нам удалось найти новый взгляд, дающий новые, богатые возможности дальнейших исследований. Точно так поступали на свой манер тридцать лет назад сюрреалисты. Но мы, в отличие от них, не отталкивались от снов и подсознательного. Мы вели поиски с другого края сверхсознания и высшего пробуждения. Мы назвали основанную нами школу школой фантастического реализма. В ней нет тяги к необычному, интеллектуальной экзотике, живописной вычурности барокко. «Путник упал за-мертво, сраженный живописью», — писал французский писатель-сюрреалист Макс Жакоб. Мы не хотим затеряться в необычной обстановке. Не обследуем далекие окраины реального. Нет, мы скорее тяготеем к его центру. Мы считаем, что только в самом сердце реального даже не слишком активизированный разум открывает фантастическое. Фантастическое, которое не призывает к бегству от реальности, а скорее к слиянию с ним.

Обычно фантастическое определяют как нарушение природных законов, как проявление невозможного. Для нас это — совершенно другое. Для нас фантастическое — это проявление природных законов, по сути дела, контакта с реальным, когда эти законы воспринимаются напрямую, а не через фильтр мозга, приемы разума, привычек, предрассудков и конформизма.

Современная наука учит, что за простым, видимым скрывается невидимое, сложное. Стол, стул, звездное небо в действительности суть нечто совершенно другое, радикально отличающееся от нашего представления об этих предметах. Это — системы в движении, энергия, временно утрачивающая свою силу, и т.д. В этом смысле французский поэт Поль Валери говорил, что в современном сознании «чудесное и позитивное заключили между собой удивительный союз». Нам стало ясно, и мы, надеюсь, сумеем показать в этой книге читателям, что такой союз между чудесным и позитивным имеет место не только в области физических наук и математики. Он справедлив и в отношении других аспектов жизни человека: антропологии, например, или современной истории, индивидуальной психологии или социологии. То, что наблюдает-

ся в естественных науках, наблюдается и в гуманитарных науках. Но при установлении этого на практике мы сталкиваемся с большими трудностями. Дело в том, что гуманитарные науки стали пристанищем для всех предрассудков, включая и те, которые были изгнаны из точных наук. И исследователи пытались сгруппировать эти предрассудки в определенную систему: Фрейд объясняет все, «Капитал» Маркса объясняет все и т.д.

Когда мы говорим о предрассудках, то имеем в виду суеверие. Существуют как старинные предрассудки, так и современные. Для некоторых людей ни одно явление в современной цивилизации невозможно, если не признать в его истоках существование Атлантиды. Для других — учения марксизма вполне достаточно, чтобы объяснить появление на политической арене Гитлера. Некоторые усматривают движущую причину всего в Боге, другие — в сексе. Для одних история человечества — это история храмовников, для других — история гегельянства. Наша задача заключается в том, чтобы установить, что представляет собой этот союз между чудесным и позитивным, как он проявляется — в отдельном человеке или у всех людей в обществе, как отражается в биологии, физике или современной математике, когда почти все открыто говорят об «Абсолютно Ином», и о «Запретном Свете», и о «Квантовом Числе Странного».

«На космическом уровне вся современная физика учит нас тому, что только фантастическое имеет все шансы стать истинным», — сказал Тейяр де Шарден. Но, на наш взгляд, и человеческий феномен следует рассматривать на космическом уровне. Об этом свидетельствуют самые древние мудрые книги. Об этом говорит и наша цивилизация, которая запускает ракеты к другим планетам в надежде вступить в контакт с внеземными разумными существами.

При более внимательном рассмотрении, в нашем подходе к этой теме, когда мы переводим фантастический реализм из точных наук в науки гуманитарные, нет ничего оригинального. Мы и не желаем прослыть большими оригиналами. Идея применить математику к гуманитарным наукам не была уж такой новаторской, но тем не менее она принесла новые, важные результаты. Идея о том, что Вселенная не представляет собой то, что все о ней думают, отнюдь не оригинальна. Но все мы видели, какой переполох в науке произвел Эйнштейн, применив эту идею на практике. Вполне очевидно, что наша книга, составленная на основе нашего метода, с максимальной честностью с нашей стороны и минимальной наивностью, порождает больше вопросов, чем ответов. Рабочий метод — это не образ мышления. Мы не верим, что какая-

то система, пусть и самая ухищренная, способна целиком осветить все разнообразие жизни, которое нас занимает. Можно до бесконечности поносить марксизм, но это не устраняет того факта, что Гитлер не раз с ужасом наблюдал за посещением его Высшим Неизвестным. Можно на все лады потешаться над допастеровской медициной, но у нее нельзя отнять представления о том, что наши болезни выявляются живыми организмами, которые не различает наш глаз. В конце концов, возможно получить глобальный, окончательный ответ на все поднимаемые нами вопросы, но мы, вероятно, его не услышали. Ничего нельзя исключать — ни «да», ни «нет». Мы не обнаружили ни одного «гуру», не стали учениками нового мессии, не предлагаем никакой своей доктрины. Просто мы хотим открыть перед читателем как можно больше дверей, а так как большая их часть открывается изнутри, мы отходим в сторону, чтобы дать ему пройти.

Хочу повторить: фантастическое в наших глазах — это отнюдь не воображаемое. Но воображение, призванное к участию в изучении реального, в результате открывает, что граница между фантастическим и позитивным, или, если хотите, между видимой Вселенной и Вселенной невидимой, очень зыбкая. Параллельно с нашей, вероятно, существуют одна или даже несколько Вселенных. Думаю, что мы с соавтором не взяли бы за эту книгу, если бы не чувствовали, причем чувствовали физически, наш контакт с другим миром. С Бержье такое произошло в Маутхаузене. То же самое я, например, чувствовал во время общения с Гурджиевым, правда, при других обстоятельствах. Обстоятельства-то разные, но суть остается неизменной.

Американский антрополог Лорен Эйсли, мысли которого очень близки к нашим мыслям, рассказывает превосходную историю, которая помогает мне объяснить то, что я хочу высказать.

«Встретить другой мир, — говорит он, — это не только нечто воображаемое. Такое случается с людьми. С животными тоже. Порой границы между этими двумя мирами настолько размыты, что даже накладываются друг на друга: достаточно оказаться в нужном месте в нужный момент. Я, например, долго наблюдал за вороном, своим соседом. Я никогда не причинял ему зла, но все равно он весьма осторожен и всегда укрывается, сидя на вершине деревьев, летает довольно высоко над головами, чтобы избежать нежелательной встречи с людьми. Его собственный мир начинается там, где мое слабое зрение уже мне не подмога. Однажды утром всю нашу местность затянуло густым туманом, и я почти наощупь пошел по направлению к вокзалу. Вдруг неожиданно

на уровне моих глаз появляются два черных крыла вместе с большим клювом, и раздается ужасный крик, такой, что мне больше никогда не хотелось бы услышать. Этот пронзительный, страшный крик преследовал меня весь день. Мне пришла в голову мысль посмотреть на себя в зеркало, чтобы убедиться, что же в моем облике такого ужасного... Наконец, я все понял. Граница, разделяющая наши два мира, оказалась сдвинутой из-за густого тумана.

Этот ворон, считая, что он летит на обычной для себя высоте, вдруг увидел перед собой поразительную картину, картину, по его мнению, противоречащую законам природы. Он увидел человека, который шел по воздуху, в самом центре того мира, который принадлежал воронам. Он столкнулся с самым странным проявлением, просто непостижимым для ворона, — летающим человеком...

Теперь, когда он наблюдает за мной с верхушки дерева, он издает слабые крики, и с них мне слышится его неуверенность, неуверенность птицы, вселенная которой вдруг поколебалась. Теперь этот ворон уже не тот, он уже никогда не будет таким, как его собратья...»

Эта книга — не роман, хотя мы руководствовались при ее написании романтическими идеями. Это и не научная фантастика, хотя в ней немало мифов, свойственных этому литературному жанру. Это и не сборник странных, необъяснимых фактов, хотя Ангел странного присутствует на ее страницах.

Это и не вклад в науку, носитель неизвестных знаний, не сборник свидетельств, документов или нравоучений. Это скорее всего рассказ или, если хотите, достоверная легенда о нашем первом путешествии в область пока еще непознанного или едва исследованного. Как и в тетрадах первых мореплавателей эпохи Возрождения, в ней соседствуют феерия и реальность, фантастические и точные представления. У нас нет ни времени, ни возможностей, чтобы провести самые глубокие исследования. Мы предлагаем читателю лишь гипотезы, набрасываем лишь контуры между этими различными областями, которые пока остаются для нас «запретными землями, за семью печатями». Там подолгу находиться нельзя, поэтому приходится довольствоваться краткими визитами. Когда все будет исследовано лучше, чем сейчас, то и наши открытия попадут в число удивительных или бредовых, как в свое время и записки великого путешественника Марко Поло. Но мы не боимся такого исхода и принимаем его всем сердцем. «В этой книжке Повеля и Бержье столько глупостей, просто беда!» Могут сказать и так. Но если наша книга заставит читателя проникнуть поглуб-

же во многие необъяснимые феномены, то мы будем считать, что наша цель достигнута.

В ходе нашей работы возникало большое количество разнообразных трудностей, хлопот и недоразумений. Иногда их было столько, что они приводили меня в отчаяние. Я не люблю творческих деятелей, которые безразличны ко всему тому, что не относится к их творчеству. Меня привлекает масштабность, и жертвовать перспективой ради красоты стиля мне кажется недостойным. Однако легко понять, что при таком подходе существует риск попросту утонуть в лавине информации. Мне помогала одна мысль, высказанная Винсентом де Полем: «Великие перемены всегда сталкиваются с различными противоречиями и трудностями. И пусть все будет нам говорить, что необходимо отказаться от своей миссии, мы остережемся прислушаться к этому, помня о том, что Бог никогда не отменяет того, что он однажды решил, даже если нам кажется, что происходит нечто противоположное».

Во время дополнительного курса в Жювизи, о чем я говорил в самом начале этого вступления, однажды нам предложили прокомментировать такую фразу, сказанную Альфредом да Винчи: «Удачно сложившаяся жизнь — это юношеская мечта, осуществленная в зрелом возрасте». Я тогда мечтал об углублении и применении философии отца, этого философа прогресса. Этим я и стараюсь заниматься после стольких отступлений, противоборств и отклонений. Пусть моя борьба не тревожит его праха. Его, как он того пожелал, рассеянного праха, ибо он думал, как думаю сегодня и я, что «материя, возможно, одна из тех масок, которые надевает на себя Великий Лик».

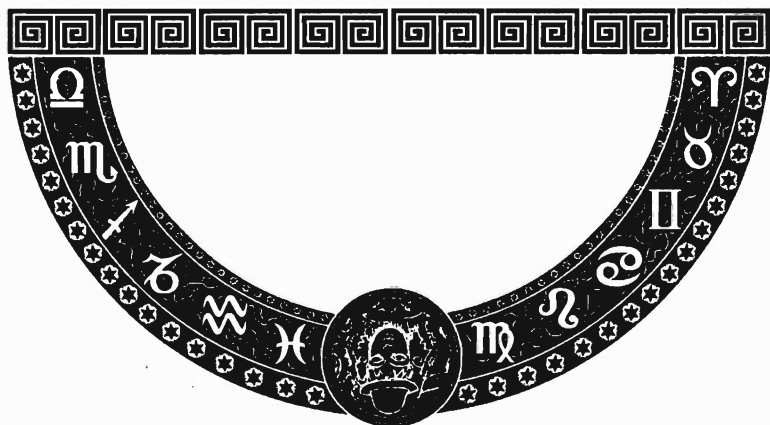

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**Будущее,
которое в прошлом**

Глава I

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОШЛОМ

*Похвала вечно спешащему читателю. — Отставка в 1875 году. —
Птицы, приносящие несчастье. — Как в XIX веке закрывали двери. —
Конец наукам и устранение фантастического. — Отчаяние
Пуанкаре. — Мы сами себе деды! — Ах, молодость! Молодость!*

Когда же, скажите на милость, современный человек не находился в состоянии спешки? «Вставайте, месье, вас ждут великие дела!» Приходится вставать все раньше и раньше. Ускоряйте работу ваших органов чувств, чтобы все видеть, слышать, раздумывать, вспоминать, дать волю воображению. Наш самый лучший читатель, самый желанный в наших глазах, разделается с ними и с нашей книгой за два-три часа. Я знаком с некоторыми людьми, которые способны с максимальной пользой для себя прочесть сто страниц по математике, философии, истории или археологии и которые за двадцать минут актеров учат «ставить» голос. А кто научит «ставить», должным образом концентрировать наше внимание? Мы поднимаемся на вершину с одной скоростью, а спускаемся с нее с совершенно другой. Я не отношусь к числу тех писателей, которые стремятся удержать внимание читателя как можно дольше, для чего готовы его даже убаюкать. Нет, с нами никакой дремы — бдение, постоянное активное бдение! Ну, побыстрее, приходите, берите и уходите! Есть и другие развлечения. Если захотите, пропускайте целые главы, начинайте с той, которая вам больше по душе, читайте по диагонали. Наша книга — инструмент многообразного пользования, как ножи у туристов. Если, например, вы боитесь, как

бы не слишком поздно подойти к захватывающему сюжету, чего проще — пропустите первые страницы, и делу конец! Достаточно узнать, как XIX век закрывал двери перед фантастической реальностью человека, мира, Вселенной, каким образом в XX веке их вновь стали открывать, но наша мораль, наша философия и социология, которые должны были стать современниками будущего, ими не стали, оставаясь накрепко привязанными к отжившему XIX веку. Мост так и не был переброшен между временем, когда воевали с винтовками системы Шаспо, и эпохой ракет, но об этом никто не думал. Дело в том, однако, что и сегодня об этом мало кто думает и мало кто пишет. В спешке мы не оплакиваем прошлое, мы оплакиваем настоящее, сгорая от нетерпения. Вот и все. Ну, теперь вы вполне вразумлены и можете начинать читать эту книжку, коли охота, и заглянуть несколько дальше других.

История не сохранила его имени, а жаль. Он был директором американской «Конторы по выдаче патентов», и это он протрубил: «К бою!» В 1875 году он направил министру торговли свое прошение об отставке. «Для чего ему оставаться, — часто повторял он. — Ведь больше нечего изобретать!» Двенадцать лет спустя, в 1887 году великий французский химик Пьер Эжен Бертело (1827—1907) писал: «Вселенная отныне лишена своей тайны». Чтобы создать вразумительный образ мира, науке пришлось уволить всех. Добиться совершенства путем замалчивания: материя состоит из нескольких элементов, которые не трансформируются, не переходят один в другой. Но когда Бертело в своем ученом труде развешивал мечты алхимиков, эти элементы, которые об этом не знали, продолжали трансмутироваться под воздействием естественной радиоактивности. В 1852 году это явление было описано Рейхенбахом, но тут же было с презрением отвергнуто. Научные работы, датированные 1870 годом, глухо упоминали о «четвертом состоянии материи», которое наблюдалось, и электрических разрядах в газовой среде. Но для чего нам тайна! От нее нужно отделаться. Именно отделаться — точнее слова не придумаешь. Некоторым мыслителям XIX века явно требовался опытный психоаналитик.

Один немец по имени Фердинанд Цеппелин (1838—1917), граф и генерал, после войны в Южной Африке попытался заинтересовать промышленников дирижаблями. Несчастный! Разве не зывал он, что Французская академия наук отказывается принимать заявки по трем научным темам: «квадратура круга, тоннель под Ла-Маншем, управляемые воздушные шары, то есть дирижабли». Другой немец, Герман Гарвин, предложил со-

здать летательные аппараты тяжелее воздуха, которые будут передвигаться с помощью ракет. На его пятом, весьма пухлом докладе военный министр Германин, посоветовавшись со своими экспертами, наложил резолюцию, вполне отражающую его германский характер и исполняемые им функции: «Когда же эта приносящая несчастье птица околеет!»

Русские, со своей стороны, тоже старались как можно скорее избавиться от своей приносящей несчастье птицы, — Н.И. Кибальчича (1853—1881), который тоже разработал проект реактивного летательного аппарата (1881). И что в награду? Петля! Известно, что Кибальчич свои технические способности использовал для создания в своей мастерской взрывчатых веществ и что сделанная им бомба разнесла на куски русского императора Александра II. Но для чего было приговаривать к «расстрелу» американского профессора Лэнгли из Смитсоновского института, который предложил создать летательные аппараты, приводимые в движение двигателями внутреннего сгорания, только что им изобретенными? Этого ученого обесчестили, разрушили карьеру, прогнали из института. Ведь профессор Саймон Ньюкомб убедительно, математически доказал, что полеты аппаратов тяжелее воздуха просто невозможны! За несколько месяцев до смерти Лэнгли, которого сводила в могилу тоска и печаль, один английский мальчишка вернулся домой из школы весь в слезах. Он показал своим сверстникам в классе фотографию макета летательного аппарата, которую Лэнгли прислал его отцу. Мальчишки стали над ним потешаться. А учитель сказал ему: «Мой друг, скажи-ка мне, папа у тебя чокнутый?» Чокнутого папу звали Герберт Джордж Уэллс.

Все двери захлопывались с глухим стуком. Уже, по сути дела, неко-го было больше увольнять, и меcье Брунетьер в 1895-м бесстрастно заявил о «полном провале науки». Знаменитый французский профессор Габриэль Липман (1845—1921) приблизительно в то же время сказал одному из своих учеников, что физика как наука кончилась — все в ней изучено, разложено по полочкам, нечем больше заниматься, так что лучше искать другие пути. Этого ученика звали Гейльброннер, и он стал первым профессором физической химии в Европе, сделавшим замечательные открытия в области жидкого газа, ультрафиолетовых лучей и коллоидных материалов.

Гениальный французский химик-неорганик Анри Массан (1852—1907) был подвергнут всеобщему остракизму, его заставили публично выступить с «самокритикой» и заявить, что он не получил искусственные алмазы, и что речь идет о допущенной экспериментальной ошибке. Стоит ли продолжать? Ничем иным, как чудесами этого века не назовешь

изобретение паровой машины и газовой лампы. Никогда еще у человечества не было столь великих изобретений. Ну, а электричество? Это предмет, вызывающий чисто техническое любопытство, не больше. Английский «безумец» по имени Джеймс Кларк Максвелл (1831—1879) заявил, что посредством электричества можно создавать невидимое излучение. Но ведь, согласитесь, это просто несерьезно! Несколько лет спустя американский писатель Амброз Бирс (1842—1914) описал в своем «Словаре Дьявола»: «Нам неизвестно, что такое электричество, но в любом случае оно освещает гораздо лучше, чем газовый рожок».

Что касается энергии, то она считалась отдельной сущностью, независимой от материи — не несущей в себе никакой тайны, и состояла из флюидов. Флюиды были повсюду, они заполняли собой все пространство, легко описывались с помощью уравнений красивой формы и этого было вполне достаточно для научной мысли: электрический флюид, световой, тепловой и т.д. Ясная, постоянная прогрессия: материя с тремя состояниями (твердое, жидкое, газообразное) и различные флюиды энергетического порядка, более летучие, чем газы. А все эти нарождавшиеся теории атома следовало отбросить, как философские грезы, ради сохранения научной картины мира. Мы еще были слишком далеки от квантовой энергии, открытой Максом Планком (1858—1947) и Альбертом Эйнштейном (1879—1955).

Немецкий ученый Рудольф Юлиус Клаузиус (1822—1888) старался доказать, что никакого другого источника тепловой энергии, кроме огня, быть не может. Немыслимо! Он считал, что количественное накопление энергии ведет к ее качественному ухудшению. Вселенная — это часовой механизм. Он остановится, как только ослабнет его пружина. Нечего ожидать, никаких сюрпризов. В такой Вселенной с predetermined судьбой жизнь возникла совершенно случайно, и эта жизнь, развиваясь, эволюционировала благодаря очень простому естественному отбору. В верхней точке такой эволюции находится человек-химик: механическое создание, наделенный одной иллюзией — собственным сознанием. Под воздействием этой иллюзии человек изобрел время и пространство — продукты его мысли. Если бы какому-то исследователю XIX века сказали, что в один прекрасный день физика включит в себя время и пространство и станет изучать экспериментальным путем искривление пространства и обратимость времени, тот немедленно вызвал бы полицию. Ни времени, ни пространства в действительности не существует. Это переменные математические величины и предмет для заумных, досужих рефлексий философов. Но какое отношение к ним имеет простой человек? Несмотря на работы

французского невропатолога Жака Шарко (1825—1893), Брейера, Гислопа, их идея вневещественного или вневременного восприятия с негодованием отвергалась. Во вселенной нет ничего неизвестного, в человеке нет ничего непознанного. Выше нос, мой ученый мальчик!

Заняться изучением внутреннего мира человека означало заранее обречь себя на неудачу и выставить себя на всеобщее посмеище, но вдруг неопровержимые факты стали вставлять палки в колеса любителей упрощения в науке: все вдруг заговорили о гипнозе. Этот наивный астроном Камиль Фламарион, этот весьма психически неуравновешенный американский писатель Эдгар По, весьма подозрительный англичанин Герберт Уэллс заинтересовались таким странным явлением. И хотя со стороны это может показаться безумием, но официальный XIX век повсюду доказывал, что никакого гипноза не существует в природе! Пациент нагло лжет, притворяется, чтобы доставить удовольствие экспериментатору. Вот так. Однако после опытов, проведенных Зигмундом Фрейдом и Мортоном Прайсом, стало известно о таком явлении, как раздвоение личности. С помощью уничтожающей критики этот век создавал негативную мифологию, устраняя любые признаки чего-то неизвестного, непознанного в самом человеке, отстраняя любой намек на существование неразгаданной тайны.

Биологии тоже конец! Французский физиолог и невропатолог Клод Бернар (1813—1879), изучив все возможности, пришел к выводу, что человеческий мозг секретирует мысль, как печень желчь. Предполагалось, что такой вид внутренней секреции будет открыт, даже будет записана ее химическая формула в соответствии с такими же симпатичными шестиугольниками, как и те, что обессмертили месье Бертело. Как только стало бы известно, каким образом этим шестигранным молекулам углерода удастся создавать человеческий мозг, то последняя страница была бы перевернута!

Боже, пусть нам дадут возможность серьезно работать. Умалишенные должны сидеть в сумасшедшем доме! Однажды, прекрасным утром в 1898 году, некий серьезный господин приказал гувернантке не разрешать его детям читать книги Жюль Верна. Этого серьезного господина звали Эдуард Бранли. Он решил бросить свои исследования волн и стать практикующим врачом. Ученый таким образом должен сойти с пьедестала. Но вместе с тем он должен изничтожить всех этих «авантюристов», то есть думающих, здравых, мечтающих, наделенных богатым воображением людей. Бертело нападал на философов, «которые фехтуют с собственной тенью на одиноком подиуме абстрактной логики». (Разве не под-

ходит такая характеристика, например, Эйнштейну?) За ним Клод Бернар заявил: «Тот человек, который находит простейший факт, оказывает науке гораздо большую услугу, чем самый великий философ в мире». Наука не может быть иной, кроме как экспериментальной. Вне ее рамок нет ничего здравомыслящего. Так что захлопнем перед ней двери. Никто больше не станет вровень с гигантами, изобретшими паровую машину.

В такой хорошо организованной, вполне понятной и, следовательно, обреченной на гибель Вселенной человеку отводится принадлежащее ему по праву место эпифеномена, то есть придатка, побочного явления. Не нужно никаких утопий, отриньте надежду. Через несколько веков добываемое из ископаемых горючее истощится, и из-за голода и холода всем придет конец.

Никогда человек не поднимется в воздух, никогда не будет путешествовать в космическом пространстве, никогда он не спустится в морские глубины. Ведь ничто не мешало XIX веку с его уровнем развития техники построить батискаф (швейцарского физика, профессора Огюста Пикара (1884—1962). Но всем заправляла робость, желание сделать все, чтобы человек «знал свое место» и не посягал на большее.

Тюрпен, изобретатель взрывчатого вещества — мелинита, тут же был изолирован от общества. Изобретатели двигателя внутреннего сгорания приходили в отчаяние: нечего, мол, заниматься разработками «вечного двигателя». Это была эпоха, в которой работали ученые-одиночки, их работу замалчивают, их преследуют, над ними издеваются. Генрих Рудольф Герц (1857—1894) написал в Торговую палату Дрездена, что не следует заниматься исследованиями о передаче волн, названных его именем, никакого практического применения его изобретение иметь не может. Эксперты Наполеона III доказывали, что динамо-машина Заноба Теофиля Грамма никогда не будет вертеться.

О первых автомобилях, подводных лодках, дирижаблях, электрическом свете (все это колдовские штучки сумасброда Эдисона!) ученые академики того времени и не думали. В анналах Французской академии наук сохранилась одна бессмертная страница: «Когда фонограф Эдисона произнес несколько слов, постоянный секретарь подбежал к экспериментатору и сдавил ему рукой горло. «Вот увидите, — заорал он, — это все простые уловки чревоушителя». Экспериментатор стал задыхаться, но аппарат продолжал работать, приводя всех ученых в изумление. Однако великие умы, зачастую противореча друг другу, уже тайно собирают силы для совершения самой великой революции в знаниях, какую знал когда-либо «исторический» человек. Но пока все пути перекрыты.

Препятствия и спереди, и сзади. Все больше ведутся раскопки в поисках останков предков человека. Великий немецкий ученый Герман Людвиг Гельмгольц (1821—1894) не доказал, что Солнце получает энергию от собственного сжатия — этой единственной, кроме сгорания, силы, существующей во Вселенной? А разве его расчеты не подтверждают, что Солнце зародилось, по крайней мере, сто миллионов лет назад?

Как же могла протекать столь долгая эволюция? Да и кто способен найти надежный метод датирования развития нашего мира в прошлом? В этом узком промежутке между двумя вечностями, нам, жалким эпифеноменам, следует быть осторожными. Факты! Ничего, кроме фактов!

Поскольку исследования материи и энергии не поощрялись, то самые способные, самые любознательные из исследователей оказались в тупике. Эфир — вот та среда, которая пронизывает всю материю и передает световые и электромагнитные волны. Он необычайно прочен, необычайно устойчив. Лорд Рейли, который представлял в конце XIX века официальную английскую науку во всем ее блеске, выдвинул теорию гироскопического эфира. То есть эфира, состоящего из множества волчков, вращающихся вокруг своей оси и взаимодействующих друг с другом. Английский писатель Олдос Хаксли (1894—1953) напишет позже: «Если в каком-то труде, написанном человеком, нужно высказать идею о безобразии в его наивысшем проявлении, то лучше теории лорда Рейли в этом отношении не найти».

В рассуждениях об эфире подвизались все самые светлые умы на заре XX века. В 1898 году произошла настоящая катастрофа: проведенные Микельсоном и Морли опыты не оставили камня на камне от гипотезы существования эфира. Свидетельством этого краха могут служить все труды Жюль Анри Пуанкаре (1854—1912). Гениальный французский математик как никто другой ощущал на своих плечах неимоверный груз XIX века, этого тюремщика и палача всего представляющегося фантастическим. Если бы Пуанкаре достало смелости, именно он открыл бы «теорию относительности». Но, увы, ученый не осмелился. Его книги — «Ценность науки» и «Наука и гипотеза» — это вопль отчаяния и отречения. По его мнению, научная гипотеза никогда не может быть верной, посему она бесполезна. Это как в испанской харчевне, — там лопаешь то, что принес с собой. По Пуанкаре, если бы наша Вселенная сжалась в миллионы раз вместе с нами, то никто бы этого не заметил. Все подобные спекуляции бесполезны, ибо они оторваны от всякой разумной, реальной почвы. И этот аргумент, как пример глубокого научного мышления, использовался до того самого дня, когда один здравомыслящий практик заметил то, что все-

гда знал колбасник уже только потому, что подвешенные к потолку свиные окорока обладают способностью падать вниз. Вес окорока соответствует его объему, а сила натяжения бечевки, на которой он подвешен, пропорциональна его сечению. Стоит Вселенной сжаться только на одну миллионную долю, и не останется больше окороков под потолком. Несчастный, дорогой, великий Пуанкаре! Этот мыслитель писал: «Одного здравого смысла достаточно, чтобы понять, что разрушить город в результате распада полукилограмма металла — явно невозможно».

Ограниченная физическая структура Вселенной, отказ признать существование атомов, лимитированные ресурсы фундаментальной энергии, невозможность любой математической формулы дать больше того, что в ней содержится, ничтожность абсолютно механического (материалистического) внутреннего мира человека — вот господствующие течения в науках, и такие представления распространяются буквально на все, создают ту непригодную среду, в которой вынужден действовать человеческий мозг, разум этого века. Может, сам век слишком мал? Нет, он большой, только узкий. Растянутый карлик.

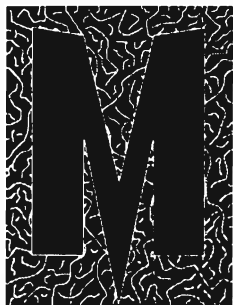
Но неожиданно плотно запертые двери XIX века, за которыми были скрыты безграничные возможности человека, материи, энергии, времени и пространства, разлетелись разбитые вдребезги. Наука и техника делают громадный рывок вперед, и теперь сама природа познания ставится под сомнение.

Теперь все говорят не о прогрессе, нет, — о трансмутации. В этом новом состоянии мира и само сознание должно измениться, стать чем-то иным. Сегодня во всех областях приходит в движение сила воображения. Во всех, за исключением той, где и проходит наша «историческая» жизнь, — по-прежнему окруженная со всех сторон шаткими, давно отжившими представлениями. Громадная пропасть отделяет пытливого человека, в котором живет жажда приключений, от всего остального человечества, общества, нашей цивилизации. Мы по-прежнему живем идеями, моралью, социологией, философией и физиологией XIX века. Мы стали своими прадедушками! Мы видим, как взмывают в небо ракеты, как наша земля вибрирует от новых, неизведанных излучений, но не выпускаем изо рта трубочку Томаса Грейндорма, фермера 60-х годов XIX века. Наша литература, наши философские дебаты, наши идеологические конфликты, наше отношение к реальному миру — все это дремало за только что взорванными дверями. Молодость! Молодость! Пойди же, сообщи всем, что все пути теперь открыты, и на сцену выходит то, что извне.

Глава II

ПО ДРУГУЮ СТОРОНУ ЛОГИКИ

Наслаждение буржуазии. — Драма разума или буря, вызванная ирреальностью. — Окно в другую реальность. — За пределами логики и литературной философии. — Представление о вечно присутствующем. — Наука вне сознания или сознание вне науки? — Надежда остается

«

аркиза обычно пила чай в пять часов вечера». Поль Валери говорил, что уже нельзя так писать, когда мы входим в мир идей, куда более притягательный, романтичный, куда более *реальный* по сравнению с миром, в котором властвовали сердца и чувства. «Антуан любил Мари, но она любила Поля; они были так несчастны, и их окружала бездна, ничто». Ну чем не литература! Трепетание амёб и инфузорий, когда мысль вызывает трагедии и драмы гигантского масштаба, трансмутирует существа, потрясает цивилизации, мобилизует громадные человеческие массы. Полудремотное наслаждение, восторг буржуазии!

Мы — другие, адепты пробужденного сознания, труженики земли — знаем, откуда идут ничтожность, декаданс, загнивание...

Конец XIX века был ознаменован расцветом буржуазного театра и романа, и литературное поколение 1885 года узнает себя в произведениях таких мэтров, как Анатоль Франс и Поль Бурже. В эту же эпоху в области чистого познания разыгрывается куда более великая и потрясающая драма, чем у героев «Развода» и «Красной лилии». Неождан-

но начинается пьянящий диалог между материализмом и спиритуализмом, между наукой и религией. Потрясающие открытия ученых, наследников позитивизма Ипполите Тэна и Жюль Ренана разрушают прочные стены неверия. Прежде все верили только в надлежащим образом установленную реальность; теперь открывается возможное и ирреальное. Теперь можно увлеченно следить за романтической интригой с резкими поворотами в судьбах главных персонажей, изменами, противоречивыми страстями, спорами в окружении иллюзий.

Принцип сохранения энергии покоился на таком солидном, прочном, незыблемом, как мрамор, основании. И вот — на тебе! Радий тоже излучает энергию, не имея никакого видимого источника. Все были твердо убеждены в идентичности таких явлений, как свет и электричество, и то и другое распространялось по прямой линии, не проникая через препятствия на своем пути. Но вот появились волны, рентгеновские лучи, с легкостью проникающие через прочные материалы. В пробирках, кажется, материя растворяется, распадается на элементарные частицы. В природе происходит трансмутация — радий превращается в гелий и свинец. Ну вот — весь Храм Прежних Убежденностей разваливается на глазах. Весь мир сошел с ума, больше не подчиняется правилам рассудка! Выходит, все возможно? Мгновенно все те, кто что-то знает или прикидывается, что знает, больше не делают никакого различия между физикой и метафизикой, между тем, что доказано, и тем, что относится к игре воображения. Колонны Храма рушатся, священнослужители Декарта в восторге. Если принцип сохранения энергии оказывается ложным, то что помешает медиуму создать из ничего эктоплазму? Если магнитные волны распространяются по земному шару, то почему то же самое не может сделать мысль человека? Если все тела излучают невидимые силы, то почему не поверить в астральное тело? Если существует четвертое измерение, то не пристанище ли оно духов?

Мадам Жюри, Крукс, Лодж занимаются столоверчением. Великий Эдисон создает аппарат, с помощью которого вызывает души умерших. Итальянский радиотехник Гульельмо Марконни (1874—1937) был уверен, что ему удалось в 1901 году перехватить послание марсиан. Саймон Ньюкомб не видит ничего странного в том, что медиум материализует свежие устрицы в раковинах из Тихого океана. Фантастическая буря, поднятая ирреальным, опрокидывает на землю исследователей реального.

Но поклонники чистой науки, непримиримые, пытаются противостоять этому могучему потоку. Старая гвардия позитивизма вступает в поединок чести. И во имя Истины, во имя Реального они отвергают все

разом: рентгеновские лучи, эктоплазму, атомы и души умерших, четвертое измерение материи и заодно марсиан.

Так между фантастическим и реальным начинается сражение, порой абсурдное, которое ведется беспорядочно, вслепую, что, конечно, в скором времени повлияет на мышление во всех областях жизни: литературе, социальных науках, философии, нравственности и эстетике.

В физике порядок восстановится, но не с помощью регресса, различного рода ампутаций, а в результате ускорения. И все это благодаря усилиям таких гигантов мысли, как французские физики Поль Ланжевен (1872—1946) и Жан Батист Перрэн (1870—1942), а также Альберт Эйнштейн. Возникает новая наука, не менее скандальная, чем предыдущая. Теперь двери открываются в другую реальность. Как и в любом стоящем романе, в конце не будет ни хороших, ни злобных: все герои правы по-своему, если автор помещает их в такое измерение, где объединяются, переплетаются их судьбы, и их всех вместе ветер перемен уносит вверх, на более высокий уровень.

Ну, куда мы сегодня пришли? Почти во всех зданиях науки широко распахнулись двери, а в здании физики вообще нет стен, — это, по сути, храм, весь из стекла, в котором отражается свет, идущий из другого мира, куда более богатого, чем наш.

Материя продемонстрировала свои неисчислимые возможности, которых у нее гораздо больше, чем у разума. В ней заключена неизмеримая энергия, она подвержена бесконечным трансформациям, о ее ресурсах даже страшно подумать. Термин «материалистический» в том смысле, в котором он употреблялся в XIX веке, этот смысл утратил, как, кстати, и другой термин — «рационалистический».

Логики «здравого смысла» больше нет. В новой физике какое-то предположение может быть истинным и неверным одновременно. АБ уже не равняется БА. Одна сущность может быть одновременно и конечной, и бесконечной. Теперь уже никто не обращается за помощью к физике, чтобы определить тот или иной аспект возможного.

Одним из самых удивительных открытий области физики — это введение в нее того, что называется «количественным числом Странного». Вот, в общих чертах, о чем идет речь. В начале XIX века наивно считали, что двух, самое большое, трех чисел якобы достаточно для определения элементарной частицы

Таковыми числами могли выражаться масса, электрический заряд и магнитный момент. Но истина оказалась не столь простой. Чтобы дать точное описание частицы, следовало добавить трудно определяемую

словами величину, которую называли «спин». Вначале полагали, что эта величина соответствовала периоду вращения частицы вокруг себя, что, например, в отношении планеты Земля соответствовало бы двадцатичетырехчасовому периоду, чередующемуся день и ночь. Но вскоре стало ясно, что столь упрощенное представление никуда не годится. «Спин» оставался «спином», то есть механическим моментом количества движения элементарной частицы, математически представленный как вращение, что бы в этой частичке ни вращалось.

Ученые труды, и прежде всего профессора Луи де Бройля, лишь частично объяснили нам тайну «спина». Но вдруг все узнали, что кроме трех известных нам элементарных частиц, — протона, электрона, нейтрона и их зеркального отображения: отрицательных антипротона, позитрона, антинейтрона — существовала целая тридцатка других частиц. Под влиянием космических лучей, этих мощных ускорителей, появилось их огромное количество. И чтобы описать эти частицы, обычных четырех показателей — массы, энергии, магнетического момента, «спина» — уже не хватало. Требовался новый пятый показатель, а может быть шестой и так далее. И вполне естественно, ученые-физики назвали эти новые величины «количественным показателем Странного». Такое приветствие в адрес ангела Странного отличается заметным поэтическим оттенком. Как, впрочем, и другие выражения, существующие в современной физике: «Запретный свет», «Абсолютно Иное», «количественный показатель Странного» имеют свое продолжение за пределами физики и устанавливают связь с глубинами человеческого разума.

Возьмите листок бумаги. Сделайте в нем две дырочки на небольшом расстоянии друг от друга. Вполне очевидно, при здравом суждении, что любой предмет, достаточно маленький, чтобы пролезть через них, может пролезть как через первую, так и через вторую. Для здравого смысла электрон — это тоже предмет. У него есть свой вес, он производит световое излучение, когда ударяется об экран телевизора или создает шум в микрофоне.

Вот перед нами предмет достаточно маленький, чтобы пройти через одну из дырочек. Ведя наблюдения через электронный микроскоп, мы увидим, что электрон переходит через две дырочки. Однако как это так! Если он проходит через одну, то никак не может одновременно пройти и через другую. Тем не менее это так. И этот факт доказан экспериментальным путем, хотя это и может со стороны показаться чепухой. Из попыток дать соответствующие объяснения рождаются различные доктрины, в частности, доктрина волновой механики. Но и она порой неспособна пол-

ностью объяснить какой-то факт, который не укладывается в нашей голове, и наш рассудок может лишь заявить — «да» или «нет». А или Б. Чтобы его понять, нужно изменить всю структуру нашего мышления. Наша философия стремится получить одновременно и тезис, и антитезис. Можно представить, что в философии электрона и то, и другое верно — и тезис, и антитезис. Может, мы доводим все до абсурда? Почему же? Электрон, судя по всему, подчиняется определенным законам, а телевидение, как ни крути, все же реальность. Так существует ли электрон или не существует? То, что в природе называется существованием, в наших глазах таковым не является. Что же такое электрон — нечто или ничто? Вот перед нами вопрос, лишенный смысла. Так на острие познания исчезают наши привычные методы мышления и литературная философия, которые были порождены устаревшим взглядом на вещи.

Земля тесно связана с Вселенной, человек находится в соприкосновении не только с той планетой, на которой живет. Космические лучи, радиоастрономия, работы по теоретической физике указывают на наши контакты со всем космосом. Мы уже не живем в замкнутом мире, и наш разум, свидетель своего времени, этого не может никак игнорировать. Как же в таких условиях наша мысль, например в социальном плане, может продолжать биться над разрешением отнюдь не планетарных, а узких провинциальных или региональных проблем? И каким образом наша психология, в том ее виде, в котором она присутствует в романах, может и впредь оставаться такой закрытой, зашоренной, низведенной до простого сознательного уровня сексуальности или сентиментальности. Миллионы образованных людей открывают книги, идут в кино, чтобы узнать, как Рене любит Франсуазу, но она ненавидит любовницу своего отца и из мести становится лесбиянкой; в то же время исследователи, стремящиеся заставить других услышать божественную музыку небес, задаются вопросом, не сжимается ли пространство вокруг какого-то движителя. Вся Вселенная теперь для нас доступна, вскоре станет возможным достичь другой самой отдаленной планеты за короткий срок человеческой жизни. Если подобные предположения оправдаются, то человеческая мысль получит новый импульс. Если человек теперь не связан только с этой Землей, то непременно возникнут новые вопросы по поводу его приобщения к своей новой роли, его возможных контактов с запредельными разумными существами.

Где же мы пока находимся, на каком этапе? Что касается исследований структуры пространства и времени, то наши представления как о прошлом, так и о настоящем уже не годятся. На уровне частицы время

пребывает одновременно в двух направлениях — в прошлом и в будущем. При громадной скорости, приближающейся к скорости света, что становится со временем? Представим, что мы с вами находимся в Лондоне, в октябре 1944 года. Немецкая ракета «Фау-2», летящая со скоростью 5000 километров в час, достигает этой столицы. Она вот-вот упадет на город. Но к чему относится это «вот-вот»? К обитателям того дома, который через несколько мгновений разлетится на куски? У них — обычное зрение и обычный слух, и они знают, что «Фау-2» должна упасть. Но для оператора, сидящего за радаром, который имеет дело с волнами, распространяющимися со скоростью 300 000 километров в секунду (скорость, по сравнению с которой ракета ползет, как улитка), траектория бомбы уже определена. Ему остается лишь наблюдать, он не в силах ничего сделать. На уровне человеческого ничто уже не в состоянии перехватить орудие смерти, ничто не может его предотвратить. Для оператора ракета уже взорвалась. При скорости распространения волн радаром время практически остановилось. Жители дома умрут. Но сверхчувствительное око радара указывает, что все они уже мертвы.

Еще один пример. В космических лучах, достигающих поверхности Земли, существуют элементарные частицы мю-мезоны, жизнь которых на нашей планете длится всего одну миллионную долю секунды. Через одну миллионную долю секунды эти эфемерные частицы саморазрушатся под воздействием радиоактивности. Эти частицы рождаются на высоте тридцати километров, где наша атмосфера начинает становиться плотной. Для преодоления этой дистанции они уже затратили, по нашим представлениям, всю свою жизнь. Но их время — это не наше время. Они совершили свое путешествие в вечности и вошли во время, утратив свою энергию только тогда, когда достигли уровня моря.

Сейчас уже поговаривают о создании таких аппаратов, которые помогут достичь точно такого же эффекта искусственным путем.

Будут также созданы ящички времени, в которые будут собраны объекты быстрого распада, сохраняющиеся в четвертом измерении. Такой ящичек будет представлять собой полое стеклянное кольцо, помещенное в большом поле силовых линий, в котором элементарные частицы будут вращаться с такой бешеной скоростью, что для них время практически остановится. Жизнь частицы, длящуюся всего одну миллионную долю секунды, можно будет наблюдать в течение нескольких минут или даже часов.

«Нельзя считать, что истеченное время возвращается в ничто; время — одно, и оно вечно: прошлое, настоящее и будущее — всего лишь

его различные аспекты, разные картинки, если угодно; время — это постоянная неизменная запись вечного существования» (Эрик Белл. «Поток времени»). В представлении современных последователей Эйнштейна на самом деле реально существует лишь вечное настоящее. Об этом говорили еще древние мистики. Если будущее существует, то его можно предвидеть, и это неопровержимый факт. Весь процесс продвинутого познания ориентирован на описание законов физики, биологии и психологии вместе во всех четырех измерениях, то есть в вечном настоящем. Прошрое, настоящее, будущее сосуществуют вместе. Возможно, перемещается лишь наше сознание. Впервые сознание получает полные права в расчетах теоретической физики. В этом вечном настоящем материя предстает как тоненькая ниточка, связывающая прошлое с настоящим. По этой тонкой ниточке скользит человеческое сознание. Каким образом оно способно менять натяжение этой ниточки, чтобы контролировать и регулировать события? Мы узнаем об этом в один прекрасный день, когда психология станет полноценным ответвлением физики.

Несомненно, свобода находится в полном согласии с таким вечным настоящим. «Путешественник, плывущий на лодке вверх по Сене, заранее знает, под какими мостами ему предстоит проехать. Он уверен в свободе своих действий и он способен даже предвидеть то, что может произойти у него на маршруте». Свобода выбора того, что произойдет в лоне вечности. Двойное зрение, великолепное видение судьбы человечества, связанной со всей Вселенной целиком!

Если бы мне предстояло вновь прожить свою жизнь, то я никогда бы не стал писателем и не стал бы протирать свои штаны за письменным столом или дремать в удобном кресле, как дремлет под кроватью мой шпиг. Я бы стал отчаянным, как лев, авантюристом, стал бы физиком-теоретиком, чтобы жить в самом центре истинной, романтической науки.

Этот новый мир физики решительно отвергает всякую философию отчаяния и абсурда. Наука этого сознания — гибель для души. Но и сознание вне науки ничем не лучше. Тоже разрушение. Философии, путешествовавшие по Европе в XX веке, были лишь фантомами XIX века, одетые по последней моде. Знания, знания реальные, объективные, построенные на технических и научных фактах, к которым рано или поздно присоединится и социальный аспект, учат нас, что в истории человечества есть одно прямое направление, ведущее к усилению могущества человека, возвышению его духа, к перековыванию масс, наделяя их более острым, более активным сознанием, ведущим к более высокой цивили-

лизации, цивилизации, отличающейся от нашей нынешней так же, как отличается сегодня наш жизненный уклад от жизни мира животных.

Философы от литературы постоянно говорят нам, что человек не в силах постичь этот мир. Даже Андре Моруа в своей книге «Новые речи доктора О'Гради» писал: «Значит, вы, доктор, готовы признать, что человек XIX века может тешить себя надеждой, что науке удастся в один прекрасный день объяснить этот мир. На это надеялись и Ренан, и Бертелло, и Тэн в начале своей жизни. У человека XX века такой надежды нет. Известно, что открытия оттесняют тайну на задний план. Что же касается прогресса, то мы уже с сожалением констатировали, что столь могущественный человек так и не сумел побороть голод, устранить страх, царящий повсюду беспорядок, терзания и сумбур в головах людей. О какой надежде может идти в таком случае речь? Скажите, для чего же вы живете, доктор?»

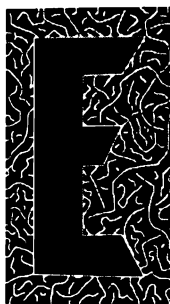
Нет, теперь проблема больше так не ставится. Вопреки этим красноречивым круг все плотнее сжимался перед тайной, и прогресс открывал врата небесные. Уже не Бертелло и не Тэн проповедуют будущее человечества, а такие люди, как Тейяр де Шарден. Из недавней конфронтации ученых — представителей различных дисциплин вытекает такая идея: может, в один прекрасный день последние тайны элементарных частиц нам откроют глубоко скрытые функции мозга, ибо в нем в сконцентрированном виде сосредоточены самые сложные воздействия нашей части Вселенной, и, само собой, в нем нужно искать действующие в этой части скрытые неуловимые законы.

Мир не абсурден, и наш разум вполне может его познать. Скорее напротив, *наш дух уже его понял*, но пока он этого еще не знает...

Глава III

НЕМНОГО ЛИРИКИ

*Быстротечные раздумья о запаздывании социологии. —
Разговор глухих. — Внеземные жители и наши провинциалы. —
Рыцарь среди нас. — Немного лирики*

Если взять современные науки — физику, математику или биологию, то в них горизонт для исследований простирается бесконечно. Чего не скажешь о социологии. Там горизонт наглухо закрыт монументальными памятниками, воздвигнутыми в XIX веке. Очень хорошо помню, с каким удивлением и сожалением следили мы с Бержье, моим соавтором, в 1957 году за перепиской знаменитого советского экономиста Евгения Варги (1879—1964) с американским журналом «Форчун». Варга — видный ученый, пользующийся уважением высшего советского руководства. Вполне можно было ожидать от такого диалога двух авторитетов чего-то полезного, способного пролить свет на нашу запутанную эпоху. Но, увы, результаты были весьма плачевными.

Господин Варга во всем следовал букве своего марксистского Евангелия. Маркс предсказал неизбежный кризис всей капиталистической системы, и Варга утверждал, что этот «судный день» уже близок. Тот факт, что экономическое положение Соединенных Штатов Америки непрерывно улучшалось и что на первый план выходит проблема организации приятного досуга трудящихся, не сбивал с толку этого теоретика, который и во времена изобретения радара продолжал смотреть на окружающий мир глазами Карла Маркса. Ему ни на секунду не приходило в

голову, что объявленного кризиса можно и не дожидаться, что новое общество начинает зарождаться там, за Атлантикой. Журнал «Форчун», со своей стороны, не предвидел никаких положительных изменений в советском обществе, утверждая, что Америка 1967 года — это образованное западное общество, можно сказать, неоспоримый идеал. Русские, мол, только могли мечтать о таком обществе, которое они, если проявят благоразумие, смогут построить лет так через сто или полтора. Ничто на беспокоило, ничто не волновало теоретиков — противников академика Варги: ни умножение новых культов для поклонения среди американских интеллектуалов — Оппенгеймер, Олдос Хаксли, Ренальд Херд, Генри Миллер и множество других людей, соблазненных древневосточными философиями, — ни появление в больших городах миллионов молодых «беспричинных бунтарей», сбившихся в настоящие банды, ни двадцать миллионов соотечественников, которые смогли адаптироваться к американскому образу жизни лишь пристрастившись к наркотикам, столь же опасным, как морфий или опий. Их не волновал такой пустяк, как *цель жизни*. Когда у каждой американской семьи появятся два автомобиля, нужно будет подумать о приобретении третьего. Когда рынок телевизоров пресытится, то нужно будет подумать о создании телевизоров для автомобилей.

Тем не менее по отношению к социологам, экономистам и вообще нашим мыслителям Евгений Варга и журнал «Форчун» явно идут впереди. Они не испытывают комплекс вырождения. Они не гонятся за изысканными наслаждениями. Не считают, что мир абсурден и что жизнь вряд ли чего-нибудь стоит. Они свято верят в добродетель прогресса, они выступают за безграничную власть человека над природой. Они обладают особым динамизмом и величием. Они глядят далеко, их взгляды на мир не страдают узостью. Можно поперхнуться, когда тебе говорят, что Варга — сторонник свободного предпринимательства, а в редакции журнала «Форчун» сплошь и рядом сидят прогрессивно настроенные журналисты. Но в европейском доктринальном представлении, в общем, это верно. Варга не коммунист, а «Форчун» не капиталистическое предприятие. У наделенных ответственностью русских и американцев есть много общего: амбиции, стремление к могуществу, несгибаемый оптимизм. Эти силы, в руках которых рычаги науки и техники, готовы раздвинуть рамки социологии, расставленные в XIX веке.

Если бы Западная Европа погрузилась в пучину византийских конфликтов и в ней погибла, — что, однако, не угодно Богу, — развитие человечества не остановилось бы; прежние структуры рушились, возника-

да бы новая форма цивилизации между двумя новыми полисами активного сознания — Чикаго и Ташкентом, а громадные народные массы Востока, а затем и Африки закалялись бы, словно в кузнечном горне.

Когда один из наших лучших социологов во Франции льет слезы над «Кропотливой работой», — так называется одна из его работ, — американские профсоюзы занимаются изучением возможности введения в стране двадцатичасовой рабочей недели. Когда парижские интеллектуалы, претендующие на роль авангарда, задаются вопросом, следует ли отправить в прошлое Маркса, или рожден ли экзистенциализм революционным гуманизмом, институт им. Штернберга в Москве изучает возможность переселения человечества на Луну. Когда мсье Варга ожидает крушения Соединенных Штатов, предсказанного пророком, американские биологи занимаются синтезом жизни на основе неживой материи. Когда по-прежнему остро стоит проблема сосуществования, коммунизм с социализмом подвергаются коренной трансформации под воздействием мощнейшей технологической революции, доселе неизвестной на Земле. У нас глаза на затылке. Пора бы вернуть их на прежнее место.

Последний могучий, наделенный богатым воображением социолог, вне всякого сомнения, — Ленин. Он совершенно верно определил суть коммунизма еще в 1917 году: «Коммунизм — это Советская власть плюс электрификация всей страны». Прошло более полувека. Это определение годится все еще для Китая, Африки и Индии. Но оно абсолютно бесполезно для современного мира. Россия ожидает мыслителя, который провозгласит новый порядок: коммунизм — это советская власть плюс атомная энергия, плюс автоматика, плюс синтез горючих материалов и продуктов питания из воздуха, воды, плюс физика твердых тел, плюс завоевание звезд и т.д. Джон Бьюкен после участия в похоронах Ленина объявил о приходе другого Ясновидящего, который сможет построить в стране «коммунизм четырех измерений». Если в России нет достойного ее социолога, Америка от этого не утрачивает своего богатства. Реакция против «красных историков» в конце XIX века привела наблюдателей к откровенному восхвалению великих капиталистических династий и их могущественных организаций. В такой откровенности здоровый дух, но слишком недалеко перспективы критиков «американского образа жизни», их мало, а литераторы выражаются в самой злопахательской манере.

Что касается европейской социологии, то она остается строго провинциальной, и вся интеллигентность здесь сосредотачивается на мелких дрязгах и ничемных спорах. В таких условиях неудивительно, что чув-

ственные души находят пристанище в катастрофизме. Все вокруг абсурдно, и атомная бомба положила конец развитию истории. Такая философия, которая кажется одновременно глубокой и зловещей, легче поддается управлению, проще понять ее громоздкий и в то же время тонкий инструментарий анализа реального. Она — скоротечная болезнь мысли цивилизованных людей, не сумевших приспособить свое наследие концепций (индивидуальная свобода, человеческая личность, счастье и т.д.) к изменению целей цивилизации будущего. Она — усталость нервно истощенного разума в тот момент, когда этот разум в схватке со своими завоеваниями должен не погибнуть, а изменить свою структуру. В конце концов не впервые в истории человечества сознание вынуждено переходить от одного уровня к другому. Всякаяковка мучительна. Если есть на самом деле будущее, то оно заслуживает анализа. И в нашем ускоренном настоящем нужны рассуждения не о недавнем прошлом. Наше ближайшее будущее так же отличается от наших представления, как представления XIX века о цивилизации майя.

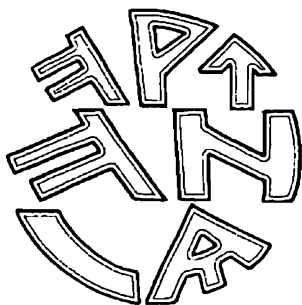
Нам нужно постоянно устремлять свою мысль в самые необъятные измерения времени и пространства и не прибегать к мизерным сравнениям бесконечной малости, когда недавно пережитое прошлое не имеет никаких особых свойств будущего и когда едва воплощенное настоящее поглощается в этом непригодном прошлом.

Главная, поистине плодотворная идея заключается в изменении целей. Рыцарь, вернувшийся из крестового похода и вдруг оказавшийся среди нас, тут же спросил бы, почему мы не бросили атомную бомбу на головы Неверных. Всем своим жестоким сердцем, всей открытой душой он стал бы удивляться не столько уровню нашей техники, сколько тому прискорбному факту, что до сих пор Неверным принадлежит половина Гроба Господня, а вторую половину удерживают в своих руках евреи. Ему никогда не понять, почему такая богатая, такая могущественная цивилизация не использует все свое богатство, все свое могущество для достижения славы Господней. Что ему скажут социологи? Что все эти гигантские предпринимаемые усилия, битвы, открытия преследуют только одну-единственную цель — повысить «уровень жизни» всех людей. Такое объяснение покажется ему полным абсурдом, ибо такая жизнь, как ему кажется, лишена цели. Ему будут говорить о Справедливости, Свободе, правах Человеческой личности. Ему станут цитировать гуманистическо-материалистическое евангелие XIX века. И этот рыцарь, несомненно, задал бы такие вопросы: «Но для чего тогда такая Свобода? А для чего такая Справедливость? Права человеческой личности,

что с ними делать?» Чтобы этот рыцарь увидел, что наша цивилизация вполне достойна того, чтобы в ней жить честному человеку, нельзя использовать в разговоре с ним ретроспективный язык. Нужен язык перспективный. Нужно показать ему, как развивается наш мир, как развивается наш разум, как будто речь идет о таком грандиозном мероприятии, как крестовый поход. Нужно вновь отвоевать Гроб Господень, освободить дух, заключенный в материи, отогнать Неверного. Речь идет по-прежнему о религии, о том, чтобы продемонстрировать все то, что связывает человека с его собственным величием, величием законов Вселенной. Нужно показать ему такой мир, в котором циклотроны играют роль храмов, в котором математика похожа на григорианский псалом, а трансмутациям подвержена не только материя, но и мозг человека, в котором антенны, направленные на космическое пространство, вибрируют от вопросов, задаваемых людьми, в котором душа планеты пробуждается. Не пожелает ли в таком случае наш рыцарь отправиться назад, вернуться в прошлое? Может, он почувствует себя и здесь, как у себя дома, только оказавшись на более высоком уровне развития? Может, он устремится и в будущее, как когда-то он устремлялся на Восток, вновь связав себя с верой, но уже на более высоком уровне?

Смотрите на то, как мы живем! Пусть глаза будут у вас широко открыты! Пусть свет поглотит тени!

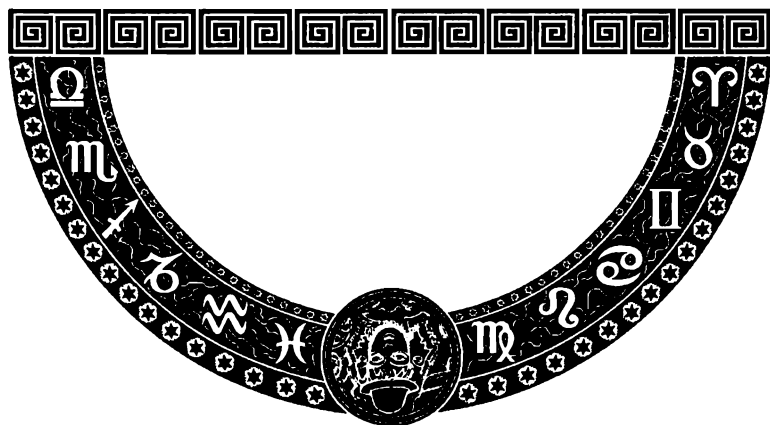

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

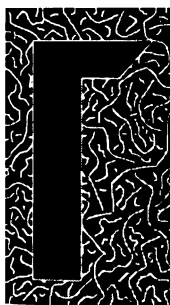
Заговор у всех на виду

Глава I

РОЗЕНКРЕЙЦЕРЫ И ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА

Розенкрейцеры и тайные общества. — Поколение «тружеников Земли». — Кто вы? Запоздавший современник настоящего или будущего? — Розенкрейцеры. Воззвание на стенах Парижа в 1622 году. — Язык эзотерический и язык технический. — Новое представление о тайном обществе. — Новый аспект религиозного духа

риффин, главное действующее лицо в романе Г. Уэллса «Человек-невидимка», говорил: «Люди, даже вполне культурные, не отдают себе отчета в той скрытой мощи, которая заключена в книгах о науке. Там, в этих томах, столько невообразимого, столько чудесного»!

Теперь все себе отдают в этом отчет, и даже люди с улицы понимают это куда более ясно по сравнению с интеллигентами, которые всегда опаздывают к очередной революции. Существуют не только чудеса, но и ужасы. Со времен Уэллса власть науки простерлась над нашей планетой и угрожает самой ее жизни. Рождается новое поколение ученых. Это такие люди, которые полностью отдают себе отчет в своих действиях, это вам не лишенные интереса искатели и не просто зрители, а это, если употребить превосходное выражение Тейяра де Шардена, — «труженики Земли», выражающие свою солидарность со всем человечеством, его судьбой, чувствующие в этом свою определенную ответственность

за это. Фредерик Жолио-Кюри бросал бутылки с зажигательной смесью в немецкие танки во время боев за освобождение Парижа. Норберт Винер, знаменитый американский кибернетик, стыдил политиков: «Мы дали вам неисчерпаемый источник силы, а вы с его помощью устроили Хиросиму и Нагасаки»!

Это ученые нового образца, нового стиля, жизнь которых самым тесным образом связана с жизнью всего мира. Они — прямые наследники исследователей первой четверти XX века: супружеской четы Кюри, Ланжевена, Перрона, Планка, Эйнштейна и др. Сколько раз говорили о том, что за эти годы разгоревшееся пламя их гения достигло таких высот, которых никто не достигал со времени древнегреческого чуда. Эти мэтры вели сражения с пассивностью, вялостью человеческого духа, и в этих боях проявляли всю свою ярость. «Истина никогда не торжествует, но ее противников прибирает смерть», — говорил Планк. Ему вторил Эйнштейн: «Я не верю в образование. Единственной моделью для подражания должен быть ты сам, пусть даже эта модель внушает ужас». Но все это не были конфликты на уровне Земли, истории. Все они чувствовали свою ответственность только перед Истиной. Их не оставляла в покое политика. Сына Планка убили гестаповцы, Эйнштейн оказался в изгнании. Нынешнее поколение ученых чувствует, что ученый всегда связан с этим миром, связан со всех сторон, при любых обстоятельствах. В нем сосредоточена квазитотальность полезных знаний. И он сохранит квазитотальность власти. Он чувствует себя ключевой фигурой, авантюристом; а его услугами пользуется все человечество. Уничожаемый политиками, преследуемый тайной полицией и спецслужбами, находящийся под бдительным оком военных, он имеет равные шансы в конце карьеры: либо получить Нобелевскую премию, либо предстать перед расстрельным взводом. В то же время его труды побуждают его с презрением относиться к личным интересам, они возвышают его сознание до планетарного, если не космического, уровня, его личной властью и представителями высшей власти всегда существует недопонимание. Перед тем, чем рискует лично он, перед тем, чем рискует весь мир, только подлый трус может отступить, проявить колебания. Академик И.В. Курчатов нарушает приказ молчать и рассказывает все, что ему известно, английским физикам в Харуэлле. Бруно Понтেকорно (1913—1986) в 1950 году тайно бежит в Россию, чтобы там продолжать свои исследования. Оппенгеймер вступает в открытый конфликт со своим правительством. Американские ученые-атомщики выступают против армии и публикуют свой «Чрезвычайный Бюллетень». На его обложке — часы, стрелки которых передвигаются к

полночи всякий раз, как только какое-то сомнительное открытие попадает в руки военных или они приступают к проведению опасных опытов.

«Вот мое предсказание на будущее, — писал английский биолог Д.Б. Халдейн. — Все то, чего не было, будет! И ни один человек не может чувствовать себя в полной безопасности!»

Материя освобождает свою энергию, и открывается дорога к звездам. И таких событий никогда не было на протяжении всей истории. Артур Кларк писал в своей книге «Дети Икара»: «Мы живем в такой момент, когда у самой истории перехватывает дыхание, когда настоящее отделяется от прошлого, как айсберг, который отрываясь от ледяного панциря, начинает свое путешествие в бескрайнем океане».

Если настоящее отделяется от прошлого, то в таком случае речь идет о разрыве, разрыве не с далеким прошлым и не с прошлым, достигшим когда-то зрелости, а с последним, новорожденным прошлым, то есть с прошлым, которое мы называем «современной цивилизацией». Эта цивилизация, возникшая из круговерти идей в Западной Европе XVII века, распространившаяся на век XIX и одарившая своими плодами весь мир в первой половине XX века, теперь отдаляется от нас, и мы это постоянно, каждую минуту чувствуем. Мы присутствуем при разломе. Мы становимся то ли запоздалыми современниками настоящего, то ли современниками будущего. Наше сознание, наш рассудок говорят нам, что это не одно и то же.

Идеи, на которых построена современная цивилизация, обветшали. В этот период разрыва, или скорее, трансмутации не стоит слишком удивляться, если роль науки и ее миссия в обществе подвергнутся заметным изменениям. Каким? Видение, пришедшее к нам из далекого прошлого, осветит нам будущее. Или, если быть более точным, оно промоет нам глаза, чтобы мы увидели ясно, откуда начать новый отсчет.

Однажды в 1622 году парижане увидели на городских стенах воззвание такого содержания: «Мы, депутаты главной коллегии Братьев Розы и Креста, Милостью Всевышнего пребываем, видимые и невидимые в этом городе, к которому направлены сердца всех праведников, чтобы вывести всех людей, нам подобным, из заблуждения смерти».

Многие парижане приняли этот призыв за неудачный розыгрыш, но потом изменили свое отношение к нему. Серж Ютен в своей книге «История розенкрейцеров» напоминает нам сегодня: «Считалось, что Братья Розы и Креста владели следующими секретами: трансмутации металлов, продления жизни, знаниями того, что происходит в отдаленных местах, применения оккультных наук для обнаружения надежно спрятанных предметов».

Согласно бытовавшей в ту эпоху легенде, Общество Розы и Креста проповедовало, что человек обладает безграничной властью над самим собой и над природой, что он способен контролировать действие всех природных сил, что ему известно, как стать бессмертным, и что он может познать все, что происходит во Вселенной. Во всех этих притязаниях, однако, нет ничего абсурдного, и прогресс науки частично оправдывает подобные мечты. Говоря современным языком, призыв, появившийся на стенах Парижа, мог быть напечатан и в газете, после того как на конгрессе было решено предупредить всех людей о той опасности, которая всем угрожает, и посоветовать им направить свою активность в русло новых социально-моральных перспектив. Возьмите, например, патетическое воззвание Эйнштейна, горячие речи Оппенгеймера, наконец «Бюллетень» американских ученых-атомщиков, — все они сохраняют тональность манифеста розенкрейцеров.

Перед нами один русский текст. Вот что писал по поводу парижской научной конференции по радиоизотопам советский писатель Владимир Орлов: «Современные “алхимики” могли бы вспомнить уставы своих средневековых предшественников, которые сохранились в одной парижской библиотеке и в которых говорится, что этим ремеслом могут заниматься только люди “чистые сердцем, с возвышенными целями”».

Идея создания международного тайного общества, объединяющего в своих рядах людей большого, передового интеллекта, духовно переродившихся в силу своих больших познаний, стремящихся уберечь сделанные ими научные открытия от посягательств властей, любопытства и жадности других людей, чтобы иметь возможность прибегнуть к ним в нужный момент или, в противном случае, либо навсегда целиком и полностью похоронить их, либо позволить пустить в обращение их ничтожную часть, — такая идея всегда была одновременно очень давней и ультрасовременной. Она еще была немыслимой в XIX веке. Сегодня это не так. Смело заверить читателей, что такое общество в настоящий момент существует. Нет никаких доказательств, что тайное «Общество Розы и Креста» на самом деле существовало в XVII веке, но у нас есть все основания утверждать, что такое общество создается в наши дни силой обстоятельств и такое общество логически вписывается в будущее. Прежде нужно объяснить концепцию тайного общества. Она, столь древняя, ярко освещена настоящим.

Вернемся, однако, к «Обществу Розы и Креста». «Розенкрейцеры, — пишет историк Серж Ютен, — это братство людей, достигших высшего состояния по отношению к остальному человечеству; у них такие внут-

ренные особенности характера, которые позволяют им узнавать друг друга». Это определение обладает одним преимуществом — оно обходится без оккультистской шелухи, по крайней мере, в наших глазах. О таком «высшем состоянии» мы создали ясную, почти научную, современную, оптимистическую идею.

Мы достигли такой стадии исследований, открывающих перед нами возможность искусственных мутаций живых существ и человека в частности. «Радиоактивность способна порождать монстров, но она может дать нам и гениев», — заявляет один английский биолог. Здесь можно даже применить термин алхимиков — трансмутация самого адепта, и такой термин вполне приемлем для современных научных исследований. Сейчас мы убедимся, что это произошло в определенной мере с некоторыми современными учеными.

Последние исследования в области психологии, судя по всему, свидетельствуют о существовании состояния, отличающегося от состояния сна или бодрствования, то есть высшим состоянием сознания человека, в котором его интеллектуальные способности возрастают в десятикратном размере. К глубинной психологии, которой занимается психоанализ, мы сегодня добавляем высшую психологию, «психологию высот», которая выводит нас на путь к возможному сверхинтеллекту. Гениальность — это, по существу, один из этапов пути, который должен преодолеть человек внутри, чтобы целиком раскрылись все его интеллектуальные способности. В повседневной жизни мы используем едва десятую часть возможностей, предоставляемых нам вниманием, наблюдением, памятью, интуицией, координацией действий. Вполне может быть, что мы находимся на пороге открытия или повторного открытия, дающего нам в руки ключи от тех дверей, за которыми нас ждет целый мир новых знаний. Идея близкой мутации всего человечества в этом плане основывается не на мечтании оккультистов, а на сущей реальности. Об этом мы будем обстоятельно говорить на страницах нашей книги. Вряд ли можно сомневаться в том, что мутанты уже находятся среди нас, во всяком случае, люди, которые уже сделали несколько шагов по тому пути, на который в скором времени выйдем мы все.

Термина «гениальность» традиционно недостаточно для выяснения всех возможных высших состояний человеческого мозга, а мозг у розенкрейцеров был совершенно иного масштаба, и их ряды пополнялись через кооптацию. Более того, легенда об «Обществе Розы и Креста» была подоплекой реальности: постоянное тайное общество высших, озаренных людей — заговор на глазах у всех, средь бела дня.

«Общество Розы и Креста» формировалось вполне естественно из людей, достигших наивысшего уровня сознания людей, ищущих себе подобных, обладающих столь же обширными знаниями, чтобы вести друг с другом полезный ученый диалог. Это и Эйнштейн, которого понимали всего пять или шесть человек во всем мире, несколько сот математиков или физиков, способных плодотворно размышлять по поводу вновь поставленного под сомнение закона равнодействия.

Для розенкрейцеров главное — это изучение природы, но такое изучение может принести свои плоды, если им займутся умы совершенно другого масштаба, в отличие от обыкновенного ума.

Когда такой мозг привлечен для изучения природы, то в результате мы получаем все необходимые знания в их совокупности, набираемся мудрости. Такая новая, динамичная по характеру идея соблазнила Декарта и Ньютона. В отношении этих ученых не раз говорили как о розенкрейцерах. Выходит, и они были членами этого Братства? Этот вопрос лишен всякого смысла. Мы не имеем в виду какое-то организационно оформленное общество, мы подразумеваем необходимые контакты между умами совершенно иного масштаба, один общий для них язык, совершенно не секретный, просто недоступный для понимания простых людей в определенный отрезок времени. Если глубочайшие знания о материи и энергии, о законах, управляющих Вселенной, были получены и разработаны исчезнувшими цивилизациями, если отдельные фрагменты этих знаний сохранились на протяжении веков (в чем мы не совсем уверены), то всем этим мы обязаны умам высшего порядка, и все это они делали на языке, абсолютно непонятном для обычных людей. Хотя мы и не придерживаемся такой гипотезы, все же можно предположить, что целые поколения таких умов, превосходящих обычные размеры, каким-то образом в течение времени общались между собой. Хорошо известно, что такие умы не проявляли абсолютно никакой заинтересованности в разглашении своего могущества. Если бы Христофор Колумб был наделен таким умом, далеко превосходящим обычный, то он сохранял бы в тайне свое открытие. Такие люди обречены на таинственность, они устанавливают контакты только с равными себе, от чего получают удовлетворение. Чтобы понять, что мы имеем в виду, и не напускать тумана оккультизма, посвящений и тому подобного, достаточно вспомнить, как ведут себя врачи возле постели пациента в больнице. Они разговаривают между собой довольно громко, причем больной не понимает из их беседы ни слова. Наконец, само собой разумеется, что умы такого масштаба, которые стараются быть незаметными только потому, чтобы им не мешали, никог-

да не станут играть в заговорщиков. У них есть кое-что поважнее. Если они создают тайное общество, то делают это в силу сложившихся обстоятельств. Если они разрабатывают свой, особый язык для общения, то делают это для того, чтобы он был недоступен для понимания простого человека обычным умом. Только в этом смысле принимаем мы концепцию тайного общества. Все другие секретные общества, которых хоть пруд пруди и которые могут обладать определенной силой и отличаться своей живописностью, в наших глазах — всего лишь жалкие подражания, игры детишек, стремящихся копировать взрослых людей.

До тех пор, покуда люди будут упиваться мечтой о том, что можно получить все, не делая ничего: деньги — не ударяя палец о палец, знания — без учебы, власть — толком не зная, что это такое, добродетель — не пройдя через аскезу, — все эти так называемые тайные общества и общества посвященных будут процветать, с их подражательной иерархией и тарабарщиной, копирующей тайный язык, *то есть технический язык*.

Мы привели пример «Общества Розы и Креста» во Франции 1622 года, потому что истинный розенкрейцер по традиции никогда не хвастается своими мистическими посвящениями, он проявляет себя глубоким изучением и пониманием книги «*Libek Mundi*» («Свободный мир») — учебника о мире и природе. Таким образом, традиция «Розы и Креста» такая же, как и традиция современной науки. Сегодня мы начинаем понимать, что глубокое, вдумчивое изучение этой Книги о мире и природе требует не только острой наблюдательности, того, что в последнее время мы называем научным подходом, но и того, что мы называем интеллектом. На этом этапе наших исследований требуется, чтобы разум сам по себе возвышался, чтобы интеллект достигал трансцендентности. Человеческих, даже сверхчеловеческих усилий мало. Возможно, к такому выводу в прошлые века приходили высшие умы, которым мы обязаны если не самой реальностью, то, по крайней мере, возникновением легенды об «Обществе Розы и Креста». Наш запоздавший современник — рационалист по своему характеру. А современник будущего чувствует себя верующим. Многие в модернизме нас отдаляет от прошлого. А налет футуризма нас к нему приближает.

«Среди наиболее молодых ученых-атомщиков, — пишет Робер Юнг в своей книге «Ярче тысячи солнц, или Трагедия ученых-атомщиков», — есть такие, которые смотрят на свою работу как на какое-то интеллектуальное соревнование, которое не имеет никакого значения для будущего и не связано с какими-то обязательствами, но некоторые в своих исследованиях проходят через религиозный опыт».

Наши парижские розенкрейцеры 1622 года «пребывали в этом городе, но их никто не видел». Разве нас не поражает, что в атмосфере полицейского сыска и шпиономании великие исследователи ухитряются общаться друг с другом, старательно замечая следы, которые могут привести правительства к тем лабораториям, в которых они работают? Десяток ученых вполне могут рассуждать в полный голос о судьбах мира перед Хрущевым или Эйзенхауэром, и эти господа не поймут из их разговора ни единого слова.

Методы их общения нельзя повторить. Они могут использовать последние достижения в области парапсихологии и телекоммуникации. Американский инженер Виктор Эндерби писал, что если ученым удастся добиться каких-то серьезных результатов в этой области, то они по взаимному согласию строго их засекретят.

Поражает еще одно. В легенде об «Обществе Розы и Креста» часто упоминаются аппараты и машины, которые в ту эпоху не могли быть созданы, так как наука еще не достигла такой степени развития; это и вечный огонь, звукозаписывающие аппараты, а также аппараты, передающие на расстоянии изображения, и т.д. В легенде говорится о таких приспособлениях, обнаруженных в символической «могиле Христиана Розенкрейца», которые могли быть созданы в 1957 году, но никак не в 1622-м. Это говорит о том, что учение розенкрейцеров строилось на идее господства науки и техники над Вселенной, а совсем не на мистике или посвящении.

Сегодня можно предположить, что и в наше время существует общество, обладающее секретной технологией. Политические преследования, социальная напряженность в обществе, возрастающая пугающая нравственная ответственность могут заставить ученых уйти в подполье. Но работа в подполье никак не отразится на их исследованиях, не замедлит их. Не следует думать, что отныне единственными инструментами современного исследователя являются ракеты или громадные ускорители, расщепляющие атомы. Все настоящие великие открытия были сделаны с помощью простых средств, несложного оборудования. Вполне возможно, что в мире в данный момент есть такие места, где интеллектуальная плотность огромна, и она проявляется в этом новом подполье. Мы вступаем в такую эпоху, которая во многом напоминает начало XVII века, и, возможно, уже где-то составляется новый манифест 1622 года. Может, он уже даже обнаружен. Но мы его не заметили.

Наконец, нас поражает еще и постоянно повторяющееся утверждение розенкрейцеров и алхимиков, что целью науки о трансмутациях яв-

ляется духовная трансмутация самого человека. Речь идет не о магии, не о божественном воздаянии, а о таком открытии новой реальности, которое заставит разум исследователя перейти в новое состояние. Если мы обратимся к чрезвычайно быстрой эволюции состояния сознания самых великих ученых-атомщиков, то поймем, что хотели сказать нам розенкрейцеры. Мы живем в такую эпоху, когда наука, в своем экстремальном проявлении, достигает духовной Вселенной и преобразует дух наблюдателя, переносит его на новый, гораздо более высокий уровень, так как прежнего научного интеллекта уже недостаточно. То, что происходит с нашими учеными-атомщиками, можно сравнить с опытом, описанным в текстах алхимиков и упоминаемым в предании розенкрейцеров.

Духовный язык — это не невнятное бормотание, предшествующее языку научному, — это скорее его завершение.

То, что происходит в настоящем, могло происходить и в древние времена. На другом уровне знаний, так что легенда о розенкрейцерах и сегодняшняя действительность переплетаются и взаимно освещают друг друга. Нужно уметь смотреть на древние вещи новыми глазами. Это поможет нам понять будущее.

Мы уже живем не в то время, когда прогресс ассоциируется исключительно с продвижением вперед науки и техники. Появляется новая данность, та, которую обнаруживают у Великих Неизвестных прошлых веков, когда они указывают на «*Libek Mundi*», в которой рассказывается «о другом». Выдающийся современный физик Гейзенберг заявляет: «Пространство, в котором развивается духовная сущность человека, обладает другими измерениями, по сравнению с тем, в котором она пребывала на протяжении последних нескольких веков».

Герберт Уэллс умер разочарованным. Этот могучий интеллект жил верой в прогресс. Но на закате своей жизни он увидел, какие угрожающие черты приобретает этот прогресс. Он лишился своей веры. Наука угрожала погубить мир, ибо были изобретены страшные средства всеобщего уничтожения. «Человек, — говорил в 1946 году престарелый Уэллс, — в отчаянии; он исчерпал все свои возможности». В этот момент сей величавый старец, обладавший даром предвидения, перестал быть современником будущего. А мы все явственнее ощущаем, что человек исчерпал только одну из своих возможностей. Но тут же появляются другие. Открываются другие пути, которые океанские приливы и отливы веков то скрывают, то открывают вновь. Всемирно известный швейцарский математик и физик Вольфганг Паули (1900—1958) никогда не занимался узкой наукой в лучших традициях XIX века. В 1932 году на науч-

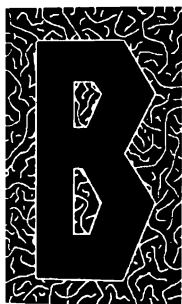

ном конгрессе в Копенгагене из-за своего ледяного скептицизма и властности он всем казался истинным Мефистофелем из «Фауста» Гёте. В 1955 году его пронизательный ум настолько значительно расширил перед ним горизонты, что он стал красноречивым пропагандистом идеи внутреннего спасения, которым до сих пор бездумно пренебрегал... Такая эволюция типична для него и для большинства великих ученых-атомщиков. Она не означает погружения в омут морализаторства или смутной религиозности. Напротив, он пользуется достижениями прогресса для лучшего оснащения своего наблюдательного ума, и в результате появляется новое рефлексивное понимание природы познания.

Глава II

ЛЕГЕНДА О ДЕВЯТИ НЕИЗВЕСТНЫХ

*Пророки Апокалипсиса. — Комитет отчаяния. —
Пулемет Людовика XVI. — Наука — это не священная корова. —
Месье Деспотопулос хочет оккультизмом остановить прогресс. —
Легенда о «Девяти Неизвестных»*

о второй половине XIX века, на заре новой современной эпохи, жила целая плеяда мыслителей, пламенных реакционеров. В мистике социального прогресса они усматривали обман, а в прогрессе научно-техническом — путь в глубокую пропасть. Познакомил меня с ними Филипп Левастен, новое воплощение главного героя «Неизвестного шедевра» Бальзака и учения Гурджиева. В то время я читал Рене Генона, этого мэтра антипрогрессизма, часто навещаая Лансе дель Васто после его возвращения из Индии, и был очень близок к тому, чтобы примкнуть к их взглядам и тем самым пойти против течения. Как раз после войны Эйнштейн отослал свою знаменитую телеграмму: «Наш мир находится перед лицом глубокого кризиса, который пока еще не осознали представители власти, принимающие важные решения либо во благо, либо во зло. Ничем не сдержанное могущество атома изменило все, кроме нашего привычного образа мышления, и мы движемся навстречу небывалой катастрофе. Мы, ученые, которые высвободили эту громадную мощь, несем угнетающую нас ответственность в этой яростной борьбе всего мира за жизнь, против смерти, за использование атома на благо всего человечества, против его уничтожения. Объединение американских ученых присоединяется к моему при-

зыву. Мы предлагаем вам поддержать наши усилия, чтобы помочь Америке осознать, что судьба всего человечества решается сегодня, в эту минуту. Нам необходимо срочно собрать двести тысяч долларов для проведения общенациональной кампании с целью донести до сознания людей, что необходимо новое мышление, если только человечество хочет уцелеть и достичь более высокого уровня развития. Я обращаюсь к вам с этим призывом после долгих раздумий о кризисе, который угрожает нам всем. Присылайте чеки на мое имя, председателю подкомитета ученых-атомщиков в Принстон, штат Нью-Джерси. Мы обращаемся к вам за помощью в этот роковой для всех нас момент, чтобы убедиться, что мы, люди науки, не одиноки в своей борьбе».

Эту катастрофу, говорил тогда я себе, мои учителя предвидели давным-давно, и двести тысяч долларов здесь ничего не изменят. Бог поставил перед человеком преграду в виде материи, и, как говорил Блан да Сен-Бонне, «человек — это дитя препятствия». Но современные ученые, отойдя от своих принципов, захотели избавиться от всех препятствий. Материя — это главное препятствие — была побеждена. И теперь открыт прямой путь в никуда. Еще две тысячи лет назад Ориген провидчески писал, что «материя устраняет беззаконие». С тех пор ничто беззакония не устраняет, оно распространяется повсюду, словно разрушительные морские волны. И этот Комитет отчаявшихся тоже его не ликвидирует.

Древние, несомненно, были такими же людьми, как и мы, только они об этом знали. Такая мудрость предусмотрительно сдерживала себя в определенных границах. Например, папской буллой запрещалось использовать треногу для поддержания лука; это приспособление усиливало убойную силу оружия, что лишало сражение гуманности.

Этот запрет действовал в течение двухсот лет. Ролан де Ронсево, сраженный сарацинской пращой, воскликнул: «Да будет проклят трусливый негодяй, который изобрел оружие, способное убивать на расстоянии!» Приведем более близкий нам пример. В 1775 году французский инженер по имени Дю Перрон представил молодому Людовику XVI «военную шарманку», из которой при вращении ручки одна за другой вылетали двадцать четыре пули. Он сопровождал особой объяснительной запиской свой инструмент, прототип современного пулемета. Это изобретение показалось королю, его министрам Малешербу и Тюрго орудием настолько невероятной убойной силы, что они отказались взять его на вооружение, а самого изобретателя называли «врагом человечества».

Повинуясь своему вечному желанию кого-то или чего-то освободить, мы сняли оковы с войны, превратив ее во всеобщее проклятие.

Приблизительно так размышлял я в 1946 году, когда задумал опубликовать антологию «мыслителей-реакционеров», голоса которых в их время заглушал хор прогрессивно настроенных романтиков. Речь шла о писателях, которые шли против течения, об этих пророках Апокалипсиса, чьи голоса были голосами вопиющих в пустыне. Их имена: Блан де Сен-Бонне, Эмиль Монтегю, Альбер Сорель, Доносе Кортес и др. В мятежном духе этих предков я сочинил памфлет, озаглавленный «Время убийц», написанный при участии Олдоса Хаксли и Альбера Камю. Американская пресса откликнулась на этот памфлет, в котором подвергались суровому осуждению ученые, военные и политики и в котором предлагалось организовать еще один Нюрнбергский процесс для всех этих технологов массового уничтожения.

Сегодня я считаю, что все не так просто и следует смотреть иначе, другим, более высоким взглядом на необратимую историю. В 1946-м, этом первом тревожном послевоенном году, такое течение мысли оставило яркий свет в тревожной атмосфере, в которую погрузились интеллектуалы, не желавшие иметь дело ни с жертвами, ни с палачами.

Совершенно ясно, что после появления телеграммы Эйнштейна положение в мире только ухудшилось. «То, что хранится в портфеле ученых, просто ужасно, — сказал Хрущев в 1960 году. — Они кончат тем, что все взорвут». Но люди устали, и после серий торжественных и бесполезных протестов все успокоились и переключили свое внимание на другие проблемы, ожидая, как ожидает в камере смертник, либо казни, либо помилования. Тем временем во всех головах вызревал мятеж, направленный против науки, способной уничтожить весь мир, все выражали сомнения по поводу ценности и технического прогресса, гарантирующего всем спасение. После яростной критики Олдоса Хаксли и его книг «Контрапункт» и «О дивный новый мир!» научный оптимизм был окончательно развеян. В 1951 году американский химик Энтони Стенден опубликовал книгу «Наука — священная корова», в которой выражал свой протест против восхищенной фетишизации науки. В октябре 1953 года известный профессор права из Афин М. Деспотопулос послал в ЮНЕСКО манифест с требованием остановить дальнейшее развитие науки или же проводить все исследования в глубокой тайне. Все научные исследования, советовал он, должны быть отныне поручены совету ученых, избираемых по всему миру и обязанных строго хранить тайну. Такая идея, при всей ее утопичности, все же не лишена интереса. Она предусматривает наступление совершенно иного будущего — будущего с засекреченной наукой.

Нужно сказать, что эта идея получила благоприятные отзывы в английской и немецкой печати и была подробно прокомментирована в «Бюллетене английских ученых-ядерщиков» в Лондоне. Она не далека и от тех предложений, которые иногда выдвигаются на разного рода конференциях по разоружению.

В другом письме, которое профессор Деспотопулос написал нам в 1937 году, он уточнил свою мысль: «Наука о природе — это одно из самых достойных достижений в истории человечества. Но она, высвобождая силы, способные уничтожить это человечество, с точки зрения морали перестает быть тем, чем была прежде. Различие между «чистой наукой» и ее техническим применением сегодня настолько поразительно, что уже нельзя говорить о науке как о самоценности. Более того, в некоторых наиболее важных направлениях наука становится негативной ценностью в той мере, в какой она выходит из-под контроля совести и распространяет свое пагубное влияние по воле лиц, наделенных властью и несущих политическую ответственность».

Вполне возможно, что в других цивилизациях наблюдалось если не отсутствие науки как таковой, то ее засекреченность. С этим связано происхождение замечательной легенды о «Девяти Неизвестных».

Предание о «Девяти Неизвестных» уходит своими корнями к правлению императора Ашоки в Индии, который пришел к власти в 273 году до н.э. Он был внуком Чандрагупты, древнеиндийского правителя, первого объединителя индийских земель.

Полный честолюбивых амбиций, стремясь завершить дело, начатое славным предком, Ашока предпринял завоевание страны Калинга, простиравшейся тогда от нынешней Калькутты до Мадраса. Но народ Калинги оказал завоевателю упорное сопротивление и в битве с ним потерял убитыми сто тысяч человек. Вид этой кровавой бойни потряс Ашоку. После нее он всегда с ужасом относился к войне. Он отказался присоединять еще не завоеванные территории к своему царству, заявив, что истинное завоевание — это завоевание сердец людей с помощью закона, долга и милосердия, ибо Высшее Божество делает, чтобы все живое на земле жило в мире, безопасности, чтобы все могли распоряжаться собой по своему усмотрению и жить мирно и счастливо.

Приняв буддизм, Ашока, руководствуясь своими добродетелями, распространил эту религию по всей Индии и всей своей империи, которая простиралась до Малайзии, Цейлона и Индонезии. Затем буддизм распространился в Непале, Тибете, Китае и Монголии. Ашока с уважением относился ко всем религиозным сектам. Он проповедовал вегета-

рианство, запретил производить алкогольные напитки и приносить в жертву животных. Г.Д. Уэллс в своей «Краткой Всемирной истории» писал: «Среди десятков тысяч имен монархов, написанных на скрижалях истории, имя Ашоки сияет почти в гордом одиночестве, как яркая звезда».

Говорят, что, пережив все ужасы войны, император Ашока хотел навсегда запретить людям использовать свой разум во зло. При его царствовании государственной тайной становится наука о природе, о прошлом и будущем. Все научные исследования, от структуры материи до приемов коллективной психологии, отныне утаивались на протяжении двадцати двух веков за мистической маской на лице народа, который, как всем хорошо известно, не занимался ничем, кроме изучения состояния экстаза сверхъестественного. Ашока основал самое могущественное тайное общество на земле: общество «Девяти Неизвестных».

Говорят, что правящие круги, в чьих руках находятся судьбы современной Индии, а также такие известные ученые, как Боше и Рам, верят в существование «Девяти Неизвестных» и даже получают от них послания и советы. С помощью воображения можно приоткрыть завесу над всемогуществом тайн, которые удерживают в своих руках девять человек, непосредственно располагающие результатами проведенных опытов, хранящие научные работы и множество важных документов, накопленных на протяжении более двадцати пяти столетий. Какую же цель преследуют эти Девятеро? Главная их цель — не допустить средства массового уничтожения в руки профанов. Также они должны продолжать и дальше научные исследования во благо всего человечества. Они постоянно возобновляют свой состав посредством кооптации, продолжая хранить все технические секреты, дошедшие до них из далекого прошлого.

Внешние проявления «Девяти Неизвестных» настолько редки, что их можно пересчитать по пальцам. Одно из них связано с чудодейственной судьбой одного из самых таинственных деятелей Запада — папы Сильвестра II, известного под именем Герберта д'Орильяка. Он родился в Оверни в 920 году, а умер в 1003 году. Он был монахом-бенедиктинцем, профессором Реймского университета, архиепископом Равенны, а потом и папой, милостью императора «Священной Римской империи» Оттона III. Он жил в Испании, потом совершил какое-то таинственное путешествие, приведшее его в Индию, где он приобрел такие знания, которые изумляли его окружение. В своем дворце он хранил бронзовую говорящую голову, умеющую отвечать «да» или «нет» на вопросы, связанные с политикой и общим положением христианства. По словам са-

мого Сильвестра II (том СXXXIX «Латинской патерологии» Миня) это приспособление отличалось поразительной простотой и напоминало способ двоичного исчисления. То есть это был автомат, аналогичный нашим бинарным машинам. Эта «магическая» голова была уничтожена после его смерти, а сообщенные ею знания были тщательно скрыты. Несомненно, что в Ватиканской библиотеке исследователя, который получит особое разрешение, ожидает немало сюрпризов. В октябре 1954 года в журнале «Компьютеры и автоматика» была опубликована статья, в которой утверждалось: «Можно предположить, что это был человек поразительных знаний, наделенный громадной изобретательностью и великими способностями к механике. Эта говорящая голова, вероятно, была сделана «при определенном положении звезд, которые занимают свои места в тот момент, когда все планеты начинают свое обычное движение» Речь не шла ни о прошлом, ни о настоящем, ни о будущем; это изобретение далеко превосходило достижения конкурента — «настенные зеркала» королевы, предтечу искусственного механического интеллекта. Говорят, что Герберту никогда бы не создать такой машины, не будь он в тесных отношениях с самим дьяволом, которому он поклялся служить вечно. Кто же еще из европейцев вступал в контакт с обществом «Девяти Неизвестных»? Чтобы ответить на этот вопрос, пришлось подождать до XIX века, когда эта тайна вновь всплыла на страницах книг французского писателя Луи Жаколио.

Жаколио был консулом Франции в Калькутте при Второй империи. Он написал много пророческих романов, которые вполне можно сравнить с книгами Жюль Верна, если не признать, что порой он даже превосходил этого маститого мэтра. Он создал несколько трудов, посвященных великим тайнам человечества. Эти удивительные книги были растасканы оккультистами, пророками и чудотворцами. Он теперь совершенно забыт на родине, во Франции, но его хорошо знают в России.

Жаколио не оставляет и тени сомнения: общество «Девяти Неизвестных» — это реальность. Настораживает, однако, то, что он называет в этой связи технические достижения, которые были просто немыслимы в 1860 году, такие, например, как высвобождение энергии, стерилизация посредством радиации, психологическая война.

Иерзен, один из самых близких сотрудников Луи Пастера (1822—1895) и Эмиля Ру (1853—1933) раздобыл некоторые биологические секреты во время своей поездки в Мадрас в 1890 году и, следуя полученным указаниям, изготовил сыворотку для прививок против чумы и холеры.

Первой популяризаторской версией истории «Девяти Неизвестных»

стала опубликованная в 1927 году книга Тэлбота Манди, который в течение двадцати пяти лет служил в британской полиции в Индии. Его книга — это нечто среднее между романом и научным исследованием. По его словам, «Девять Неизвестных» пользовались для общения особым синтетическим языком. У каждого из них хранилась книга, которая постоянно дополнялась. Она была посвящена какой-нибудь одной науке.

Первая из этих книг якобы была посвящена технике пропаганды и ведения психологической войны. «Из всех наук, — пишет Манди, — самой опасной считалась та, которая осуществляет контроль над мыслями людей, толпы, ибо она позволяет управлять всем миром». Следует заметить, что «Общая семантика» Корюжиского датируется лишь 1937 годом, и нужно было дожидаться опыта Второй мировой войны, чтобы на Западе начала формироваться техника языка психологии, то есть пропаганды. Первый колледж по изучению семантики был открыт в Америке лишь в 1950 году. Во Франции известна книга Сержа Гечубина «Управление толпой» («Viol des Faules»), которая оказала определенное влияние на французских интеллектуалов, хотя лишь слегка затронула эту тему.

Вторая книга якобы была посвящена физиологии. Она, например, сообщала о способе убийства человека одним прикосновением к нему. Смерть наступает в результате нарушения нервного импульса. Как утверждают, борьба «дзю-до» появилась в результате «утечек» сведений из этой книги.

Третья якобы касалась микробиологии, в частности, защитных коллоидов.

В четвертой якобы излагалась трансмутация металлов. Легенда гласит, что во времена лишения различные храмы и благотворительные религиозные организации получали из какого-то тайного источника большое количество очень чистого золота.

Пятая книга якобы подробно освещала все средства коммуникации, земные и внеземные.

В шестой якобы рассказывалось о тайнах гравитации.

В седьмой якобы излагалась вся обширная космогония, изученная до сих пор человечеством.

Восьмая диктовала о свете.

Девятая якобы была посвящена социологии и содержала законы эволюционного развития обществ и называла причины их упадка и гибели.

С легендой о «Девяти Неизвестных» обычно связывают тайну вод реки Ганг. В ней совершают омовение тысячи паломников, посетителей

самых страшных заболеваний, но тем не менее от этого ничуть не страдают здоровые люди, которые купаются вместе с ними. Оказывается, священные воды Ганга очищают все. Такое странное свойство речной воды пытались приписывать особым организмам-бактериофагам, то есть пожирателям бактерий. Но почему в таком случае подобное явление не наблюдается в Брахмапутре, Амазонке, наконец, в Сене. В своей книге Жаколио приводит гипотезу о стерилизации посредством радиоактивности за сто лет до того, как было открыто это явление. По словам автора, эти излучения исходят из тайного храма, построенного под ложем русла Ганга.

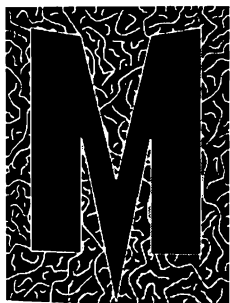
Пребывая в стороне от надежно и тщательно скрытых религиозных, социальных и политических брожений, «Девять Неизвестных» воплощают образ возвышенной науки, науки, связанной с совестью. Творя судьбы человеческие, воздерживаясь от применения своего могущества, это тайное общество воздает самую прекрасную честь свободе в высших сферах. Проявляя бдительность в своем прибежище скрытой славы, эти девять человек не столь равнодушно, сколь терпимо наблюдают, как создаются, распадаются и возрождаются вновь цивилизации, и они готовы прийти на помощь, но только не нарушая порядка безмолвия этой меры человеческого величия.

Миф или реальность? Если миф, то миф поразительный, пришедший к нам из глубины времен, — в нем слышится звонкий прибой будущего.

Глава III

НАСТОЯЩЕЕ ЗАПАЗДЫВАЕТ

Еще несколько слов по поводу фантастического реализма. — Когда-то были технологии. — Необходимость в тайне прежде и теперь. — Путешествие во времени. — Океан духа в своей необозримости. — Новые рассуждения об инженере и маге. — Прошлое и будущее. Настоящее запаздывает в двух направлениях. — Золото древних книг. — Новый взгляд на древний мир

Мы не материалисты и не спиритуалисты — эти различия теперь утратили для нас всякий смысл. Просто мы ведем поиск реального, не позволяя доминировать рефлексу современного человека (в наших глазах отсталого), который тут же отворачивается в сторону, как только это реальное принимает фантастическую форму. Чтобы преодолеть этот рефлекс, мы снова становимся варварами, поступаем точно так же, как поступают художники, устранив экран условностей, заслоня от глаз то, на что они смотрят. Как и они, мы выражаемся в пользу невинных, диких, порой просто ребячливых методов. Мы стоим перед элементами знаний и их методами, как Сезанн стоял перед своим яблоком, а Ван Гог — перед пшеничным полем. Мы отказываемся воспринимать факты и такие аспекты реального под предлогом того, что они «неудобны», что они переступают границы обычных теорий, находящихся в употреблении. Гоген, например, не исключал существования красной лошади, Мане не шокировала голая женщина среди приглашенных откусать «Завтрак на траве», не тревожились из-за таких «не-

удобств» ни Макс Эрнест, ни Пикабия, ни Сальвадор Дали. Их персонажи выходили из снов, а мир отражался лишь в подсознательном. Наша манера все делать, видеть все вокруг по-своему приведет лишь к взрыву негодования, презрению, острому сарказму. Нас не пустят в художественный салон на выставку. Но если в конце концов все же стали воспринимать живописцев, поэтов, кинематографистов, декораторов и т.д., то мир еще не готов воспринять нас, обитателей нашей научной области. Наука вообще, психология, социология окружены частоколом различных табу. Их гонят в дверь, они влетают в окно, но под другой личиной. Что за чертовщина! Наука — это вам не священная корова! Ее можно пинать, отталкивать, сталкивать с дороги на обочину.

Но вернемся к нашей теме. В первой части этой книги, озаглавленной «Будущее в прошлом», мы в своих размышлениях следуем по такому руслу:

— Возможно, то, что мы называем эзотеризмом, цементирующим все секретные общества и все религии, является лишь трудно понимаемым, легко манипулируемым остатком очень древних знаний о технической природе, применимых одновременно и к материи и к духу. Об этом подробнее поговорим ниже.

— Все эти «секреты» отнюдь не легенды, не выдумки и не игры, — это точные технические «рецепты», ключи, с чьей помощью можно открыть врата, за которыми скрывается могущество как человека, так и всех вещей.

— Наука — это не техника. В отличие от распространенного мнения техника в большинстве случаев не следует за наукой, а ей предшествует. Техника производит. Наука демонстрирует, что произвести это — невозможно. Затем барьеры невозможного дают трещину. Мы ни в коем случае не хотим сказать, что наука — занятие тщетное. Позже читатель поймет, как высоко мы ценим науку и с какими удивленными глазами следим за тем, как меняется ее облик. Мы просто считаем, что та или иная техника в далеком прошлом предшествовала появлению науки.

Вполне возможно, что в прошлом техника дала людям в руки такую страшную силу, что раскрывать ее секрет стало небезопасно.

Необходимость в засекречивании можно объяснить двумя причинами:

а) Здравомыслие. «Тот, кто знает, — молчит». Нельзя допустить, чтобы заветные ключи попали в руки злоумышленников.

б) Обладание такой техникой и такими знаниями, поддержание того и другого на должном уровне требуют от человека иного по своей структуре мышления, отличающегося от обычного, явного, хорошо всем зна-

кого-то, более высокого интеллекта и другого языка, чтобы таким образом исключить всякое общение такого человека с обычным, простым человеком. Тайна не зависит от воли того, кто ею обладает, тайна заложена в самой природе.

Мы констатируем существование подобного явления и в современном мире. Постоянное ускоренное развитие техники вызывает у знающих людей вначале желание, а потом и необходимость сохранить секрет. Чем больше грозящая опасность, тем выше меры предосторожности для соблюдения тайны. По мере развития и накопления знаний она окружается плотной завесой непроницаемости. Создаются гильдии ученых и техников. Язык для усвоения таких знаний и сохранения в своих руках даваемой ими власти становится абсолютно непонятным. Теперь возникает проблема иной структуры мышления, и это переносит нас в область физико-математических исследований.

В конечном итоге, те, в руках которых сосредоточена власть, как говорил Эйнштейн, «власть для принятия важных решений как во благо, так и во вред», формируют свою, особую криптократию. Близкое будущее соответствует традиционным описаниям. Наш взгляд на знания в прошлом не укладывается в «спиритуалистскую» схему. Наш взгляд на настоящее и близкое будущее заставляет нас заменять магией рациональное для поиска убедительных соответствий. Они позволяют вам поместить жизнь человечества в ее совокупности во все времена. Все, что может помочь нам навести мосты, нам на руку.

Вот что мы можем сказать по этому поводу.

У человека, вне всякого сомнения, есть возможность вступить во взаимодействие со всей Вселенной. Хорошо известен парадокс путешественника Ланжевена. Созвездие Андромеды находится от Земли на расстоянии трех миллионов световых лет. Но космонавт, перемещающийся со скоростью, близкой к скорости света, постареет за это время всего на несколько лет. Согласно унитарной теории Жана Шарона, например, вполне можно предположить, что и сама Земля за время этого полета составит не больше этого. Таким образом, человек будет находиться в контакте со всем мирозданием, а пространство и время будут уже играть совершенно иную, чем прежде, роль. С другой стороны, физико-математические исследования на том этапе своего развития, на котором их оставил Эйнштейн, представляют собой попытку человеческого интеллекта открыть закон единого поля, управляющий всей совокупностью сил Вселенной (гравитацией, электромагнетизмом, светом, ядерной энергией). Попытка унитарного взгляда с помощью нашего интеллекта может

привести нас в такую точку, откуда будет видна вся непрерывность Вселенной. Вряд ли бы у нас возникло это желание, если бы наш разум не предчувствовал, что такая точка наблюдения существует, что достичь ее ему вполне по силам. «Ты бы не стал меня искать, если бы ты меня уже не нашел».

В другом плане, но в том же направлении, мы ведем и иной поиск. Поиск представления о постоянном, непрерывном развитии человеческого разума, накопленных знаний. Вот почему мы на сумасшедшей скорости переходим от магии к технике, от розенкрейцеров — к Принстону, от майя — к будущей мутации человека, от печати Соломона — к периодической таблице Менделеева, от исчезнувших цивилизаций — к цивилизациям будущего, от Фулканелли — к Оппенгеймеру, от колдуна — к похожей на него электронной машине и т.д. На сумасшедшей скорости, которая заставит пространство и время разбить скрывающую их скорлупу и представить нашему взору картину непрерывности Вселенной во всей ее полноте. Можно путешествовать во сне и наяву. Мы предпочли путешествие наяву. Вот поэтому эту нашу книгу никак не назовешь выдумкой, фантазией. И порой, в некоторые мгновения, нам кажется, что наш разум достиг той точки, откуда видна вся совокупность усилий, предпринимаемых человечеством. Прошлые цивилизации, пики накопления знаний, моменты разумной организации человечества — всего этого так много, как скалистых утесов в океане. Когда мы видим какую-то цивилизацию, пик накопления знаний, то, по существу, наблюдаем, как волны океана разбиваются об эту одну скалу, оставляя на ней мыльную пену. А мы искали и ищем такое возвышенное место, с которого можно будет созерцать весь океан в его спокойной, величественной непрерывности и гармоничном единстве.

Теперь мы перейдем к размышлениям о технике, науке и магии. Они позволят нам уточнить тезис в отношении идеи создания тайного общества (или скорее «заговора среди бела дня»), что станет прологом для наших дальнейших исследований об алхимии и исчезнувших цивилизациях.

Когда молодой инженер приходит работать в промышленность, он очень быстро начинает осознавать, что находится в двух разных вселенных. Есть вселенная его лаборатории, где придерживаются законов, установленных в ходе экспериментов, законов, которые можно выявить повторно, что позволяет ему составить довольно вразумительную картину окружающего мира. Но существует еще и реальная Вселенная, где проверенные законы не всегда действуют, где происходят непредвиденные явления, где само невозможное становится возможным.

Если этот инженер наделен взрывным темпераментом, то он по-разному реагирует на это: выражая то гнев, то страстное желание «взорвать к чертовой матери эту сволоочь — материю». Жизнь ученых, которые испытывают такие чувства, порой складывается трагически. Возьмите Эдисона, Теслу, Армстронга. Их на самом деле ведет демон. Вернер фон Браун испытывает эффективность своих ракет над головами лондонцев, устраивая кровавую бойню для тысяч жителей. В конце концов он попадает в руки гестапо за то, что по неосторожности однажды заявил: «Да плевать мне на победу Германии, мне нужно завоевать Луну!» Сегодня говорят, что трагедию порождала политика. Это — устарелый взгляд. Трагедия рождается в лаборатории. В ней эти «маги» определяют уровень технического прогресса. Мы все считаем, что техника — это лишь применение науки на практике. Напротив, она, развиваясь, действует против науки. Великий математик и астроном Саймон Ньюкомб доказывал, что предметы тяжелее воздуха летать не могут. Братья Райт, два механика, ремонтировавшие велосипеды, доказали, что он не прав. Резерфорд и Милликен доказывали, что энергию атомного ядра невозможно использовать. Но атомная бомба взорвалась над Хиросимой. Наука утверждает, что массу однородного воздуха нельзя разделить на теплый и холодный. Нильш показывает, что можно, и для этого нужно лишь заставить эту массу циркулировать в трубе определенной конструкции. Наука устанавливает барьеры невозможного. А инженер, словно маг на глазах у исследователя-картазианца, устраняет эти барьеры с помощью явления, аналогичного тому, которое физики называют «туннельным эффектом». Магия не дает инженеру покоя. Он хочет видеть сквозь стену, отправиться на Марс, поймать молнию, сделать золото из обычного металла. При этом он не ищет ни славы, ни выгоды. Он просто хочет добиться от Вселенной, чтобы она прекратила скрытничать. Это явный архетип, в смысле Юнга. По своему желанию творить чудеса, по тяжести висящего над ним рока, по ожидающему его довольно часто незавидному концу, он, этот инженер, — сын героев древних скандинавских саг и греческих трагедий.

Как маг он тяготеет к тайне, и в этом качестве подчиняется закону сходства, который вывел Д. Фрэзер в своем исследовании магии «Золотая ветвь».

Вначале любое изобретение — это всего лишь имитация какого-то явления природы. Летательный аппарат напоминает автомат-человека. Сходство с предметом, живым существом или каким-то явлением, свойства которых изобретатель стремится перенять, по сути дела, бесполезно

для изобретения, если не вредно. Но подобно магу, изобретатель черпает в этом сходстве многое. В нем он обретает силы, свое могущество, страсть, толкающие его вперед.

Можно проследить за переходом магического подражания в научную технологию. Таких случаев немало. Приведем пример.

Процесс поверхностного закаливания стального клинка на Ближнем Востоке начинался с того момента, когда раскаленным докрасна лезвием пронзали тело пленника. Это была типично магическая практика: таким образом клинку, его лезвию, передавались боевые качества поверженного врага. О такой практике в Европе стало известно со слов крестоносцев, которые утверждали, что европейская сталь сильно уступает дамаской. Были проведены соответствующие опыты. Сталь закаляли погружением в чан с водой, в котором плавали шкуры животных. Был получен такой же результат. В XIX веке стало известно, что такие высокие результаты закалки объяснялись воздействием органического азота. В XX веке, когда был получен сжиженный газ, метод был усовершенствован, и теперь булат закаливают в жидком азоте при низких температурах. Так в нашу технологию вошел процесс под названием «нитрирование», то есть процесс соединения металла с азотом.

Можно указать и еще на одну связь между магией и техникой. Для этого нужно обратить внимание на «заклятия», которые древние алхимики произносили во время работы.

Возможно, речь шла всего лишь о подсчете времени в темноте лаборатории. Фотографы часто прибегают к таким считалкам, стоя над ванночками, и мы слышали такие считалочки на вершине горы Юнгфрау, когда проявляли пластинки, просвеченные космическими лучами.

Наконец, существует и еще одна довольно любопытная и впечатляющая связь между магией и техникой: это синхронность в появлении изобретений. В большинстве стран их аккуратно регистрируют, отмечают день, даже час подачи и заявки на патент. Довольно часто случается, что изобретатели, ничего об этом не ведая, находясь на значительном расстоянии друг от друга в своих лабораториях, подавали свои заявки одновременно. Такое явление, конечно, не объясняет расплывчатое предположение о том, что «изобретения витают в воздухе» или что «изобретение появляется тогда, когда в нем возникает необходимость». Но если существует такой феномен, как экстрасенсорное восприятие, циркуляция мыслей, сосредоточенных на одном и том же исследовании, то такой факт заслуживает своего ускоренного изучения. Возможно, такое изучение поможет нам понять и такой факт: почему магические технические при-

емы оказываются идентичными в большинстве древних цивилизаций, расположенных друг от друга на больших расстояниях, за горами и морями...

Мы привыкли к мысли, что техническое изобретение — это современное явление. Мы убеждены в этом только потому, что мы не даем себе труда проанализировать древние документы. В мире нет ни одной службы, занимающейся изучением научных исследований, проводящихся в прошлом.

Если кто и читает древние книги, то только редкие эрудиты с чисто литературной или исторической закваской. Их не интересуют содержащиеся в этих книгах сведения о науке и технике. Может быть, люди мало интересуются прошлым, потому что все усилия сконцентрированы на подготовке к будущему? Мы в этом не уверены. Французские интеллектуалы увязли где-то в схеме XIX века. Писатели-авангардисты совсем не интересуются наукой, а всеобщее внимание все еще привлекают социология, датируемая эпохой изобретения паровой машины, и революционный гуманизм, родившийся вместе с устаревшей винтовкой системы Шаспо. Кажется, что Франция закоснела где-то на границе 1880-х годов. Может быть, дела обстоят лучше в промышленности? Только в 1955 году в Жевеве состоялась первая всемирная конференция ученых-атомщиков. Рене Алло поручили распространить во Франции документы о мирном применении ядерной энергии. Шестнадцать томов с результатами научных исследований ученых всего мира стали самой крупной и самой важной публикацией в истории науки и техники. О выходе на свет этого многотомного издания были оповещены пять тысяч промышленных предприятий, которые рано или поздно должны были бы заинтересоваться проблемами ядерной энергии. Издательство получило только двадцать пять ответов...

Мы ничего или почти ничего не знаем о прошлом. Все эти сокровища дремлют на полках библиотек. Мы, которые так любим кичиться своей «любовью к человеку», отдаем предпочтение истории знаний как прерывистому процессу, в котором истинные светочи знаний разделены сотнями лет невежества. Идея о том, что вдруг ни с того ни с сего пришел «Век просвещения», идея, которую мы все восприняли с разоружающей наивностью, погрузила для нас во тьму все остальные времена. Новый взгляд на древние книги изменил бы все в корне. Всех поразил бы тот факт, что знания — это непрерывный, ничем не останавливаемый процесс. К тому же не следует выпускать из виду то, что, по словам Эттербери — современника Ньютона, «древних книг больше утеряно, чем сохранилось».

Этот новый взгляд отважился высказать наш друг Рене Алло, техник и историк одновременно. Он вчерне разработал свой метод и получил кое-какие обнадеживающие результаты. Но, к сожалению, до сих пор он не получил никакого поощрения, никакой поддержки своих усилий, а решение такой громадной задачи не по плечу одному человеку. В декабре 1955 года он по моей просьбе выступил перед инженерами автомобильной промышленности. Алло обратился к участникам конференции с такими словами:

«Что осталось от тысяч манускриптов, хранившихся в Александрийской библиотеке, основанной Птолемеем Сотером? Что осталось от этих документов, навсегда утраченных для человечества, которым нет замены? Что мы можем теперь узнать о состоянии науки древности? Куда подевались 200 000 книг Пергамской библиотеки? От них остался лишь пепел. Что стало с собраниями книг Лисистрата в Афинах, с библиотекой Иерусалимского храма, святилища Пта в Мемфисе? Какие сокровища содержались в тысячах книг, которые были безжалостно сожжены в 213 году до н.э. по приказу китайского императора Цу-Гуа-Уи, который при этом преследовал чисто политические цели? Мы стоим перед пеплом, оставшимся от этих античных книг, как перед развалинами громадного древнего храма, от которого уцелело всего несколько камней. Но при внимательном анализе сохранившихся фрагментов и надписей мы сталкиваемся с такими глубокими истинами, которые никак нельзя отнести на счет только интуиции древних.

Прежде всего, вопреки укоренившейся вере, методы рационализма не были изобретены Декартом. Обратимся к текстам. «Тот, кто ищет истину, — писал Декарт, — должен прежде, насколько только возможно, подвергать все сомнению». Эта его фраза хорошо известна, но она просто блещет новизной. Во второй книге «Метафизики» Аристотеля читаем: «Тот, кто ищет истину, должен прежде всего научиться сомневаться, ибо сомневающийся ум ведет к обнаружению истины». Таким образом, можно констатировать, что Декарт заимствовал у Аристотеля не только эту капитальную фразу, но и большую часть его знаменитых правил верного направления умственного развития, лежащих в основе экспериментального метода. Это лишь доказывает, что Декарт внимательно читал Аристотеля, от чего воздерживаются современные картезианцы. Они могут также сказать, что кто-то написал: «Если я заблуждаюсь, то из этого делаю вывод, что я существую, ибо тот, кто не существует, не заблуждается, а если заблуждаюсь, то я чувствую, что существую». К сожалению, это сказал тоже не Декарт, а святой Августин.

Что касается скептицизма, столь необходимого для наблюдателя, то вряд ли можно довести его до такого предела, как это сделал Демокрит, который считал приемлемым только тот опыт, при котором он лично присутствовал и результаты которого он подтвердил печатью своего перстня.

Это довольно далеко от той наивности, в которой упрекают древних. Да, вы можете согласиться со мной в том, что древние философы были наделены гениальными способностями в области разных знаний, но скажите, что им было известно о науке?

В отличие от того, с чем мы сталкиваемся в современных популяризаторских книжках, теории атома не были ни открыты, ни сформулированы Демокритом, Левкиппом или Эпикуром. Действительно, Секст Эмпирик сообщает нам, что Демокрит узнал о них через предание, относившееся к Моску Финикийскому, который, что очень важно, утверждал, кажется, что атом может делиться.

Заметим, что самая древняя теория куда более точна по сравнению с теорией Демокрита и греческих сторонников атомизма, считавших, что атом неделим. В этом конкретном случае речь скорее идет о забытых «непонятных» древних архаичных знаниях, чем об оригинальных открытиях. Ну, а как не удивляться сделанным тогда открытиям в области космологии, причем без мощного телескопа. Часто приходится констатировать, что чем древнее астрономические данные, тем они точнее. Например, по мнению Фалеса и Анаксимена, Млечный Путь образовали звезды, каждая из которых представляла собой целый отдельный мир со своим солнцем и планетами, и эти миры размещены в громадном пространстве. В трудах римского поэта и философа Лукреция (I в. до н.э.) мы встречаем рассуждения о единообразии падения тел в безвоздушном пространстве и о бесконечном пространстве, заполненном бесконечным множеством миров. Пифагор до Ньютона обучал закону о квадрате гипотенузы прямоугольного треугольника. Плутарх, взявшись за изучение тяжестей и весов, приходит к выводу о взаимном притяжении всех земных предметов, и о том, что Солнце и Луна притягивают к своему центру все то, что им принадлежит, и силой тяготения удерживают это в своей определенной сфере.

Галилей и Ньютон не раз подчеркивали, скольким они обязаны древней науке. Коперник, посвятивший свой главный труд «Об обращении небесных сфер» папе Павлу III, написал, что он почерпнул идею вращения Земли вокруг Солнца, читая древних. Такие признания о заимствовании несколько не умаляют славы Коперника, Ньютона или Галилея,

которые принадлежали к той породе великих умов, чье полное бескорыстие и великодушие не имели ничего общего с авторским самолюбием и стремлением к оригинальности любой ценой, которыми отличаются современные ученые, подталкиваемые к этому глубоко укоренившимися предрассудками. Насколько убедительнее, насколько глубже кажется замечание модистки французской королевы Марии-Антуанетты, мадемуазель Бертен! Обновляя своими проворными руками старинную шляпку для своей госпожи, она воскликнула: «Боже, все новое — это только хорошо забытое старое!»

История изобретений, как и история науки, в полной мере подтверждает правдивость этой летучей тирады. «Большинство открытий, — пишет французский ученый и оккультист Фурнье, — происходит в силу летучей случайности, которую древние превратили в неуловимую богиню, почти всегда выскальзывающую из рук с первого раза. Если схватишь на лету идею, мысль, способную решить проблему, значительный факт, то, считай, изобретение в кармане, если нет, то оно ускользнет, и его повторное открытие растянется на несколько поколений. Чтобы изобретение восторжествовало, какая-то новая мысль должна вызвать старую мысль из забвения или талантливый изобретатель должен воспользоваться плагиатом, позаимствовав кое-что у своего второсортного коллеги.

В области изобретательства несчастье выпадает первопроходцу, а слава и выгода достается второму, идущему по его следам. Таковы соображения, оправдывающие название моего доклада.

Я часто размышлял о том, можно ли заменить случайность в той или иной мере детерминизмом, а риск спонтанного появления изобретений — гарантией со стороны обширной исторической документации, основанной на поддающихся контролю экспериментальных опытах. С этой целью предложил учредить не специализированную службу для поисков предшествующих патентов, которая в любом случае завершилась в XVIII веке, а технологическую, которая просто занялась бы изучением древних научных или технических методов, с целью их дальнейшего адаптирования при необходимости к потребностям современной промышленности.

Если бы такая служба давно существовала, то она могла бы обратить внимание на одну маленькую книжку, опубликованную в 1618 году, выход в свет которой прошел незаметно. Она называлась «Естественная история фонтана, бьющего возле Гренобля». Ее автором был врач из Турнона Жан Тарден. Если бы в то время внимательно изучили этот до-

кумент, то газ для освещения домов начали бы использовать еще в начале XVII века. Жан Тарден не только изучил бьющий фонтаном природный газ, но и воспроизвел в своей лаборатории это явление, которое наблюдал. Он поместил каменный уголь в закрытый сосуд, который подверг нагреванию до высокой температуры, и после этого изучил природу огня, возникающего в сосуде. Он внятно объяснил, что причиной этого огня является полученный в результате перегонки битум и достаточно привести его в газообразное состояние, чтобы получить «огненную смесь». Француз Лебон задолго до англичанина Винзора запатентовал свою «термо-лампу». Однако это произошло лишь на седьмом году Французской республики. Таким образом в течение двух столетий из-за нежелания более внимательно ознакомиться со старинными или древними текстами такое важное для всей промышленности и торговли изобретение было предано забвению, то есть было фактически потеряно.

За столетие до получения первых оптических сигналов французского механика Клода Шаппа (1763—1805), семафорного оптического телеграфа в 1793 году, французский писатель, архиепископ Франсуа Феналон (1651—1715) в письме от 26 декабря 1695 года к Яну Собесскому, польскому королю, упоминает о своих недавних опытах по изобретению оптического телеграфа и передаче голоса на расстоянии.

Еще в 1636 году никому не известный автор по имени Швентер в своих «Физико-математических развлечениях» изучает принцип электрического телеграфа, посредством которого, по его словам, «два человека могут общаться между собой с помощью» магнитной стрелки». Опыты датского физика Ханса Кристиана Эрстеда (1777—1851) по изучению отклонения магнитной стрелки и магнитного действия электрического тока относятся лишь к 1819 году. Вот вам снова два столетия забвения.

Назову мимоходом еще несколько малоизвестных изобретений: колокол для погружения в воду изображен в манускрипте «Роман об Александре», хранившемся в королевском кабинете эстампов в Берлине; в подписи к нему указана дата — 1320 год. В манускрипте немецкой поэмы «Соломея Альраф», составленном в 1190 году (хранится в библиотеке Штутгарта), есть рисунок подводной лодки. Она была сделана из кожи и могла противостоять натиску бури.

Когда его окружили вражеские галеры, изобретатель, чтобы избежать пленения, затопил свою лодку и в течение четырнадцати дней находился под водой, дыша через специальную трубку. В работе, написанной около 1510 года рыцарем Людвигом фон Картенштейном, представлен рисунок костюма водолаза, на уровне глаз человека мы видим два отверстия, зак-

рытые очками со стеклянными линзами. На голове крепится шланг с впускным краном, подающим воздух в водолазный костюм. Справа и слева на рисунке изображены различные принадлежности, необходимые для спуска и подъема, в частности, толстые подошвы из свинца и шест со ступеньками.

Вот еще один предмет из области давно забытого. Неизвестный писатель, родившийся в 1729 году в Монтебурге неподалеку от Кутанса, опубликовал сочинение под названием «Гифантия» — это анаграмма первого имени автора Тифен де ла Рош. В нем он описывает не только черно-белое, но и цветное фотографирование: «Отпечаток образов, — пишет автор, — производится в тот момент, когда холст их получает. Его убирают и кладут в темное место. Через час смазка высыхает, и вы получаете такую прекрасную картину, которую не под силу создать никакому искусству, подражающему реальности...» И автор добавляет: «Самое главное — найти нужное клейкое вещество, способное перехватывать и поглощать лучи, во-вторых — приготовить его к употреблению, в-третьих — взаимодействие света и этой высохшей основы». Известно, что об открытии, сделанном французским художником и изобретателем Луи Жаком Дагером (1787—1851), было объявлено в Академии наук через столетие, 7 января 1839 года. Кроме того, следует заметить, что о свойствах некоторых металлов фиксировать на своей поверхности различные изображения, было сказано немецким астрономом Фабрициусом в его трактате «De Rebusmetallicis» («О загадках металлов»), появившемся в 1566 году.

Еще пример. Всем хорошо известная вакцинация описана еще в стародавние времена в одной из вед «Сактя Грантхам». Этот текст цитировал Моро де Жуэ еще 16 октября 1826 года в Академии наук в своем «Меморандуме о легкой форме оспы»: «Нанесите жидкость из нарыва на кончик ланцета и проколите им руку, чтобы эта жидкость смазалась с кровотоком. В результате начнется лихорадка, но болезнь будет очень вялотекущей и не сможет вызвать никакого страха». После этого приводится точное описание ее симптомов.

Может быть, здесь имелись в виду какие-то анестезирующие средства? В этой связи можно обратиться к работе Дени Папена, написанной в 1681 году и озаглавленной «Трактат о безболезненных операциях», или обратиться к древним китайским опытам с экстрактом индийской конопля, или настойке, сделанной из корня мандрагоры, хорошо известной в Средние века и совершенно забытой в XVII веке. Врачи из Тулузы по имени Триоль в 1823 году изучил результаты ее лечебных и анестезирующих свойств. С тех пор никому и в голову не приходило их опровергать.

Ну, а пенициллин? В этом случае, ссылаясь на чисто эмпирические знания, можно привести пример с компрессами из сыра рокфора, которые широко применялись в Средние века, но можно привести и кое-что еще более любопытное.

Воспитанник школы военной медицины в Лионе Эрнест Дюшен 17 декабря 1897 года представил диссертацию на тему: «Мой вклад в изучение борьбы за жизнь среди микроорганизмов — антагонизма между плесенью и микробами». В этой научной работе описываются проведенные медиком опыты, демонстрирующие воздействия *penicillium glaucum* на бактерии. Однако эту диссертацию никто не заметил. Впрочем, я хочу подчеркнуть этот пример забвения из не столь далекого прошлого, считая его триумфом современной бактериологии.

Хотите еще примеры? Им несть числа, и каждый заслуживает научной конференции. Приведу лишь кислород, свойства которого были исследованы еще в XV веке алхимиком по имени Экк де Сульсбак, как о том сообщил Шеврель в «Журнале ученых» в октябре 1849 года. Однако еще Теофраст говорил, что огонь поддерживается газообразным веществом, и того же мнения был Климент Александрийский.

Не стану приводить здесь примеры необычайных предвидений таких выдающихся людей, как Роджер Бэкон, Сирано де Бержерак и других, так как их предсказания очень легко отнести к игре воображения. Предпочитаю оставаться на твердой почве фактов, поддающихся проверке. По поводу автомобиля скажу, что в XVII веке в Нюрнберге человек по имени Иоанн Хаутч делал «коляски на рессорах». В 1645 году это транспортное средство было впервые испытано во дворе церкви, но созданное для эксплуатации этого изобретения «Коммерческое общество» так ничего и не сделало.

Даже в отношении самых великих открытий мы очень мало знаем о тех идеях, которые выдвигали древние. Христофор Колумб честно признавал, что он многому научился у древних ученых, философов и поэтов. Обычно забывают о том, что великий мореплаватель лично дважды переписал слова гимна, распеваемого Хором во втором акте трагедии Сенеки «Медея», в котором говорится о новом свете, открытие которого принадлежит будущим векам. Копию его манускрипта «Лас прогресиас» можно увидеть в библиотеке Севильи. Колумб также не раз вспоминал утверждения Аристотеля о сферичности Земли в его трактате «О Небе».

Разве Жубер не имел оснований заметить, что «ничто не делает умы столь безрассудными и тщеславными, как незнание прошлых времен и презрительное отношение к древним книгам»?

Ривароль очень точно подметил: «Всякое государство — это мистический корабль, якоря которого на небе». И по поводу времени можно сказать, что у корабля будущего якоря закреплены в небе прошлого. Только забвение грозит нам самыми страшными кораблекрушениями.

Крайне невероятно звучит история открытия золотых приисков в Калифорнии, если бы только она не была правдива. В июне 1848 года некто по имени Маршалл впервые обнаружил золотые самородки на берегу ручья, возле которого он следил за строительством мельницы. Здесь когда-то проходил Фернандо Кортес, когда искал в Калифорнии мексиканцев, которые, как утверждалось, владели громадными сокровищами. Кортес перевернул вверх дном всю эту страну, обыскал все хижины, но так и не нашел даже горсти золотого песка. На протяжении трех веков банды испанских разбойников, члены миссий «Общества Иисуса» ходили фактически по залежам золотого песка в поисках мифического Эльдорадо. Тем не менее в 1737 году, за столетие до открытия Маршалла, читатели «Голландской газеты» могли узнать, что серебряные и золотые копи Соноры пригодны к эксплуатации, и могли даже занести в свои записные книжки их точные координаты. Более того, в 1767 году в Париже можно было купить книжку под названием «Естественная и гражданская история Калифорнии», автор которой, Бурнель, описывал золотые копи и приводил свидетельства мореплавателей об обнаруженных там самородках. Но никто так и не придал никакого значения ни статье в газете, ни этой книжке, ни этим фактам, которые лишь через сто лет породили безумную «золотую лихорадку». Почему же сегодня не читают записки арабских путешественников? В них можно найти точные указания и территориальное расположение перспективных месторождений.

Забвение воистину не щадит ничего. Мои долгие исследования, постоянные проверки позволили убедиться в том, что Европа и Франция владеют такими сокровищами, которые совершенно не используются, — это древние документы, хранящиеся в наших библиотеках. Любая индустриальная техника стоит «на трех китах»: опыт, наука и история. Исключить последнее, отказаться от нее — значит тем самым проявить лишь свою гордыню и наивность. Перед тем как рискнуть и сделать дорогостоящие капиталовложения, любой промышленник должен как следует ознакомиться со всеми технологическими сторонами той или иной проблемы. Отрасли промышленности куда древнее наук, поэтому предпринимателям крайне необходимо хорошо знать историю того, что предшествовало, а это-то как раз они знают куда хуже, чем им представляется.

Древние с помощью своих технических приемов получали такие результаты, которые можем получить и мы, но мы не в состоянии их объяснить, несмотря на весь свой громадный теоретический арсенал. Такая простота — высший дар древней науки.

Да, скажете вы — может быть, вы и правы, но как быть с ядерной энергией?

На это замечание я отвечу цитатой, которая наверняка заставит вас задуматься. В одной очень редкой, почти никому даже среди специалистов не известной книге, которая вышла в свет лет двадцать пять назад под названием «Атланты», автор, укрывшийся за псевдонимом Руазель, рассказывает о результатах своих шестидесятилетних исследований и разработок по древней науке. Руазель, рассказывая о научных знаниях, которыми владели атланты, написал строчки, весьма неординарные для своей эпохи: «Результатом этой постоянной деятельности явилось, по сути дела, появление материи, такого ее равновесия, нарушение которого вызовет мощные космические явления. Если в силу какой-то неизвестной причины наша Солнечная система распадется, то составляющие ее атомы вследствие такого распада, приобретя независимость друг от друга, сразу начнут активно действовать, и в результате в пространстве появится поразительное, несказанное свечение, свидетельствующее о далеком колоссальном разрушении и зарождающее надежду на возникновение нового мира».

Мне кажется, что этого примера вполне достаточно, чтобы понять всю глубину фразы, брошенной модисткой Марии-Антуанетты, мадемуазель Бертен: «Все новое — это хорошо забытое старое».

А теперь посмотрим, какой практический интерес для промышленности представляет систематическое изучение прошлого. Когда я предлагаю склониться над трудами древних, проявляя к ним самый живой интерес, то делаю это не для того, чтобы добавить вам эрудиции. Если возникает какая-то конкретная проблема в промышленности, нужно искать в древних научных или технологических документах такие важные факты, ранее обойденные вниманием, такие методы, позабытые давно, которые помогут нам справиться с проблемой.

Пластические материалы, которые мы считаем относительно недавним изобретением, были бы изобретены значительно раньше, если бы кто-то сообразовал проделать некоторые опыты химика Берцелиуса.

Что касается металлургии, то приведу всего один важный, на мой взгляд, факт. В начале моих исследований некоторых химических процессов древних я с удивлением констатировал, что не могу воспроизвес-

ти в лабораторных условиях некоторые их металлургические опыты, хотя они были довольно ясно изложены. Напрасно я искал причины своей неудачи, ведь я строго следовал всем указаниям и соблюдал все пропорции. Раздумывая над этим, я вдруг понял, что совершил одну серьезную ошибку. Я использовал химически чистые вещества, а древние пользовались веществами неочищенными, то есть солями, полученными из естественных продуктов, способными, таким образом, вызвать процесс катализации. И опыты подтвердили эту догадку. Специалисты, конечно, поймут, какие захватывающие перспективы открывают перед ними такие наблюдения. Сколько можно сэкономить горючего, электрической энергии, если применять в металлургии некоторые методы древних, которые — почти все — основаны на использовании катализаторов.

Древним были известны такие металлургические процессы, которые давно забыты, — например, закаливание меди в ванне с органическими веществами. В результате они получали чрезвычайно прочные и острые инструменты. Не менее изобретательны были они и в выплавке этого металла.

В области сплавов, этой самой важной области современной металлургии, внимания древних не избежали очень важные факты. Они умели производить не только напрямую из сложных минералов сплавы с необычными свойствами, но и использовали такие особые сплавы, как, например, электрум, который мы никогда серьезно не изучали и не производили, хотя нам известен процесс его изготовления.

Я не стану говорить о перспективах развития таких наук, как фармацевтика и медицина, исследования древних в этих областях плохо изучены и еще ждут своих разработчиков. Лишь укажу на важность метода лечения ожогов, а этот вопрос приобретает все более важное значение в связи с несчастными случаями на дорожном транспорте и в авиации. Ни в какую другую историческую эпоху, кроме как в Средневековье, когда повсюду полыхали пожары, не было найдено лучших способов лечения ожогов, а рецептура таких снадобий теперь абсолютно забыта. Могу лишь добавить, что некоторые средства древней фармакологии не только снимали боль, но и рассасывали швы и даже восстанавливали поврежденные ткани.

Что касается красок и лаков, то излишне напоминать об очень высоком качестве таких материалов, создававшихся по рецептам древних. Тайна замечательных ярких красок, которыми пользовались знаменитые художники Средневековья, не утрачена, как полагают почти все. Во Франции мне известен, по крайней мере, один древний манускрипт, в котором приводится рецепт для приготовления таких красок. Современ-

ные художники. проживи они еще век, не узнали бы своих полотен, так как используемые ими краски долго не выдержат и утратят свою яркость. Да и знаменитый желтый цвет Ван Гога, кажется, утратил ту яркость, которой когда-то обладал.

Что можно сказать о добыче полезных ископаемых? Укажу в этой связи лишь на тесную связь между медицинскими исследованиями и геологической разведкой. Применение растений с терапевтической целью, которое получило название фитотерапии, о которой хорошо было известно древним, превращается в новую науку — биогеохимию. Эта наука ставит своей целью обнаружение позитивных аномалий, говорящих о наличии некоторых металлов в растениях, что указывает на близость залежей полезных ископаемых. Таким образом, наличие некоторых металлов в растениях можно использовать с двоякой целью: и для лечения больных, и для геологической разведки. Вот вам еще один разительный пример развития современной науки — сращение различных научных дисциплин, что удовлетворяет требованиям постоянного синтеза.

Приведем еще несколько направлений научных исследований и их промышленного применения. Возьмем хорошо знакомые всем удобрения: в этой обширной области древние химики добились поразительных результатов, о которых нам, по существу, очень мало известно. Я имею в виду то, что они называли «эссенцией плодородия», — продукт, получаемый путем смешивания некоторых солей с настоящим или перегнившим навозом.

Производство стекла в древности — еще один малоизученный вопрос: римляне пользовались полами из стекла, поэтому изучение древних методов получения стекла может во многом помочь решить сложные современные проблемы, как, например, растворение в стекле редкоземельных металлов и палладия, что позволило производить флуоресцентные лампы.

Что касается текстильной промышленности, то, несмотря на триумф минеральных красок, а может, вопреки ему, она начала применять при производстве тканей «люкс» такие краски, которыми пользовались древние, и даже сейчас технологи пытаются создать особую древнюю ткань, известную под названием «пилема». Речь идет о льняной или шерстяной ткани, обработанной некоторыми кислотами, которая в результате не рвется даже при ее протыкании металлическим острием колющих и режущих предметов и не возгорается от соприкосновения с огнем.

В мебельной промышленности, в силу все еще довольно высокой стоимости отделочных пластиковых материалов, можно тоже найти удач-

ные, устраивающие всех решения с использованием древних методов обработки дерева с помощью различных физических и химических реагентов. В гражданском строительстве необходимо возродить интерес к изучению особых сортов цемента, рецепты изготовления которых можно найти в древних трактатах XV и XVI веков, по своим характеристикам намного превосходящих современный цемент.

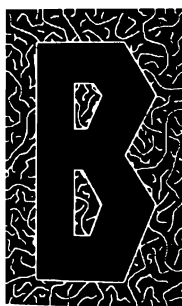
Советская промышленность недавно приступила к выпуску изделий из керамики, которые по своей прочности не уступают железным. Здесь тоже не обошлось без изучения древних методов обработки и обжига.

Наконец, можно указать и еще на одно важное, на мой взгляд, направление, которое может иметь далеко идущие последствия. Я имею в виду работы, касающиеся энергии земного магнетизма. В этой области имеются весьма любопытные наблюдения древних, которые никогда серьезно не изучались и не проверялись, несмотря на их очевидный неоспоримый научный интерес. Коль скоро речь зашла об опыте прошлого и возможностях, открываемых перед нами будущим, то, как мне кажется, глубокий реализм требует отойти от настоящего. Такое утверждение может показаться парадоксальным, но стоит лишь чуть призадуматься, чтобы понять, что настоящее — это всего лишь точка соприкосновения двух линий — прошлого и будущего. Прочно полагаясь на опыт предков, нужно скорее глядеть вперед, чем себе под ноги, и не преувеличивать понапрасну тот короткий интервал нарушенного равновесия, в течение которого мы проходим через время и пространство. Только самый здравый взгляд поможет нам постоянно следить за равновесием того, что было, и того, что будет.

Глава IV

ТАЙНАЯ ВЛАСТЬ

Знание и Власть под покровом тайны. — Введение революционной войны. — Техника, возрождающая гильдии. — Возвращение к эпохе адептов. — Писатель верно предсказал: есть «энергоцентрали». — От монархии к криптократии. «Тайное общество» как форма будущего правительства. — Интеллигенция — это тайное общество. — Стучат в дверь, откройте!

довольно странной статье, в которой тем не менее нашло свое отражение мнение многих французских интеллектуалов, Жан-Поль Сартр напрочь отказывал водородной бомбе в праве на существование. Существование, по теории отца экзистенциализма, предшествует сущности. Но этому феномену, сущность которого его не устраивает, он отказывает в существовании. Интересное противоречие! «Водородная бомба, — писал Жан-Поль Сартр, — против истории». Каким образом факт человеческой цивилизации может быть «против истории»? Что же в таком случае есть история? По Сартру, это такое движение, которое непременно приведет народные массы к власти. Ну, а что такое водородная бомба? Источник могущества в руках нескольких человек. Очень узкое общество, состоящее из ученых, техников, политиков, меняет судьбу всего человечества. Чтобы история обладала тем смыслом, который мы ей обычно придаем, ликвидируем водородную бомбу. Что же мы видим? Социальные прогрессисты желают остановить прогресс. Родившаяся в XIX веке социология требует возвращения к своим истокам.

Хотелось бы, чтобы нас правильно поняли: мы отнюдь не поощряем производство оружия массового уничтожения, и мы не против стремления к справедливости, которое порождает все лучшее в любом человеческом обществе. Речь идет лишь о том, чтобы посмотреть на все с иной точки зрения.

1. Совершенно верно, что такое разрушительное оружие представляет серьезную угрозу для жизни всего человечества. Но именно потому, что оно находится в руках немногих людей, оно и не используется. Современное человеческое общество способно выжить лишь потому, что только очень небольшое, весьма ограниченное число людей принимает самое ответственное решение.

2. Это страшное оружие не может стоять на месте, оно продолжает развиваться, совершенствоваться. В авангардистских исследованиях граница между добром и злом все больше стирается. Любое открытие на высоком структурном уровне *одновременно* может быть и положительным, и отрицательным. С другой стороны, технологии, совершенствуясь, вовсе не усложняются, напротив, они упрощаются. Они используют такие силы, которые приближаются к элементарным. Число проводимых операций сокращается, оборудование облегчается. В конечном итоге в руках человека окажется ключ к вселенским силам. После чего начнется движение к упрощенному могуществу. Чем ближе мы будем подходить к нему, тем плотнее будет перед ним завеса, тем выше барьеры безопасности, чтобы тем самым обеспечить продолжение жизни на Земле.

3. Этот таинственный покров устанавливается сам по себе, когда истинная власть переходит в руки ученых. У них — свой собственный язык, собственные формы мышления. Но это не искусственный барьер. Нужны другие слова, так как разум достигает более высокого уровня развития.

Люди науки, если только обратятся к ним, сумеют убедить власть имущих, что у них этой власти окажется гораздо больше, а правительства в том, что управлять они будут гораздо эффективнее. И они очень скоро возвысятся над любым богатством, над любой властью. Каким образом? — спросите вы. Прежде всего, введением бесконечной усложненности. Мысль, считающая себя главенствующей, усложняет до крайности ту систему, которую она намерена разрушить, и подтаскивает ее, беззащитную, поближе к себе для расправы, как паук попавшую в его паутину муху. Люди власти, те, кто обличен ею, члены правительства являются лишь посредниками в эпоху, которая сама является переходной.

4. По мере того, как это разрушительное оружие умножается, война меняет свое лицо. Начинаются бесконечные бои в виде партизанской войны, дворцовых переворотов, засад и ловушек, сопротивления и маки, газетных и журнальных статей, книг, обличительных речей. Революционная война становится войной краткой, и такое изменение форм ведения войны соответствует изменению целей, поставленных перед собой человечеством. Прежние войны велись для того, чтобы «владеть». Революционная война ведется, чтобы «существовать». Когда-то человечество из кожи вон лезло ради дележа земли и ее использования. Чтобы кто-то делил между собой ее богатства и ими пользовался, теперь с помощью этой никогда не прекращающейся войны, которая скорее похожа на танец насекомых, поглаживающих друг друга усики, все идет так, как будто человечество ищет объединения, союза, общего сбора для изменения самой Земли. На смену желанию пользоваться приходит воля что-то делать. И люди знаний, которые разработали и психологическое оружие, не чужды этому изменению. Революционная война совпадает с рождением нового разума, рабочего разума. Разума труженников Земли. В этом смысле история — это мессианское движение масс. Такое движение совпадает с концентрацией знаний. Вот через эту фазу мы с вами и проходим, преследуя цель большего очеловечивания и постоянного возвышения разума.

Но спустимся с эмпиреев к очевидным фактам, и мы увидим, что мы вступаем в век тайных обществ. Если мы обратимся к более важным, а посему менее видимым, фактам, то почувствуем, что мы вступаем также в век адептов. Адепты блистали своими знаниями во всех обществах, организованных с целью сохранения в тайне своей техники. Не так уж трудно представить себе будущий мир, построенный по такой модели. Мир, близкий к нашему, если учесть, что история не повторяется полностью. Или, скорее, если она проходит через ту же точку, но гораздо выше по спирали.

С исторической точки зрения сохранение своих технических знаний было одной из целей тайных обществ. Так, египетские жрецы ревностно хранили законы разработанной ими геометрии. Недавно проведенные исследования установили существование в древнем Багдаде одного тайного общества, которое хранило секрет электрической батарейки и монополию на метод гальванопластики. И это происходило две тысячи лет назад. В Средние века во Франции, Германии, Испании создавались гильдии техников. Обратитесь к истории алхимии. К секрету производства красного стекла, когда в него в момент плавки вводили золото. Обрати-

тись к секрету «греческого огня», льняного масла с желатином, прообраза нашего напалма. Секреты Средневековья так и не были раскрыты: секрет гибкого стекла, секрет получения холодного огня и т.д. В наше время появились группы ремесленников, которые хранят секреты технических приемов производства своих изделий, — будь то губные гармошки, стеклянные шарики или синтетический бензин.

На больших американских атомных заводах физики носят знаки различия, указывающие на степень их осведомленности и ответственности. Разговаривать можно с человеком, у которого точно такие знаки различия, как у вас. У каждой такой категории — свои клубы, свой круг знакомых, любимых женщин. Так формируются закрытые общества, напоминающие средневековые гильдии в области реактивной авиации, создания циклотронов или электроники. В 1956 году китайские ученые, выпускники Массачусетского технологического института, попросили разрешение на возвращение домой. Хотя они не работали над секретными военными проблемами, все равно, по мнению американцев, они слишком много знали, и им запретили уезжать из страны.

Тогда китайское правительство, желая вернуть своих высокообразованных специалистов, предложило «обменять» их на американцев, обвиненных в шпионаже против Китая.

Сохранение научно-технических секретов нельзя доверять обычным полицейским. Но специалисты по безопасности вынуждены в обязательном порядке овладевать теми науками и той техникой, которые им поручено охранять. Этих специалистов готовят работать в ядерных лабораториях, а самих физиков-ядерщиков — следить за своей безопасностью. Таким образом, формируется некая каста, которая обладает куда большим могуществом, чем правительства и политическая полиция.

Наконец, для полноты картины, вспомним о группах техников, готовых работать в тех странах, которые больше всего платят. Это те же наемники, только на иной лад. Это — «мушкетеры на продажу» нашей цивилизации, кондотьеры в белых отглаженных рубашках. Южная Африка, Аргентина, Индия — вот лучшее поле для их секретной деятельности. Там у них — настоящие империи.

Вернемся к менее заметным, но не менее важным фактам. Вернемся к веку адептов. «Ничто во Вселенной не может противостоять достаточно большому числу хорошо организованных и сплоченных могучих умов, чьи усилия направлены на одну точку», — доверительно говорил Тейяр де Шарден Жоржу Малуару.

Прошло уже более пятидесяти лет с тех пор, когда Джон Бьюкен, который играл в Англии заметную политическую роль, написал роман, который одновременно являлся и своеобразным посланием, обращенным к нескольким великим умам эпохи. В этом романе, совсем не случайно получившим название «Энергетический центр», главный герой рассказывает одному скромному известному господину такие поразительные вещи, которые сбивают его с толку. Он ведет речь в таком тоне, словно они беседуют о гольфе.

«— Несомненно, в нашей цивилизации — множество замковых камней свода, то есть основ, разрушение которых повлечет за собой ее крушение. Но, слава богу, эти замки еще достаточно прочны...

— Не столь, как вы думаете... Подумайте — ведь машина стареет, ветшает, и ее прочность уменьшается с каждым днем. По мере усложнения нашей жизни, усложняется и ее механизм, а следовательно, он становится все более уязвимым. Ваши так называемые санкции множатся, и каждая из них несет в себе опасность. В века, когда повсюду властвовал обскурантизм, существовала лишь одна великая сила: страх перед Богом и его Церковью. Сегодня перед вами мириады маленьких божков, таких же ломких и хрупких, и их сила объясняется только нашим молчаливым согласием ничего о них не говорить и их не обсуждать.

— Но вы забываете об одном, — возразил я. — О том факте, что люди на самом деле согласны поддерживать машину на ходу. Это то, что я назвал «цивилизованной доброй волей».

— Вы меня навели на одну важную мысль. Цивилизация — это не что иное, как заговор. На кой черт была бы нужна ваша полиция, если любой преступник мог бы найти убежище по другую сторону пролива, или ваши представления о справедливости, если бы другие суды их не признавали? Современная жизнь — это не сформулированный публично договор владельцев для сохранения своих притязаний. И этот договор будет сохранять свою эффективность, пока не появится новый, который уничтожит прежний.

— Трудно дискутировать о том, что не поддается дискуссии, — ответил я. — Но мне казалось, что общие интересы запрещают лучшим умам принимать участие в том, что вы называете заговором.

— Я ничего не знаю, — сказал он, помедлив. — На самом ли деле лучшие умы трудятся в рамках этого договора? Возьмите правительство, как оно себя ведет? В лучшем случае нами управляют простые любители, люди второго сорта. Методы работы нашей администрации способны привести к краху любое предприятие. Такого поведения парламен-

та, — уж простите меня великодушно, — устыдится любое собрание акционеров. Наши руководители делают вид, что накапливают необходимые знания посредством своего опыта. Но они не дают за это той цены, которую назначил бы просто деловой человек. А когда они эти знания получают, то у них не хватает смелости применить их на практике. Так где же стимул? Что заставит гениального человека продавать свои мозги этим ничтожным правителям?

А ведь знания — это единственная сила, — сегодня, как и всегда. Небольшое техническое устройство способно отправить на дно целую флотилию. Новая химическая формула может радикальным образом изменить правила ведения войны. То же самое касается торговли. Достаточно нескольких ничтожных изменений, чтобы низвести Великобританию до уровня Эквадора и передать таким образом Китаю ключи ко всем мировым сокровищам. Но тем не менее мы не желаем и думать о том, что такие потрясения вполне возможны. Мы принимаем наши картонные домики за бастионы Вселенной.

Лично я никогда не обладал даром красноречия, и всегда восхищался им у других. Речи такого сорта вызывают приятное чувство, что-то вроде опьянения, чего даже приходится стыдиться.

Мне становилось все интереснее, и я уже был наполовину соблазнен.

— Но посмотрите, — сказал я, — первое, что заботит изобретателя, — обнародовать свое изобретение. Так как он стремится к почестям, к славе, то и требует плату за свое изобретение. Это изобретение становится неотъемлемой частью мировых знаний, которые в результате несколько изменяются. Такое, например, произошло с электричеством. Вы называете нашу цивилизацию машиной, но она гораздо податливее, чем машина. Она обладает способностью адаптации, свойственной живому организму.

— Все, что вы говорите, может быть справедливым при условии, что все новые знания стали бы на самом деле всеобщим достоянием. Но разве так происходит? Время от времени приходится читать в газетах о том, что тот или иной ученый сделал великое открытие. Об этом становится известно в Академии наук, об открытии, которое сделал человек, появляются глубокие аналитические статьи, его фотографии украшают газетные полосы. От этого человека не исходит никакой опасности. Он — всего лишь колесико в машине, участник заключенного договора. Люди, стоящие в стороне, люди, с которыми приходится считаться; это фокусники на сцене изобретений, которые “вытащат из рукава” свою науку и воспользуются ею только в тот момент, когда они получат от этого наи-

большой эффект. Поверьте мне, великие умы находятся за пределами того, что мы называем цивилизацией.

Он помолчал немного, словно размышляя, после чего продолжал:

— Вы часто слышите от людей, что подводные лодки уже вытеснили броненосцы и что завоевание воздушного пространства сделало ненужным владычество на морях. По крайней мере, таково мнение пессимистов. Уж не думаете ли вы, что наука уже сказала свое последнее слово с появлением тяжелых подлодок и таких хрупких аэропланов?

— Я не сомневаюсь, что они будут усовершенствованы, — ответил я, — что средства защиты будут и впредь прогрессировать.

Он недоверчиво покачал головой.

— Это весьма маловероятно. Уже сегодня знания, позволяющие создавать мощные орудия массового уничтожения людей, намного превосходят те, которые создают средства обороны от них. Просто появляется все больше и больше людей второго сорта, которые хотят добиться славы и богатства. Истинные знания, знания устрашающие, до сих пор хранятся в секрете. Но поверьте мне, мой друг, они существуют.

Он замолчал на мгновение, и я увидел в сумерках легкое облачко дыма от его сигары. Потом он привел мне ряд примеров, но делал это медленно, задумчиво, словно не хотел сказать лишнее.

Эти примеры вызвали у меня чувство тревоги. Они были самыми разными: крупная катастрофа, внезапный разрыв отношений между двумя народами, бедствие, уничтожившее весь урожай, война, эпидемия. Я не стану здесь о них рассказывать. Я не верил в них тогда, не верю и сегодня. Но они просто поражали воображение, хотя он говорил о них этим тихим, спокойным голосом в этой темной комнате, темной июньской ночью. Если верить ему, то все эти несчастья не были явлениями природы или простой случайностью, это были последствия определенных, искусственно вызванных бедствий. Неведомые умы, о которых он говорил, действуя скрытно, время от времени демонстрировали друг другу свою силу каким-нибудь катастрофическим явлением. Я отказывался в это поверить, но он множил передо мной эти примеры, с поразительной ясностью рассказывая об этой страшной игре, я не произнес ни единого слова в знак протеста.

В конце концов я обрел дар речи.

— Все, что вы мне здесь описали, — это явная свержающая анархия! И она, однако, ни к чему не ведет. И чем руководствуются, на ваш взгляд, эти великие умы?

Он засмеялся.

— Откуда мне знать? Я ведь всего лишь скромный исследователь, и в ходе своих исследований я натываюсь на любопытные документы. Но я не в состоянии точно указать вам на мотивы такого поведения. Я просто вижу, что на самом деле существуют великие умы антисоциальной направленности. Признаем, что они опасаются Машины. Если только это не идеалисты, которые собираются создать новый мир, и не специалисты, которым нравится ради собственного удовольствия вести поиск истины. Если бы мне предстояло выдвинуть гипотезу, то я бы сказал, что речь идет об этих двух последних категориях людей, так как, чтобы добиться каких-то результатов, у вторых есть знания, а у первых — воля их использовать на практике.

Мне в голову вдруг пришло одно воспоминание. Я тогда находился в горах, в Тироле, на большом лугу, залитом солнцем. Там, среди цветов и неподалеку от ревущего водопада, я завтракал, после того как целое утро лазал по отвесным беловатым утесам. По дороге я встретил немца, человека невысокого роста, очень похожего на учителя, который согласился разделить со мной мою скромную трапезу — несколько бутербродов. Он довольно бегло говорил на неправильном английском, оказался ницеем и открытым бунтарем против установленного порядка. “Наше несчастье состоит в том, — воскликнул он, — что реформаторы, по сути дела, ни черта не знают, а те, кто знает, настолько равнодушны, что не желают даже затевать реформы. Но придет день, когда знания объединятся с волей, и тогда мир достигнет большого прогресса”.

— Вы нарисовали жуткую картину, — вновь начал я. — Если эти великие умы антисоциальной направленности настолько могущественны, почему же они столь бездеятельны? Один жалкий агент полиции, чувствуя за собой поддержку Машины, только посмеется над большей частью покушений, предпринимаемых анархистами.

— Совершенно верно, — согласился он, — и цивилизация одержит верх только тогда, когда эти противники сами осознают, насколько важна сама Машина. Любому договору держится до тех пор, пока не возникает другой, антидоговор. Вы только посмотрите на этот идиотизм, который сегодня называют нигилизмом или анархией. Из какого-то парижского притона несколько полуграмотных типов бросают вызов миру, и вот через неделю они все уже в тюрьме. В Женеве дюжина восторженных русских интеллектуалов вступают в заговор с целью свержения Романовых, и вот по их следам идут полицейские ищейки всей Европы. Стоит только правительствам с их тупой полицией пошевелить пальцем, и все, с заговорщиками покончено! Ибо цивилизация умеет использовать свою

энергию, в то время как безграничные возможности неофициальных лиц рассеиваются как дым. Цивилизация одерживает триумф, потому что она, эта цивилизация, — всемирная лига! Ее враги терпят фиаско, потому что их всего жалкая кучка. Но представьте...

Он снова замолчал и встал с кресла. Подойдя к выключателю, он им шелкнул, и комнату залил яркий свет. Прищуриваясь, я поднял глаза на своего гостя и увидел, что он любезно мне улыбается как истинный джентльмен старой закалки.

— Хотелось бы послушать заключительную часть ваших пророчеств, — сказал я. — Вы говорили...

— Я говорил следующее: предположим, что анархия, наученная цивилизацией, становится интернациональной. Я не имею в виду эти стада ослов, называющих себя Международным союзом трудящихся или чем-то в этом роде. Я хочу сказать, что истинная мыслящая субстанция может стать интернациональной. Предположим, что звенья цивилизованной цепи подвергаются влиянию других звеньев, и в результате получается куда более срочная цепь. Из недр Земли бьет необъяснимая пока энергия разрозненных, не объединенных умов. Вы когда-нибудь думали о Китае? Там сотни миллионов думающих мозгов зря тратят свой потенциал на иллюзорную деятельность. Ими никто не руководит, их энергию никто не направляет, так что результат всех предпринимаемых ими усилий равен, по сути дела, нулю, и весь мир смеется над Китаем. Европа время от времени подбрасывает ему заем на несколько миллионов, и он, в знак благодарности, лицемерно возносит христианские молитвы. Но предположим...

— Вы нарисовали ужасающую перспективу, — воскликнул я, — но, слава богу, что ее, по-моему, нельзя осуществить. Разрушать ради разрушения слишком убогий идеал, чтобы пытаться создать нового Наполеона, а без него у вас ничего не получится.

— Фактически это будет разрушением, — ответил он довольно мягко. — Назовем иконоборчеством такой отказ от формул, которые притягивали к себе целые толпы идеалистов. И чтобы осуществить их практически, не нужен Наполеон. Ничего не нужно, кроме руководства, которое могут осуществлять люди куда менее одаренные, чем французский император. Одним словом, нужна одна энергоцентральный, чтобы начать век чудес».

Если вспомнить, что Бьюкен писал эти строки в 1910 году, если вспомнить о всех тех потрясениях, которые мир пережил с того времени, если принять во внимание радикальные движения, охватившие Китай,

Африку, Индию, то возникает вполне закономерный вопрос: не упущены ли уже несколько «энергоцентралей»? Такой видение кажется романтическим только поверхностным наблюдателям, то есть тем историкам, которых хлебом не корми, а дай «объяснение с помощью фактов», что в конечном итоге является не чем иным, как отбором фактов, которые нужны только им. Мы еще остановимся в другой части этой книги на «энергоцентрали», которая затопила весь мир кровью и огнем, — речь идет об «энергоцентрали» фашизма. Невозможно сомневаться и в существовании «энергоцентрали» коммунизма, в ее дьявольской эффективности. «Ничто во Вселенной не может противостоять достаточно большому числу хорошо организованных и сплоченных могучих умов, чьи усилия направлены в одну точку». Я повторяю это высказывание, и его истинность бросается в глаза.

У нас есть тайные общества, это школярская идея. Мы наблюдаем вокруг лишь отдельные, разрозненные факты. Чтобы понять окружающий нас мир, нужно вновь извлечь на свет Божий идею тайных обществ, оживить и возродить ее, чтобы глубже изучить прошлое и найти точку зрения, которая позволит нам увидеть направление движения истории, непосредственно касающейся нас.

Вполне вероятно, что тайное общество станет в будущем определенной формой правительства в новом мире, созданном «тружениками разума». Посмотрите, как стремительно все меняется. Монархиям казалось, что они наделены сверхъестественной силой. Король, его вельможи и сановники из кожи вон лезли, чтобы быть неестественными, им хотелось всех удивлять, поражать своими нарядами, помпезными жилищами, своими манерами. Нужно делать все, чтобы бросаться окружающим в глаза! Они кичатся своей роскошью. Они не упускают ни единой возможности, чтобы пустить пыль в глаза. Все они такие доступные, хотя и такие разные. «Собирайтесь все под моим белым султаном!». Иногда летом Генрих IV голышом плещется в Сене, в самом центре Парижа. Людовик XIV, конечно, «Король-Солнце», но никому не возбраняется прийти к нему в замок и присутствовать при его трапезе. Они всегда в перекрестье взглядов, сверкающие золотом и перьями полубоги, к ним приковано всеобщее внимание, когда они наедине с собой или на публике. Со времен Великой французской революции власть выдвигает абстрактные теории, а правительство уходит в тень. Сановники хотят казаться такими же, как все, но в то же время от всех отстраняются. Становится очень трудно определять, что же такое правительство, кто его составляет, что оно делает?

Современные демократии не чураются «эзотерических» толкований. Видные мыслители утверждают, что Америкой на самом деле управляет горстка крупных промышленников, Англией — банкиры из Сити, Францией — франкмасоны.

Власть правительств, вышедших из революционной войны, почти целиком скрывается за мистическим покровом тайны. Свидетели китайской революции, войны в Индокитае, Алжире, специалисты по советскому блоку — все поражены глубиной погружения власти в мистерию, столь любимые народными массами. Глубочайшая тайна окутывает лиц, наделенных высшей ответственностью, уже абсолютно неизвестно, «кто есть кто» и «кто что решает». Начинается эпоха настоящей криптократии.

После смерти Сталина эксперты по политике долго не могли прийти к единому мнению, кто же реально управляет Советским Союзом? В тот момент, когда они наконец сошлись в едином мнении и сказали, что этот человек — Берия, приходит известие о том, что он расстрелян. Никто так и не сумел назвать поименно хозяев громадной страны, в подчинении у которых миллиард человек и половина освоенных земель земного шара.

В какой-то мере указать на истинную форму правительства может угроза войны. В июне 1955 года Америка предусматривала проведение операции «Тревога», в ходе которой правительство должно было покинуть Вашингтон и уехать работать «в определенное место в Соединенных Штатах». Если это убежище будет уничтожено, то некая процедура предусматривала передачу власти «теневому правительству», которое уже было сформировано. Такое правительство состояло из сенаторов, конгрессменов и различного рода экспертов, имена которых не разглашались. Таким образом, в самой могущественной на Земле стране уже официально было объявлено о переходе власти к криптократии.

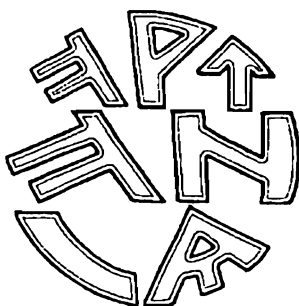
В случае возникновения войны реально существующие правительства будут заменены теневыми правительствами, которые будут находиться в пещерах в горах Вирджинии в США, или на полярной арктической станции в СССР. Начиная с этого момента разглашение имен членов этих правительств будет расцениваться как преступление. С помощью электронных мозгов, чтобы до минимума сократить административный штат, тайные общества начнут осуществлять битву гигантского масштаба между двумя блоками, разъединившими все человечество. Не исключено, что такие правительства будут находиться и за пределами земли — на космических станциях.

Мы не занимаемся здесь научной или философской фантастикой. Мы занимаемся фантастическим реализмом. Мы выражаем свой скепсис в

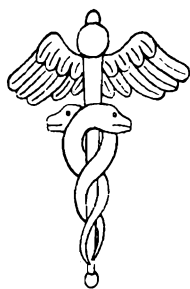
отношении гораздо большего числа так называемых «здравых умов». Мы не собираемся сосредоточивать внимание людей на дешевом оккультизме, на безумно-магической интерпретации тех или иных фактов. Мы считаем, что на определенном уровне развития разум уже сам по себе — тайное общество. Мы считаем, что когда он достигнет высочайшей точки развития, то его могуществу не будет предела.

Изучая возможные перспективы, мы наверняка столкнемся с такими странными и необычными фактами, что волей-неволей придется пересмотреть представление о тайных обществах. Мы могли представить здесь лишь в общих чертах проводимые ныне исследования и связанные с ними наши размышления. Мы знаем, что наше видение многих вещей может показаться кому-то безумным. Но мы, возможно в грубой форме, говорим о том, что должны сказать, чтобы привлечь к этому всеобщее внимание. Мы стучимся в дверь, за которой храпит человек и ничего не слышит. Мы стучимся в дверь — так откройте же ее!

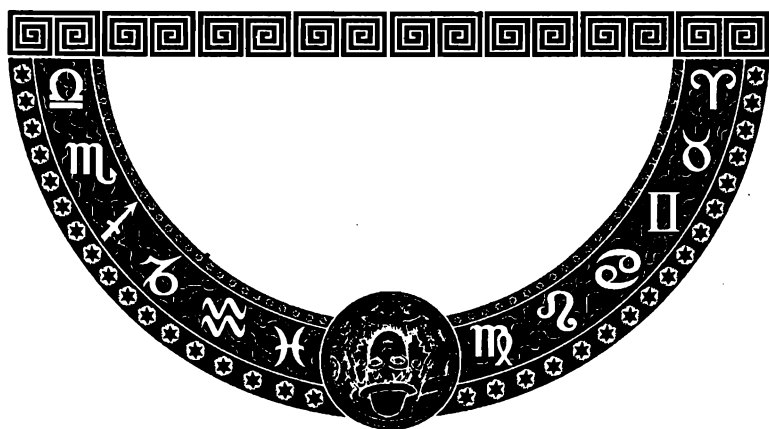

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

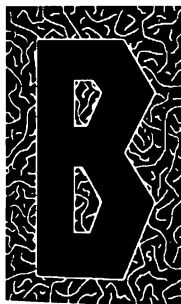
Алхимия — достойный пример

Глава I

АЛХИМИЯ — ДОСТОЙНЫЙ ПРИМЕР

*Алхимик в кафе «Прокоп» в 1953 году. —
Беседа о Гурджиеве. — Человек, который знает, что Философский
Камень — это реальность. — Бержсье вытягивает меня в забавную
авантюру. То, что я вижу, освобождает меня от ненависти к
прогрессу. — Потаенные мысли об алхимии — ни откровений,
ни хождений вслепую. — Краткие рассуждения о спирали и надежде*

первые я встретился с алхимиком в марте 1953 года. Встреча состоялась в кафе «Прокоп» в Париже, которое в то время переживало короткое возрождение. Один известный поэт, мой друг, познакомил меня с алхимиком (в то время я писал книгу о Гурджиеве), и после этого я довольно часто встречался с этим оригинальным человеком, но мне так и не удалось проникнуть в его тайны.

Об алхимии и алхимиках у меня были довольно примитивные представления, основанные на народной фантазии, и я, конечно, не знал, кто такие на самом деле алхимики. Передо мной за столиком, за которым когда-то сживал Вольтер, сидел элегантный молодой человек. Он получил солидное классическое образование и изучал химию. Сейчас он зарабатывал на жизнь коммерцией, часто посещал парижских художников и был знаком с некоторыми людьми из высшего света.

Я обычно не веду дневник, но иногда, по важным случаям, мне в голову приходит идея записать свои наблюдения, выразить свои чув-

ства. В этот вечер, вернувшись домой, я записал: «Сколько же ему лет? Говорит — тридцать пять. Вряд ли. Волнистая с проседью шевелюра приподнята над лбом, словно парик. Множество глубоких морщин на розовой коже полного лица. Скупая жестикуляция при разговоре, — жесты медленные, плавные, отточенные. Мягкая, тонкая улыбка. Смеющиеся глаза, но их выражение какое-то далекое, отвлеченное. Все говорит о том, что лет ему гораздо больше. В разговоре — никакого душевного надлома, отчуждения, упадка. За располагающей внешностью и любезным выражением лица угадывается мудрый сфинкс. Наружность не соответствует нашему времени. Непонятно. И это не только мое личное впечатление. А. Б., который видится с ним почти ежедневно на протяжении нескольких недель, говорил мне, что он никогда, ни на секунду, не сомневался в его “сверхъестественной объективности”».

Вот за что он осуждал Гурджиева:

1. Тот, кто испытывает необходимость в обучении своей доктрине, сам ей до конца не следует и не достигает вершины посвящения.

2. В школе Гурджиева нет материальной связи между учеником, которого убеждают о его ничтожности, и той энергией, которой он должен обладать, чтобы быть реальным существом. Эту энергию, или, как говорит Гурджиев, «волю волю», ученик должен обрести в себе, и только в себе. Но такое требование ложно и может привести человека лишь к отчаянию. Такая энергия существует вне ученика, и его задача — найти ее и поймать. Католик, проглатывающий облатку, ловит тем самым эту энергию. Но если вы человек неверующий? Если нет веры, выбирайте огонь, — вот в одном слове вся алхимия. Только огонь настоящий, материальный. Все начинается, все происходит от контакта с материей.

3. Гурджиев никогда не жил в одиночестве, вечно в окружении, среди последователей в огромном дворце. Есть путь в одиночестве — есть в пустыне реки. Но для человека, который постоянно находится среди людей, нет ни такого пути, ни таких рек.

Я задаю ему вопросы об алхимии, которые могли показаться ужасной глупостью. Но он не подает виду и спокойно отвечает: «Только материя, ничего, кроме контакта с материей, работы с материей, работы руками».

Вот некоторые из его высказываний, которые он часто повторял в разговоре со мной:

— Вам нравится садоводство? Так вот, — это отличное начало, алхимия очень похожа на садоводство.

— Вы любите рыбную ловлю? У алхимии есть нечто общее с ловлей рыбы. Женская работа, детская забава. Никто не знает, как обучать

алхимии. Все великие литературные произведения, которые пережили века, обязательно, пусть частично, отражали в себе это учение. Эти произведения создавали взрослые люди, действительно взрослые, которые говорили с детьми, уважая, однако, законы взрослых знаний. Никогда нельзя обвинять великое произведение в несостоятельности из-за выражаемых в нем «принципов». Но знание этих принципов и путь, который ведет к их познанию, должны оставаться скрытыми. Кроме того, существует обязанность взаимопомощи для исследователей первой ступени.

Около полуночи я спросил его о Фулканелли (Фулканелли — таинственный алхимик XX века, автор двух известных книг «Тайны готических соборов» и «Философские обители». — *Прим. ред.*), и он сообщил мне, что этот алхимик не умер.

— Можно жить гораздо дольше, чем это представляет себе любой непробужденный человек. Можно совершенно изменить свою внешность. Я это знаю. Мои глаза не обманешь. Я также знаю, что Философский Камень — это не выдумка, это реальность. Речь идет лишь о другом состоянии материи, о котором нам ничего неизвестно. Это состояние, как и все другие, можно измерить. Способы работы с ней и ее измерение довольно просты и не требуют сложной аппаратуры. По сути дела с ней может справиться и женщина, даже ребенок...

И потом добавил:

— Терпение, надежда, работа. Ну, а что касается работы, то сколько ни работай, все равно мало!

Надежда: в алхимии надежда основана на уверенности в существовании цели. Я бы никогда ничего не начал, — сказал он, — если бы мне достаточно убедительно не доказали, что такая цель на самом деле существует и что ее можно достичь в этой жизни.

* * *

Так состоялась моя первая встреча с алхимией. Если бы я ознакомился с ней по гримуарам (древние оккультные трактаты. — *Прим. ред.*), то думаю, что мои исследования в этой области далеко бы не продвинулись. Нехватка времени, отсутствие вкуса и литературной эрудиции. Да и не столь сильное призвание, такое призвание, которое заставляет истинного алхимика позабыть самого себя в тот момент, когда он раскрывает старинный фолиант. Мое призвание — не делать, а понимать. Не осуществлять, а видеть, наблюдать. Мне кажется, как говорил мой старый друг Андре Билли, «понимать — так же здорово, как петь», даже

если такое понимание весьма зыбкое. Я — человек занятой, как и большинство моих современников. У меня состоялся вполне современный контакт с алхимией — беседа в кафе у Сен-Жермен де Пре. Потом, когда я пытался осмыслить все, что мне сказал тогда этот молодой человек, я встретил Жака Бержье, который не проводил все свое время весь в пыли с ног до головы на пыльном чердаке, заваленном старинными книгами, а пропадал в тех местах, где концентрируется научная жизнь нашего века, — в лабораториях и исследовательских бюро. Бержье тоже что-то искал на пути алхимии. Но не для того, чтобы совершить паломничество в прошлое. Этот необычный человек маленького роста, постоянно занятый изучением секретов атомной энергии, избрал этот путь как забавную авантюру. Мне казалось, что я летал со сверхзвуковой скоростью, ухватившись за его фалды, среди почтенных старинных текстов, написанных мудрецами, обожавшими неспешность и бесконечное терпение. Бержье пользовался доверием людей, которые до сих пор занимаются алхимией. Он был знаком и со многими современными учеными. Рядом с ним я все более убеждался в том, что существует тесная связь между традиционной алхимией и передовой наукой. Я видел, как человеческий разум наводил мост между этими двумя мирами. Я взошел на этот мост и увидел, что он из себя представляет. Какое большое счастье я испытал, какое глубокое умиротворение. В течение длительного времени я находился в плену антипрогрессивной, индустской и по существу гурджиевской мысли, видя в современном мире начальную стадию Апокалипсиса, и в отчаянии не ждал ничего другого, кроме как бесславного конца времен, наполняясь гордостью от того, что я остаюсь в стороне от него. Но теперь я увидел, как прошлое подает руку будущему.

Метафизика такой тысячелетней науки, как алхимия, скрывала технику, понятную или почти понятную в XX столетии. Поражающая воображение современная техника открывала передо мной такую метафизику, которая была так похожа на метафизику древности. Мое уединение — это никому не нужная ложная поэтика! По обе стороны этого моста горели огни бессмертной души человека.

В результате я понял, что люди в далеком-далеком прошлом уже разгадали тайны энергии и материи. И не только путем размышлений, но и с помощью техники. Современный разум различными путями, давно не приемлемыми в моих глазах своей чистой рациональностью, безбожием, религиозностью, разными средствами, которые мне до недавнего времени казались безобразными, уже готовился, в свою очередь, рас-

крыть те же тайны. Он тоже задавал вопросы, он восторгался и выражал беспокойство. Он сосредоточивался на главном, совсем как умы древней традиции.

Я теперь видел, что различие между тысячелетней мудростью и современной глупостью было лишь выдумкой слишком слабого, слишком медлительного ума, который компенсировал интеллектуалу его неспособность развиваться в быстром темпе как того требует эпоха.

Существует множество способов добиться основополагающих знаний. У нашего времени имеются свои. У древних цивилизаций были свои. Я говорю здесь о теоретических знаниях. Я увидел, что современная техника явно превосходит технику вчерашнего дня, но эти основополагающие знания, которыми, несомненно, обладали алхимики (и маги до них), вернулись к нам, обретя еще большую силу, больший вес, принеся вместе с этим и больше опасностей, и больше требовательности.

Мы достигаем той же точки, что и древние, только на другом уровне. Вместо того чтобы осуждать современный разум и превозносить мудрость древних посвященных, вместо того чтобы отрицать эту мудрость и заявлять, что реальные знания начинаются лишь только с наступлением нашей цивилизации, следовало бы восхищаться и почитать могущество разума в его различных проявлениях, разума, проходящего через ту же светящуюся точку и восходящего вверх по спирали. Нужно не осуждать, не отвергать или привередливо выбирать, нужно любить. Любовь — это все: и покой, и движение одновременно.

* * *

А теперь мы представим читателю результаты наших исследований в области алхимии. Само собой разумеется, речь идет лишь о набросках. Чтобы внести в эту науку свой весомый, реальный вклад, нам понадобились бы десять или даже двадцать лет досуга, и, возможно, такие способности, которыми мы не обладаем. Но все, что нам удалось сделать, и то, как мы это сделали, заставляют нас утверждать, что проделанная нами небольшая работа отличается от всех трудов по алхимии, известных до сих пор. В нашей книге вы найдете довольно мало сведений об истории и философии этой традиционной науки, но вполне достаточно информации о необычных взаимосвязях между мечтаниями старых «философов-химиков» и реальностью современной физики.

Иными словами, мы раскроем перед вами наши тайные мысли.

Алхимия, на наш взгляд, могла быть одним из самых важных остатков науки, техники и философии исчезнувшей цивилизации. То, что нам удалось открыть в алхимии, не позволяет нам считать, что такая тонкая, сложная и точная техника могла быть продуктом «божественного откровения», упавшего с неба. Это, однако, не означает, что мы отвергаем идею божественного откровения. Но, изучая жизнь святых и великих мистиков, мы ни разу не отметили, что Бог говорил с людьми на некоем техническом языке: «Поставь свой тигель под поляризованный свет, о сын мой! Промой окалину в воде, дистиллированной трижды!»

Мы также не считаем, что техника у алхимии могла развиваться вслепую, наощупь, с помощью ничтожного ремесла невежд (глупых фантазий фанатиков тигля), пока не привела к тому, что мы называем расщеплением атома.

Мы в большей степени склонны считать, что алхимия — это обломки какой-то исчезнувшей древней науки, трудной для понимания и применения из-за отсутствия полного контекста. Шагая по этим обломкам, мы поневоле бредем наощупь, но в определенном направлении. К тому же при этом не ощущается недостатка в технических, нравственных и религиозных толкованиях. Наконец, те, кто исследует эти останки, подчиняются насущной потребности хранить тайну. Мы считаем, что наша цивилизация, которая, возможно, достигла уровня знаний цивилизации, ей предшествовавшей, но существовавшей в других условиях и при ином состоянии сознания, должна проявлять самый живой интерес к древности, чтобы тем самым ускорить свой прогресс.

Вот что мы думаем: алхимик в процессе своего «делания» по преобразованию материи переживает в себе самом определенную трансмутацию. То, что происходит в его тигле, происходит и в его сознании, в его душе.

Изменяется состояние человека. Все традиционные тексты говорят об этом, указывая на тот момент, когда Великое Делание завершается и алхимик превращается в «пробужденного человека». Нам кажется, что эти старинные тексты описывают предел реального познания законов материи и энергии, включая и технические знания. К овладению такими предельными знаниями и стремится наша цивилизация. И нам отнюдь не кажется абсурдом, что и в относительно недалеком будущем люди будут стремиться «изменить свое состояние», и, как легендарный алхимик, пережить трансмутацию. Если только наша цивилизация не погибнет вся целиком еще до достижения такой цели, как это произошло с другими цивилизациями. И не будем приходить в отчаяние от мысли, что развитие нашего разума достигает

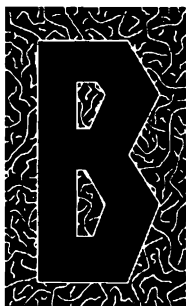

той же точки, то есть все повторяется. Это не так. Если разум и достигнет такой же точки, то на большей высоте по спирали. Так передадим же заботу об этом развитии другим тысячелетиям, чтобы довести это развитие до последней точки, до неподвижного центра, и если мы канем в небытие, то с надеждой.

Глава II

ВОДОРОДНАЯ БОМБА В КУХОННОЙ ПЛИТЕ

Сто тысяч книг, которыми никто не интересуется. — Нужна научная экспедиция в страну алхимии. — Изобретатели. — Безумие от ртути. — Зашифрованный язык. — Существовала ли уже атомная цивилизация? — Батарейки из музея Багдада. — Ньютон и великие посвященные. — Гельвеций, Спиноза и философское золото. — Алхимия и современная физика. — Водородная бомба в кухонной плите. — Материализация, очеловечивание, одухотворение

мире насчитывается более ста тысяч книг и манускриптов по алхимии. И эта громадная литература, которой посвящали себя самые выдающиеся умы человечества, люди безупречной честности и наилучших качеств, эта литература, которая демонстрирует поразительную точность в изложении фактов, результатов, полученных экспериментальным путем, так никогда и не была исследована с научной точки зрения. Доминирующие в обществе представления, в прошлом католические, сегодня — рационалистические, окружали эту библиотеку заговором молчания в силу собственного невежества и презрительного к ней отношения. Но ведь в этих ста тысячах томов и манускриптах могут содержаться некие секреты энергии и материи. Если их нет, то, по крайней мере, о них упоминается. Принцы, короли, республики поощряли многочисленные экспедиции в далекие страны, финансировали всевозможные научные иссле-

дования. Но никогда группа ученых — криптографов, историков, лингвистов, физиков, химиков, математиков и биологов — не собиралась вместе в этой громадной алхимической библиотеке, чтобы исполнить свою историческую миссию, — посмотреть, что в этих старых трактатах истинного и что можно использовать.

Это просто непостижимо. Столь продолжительное бездействие равнодушных умов в цивилизованных человеческих обществах и обществах, лишенных предрассудков, и, по-видимому, похожих на наше, которые могли забыть сто тысяч книг и манускриптов на пыльном чердаке с надписью на двери «Сокровище». Вот что заставит даже самых ярых скептиков поверить, что мы на самом деле живем в фантастическом мире.

Редкие алхимические исследования проводят либо мистики, которые ищут в этих текстах подтверждения своих спиритуалистических взглядов, либо историки, оторванные от всякого контакта с наукой и техникой.

Алхимики утверждают, что необходимо тысячекратно перегонять воду, чтобы приготовить Эликсир. Мы собственными ушами слышали, как один историк, специалист по этой проблеме, утверждал, что подобная операция — это чистое безумие. Он ничего не знал о тяжелой воде и о тех методах, которые используются, чтобы обогатить простую воду и превратить ее в тяжелую. Мы слышали и другого эрудита, который утверждал, что рафинирование, то есть неоднократная очистка металла или металлоида, ничего не меняет в их свойствах, и усматривал в таких рекомендациях алхимиков лишь тренировку терпения, ритуальное действие, сравнимое с перебиранием четок... Однако с помощью именно такого рафинирования посредством техники, описанной алхимиками, сегодня производят чистые германий и кремний для транзисторов. Теперь мы, благодаря этим транзисторам, знаем, что предварительно хорошо очищенный металл, в который потом добавляют доли грамма тщательно подобранных примесей, придают ему новые, порой просто революционные свойства. Мы не будем продолжать подобные примеры, лишь повторим, насколько необходим тщательный анализ всей алхимической литературы, скопившейся в библиотеках. Предстоит, конечно, грандиозная работа, на которую придется потратить десятки лет и труд десятков исследователей в самых разнообразных научных дисциплинах. Но если эта наша с Бержье скромная книжка поможет начать такую работу, то мы будем просто счастливы и поймем, что потратили время не зря.

* * *

Изучая некоторые алхимические тексты, мы были вынуждены признать, что они вполне современны той эпохе, когда создавались, а вот другие работы, посвященные оккультизму, значительно им уступали по количеству. С другой стороны, алхимия — единственная парарелигиозная практика, которая на самом деле обогатила наши знания реального.

Альберт Великий (1193—1280) получил каустическую соду. Он первым описал химический состав киновари, свинцовых белил и сурика.

Раймонд Луллий (1235—1315) получил двууглекислый натрий.

Теофраст Парацельс (1493—1541) первым описал свойства цинка, до того времени неизвестного металла. Он ввел в медицину применение химических составов.

Джамбатиста де ла Порта (1541—1615) получил окись олова.

Жан Батист ван Гельмонт (1577—1644) признавал существование газа и придумал этот термин.

Василий Валентин (настоящая личность которого никому неизвестна) в XVI веке открыл серную и соляную кислоты.

Иоганн Рудольф Глаубер (1604—1668) получил окисел серы, сульфат натрия $\text{Na}_2\text{SO}_4 \times 10\text{H}_2\text{O}$ (десятиводный сернокислый натрий) — соль, названную его именем.

Брандт (умер в 1692) открыл фосфор.

Иоганн Фридрих Бётгер (1682—1719) первым из европейцев изготовил фарфор.

Перед вами имена лишь нескольких алхимиков, которые обогатили человечество в то время, когда только начинала развиваться химия. Развивались, конечно, и другие науки, но алхимия, судя по всему, не только догоняла их, но частенько и опережала прогресс. Ле Бретон в 1722 году рассуждал в своем трактате «Ключи к пониманию спагирической философии» о магнетизме с такой ясностью, которой порой не хватает для описания современных открытий. Отец Кастель в 1728 году, в то время, когда идеи о гравитации только стали распространяться, говорил о них в тесной связи со светом в таких терминах, которые спустя два столетия эхом отзовутся в рассуждениях Эйнштейна:

«Я говорил, что если лишить мир силы тяжести, то его одновременно лишат и света. Свет, звук и другие чувственные ощущения — следствия и результат механики, и, естественно, тяготения природных тел, которые становятся в большей или меньшей степени яркими или звуч-

ными в зависимости от того, у кого из них больше тяготение и шире распространение».

В алхимических трактатах нашего XX века гораздо чаще, чем в университетских трудах, фигурируют последние открытия в области ядерной физики, и нельзя исключать, что в трактатах завтрашнего дня будут упоминаться физические и математические теории, пусть и самые абстрактные. Налицо различие между алхимией и ложными науками, такими как радиэстезия, которая вводит в свои публикации представления об атомах и лучах после их открытия официальной наукой.

Все это заставляет нас думать о том, что алхимия еще внесет свой ценный вклад в знания и технику будущего, основанный на знании структуры материи.

В громадной алхимической литературе встречаются и такие тексты, которые, на наш взгляд, не назовешь иначе, как бредовыми. Такой бред иногда пытались объяснить с помощью психоанализа (К.Г. Юнг. «Психология и алхимия», Герберт Зильберер. «Проблемы мистики»). Гораздо более часто, исходя из того, что алхимия содержит определенную метафизическую доктрину и требует к себе мистического отношения, историки и просто любознательные люди, не говоря уже об оккультистах, из кожи вон лезли, чтобы представить эти бредовые положения как сверхъестественные откровения, вдохновленные пророчества. При более тщательном ознакомлении с ними нам показалось разумным поместить рядом с техническими текстами и текстами из мудрых книг и мысли бредовые, как таковые.

Нам кажется, что к таким бредовым текстам и нужно относиться как к бредовым и такое безумие алхимика-экспериментатора имело под собой простое, материальное, вполне удовлетворительное объяснение.

Алхимики в своих опытах часто пользовались ртутью. Ее испарения, как известно, токсичны, а постоянное отравление ртутными парами могло вызывать безумие. Теоретически, используемые ими сосуды были абсолютно герметичными, и такой их секрет был не по зубам даже каким-то adeptам, и в этом могла быть другая причина безумия, этих разочарованных «химических философов».

Наконец, нужно заметить, что нас поразили криптографический аспект алхимической литературы.

«Чтобы привести достаточно ясный пример, — пишет Рене Алло в своей книге «Аспекты традиционной алхимии», — хочу указать на шахматы. Правила этой игры относительно просты, хотя допускают бесчисленное число различных комбинаций. Если предположить, что акроама-

тические (*акроамата* — греч., забава, развлечение. — *Прим. ред.*) алхимические трактаты предстают перед нами как *шахматные партии, записанные на условном языке*, то нужно будет честно признать, что мы не знаем ни правил игры, ни использованных для их записи шифров. Если мы станем утверждать, что криптографическая запись из особых значков может быть понятна любому человеку, то это — лишь *иллюзия, которую всегда создает хорошо составленная криптограмма*. Поэтому здравый смысл диктует нам не предаваться иллюзиям, не обольщаться, что все здесь понятно, и надо приступать к изучению этих текстов так, как к изучению неизвестного языка.

Совершенно ясно, что эти “послания” адресованы другим посвященным игрокам, другим алхимикам, которые передают каким-то иным способом, отличающимся от письменной традиции, каким-то ключом, позволяющим им понять точное значение этого языка».

* * *

Насколько бы далеко в прошлое мы ни обращали взор, он всегда натывается на алхимические манускрипты. Никола де Валуа еще в XV веке на этом основании сделал вывод, что трансмутации, секреты и техника высвобождения энергии были известны человеку еще до возникновения письменности.

Архитектура, насколько известно, тоже предшествовала письменности. Поэтому ее можно с полным правом рассматривать как особый вид письма. Мы также видим, насколько тесно архитектура связана с алхимией.

Две книги Фулканелли посвящены «Тайнам готических соборов» и «Философским обителям» с подробнейшим описанием тех таинственных мест, где размышляли и трудились «химические философы». Некоторые средневековые здания свидетельствуют о дошедшем к нам из глубины веков обычае передавать посредством архитектуры алхимические послания.

Ньютон верил в существование целой цепочки посвященных, которая восходит к самым древним временам античности, и этим людям были известны секреты трансмутации и расщепления материи. Английский ученый-атомщик Да Коста Анради в речи, произнесенной перед коллегами в Кембридже по случаю трехсотлетнего юбилея Ньютона в июле 1946 года, без всякого колебания назвал великого ученого, открывшего гравитацию, одним из звеньев этой цепочки, который не передал нашему миру и малой доли своих знаний.

«Я не могу, да и не хочу, — говорил он, — убеждать скептиков в том, что Ньютон обладал пророческим даром и даром предвидения, которые открыли ему возможность получения атомной энергии, просто скажу, что в тех фразах, которые я вам сейчас приведу, намного больше беспокойства по сравнению с тревогой по поводу краха всей мировой торговли в результате синтеза золота искусственным сосудом. Ньютон писал об алхимической трансмутации:

«Способ такого превращения ртути в золото хранился в большом секрете теми, кто его знал, и он открывает дверь к чему-то значительно более благородному (чем получение золота), и этот секрет никак нельзя сообщать людям из-за громадной, угрожающей миру, опасности, если только в сочинениях Гермеса содержится истина...». Далее Ньютон писал: «Существуют и другие великие тайны, кроме трансмутации металлов, если только великие учителя не тщеславятся. Ведь только им одним известны эти секреты».

Если попытаться проникнуть в глубокий смысл этого отрывка, — продолжал Анради, — то вспомните, как Ньютон с такими же сдержанностью и благоразумием говорил о своих новых открытиях в области оптики.

Из какого прошлого эти великие учителя, о которых упоминает Ньютон, в каком прошлом они растратили все свои знания?»

«Если я взобрался на такую высоту, — писал Ньютон, — то лишь потому, что стоял на плечах гигантов».

Эттербери, современник Ньютона, писал:

«Скромность заставляет нас с великим уважением говорить о древних, особенно если мы не знаем в совершенстве всех их работ. Ньютон, который знал их чуть ли не наизусть, питал к этим авторам самое большое уважение и считал их людьми гениальными, наделенными высшим разумом, который позволил им делать гораздо больше всевозможных открытий, нежели нам кажется сегодня, о чем мы можем судить лишь по оставшимся от них сочинениям. Гораздо больше древних работ было утрачено, чем сохранено, и, может быть, все новые открытия не идут ни в какое сравнение со старыми, навсегда утраченными».

Для Фулканелли алхимия служила связующим звеном с исчезнувшими тысячелетия назад цивилизациями, о которых археологам ничего не известно. Само собой разумеется, ни один уважающий себя археолог, ни один историк, дорожающий своей научной репутацией, никогда не признает существования в прошлом такой цивилизации, уровень развития науки и техники которой превосходил нашу. Но передовая наука и техника упрощают любые достижения алхимиков, и доказательства, возможно,

находятся перед нашими глазами, вот только мы не способны видеть эти следы так, как нужно. Никакой археолог или историк, не получивший солидного научного образования, не сможет провести раскопки или порыться в старинных книгах, чтобы внести в этот вопрос какую-то ясность. Узость научных дисциплин, которая и позволила добиться ошеломляющих успехов современному прогрессу, скрывает от нас что-нибудь столь же ошеломляющее в прошлом.

Известно, что немецкий инженер, которому было поручено соорудить канализационные водостоки в Багдаде, обнаружил среди безделушек в местном музее, на стенде «Предметы культа» электрические батарейки, сделанные за десять веков до Вольта, еще при династии Сасанидов.

Так как археология — это дело самих археологов, то мы, наверное, никогда не узнаем, была ли эта «ночь времен» на самом деле темной или ясным днем.

Курт Зелигман писал: «Иоганн Фридрих Швейцер, более известный как Гельвещий, яростный противник алхимии, сообщает, что утром 27 декабря 1666 года к нему явился какой-то чужестранец. Это был человек по виду весьма честный, с властным лицом, одетый в простое пальто, похожий на меннонита. Поинтересовавшись у Гельвещия, верит ли он в Философский Камень (на что знаменитый доктор дал отрицательный ответ), незнакомец открыл небольшой ларец из слоновой кости, “в котором лежали три кусочка какого-то вещества, похожего на стекло или опал”. Ее владелец утверждал, что это и есть знаменитый философский камень, и что посредством такого небольшого количества вещества он сможет сделать двадцать тонн золота. Гельвещий, взвесив кусочек на ладони, поблагодарил визитера за его любезность и попросил подарить ему немного этого вещества. Алхимик довольно резко отказал ему, но затем любезным тоном добавил, что даже если Гельвещий отдаст за него все свое состояние, он не сможет дать ему ни малейшей частички этого минерала, по той простой причине, что ему строго-настрого запрещено разглашать тайну. На просьбу хозяина продемонстрировать ему то, что говорилось о свойствах загадочной субстанции, то есть осуществить трансмутацию, незнакомец ответил, что придет к нему снова недели через три и тогда покажет такое, что его, Гельвещия, сильно удивит. Он и на самом деле вернулся в назначенный срок, но и на этот раз отказался продемонстрировать опыт, ссылаясь все на тот же строгий запрет на разглашение секрета. Однако он согласился отдать Гельвещию маленький кусочек Философского Камня размером не больше горчичного зернышка.

И так как доктор выражал сомнения в том, что сможет чего-то добиться с таким малым количеством вещества, алхимик разломил кусочек надвое, бросил половинку обратно в ларец и протянул ему вторую со словами: “Этого вам будет вполне достаточно”.

Наш ученый решил тогда признаться, что во время первого визита незнакомца сумел утаить несколько крупиц Философского Камня, но с их помощью ему удалось превратить свинец не в золото, а в стекло. “Нужно было залить вашу добычу желтым воском. — ответил алхимик, — тогда вы смогли бы превратить свинец в золото”.

Незнакомец обещал вернуться на следующий день утром в девять часов и продемонстрировать ученому чудо, но так и не пришел ни завтра, ни послезавтра. Тогда жена посоветовала Гельвецию самому произвести трансмутацию.

Гельвеций приступил к делу, точно выполняя рекомендации, данные ему странным незнакомцем. Он расплавил три драхмы свинца и, обернув камень слоем желтого воска, бросил его в жидкий расплавленный металл. И вдруг он на самом деле превратился в золото! Мы тут же отнесли его к золотых дел мастеру, который сказал, что это самое чистое золото, какое ему приходилось видеть, и предложил заплатить за него пятьдесят флоринов за унцию. Завершая свой рассказ, Гельвеций говорит, что этот золотой слиток он сохранил, чтобы всегда иметь под рукой наглядное доказательство возможности трансмутации. “Да хранят его неизвестного алхимика ангелы Божии, как источник благословения для всего христианства. Таковой была наша постоянная молитва за него и за нас с женой”.

Весть об этом чуде распространилась со скоростью лесного пожара. Спиноза, которого нельзя причислить к разряду наивных людей, захотел лично узнать об этой истории. Он отправился к золотых дел мастеру, который проводил проверку золота, полученного в результате трансмутации. Тот подтвердил ему высокую оценку проведенного Гельвецием эксперимента. Этот мастер по имени Брехтель был чеканщиком монет у герцога Орлеанского. Ясно, что он отлично знал свое дело. Спиноза никак не мог поверить, что стал жертвой обмана или что мастер решил злоупотребить его доверием. Но тем не менее он пошел к самому Гельвецию, который показал ему тигель и золото, которое было в нем получено. На стенках тигля он увидел оставшиеся там частички золота. Это и убедило Спинозу, что трансмутация на самом деле имела место».

Для алхимика трансмутация — явление второстепенное, просто своего рода наглядная демонстрация его умения. Трудно, конечно, состав-

вить себе твердое мнение по поводу реальности этих трансмутаций, хотя наблюдения, например, того же Гельвеция или ван Гельмонта просто поражают. Вполне можно в этой связи сказать, что искусство фокусника поистине не знает границ, но разве можно себе представить, что четыре тысячелетия исследований и сто тысяч написанных книг и манускриптов могли быть посвящены забаве, и все это — надувательство, обман? Мы хотим предложить другое объяснение, но предложить скромно, ибо сила уже сложившегося научного мнения — грозная штука. Мы попытаемся описать работу алхимика, которому удалось изготовить Философский Камень или «таинственный красный порошок», и увидим, что истолкование некоторых операций совпадает с нашими нынешними знаниями о структуре материи. Вполне очевидно, что наши знания ядерных реакций далеко не совершенны, в любом случае они не окончательны. В частности, катализ в таких явлениях может протекать крайне неожиданным для нас образом.

Вполне возможно, что некоторые натуральные смеси под воздействием космических лучей производят крупномасштабные ядерно-каталитические реакции, приводящие к массивированной трансмутации элементов. В этом можно усматривать один из ключей к алхимии и ту причину, в силу которой алхимик повторяет свои манипуляции бесчисленное количество раз до того момента, когда достигается определенная совокупность космических факторов.

Какую же цель он ставит перед собой? Если подобные трансмутации возможны, то куда девается высвобожденная энергия? Многие алхимики могли бы взорвать город, в котором сами жили, а заодно и несколько десятков тысяч квадратных километров прилегающей территории. В результате могли бы произойти многочисленные, страшные катастрофы.

На что алхимики отвечают: именно из-за того, что такие катастрофы происходили в далеком прошлом, мы и опасаемся энергии, заключенной в материи, а посему бдительно храним секреты нашей науки. Кроме того, Великое Делание осуществляется поэтапно, прогрессивно, и через десятки и десятки постоянных манипуляций и строгой аскезы оно покажет, как можно высвободить ядерную энергию, и в то же время какие необходимо принять меры предосторожности, чтобы избежать серьезной опасности. Понятная аргументация? Может быть. Современные физики признают, что при некоторых условиях энергия, высвобождающаяся при ядерной трансмутации, может быть поглощена особыми частицами, которые называются нейтрино или антинейт-

рино. Некоторые доказательства существования нейтрино уже есть. Но есть и такие виды трансмутации, которые высвобождают мало энергии, или она высвобождается в виде нейтрино. Мы еще вернемся к этому вопросу.

Эжен Канселье, ученик Фулканелли и один из лучших современных специалистов в области алхимии, неожиданно наткнулся на отрывок из статьи Жака Бержье, которую он написал в качестве предисловия к одному из классических изданий в серии «Всемирная библиотека». Речь шла об антологии поэзии XVI века. В своем вступлении Бержье ссылаясь на алхимиков и на их стремление хранить все в тайне. Он, в частности, писал: «В этом им нельзя не отдать дань справедливости. Если существует способ делать водородные бомбы в кухонной плите, то совершенно ясно, что такой способ не следует обнаруживать».

Эжен Канселье нам ответил: «Ни в коем случае нельзя принимать все это за шутку. Вы правильно заметили, да и я вправе заверить вас, что вполне возможно добиться расщепления атомного ядра на основе относительно распространенного и дешевого минерала, и такой процесс не требует ничего другого, кроме хорошей плиты, плавильной угольной печи, нескольких горелок Мекера и четырех бутылей бутанового газа».

Вполне возможно, что и в ядерной физике можно получить значительные результаты с помощью весьма простых операций. Таким будет направление любой науки и любой техники в будущем.

«Мы можем гораздо больше, чем знаем», — говорил Роджер Бэкон. Но он добавлял такие слова, которые вполне могли стать девизом алхимиков: «Все возможно, хотя далеко не все дозволено».

Для алхимика, повторим, власть над материей и энергией — это лишь побочная задача. Главная цель всех операций в алхимии, которая, вероятно, является остатком какой-то очень древней науки исчезнувшей цивилизации, — это трансформация, изменение самого алхимика, его переход на более высокий уровень сознания. Материальные результаты — это всего лишь залог окончательного результата, духовного преобразования. Все направлено в таком случае к трансмутации самого человека, к его обожествлению, то есть уподоблению Богу, его растворению в божественной энергии, этом источнике любой энергии, излучаемой из материи. Алхимия — это та «наука сознания», о которой говорил Рабле. Это наука, которая не столько материализует, сколько очеловечивает. По выражению Тейяра де Шардена, «истинная физика — это та, которая сумет интегрировать человека в связанное представление о мире».

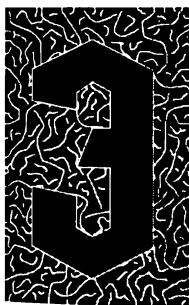

«Так знайте же, — писал один мастер алхимии, — знайте все адепты этого Искусства, что самое главное — это Дух, он есть все, и если в этом Духе не заключен другой, подобный, то пользы не будет».

Глава III

ПРОРОЧЕСТВО МАСТЕРА АЛХИМИИ

Почему маленький еврей предпочитает мед сахару. — Алхимик, которым мог быть таинственный Фулканелли, еще в 1937 году говорил об опасности атомной войны, описывал атомный реактор и рассказывал об исчезнувших цивилизациях. — Бержье вскрывает сейф с помощью газовой горелки и прогуливается с бутылкой урана в руке. — Один анонимный американец ищет Фулканелли, который исчез навсегда. — Оппенгеймер поет дуэт с китайским мудрецом позапрошлого тысячелетия

то произошло в 1933 году. Жил да был студент-еврей невысокого роста, с острым носиком, в больших круглых очках, за которыми поблескивали живые, холодные глаза, на его круглом черепе пробивался цыплячий пушок. Ужасный акцент, усиливаемый волнением, придавал его словам комический оттенок, и в эту минуту его речь была похожа на щебет канарейки, плещущейся в лужице. При более тесном знакомстве с ним создавалось впечатление, что этот парнишка просто одержим жаждой знаний, на которое у него просто волчий голод: у него был цепкий, быстро схватывающий ум, который как-то не вязался с еще детской внешностью и его неуклюжим обликом.

— Значит, вы хотите стать алхимиком? — спросил почтенный профессор у студента Жака Бержье, который сидел на краешке кресла с набитым бумагами портфелем на коленях.

Профессор был одним из знаменитых французских химиков.

— Что-то я вас не понимаю, месье, — ответил раздраженный студент.

Он обладал феноменальной памятью и вспоминал, как в шестилетнем возрасте увидел одну немецкую гравюру, на которой были изображены два алхимика за работой; вокруг них в ужасном беспорядке стояли реторты, тигли, зажимы, кузнечные меха. Один из них, весь в лохмотьях, наблюдал за пламенем, широко открыв рот, а другой, с взлохмаченной бородой и волосами, стоя в глубине каморки, почесывал голову.

Профессор заглянул в личное дело студента:

«Два последних года вы посещали свободные курсы по ядерной физике у Жана Тибо. Но в результате вы не получили никакого диплома или свидетельства. И после этого вы все же продолжаете идти по этому пути. Ну, в крайнем случае такое сильное желание можно понять у физика. Но вы выбрали химию. Случаем, вы не рассчитываете получить золото искусственным путем?

— Месье, я студент, еврей по национальности, — взмахивая своими маленькими, грязными ручками в засаленных рукавах, продолжал Жак Бержье. — Я верю, что за ядерной химией будущее. Я верю, что в ближайшем будущем будут осуществлены трансмутации на промышленном уровне.

— Что-то смахивает на бред...

— Но, месье...

Он все время повторял эти два слова, словно испорченный граммофон, и не потому, что ему не хватало слов, а потому, что в эту минуту его дух блуждал в дебрях поэзии. Он знал наизусть тысячи стихотворений и все поэмы Киплинга.

— Но, месье, даже если вы не верите в трансмутации, вы не можете не верить в ядерную энергию. Громадные потенциальные ресурсы ядра...

— Тра-та-та, — оборвал его профессор, — бросьте вы это ребячество. То, что физики называют ядерной энергией, — это всего лишь константа в их уравнениях. Это философская идея, вот и все. Сознание движет человеком. Но сознание не движет паровозы, не так ли? Поэтому мечтать о машине, приводимой в действие ядерной энергией... Нет, нет, мой мальчик, это просто невозможно.

Юноша сглотнул слюну.

— Не лучше ли спуститься на землю и подумать о своем будущем? То, о чем вы мне здесь толкуете, — как мне кажется, вы еще не вышли из детства, — это все старая мечта людей, мечта алхимиков. Перечитайте Бертело. Он отлично описал эту химеру, называемую трансмутацией материи. В ваших записках нет ничего нового, поражающего воображение. Хочу дать вам один совет: идите как можно скорее работать в про-

мышленность. Создайте компанию по производству сахара. Три месяца, проведенные на сахарной фабрике, вернут вас к реальной жизни. А у вас в этом острая необходимость. Говорю вам, как отец.

Возмущенный «сыночек» поблагодарил профессора сквозь зубы и вышел, высокомерно задрав нос и засунув свой потрепанный портфель подмышку маленькой ручки. Он был большим упрямым. «Нужно, конечно, сделать свои выводы из этого разговора, убеждал он себя, но ведь я всегда предпочитал сахару мед». Он продолжит заниматься изучением проблем атомного ядра. И станет усердно изучать материалы по алхимии.

Так мой приятель Жак Бержье стал заниматься абсолютно бесполезной, по мнению большинства, наукой, и более того, добавил к ней исследования, которые все называли просто сумасшествием.

Жизненные потребности, война, концентрационные лагеря несколько отвлекли его от ядерной физики. Но ему все же удалось кое-что сделать, внести в нее свой вклад, который был по достоинству оценен специалистами. В ходе его исследований мечты алхимиков и реальность математической физики не раз перекрещивались. Но с 1933 года в мире произошли колоссальные изменения, и мой приятель все больше отдавал себе отчет в том, что плывет против течения.

С 1934 по 1940 год Жак Бержье был сотрудником Андре Гейльброннера, одного из самых замечательных людей нашей эпохи. Гейльброннер, которого нацисты убили в Бухенвальде в марте 1944 года, был первым во Франции профессором, преподававшим физическую химию. Эта пограничная дисциплина дала рождение многим другим наукам: электронике, ядерной физике, стереотронике (стереотроника — это совершенно новая отрасль науки, которая занимается изучением энергетических преобразований в твердых телах. Она нашла свое практическое применение в транзисторах. — *Прим. авт.*).

Гейльброннер должен был получить большую золотую медаль института Франклина за открытия в области коллоидных металлов. Он также интересовался сжиженными газами, авиацией и ультрафиолетовыми лучами.

С 1934 года он целиком посвятил себя ядерной физике и основал с помощью группы промышленников лабораторию ядерных исследований, где и получил весьма значительные результаты уже к 1940 году. Кроме того, Гейльброннер выступал еще и экспертом в различных судах, рассматривающих дела о трансмутации металлов, — таким образом, Жаку Бержье представилась возможность поближе познакомиться с некоторыми лжеалхимиками, как с отъявленными мошенниками, так и с довольно

просвещенными в этой области людьми, и даже с настоящим алхимиком, живым мастером этой традиции.

Мой друг так никогда и не узнал его настоящего имени, которое он всячески утаивал от окружающих. Тот человек, о котором мы говорим, давно исчез, не оставив после себя никаких следов. Бержье думает, что этот человек, который скрывался под псевдонимом Фулканелли, написал в 1920-х годах две замечательные, просто восхитительные книги — «Философские обитатели» и «Тайны готических соборов». Эти книги он проштудировал с помощью Эжена Канселье, но тот так и не открыл ему настоящее имя автора. Они, несомненно, самые значительные среди всех достойных внимания трудов по алхимии. В них — кладезь знаний и наивысшая мудрость, и мы узнаем очень многое от этого необычного яркого ума, который лишь больше прославляет легендарное имя Фулканелли.

«Смог ли он, — пишет Эжен Канселье, — достичь вершины знаний, отказываясь подчиняться приказам Судьбы? Нет пророка в своем отечестве. Эта старая поговорка объясняет тайную причину невероятного потрясения, которое вносит искра божественного откровения в уединенную жизнь философа, заполненную занятиями. И вот эта божественная искорка сжигает старца целиком. Имя, семья, родина, все иллюзии, все страхи, все амбиции тут же рассыпаются в прах, и из этого праха, как из пепла, возрождается феникс поэтов, возрождается философская традиция.

Мой учитель это прекрасно знал. Он исчез, когда пробил час Судьбы, когда знамение свершилось. Кто, скажите, осмелился бы бросить вызов закону Божьему? Да и сам я, несмотря на острую боль мучительно-го, но неизбежного расставания, если бы и со мной произошло столь счастливое событие, заставившее моего учителя отказаться от мирских почестей, поступил бы точно так же».

Эжен Канселье написал эти строки в 1925 году. Человек, который завещал ему издать свои книги, собирался изменить внешность и среду обитания. В 1937 году, в один июньский день, у Жака Бержье были все основания полагать, что в полдень он встретился с неуловимым Фулканелли.

По просьбе Андре Гейльброннера мой друг рассказал о своей встрече с этой таинственной личностью в прозаической обстановке исследовательской лаборатории парижской «Газовой компании».

«— Месье Андре Гейльброннер, ассистентом которого, насколько я понимаю, вы являетесь, занимаетесь изучением ядерной энергии. Месье Гейльброннер любезно сообщил мне кое-какие результаты, в частности, о возникновении радиоактивности под воздействием полония, когда висмутовая нить улетучивается от сильного электрического раз-

ряды в дейтерии под высоким давлением. Должен сказать, что вы очень близки к успеху, как и некоторые другие современные ученые. Но позвольте мне искренне предостеречь вас. Работы, которые выполняете вы и множество других, весьма опасны. И опасны не только для вас или для них, они представляют угрозу для всего человечества. Высвобождение ядерной энергии — это процесс гораздо более простой, чем вы себе это представляете. А искусственно вызванная радиоактивность способна отравить всю атмосферу нашей планеты. Кроме того, атомные взрывчатые вещества можно изготовить из нескольких граммов металла и в результате стереть с лица земли целые города. Алхимикам это давно известно.

Берже попытался его перебить, выражая свой протест: «Тоже мне, сказанул! Алхимики и современная физика!» Он уже готовился излить на собеседника поток саркастических слов, но тот перебил его:

— Я знаю, что вы хотите мне сказать, но меня ваши слова не интересуют. Алхимики не знали строения атомного ядра, не знали электричества, у них не было никаких средств обнаружения излучения. Они не могли произвести трансмутацию, следовательно, не могли высвободить ядерную энергию. Я не стану сейчас приводить вам доказательства того, что скажу, но прошу вас, передайте мои слова месье Гейльброннеру: достаточно расположить определенным геометрическим образом очищенные до самой высокой степени материалы, чтобы заставить действовать атомные силы, и здесь не требуется ни электричества, ни техники создания вакуума. В таком случае мне придется прочитать вам короткую лекцию.

Этот человек взял с бюро книгу Фредерика Содди «Объяснение радия», открыл ее и прочитал:

«Я считаю, что в прошлом существовали цивилизации, располагавшие энергией атома, но их погубило неумелое использование такой энергии».

Затем он продолжал:

— Я прошу вас признать, что некоторая техника для получения этой энергии сохранилась, дошла до наших дней. Я также прошу вас поразмышлять над тем фактом, что алхимики связывали со своими опытами нравственные и религиозные требования, тогда как современная физика родилась в XVIII веке из развлечений нескольких сеньоров и богатых развратников. Наука без совести, наука легкомысленных людей... Я уже предостерегал некоторых ученых, но что-то не видно, чтобы мое предостережение подействовало на них. Ну, а об остальных и говорить не приходится. Я теряю всякую надежду.

Бержье навсегда запомнил его твердый, металлический голос, звучащий с таким достоинством. Но все же он позволил себе задать один вопрос.

— Если вы, месье, алхимик, то я не могу поверить, что вы зря теряете свое время, пытаетесь получить золото, как Дуниковский или доктор Мите. Вот уже год я сам занимаюсь изучением алхимии, и мне постоянно приходится сталкиваться с шарлатанами и такими толкованиями, которые мне кажутся просто фантастическими. Не можете ли вы мне сказать, в чем состоят проводимые вами исследования?

— Вы просите меня за четыре минуты вкратце изложить четырехтысячелетнюю историю философии и рассказать о той работе, на которую я потратил всю жизнь. К тому же вы хотите, чтобы я изложил ясным языком то, для чего пока не создан ясный, понятный язык. Вот что я тем не менее вам скажу: вам, конечно, известно, что в официальной передовой науке роль наблюдателя становится все более важной. Принцип относительности и принцип неопределенности показывают нам, до какой степени наблюдатель влияет на те или иные явления. Секрет алхимии — вот он, перед вами: существует способ преобразования материи и энергии с целью получения того, что современные ученые называют «силовым полем». Это силовое поле воздействует на наблюдателя и ставит его в привилегированное положение в отношении Вселенной. Из этого привилегированного положения он получает доступ к тем реальностям, которые время, пространство, материя и энергия обычно скрывают от нас, от нашего взора. Это и есть то, что мы и называем Великим Деланием.

— Ну, а Философский Камень? Получение золота?

— Все это лишь прикладные, частные случаи. Главное — это не трансмутация металлов, главное — трансмутация самого экспериментатора, самого человека. И это — главная тайна, которая открывается раз в столетие лишь немногим.

— И что с ними тогда происходит?

— Не знаю. Может быть, в один прекрасный день я узнаю.

Мой друг больше никогда не встречался с этим человеком, оставившим неизгладимый след в истории под именем Фулканелли. О нем известно только, что пережил войну и исчез после освобождения Франции. Поиски его никаких результатов не дали.

* * *

А теперь перенесемс в раннее утро июля 1945 года. Худюший, как скелет, бледный, как полотно, Жак Бержье в форме цвета хаки открывает сейф

с помощью газовой горелки. Еще одна превратность Судьбы. За последние годы кем только он не был — секретным агентом, террористом и политическим ссыльным. Этот сейф находится на красивой вилле, расположенной на живописном берегу озера Констанца, и является собственностью директора крупного немецкого треста. Взломанный сейф открывает свою тайну — бутылку с очень тяжелым порошком. На этикетке надпись: «Уран для атомного применения». Это первое наглядное доказательство существования в Германии проекта создания атомной бомбы, требовавшего большого количества очищенного урана. Геббельс не блефовал, когда из сотрясавшегося от взрыва бомб бункера распустил по Берлину слух, что у них есть секретное оружие, которое вот-вот взорвется перед рядами «захватчиков». Бержье сообщил о своей находке союзникам. Американцы проявили свой обычный скепсис, заявив, что их совершенно не интересует исследование, связанное с ядерной энергией. Но они лукавили. Их первая атомная бомба уже была тайно взорвана в Аламогордо, и группа американских ученых во главе с физиком Гоудсмитом в этот самый момент находилась в Германии, где занималась поисками атомного реактора, созданного профессором Гейзербергом накануне краха Третьего рейха.

Во Франции формально об этом ничего не знали, но кое-какие сведения все же просачивались. Например, знающие люди утверждали: американцы, не жалея денег, скупали все алхимические манускрипты и различные документы такого характера.

Бержье составил для временного правительства Франции доклад о реальной возможности исследований по созданию атомных взрывчатых материалов как в Америке, так в Германии. Но его доклад, как полагается, тут же бросили в корзину, а мой друг, размахивая своей бутылкой с тяжелым порошком, перед носом у сомневавшихся, кричал: «Вы видите это? Достаточно ввести туда всего один нейтрон, чтобы Париж взлетел на воздух!» Этот маленький человечек со смешным акцентом явно обладал чувством юмора, и приходилось лишь удивляться, как это он его сохранил, пройдя через страшные испытания в Маутхаузене. Однако его шутка перестала быть таковой в то утро, когда взорвалась атомная бомба над Хиросимой.

В комнате Бержье не умолкая звонил телефон, различные компетентные органы требовали от него копии его доклада. Американские разведывательные службы упрасивали владельца заветной бутылки немедленно встретиться с одним майором, имя которого не разглашалось. Власти требовали, чтобы его отправили как можно дальше от Парижа. Напрасно Бержье объяснял, что в этом флаконе не было чистого урана-235, но даже

если бы он там и был, то его количество было далеко от критической массы. В противном случае взрыв давно прогремел бы. У него все же конфисковали эту игрушку, и больше о ней никто ничего не слышал. Чтобы его утешить, ему прислали доклад «Главные направления изучения проблемы исследований». Это все, что знали французские секретные службы о ядерной энергии. На докладе поставили три грифа: «Секретно», «Для служебного пользования» и «Не распространять». В папке были лишь вырезки из журнала «Сьянс э ви» («Наука и жизнь»).

Бержье не оставалось ничего другого, кроме как пойти на встречу со знаменитым анонимным майором, о котором рассказал профессор Гудсмит в своей книге «Миссия Алеос», побеседовать о некоторых его громких авантюрах. Этот таинственный офицер, сполна наделенный черным юмором, работал под «крышей» конторы по изготовлению надгробий для погибших американских солдат. За ним, судя по всему, неусыпно следил Вашингтон, и при встрече он был весьма взволнован. Прежде всего он хотел, чтобы Бержье выложил ему все, что знал о немецких атомных проектах. А ради сохранения мира, справедливого дела союзников и продвижения по службе самого майора спешно нужно было разыскать Эрика Эдварда Датта и алхимика, известного под именем Фулканелли.

Датт, из-за которого Гейльброннер был вызван и подвергнут допросу, был по национальности индусом и, по его словам, имел доступ к очень древним индийским манускриптам. Он утверждал, что освоил некоторые методы трансмутации металлов и с помощью конденсированного разряда в проводнике из вольфрамового борида получил следы золота в окончательном продукте. Аналогичные результаты, гораздо позже, получили и русские и использовали в своих мощных ускорителях частиц.

Но Бержье не смог оказать большую помощь в деле спасения всего мира, союзнических интересов и продвижения по службе майора. Эрика Эдварда Датта как коллаборациониста расстреляли в Северной Африке сотрудники французской контрразведки. Что касается Фулканелли, то его нигде не могли найти, он, казалось, исчез навсегда.

Майор в знак признательности за сотрудничество прислал Бержье до его опубликования гранки доклада: «О военном применении атомной энергии», составленного профессором Г. Д. Смитом. Это был первый настоящий документ по данной проблеме. И в этом тексте содержались странные подтверждения слов этого алхимика, произнесенных еще в 1937 году.

Атомный реактор, главное устройство для создания атомной бомбы, по сути дела представлял собой «уникальное геометрическое расположение сверхчистых веществ». В принципе для работы этого аппарата не

требовались ни электричество, ни техника создания вакуума, как и утверждал Фулканелли. В своем докладе Смит указывал на смертоносную радиацию, газы и радиоактивную пыль чрезвычайно высокой токсичности, которую довольно просто можно было приготовить в больших количествах. Алхимик же говорил о возможном отравлении всей планеты.

Каким же образом этот таинственный одинокий мистик мог все это предвидеть? Откуда все это было известно? «Откуда ты, душа человеческая, откуда ты?»

Перелистывая этот доклад, мой друг вспоминал об отрывке из «De Alchemia» Альберта Великого:

«Если тебя, по несчастью, представят принцам и королям, они будут постоянно спрашивать тебя: “Ну, мэтр, как идет Великое Делание? Когда, наконец, мы увидим нечто стоящее?” И в своем нетерпении они будут называть тебя мошенником, бездельником и будут причинять тебе всяческие неприятности. И если тебе не удастся прийти к благополучному концу, то ты ощутишь на себе всю силу их гнева. Если же ты, наконец, в чем-то преуспеешь, то они тебя не отпустят, а будут держать в вечной темнице, чтобы заставить тебя работать на их пользу».

Может быть, именно поэтому исчез Фулканелли? Может быть, поэтому алхимики всех времен так строго хранили свою тайну? Первый и последний совет, который давался в папирусе Харрис: «Не раскрывайте рта! Закрывайте рты!»

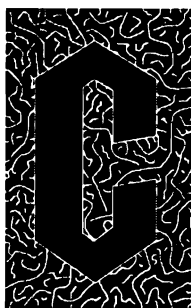
Годы спустя после бомбардировки Хиросимы, 17 января 1955 года, Оппенгеймер вынужден был заявить: «В глубине души я отдавал себе отчет в том, что никакая забавная популярная нелепица сама по себе не исчезнет, мы, ученые, открыли секрет, взяв на себя такой грех».

А за тысячу лет до него один китайский алхимик писал: «Большой грех — передать солдатам секрет твоего искусства. Будь осторожен! Из комнаты, в которой ты работаешь, не должна вылететь даже муха!»

Глава IV

ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ

Современный алхимик и дух исследований. — Что делает алхимик в своей лаборатории? — Бесконечное повторение опыта. Что его ждет впереди? — Приготовление сумерек. — Электрошный газ. — Рассыпающаяся вода. — Законсервированная энергия Философского Камня. — Трансмутация самого алхимика. — Там, где начинается истинная метафизика.

Современный алхимик — это человек, который читает трактаты по атомной физике. Он не сомневается в том, что трансмутации и еще более удивительные явления можно получить с помощью манипуляций относительно простыми материалами. Современный алхимик проявляет негибкий дух исследователя-одиночки. Поддержание такого духа — весьма ценное качество в наше время. На самом деле все мы убеждены, что дальнейший прогресс в накоплении знаний невозможен без многочисленных коллективов исследователей, громоздкого оборудования, постоянного, солидного финансирования. Но ведь многие фундаментальные открытия, такие как радиоактивность или волновая механика, были сделаны как раз исследователями-одиночками. Америка — эта страна крупных научных коллективов, обладающая значительными финансовыми средствами, сегодня рассылает по всему свету агентов для поисков выдающихся умов. Директор Управления научных исследований Соединенных Штатов доктор Джеймс Киллиан в 1958 году заявил, что губительно для науки сосредотачиваться на коллективной работе, что нужно повсюду ис-

кать исследователей-одиночек, носителей оригинальных идей. Резерфорд провел свои имеющие капитальное значение работы по структуре материи с помощью простых консервных банок и отрезков бечевки. Жан Перрен и мадам Кюри еще до войны посылали своих сотрудников по воскресеньям на Блошинный рынок за нужными материалами. Само собой разумеется, большие лаборатории необходимы, однако требуется организовывать тесное сотрудничество между этими лабораториями, набирать штаты, приглашать одаренных одиночек. Но алхимики на подобные предложения не отвечают. Они строго придерживаются своего правила — хранить секрет. Их амбиции носят духовный характер. «Не может быть никакого сомнения в том, — писал Рене Алло, — что алхимические манипуляции строятся на внутренней строжайшей аскезе». Если в алхимии есть что-то от науки, то такая наука обладает свойством воздействовать на сознание человека. Важно, чтобы такое воздействие происходило только внутри человека, а не вне его, иначе этой науке придет конец.

Каким же оборудованием располагает алхимия? Обычным, тем, которое имеется в распоряжении исследователя в области минеральной химии: плавильные печи, тигли, весы, измерительные инструменты плюс современные аппараты по обнаружению ядерной радиации: счетчик Гейгера, измеритель свечения.

Это оборудование порой просто смехотворно. Никакого ортодоксального физика не убедить, что можно сделать катод, излучающий нейтроны, с помощью простых и не дорогостоящих средств. Если наши сведения верны, то для алхимика это не проблема. В то время, когда электрон считался четвертым состоянием материи, были изобретены весьма дорогостоящие и сложные приспособления для получения электронного тока. В 1910 году Эльстер и Гайтель продемонстрировали, что для этого достаточно разогреть докрасна в вакууме известь. Если алхимия — гораздо более передовая наука по сравнению с нашей, то у нее есть способы использовать более простые материалы, чем используем мы.

Известно, что во Франции работают несколько алхимиков, в Соединенных Штатах — два. Один есть в Англии, по одному в Германии и Италии. Е. Холмиард утверждает, что познакомился с одним в Марокко. Трое написали нам из Праги. Советская научная пресса сейчас проявляет особый интерес к алхимии и призывает обратиться к историческим исследованиям.

* * *

Теперь мы, как нам кажется, впервые попытаемся довольно точно описать то, *чем занимается* алхимик в своей лаборатории. Мы не претендуем на полное раскрытие методов алхимии, но, на наш взгляд, у нас есть некоторые интересные наблюдения в этом отношении. Надеюсь, вы не забыли, что главная заветная цель алхимика — это трансмутация самого алхимика, и что все его манипуляции направлены на «освобождение духа». С этими манипуляциями мы и постараемся связать новые научные данные.

Прежде всего нужно сказать, что алхимик на протяжении многих лет расшифровывает таинственные древние тексты, «в которые погружается как в лабиринт, не имея в руке спасительной нити Ариадны, где все сознательно и систематически делается для того, чтобы сбить непосвященного с толку, вызвать у него в голове невообразимую сумятицу». Чтобы достичь определенного понимания этих текстов, требуется немало терпения, веры, а порой пройти через унижение. После того как достигнут определенный уровень понимания и начинается настоящий алхимический опыт. Этот опыт вполне можно описать, но нам не хватает одного элемента. Мы знаем, что происходит в лаборатории алхимика, но мы не знаем, что происходит в самом алхимике, в его душе. Но и то и другое, вероятно, взаимосвязано. Вполне возможно, что духовная энергия играет свою роль в физических и химических манипуляциях в алхимии. Получение такой энергии, ее концентрация и соответствующая направленность необходимы для успешного завершения алхимического Делания. В этом мы до конца не уверены, но в такой деликатной области науки нельзя не привести слова Данте: «Вижу, что ты веришь в эти вещи, потому что я тебе о них сказал, но ты не знаешь, почему веришь, ибо от того, что ты в них веришь, они не становятся менее таинственными»

Наш алхимик начинает свою работу, приготавливая в агатовой ступке только одному ему известную смесь из трех составных частей. Первая — около 95% — руда, мышьяковистый пирит (серый колчедан), например, железистая руда, содержащая примеси мышьяка и сурьмы. Вторая — металл: железо, свинец, серебро или ртуть. Третья — кислота органического происхождения: виннокаменная или лимонная. Ему приходится растирать терпеливо эту смесь в течение пяти или шести месяцев. После этого он разогревает ее в тигле, постепенно повышая температуру нагрева, и такая операция продолжается двенадцать дней. При этом необходимы определенные меры предосторожности. В ходе опера-

ции выделяются ядовитые газы: пары ртути и, прежде всего, соединений мышьяка и водорода, которые отправили на тот свет немало алхимиков, едва те приступали к работе.

После этого он растворяет содержимое тигля в кислоте. Именно в поисках растворителя алхимики прошлого открыли уксусную, азотную и серную кислоты. Процесс растворения должен проходить при рассеянном свете. Это может быть солнечный или лунный свет, отраженный в зеркале. Сегодня известно, что рассеянный свет вибрирует лишь в одном направлении, в то время как нормальный, обычный — во всех направлениях вокруг оси.

После этого он выпаривает жидкость и вновь прокаливает твердый остаток. Он повторяет эту операцию тысячу раз, на протяжении многих лет. Для чего он это делает? Мы этого не знаем. Может, в ожидании такого момента, когда соединятся все наилучшие условия: космические лучи, земной магнетизм и т.д. Может быть, для того, чтобы добиться «усталости» материи в ее главных структурах, о которых нам пока ничего не известно. Алхимик говорит о «священном терпении», о медленной конденсации «универсального духа». Но, очевидно, за такими парарелигиозными выражениями скрывается нечто другое.

Современному человеку такая бесконечно повторяющаяся одна и та же операция может показаться чистым безумием. Его учили, что единственный надежный и пригодный экспериментальный метод — это метод Клода Бернара. Он состоит из одинаковых вариаций. Опыт повторяется тысячи раз, но всякий раз подвергается изменению какая-либо составляющая: пропорции вещества, температура, давление, катализатор и т.д. Все получаемые результаты записываются, и из некоторых выводятся законы, управляющие тем или иным явлением. Этот — давно оправдавший себя, эффективный метод, далеко не единственный. Алхимик повторяет свои манипуляции, ничего, по сути, не меняя, до тех пор, пока не получит нечто неординарное. В глубине души он верит в естественный закон, подобный «принципу исключения», сформулированный другом Юнга физиком Паули. По принципу Паули в какой-то данной системе (атом и молекула) не может быть двух частиц (электронов, протонов, мезона) в одинаковом состоянии. Все в природе уникально... «Ваша душа не похожа на другую. Вот почему возможен резкий переход без промежуточного состояния от водорода к гелию, от гелия к литию и так далее, как на то указывает современному физику-атомщику «Периодическая таблица элементов». Когда к какой-то системе добавляют одну частицу, то эта частица не может перейти ни в одно из

состояний, существующих внутри этой системы. Она приобретает новое состояние и в комбинации с уже существующими частицами создает новую, уникальную систему.

Для алхимика, кроме того, нет двух подобных душ, двух подобных существ, двух подобных растений (Паули говорил: двух подобных электронов), не может быть и двух одинаковых опытов. Если тысячекратно повторять один и тот же опыт, то в результате может получиться что-то экстраординарное. Мы недостаточно компетентны, чтобы заявить здесь, прав алхимик или нет. Можно лишь довольствоваться констатацией: по крайней мере, одна современная наука, — наука о космических лучах — применяет метод, сравнимый с методом алхимиков. Эта наука изучает явления, вызываемые бомбардировкой регистрирующего аппарата или стальной пластины частицами колоссальной энергии, пришедшей от звезд. Такие явления нельзя получить по желанию. Нужно терпеливо ждать. Иногда можно зарегистрировать экстраординарное явление. Так, летом 1957 года в ходе исследований, проводившихся профессором Бруно Росси в Соединенных Штатах, частица, заряженная колоссальной энергией, никогда прежде не регистрировавшаяся и пришедшая, возможно, из другой галактики, не из Млечного Пути, воздействовала одновременно на 1500 счетчиков на площади в восемь квадратных километров, оставив на своем пути громадный шлейф атомных осколков. Нам неизвестна машина, способная приводить такую мощную энергию. Никогда еще на памяти ученых не происходило подобного явления, и неизвестно, повторится ли оно когда-нибудь вновь. Это исключительное явление, земного или космического происхождения, по-видимому, и призвано повлиять на содержимое тигля алхимика. Его-то он ждет терпеливо.

Может быть, ему следует сократить столь долгое ожидание, используя для нагрева смеси более активное средство, чем огонь. Например, нагревать свой тигель в индуктивной печи по методу левитации (нагревание смеси в вакууме без контакта со стенками сосуда посредством магнитного поля), или с добавлением в нее радиоактивных радиоизотопов. В этом случае он мог бы повторять свои манипуляции не несколько раз в неделю, а миллиарды раз в секунду, значительно увеличивая свой шанс поймать «событие», необходимое для успешного завершения опыта. Но сегодняшний алхимик, как и его предшественники, работает в обстановке полной секретности, принимая терпение за особую добродетель.

Продолжим наше описание. Через несколько лет после утомительного однообразного труда днем и ночью наш уставший алхимик, наконец, приходит к выводу, что первая фаза его опыта завершена. Он до-

бавляет к своей смеси какой-то окисел, например нитрат калия, теперь у него в тигле есть сера, полученная из пирита, уголь, полученный из органической кислоты. Сера, уголь и нитрат калия — в ходе манипуляции с этими веществами древние алхимики открыли ружейный порох.

Он вновь растворяет смесь, потом снова ее прокаливает, и повторяет все без устали в течение месяцев, а то и лет в ожидании какого-то знамения. По поводу природы такого знамения алхимические труды разнятся, вероятно, потому, что здесь возможны варианты. Это знамение появляется в момент растворения смеси. Некоторые алхимики утверждают, что речь идет об образовании кристаллов в форме звезд на поверхности раствора. Другие говорят о появлении пленки из окисла, которая, разрываясь, образует сверкающий металл, в котором отражаются в уменьшенных масштабах то Млечный Путь, то созвездия.

Получив такое знамение, алхимик извлекает из тигля свою смесь и оставляет ее «вызревать» либо на воздухе, либо в сыром помещении, где она и пребывает до первого дня следующей весны. После этого он вновь приступит к своим операциям, целью которых является то, что в древних текстах называется «приготовление смеси». Недавние исследования по истории химии показали, что немецкий монах Бертольд Шварц, которому на Западе приписывают изобретение ружейного пороха, никогда не существовал. Он как раз и является символической фигурой для процесса «приготовления сумерек».

Смесь помещается в прозрачный сосуд из горного хрусталя, который закрывается особым способом. О том, что этот способ из себя представляет, подробных сведений нет, — просто говорится, что это — печать Гермеса, или просто герметический. Теперь нужно нагревать сосуд, изменяя с величайшей осторожностью температуру. Не следует забывать, что в этом сосуде в смеси по-прежнему присутствуют сера, уголь и калий. Нужно довести ее до белого каления, но избежать при этом взрыва. При выполнении этой опасной операции многие алхимики пострадали от сильных ожогов, а некоторые даже были убиты. Происходящие при этом взрывы имеют особую силу и создают столь запредельные температуры, которых нельзя было бы ожидать от этого процесса.

Цель этой операции — получение в сосуде «эссенции», флюида, который алхимики иногда называют «крылом ворона». А теперь нужно кое-что объяснить. Такая операция не имеет эквивалента ни в современной физике, ни в химии. Кроме того, у нее вообще нет аналогов. Если растворять в сжиженном аммиаке какой-нибудь металл, например медь, то она окрашивается в темно-синий цвет, а при большей концентрации — в чер-

ный. То же явление происходит, если в жидком аммиаке растворять под давлением водород или органические амины, чтобы получить неустойчивый состав NH_4 , который обладает всеми свойствами щелочного металла и в силу этого получил название «аммония». Есть основания считать, что такое окрашивание жидкости в сине-черный цвет, который заставляет вспомнить о полученном алхимиками «черном крыле ворона», — это электронный газ того же цвета.

А что такое «электронный газ»? В представлении современных ученых — это свободные электроны, образующие и какой-то металл и придающий ему механические, электрические и термические свойства. В современной терминологии он соответствует тому, что алхимики называли «душой» или «эссенцией» металлов. Вот эта душа, эта «эссенция» и образуется в герметически закрытом сосуде, столь терпеливо нагреваемом алхимиком.

Он нагревает сосуд, потом охлаждает, нагревает вновь — и так в течение долгих месяцев или целых лет, наблюдая через прозрачные стенки горного хрусталя образование того, что называется «алхимическим яйцом»: это смесь, превращенная в голубовато-белую жидкость. В конце концов он открывает свой сосуд в темноте, лишь при свете этой фосфоресцирующей жидкости. На воздухе она быстро твердеет, а затем это вещество распадается. Таким образом он получает совершенно новые вещества, неизвестные в природе, имеющие все свойства чистых химических элементов, то есть неподдающиеся делению средствами самой химии.

Современные алхимики утверждают, что им удалось получить новые химические элементы, причем в значительных количествах. Фулканелли получил из килограмма железа двадцать граммов совершенно нового вещества, физические и химические свойства которого не соответствуют ни одному из известных химических элементов. Такая же операция применима ко всем химическим элементам, и она позволяет создавать из одного обрабатываемого элемента два новых.

Подобные утверждения вполне могут шокировать лабораторного исследователя. В настоящее время теория не признает иных образований от одного химического элемента, кроме нижеследующих.

— Молекула одного элемента может пребывать в нескольких состояниях, — например, в водородном и неводородном, — атом одного элемента может иметь несколько изотопных состояний, характеризующихся различным количеством нейтронов. В литии-6 атом содержит три нейтрона, а в литии — четыре.

Наша технология для выделения различных аллотропных состояний молекулы и различных изотопов атома вынуждена использовать громадное количество исходных материалов.

Алхимик для этого применяет просто смехотворные способы, но с их помощью ему удастся не только изменить состояние молекул, но и создать новую материю или, по крайней мере, разлагать материю и вновь ее создать. Все наши знания об атоме и его ядре основаны на «сатурнианской модели», разработанной Нагаокой и Резерфордом: вокруг ядра — кольцо вращающихся электронов. Не исключено, что в будущем какая-то новая теория приведет к осуществлению изменений состояний химических элементов и их разделению, что пока просто немыслимо.

Итак, наш алхимик открыл свой сосуд из горного хрусталя и получил путем охлаждения фосфоресцирующей жидкости при контакте с воздухом один или даже несколько новых элементов. Эту окалину он будет промывать в течение нескольких месяцев дистиллированной водой, подвергшейся тройной перегонке. Потом он будет хранить эту воду в темном месте, где отсутствуют перепады температуры.

Эта вода обладает экстраординарными химическими и медицинскими свойствами. Это — универсальный растворитель, эликсир долгой жизни, эликсир Фауста.

Профессор Рольф Мили Фарлей, сенатор Соединенных Штатов и профессор кафедры современной физики в военной школе в Уэст-Пойнте, привлек внимание к тому, что, как полагают некоторые биологи, старение организма вызывается накоплением в нем тяжелой воды. Эликсир долгой жизни алхимиков был якобы той субстанцией, которая эффективно выводила из человеческого организма тяжелую воду. Такие субстанции присутствуют в водяном паре. Разве не могут они находиться в обычной воде, обработанной особым способом? Но можно ли будет пользоваться таким великим открытием, не представляет ли оно опасности? Фарлей полагает, что существует тайное общество бессмертных или почти бессмертных, которое пополняет свой состав через кооптацию. Но такое общество, которое не вмешивается ни в политику, ни в людские дела, имело бы немало шансов так и остаться незамеченным...

Здесь на таком этапе традиционная алхимия входит в полное соответствие с передовой наукой. Для ультрасовременной науки вода — это чрезвычайно сложная реактивная смесь. Исследователи, занимающиеся изучением вопроса об олигоэлементах, констатируют, что практически все металлы растворяются в воде при наличии некоторых ката-

лизаторов, таких как глюкоза, под воздействием различных температур. Вода — это сложное химическое соединение, состоящее из гидратов и таких инертных газов, как гелий и аргон. Если бы было известно, какая составная часть воды приводит к образованию гидратов при контакте с инертным газом, то можно было бы значительно усилить растворяющую способность воды и получить действительно универсальный растворитель. Очень серьезный русский журнал «Знание — сила» писал в номере за ноябрь 1957 года, что возможно, в один прекрасный день, еще до конца XX века, в результате бомбардировки воды радионуклидами будет получен универсальный растворитель, о котором мечтали алхимики. В статье предсказывался ряд «полезных применений такого сверхрастворителя, например, при прокладке туннелей с помощью струи активированной воды.

Теперь в руках у нашего алхимика имеется определенное число простых веществ, неизвестных в природе, и несколько флаконов алхимической воды, способной значительно продлевать его жизнь посредством омоложения тканей.

Затем он приступает к составлению из полученных элементов различных комбинаций. Он смешивает их в своей ступке и расплавляет при низких температурах в присутствии катализаторов, о природе которых в старинных алхимических книгах сообщается довольно туманно. Чем больше, чем увереннее продвигается он в изучении алхимических манипуляций, тем упорнее приходится ему расшифровывать старинные тексты. На этот труд у него уйдет еще несколько лет.

В результате, — убеждают нас, — он все же получит вещества, абсолютно похожие на известные металлы, в частности, металлы, которые хорошо проводят теплоту и электричество. Так у него в руках окажутся алхимические медь, серебро и золото. Классические тесты и спектроскопия не позволяют определить ничего нового в этих веществах, и тем не менее они будут обладать новыми свойствами, удивительными свойствами, отличающимися от свойств всех известных металлов.

Если та информация, которой мы располагаем, верна, то алхимическая медь похожа по внешнему виду на обычную, но тем не менее она сильно отличается от нее — обладает очень слабо выраженным сопротивлением, сравнимым с тем, которым обладают сверхпроводники, которые физик получает при приближении к абсолютному нулю. Такая новая медь, если пойдет применение, вызовет переворот в электрохимии.

Другие вещества, полученные в результат алхимических манипуляций, еще больше поражают воображение. Одно из них растворяется

в стекле, после чего сливается с ним при низкой температуре. Это вещество, соприкасаясь со слегка размягченным стеклом, растворяется внутри него, придавая ему ярко-красную окраску и вызывая свечение сиреневого цвета в темноте. Порошок, получаемый в агатовой ступке после измельчения такого измененного стекла, в алхимических текстах называется «порошком проекции», или «философским камнем». «Таким образом, — пишет граф Бернардо Тревизо (1406—1490) в своем философском трактате, — получается этот драгоценный камень, превосходящий по своей ценности все драгоценные камни в мире; это — истинное безграничное сокровище во славу Господа, который живет и властвует вечно».

Известно множество чудесных легенд об этом камне, или красном «порошке проекции», с помощью которого можно производить трансмутацию металлов в значительных количествах. С помощью трансмутации некоторые неблагородные металлы превращаются в благородные — серебро, платину или золото, но в этом заключена лишь одна из удивительных свойств этого камня. Это — нечто вроде надежного *резервуара для хранения атомной энергии в состоянии покоя*, которой можно манипулировать по своей воле.

Мы еще поговорим о тех вопросах, которые ставят перед просвещенным современным человеком манипуляции алхимиков, но пока остановимся там, где останавливаются древние алхимические тексты. Итак, Великое Делание завершено. В самом алхимике произошла та трансформация, о которой говорится в текстах, но мы не в силах ее описать из-за слишком расплывчатых аналогий. Эту трансформацию нужно воспринимать как предсказание какого-то высшего существа о том, что следует ожидать в будущем всему человечеству в результате его разумного контакта с Землей и ее элементами: его полное слияние с Духом, его концентрация в какой-то определенной духовной точке и его связь с другими очагами создания в космическом пространстве. Постепенно или в мгновении озарения алхимик, как учит традиция, открывает смысл своей долгой напряженной работы. Перед ним открываются тайны энергии и материи, и одновременно он видит бесконечные перспективы Жизни. Отныне он владеет ключом ко всей механике Вселенной. Отныне он сам способен устанавливать новые взаимоотношения между своим духом, теперь пробужденным духом, и универсальным духом, находясь в вечном процессе сосредоточения. Не является ли излучение «порошка проекции» причиной трансмутации психики человека? Манипуляции с огнем и некоторыми веществами позволяют трансмутировать не только элементы,

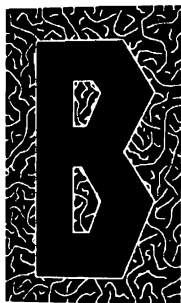
но и самого экспериментатора. Под воздействием сил, выделяемых в тигле, то есть излучения атомов в результате изменения их структуры, алхимик вступает в новое состояние. В нем происходят глубокие изменения. Его жизнь удлинняется, разум и силы восприятия достигают нового, более высокого уровня. Существование таких «измененных» — одна из основ традиций Розы и Креста. Алхимик достигает нового уровня сознания. Он один видит себя «пробужденным», в то время как все остальные люди кажутся ему спящими. Он уходит из среды обычного человека, как альпинист Мэллори, который погиб на вершине Эвереста, испытав там, на головокружительной высоте, момент истины.

«Философский Камень, таким образом, — это первая ступень, позволяющая человеку приблизиться к Абсолюту», — пишет Рене Алло в предисловии к книге М. Ле Бретона «Ключи спагирической философии». Там, дальше, начинается тайна. По эту сторону не было ни тайны, ни эзотеризма, никаких теней, кроме тех, которые отбрасывают наши желания и наша гордыня. Но так как всегда легче найти удовлетворение в идеях и словах, чем в тяжелом ручном труде, в своих бедах, усталости, в тишине и одиночестве, то куда более приятно и удобно искать убежище в так называемой «чистой мысли», а вести тяжкий рукопашный бой с тяжестью и мглой материи. Алхимия запрещает своим ученикам совершать бегство подобного рода. Она ставит их лицом к лицу с Великой тайной... Она говорит, что если мы будем бороться до конца, чтобы преодолеть свое невежество, то истина сама будет бороться за нас, и в конечном итоге одержит победу над всем. Тогда, может быть, и начнется *истинная метафизика*.

Глава V

ВРЕМЯ ЕСТЬ ДЛЯ ВСЕГО

*Время есть для всего. — Время есть даже для того, чтобы
соединились все времена*

старинных алхимических текста утверждается, что ключи от материи находятся на Сатурне. По какой-то странной случайности, все, что сегодня известно об атомной физике, зиждется на определении «сатурнианского атома». По определению Нагаоки и Резерфорда, «атом представляет собой центральную массу, притягивающую кольца вращающихся вокруг него электронов».

Эта «сатурнианская» концепция атома признается всеми учеными в мире не как абсолютная истина, но как наиболее эффективная рабочая гипотеза. Вполне вероятно, что в будущем ученые сочтут такое представление «весьма наивным». Квантовая теория и волновая механика объясняют поведение электронов. Однако ни одна теория, ни одна механика так и не сформулировала Законы, которые управляют атомом. Известно только одно, — что он состоит из протонов и нейтронов. Ничего более точного о ядерных силах нам пока не известно. Какова их природа? Она не электрическая, не магнитная, не гравитационная. Последняя выдвинутая гипотеза в отношении этих сил утверждает, что эти силы состоят из частиц — посредниц между нейтроном и протоном, которые называются мезонами. Но такое объяснение удовлетворяет далеко не всех и приходится надеяться на появление чего-то более убедительного в будущем. Через десять—двад-

цать лет гипотезы будут развиваться в иных направлениях. Тем не менее следует заметить, что мы живем в такую эпоху, когда ученые не имели ни достаточно времени, ни права заниматься атомной физикой. Все их усилия и все материалы были сконцентрированы на производстве атомной энергии и ядерных взрывчатых веществ. Фундаментальная наука отодвинута на задний план. Самое главное — извлечь из всего, что мы знаем, максимум. Власть куда важнее знаний. Именно жажду власти тщательно скрывают.

Так где же мы находимся? Контакт с нейтронами делает радиоактивными все элементы. Атомные взрывы отравляют атмосферу нашей планеты. Это растущее в геометрической прогрессии отравление значительно увеличивает число мертворожденных детей, количество случаев заболевания раком, лейкемией, оно травит растительность, резко меняет климат, производит на свет уродцев и монстров, разрушает нашу нервную систему, заставляет нас задыхаться. Правительства, как тоталитарные, так и демократические, не намерены отказываться от такой политики. И не делают этого по двум причинам. Во-первых, общественное мнение не принимается в расчет. Здесь необходимо сознание планетарных масштабов, чтобы заставить их действовать. Во-вторых, существуют не правительства, а анонимные акционерные общества с человеческим капиталом, призванные не верить в историю, а экспериментировать с различными аспектами исторического фатализма.

Если мы верим в исторической фатализм, то считаем, что он — одна из форм духовной судьбы человечества, и эта судьба прекрасна. Мы и думать не хотим, что человечество может погибнуть, хотя ему и придется пройти через тысячу смертей, через невероятные страшные страдания, оно будет рождаться вновь или возрождаться, — чтобы лишь испытать радость от нахождения в пути.

Может ли атомная физика, ориентированная на власть, по словам Жана Ростана, «растражировать последний генетический капитал человечества»? Да, может, причем всего за несколько лет. И мы не можем не представить себе, как наука разрубит гордиев узел, который сама и затянула.

Известные в настоящее время методы трансмутации не позволяют нам отделять энергию от радиоактивности. Эти трансмутации тесно связаны друг с другом, и их губительные последствия просто безграничны. Если алхимики правы, то существуют довольно простые способы, экономные, не представляющие серьезной опасности средства производить массовые

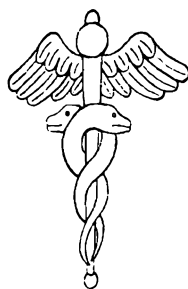
трансмутации. С их помощью можно добиться «отличное от первоначального растворение» материи путем ее перевода в другое состояние. Ни одно завоевание современной физики не позволяет даже думать об этом. А говорят об этом алхимики на протяжении тысячелетий. Наше незнание природы ядерных сил и строения атома не позволяет нам говорить о том, что это радикально невозможно. Если алхимическая трансмутация и существует то, лишь потому, что атом обладает свойствами, которые мы не знаем. Опасность слишком велика, чтобы продолжать медлить и не приступать к более глубокому и серьезному изучению алхимической литературы. Если даже такое изучение не приведет к выявлению неопровержимых фактов, то, по крайней мере, оно может дать нам новые идеи. А их-то как раз и не хватает на этом этапе развития и изучения атомной физики, которая задыхается под тяжестью громоздких материалов и проявляет все-больший аппетит к власти.

Внутри протона и нейтрона обнаружены структуры, бесконечно более сложные по сравнению с так называемыми «фундаментальными», например принципом паритетности, который неприменим к атому. Сейчас уже начинают говорить об «антиматерии», о возможном сосуществовании нескольких вселенных в лоне нашей, видимой, так что в будущем все возможно, и прежде всего возможен реванш алхимии. Можно сказать, время есть для всего и время есть даже для того, чтобы соединились все времена.

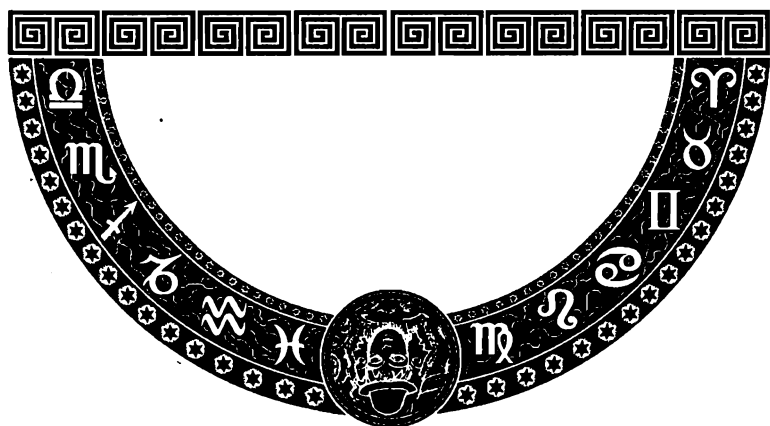

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

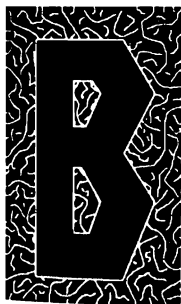
Исчезнувшие цивилизации

Глава I

СОБОР СВЯТОГО ИНОГО

Портрет экстравагантного чудесного мистера Форта. — Пожар в санатории, вызванный невероятными совпадениями. — Мистер Форт — жертва универсальных знаний. — Сорок тысяч заметок о бледно-голубых бурях, дождях из лягушек и ливнях из крови. — Книга проклятых. — Некий профессор Крейслер. — Иллюстративное восхваление посредничества. — Отшельник из Бронкса и космический Рабле. — Авторы посещают собор Святого Иного. — Приятного аппетита, мистер Форт!

1910 году в Нью-Йорке, в небольшой буржуазной квартирке в Бронксе, жил человек, не старый и не молодой, который смахивал на неуклюжего тюленя. Его звали Чарльз Хой Форт. У него были маленькие, полные ручки, животик и крепкий крестец, большой, наполовину облысевший череп, большой азиатский нос, очки в железной оправе и усы как у Гурджиева. Поговаривали, что это какой-то профессор из меньшевиков. Он никуда не выходил из дома, лишь в городскую библиотеку, где обычно заказывал громадное количество газет, журналов и ежегодников всех стран и всех эпох.

В его рабочем кабинете был целый склад коробок от обуви и груды старых газет: «Американский альманах» за 1833 год, подшивка лондонской «Таймс» за 1880—1893 гг., «Научный ежегодник», «Философский журнал» за двадцать лет, «Анналы Этнологического общества Франции», «Ежемесячный обзор погоды», «Обсерватория», «Метеорологический журнал» и т. д. На голове он носил зеленый козырек, и всякий раз, когда

его жена зажигала конфорку на плите, чтобы приготовить завтрак, он немедленно шел на кухню, чтобы убедиться, нет ли угрозы пожара. Только эта его привычка и выводила из себя мадам Форт, уроженницу Анну Файлан, которую он выбрал из других женщин за полное отсутствие любопытства ко всему на свете. Но он любил ее и любил нежно.

До тридцати четырех лет Чарльз Форт, сын бакалейщика из Олбани, фактически прозябал и еле сводил концы с концами, благодаря своему весьма посредственному таланту журналиста и умению засушивать бабочек. Когда его родители умерли и лавка была продана, он ухитрился жить на получаемую от нее скромную ренту, что позволило ему наконец целиком отдаться своей единственной страсти: коллекционированию заметок о различных невероятных событиях, которые тем не менее произошли, что и подтверждалось документально.

Красный дождь над Бланкенбергом 2 ноября 1819 года, грязевый дождь над Тасманией 14 ноября 1902 года. Хлопья снега величиной с блюдо в Нэшвилле 24 января 1891 года. Дождь из лягушек, обрушившийся на Бирмингем 30 июня 1892 года. Шары огня. Следы фантастического животного, найденные в Девоншире. Летающие тарелки. Какие-то странные присоски на горах. Летающие аппараты в небе. Капризы кометы. Странные исчезновения людей. Необъяснимые катастрофы. Надписи на метеоритах. Черный снег. Голубые луны. Зеленые солнца. Ливни из крови.

Таким образом он собрал двадцать пять тысяч заметок, которые хранил в пустых коробках из-под обуви. Факты, упоминаемые, а затем поглощаемые пучиной равнодушия, но тем не менее факты. Он назвал свою коллекцию «санаторием невероятных совпадений». Это были факты, о которых предпочитали не говорить. Его картотеку преследовал «заговор молчания». А он испытывал какую-то особую нежность ко всем этим необъяснимым явлениям, изгоняемым из всех областей знаний, и он предоставлял им, несчастным, политическое убежище в своей тесной квартирке в Бронксе, любил перебирать их, лаская пальцами и приговаривая: «Ах, вы мои маленькие проституточки, уродцы, горбуны, клоуны», и когда он их перебирал, ему казалось, что перед ним проходили парадом впечатляющие, солидные факты и события, которые происходили, происходят и наверняка будут происходить в будущем.

Иногда он уставал обрабатывать свои данные, от которых наука отрешивалась... Летающий айсберг упал на Руан и рассыпался на куски 5 июля 1853 года. Лодки небесных путешественников. Крылатые существа, появившиеся в небе над Палермо на высоте 8000 метров 30 но-

ября 1880 года. Светящиеся колеса в море. Дожди из серы и из человеческого мяса. Останки великанов, обнаруженные в Шотландии. Найденные в горах Эдинбурга гробы маленьких существ, прибывших неизвестно откуда... Когда он уставал, то отдыхал, играя сам с собой бесконечные партии в супершахматы на доске собственного изобретения, на которой было 1600 клеток.

В один прекрасный день Чарльз Хой Форт осознал, что проделанный им гигантский труд ничего не стоит. От него нет никакого проку. Все это весьма сомнительно. Так, досуг маньяка, не больше. Он понял, что все это время он находился лишь на пороге того, что искал во мгле, что он ничего так и не сделал из того, что собирался сделать. Нет, это не научные исследования, лишь жалкая карикатура на них. И он, человек, который больше всего на свете боялся огня и пожаров, бросил все картонки со своей картотекой в огонь.

Теперь он открыл и понял свою собственную натуру. Этот маньяк, собирающий необычные явления, был всего лишь фанатом общих идей. Что делал он, делал бессознательно на протяжении стольких полупотерянных лет? Склоняясь над своей коллекцией забальзамированных бабочек и старыми газетами, он тем не менее бросал вызов одному из самых цепких представлений — уверенности цивилизованных людей в том, что они знают буквально все о Вселенной, в которой живут. Может, поэтому от них стыдливо прячется такой человек, как он, Чарльз Хой Форт? Любой намек на факт, что во Вселенной существуют громадные необследованные области Неизвестного, оставляет неприятный осадок у окружающих людей. Чарльз Хой Форт действовал как настоящий эротоман: нужно хранить в тайне наши пороки, чтобы общество не пришло в ужас, осознав, что обследованные им земли сексуальности — сплошь целинные залежи. Теперь нужно было перейти от маниакальности к пророчеству, от отшельничества — к декларации принципов.

Научные знания необъективны. Они, как и наша цивилизация, представляют собой всего лишь заговор. Сколько установленных фактов отвергается, только чтобы не тревожить установившиеся взгляды. Мы по сути дела живем при порядках, установленных инквизицией, когда самым распространенным оружием, направляемым против неконформистской реальности, является презрение, сопровождаемое оскорбительным смехом. Ну, и что представляют собой наши знания в таких условиях? «В топографии разума, — говорит Форт, — знание можно определить как невежество, скрываемое за презрительным смехом». Следовательно, нужно потребовать дополнения, поправки к свободам, гарантируемым конституцией;

нужна свобода ставить науку под сомнение. Свобода ставить под сомнение эволюцию (не была ли теория Дарвина фикцией?), вращение земли, существование скорости света, гравитации и т.д. В общем, все, кроме фактов. Но факты, не тщательно подобранные, а такие, какими они являются, благородные по характеру или не очень, чистокровки или бастарды, со всеми шлейфами странностей и невразумительных совпадений. Не отбрасывать ничего от реальности; наука будущего откроет неизвестные связи между такими фактами, которые кажутся нам абсолютно разрозненными. Науку должен спасти дух «волчьего аппетита» на знания, но дух не доверчивый, а новый, неукротимый, дикий. Миру нужна энциклопедия исключенных фактов, проклятых реальностей. «Я очень боюсь, что придется открыть нашей цивилизации такие новые миры, в которых белые лягушки имеют неотъемлемое право на жизнь». За восемь лет этот неуклюжий человек из Бронкса, похожий на смиренного тюленя, поставил перед собой задачу познать все науки, все виды искусства, и еще и самому изобрести с полдюжины для личного пользования. Охваченный энциклопедическим безумием, он посвятил себя этому гигантскому труду, который ставил своей целью не столько накопление знаний, сколько осознание полнокровной тотальности жизни. «Меня приводило в изумление то, что кто-то может быть вполне удовлетворен своей профессией — писателя-романтика, портного, промышленника или дворника».

Выработанные им принципы, формулировки, установленные законы, подмеченные явления осмыслялись им и отправлялись в муниципальную библиотеку Нью-Йорка, Британский музей, с которыми он вел обширную переписку, как и с другими крупнейшими библиотеками и книгохранилищами мира. Сорок тысяч заметок были распределены на 1300 разделов и записаны карандашом на маленьких карточках сгенографическим письмом собственного изобретения.

И над всем этим безумным предприятием звездой сиял его дар рассматривать все, каждый предмет, с точки зрения высшего разума, о существовании которого он с восторгом узнал. Астрономия. Полуночник разглядывает полдюжины красных фонарей на перегороженной улице. Газовые горелки, столбы с лампами, освещенные окна квартала. Чиркают спичками, зажигают огонь, где-то возникает пожар, горят неоновые вывески, ярко светят автомобильные фары. Но полуночник придерживается своей маленькой системы...»

В то же время Форт возобновляет свои поиски отверженных фактов, но теперь делает это уже систематически и старается уточнять все их путем сопоставлений. Он разрабатывает обширный план, затрагивающий та-

кие отрасли науки, как астрономия, социология, психология, морфология, химия, магнетизм. Он не собирает коллекцию, он пытается получить розу внешних ветров, сделать компас для плавания по океанам иных пространств, разрешить головоломку иных миров, скрытых в нашем мире. Для него ценность имеет каждый дрожащий листик с громадного древа фантазии: завывания в небе над Неаполем 22 ноября 1821 года; рыбы падают с неба на Сингапур в 1861 году; водопад опавших листьев 10 апреля некоего года в департаменте Эндр-и-Луар; каменные топоры, которые посыпались после разряда молнии на Суматру; дожди из живой материи; космические тамерланы похищают людей; обломки блуждающих миров кружатся над нашими головами... «Я — интеллигент и противопоставляю себя ортодоксам. Так как у меня нет аристократического высокомерия нью-йоркского консерватора или шамана-эскимоса, я должен сделать над собой определенное усилие, чтобы постигнуть другие миры...»

Миссис Форт все это абсолютно не интересуется. Она настолько ко всему равнодушна, что никакая экстравагантность ей не ко двору. Он не рассказывает о своей работе ей или редким ошеломленным друзьям. Он их не очень хочет видеть. Правда, он время от времени им пишет. «У меня складывается такое ощущение, что я предаюсь новому пороку, рекомендованному любителям неслыханных грехов. Вначале некоторые из моих сведений были такими страшными или такими смехотворными, что их с презрением отвергали, не желая ничего читать; теперь дела пошли лучше, но сожалеть не о чем».

Его глаза устают. Он может ослепнуть. Он бросает работу и в течение нескольких месяцев только размышляет, питаясь лишь ситным хлебом и сыром. Зрение улучшается, и он собирается представить свое личное видение Вселенной, антидогматическое и искреннее, и благодаря своему чувству юмора добиться понимания. «Порой я ловил себя на том, что думаю не о том, во что верю».

Например: «По мере того как он продвигался в изучении различных наук, он все больше отдавал себе отчет в их неполноте. Нужно их разрушить до основания. Сам их дух неприемлем. Нужно все начать сначала и включить отвергнутые прежде факты, о которых он собрал энциклопедический документальный материал. Прежде всего вновь ввести их в лоно науки. Затем, если только возможно, объяснить их. «Я не стараюсь стать идолом абсурда, думаю, что делая первые шаги на ощупь, ты не знаешь, что можно предпринять впоследствии. Если какой-то из пионеров-зоологов (эту науку тоже нужно переделать) слышал о птицах, которые ползают по дереву, то он должен сообщить, где именно и от кого слышал это.

После чего он должен заняться этой проблемой сам, и только затем под-
вергнуть эти сведения суровой критике».

Сообщить, сообщить, сигнализировать, и в один прекрасный день мы
увидим, как нечто передает нам знамение.

* * *

Нужно пересмотреть сами основы знаний. Чарльз Хой Форт чувствует,
как внутри него фонтанирует множество теорий, и у всех — крылья ангела,
на которых он принес нам что-то невероятное. Для него наука — это вполне
цивилизованный автомобиль, мчащийся по автостраде. Но по обе стороны
этой великолепной дороги, покрытой прочным битумом и освещенной нео-
новыми огнями вывесок, протянулась дикая страна, в которой полно самых
разнообразных чудес и тайн. Стоп! Так осмотрите повнимательнее эту стра-
ну, всю целиком. Съезжайте с накатанной дороги! Совершайте резкие зиг-
заги! Делайте беспорядочные, клоунские жесты, как будто хотите остано-
вить движущуюся на полной скорости машину. Неважно, что вы похожи на
чудака, это нужно делать, делать срочно, не откладывая.

Чарльз Хой Форт, отшельник из Бронкса, считает, что ему удалось
совершить с невероятной, едва возможной, скоростью целую серию таких
«обезьяньих» ужимок, столь для него необходимых.

Он убежден в важности своей миссии и, освободившись от своей гро-
моздкой документации, решает изложить на трехстах страничках все свои
лучшие, «взрывные» идеи. «Иссушите мне ствол секвойи, перелистайте мне
страницы отвесных меловых утесов, умножьте мне все в тысячу раз, замени-
те мою скромность мегаломанией Титана, — только тогда я смогу написать
во всей масштабной полноте картину, которую требует мой сюжет».

Он пишет свою первую книгу — «Книгу проклятых», в которой пред-
лагает «ряд опытов для изменения самой структуры знаний». Его работа
вышла в Нью-Йорке в 1919 году и произвела настоящую революцию в
умах интеллектуалов. Еще до появления первых признаков дадаизма и сюр-
реализма Чарльз Форт вводил в Науку то, что Тара и Бретон с учениками
хотели ввести в искусство и литературу: решительный отказ играть в игру,
в которую, жульничая, играет весь мир, неистовое утверждение, что «су-
ществует нечто другое». Он предпринимает громадные усилия, но не для
того, чтобы осмыслить реальность во всей совокупности, а для того, что-
бы воспрепятствовать осмыслению реальности ложной как связной и вра-
зумительной. Это гигантский разрыв с прошлым. «Я — слепень, который
протыкает хоботком кожу знаний, чтобы не дать им заснуть».

«Книга проклятых»? «Золотая жила для чокнутых», — скажет Джон Уинтерич. «Гнусный уродец литературы», — вынес свой приговор Эдмунд Пирсон. А для Бена Гехта «Чарльз Форт — Апостол исключительного, жрец-мистификатор невероятного». Мартин Гарднер, однако, вынужден признать, «что его сарказм в точности соответствует едкой, вполне приемлемой критике Эйнштейна и Рассела». Джон У. Кэмпбелл утверждает, что в «этой книге он обнаружил зародыши, по крайней мере, шести новых наук». «Читать Чарльза Форта — это все равно, что скакать на комете», — признается Мейнард Шипли, а Теодор Драйзер видит в нем «самую значительную фигуру в литературе после Эдгара По».

После выхода в свет «Книги проклятых», Форт в 1923 году опубликовал «Новые земли». Уже после его смерти, в 1931 году вышла «Вне-мли», а в 1932-м — «Таланты дикарей». Эти его книги пользуются определенной популярностью в Америке, Англии и Австралии. Все эти данные я заимствовал из исследования Роберта Бенаяюна.

Тиффани Тейер, в частности, заявлял:

«Способности Чарльз Форта пришлось по душе целой группе американских писателей, которые, воздавая ему почести, решили продолжить его нападки, направленные против всемогущих жрецов нового бога: Науки и против всяческих ее догм. Именно с такой целью 26 января 1931 года было учреждено “Общество Чарльза Форта”. Среди его учредителей были Теодор Драйзер, Бут Таркингтон, Бен Гехт, Гарри Леон Вильсон, Джон Коппер Поуис, Александр Вулкотт, Бертен Рэскоу, Аарон Зюсман и секретарь общества Тиффани Тейер».

Во Франции его «Книга проклятых» благодаря моим усилиям была опубликована в 1955 году, хотя я приложил не столь большое старание. Несмотря на отличный перевод и предисловие Р. Бенаяюна и послание Тиффани Тейера, председателя «Общества друзей Чарльза Форта в Соединенных Штатах Америки», она прошла почти незамеченной. Форт умер в 1932 году, накануне выхода в свет его четвертой книги «Таланты дикарей». Бесчисленные заметки, собранные им в различных библиотеках мира путем международной переписки, были переданы «Обществу Чарльза Форта». Сегодня они составляют основу архивов этого Общества, которые растут с каждым днем благодаря сотрудничеству его членов из сорока девяти стран, не говоря уже об Америке, Аляске и Гавайских островах.

Общество выпускает раз в три месяца свой журнал «Сомнение». Он для них является чем-то вроде отдушины, ибо публикует все «проклятые»

факты, которые ортодоксальная наука не желает воспринимать: например, сведения о летающих тарелках. По сути дела это Общество располагает самыми полными сведениями и статистикой с древних времен, самой обширной и самой полной, которой нет больше нигде в мире.

Мы с Бержье утешились после столь непредвиденной неудачи нашего самого дорогого мэтра, вообразив, что сейчас он наслаждается новой жизнью среди небесных саргассумов, этих таинственных водорослей Саргассова моря, где, несомненно, слышит громкие отзвуки науки, которые долетают до него из страны Декарта.

* * *

Наш старый мастер коллекционирования бабочек испытывал непреодолимый ужас перед всякой фиксацией, классификацией, застывшей раз и навсегда определенностью. Наука выделяет явления, изолирует их, чтобы наблюдать и изучать их. Великая идея, выдвинутая Чарльзом Фортом, заключается в том, что ничего изолированного не существует.

Изолируемое явление не живет. Бабочка махаон высасывает сок из левкой; теперь это — бабочка плюс высосанный сок левкой; а левкой — тот же левкой минус высосанный из него сок. Всякая попытка выделить вещь в себе — это покушение на реальность.

«В так называемых диких племенах особыми заботами окружают блаженных простодушных. Главное, что подразумевается в таком названии — это слабость духа. Все ученые начинают свою деятельность, получая такое определение, и поэтому ученых среди наших племен окружают удивительными заботами».

Вот Чарльз Форт, любитель необыкновенного, летописец чудес, погруженный в удивительные размышления по поводу размышлений. Он обращается к структуре психики цивилизованного человека. Он не согласен пользоваться двигателем с двумя тактами, двумя временами, которые движут современную мысль. Всего два такта: «да» и «нет», позитив и негатив. Знания современного разума строятся на бинарной основе: истинно — ложно; открыто — закрыто; живой — мертвый; жидкий — твердый и т.д. В чем Форт возражает Декарту? Он не приемлет его точку зрения на общее на основе взаимоотношений, когда частное можно этим частным определить. Таким образом, каждая вещь является как бы промежуточной между другими. Форт отстаивает новый образ мышления, который способен воспринимать как реальные промежуточные состояния между «да» и «нет», позитивом и негативом. То есть восприятие, осуществляемое на гораздо более высоком уровне, чем двоичный.

Журнал «Сомнение» публикует также и заметки самого Форта. То есть в каком-то смысле речь идет о третьем глазе разума. Чтобы выразить зрение этого третьего глаза, недостаточно привычного языка, продукта этой двоичности (заговор, организованное ограничение). Для этого, по Форту, требуется использовать прилагательные с «двойным лицом», эпитеты, похожие на двуликого Януса: «реальное — ирреальное», «материальное — нематериальное», «растворимое — нерастворимое».

Однажды один из наших общих друзей, когда мы с Бержье завтракали вместе с ним, расхваливал на все лады одного серьезного австрийского профессора по имени Крейслер, сына владельца отеля в Магдебурге под названием «Два полушария». Оказывается, герр профессор Крейслер посвятил свой гигантский труд коренной реформе западного языка. Наш друг мечтал о том, чтобы напечатать в каком-нибудь серьезном журнале свою статью о «вербализме Крейслера», и это была бы вполне полезная мистификация. Этот Крейслер попытался расширить узкий корпус языка, чтобы он вообрал в себя и все промежуточные состояния, которыми образ нашего мышления пренебрегал.

Приведем пример. Существуют слова «отставание» и «опережение». Как определить отличие отставания от опережения, которого хотелось бы достигнуть? Такого слова не существует. А Крейслер предложил бы слово «отстажение». А как определить прежнее отставание? Он предложил бы слово «оперевание». Речь идет здесь только о временной промежуточности. Однако давайте обратимся к психологическим состояниям. Любовь и ненависть. Если я трусливо люблю только самого себя в другом, который меня ненавидит, то разве это любовь? Это только «любовисть». Если же я ненавижу своего врага, но не теряю все же связи со всеми живыми существами, и выполняю свою роль врага, но примиряю ненависть с любовью, то это уже не ненависть, а «ненабовь». Перейдем к основным промежуточностям. Например, между такими понятиями, как «жить» или «умереть», должны быть слова, обозначающие промежуточные состояния. Скажем, «жимереть», то есть уже не жить, но и не умереть. Эти слова должны отражать переходные состояния нашего сознания, например, когда оно блуждает между бодрствованием и сном — то есть «снободрит». Как часто наше сознание только «снободрит»: мы думаем, что оно бодрствует, а оно позволяет себе спать! Бог знает, как ловко оно засыпает, пытаюсь бодрствовать — и это значит «спитствовать».

Наш друг, представляя нам этот веселый фарс, начитался перед этим Форта. «В терминах метафизики, — говорил он, — все, что обычно называют существованием, и что я называю “промежуточностью”, всего

лишь мнимое существование, оно — ни реальное, ни ирреальное, это — всего лишь попытка приблизиться к реальному, проникнуть в реальное существование. Такой подход к проблеме не имеет прецедента в современной истории науки. Он призывает к изменению мышления, требующего теперь открытия некоторых психоматематических реальностей. Например, на уровне частицы время движется одновременно в обоих направлениях. Весь мир одновременно и непрерывен, и пунктирен. Уравнения одновременно и правильны, и неверны. То, что называется существованием, — это движение; всякое движение не является равновесием, а лишь попыткой установления еще не достигнутого равновесия». Эти слова относятся к 1919 году и они очень близки к современным рассуждениям такого физика и биолога, как Жак Менгерье об инверсии энтропии. «Все явления в нашем посредническом или квазиположении, проявляют тенденцию к организации, гармонизации, индивидуализации, то есть предпринимают попытку к достижению реальности. Но любая попытка обречена на провал непрерывностью или внешними силами, исключаемыми фактами или приближающимися к включенным». Это предвосхищает одну из наиболее абстрактных операций в квантовой физике: нормализацию функций, то есть операцию, состоящую в установлении функций, с помощью описания физического тела таким образом, который давал бы возможность найти такой объект во всей Вселенной.

«Я воспринимаю все в мире словно разложенное по полочкам, на ступенях, как череду этапов между реальным и ирреальным». Поэтому для Форта неважно, какой факт у него в руках, — этот или другой, — чтобы приступить к описанию всей совокупности. И почему обязательно выбирать для разума вселяющий уверенность факт, а не факт, наполняющий его тревогой? Для чего что-то непременно исключать? Чтобы рассчитать круг, можно начать с любой точки. Нам, например, говорят о существовании НЛО. Вот целая группа фактов, на основе которых можно понять всю совокупность. Но можно начать и «с бледно-голубых бурь».

«Я совсем не реалист, я не идеалист, я — посредник». Каким же образом при нападках на главный корень нашего мышления, на самую основу разума, прикажете нам понимать друг друга? Через бьющую в глаза эксцентричность этого шокового языка гения-централиста: он способен уйти очень далеко в поисках своих образов, но он обязательно приведет их к определенной глубокой точке своих размышлений. В определенной

мере наш приятель Чарльз Форт во многом напоминает Рабле. Он устранивает такую комическую возню, что хоть святых выноси!

«Я собираю заметки по самым разнообразным явлениям, например, отклонения от концентрической теории на лунном кратере Коперника, неожиданное появление рыжих британцев, стационарные метеоры, неожиданное появление волос на лысом черепе мумии. Но мой главный интерес сосредотачивается не на фактах, а на связи между ними, их взаимоотношениях. Я долго размышлял о так называемых взаимоотношениях, которые называются совпадениями. Ну, а если это не совпадения?»

«В те далекие времена, когда я был шалуном и сорванцом, родители меня заставляли работать в бакалейной лавке, где мне нужно было сдирать этикетки с консервных банок конкурентов и наклеивать на это место этикетки моих родителей. Однажды, когда передо мной стояла настоящая пирамида фруктовых и овощных консервов, у меня остались только этикетки персиков. Наклеив их на банки, я перешел к абрикосам. И вдруг подумал: а абрикосы разве не персики? А разве некоторые сливы на них не похожи? И вот теперь я старательно, на научной основе, наклеивал этикетки персиков на банки со сливами, вишней, фасолью и зеленым горошком. Почему я тогда так поступил? Каким мотивом руководствовался? Не знаю до сих пор, потому что пока не решил, кем я был — ученым или чудаком?»

«Появилась новая звезда: чем она отличается по форме от некоторых капель неизвестного происхождения, которые обнаружили на одном хлопковом поле в штате Оклахома?»

«Я разглядываю удивительную бабочку, ее окраска похожа на сфинкса с черепом. Она попискивает, как мышь, и эти звуки похожи на вокальные. Она называется Калима и похожа на опавший листик. Ну, а что такое ее сфинкс с черепом, подражает ли он чьим-то останкам?»

«Если нет позитивных различий, то нельзя позитивно определить, чем же отличается одна вещь от другой. Что такое, скажем, дом? Сарай, если в нем живут, тоже может быть домом. Если именно проживание и составляет суть дома, а не его архитектурный стиль, тогда и гнездо птицы — тоже дом. Однако проживание человека не может быть критерием, так как и у собак есть свой домик, из снега, как и у эскимосов. И такие позитивно отличающиеся друг от друга вещи, как Белый дом в Вашингтоне и ракушка, в которой живет краб, можно назвать смежными».

«Белые коралловые острова в темно-синем море. Видимость их отличия, индивидуальности разделения — это только проекция одного и того же дна океана. Отличие земли и моря не является положительным. Во

всякой воде содержится немного земли, а во всякой земле есть вода. Поэтому всякая видимость обманчива, так как вызвана одним и тем же признаком. Ножка стола не имеет ничего положительного, она — лишь проекция чего-то иного. И никто из нас не является индивидуальностью, физически мы схожи с тем, что окружает нас, а психически нам не удается ничего иного, кроме выражения своих отношений с нашим окружением. Мое мнение таково: все, что кажется обладающим индивидуальностью, — это лишь острова, проекции подводного континента, не имеющие реальных контуров».

«Под красотой я понимаю то, что кажется нам совершенством. Не совершенство или увечье могут быть только безобразными. Возьмем Венеру Милосскую. Ребенку она покажется безобразной, если кто-то считает, что она совершенна, она становится красивой. Рука как таковая может казаться красивой. Но ту, которая валяется на поле битвы, такой не назовешь. Все, что нас окружает, это — часть чего-то, что само, в свою очередь, является частью чего-то другого: в этом мире нет ничего прекрасного, лишь те видимости, которые служат посредниками между красотой и безобразием. Только Вселенная совершенна, совершенна только красота».

Глубокая мысль нашего учителя Форты заключается в подспудном единстве всех вещей и всех явлений. Или что цивилизованная мысль конца XIX века повсюду ставит скобки, а наше двойное мышление воспринимает только двойственность. И наш полубезумец-полумудрец из Бронкса восстал против «исключающей Науки» своего времени, как и против самого способа нашего мышления. Возникает необходимость в другой форме — мышлении мистическом, пробуждающемся, осознающем присутствие тотальной Всеобщности. Исходя из этого он предлагает другие методы познания. И, чтобы подготовить нас к ним, он начинает с отказа от нашего привычного мышления. Фактически раздирает его на куски. «Я заставлю вас стучать в двери, которые открываются в иное».

Но мистер Форт отнюдь не идеалист. Он сражается с недостатком у нас реализма — ведь мы отказываемся от реального, если оно кажется нам фантастическим. Форт не проповедует новой религии. Напротив, он старается возвести прочный барьер вокруг своей доктрины, чтобы закрыть к ней доступ слабым, неразвитым умам. Он убежден, что «все — во всем», что Вселенная заключена даже в песчинке. Но такая метафизическая убежденность может ярко блеснуть лишь на новом, гораздо более высоком уровне рефлексии. Она не может опуститься до уровня первоначального оккультизма, если не желает подвергнуться осмеянию.

Она не может позволить себе упиваться мышлением аналогиями, столь дорогим для сомнительных эзотериков, которые бесконечно объясняют вам одно посредством другого. Библию посредством чисел, последнюю войну посредством Великой пирамиды, революцию посредством карты Таро, будущее посредством звезд, — и они повсюду видят таинственные знаки. «Существует, вероятно, какая-то связь между розой и гиппопотамом, но ведь молодому человеку никогда не придет в голову мысль подарить своей невесте вместо букета роз букет из гиппопотамов». Марк Твен, обличая этот же порок мышления, в шутку говорил, что «Весеннюю песнь» можно объяснить скрижалями еврейского закона, так как Моисей и Мендельсон — это, по существу, одно и то же имя. И Чарльз Форт вторил ему, бросаясь в атаку с такой забавной карикатурой: «Можно сравнить слона с подсолнечником, и у того и у другого — длинный стебель. А если иметь в виду лишь горбы, то верблюда не отличить от земляного ореха».

Таков этот веселый добряк, стремящийся к забавным знаниям. А теперь мы посмотрим, как его мысль принимала космические масштабы.

* * *

Что если бы сама Земля не была реальной, такой, как она есть? Что если бы она была лишь какой-то посредницей в космосе? Вполне вероятно, что Земля вовсе не независима, и жизнь на ней далеко не независима от других жизней, других существований в необозримых пространствах...

Сорок тысяч заметок о всевозможных дождях, выпавших на Землю, уже давно навели Чарльза Форта на мысль, что эти осадки неземного происхождения. «Я предлагаю рассмотреть идею о том, что где-то за пределами нашего мира существуют другие континенты, с которых падают к нам различные предметы так же, как обломки из Америки доплывают до Европы».

Скажем сразу, — Форт не наивный человек, ничего подобного! Он не всему верит. Он просто восстает против привычки все отрицать «априори». Он не указывает пальцем на истину, он бьет кулаком, чтобы разрушить здание науки своего времени, построенное из таких частичных истин, которые больше смахивают на заблуждения. Он при этом весело смеется? Не вижу причин, почему усилия человека, направленные на познание, порой не могут сопровождаться здоровым смехом. Ведь и смех — это свойство человека. Он что-то изобретает? Он предается мечтам? Он экстраполирует? Кто он — космический Рабле? Он соглашает-

ся. «Эта книга — лишь вымысел, как “Путешествия Гулливера”, “Происхождение видов” и еще Библия».

Черные дожди и снег, снежные хлопья, черные, как смоль. Кузнечный шлак падает с неба в Шотландское море. Его там обнаруживают в таких громадных количествах, что для его производства потребовались бы кузны всего мира. Я вспоминаю об одном острове, который расположен по соседству с торговыми трансокеанскими маршрутами. К его берегам ежегодно прибывает множество обломков потерпевших крушение торговых кораблей. А может быть, это обломки, остатки космических кораблей?

Ну, а дожди из плоти животных, из какого-то желатинообразного вещества с сильным запахом разложения? Можно ли в таком случае допустить, что в пространстве плавают громадные куски вискозы и желатина? Может быть, речь идет о запасах продовольствия, созданных на небе Великими путешественниками из других миров?

«У меня складывается такое впечатление, что над нашими головами находится целый стационарный регион, в котором гравитационные и метеорологические силы проявляют свою инертность, и он откуда — извне получает вещи, аналогичные нашим». Ну, а дожди из животных — из рыб, лягушек, черепах? Откуда они явились? Может, и наши предки явились оттуда? Если только речь не идет об ураганах, смерчах, которые их поднимают вверх, а потом складывают в каком-то месте пространства, где нет никакой гравитации, в своеобразном «холодильнике», где подолгу сохраняются жертвы таких похищений. Унесенные с Земли, проникнув через дверь, выходящую на что-то другое, они все сосредотачиваются в небесном Сарагассовом суперморе... «Поднятые ураганом предметы могут попасть в зону безвоздушного пространства высоко над землей, там они спокойно плавают рядом друг с другом, а потом наконец падают... Мы знаем, что бывают смерчи, но из чего они состоят? Ну, а это небесное Саргассово суперморе? Там плавают обломки, остатки, отбросы, старый груз, оставшийся после крушения межпланетных кораблей, различные предметы — реликвии давних эпох Александров, Цезарей и Наполеонов, выброшенные в то, что мы называем пространством, судорогами соседних планет — Марса, Юпитера, Нептуна. Предметы, поднятые в воздух нашими циклонами: амбары вместе с лошадьми, слоны, мухи, птеродактили и гигантские птицы-моа, листва наших лесов, как и листва каменного века, и все это превращается в грязь, в однородную пыль — красную, черную или зеленую — вот они, настоящие сокровища для палеонтологов

и археологов, — накопления веков, собранные ураганами Египта, Греции, Ассирии...

Со вспышками молний на землю падают камни. Крестьяне считали их метеоритами, но наука исключила такую возможность. Тогда крестьяне не поверили в камни из молнии, но наука отвергла и такую вероятность. Стоит ли напоминать, что крестьяне трудятся на полях, а ученые работают в своих лабораториях или заседают в конференц-залах.

Те же камни из молнии, только обтесанные. Камни с какими-то отметинами, знаками. Может быть, такой способ коммуникации выбрали обитатели других миров, чтобы пообщаться с нами или, по крайней мере, с некоторыми из нас? С какой-нибудь сектой, тайным обществом или какими-то неистовыми эзотериками на нашей Земле? Существуют тысячи и тысячи свидетельств таких попыток. Мой опыт, растянувшийся надолго из-за всевозможных запретов и равнодушного отношения ко мне, заставляет меня считать, даже не входя в обсуждение этой темы по существу, что астрономы видели эти миры, что метеорологи, ученые наблюдатели с особой подготовкой тоже видели их и видели неоднократно. Но Система уничтожила все эти данные».

Напомним читателю еще раз, что все это было написано в 1910 году. А сегодня и русские, и американцы создают научные лаборатории для изучения сигналов, которые могут приходиться к нам из других миров.

Может быть, инопланетяне нас уже посещали в далеком прошлом? Ну, а если палеонтология ошиблась? И если большая часть костей, найденных учеными XIX века, любителями редкостей были собраны произвольно, а кое-что наиболее важное утаено? Останки этих гигантских существ, может быть, и есть те визитеры, которые время от времени посещали нашу планету? По сути дела, что может заставить нас поверить в доисторическую фауну, о которой нам говорят палеонтологи, которые знают о ней не больше нашего? Каким бы оптимистом и каким бы легковерным человеком по своей природе я ни был, каждый раз, когда я посещаю Музей естественной истории и останавливаюсь перед витриной с табличкой «Ископаемые», мой цинизм достигает апогея. Кости каких-то гигантов, реконструированные таким образом, чтобы сделать динозавров «как можно более похожими на себя». В подвальном этаже выставлена реконструкция «Додо». Но это же явная фикция, выдаваемая за оригинал. Но с какой любовью она сделана, чтобы лишь поскорее убедить в своей подлинности доверчивого посетителя...

Почему же тогда, если нас посещали прежде, теперь этого не происходит?

Предвижу простой и сразу же принимаемый ответ: можем ли мы обучить, цивилизовать свиней, гусей, коров? Можем ли мы установить дипломатические отношения с курицей, чтобы она удовлетворила нас сообщением о том, какой абсолютный смысл она придает своей цели на Земле?

Я верю, что мы — это недвижимость, аксессуар, скот. И я думаю, что мы чья-то собственность. Когда-то Земля была чем-то вроде «ничейной земли», ее обследовали, колонизировали и поделили между собой другие миры.

В настоящее время кто-то владеет Землей, и этот кто-то удалил с нее всех прежних колонистов. Никто из пришельцев не был для нас столь убедителен, как Христофор Колумб, высадившийся на Сан-Сальвадоре, или как Гудзон, поднявшийся вверх по реке, названной его именем. Но что касается тайных визитов, осуществленных на нашу планету еще совсем недавно путешественниками, прибывшими, возможно, из другого мира и посему старавшимися всячески избегать любых встреч с нами, то у нас есть много убедительных примеров. «Принимая на себя такую задачу, мне придется, в свою очередь, отказаться от некоторых аспектов реального. Например, я не вижу, каким образом отразить в одной книге все возможные навыки человечества для иного способа существования, оправдать лестную для нас иллюзию, что мы на кое-что сгодимся. Свиньи, гуси, коровы прежде должны осознать, что ими владеют, после чего переходить к размышлениям о том, почему же ими владеют. Может быть, мы пригодны для использования, может быть, какое-то соглашение достигнуто между сторонами; что-то имеет над нами законное право, обеспечиваемое силой, или после того, как кто-то заплатил цену, равную стоимости стеклянных бус, которые предлагал наш предыдущий, более приличный собственник. И такая сделка известна на протяжении веков некоторым из нас, баранам, стоящим во главе какого-то культа или тайного общества, члены которого, эти первоклассные рабы, направляют нас в соответствии с полученными инструкциями и подгоняют нас стрелом к нашей таинственной функции». Когда-то давно, задолго до установления своего законного владения обитатели целой толпы миров высадились на нашу Землю и, то ли прыгая, то ли летая, идя под парусом или лежа в дрейфе, достигали наших берегов в одиночку или группами, посещали нас при случае или периодически с разными целями — поохотиться, произвести торговый обмен, что-то разведать или пополнить свежими наложниками свои гаремы. Они основали у нас свои колонии, но потом куда-то пропали или вернулись к себе.

Мы не одни во Вселенной, Земля — не одна; мы все — насекомые и мыши, и все мы облепили громадный универсальный сыр, брожение и

запах которого мы весьма слабо ощущаем. За нашим миром скрываются другие, за тем, что мы называем жизнью, есть другие жизни. Нужно убрать исключения, чтобы выдвинуть гипотезы всеобщего Единства, кажушегося нам таким фантастическим. Неважно, если мы ошибаемся, если чертим, например, карту Америки, на которой река Гудзон ведет, например, в Сибирь — самое главное в данный момент — вождение духа, методов познания. Главное, чтобы твердо знать, что наши карты требуют коренной переделки, что мир не таков, каким мы его представляли и что нужно стать самими собой, осознать себя самих и стать другими, не теми, какими мы были прежде.

Другие миры устанавливают связь с Землей. И таких доказательств немало. Но те, которые мы видим, может быть, нам не нравятся, они не столь хороши и убедительны. Но от них никуда не уйти. Эти отметины на горах, похожие на отметины от присосок, — чем не доказательства? Трудно сказать. Но они будоражат наше воображение, заставляют искать другие, более упоительные и весомые.

«Эти отметины, по-моему, служат средством связи. Но не между обитателями Земли. У меня складывается впечатление, что какая-то внешняя сила пометила символами скалистые горы на Земле, причем сделала это издалека. Я не верю, что все эти отметины присосок служат для связи между обитателями Земли, потому что просто нелегко, чтобы жители Китая, Шотландии и Америки изобрели одну и ту же систему. Иногда эти отметины очерчены кругом, иногда — полукругом. Их можно обнаружить практически повсюду — в Англии, во Франции, в Америке, в Алжире, на Кавказе и в Палестине, повсюду, за исключением, пожалуй, Крайнего Севера. В Китае обрывистые скалы ими просто испещрены. На скале возле озера Ком можно увидеть целый лабиринт таких отметин. Не только в Италии, но и в Испании, в Индии они встречаются в невообразимых количествах. Предположим, что какая-то сила, скажем, аналогичная электричеству, может издалека оставить знак на скалах, подобно тому, как изображения, передаваемые за сотни километров по телефотографу, отпечатываются на селеновом материале, — я ведь человек пытливого ума.

Откуда-то к нам прибыли исследователи, которые затем исчезли. Где-то пытаются установить с ними связь, и вот целый поток сообщений обрушивается на Землю в надежде на то, что некоторые из них отметят скалы, находящиеся поблизости от заплутавших исследователей. Более того, где-то на Земле есть особая скалистая поверхность, служащая приемником, полюсной конструкцией в виде высокого конического скалистого холма, на которую на протяжении веков направляются сообщения из

другого мира. Но иногда эти сообщения отклоняются и уходят в сторону на тысячи километров от приемника. Возможно, тайные, скрытые силы в истории развития Земли оставили на скалах в Палестине, Англии, Китае или Индии настоящие архивы, которые будут в один прекрасный день расшифрованы, и в них обнаружатся неполученные адресатом инструкции от эзотерических орденов, франкмасонов или иезуитов Вселенной.

Никакая мысль не может быть слишком безумной, никакая гипотеза слишком явной, — все это тараны, призванные разрушить крепость. Есть летательные аппараты и есть исследователи в космическом пространстве. А что если им вздумается мимоходом, пролетая над нами, прихватить с собой несколько живых организмов? «Я верю, что нас ловят, как рыб. Быть может, мы представляем собой особое лакомство для сверхгурманов высших сфер? Радостно сознавать, что я еще могу быть кому-то полезен, на что-то сгожусь. Я уверен, что в нашей атмосфере волокутся немало сетей, и они узнаются по смерчам и ураганам. Я верю, что нас ловят, как рыб, но я говорю об этом только вскользь...»

Вот каких глубин невозможного достигает что-то с тихим удовлетворением нашептывающий папаша Чарльз Форт. Он снимает с головы свой зеленый козырек, протирает свои усталые глаза, поглаживает свои тюленьи усы и идет на кухню навестить свою жену, милую Анну, которая поджаривает на огне красную фасоль и старается избежать малейшего риска, чтобы случайно не поджечь эту хибару с картонными коробками из-под обуви, набитыми карточками, этот музей совпадений, хранилище невероятного, салон небесных художников, бюро забытых вещей, эту библиотеку сведений о других мирах, этот собор Святого Иного, этот сказочный, блестящий костюм глупости, который напялила на себя Мудрость.

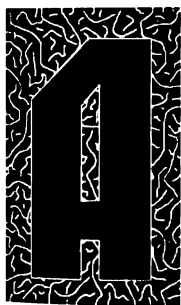
Анна, дорогая, погаси немедленно конфорку!

Приятного аппетита, мистер Форт!

Глава II

ГИПОТЕЗА ДЛЯ КОСТРА

Гипотеза для костра. — Когда священник и биолог становятся клоунами. — Антропологии требуется свой Коперник. — Слишком много белых пятен на картах. — Доктор Фортуна лишен любопытства. — Тайна расплавленной платины. — Книжки из веревок. — Дерево и телефон. — Культурный релятивизм. — И небольшая история на закуску!

Активная борьба за расширение границ восприятия нашего разума, первое приобщение к космическому сознанию, Чарльз Форт и его труды оказали непосредственное влияние на самого великого американского поэта параллельных Вселенных Г.П. Лавкрафта, отца-основателя того, что ныне получило название научной фантастики. Его произведения, как нам кажется, можно поставить на один уровень с десятью—двенадцатью шедеврами такого жанра, как «Илиада» и «Одиссея» нынешней цивилизации. В какой-то мере дух Чарльза Форты вдохновляет и нашу работу. Мы тоже всему не верим. Но мы считаем, что все нужно должным образом исследовать. Порой анализ сомнительных фактов приводит и к наиболее полезному трактованию фактов истинных. Полноты достигают с помощью практики преднамеренных пропусков. Как и Форт, мы попытаемся восполнить кое-какие упущения, пусть даже рискуя прослыть заблуждающимися людьми. Форт изучал все, что совершенно явно падало с неба. Мы изучаем все следы, как очевидные, так и не очень, которые исчезнувшие цивилизации могли оставить на Земле. Не исключая никаких возможных гипотез:

существование атомной цивилизации задолго до того, что мы называем доисторической эпохой, знания, поступившие к нам от обитателей неземных миров, и т.д. Научное изучение далекого прошлого человечества, по существу, только началось; в этой области всегда царила великая неразбериха, и все выдвигавшиеся гипотезы, как безумные, так и вполне здравые, не очень сильно отличались от тех, которые сегодня принимаются повсеместно. Самое важное — придать этой проблеме как можно больше открытости, гласности.

Если следовать классическому методу, то существуют две категории фактов — подлежащие проклятию и другие. Например, описание летательных аппаратов в очень древних священных текстах, использование парапсихических сил среди «примитивных дикарей» или обнаружение никеля в монетах, датированных 235 годом до н.э., — это такие факты, которые непременно подлежат проклятию. Их следует обязательно исключить. Отвергнуть. Ни за что не изучать. Есть и две категории гипотез — неудобные и другие. Фрески, обнаруженные в гроте Тас-сили в пустыне Сахара, на которых изображены люди с касками на голове и длинными рогами, из которых вылетают какие-то шарики, изображенные множеством точек. Речь идет о зернах пшеницы, свидетельстве пасторальной цивилизации. Да, но это никак не доказано. Что если на фресках — изображения магнитных полей? Тогда как? Боже, какой ужас! Жуткая гипотеза! Колдовство! На костер!

По сути дела классический метод, который мы называем инквизиторским, дает приблизительно такие результаты.

Один индийский священнослужитель, преподобный Праванананванда, и американский биолог, доктор Стросс из университета Джона Хопкинса, идентифицировали ужасного «снежного человека». Это просто-напросто бурый гималайский медведь. Ни один из уважаемых ученых не видел этого существа. Но, несмотря на это, они заявили, что «наша гипотеза — единственная, которая не столь фантастична, она как раз и подходит». Проводить бесполезные исследования — лишь подрывать научный дух. Bravo, преподобный, bravo, доктор биологии! Ничего другого не остается, кроме как передать самому йети, что он всего лишь гималайский бурый медведь.

Наш метод, вполне соответствующий нашей эпохе (сравнимой во многом с Ренессансом), покоится на принципе толерантности. Конечно с инквизицией. Мы отказываемся исключать любые факты и отвергать любые гипотезы. Перебирать чечевицу — занятие полезное, а камушки непригодны для употребления в пищу. Однако ничто не доказывает, что

некоторые исключаемые гипотезы и предаваемые проклятию факты не могут стать пищей для размышления. Мы не работаем только для людей с ослабленным здоровьем, аллергиков, но в основном как раз для тех, которые способны все переварить. Мы убеждены, что в изучении прошлых цивилизаций допускалось слишком много отрицаний вполне очевидного, многое исключалось «априори», в общем, использовались инквизиторские методы. Гуманитарные науки достигли гораздо меньшего прогресса по сравнению с такими науками, как физика и химия, и позитивистский дух царит там еще с XIX века, и он стремится тем более чувствовать себя господином, что близится его кончина.

* * *

Антропология ждет своего Коперника.

До Коперника Земля, как известно, была центром Вселенной. Для классической антропологии наша цивилизация является центром любой человеческой мысли во времени и в пространстве. Пожалеет же нашего несчастного дикаря, погруженного в сумерки дологического мышления. Пять столетий отделяют нас от Средневековья, и мы постепенно начинаем снимать с него наше обвинение в обскурантизме. Век Людовика XIV подготовил современную Европу, и потребуется проштудировать все работы Пьера Гаксотта, чтобы прекратить представлять этот век как барьер эгоизма, поставленный на пути развития истории.

«Золотая ветвь» сэра Джеймса Фрэнзера — весомая работа, которая стала авторитетом. В ней собран «фольклор» всех стран мира. Ни на мгновение сэра Фрэнзера не осеняла мысль, что речь может идти и о чем-то другом, не только лишь о трогательном суеверии и живописных обрядах. Дикари, страдающие от заразных заболеваний, жуют гриб «*penicillum notatum*»; с помощью имитативной магии увеличивают свою потенцию, набивая себе желудок этим фаллическим символом. Использование наперстянки — тоже суеверие. Открытие антибиотиков, операции под наркозом, получение искусственного дождя с помощью распыления в воздухе солей серебра, — все эти примеры должны были хотя бы начать процесс вывода «дикарских практик» из-под рубрики «Наивные представления».

Сэр Фрэнзер, будучи абсолютно уверенным в своей принадлежности к единственной цивилизации, достойной такого названия, отказывается допускать мысль, что среди «дикарей» могли существовать другие, реальные практики, совершенно иного порядка по сравнению с нашими, и его «Золотая ветвь» напоминает географические карты мира, составлен-

ные такими просветителями которые не знали ничего другого, кроме Средиземного моря. Белые пятна они закрывали рисунками и надписями: «Здесь страна Драконов», «здесь Остров кентавров»...

Кроме того, XIX век не торопился ликвидировать белые пятна во всех других областях, на всех картах, в том числе и на географических. В Бразилии, например, между рекой Тапажос и рекой Ксинжу есть неисследованная земля величиной с Бельгию. Ни один исследователь и близко не подошел к Эль-Яфри, запретному городу Аравии. Однажды в 1943 году в Новой Гвинее бесследно исчезла целая японская дивизия. Если две великие державы, делящие сегодня между собой весь мир, найдут взаимопонимание и составят настоящую карту нашей планеты, то нас ждет немало сюрпризов. После появления атомной бомбы военные тайно приступили к переписи всех больших пещер; необычный запутанный подземный лабиринт в Швеции, подземные пространства в штате Вирджиния и в Чехословакии, подземное озеро на Балеарских островах... «Белые пятна» на карте мира физики, «белые пятна» на карте мира человека. Не зная истинных сил человека, ресурсов его разума, его психики, мы изобрели острова кентавров и страны драконов — это дологическое мышление, суеверие, фольклор, имитативная магия.

Гипотеза: прошлые цивилизации могли уйти гораздо дальше нас в использовании парапсихологии.

Ответ: никаких парапсихологических сил не существует.

Лавуазье доказал, что метеоритов не существует, заявив буквально следующее: «Камни не могут падать с неба, потому что их там нет».

Саймон Ньюкомб доказал, что самолеты не могут летать потому, что аппарат, который тяжелее воздуха, не поднимется в воздух, это просто невозможно.

Доктор Форчюн отправляется в Новую Гвинею, чтобы изучить там «добу». Это племя магов, но они обладают одной особенностью — верят, что их магическое искусство пригодно не только для них, но и для всех остальных. Когда доктор уезжал, один из туземцев подарил ему заклинание, с помощью которого человек становится невидимым для других. «Я часто пользовался им, чтобы украсть с вертела жарящегося поросенка среди бела дня. Пользуйтесь моими советами, вы сможете стянуть все, что захотите, в лавках Сиднея», — сказал туземец ему. Вполне естественно, я не внял его советам, — и ни разу так и не воспользовался его колдовством», — признался доктор Форчюн. Почему же не вспомнить нашего друга Чарльза Форта: «В топографии рассудка знание можно определить как невежество, сопровождаемое веселым смехом»?

Тем временем нарождалась новая школа антропологии, и французский этнограф Леви-Стросс, не сомневаясь, что вызовет бурю негодования, не побоялся заявить, что негритосы, вероятно, понимают значительно больше нас в области психотерапии. Пионер этой новой школы американец Уильям Сибрук сразу после окончания Первой мировой войны отправился на Гаити изучать культ вуду. Не смотреть на него со стороны, а проникнуть вглубь, в самую сущность, войти без предвзятости в этот другой, незнакомый нам мир. Поль Моран прекрасно сказал о нем:

«Сибрук, кажется, единственный белокожий человек нашей эпохи, получивший крещение кровью. И он принял его спокойно, без скепсиса и без фанатизма. Его отношение к тайне — это отношение нормального человека нашего времени. Наука двух последних десятилетий привела нас на грань бесконечности, там теперь может произойти все на свете, за ней — межпланетные путешествия, открытие четвертого измерения, общение с Богом. Нужно признать, что сегодня мы ушли далеко от своих отцов, ибо теперь готовы ко всему, так как более, чем они, веруем, но менее, чем они, легковверны. Чем ближе мы к истокам происхождения мира, тем больше приближаемся к дикарям, тем больше получаем открытий того, что их традиционные секреты совпадают с современными исследованиями. Лишь с относительно недавнего времени считается, что Млечный Путь — это главный источник всех звездных миров. Ацтеки не раз говорили это, но никто им не верил. Дикари сохранили то, что наука постоянно открывает для себя. Они верили в единство материи задолго до того, как был получен атом водорода. Они верили в человека-дерево, в человека-железо задолго до того, как сэр Д.К. Боз измерил чувствительность растений и заразил металл ядом кобры. “Вера людей, — пишет Тексли в своей книге “Опыты биолога”, — развивалась, передаваясь от одного духа к другому, а затем к духам-божествам, а от них — к Богу”. Можно лишь добавить к этому, что Бог проявляется через Дух».

Но чтобы убедиться, что секреты дикарей полностью совпадают с современными исследованиями, нужно установить тесную связь между антропологией и такими науками, как физика, химия, математика, пользуясь при этом их последними достижениями.

Даже обычный любопытствующий путешественник, человек интеллигентный, с литературной и исторической закваской, может пройти мимо самых важных наблюдений и ничего не заметить. До настоящего времени исследования неизвестного оставались лишь областью литературы, изыском субъективной деятельности. Когда они станут чем-то другим, то мы, вероятно, узнаем о существовании в глубине веков цивилизаций,

обладавших развитой техникой, и среди них, может, и похожей на нашу нынешнюю, но все равно другую.

Д. Алден Мейсон, выдающийся, правда, весьма официальный антрополог утверждает на основе документальных доказательств, что на перуанском альтиплато встречаются орнаменты, сделанные расплавленной платиной. Но, как известно, платина плавится при температуре 1730 градусов, и для этого процесса требуется сложная технология, подобная современной.

Другие тайны из истории науки.

Метод спектрального анализа был недавно применен в Институте прикладной физики в Китайской академии наук, чтобы изучить пояс с ажурными украшениями, которому 1600 лет и который был обнаружен среди множества других предметов в могиле знаменитого генерала Чу Чу, из западной династии Цин, современника конца Римской империи (265—316 гг. н.э.). В результате было установлено, что металл этого пояса состоит на 85 процентов из алюминия, 10 процентов меди и 5 процентов марганца.

Хотя алюминий — довольно распространенный на земле металл, его очень трудно добывать. Метод электролиза остается до сих пор единственным известным способом извлечения алюминия из боксита, и он стал применяться лишь с 1808 года. То, что китайским ремесленникам удалось 1600 лет тому назад извлечь алюминий из боксита, является важным открытием в мировой истории металлургии» (Горизонт, № 89, октябрь 1958 г.).

Профессор Мейсон это, конечно, понимает и предполагает, что эти рисунки были сделаны с использованием платиновой пыли при помощи фриттирования (обжига), а не расплавленным в печи металлом. Но это предположение сразу же выявляет его невежество в области металлургии. Покопайся он минут десять в «Трактате о фриттировании порошков» Шварцкопфа, и сразу понял бы, что его гипотеза неприемлема. Почему бы ему не посоветоваться со специалистами по другим дисциплинам? В них отражена вся антропология, так сказать, весь процесс. Стой же обезоруживающей невинностью профессор Мейсон утверждает, что он обнаружил в самых древних перуанских цивилизациях следы паяния металлов с помощью смолы и расплавленных металлических солей. Но о том, что такая технология лежит в основе электроники и применяется также в других высоких технологиях, он предпочитает умалчивать. Мы просим извинения за невольную демонстрацию своих знаний, но мы чувствуем такую же необходимость в «совпадающей информации», которую столь живо ощущал незабвенный Чарльз Форт.

Несмотря на свое осторожное отношение к материалу, профессор Джон Алден Мейсон, заслуженный куратор Музея древней американской истории при Пенсильванском университете, все же открывает дверь, ведущую к фантастическому реализму, когда начинает рассказывать о кипу. Кипу — это веревочки с очень сложными узелками. Их можно обнаружить у инков и у народов, живших до них. Здесь речь идет о своеобразной письменности. С помощью таких узелков выражали не только какие-то понятия, идеи, но и абстрактные представления. Один из лучших специалистов по кипу, Норденшельд, усматривает в этих узелках математические выкладки, гороскопы, различные способы предвидения будущего. Мы сталкиваемся здесь с проблемой, имеющей капитальное значение: существуют иные способы регистрации мысли, чем письмо.

Пойдем дальше. Узелок, основу кипу, современные математики считают одной из самых великих тайн. Математики-топологи сумели расшифровать лишь самые простые узелки. Выходит, в кипу укрыты такие знания, о которых мы еще и понятия не имеем.

Еще пример: можно обогатить современные размышления о природе знаний и структуре разума с помощью изучения языка индейцев Хопи, проживающих в Центральной Америке. Он куда лучше нашего приспособлен для точных наук. В нем нет слов-глаголов, слов-существительных а есть слова-события, которые теснейшим образом связаны с континуумом пространство-время, в котором, как теперь мы знаем, мы живем. Более того, эти слова-события имеют три модальности — уверенность, вероятность, воображение. Вместо того, чтобы сказать: «Человек переплывает через реку на каноэ», хопи воспользуется целой группой понятий, человек — река — каноэ в трех различных комбинациях, и речь в них будет идти о наблюдении самого рассказчика, рассказе, переданном другим очевидцем, или вымысле.

Истинно современный человек, в том смысле, о каком говорит Поль Моран, и в том, в котором мы воспринимаем себя сами, обнаруживает, что разум един в различных структурах, как едина необходимость жить в надежном убежище, создаваемом разными архитекторами. Он открывает, что природа знания многосторонняя, как и сама природа.

В погоне за открытиями мы порой не замечаем, что древние управлялись со своими таинственными силами при помощи таких простых приспособлений, которые и машиной-то не назовешь, ибо в корне меняется вкладываемый в это слово смысл. Под «машиной» мы подразумеваем, мыслящий агрегат, чего в некоторых цивилизациях в некоей степени не наблюдается. В своей речи на приеме в Оксфордском университете в 1946 году Жан Кокто рассказал такой анекдот:

«Мой друг профессор Поберс с кафедры парапсихологии в Утрехте однажды поехал на Антильские острова, чтобы заняться там изучением телепатии, в частности, одного обычая, очень распространенного среди туземцев. Если женщинам захочется поговорить с мужем или сыном, которые в данный момент находятся в городе, то они обращаются к дереву, и отец с сыном понимают, чего от них хотят. Однажды Поберс сам присутствовал при таком явлении и спросил у крестьянки, почему она для связи со своими родственниками пользуется деревом, и получил от нее такой удивительный ответ, который мгновенно решает современную проблему наших атрофированных машинами инстинктов. Вопрос: “Почему вы обращаетесь к дереву?” Ответ: Потому что я женщина бедная. Если бы я была богатой, то у меня был бы телефон”».

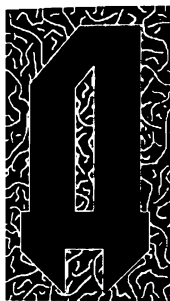
Электрэнцефалограммы, снятые с йогов в состоянии экстаза, показывают такие немыслимые кривые, которые не соответствуют ни одному из известных видов мозговой деятельности человека, как в состоянии бодрствования, так и сна. А сколько «белых пятен» на карте цивилизованного разума: предвидение, интуиция, телепатия, гениальность и т.д. В тот день, когда будут на самом деле проведены исследования этих областей, когда уберут преграды между пограничными состояниями классической психологии, тогда изучение древних цивилизаций и примитивных народностей откроет нам истины технологии и основные аспекты познания. И культурный централизм будет заменен релятивизмом, который представит нам историю человечества в новом и фантастическом свете. Прогресс состоит не в том, чтобы как можно больше неведомого заключать в скобки, а в том, чтобы вести поиск и умножать точки соприкосновения нынешнего с прошлым.

Прежде чем продолжить наш рассказ, чтобы немного отвлечь вас от сложных тем, мы хотим предложить вам одну небольшую историю, которая нам очень понравилась. Ее автор — Артур Кларк, отличный философ в наших глазах.

Мы ее перевели для вас. Так что отдохните и развлекитесь, как дети!

Глава III

ДЕВЯТЬ МИЛЛИАРДОВ ИМЕН БОГА

октор Вагнер все же сумел сдержаться. Весьма похвально. Помолчав, он сказал:

— Ваша просьба приводит меня в замешательство. Насколько мне известно, впервые тибетский монастырь хочет заказать ЭВМ. Я — человек не очень любопытный, но, право, никогда не думал, что такая машина может понадобиться такому заведению, как ваше. Позвольте осведомиться, что вы собираетесь с ней делать?

Лама, расстегнув полы шелкового халата, извлек откуда-то вычислительную линейку, с помощью которой он переводил фунты в доллары, и положил ее на стол.

— Охотно скажу. Ваша электронно-вычислительная машина 5-й модели, если верить каталогу, производит все математические операции до десятичных дробей. Но меня интересуют буквы, а не цифры. Поэтому я хотел бы попросить вас немного изменить схему на выходе, чтобы машина печатала буквы, а не колонки цифр.

— Что-то я вас не понимаю...

— Со дня основания нашего монастыря в Тибете, уже более трехсот лет с той поры, мы, монахи, посвящаем себя одной важной работе. Она, конечно, может показаться вам странной, и я прошу вас терпеливо меня выслушать, напрягая при этом все ваши умственные способности.

— Хорошо.

— Все очень просто. Мы пытаемся составить список всех возможных имен Бога.

— Что-что?

Но лама продолжал, как ни в чем не бывало.

— У нас есть все основания считать, что все его имена содержат самое большее девять букв нашего алфавита.

— И вы занимаетесь этим уже три столетия?

— Да. Мы вычислили, что нам придется трудиться еще пятнадцать тысяч лет, чтобы выполнить поставленную перед собой задачу.

Доктор даже присвистнул от удивления, ошарашенный таким ответом.

— О'кей. Теперь я понимаю, для чего вам понадобилась одна из наших счетных машин. Но какова цель такой операции?

Лама несколько секунд молчал, видимо, колебался, и Вагнер подумал, уж не оскорбил ли он своим вопросом этого странного клиента, который совершил такое длительное путешествие из Лхасы в Нью-Йорк с вычислительной линейкой и каталогом компании электронно-вычислительных машин в карманах своего оранжевого халата.

— Ну, называйте это, если хотите, ритуалом, — ответил лама, — но он — основная часть нашей веры. Такие имена как Высшее Существо, Бог, Юпитер, Иегова, Аллах и т.п. — всего лишь этикетки, придуманные людьми, философские рассуждения, слишком сложные, так, что я не в состоянии их изложить. Они привели нас к уверенности, что во всех сочетаниях букв и возможных их заменах и перестановках могут находиться истинные названия Бога. И наша цель заключается в том, чтобы все их обнаружить и записать.

— Понятно. Вы, выходит, начали с А и собираетесь когда-нибудь дойти до Я.

— Только, должен сказать, мы используем свой алфавит. Думаю, что вам ничего не стоит переделать печатающее устройство так, чтобы оно печатало буквы нашего алфавита. Но нас интересует еще одна проблема. В вашей машине нужно предусмотреть особые программы, заранее исключающие бесполезные комбинации. Например, ни одна буква не должна появляться более трех раз подряд.

— Трех? Может, вы хотите сказать, двух?

— Нет. Трех. Но подробные объяснения займут слишком много времени, даже если вы понимаете наш язык.

Вагнер от неожиданности выпалил:

— Конечно, конечно, продолжайте, прошу вас!

— Вы, конечно, без особого труда переделаете ваш вычислитель, чтобы с его помощью мы смогли бы достичь поставленной цели. С удачной программой машина такой модели способна заменять одни буквы други-

ми и результат печатать на перфоленте. Таким образом, — спокойно закончил лама, — вместо пятнадцати тысяч лет мы выполним всю работу за сто дней.

Доктору Вагнеру казалось, что он утрачивает чувство реального. За большими окнами его офиса потускнели яркие огни Нью-Йорка и затих уличный гул. Он перенесся в другой мир. Там, в далеком горном припадении, одно за другим поколения тибетских монахов в течение трех столетий составляли список названий, лишенных всякого смысла... Есть ли предел человеческой глупости? Но доктору Вагнеру не хотелось передавать свои мысли. Клиент всегда прав.

Он ответил:

— Не сомневаюсь, что мы сможем модифицировать машину 5 модели, чтобы она печатала такие списки. Меня больше заботит ее установка и поддержание в рабочем состоянии. Кроме того, не так просто доставить ее в Тибет.

— Ну, это все мы уладим. Части разобранного вычислителя слишком хрупкие, слишком чувствительные, и поэтому их нельзя переправлять по воздуху, самолетом. Поэтому мы и выбрали вашу машину. Отправьте ее морем до Индии, а там дальше мы все возьмем на себя.

— Не хотите ли пригласить к себе двух наших инженеров?

— Да, пусть установят машину и последят за ее работой в течение ста дней.

— Ну, в таком случае я сейчас напишу записку в отдел кадров, — сказал Вагнер, склонившись над своим блокнотом. — Но предстоит решить еще два вопроса...

Не успел он закончить фразу, как лама вытащил из кармана маленький листочек бумаги.

— Это заверенная справка о балансе моего счета в Азиатском банке.

— Благодарю вас. Все отлично... Но, если позволите, второй вопрос. Он настолько элементарен, что даже как-то неловко его и задавать. Но порой забываешь просто очевидные вещи... Есть ли у вас там, в Тибете, источник электрической энергии?

— У нас есть электрогенератор. Дизель, мощностью 550 кВт, напряжение — 110 вольт. Его мы установили у себя пять лет назад, и он хорошо работает. Он так облегчает нашу жизнь в монастыре. Мы его приобрели, чтобы приводить в движение водяную машину.

— Ах вот оно что! Понятно. Как это я сам не додумался...

Сверху, с парашюта, открывался такой вид, от которого кружилась голова, но человек, как известно, привыкает ко всему. Прошло три месяца, и

на Джорджа Хэнли уже не производили устрашающего впечатления отвесные шестисотметровые скалы, отделявшие монастырь от квадратов полей в долине. Опираясь на камни, обтесанные до круглой формы господствовавшими на такой высоте ветрами, инженер угрюмо оглядывал далекие горы, названия которых он не знал. «Операция — имена Бога», как окрестил его работу один юморист из их компании, была, вне всякого сомнения, самой сумасшедшей из всех работ, в которых ему приходилось принимать участие.

Неделя за неделей электронная машина 5-й модели наносила на тысячи перфолент какой-то невероятный волапюк. Терпеливый, усердный, неприхотливый компьютер собирал буквы тибетского алфавита во все мыслимые сочетания, и одна серия комбинаций сменяла другую. Монахи на выходе вырезали на ленте некоторые слова и с превеликой осторожностью наклеивали их на страницы громадных регистрационных книг. Через неделю работа должна была закончиться.

Хэнли не знал, из-за каких таких таинственных расчетов им заблагорассудилось отказаться от комбинаций из десяти, двадцати, ста и тысячи букв, но ему и не хотелось этого знать. В своих кошмарных снах он видел ламу, которому вдруг пришло в голову усложнить операцию и работа в результате будет продолжаться до 2060 года. Этот чудак вполне был способен на такую «шутку».

Стукнула тяжелая деревянная дверь. К нему на террасу подошел его коллега Чак. Он, по своей привычке, курил сигару. Он пользовался любовью среди монахов за то, что щедро раздавал им дорогие гаванские сигары. «Эти типы — явно ненормальные, — думал про себя Хэнли, — но их никак не назовешь пуританами».

Да и частые визиты в соседнюю деревню диктовались вполне определенным интересом.

— Послушай, Джордж, — сказал Чак.

— Что, сломалась машина?

— Нет.

Чак взгромоздился на парапет. Что-то непохоже на него, потому что обычно он испытывал при этом сильные головокружения.

— Кажется, я открыл цель нашей операции.

— Тоже мне, открытие с все это знают!

— Мы знаем, что задумали монахи, но не знаем почему.

— Ба! Да они же все чокнутые...

— Послушай, Джордж, старик мне все объяснил. Они считают, что как только они запишут все эти варианты имен (а по их представле-

нию, таковых приблизительно девять миллиардов), то достигнут божественной цели. Человеческий род наконец поймет, для чего он был сотворен.

— Ну и что? Они ждут, когда все мы покончим самоубийством?

— Бесполезно. Как только будет завершен список, вмешается Бог, и все кончится.

— Когда все кончится, наступит конец мира, так?

Чак нервно рассмеялся.

— Точно это я сказал старику. Он посмотрел на меня как-то странно, как смотрит учитель на особенно тупого ученика, и сказал мне: «Но это уже будет абсолютно неважно!»

Джордж задумался над его словами.

— У этого типа явно не все в порядке с головой, но даже если это признать, что это меняет? Мы же знаем, что они все здесь ненормальные.

— Да, конечно. Но разве ты не понимаешь, что может случиться? Если список будет составлен, если трубы архангела Гавриила по тибетской версии, не загремят, то они подумают, что в этом наша вина. В конце концов они работают на нашем компьютере. Мне это сильно не нравится...

— Я тебя понимаю... — медленно произнес Джордж, — я видел им подобных. Когда я был еще мальчишкой и жил в Луизиане, там был один проповедник, постоянно объяснял о конце мира, который наступит в следующее воскресенье. Сотни верующих ему верили. Но наступало воскресенье, ничего не происходило, и никто, ни один человек не срывал на нем свою злость. Люди просто думали, что тот просто ошибся в своих расчетах, и тысячи, толпы других до сих пор в это верят.

— Ты, наверное, забыл, что мы с тобой сейчас не в Луизиане. Мы с тобой одни, вдвоем, среди сотен монахов. Я их всех просто обожаю, но предпочел бы находиться в другом месте, подальше от них, особенно когда этому старику-ламе придет в голову, что его операция не удалась.

— Есть только одно решение. Небольшой, безобидный саботаж. Самолет прибывает через неделю, а машина должна закончить работу через четыре дня, при условии круглосуточного включения. Нужно сделать вид, что необходим кое-какой мелкий ремонт, на который у нас с тобой и уйдет два-три дня. Если все получится, то когда последний вариант имени Божьего выйдет из компьютера, мы уже будем внизу, в аэропорту. Взятки гладки!

Неделю спустя, когда их маленькие пони спускались по крутой спирали по дороге, Хэнли заметил:

— Знаешь, все же меня грызет совесть. Я ведь бегу не из-за страха, а потому, что не желаю огорчаться. Не хотелось бы видеть их физиономии, когда машина остановится.

— По-моему, — ответил Чак, — они догадались, что мы убежали, но им на это наплевать. Они теперь знают, насколько хороша наша машина, как она работает в автоматическом режиме, и фактически оне на требует никакого особого к себе внимания.

Джордж, повернувшись в седле, посмотрел назад.

При заходе солнца отчетливо виднелись бурые постройки монастыря. Над мрачными мощными стенами время от времени вспыхивали огоньки, словно на плывущем по морю в ночи корабле. Зажигались лампочки в электронных цепях вычислительной машины 5-й модели.

— Что же произойдет с нашим компьютером, как думаешь? — спросил Джордж. — Разобьют ли они его на куски в ярости из-за сильнейшего разочарования? Или снова начнут все заново?

Они сейчас, казалось, видели то, что происходило там, за крепкими монастырскими стенами, как будто они сами сейчас были там, рядом с монахами. Великий лама со своими помощниками разглядывал ленты, а один из послушников вырезал причудливые имена и наклеивал их в большую тетрадь. И все проходило в благоговейной религиозной тишине. Слышалось лишь постукивание машины, похожее на дробный стук дождя. И вдруг вычислитель, который выдавал тысячи комбинаций, замер, замолчал....

Голос Чака прервал его грезы.

— Ну вот, любо-дорого посмотреть!

Похожий на серебряный крестик, старенький ДС-13 садился на полосу маленького аэродрома, счастливого для них аэродрома. Это приятное видение заставило обоих изрядно отхлебнуть из бутылки с виски. Чак даже запел, но быстро осекся. Мрачные горы не вызывали особого желания петь.

Джордж посмотрел на часы.

— Мы будем внизу через час, — сказал он. — Как ты думаешь, они закончили свои вычисления?

Чак не ответил, и Джордж вскинул голову. Он увидел, как сильно побледнело лицо Чака, которое он обратил к небесам.

— Посмотри! — прошептал он.

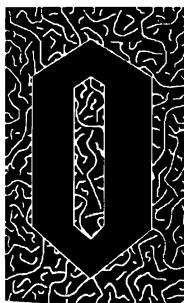
Над их головами, в настороженной тишине гор одна за другой гасли звезды.

Гасли навсегда...

Глава IV

ТАЙНЫ ИСЧЕЗНУВШИХ МИРОВ

Авторы, которые и верят и не верят, задаются вопросами о Великой пирамиде. — Существуют ли другие технологии? — Пример гитлеровцев. — Империя Альмансар. — Сколько же концов мира? — Этот невероятный Остров Пасхи. — Легенда о Белом человеке. — Древние цивилизации Америки. — Тайна народа майя. — «Световой мост» на странной равнине Наска. — Авторы — скромные каменотесы

т времени Аристарха Самосского до астрономов 1900 годов человечеству потребовалось двадцать два столетия, чтобы рассчитать с достаточной точностью расстояние от Земли до Солнца: 149 400 000 километров. Это расстояние получается, если умножить на миллиард высоту египетской пирамиды Хеопса, возведенной в 2900 год до рождения Христа.

Сегодня стало известно, что фараоны спрятали в своих пирамидах результаты своей науки, происхождение которой нам неизвестно, как и применяемые ею методы исследований. Там можно найти число «π», точные расчеты продолжительности солнечного года, радиус Земли и ее вес, закон прецессии — перемещения точек осеннего и весеннего равноденствия, величину одного градуса долготы, реальное направление Севера, и, вероятно, еще много чего, что пока не расшифровано учеными. Откуда же эти сведения? Каким образом древние египтяне получили их?

Как их им передали? И кто передал?

Аббат Моро считает, что научные знания древним передал сам Бог.

Ну, представим себе. «Послушай меня, сын мой, вот тебе число 3.1416, которое позволит тебе определить площадь круга!» Пинацци Смит полагает, что Бог продиктовал свои знания очень нечестивым и невежественным египтянам, чтобы узнать, что они писали на своих камнях. Почему же Бог, который все знает, от которого ничто не ускользнет, так грубо ошибся в способностях своих учеников? Египтологи-позитивисты считают, что проведенные в Гизе измерения были фальсифицированы исследователями, которых обуяла жажда чудесного. Ни одну науку не уберечь от подлога. Возникшая дискуссия касается десятичных долей, но это несколько не умаляет того факта, что эти грандиозные сооружения, египетские пирамиды, свидетельствуют о такой строительной технике, которую нам даже трудно себе представить. Гиза — это, по сути, искусственный холм весом 6 500 000 тонн. Блоки весом в двенадцать тонн пригнаны друг к другу с зазором до полумиллиметра... Наиболее простая и часто повторяющаяся гипотеза: фараон при строительстве располагал колоссальной рабочей силой. Остается ответить еще на один вопрос: каким образом ему удалось решить проблему скученности стольких людских масс? Да и еще выяснить причины такой сумасшедшей затеи. А каким образом вырезались эти блоки и доставлялись из карьеров? Классическая египтология признает в качестве строительной техники лишь намоченные в воде деревянные клинья, которые вбивали в расселины скал. Строители пользовались только каменными молотами, медными пилами и мягким металлом. Но все эти предположения лишь окутывали тайну еще более плотным покровом. Каким образом плиты, весом в десять тонн затаскивались вверх и каким образом соединялись?

В XIX веке мы с громадным трудом притащили два обелиска, а фараоны заставляли их перетаскивать десятками. А каким образом древние египтяне освещали внутренние помещения пирамид? До 1890 года мы не знали ничего другого, кроме ламп, которые коптили под потолком. Но ни на потолке, ни на стенах нет никакой копоти или сажи. Может, они с помощью какой-то оптической системы улавливали солнечные лучи и направляли их внутрь? Но никаких линз так и не было обнаружено.

Не было найдено и никаких инструментов, позволяющих делать научные расчеты, никаких следов сложной технологии. В таком случае нужно отдать предпочтение примитивному мистическому взгляду: Бог не только диктовал свои астрономические знания тупым, но ужасно старательным строителям, но и сам, засучив рукава, помогал им.

Но никаких записей полученных знаний в пирамидах тоже не обнаружено. Недалекие позитивисты, крючкотворы-математики утверждают, что речь идет о простых совпадениях.

Но если совпадения чрезвычайно преувеличены, как говорил незабвенный Форт, то как тогда прикажете их называть? Или же следует признать, что архитекторы и декораторы-сюрреалисты ради удовлетворения мегаломании своего фараона с помощью методов, которые пришли им в голову случайно, по вдохновенно, извлекли из карьеров, доставили, обработали, украсили и уложили с азаром до полмиллиметра 2 600 000 блоков Великой пирамиды с помощью рабов, которые работали лишь с деревянными клиньями и медными пилами, пригодными для резки только плотного картона.

Все происходило пять тысяч лет назад, и нам об этом почти ничего не известно. Но мы знаем одно: все исследования проводились людьми, для которых современная цивилизация — это единственная технически возможная цивилизация. Исходя из этого критерия, можно, конечно, легко вообразить, с чьей помощью все происходило в Гизе: Бога, какого-то колосса или кучи гигантских муравьев. Или все же возможен другой вариант.

Мысль, коренным образом отличающаяся от нашей, выработала концепции столь же совершенных технологий, как и наши, только они были совершенно другими; она позволила им создать такие измерительные инструменты, такие методы манипуляций с материей, которые нам абсолютно неизвестны, и от которых нашим глазам не осталось ни малейшего заметного следа. Вполне можно предположить, что могучая наука, мощнейшие технологии, которые находили оригинальные решения для возникавших проблем, исчезли вместе с исчезнувшим миром фараонов. Трудно, конечно, поверить, что какая-то цивилизация может умереть, исчезнуть. Еще труднее представить себе, что она коренным образом отличалась от нашей, отличалась до такой степени, что мы в результате даже не можем признать в ней цивилизацию. И тем не менее!

После того как Вторая мировая война 8 мая 1945 года закончилась, различные группы ученых-исследователей стали колесить по всей побежденной Германии. Их отчеты о проделанной работе были опубликованы. Один только каталог представленных докладов содержит триста страниц. Германия отделилась от остального мира лишь с 1933 года. За последующие двенадцать лет существования рейха развитие немецкой техники шло путями, отличными от наших. Если немцы значительно отстали в создании атомной бомбы, то они сумели построить гигантские ракеты, которым

не было аналогов ни в Америке, ни в России. Если они не изобрели радар, то наладили выпуск детекторов инфракрасных лучей, которые оказались не менее эффективными. Если они не изобрели силикон, то развивали совершенно новую науку, — органическую химию. Кольца углерода из 8 атомов. За этими радикальными различиями в области техники шли еще более поразительные различия философского порядка... Они отвергли теорию относительности и частично отказались от квантовой теории. Их космогония ошеломила астрофизиков противной стороны: они разработали теорию вечного льда, в соответствии с которой планеты и звезды — это гигантские скопления льда, плавающие в космическом пространстве. Если немцам за столь короткий период времени, всего двенадцать лет, удалось достичь таких глубин, постигнуть пропасти в современной науке, вопреки существующим научным обменам и связям, то что можно сказать о древних цивилизациях, которые развивались в далеком прошлом? Достаточно ли компетентны наши археологи, чтобы рассуждать о состоянии наук, техники, философии, уровне знаний вообще. Скажем, у народа майя или у хммеров.

Не станем попадаться в ловушки легенд о Лемурии или Атлантиде. Платон воспевал в «Критии» чудеса исчезнувшего с лица земли города. Еще до него Гомер в «Одиссее» говорил о фантастическом острове Схерии, вероятно, описывая Тартесс, библейский град Тарших — цель путешествия Иона. Он находится в устье реки Гвадалquivир, это самый богатый минералами город в мире, который является квинтэссенцией какой-то древней цивилизации. Он процветал на протяжении неизвестно скольких веков и был средоточием вселенской мудрости и хранилищем великих тайн. Около 500 г. до н.э. он вдруг совершенно исчез с лица земли, и никто не знает, почему и как это произошло. Возможно, что и Нуминор, этот мистический центр кельтской цивилизации V века до н.э., не был легендой, но нам о нем ничего не известно. (Поклонники творчества Дж. Р. Р. Толкиена, несомненно, вспомнят его остров Нуминор — оплот могучей древней цивилизации, затонувшей в последствии от гнева богов. — *Прим.ред.*) Древние цивилизации на самом деле существовали в прошлом, умирали, и одной из таких реально существовавших была, несомненно, Лемурия. Арабская цивилизация Кордовы и Гранады изобрела современную науку, открыла экспериментальные опыты и их практическое применение, изучала химию и даже реактивное движение. В арабских манускриптах XII столетия можно увидеть схемы ракет дальнего радиуса действия. Если бы империя Альмансар (названная так по имени Кордовского правителя халифата аль-Мансу-

ра, или Альмансара (? — 1002). — *Прим. пер.*) продвинулась так же далеко вперед в биологии, как и в других науках, то чума не помогла бы испанцам ее разрушить, а индустриальная революция, вероятно, началась бы в Андалусии в XV, а не в XVI веке, а XX век стал бы эпохой межпланетных авантюристов, которые колонизовали бы Луну, Марс и Венеру.

Империя Гитлера и Альмансар рухнули под тяжестью пролитой ими крови. Одним прекрасным июньским утром 1940 года небо над Парижем потемнело. Воздух наполнился парами бензина, и от этого нависшего над парижанами громадного облака гари и чада их лица хмурились, искажались страхом и стыдом. Начиналось крушение их цивилизации. Миллионы людей бежали куда глаза глядят по обстреливаемым пыльным дорогам. Те, кому удалось выжить, в свою очередь, стали свидетелями гибели той цивилизации, которая погубила их цивилизацию, — они видели сумерки, в которые погружались боги Третьего рейха. Таким же, вероятно, был конец других империй, таких как Кордовский или Гранадский халифаты, как тысячи других концов света — конец мира для тольтеков, конец мира для майя. Вся история человечества — это, по существу, бесконечные концы мира.

Остров Пасхи, расположенный в 3000 километрах от побережья Чили, по территории может сравниться с островом Джерси. Когда первый европейский мореплаватель, голландец по национальности, высадился на нем в 1722 году, он подумал, что на этом острове обитают великаны. На этом маленьком клочке вулканической земли Полинезии возвышались 593 гигантские каменные статуи. Некоторые из них достигали в высоту двадцати метров и весили по пятьдесят тонн. Кто же их там поставил? Каким образом? Для чего? При изучении этих таинственных монументов обычно различают три уровня цивилизации, из которых самой совершенной была самая древняя.

Как и в Египте, мы видим громадные блоки из туфа, базальта, застывшей вулканической лавы, которые соединены вместе с необычным искусством. Но на острове — пересеченная местность, и растущие там низкорослые чахлые деревья нельзя использовать для изготовления катков. Каким же образом перевозились громадные глыбы? Можно ли сослаться на колоссальную рабочую силу? В XIX веке на острове Пасхи население насчитывало всего двести человек, то есть в три раза меньше, чем статуй. Там никогда не могло жить более трех-четыре тысяч человек. Почва плодородная, но нет никаких животных.

Как и в Африке или в Южной Америке, первые высадившиеся на острове Пасхи миссионеры первым делом поспешили уничтожить все сле-

ды погибшей цивилизации. У подножия статуй находили деревянные таблички, испещренные какими-то иероглифами. Их сожгли или отправили в библиотеку Ватикана, где и до сих хранятся неразгаданными их секреты. Какую цель преследовали миссионеры? Уничтожить следы древних суеверий или стереть свидетельства каких-то совершенно иных знаний? Или воспоминания о проходе через эту землю каких-то других существ? Может быть, визитеров из других миров?

Первые европейцы, которые обследовали остров Пасхи, обнаружили среди местного населения белокожих бородатых людей. Откуда они туда пришли? Потомками какой многотысячелетней расы они являются, расы, выродившейся и окончательно исчезнувшей? В обрывках древних легенд рассказывается, что это была раса господ, учителей, возникшая в глубине веков и упавшая с неба.

Наш друг — перуанский исследователь и философ Даниэль Русо — в 1952 году отправился изучать пустынное плато Маркауаси, расположенное на высоте 3800 метров к западу от Андских Кордильер. Это безжизненное плато, до которого можно добраться только верхом на муле, невелико, всего три квадратных километра. Там Русо на скальной поверхности обнаружил изображения животных и лиц людей, которые можно было увидеть только во время летнего солнцестояния при игре света и теней. Там были найдены статуэтки животных вторичной эпохи — стегозавра, львов, черепах, верблюдов, то есть неизвестных животных Южной Америки. Один холм представляет собой голову старика. А на негативе — молодой улыбающийся человек. Когда было сделано его изображение, при каком обряде посвящения? Датировка методом углерода-14 оказалась невозможной: на Маркауаси нет никаких следов органики. Геологические признаки теряются во тьме веков, Русо считает это плато колыбелью человеческой цивилизации, может, даже самой древней в мире (Daniel Ruzo. *La Culture Masna*. *Revue dela Societe d'Ethnographic de Paris*. 1956, 1959. Даниэль Русо: «Культура Масна». Журнал Парижского этнографического общества. 1956, 1959).

На воспоминание о белокожем человеке наводит и другое сказочное плато, расположенное на высоте 4000 метров — Тиауанако. Когда инки завоевали этот район вокруг озера Титикака, Тиауанако уже представлял собой гигантские развалины, происхождение которых никто не мог объяснить. Когда в 1532 году сюда добрался Писарро, индейцы называли конкистадоров Виракоча — белый господин. В их почти совершенно утраченном предании речь идет о какой-то расе господ, белокожих великанов, прибывших неизвестно откуда, — из внешнего пространства, и

расе сыновей Солнца. Эта раса великанов царствовала и учила на протяжении тысячелетий. Она исчезла за одно мгновение. Но она вернется. В Южной Америке, куда европейцы ринулись в поисках золота, они столкнулись с легендой о «белом человеке» и решили использовать ее в своих интересах. Их горячее желание завоевывать и обогащаться нашло союзника в этих мистических и великих воспоминаниях.

Современные исследования свидетельствуют о том, что на американском континенте существовали весьма развитые древние цивилизации. Кортес с изумлением отметил, что уровень цивилизации ацтеков несколько не уступал испанцам. Сегодня нам известно, что они восприняли остатки другой, гораздо более высокой цивилизации тольтеков. А тольтеки построили самые великолепные, самые гигантские памятники Америки. Пирамиды Солнца — Теотиуакан и Чолула — в два раза больше гробницы царя Хеопса. Но тольтеки, в свою очередь, были потомками еще более совершенной цивилизации майя, остатки которой были обнаружены в джунглях Гонивраса, Гватемалы и на Юкатане в Мексике. Эта цивилизация, погибшая в результате стихийных бедствий, возникла значительно раньше греческой и во многом ее превосходила. Но когда она погибла и каким образом? По крайней мере, погибала она дважды, ибо и здесь миссионеры старательно уничтожали манускрипты, разбивали статуи, разрушали алтари. Подводя итог самым последним исследованиям исчезнувших цивилизаций, Раймонд Картье писал:

«Во многих областях наука майя превосходила науку древних греков и римлян. Обладая глубокими математическими и астрономическими познаниями, майя довели до совершенства хронологические таблицы и искусство составления календарей. Они создали обсерватории, купола которых были куда точнее ориентированы по небу, чем парижская обсерватория XVII века, например обсерватория Караколь, расположенная на трех террасах, в их столице Чичен Итца. В своих исчислениях они пользовались священным годом, состоявшим из 260 дней, солнечным годом из 365 дней и венерианским годом, состоявшим из 584 дней. Они установили точную продолжительность солнечного года — 365,2422 дня. Майя считали, что он равен 365,2420 дня, что отличается на ничтожную месячную долю. Мы пришли к подтверждению таких точных расчетов только после продолжительных усилий. Можно предположить, что и древние египтяне достигли такой же точности, но чтобы об этом заявить окончательно, нужно привести в соответствие некоторые данные в пирамидах, так что пока приходится полагаться на календарь майя.

Другие аналогии с Египтом можно проследить и в их великолепном искусстве. На их настенной живописи, фресках, сосудах изображены люди с ярко выраженным семитским профилем, которые занимаются разными делами: сельским хозяйством, рыбной ловлей, строительством, политикой или религией. Только Египет мог представить все эти занятия с такой резко очерченной точностью, но керамические изделия майи скорее напоминают искусство древних этрусков, их барельефы уносят нас в далекую Индию, а высокие, крутые лестницы их пирамидальных храмов похожи на храмы Ангкора». Если они не получали эти образцы извне и не копировали их, значит, их мозг был создан таким образом, что сам проходил через все те этапы художественного воплощения, как и все великие народы древней Европы и Азии. Уж не рождались ли цивилизации в определенном географическом регионе, а потом распространялись во все стороны, наподобие лесного пожара? Или же они возникали спонтанно, одновременно в различных регионах земного шара? Существовал ли народ учителей и народ учеников, или были народы-самоучки? Что это: изолированные случаи, или же плодородный слой, усеянный поверху черенками? Мы этого не знаем, и у нас нет никакого удовлетворительного объяснения ни происхождения таких цивилизаций, ни их конца. Боливийские легенды, собранные Синтией Фейн, уходящие в глубь веков на пять тысяч, сообщают, что цивилизации этой исторической эпохи рухнули после конфликта с расой негуманоидов, у которых кровь не красная.

Высокогорное плато Боливии и Перу очень похожи на другую планету. Они не похожи на Землю, скорее на поверхность Марса. Атмосферное давление там наполовину ниже того, что на уровне моря, и тем не менее там, на высоте 3500 метров, живут люди. У них на два литра крови больше, чем у нас, восемь миллионов красных кровяных телец по сравнению с нашими пятью, и у них гораздо меньше частота сердечных сокращений. Радиоуглеродный метод датировки позволяет утверждать, что человеческая жизнь существовала здесь девять тысяч лет назад. Некоторые недавние находки говорят, что люди могли здесь обитать и 30 000 лет назад. Нельзя исключать, что эти люди, умевшие обрабатывать металлы, имели собственные астрономические обсерватории и развитую науку, что позволяло им и 30 000 лет назад строить крупные города. Но кто руководил ими?

Некоторые ирригационные работы, проводившиеся народами доинкского периода, можно осуществить только с помощью электрических буров. Почему эти люди, которые не использовали колесо, построили большие мощенные камнем дороги?

Американский археолог Хайят Берилл посвятил тридцать лет жизни изучению исчезнувших цивилизаций в Центральной и Южной Америке. По его мнению, свои великие стройки древние создавали не с помощью каменотесных инструментов, а с помощью особой радиоактивной пасты, разъедавшей гранит. Нечто вроде гравирования в масштабе больших пирамид. Эту радиоактивную массу изобрели еще более древние цивилизации. Верилл утверждает, что видел нечто подобное в руках современных колдунов. В своем замечательном романе «Световой мост» он описывает город доинкской эпохи, до которого можно добраться через «световой мост», мост из ионизированной материи, который может появляться или исчезать по воле изобретателя, позволяя, таким образом, безопасно преодолевать недоступные горные ущелья. До своих последних дней (он умер в возрасте 80 лет) Верилл утверждал, что его книга — это отнюдь не красивая легенда, и это подтверждала его жена, которая пережила его.

Что же означают фигуры на плато Наска? Речь идет о громадных геометрических линиях, видимых только сверху, с самолета или воздушного шара, и открытых только благодаря развитию авиации. Профессор Мейсон, которого трудно заподозрить, как Верилла, в любви к фантастике, теряется в догадках. Чтобы начертить такие линии, работу нужно было направлять или корректировать с воздушного объекта. Мейсон такую гипотезу отвергает и предполагает, что эти фигуры были сделаны, исходя из модели меньших размеров или нанесены с помощью своеобразной сетки. Но если принять во внимание уровень техники в доинкский период, который признан классическими археологами, то такая догадка еще более невероятна. Что означают эти линии? Обладают ли они религиозным смыслом? Об этом часто говорят, но говорят просто так, без всяких доказательств. Предпочитают считать их простой игрой, но никто и не думает о возможном ином состоянии сознания или техники. Все дело в устаревшей привычке: свет, мол, он и есть свет, и всегда был и будет таким, каким мы его видим. Фотографии линий на плато Наска заставляют думать о том, что они могли быть чем-то вроде световых огней аэродрома. Сыновья Солнца спустились на Землю...

Профессор Мейсон решительным образом отвергает всякие легенды и считает, что эти линии — некий род религии в тригонометрическом изображении, хотя ничего подобного не встречается ни в одной религии мира. Тем не менее чуть ниже он говорит о доинкской мифологии, в которой утверждается, что звезды обитаемы и что боги спустились на Землю из созвездия Плеяд.

Мы ни от чего не отказываемся — ни от предполагаемых визитов внеземных обитателей, ни от исчезнувших без следа атомных цивилизаций, ни от этапов развития знаний и техники, сравнимых с временными, ни от остатков наук, проявляющихся в различных формах того, что мы называем эзотеризмом, ни от наглядных реальностей, которые мы относим к рангу практической магии. Мы не говорим, что готовы верить во все на свете. Просто мы говорим, что область гуманитарных наук гораздо более обширна, чем мы это представляем. Собирая воедино все факты без исключения, принимая к рассмотрению все основанные на таких фактах гипотезы без всякой априорности, мы вполне можем предположить, что новый Дарвин и Коперник от антропологии создадут совершенно новую науку, которая установит постоянную связь между объективными наблюдениями в прошлом и весьма чувствительными точками современной науки в области парапсихологии, физики, химии, математики. Может быть, им покажется, что идея о медленной эволюции и долгом пути развития человеческого разума, человеческих знаний — это не неизбежная истина, а скорее табу, которое мы сами придумали для себя, чтобы продемонстрировать, что мы с пользой для себя изучаем историю человечества. Разве не могли прошлые цивилизации переживать моменты яркого озарения, когда перед ними представала почти вся совокупность знаний, с которых был сдернут покров таинственности?

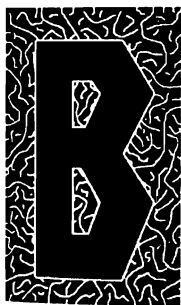
Почему же то, что порой происходит в жизни человека, — озарение, блестящая интуиция, вспышка гениальности — не может происходить в жизни всего человечества, причем неоднократно? Не интерпретируем ли мы воспоминания об этих лучезарных мгновениях ложно, навязчиво рассуждая о мифологии легендах, магии? Если мне покажут нефальсифицированную фотографию летящего по воздуху человека, я не скажу, что «это наглядное изображение мифа об Икаре», нет, я скажу, что «это мгновение прыжка или падения». Почему не может быть таких мгновений различных цивилизаций?

Мы намерены приводить еще больше фактов, предлагать другие подходы, выдвигать другие гипотезы. Может быть, мы допустим немало глупостей в своей книге, но все это не столь важно, если наша книга, укажет кому-то на его призвание, и в какой-то мере проложит более широкий путь к будущим исследованиям. Мы лишь скромные каменотесы; из наших камней другие проложат мощеную дорогу.

Глава V

ПАМЯТЬ СТАРШЕ НАС

Память старше нас... — Где авторы находят металлических птиц. — История любопытной карты мира. — Атомные бомбардировки и межпланетные корабли в «Священных текстах». Другой взгляд на машины. — Культ «cargo». — Эзотеризм под другим углом зрения. — Коронование разума. — Еще одна забавная история

от уже в течение десяти лет изучению прошлого во многом способствуют новые методы, основанные на радиоактивности и достижениях космологии. Отсюда вытекают два экстраординарных факта. (Д-р Боуэн «Исследование времени». Лондон, 1958).

1. Земля — ровесница Вселенной, то есть ей приблизительно 4 миллиарда лет. Она образовалась, возможно, одновременно с Солнцем, или даже чуть раньше него, в результате конденсации частичек льда.

2. Человек, который известен под названием «гомо сапиенс» (человек разумный), существует всего 75 тысяч лет. Этого довольно короткого периода якобы было достаточно, чтобы ископаемый человек превратился в настоящего человека. Здесь мы позволим себе задать два вопроса:

а) Были ли известны человечеству другие цивилизации, обладавшие иной техникой? Специалисты хором отвечают нам «нет»! Но совершенно неочевидно, что они умеют делать различие между инструментом и предметом культа. В этой области, нужно сказать, исследования даже не начинались. Однако существуют проблемы, вызывающие определенное

беспокойство. Большая часть палеонтологов считает, что эолиты (осколки камней с острыми режущими краями, найденные возле Орлеана в 1867 году) появились естественным путем без участия человека, под воздействием сил природы. Однако некоторые ученые утверждают, что это — дело рук человека. Человека, но какого? Другого, но не «гомо сапиенс»? Были найдены и другие предметы в Ипевиче, графство Норфолк, свидетельствующие о существовании в Западной Европе «людей» третичного геологического периода.

б) Опыты, проведенные Уошберном и Дайсом, доказывают, что эволюцию человека вызвали весьма тривиальные причины. Например, легкое изменение в строении костей черепа. Чтобы доказать правильность своей гипотезы, Уошберн измерял черепную коробку крыс, превратив ее из «неандерталоидной» в современную форму. Одной-единственной мутации, а не целого комплекса мутаций, оказалось вполне достаточно, чтобы прачеловек превратился в человека.

Таким образом, за 4,5 миллиарда лет — только одна-единственная мутация? Откуда такая уверенность? Может, до этой временной отметки 75 000 лет произошло несколько эволюционных циклов? Другие виды человечества или скорее другие мыслящие существа могли появляться и исчезать. Они могли и не оставить видимых следов, но воспоминания о них сохранялись в многочисленных легендах. «Скульптурный бюст пережил город»: воспоминания о них могли пережить и энергоцентры, и машины, и памятники исчезнувших цивилизаций. Наша память восходит гораздо глубже, чем жизнь, чем существование рода человеческого. Какие бесконечно далекие воспоминания отложились в наших хромосомах и наших генах? «Откуда ты, душа человеческая, откуда ты пришла сюда»?

* * *

Уже и в археологии все меняется. Наша цивилизация создает средства для все более быстрой коммуникации, и наблюдения, сделанные повсюду, на всем земном шаре, собранные воедино, строго классифицированные, ведут нас к великим тайнам. В июне 1958 года Смитсоновский институт опубликовал результаты исследований, полученные американцами, индусами и русскими. (New York Herald Tribune, за 11 июня 1958 г.). Во время раскопок, проведенных в Монголии, в Скандинавии и на Цейлоне, возле озера Байкал и в верхнем течении реки Лены в Сибири, были найдены совершенно одинаковые предметы из

кости и камня. Но техника изготовления таких предметов больше неизвестна эскимосам. Поэтому Смитсоновский институт делает вывод, что десять тысяч лет назад эскимосы обитали в Центральной Азии, на Цейлоне и в Монголии. Потом они могли очень быстро и неожиданно перекочевать в Гренландию. Но почему, по какой причине? Почему туземцы решили вдруг покинуть насиженные земли и перебраться на другие, гораздо менее гостеприимные? И как они смогли туда добраться? Они до сих пор понятия не имеют, что земля круглая и что существует такая наука, как география. Для чего покидать Цейлон, этот поистине рай земной? Американский институт не дает ответа и на этот вопрос. Мы не хотим навязывать нашу гипотезу и не предлагаем ее в качестве головоломки: какая-то высшая цивилизация господствовала на Земле десять тысяч лет назад. Она создала на Крайнем Севере зону для ссылки. Ну, а что по этому поводу говорит эскимосский фольклор? Он говорит о племенах, перенесенных на Крайний Север в начале времен гигантскими металлическими птицами. Археологи XIX века только потешались над абсурдностью такого представления — «металлические птицы». А мы?

Никто и ничто не может сравниться со Смитсоновским институтом по проведенным там работам по исследованию различных любопытных предметов. Например, оптических линз. Они были найдены в Ираке и в Центральной Австралии. Откуда они взялись? Может быть, у них одинаковый источник происхождения, одна и та же цивилизация? Ни один современный оптик так и не высказался по этому поводу. Все оптические стекла последние двадцать лет в нашей цивилизации обрабатываются окисью церия. Через тысячу лет с помощью спектроскопического анализа таких стекол наверняка будет открыта уникальная цивилизация на Земле. И исследователи не ошибутся.

В результате таких исследований может родиться совершенно новый взгляд на прошедший мир. Если Богу будет угодно, то наша небольшая, недостаточно документированная книжка вызовет у какого-нибудь наивного молодого человека желание работать, словно безумцу, и в один прекрасный день эта работа преподнесет ему ключи к объяснению древних тайн.

Есть и другие факты. В обширных районах пустыни Гоби есть почвы, напоминающие такие, которые как будто испытали на себе последствия атомных взрывов.

В пещерах Богистана найдены надписи с астрономическими картами, на которых изображены звезды в том положении, которое они

занимали тринадцать тысяч лет назад. Линии соединяют Венеру с Землей.

В середине XIX века офицер турецкого флота Пири Рейс преподнес в дар библиотеке Американского конгресса целый пакет с картами, найденными им на Востоке. Самые поздние датированы эпохой Христофора Колумба, а самые ранние — первыми веками после рождения Христа, одни были скопированы с других.

В 1952 году Арлингтон Г. Моллери, большой специалист по картографии, изучил эти документы. Он доложил о результатах исследования во время дискуссии, организованной Джорджтаунским университетом в декабре 1958 г. (См. исследование А.Т. Сандереона в кн.: *Fantastic Universe*, за январь 1959 г.). Он пришел к выводу, что все находящееся в Средиземноморье на них указано, только не на привычных местах. Может быть, составители карт считали, что Земля плоская? Вряд ли такое объяснение приемлемо. Может быть, они составляли свои карты методом проекции, считая, что Земля круглая? Вряд ли, проекционная геометрия создана Гаспаром Монжем (1746—1818). Моллери поручает дальнейшее изучение проблемы Уолтерсу, официальному картографу, который нанес эти карты на современный глобус Земли: они оказались совершенно точными, и не только в отношении Средиземноморья, но и для всей Земли, включая обе Америки и Антарктику. В 1955 году Моллери с Уолтерсом представили свои работы в комитет по проведению Международного геофизического года. Комитет передал досье отцу-иезуиту Даниэлю Линегану, директору Уэстонской обсерватории, главному картографу военно-морского флота США. Тот констатировал, что рельеф Северной Америки, горы и озера в Канаде, побережье крайнего севера американского континента и рельеф Антарктиды, покрытые льдами и с большим трудом нанесенные в наше время на карты при помощи сложных измерительных инструментов, показаны точно. Как же появились эти самые древние карты? Может, съемка велась с какого-то летательного или космического аппарата? Может, это дело рук визитеров из других миров?

Кто упрекнет нас в том, что мы ставим неудобные вопросы? В «Пополь Вух», священной книге американских индейцев киче (Гватемала), рассказывается о бесконечно древней цивилизации, в которой были известны все туманности и вся Солнечная система. «Люди первой расы знали все, — читаем мы в ней. — Они обследовали четыре стороны горизонта, четыре точки небосвода и *круглый облик Земли*».

* * *

«Некоторые верования и легенды, которые сохранила для нас древность, настолько глубоко укоренились повсюду, что мы по привычке считаем их такими же древними, как и само человечество. Проводившиеся в этой связи исследования ставили своей целью показать, являются ли эти верования и легенды делом случая, или они в какой-то мере отражали существование древней цивилизации, абсолютно неизвестной нам, о которой мы даже не подозревали, и все следы которой давным-давно исчезли».

Человек, который написал эти строчки в 1910 году, не был ни писателем-фантастом, ни крупным оккультистом. Он был одним из пионеров науки, и его звали Фредерик Содди. Этот человек был профессором Оксфордского университета, членом Королевского научного общества и лауреатом Нобелевской премии. Он открыл изотопы и законы естественной радиоактивности. Эти строчки извлечены из его работы «Радий» в переводе Адольфа Лепажа, руководителя лаборатории физической химии в Парижском институте гидрологии и климатологии. Оклахомский университет в 1954 году опубликовал хроники индейских племен Гватемалы, датированные XVI веком. Фантастические рассказы, появления легендарных существ, воображаемые нравы богов. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что индейцы племени какчикель не рассказывали выдуманных историй, — они на свой манер передавали впечатления от первых контактов с испанскими завоевателями. Испанцы в сознании источников индейского племени какчикель приравнивались к существам из их мифологии и вписывались в их традицию. Так реальное принимало сказочные очертания, поэтому вполне вероятно, что тексты, рассматриваемые как чисто фольклорные или мифологические, основываются на реальных, но неверно интерпретируемых фактах, которые смешиваются порой с другими явно вымышленными. Четкого разделения между ними проведено не было, и в результате вся литература многих тысячелетий хранится в наших специализированных библиотеках на полках с этикеткой «легенды», и ни один читатель, проходя мимо них, не задается вопросом, можно ли найти в них исторические хроники, отражающие истинные исторические события.

То, что мы знаем о современной науке и технике, побуждает нас взглянуть на такую литературу иначе.

В книге «Дзиан» говорится об «учителях с блестящими лицами», которые покидают Землю, забирая с собой свои знания, отбирая их у нечи-

стых людей и заметая свои следы. Они улетают на колесницах, приводимых в движение светом, и добираются до своей страны «из железа и металла».

В статье, опубликованной в «Литературной газете», профессор Агрест признает гипотезу о визитах к нам в древности межпланетных путешественников, в ранних библейских текстах иудейских жрецов он находит воспоминания о высшем существе, прибывшем извне, которое, на манер Еноха, по таинственным местам забрался на небо (1959 г.).

В священных индийских эпосах «Махабхарата» и «Рамаяна» описываются воздушные корабли, которые летали в небе в начале времен и которые были похожи на «голубые облака в форме яйца или салящегося шара». Они могли несколько раз облететь всю Землю. Их приводила в движение «сила эфира, которая бьет в землю при взлете» или «вибрация, вызываемая невидимой силой». При полете они издавали «приятные и мелодичные звуки», сверкали подобно «яркому огню», и летели не по прямой траектории, а «по длинной волнистой линии, то приближаясь к Земле, то от нее удаляясь. В этих эпосах, составленных более трех тысячелетий назад на основе куда более древних сочинений, рассказывается и о том материале, из которого они были сделаны — из смеси металлов: одни белые и легкие, а другие — красные.

В другом эпосе «Маусола пурва» приводится странное описание, понятное не только для этнологов XIX века, но и для нас.

«Это неизвестное оружие, железная молния, гигантский посланец смерти превратило в пепел всю расу вришни и андхака. Обгоревшие трупы нельзя было даже опознать. Волосы выпадали, ногти отслаивались, горшки разбивались вдребезги без видимой причины, оперение птиц становилось белым. Через несколько часов любая еда становилась ядовитой. Эта молния превращалась в мелкий порошок».

Или далее:

«Чукра, летевший на мощной вимане, бросил на город из трех городов невиданный снаряд, заряженный мощью Вселенной. Раскаленный дым, ярче десяти тысяч солнц, поднялся вверх во всем своем страшном великолепии. Когда вимане приземлилась, то казалось, что прекрасный шар из сурьмы опустился на землю...»

Главное возражение: если признать существование таких сказочно развитых цивилизаций, то почему многочисленные раскопки, проводящиеся по всему миру, не выявили ни малейших остатков предметов, способных убедить нас в том, что эти цивилизации когда-то существовали?

Ответы:

1. Систематические раскопки ведутся на протяжении не более столетия, а нашей атомной цивилизации еще нет и двух десятков лет. До сих пор не были проведены серьезные археологические раскопки на юге России, Китая, в центральной и южной Африке. Громадные неисследованные территории до сих пор хранят секреты о своем прошлом.

2. Немецкий инженер Вильгельм Кёниг совершенно случайно посетил багдадский музей и увидел, что плоские, гладкие камни, которые за такие и выдавались, найденные в Ираке, в действительности оказались электрическими батарейками, которыми люди пользовались за два тысячелетия до изобретения Гальвани. В археологических музеях мира полно различных любопытных предметов, которые названы «предметами культа» или «предметами различного назначения», но никто не знает, что они представляют собой на самом деле. Недавно русские обнаружили в пещерах в пустыне Гоби в Туркменистане полушария из стекла или керамики, оканчивающиеся конусом, на конце которого находится капля ртути. Что это за странные предметы? Наконец, далеко не все археологи обладают научно-техническими знаниями. Более того, многие просто не представляют себе, что какую-то проблему можно решить различными способами и что существуют такие машины, которые и машинами не назовешь: они без рычагов, рукояток и колес.

Достаточно набросать на бумаге несколько линий особыми чернилами, как этот бумажный листок превращается в приемник электромагнитных волн. Простая медная трубка служит резонатором при генерировании волн удара. Алмаз — чувствительный детектор, принимающий ядерное и космическое излучение. Сложную информацию содержат в себе кристаллы. Может, в маленьких камушках заключены целые библиотеки? Даже если через десять тысяч лет исчезла наша цивилизация, археологи обнаружили бы магнитные ленты, то что они стали бы делать с ними? И как бы они отделили чистую ленту от лент с записью?

Сегодня мы стоим на пороге открытия секретов антиматерии и антигравитации. Какая аппаратура понадобится завтра для раскрытия этих секретов: громоздкая неподъемная или, напротив, легкая и удобная? Техника в своем развитии обычно не усложняется, а упрощается, доводит оборудование до таких микроскопических размеров, что оно становится почти невидимым.

В своей книге «Магия халдеев» Ленорман, вновь обращаясь к легенде, которая напоминает миф об Орфее, писала: «В древние времена жрецы Она с помощью особых звуков вызывали бури и поднимали на

определенную высоту каменные глыбы, которые не могли поднять бы и тысячи рабочих при строительстве своих храмов.

А вот что пишет Вальтер Оуэн: «Звуковые вибрации — это мощные силы. Все космическое мироздание удерживается вибрациями; они поддерживают его в подвешенном состоянии». Эта теория не очень далека от современных концепций. Наше завтра будет наверняка фантастическим, и все знают об этом. Но оно будет вдвойне таким, если отказаться от идеи, что все в прошлом было слишком банальным.

* * *

В нашей традиции, то есть в собраниях самых древних текстов человечества, представлены литературная, религиозная и философская концепции. В них хранятся бессмертные воспоминания людей о событиях далекого прошлого. А есть ли в них бессмертные воспоминания о науке и технике тех развитых цивилизаций, которые не только могут сравниться с нашей, но и даже превосходят ее? Что говорится в традиции на сей счет?

Прежде всего, о том, что наука — штука опасная. Такой взгляд мог удивить человека в XIX веке. Мы знаем, что было достаточно сбросить две атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, чтобы умертвить 300 000 человек, но радиус действия этих бомб был относительно ограниченный, — а вот пятисоттонная кобальтовая бомба способна уничтожить большую часть Земли.

Кроме того, могут произойти контакты с неземными существами. Может быть, такое предположение казалось абсурдом в XIX веке, но сегодня это уже далеко не так. Теперь многие убедились в существовании параллельных вселенных, с которыми можно установить определенную связь. Такая идея о существовании параллельных Вселенных по отношению к видимой Вселенной встречается повсюду в современных научных исследованиях. (См., например, статью К. Г. Штукувродерга «Атомная индустрия», № 1, 1959, стр. 17.) Радиотелескопы принимают волны, доходящие до нас на расстояния десяти миллиардов световых лет, причем они сильно похожи на зашифрованные послания. Астроном Джон Краус из Огайского университета утверждает, что 2 июня 1956 года получил сигналы Венеры. В Пристонском институте были получены сигналы с Юпитера. Наконец, предание утверждает, что все, что прошло с начала времен, откладывается в материи, пространстве, энергии и в результате может быть восстановлено. Именно об этом говорит крупный

ученый Г. Боуэн в своей книге «Исследование Времени», и его взгляды ныне разделяет большая часть исследователей. Еще одно возражение: высокоразвитая цивилизация с высоким научно-техническим уровнем целиком не исчезает, не уничтожается.

Ответ: «Мы, другие, более высокие, цивилизации, теперь знаем, что мы смертны». Именно высокоразвитая техника способна привести к полной гибели той цивилизации, которая ее и создала. Представим себе нашу цивилизацию в ближайшем будущем. Все энергоцентрали, все вооружения, все приемники и передатчики для телекоммуникации, все электрические аппараты и атомные установки базируются на одном принципе производства энергии. При цепной реакции все эти инструменты, будь они гигантских или карманных размеров, взорвутся. Весь материальный потенциал и большая часть людей такой цивилизации исчезнут. Останутся лишь свидетельства тех людей, которые жили вдали от нее на значительном расстоянии. Выжившие вернутся к истокам, к простому укладу жизни. Останутся лишь воспоминания, неточно составленные рассказы о катастрофе, постигшей цивилизацию, рассказы, на первый взгляд мифические, легендарные, в которых красной нитью проходит повествование об изгнании людей из рая, постоянно присутствует ощущение большой опасности, предположения о великих тайнах, скрытых в лоне материи. И все становится как в Апокалипсисе: «И Луна сделалась как кровь. И звезды небесные пали на землю, как смоковница отрывает созревшие смоквы свои...»

* * *

Сотрудники патрульной службы австралийского правительства отважились в 1946 году углубиться в дебри Новой Гвинеи, на те территории, которые были им неподконтрольны. Там они обнаружили племена, которые впадали в экстаз от своей новой религии — зародившегося «карго» культа. Карго — это английский термин, обозначающий товары, которые отправляют туземцам: банки с консервами, бутылки с алкогольными напитками, парафиновые лампы и т.д. Этих людей, пребывающих еще в каменном веке, такое богатство, конечно, не могло не взволновать. Но разве могли белокожие люди все это сделать? Нет, конечно! Те белые, которых они видели, не могли своими руками сделать что-то на самом деле чудесное. Эти туземцы Новой Гвинеи рассуждали приблизительно так: вы когда-нибудь видели, как белый что-то смастерил? Нет, конечно, но эти белые всегда заняты чем-то весьма таинственным, да и

одеваются все одинаково. Иногда они садятся перед железным ящиком с циферблатами и прислушиваются к каким-то странным шумам. Наносят какие-то значки на белые листки бумаги. Все это — магические ритуалы, с помощью которых они получают «карго» (груз) от богов. Тогда туземцы принялись имитировать такие «ритуалы», они старались одеваться на европейский лад, говорили в пустые банки из-под консервов, устанавливали бамбуковые шесты на крышах своих хижин, воображая, что это — антенны. Даже строили взлетно-посадочные полосы, чтобы принять «карго», — божественный груз.

Так вот. Может быть, именно так, в такой манере, наши предки толковали свои контакты с высшими цивилизациями? Нам в наследство досталась традиция, то есть сборник рассказов о «ритуалах», которые на самом деле были обычным поведением тех, у кого были другие знания. Мы сами могли по-детски имитировать их поведение, жесты, манипуляции, ничего в них не понимая и не связывая их с более сложной, недоступной для нас реальностью, и ожидали при этом только одного — что такое поведение, жесты, манипуляции принесут нам что-то полезное. Что-то такое, чего пока нет, «манну небесную», которая будет доставлена некими путями, недоступными нашему воображению. Легче перенять какой-то ритуал, чем усваивать знания, легче изобрести богов, чем овладеть той или иной сюжетной техникой. Говоря об этом, мы с Бержье вовсе не собираемся низводить духовный порыв к материальному невежеству. Напротив. Мы считаем, что духовная жизнь существует. Если Бог превышает любой реальности, то мы его познаем после того, как познаем эту реальность. Если у человека есть способности, чтобы понять всю Вселенную, то Бог может и есть не что иное, как вся Вселенная.

Но продолжим нашу тему более широкого мышления, более разностороннего разума. Может быть, то, что мы называем эзотеризмом, на самом деле — экзотеризм? Что если самые древние тексты человечества, священные в наших глазах, являются лишь переводами апокрифов, рискованной вульгаризацией, сообщениями, полученными из третьих рук, искаженными воспоминаниями о каких-то технических реалиях. Мы толкуем эти древние тексты так, словно они — выражение «духовных истин» философских символов, религиозных образов. То есть когда мы их читаем, то относим лишь к самим себе, так как все люди заняты своими таинственными внутренними «я»: я хочу сделать хорошее, я поступаю дурно, я живу, но все равно я умру и т.д. Все это адресовано нам с вами — эти аппараты, эти молнии, манны небесные, апокалипсисы. Все это — представления о мире нашего разума, нашей души. Это разговаривают со

мной, ради меня... А что если речь идет о далеких, деформированных воспоминаниях о других, прежде существовавших мирах, о пребывании на этой земле других существ, которые что-то искали, что-то знали и действовали?

Представим себе очень древние времена, когда можно было принимать и интерпретировать сообщения от других разумных существ во Вселенной, или когда межпланетные посетители основали на Земле свою базу или было установлено межкосмическое сообщение. Представьте себе, что в некоторых святилищах до сих пор существуют заметки, диаграммы, отчеты с трудом, на протяжении тысячелетий расшифрованные монахами, хранителями тайн прошлого, но которые тем не менее не обладали достаточной квалификацией, чтобы понять эти секреты в их совокупности и все же продолжали их интерпретировать и экстраполировать. Именно так поступали колдуны из Новой Гвинеи, пытаясь понять бумажный листок, на котором напечатано расписание полетов самолетов между Нью-Йорком и Сан-Франциско. На худой конец, возьмите книгу Гурджиева «Все и вся», в которой полно незнакомых концепций, а язык не похож на вразумительный. Гурджиев утверждает, что имел доступ «к источникам» Источников, которые представляют собой различного рода отклонения. Он делает перевод, может быть, уже в тысячный раз добавляя к тексту, вполне естественно, свои личные идеи. Он конструирует символики человеческой психики. Вот вам и эзотеризм.

Возьмем проспект-путеводитель внутренних авиалиний в США. Читаем: «Вы можете забронировать место откуда угодно в самолете. Ваша заявка будет внесена в компьютер. Другая электронная машина бронирует для Вас место на том самолете, на котором вы пожелаете лететь. Билет с данными будет перфорирован Вами и доставлен Вам... и т.д.». Представьте себе, что с этим текстом сделали бы при тысячном переводе на какой-то амазонский диалект переводчики, которые никогда в жизни не видели самолета, не знают, что такое электрон, компьютер, и понятия не имеют о названиях городов, указанных в брошюре.

А теперь рядом с этим текстом вообразите себе эзотеризм, уходящий своими корнями к истокам человеческой мудрости, ищущий такие знания, которые необходимы для человеческой души...

* * *

Если во мгле времен существовали цивилизации, построенные на системе знаний, то, вероятно, существовали и какие-то учебники. Собо-

ры, например, были своеобразными учебниками архитектуры. Нельзя исключать, что некоторые из таких учебников или их фрагменты были обнаружены, сохранены и переписаны трудолюбивыми монахами, цель которых состояла в том, чтобы не столько их понять, сколько сохранить для потомства несчетное количество раз переписанные, по-новому освещенные, с перестановкой отдельных мест, интерпретируемые так или иначе, но не для того, чтобы передать сложные, высокоученые древние знания, а лишь поверхностные, которые будут удовлетворять потребности только одного следующего века. Но в конечном итоге всякое реальное научно-техническое знание ведет к углубленному пониманию природы мышления, ресурсов человеческой психики, переводимой на более высокий уровень сознания.

Если, основываясь на таких «эзотерических» текстах, люди способны достичь нового, более высокого состояния сознания, то это значит, что в определенной степени они нашли контакт с великолепными исчезнувшими цивилизациями. Не исключено, что существует два вида «священных текстов» — фрагменты древних технических знаний и фрагменты чисто религиозных, боговдохновенных книг. Их часто путают, ибо, чтобы их различить, не хватает указаний, нужных ссылок. Но все равно, в обоих случаях речь в равной степени идет о священных текстах.

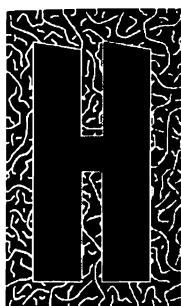
Священны и бесконечно возобновляемые и посему бесконечно прогрессивные усилия, предпринимаемые человеческим разумом на Земле. И священным оком следит за этими усилиями сам Бог, не выпуская их из-под контроля.

Не хотите ли, завершая чтение этой главы, услышать одну забавную историю. Это рассказ молодого американского писателя Уолтера М. Миллера. Когда мы с Бержье натолкнулись на него, то очень обрадовались такой находке. Может быть, и вы порадуетесь вместе с нами?

Глава VI

ПЕСНОПЕНИЕ В ЧЕСТЬ СВЯТОГО ЛЕЙБОВИЦА

(Уолтер Миллер)

Н е появивсь этот странник в том месте, посередине пустыни, где брат Фрэнсис Жерар из штата Юта соблюдал свой ритуальный обряд — Великий пост, он так и не нашел бы этого священного документа. Впервые в своей жизни он видел перед собой странника во власянице, подпоясанной в лучших монашеских традициях соломенным жгутом. Но, бросив на него только один взгляд, молодой монах сразу понял, что перед ним настоящий паломник. Это был нескладный старик, который шел, прихрамывая, опираясь, как и положено, на посох, его лохматая борода порыжела на подбородке, и на плече он нес небольшой бурдюк. На голове у него была широкополая большая шляпа, на ногах сандалии, и через его грязные лохмотья проглядывали растертые до крови бедра. В таком наряде, насвистывая (весьма фальшиво) какой-то мотивчик, он шел по склону по каменистой дорожке откуда-то с севера. Судя по всему, цель его паломничества было аббатство братьев Лейбовица, расположенного в десяти-двенадцати километрах к югу.

Увидев молодого монаха в этой усеянной булыжниками пустыне, паломник, перестав насвистывать, с любопытством того оглядывал. Брат Фрэнсис не собирался нарушать обет молчания, — правило, установленное его Орденом на все дни поста, — и посему тут же отвел свой взор в сторону. Он продолжал заниматься своей работой — таскал боль-

шие камни для укрепления своего временного обиталища, похожего на бруствер, которое было призвано защитить его от нападения голодных волков.

За десять дней диеты, состоявшей исключительно из цветков кактуса, он изрядно ослабел, и теперь во время работы он часто испытывал головокружение. Вот уже несколько дней кряду окружающий его пейзаж, казалось, плыл у него перед глазами, и он видел перед собой танцующие черные пятна; поэтому он спрашивал себя, уж не является ли этот бородастый призрак простым миражом, вызванным голодом. Но странник тут же развеял все его сомнения.

— Эй, вы там! — издал он радостный вопль довольно приятным мелодичным голосом.

Так как обет молчания запрещал отвечать на поставленные вопросы, молодой монах, не поднимая головы, робко улыбнулся.

— Куда ведет эта дорожка? К аббатству? — осведомился путник.

По-прежнему уставясь в землю, послушник утвердительно кивнул. Он наклонился и поднял с земли небольшой белый камушек, похожий на мелок.

— А что вы здесь делаете с этими булыжниками? — продолжал паломник, подходя к нему.

Брат Фрэнсис быстро опустился на колени и написал на большой плоском камне: «Одиночество и Молчание». Если бы тот умел читать, — что статистика отрицает, — то странник осознал бы, что одно его присутствие здесь, рядом с монахом, могло рассматриваться постыжким как грех, и в таком случае, идя ему навстречу, тут же удалился бы, больше ни о чем его не расспрашивая.

— Ах, понимаю! — сказал бородач.

Он помолчал, стоя неподвижно на месте, обводя глазами вокруг себя, — и вдруг ударил своим посохом о большой камень.

— Вот он, обратите внимание, — с его помощью вы отлично уладите все свои дела. Дерзайте, в добрый час, и да обрящете тот Голос, который вы ждете!

Тогда, в ту минуту, брат Фрэнсис не отдавал себе отчета в том, что паломник подразумевал слово «Голос» с большой буквы, ему показалось, что старик принимает его за глухонемого. Бросив быстрый взгляд в спину удалявшегося странника, который снова принялся фальшиво нависывать, он молча послал ему свое благословение, пожелал ему доброго пути, после чего вновь принялся за своей тяжкий труд каменщика, — продолжая возводить для себя убежище, похожее по форме на гроб, в

котором он мог бы вытянуться во весь свой рост и поспать, убергая свою плоть от острых зубов жадных хищников.

Небесное стадо кучевых облаков проплывало у него над головой, после того как они жестоким образом подвергали пустыню соблазну, облака теперь были готовы пролить на зачухлые горы свою влагу, свое благословение... они закрыли молодого монаха от беспощадных лучей жаркого солнца, немного осветив его, и он, воспользовавшись этим, еще энергичнее принялся за работу, не переставая нашептывать молитвы во имя своего истинного призвания, — именно такую цель ставил он перед собой и собирался достичь за это время своего поста в пустыне.

Наконец, брат Фрэнсис ухватился за большой камень, на который ему посохом указал паломник, пытаясь его поднять... но приятный цвет его лица — результат каторжной работы, — вдруг сошел с него, и он бросил эту глыбу скалы, словно дотронулся до змеи.

Под его ногами лежала жестяная ржавая коробка, частично скрытая от глаз мелкими камушками.

Подталкиваемый любопытством, молодой монах хотел тут же схватить жестянку, но, благоразумно сделав шаг назад, осенил себя крестным знамением, что-то забормотав по-латыни. Теперь, когда он почувствовал себя куда увереннее, чем прежде, он мог непосредственно обратиться к этому таинственному предмету.

«Vada Rekto, Satanas!» «Изыди Сатана!» — закричал он, угрожая банке увесистым крестом своих четок. «Исчезни, гнусный соблазнитель!»

Быстро вытащив из-под сутаны миниатюрное кропило, он побрызгал святой водицей банку на всякий случай.

«Если ты тварь дьявольская, то ступай прочь!»

Но, судя по всему, у жестянки не было никакого желания ни исчезать, ни взрываться, ни даже растворяться в едком облаке серы... Она продолжала себе спокойненько лежать на месте, позволяя ветру пустыни высушить на себе капли святой влаги.

— Да будет так! — твердо произнес монах, опускаясь на колени, чтобы получше рассмотреть незнакомый предмет.

Так среди булыжников, в пустыни, он долбил целый час жестянку острым большим камнем, но она не открывалась. За такой работой его вдруг осенила идея: эта археологическая реликвия — и в этом не могло быть теперь никакого сомнения, — была, возможно, знаком, посланным с Неба, чтобы дать ему понять, что его Призвание ему ниспослано. Но он тут же прогнал от себя эту шальную мысль, вовремя спохватившись и вспомнив, что отец-аббат сурово предупреждал любого послушника против всякого

личного прямого откровения, выражаемого в наглядной форме. Если он и покинул аббатство, — размышлял он, — чтобы в пустыне соблюдать сорокадневный пост, то только лишь затем, чтобы покаяние принесло ему вдохновение свыше, вдохновение, которое он отнесет к Святому Священству. Ему не полагалось быть свидетелем видений или слышать призывы небесных голосов: такие явления, по его мнению, могли свидетельствовать о бесплодной тщете и высокомерии.

Слишком многие послушники, возвращаясь после своего уединения в пустыне, приносили с собой массу всевозможных историй о различных знамениях, предчувствиях и небесных видениях, так что отец-аббат решил проводить неукоснительную политику наложения запрета на все подобные так называемые «чудеса». «Только один Ватикан имеет право на такие умозаключения, — ворчал он, — и следует быть крайне осторожным, чтобы принять за божественное откровение то, что на самом деле является лишь отражением солнечного луча».

Как бы там ни было, но брат Фрэнсис ничего не мог поделать с собой и оторваться от этой старой металлической банки, которую он пытался открыть, колотя камнем по ней изо всех сил...

Вдруг она поддалась, ее содержимое высыпалось на землю, и молодой монах почувствовал, как у него по спине пробежали мурашки. В нем проснулась сама античность! Страстно увлеченный археологией, он не верил собственным глазам и тут же подумал о брате Джарисе, который с ума сойдет от зависти. Он тут же упрекнул себя за столь неблагочестивую мысль и принялся горячо благодарить Небо за столь неоценимое сокровище. Дрожа от волнения, он осторожно, рукой, перебирал находившиеся в коробке предметы, пытаясь их рассортировать. Накопленные прежде знания позволили ему узнать среди них отвертку, — инструмент, который когда-то использовался для того, чтобы вогнать в деревянные брусы металлические стержни с винтовой нарезкой, а также что-то вроде небольших металлических пожниц с острыми лезвиями. Он обнаружил также какой-то страшный инструмент, состоявший из прогнившей деревянной рукоятки и большого медного стержня с частичками расплавленного свинца, но он так и не смог понять, что они из себя представляют. В банке еще находился небольшой рулон черной клеящейся ленты, сильно разрушенной на протяжении веков, что никак не позволяло ее идентифицировать, а также многочисленные стеклянные и металлические фрагменты, и еще множество небольших предметов, похожих на трубки с железной проволокой, похожей на усы, которые язычники в горах считали амулетами, а некоторые археологи уверяли, что это — остатки

легендарной «аналитической машины», которая появилась еще до Огненного Питона.

Брат Фрэнсис внимательно изучал все эти предметы, разложив их на плоском большом камне. Что касается документов, то он решил отложить их изучение на потом. Именно их, эти документы, монах считал своей самой важной находкой, если учесть, какое незначительное число бумажных документов избежало этих ужасных «аутодафе», устраиваемых в Век упрощения невежественной и мстительной чернью, которая, не задумываясь, без всякой боязни, предавала огню даже священные тексты.

В жестянке хранились два таких драгоценных документа вместе с тремя небольшими листками записей из манускриптов. Все эти вызывающие глубокое уважение документы были такими хрупкими; от давности они высохли и стали очень ломкими, поэтому молодой монах с величайшей осторожностью прикасался к ним, закрывая их от ветра полой своей сутаны. Строчки на них едва можно было разобрать, они были написаны на допотопном английском, на этом древнем языке, который, как и латынь, в наши дни почти не использовался, не считая монахов и священнослужителей во время ритуальной литургии. Брат Фрэнсис начал медленно расшифровывать их. Он лишь узнавал отдельные слова, но их точный смысл ускользал от него. На одном из маленьких листочков он прочитал: «1 фунт сосисок, 1 банка кислой капусты для Эммы». На втором было написано: «Не забыть захватить формулу 1040 для декларации о налогах». На третьем — сплошные цифры, потом столбик математического сложения, за ним цифра, явно обозначающая остаток в процентном отношении, выведенный из предыдущего общего, а под ним слово «Zut!» (Черт возьми! — *Прим. ред.*) О чем говорили эти документы, монах не мог понять, и ему не оставалось ничего другого, как проверить все расчеты и убедиться в их правильности.

Из двух других бумаг, найденных в банке, одна была плотно свернута в рулон и угрожала рассыпаться на мелкие кусочки при первом прикосновении к ней. Брату Фрэнсису осталось расшифровать лишь два слова: «Тотализатор ипподрома». Ладно, подумал он, — он им займется позже, когда у него будет время для дотошного бережного рассмотрения их.

Второй документ представлял собой большую, несколько раз сложенную бумагу, и, по всей видимости, настолько хрупкую на линиях сгиба, что монах с величайшей осторожностью лишь отогнул края, чтобы взглянуть, что там внутри.

Это был план, какое-то переплетение белых линий на голубом фоне!

Вновь брат Фрэнсис почувствовал, как у него по спине пробежали мурашки: это была «синька», один из древних, самых редких документов, которые так высоко ценили археологи и которые с таким большим трудом расшифровывали ученые и специалисты.

Однако невероятное, благословенное открытие на этом не заканчивалось: среди слов, написанных в одном из уголков, брат Фрэнсис вдруг увидел имя основателя своего Ордена, — самого блаженного Лейбовица!

От нахлынувшей радости руки у монаха так задрожали, что он чуть не разорвал бесценный документ! И вдруг в его памяти возникли слова, которые обратил к нему тот паломник: «Да обрящете тот Голос, который ждете!» Да, это был Голос, который он открыл. Голос с большой буквы. Голос, величественный и торжественный. Глас, вещающий о Призвании!

Еще раз внимательно взглянув на «синьку», чтобы удостовериться, что он не спит, монах запел вполголоса благодарственный молебен: «Beate Leibowitz, ora pro me... Sancte Leibowitz, exaudime» («Блаженный Лейбовиц, молись за меня... Блаженный Лейбовиц, услышь меня...» — лат.) и последняя фраза отличалась определенной смелостью, — ведь основатель Ордена еще ждал своей канонизации!

Забыв в эту минуту о строгих предписаниях аббата, брат Фрэнсис быстро вскочил на ноги и устремил свой взор на юг, до самого горизонта, в том направлении, куда пошел старый паломник в своей джутовой власянице. Но его там и след простыл...

— Нет, это наверняка ангел Господен, — говорил себе брат Фрэнсис, — а, может быть, и сам Лейбовиц собственной персоной. Кто знает?

Не он ли указал на то место, где он обнаружил это чудесное сокровище, не он ли посоветовал ему сдвинуть камень в тот момент, когда обратился к нему, брату Фрэнсису, с пророческими словами прощания?

Молодой монах все пребывал в возбужденном состоянии и продолжал свои размышления до того самого часа, когда садившееся солнце своим кровавым светом осветило горы, когда вокруг него стали собираться плотные тени надвигающихся сумерек... Только тогда наступившая ночь вывела его из глубокой задумчивости. Вдруг он подумал, что обнаруженный им бесценный дар не обеспечит ему надежного укрытия от волков, и тут же поспешил завершить свою защитную стену. А когда над его головой взойшли звезды, он зажег свой очаг и стал срывать маленькие фиолетовые цветочки с кактусов, — составляющих его единственное пропитание, за исключением горсти сухих зерен пшеницы, ко-

которые приносил ему каждое воскресенье один из священников. Он перевел свой голодный взгляд на ящериц, спящих по камням вокруг него, — находясь здесь, он часто видел по ночам кошмарные сны гурманов.

В эту ночь, однако, голод отступил на второй план, и он старался не думать об этом. Сейчас ему больше всего на свете хотелось немедленно вскочить, броситься к аббатству, чтобы рассказать братьям о своей чудесной встрече и об этом чуде — его находке. Но об этом нельзя было и думать. Призвание или не призвание, но ему все равно предстояло находиться здесь, в пустыне, до окончания Великого поста и продолжать вести себя так, словно ничего экстраординарного не произошло.

— На этом месте когда-нибудь построят храм, — предавался мечтаньям он, сидя у огня. И вот в его воображении всплыло великолепное здание с высокими звонницами, построенное на развалинах деревни, и это здание будет видно отовсюду, километров за десять.

В конце концов он задремал, а когда неожиданно проснулся, то увидел, что в его потухшем костре тлело лишь несколько головешек. Вдруг ему почудилось, что он не один в необозримой пустыне. Напрягая глаза, он пытался разглядеть что-то в темноте ночи, и вот при последних вспышках скромного очага он увидел горящие глаза волка. Издав страшный вопль, молодой монах побежал скорее к своему убежищу, — к своему гробу из выжженных солнцем камней.

Этот его странный вопль, убеждал он себя, весь дрожа, когда укрывался в своем убежище, не являлся, если говорить откровенно, нарушением обета молчания... И он стал нежно ласкать металлическую банку, которую прижимал к сердцу, и молился за то, чтобы Великий пост поскорее закончился, как ему и полагается. А вокруг него волчьи лапы с острыми когтями скребли камни загона...

Ночами голодные волки бродили вокруг его бивуака, заполняя густую тишину ночи жуткими завываниями, постоянно напоминающими о смерти, а все дни, один за другим, монаху приходилось вступать в схватку с настоящими кошмарами, порождаемыми голодом, невыносимой жарой и ожогами от беспощадного солнца. Все эти дни брат Фрэнсис собирал хворост для очага, усердно молился и старался изо всех сил унять свое нетерпение, — когда же наступит наконец Страстная суббота, знаменующая окончание Великого поста.

Наконец, когда этот благословенный день настал, молодой монах ослабел до такой степени из-за пережитых лишений, что у него не осталось сил радоваться его приходу. Испытывая невыносимую усталость,

он сложил свои вещи в котомку, набросил на голову капюшон сутаны, чтобы уберечься от солнца, и сунул подмышку свою бесценную жестянку. Похудев на пятнадцать килограммов с первого дня поста, он отправился, пошатываясь, в путь, чтобы преодолеть пешком десять километров, отделявших его от аббатства. Окончательно выбившись из сил, он рухнул прямо у его порога; братья, которые подобрали его и окружили заботами его исхудавшее, обезвоженное тело, рассказывали, что в бреду он постоянно говорил о каком-то ангеле в джутовой власянице, называл имя Блаженного Лейбовица и пылко благодарил его за то, что тот открыл ему священные реликвии, а также «Тотализатор ипподрома».

Слух о его бреднях распространялся по общине и, конечно, достиг ушей отца-настоятеля, ответственного за поддержание в аббатстве дисциплины, который был готов немедленно позакрывать всем рты. «Ну-ка найдите его и приведите ко мне!» — приказал он тоном, от которого тут же вырастали крылья у самых медлительных.

Ожидая прихода молодого монаха, аббат мерил шагами комнату, чувствуя, как в нем закипает праведный гнев. Нет, он не против чудес, разумеется, далеко от этого. Хотя они никак не вязались с потребностями внутреннего распорядка, этот добряк-отец непреклонно верил в чудеса, ибо они, эти чудеса, составляли саму основу его христианской веры. Но он, по крайней мере, считал, что эти чудеса нужно контролировать, проверять и идентифицировать только в предписанных формах, в полном соответствии с установленными правилами. После объявления о предстоящей ботификации высокочтимого Лейбовица, этим дурачкам-монахам чудеса чудились повсюду, в каждом углу.

Такую склонность ко всему чудесному можно было понять, но от этого она не становилась менее невыносимой. Само собой, любой монашеский орден, достойный такого названия, живо заинтересован в своем вкладе в канонизацию своего основателя, для чего монахи с большим усердием собирают все необходимые для такой процедуры элементы, но ведь существуют определенные пределы! К тому же уже некоторое время аббат чувствовал, что монашеское стадо проявляло тенденцию к умалению его авторитета, и страсть молодых монахов вновь открывать и брать на учет чудеса выставляла на посмешище орден Альбертьена Лейбовица, и над этим посмеивался даже Новый Ватикан.

И вот отец-аббат решил прибегнуть к карам: отныне каждому пропагандисту новых чудес грозило строгое наказание. В случае проявления нового ложного чуда, ответственный за это монах должен будет понести наказание за свою недисциплинированность и легковерие, в слу-

чае проявления истинного чуда, подтвержденного последующими проверками, предусматривалось наказание в виде обязательного покаяния, которое совершают все те, кто имеет отношение к получению дара Божественной благодати.

В тот момент, когда молодой послушник робко постучал в двери, добрый отец, покончив со своими размышлениями, пребывал в таком настроении, которое полностью отвечало обстоятельствам, то есть в духе свирепости, которую он, правда, пытался скрыть под благодушной маской.

— Входите, сын мой, — сказал он мягким голосом.

— Вы посылали за мной, преподобный отец? — спросил послушник, который блаженно улыбнулся, увидав свою металлическую коробку у аббата на столе.

— Да, посылал, но теперь за вами никого посылать не надо, — ответил отец словно еще в нерешительности, — мне самому предстоит отныне вас искать, ведь теперь вы у нас стали такой знаменитостью.

— Ах, что вы, отец мой! — воскликнул брат Фрэнсис, покраснев до ушей и чуть не задохнувшись от неожиданности.

— Вам только семнадцать лет, но сразу видно, что вы большой глупец.

— В этом нет никакого сомнения, преподобный отец.

— Не хотите ли вы сказать, что при таких обстоятельствах по какой-то такой неразумной причине вы считаете себя достойным примкнуть к нашему Братству?

— У меня для этого нет никакой причины, преподобный отец.

— Не умножай своих заблуждений, — побагровел от гнева аббат, — твоя гордыня, оказывается, настолько велика, что это просто непрости-тельно!

— Что вы, мой отец, я всего лишь земной червь, не больше.

Аббат наградил его ледяной улыбкой и, казалось, немного успокоился, хотя все время был настороже.

— Выходит, вы готовы отречься, — продолжал он, — отказаться от всех ваших бредовых идей, которые выдвигали, когда находились в жару, ну, по поводу ангела, явившегося вам, который передал вам вот это, — он сделал презрительный жест в сторону жестянки, — ...вот эту мерзкую дрянь...

Брат Фрэнсис подскочил на месте и от страха закрыл глаза.

— Боюсь, что не смогу этого сделать, о, учитель! — едва выговорил он.

— Что не можете?

— Отрицать то, что видел собственными глазами, преподобный отец.

— Знаете ли вы, какая кара вас ожигает?

— Да, мой отец, знаю.

— Очень хорошо. Так готовьтесь к ней...

С видом отрешенного, тяжело вздохнув, послушник задрал сутану сзади до спины и возлег на стол. Вытащив из ящика стола солидную ветвь орехового дерева, отец-аббат со свистом резко опустил ее раз десять на ягодицы послушника.

После каждого удара он смиренно провозглашал: — Благодарение Господу! — давая своему мучителю понять, что из этого унижительного урока он извлекал пользу.

— Ну а теперь, — спросил аббат, опуская закатанные рукава, — вы больше расположены к отречению?

— Нет, мой отец, это не в моих силах.

Повернувшись к нему спиной, священник помолчал.

— Очень хорошо, — продолжил он все в том же зловещем тоне. — Можете идти! Однако, не надейтесь на то, что примете свои торжественные обеты монаха в этом году. Как, впрочем, и во все последующие...

Брат Фрэнсис, обливаясь слезами, вернулся в свою келью. Вот другие послушники получают вскоре монашеские одежды, а ему придется ждать еще целый год и провести вновь Великий пост в пустыне, среди волков, и ждать там своего призвания, которое ему уже было ниспослано, и он в этом был полностью убежден.

В течение последующих недель несчастный послушник утешался тем, что «эта мерзкая дрянь», как настоятель назвал содержимое его банки, таковой вовсе не была. Его археологические реликвии вызвали живой интерес среди братьев, которые теперь уделяли много времени обработке и классификации найденных предметов, они же в равной степени пытались реставрировать все письменные документы и понять скрытый в них смысл. В общине пробежал слухок, что брат Фрэнсис на самом деле нашел подлинные реликвии блаженного Лейбовица, в частности, в виде плана, или «синьки», на котором стояло его имя и были видны какие-то коричневые пятна. Может быть, это пятна крови самого Лейбовица? Вполне может быть. А аббат считал, что это пятна от яблочного сока. В любом случае план был датирован Годом Милосердия — 1956, то есть тем годом, когда жил почтенный основатель Ордена.

О самом Блаженном было известно очень мало; его биография терялась в тумане прошлого, который еще больше запутывал легенду. Утверждалось только одно: Бог, чтобы испытать род человеческий, отдал приказ тогдашним ученым, среди которых находился и блаженный Лей-

бовиц, усовершенствовать некоторое дьявольское оружие, с помощью которого Человек за несколько недель уничтожит основы нашей цивилизации и вместе с этим за один раз отправит на тот свет громадное количество себе подобных. Речь шла об Огненном потоке, за которым последовали различные бедствия, чума и мор, а человеческая коллективная глупость, наконец, привела к наступлению Века упрощения. В ходе этой последней эпохи последние представители рода человеческого, объятые мстительной яростью, разорвали на куски всех политиков, техников и ученых; кроме того, они предали огню все хранившиеся в архивах труды и документы, которые могли бы позволить людям вновь пойти по пути научного уничтожения. В это же время преследовались с невиданной прежде ненавистью все написанное на бумаге, все образованные люди, причем до такой степени, что слово «простак» в конце концов превратилось в синоним человека, цельного, честного и добродетельного.

Чтобы избежать законного гнева простаков, множество ученых, эрудитов искали надежного убежища в лоне нашей Матери-церкви. Она на самом деле их приняла, передела в монашеские одежды и предпринимала попытки не допустить их преследований со стороны черни. Но такие действия не всегда венчались успехом, так как некоторые монастыри были захвачены, их архивы и священные тексты сожжены, а всех, кто там скрывался, вздергивали на виселицах. Что касается самого Лейбовица, то он нашел убежище у Цистерцианцев. После рукоположения он стал священником и через двенадцать лет получил разрешение основать новый монашеский орден, орден «альбертинцев», в честь Альберта Великого, учителя великого святого Фомы Аквинского и патрона всех ученых. Вновь созданная конгрегация должна была посвятить свою деятельность сохранению культуры, как церковной, так и мирской, а ее члены якобы получали главное задание — передать будущим поколениям раритетные книги и документы, которые уцелели от огня и которые они тайком собирали со всех концов света. В конечном итоге некоторые из простаков опознали в Лейбовице древнего ученого, и он принял мученичество через повешение... Но, несмотря на это, основанный им орден продолжал свою деятельность, а так как вновь было разрешено владеть письменными документами, его члены принялись восстанавливать по памяти многочисленные работы прошлого. Однако память у этих летописцев была сильно ограниченной (к тому же очень немногие из их числа обладали такими обширными знаниями, чтобы разбираться в физических науках), поэтому братья-копиисты посвящали свои самые напряженные усилия переписке священных текстов, как и работ, посвященных беллетрис-

тике и социальным вопросам. Таким образом, из громадного кладезя человеческих знаний сохранилась лишь жалкая коллекция небольших трактатов-манускриптов. После шести веков мрачного обскурантизма монахи продолжали изучать и переписывать свой скудный «урожай». Они ждали... Разумеется, большая часть спасенных текстов не давала им абсолютно никакой пользы, не говоря уже о том, что некоторые оставались для них за семью печатями. Но добрым монахам было вполне достаточно осознавать, что в их руках находились Знания, и они сумеют их сохранить и передать другим, как их призывал их долг, даже если всеобщий обскурантизм продлится еще десять тысяч лет...

На следующий год брат Фрэнсис Джерард из штата Юта пришел в пустыню, где вновь в полном одиночестве приступил к соблюдению поста. Снова вернулся он в монастырь, ослабевший и сильно исхудавший, и вновь его привели к отцу-настоятелю, который поинтересовался, решился ли он, наконец, отказаться от своих прямо-таки экстравагантных заявлений.

— Не могу, отец мой, — повторял он, — я не могу отрицать того, что видел собственными глазами.

Вновь аббат покарал упряма, как того требует Христос, вновь перенес принятие монашеских обетов на более позднюю дату...

Тем временем документы, лежавшие в жестянке, передали для изучения в семинарию, сняв с них предварительно копии. Брат Фрэнсис по-прежнему был простым послушником, который продолжал мечтать о своем великолепном сокровище, о том, что когда-нибудь на месте этой удивительной находки воздвигнут замечательный храм.

— Какое дьвольское упрямство! — негодовал аббат.

Если этот паломник на самом деле шел к нашему аббатству, как заверяет этот идиот, то почему же его здесь никто не видел? Да, паломник в джутовой власянице, на самом деле! Тем не менее эта история с джутовой власяницей не давала покоя аббату. По преданию, когда вешали блаженного Лейбовица, ему на голову накинули джутовый мешок, вместо капюшона.

Брат Фрэнсис семь лет оставался послушником, и семь лет проводил Великий пост в пустыне. Постепенно он выучился подражать завываниям волков, и ему в голову пришла мысль немного позабавиться, — в безлунные ночи призывать волчью стаю под стены аббатства. Днем он с удовольствием работал на кухне, драил каменные плиты полов в монастыре, и в то же время продолжал изучать древних авторов. В один прекрасный день из семинарии верхом на осле в аббатство приехал гонец, привезший весть, несказанно обрадовавшую всех.

— Теперь нет никаких сомнений, — известил он, — что найденные неподалеку документы отвечают указанной на них дате, а план, в частности, определенным образом связан с карьерой вашего блаженного основателя. Его отослали в Новый Ватикан, где его подвергнут более глубокому изучению.

— Выходит, — перебил его аббат, — речь на самом деле может идти о подлинной реликвии Лейбовица?

Но посланец, явно не желавший брать на себя ответственность, в ответ лишь пожал плечами.

— Сообщают, что во время рукоположения Лейбовиц был уже вдовцом, — уклонился он от прямого ответа. — Вот если бы удалось установить имя его покойной супруги...

Аббат неожиданно вспомнил о маленькой записке, в которой упоминалось чье-то женское имя, пожал в свою очередь плечами.

Тут же послали за братом Фрэнсисом.

— Дитя мое, — начал он с сияющей физиономией, — кажется, для вас наступил торжественный момент принятия пострига. Да позволено мне будет по такому случаю поздравить вас за терпение и твердость, которые вы неколебимо проявляли. Само собой разумеется, мы больше никогда не будем говорить о вашем... гм... о вашей встрече с... гм... с пустынноиком. Вы — хоть и простак, но добрый малый, и можете опуститься на колени, если хотите получить мой благословение.

Брат Фрэнсис глубоко вздохнул и от избытка чувств упал в обморок, Аббат, благословил его и позволил произнести вечные обеты: бедность, душевная чистота, послушание и соблюдение устава.

Через некоторое время монах-новобранец Ордена братьев-альбертинцев Лейбовица был препровожден в комнату переписчиков, где под наблюдением старого монаха по имени Хорнер стал старательно украшать страницы трактата по алгебре красивыми миниатюрами, на которых изображал оливковые веточки и херувимчиков с раздутыми щеками.

— Если пожелаете, — сказал ему старик Хорнер своим дребезжащим голосом, — можете уделять по пять часов еженедельно занятиям по своему выбору, разумеется, если такой ваш выбор получит одобрение у начальства. В противном случае вам придется посвящать свое свободное время факультативному труду, — будете переписывать «Сумму теологии» (вероятно, имеется в виду трактат Фомы Аквинского. — *Прим. авт.*) и фрагменты «Энциклопедии Британника», которые дошли до нашего времени.

Подумав над предложением, молодой монах спросил:

— Нельзя ли посвятить эти мои часы составлению очень красивой копии плана Лейбовица?

— Не знаю, дитя мое, — отметил брат Хорнер, нахмурившись. — По этому поводу наш превосходный отец-настоятель проявляет некоторые колебания, вы же знаете. В конце концов, — сказал он молодому переписчику, с мольбой в глазах взирающему на него, — лично я не против, ведь этот труд не отнимет у вас много времени.

Брат Фрэнсис раздобыл самый лучший пергамент и несколько недель скоблил его, полировал плоским камнем, покуда не добился прямо-таки белоснежного сияния. Потом еще несколько недель он посвящал изучению копий драгоценного документа, покуда не знал назубок каждую черточку, каждое таинственное пересечение геометрических линий и непонятных символов. Наконец, он почувствовал, что способен с закрытыми глазами воспроизвести все поразительные хитросплетения документа. Потом он провел еще несколько недель, роясь на полках монастырской библиотеки в поисках таких документов, которые могли бы пролить пусть и не яркий свет на скрытое значение этого поразительного плана.

Брат Джерис, молодой монах, тоже работавший в комнате для переписчиков, который не раз насмеялся над ним и вышучивал его чудесные явления в пустыне, застал его однажды за этой работой.

— Нельзя ли у вас узнать, — сказал он, заглядывая ему через плечо, — что означает такая надпись — «Механизм транзисторного контроля для элемента 6-Б»?

— Ясно, что это название предмета, который изображен на этой схеме, — несколько сухим тоном ответил брат Фрэнсис, недовольный тем, что брат Джерис слишком громко, так, чтобы слышали все, прочитал заглавие на документе.

— Несомненно, а что же это за схема? Что она собой представляет?

— Ну... механизм транзисторного контроля для элемента 6-Б, разумеется!

Брат Джерис расхохотался, а молодой писец густо покраснел.

— Мне кажется, — продолжал он, — что эта схема на самом деле представляет собой какую-то абстрактную концепцию. По моему, этот «Механизм транзисторного контроля» — какая-то трансцендентальная абстракция.

— И к какой области знания вы относите вашу абстракцию? — осведомился Джерис в том же саркастическом тоне.

— Ну, видите ли, — брат Фрэнсис заколебался на мгновение, потом продолжал: — Учитывая те работы, которыми занимался блаженный Лейбовиц до принятия монашеского сана, я сказал бы, что понятие, о котором здесь идет речь, касается утраченного ныне искусства, которое когда-то называли электроникой.

— Да, такое название на самом деле встречается в рукописях, переданных нам. Но что оно реально обозначает?

— Сами тексты нам объясняют это: предмет электроники — это использование электрона, который одна из имеющихся у нас рукописей, к сожалению, весьма фрагментарных, определяет как вращение отрицательно заряженного Ничто. (Точное определение проф. Леона Бриллиуина, принятое затем Нобелевским лауреатом Робертом Эндрю Милликаном. Вне контекста оно непонятно, вне всей сложной структуры современной физики. — *Прим. авт.*)

— Ваша проницательность производит на меня большое впечатление, — с наигранным восхищением произнес Джерис. — Нельзя ли еще спросить, — что, по вашему, отрицание Ничто?

Брат Фрэнсис, еще больше зардевшись, стал путаться.

— Отрицательное вращение Ничто, — продолжал безжалостный Джерикс, — должно в конечном итоге привести к чему-то положительному. Хочется думать, брат Фрэнсис, что вам удастся выявить для нас это кое-что, стоит вам приложить для этого все свои усилия. Никто не сомневается, что, благодаря вам, мы в конце концов получим этот знаменитый Электрон. Но что нам с ним делать? Куда мы его определим? Может быть, отнесем на главный алтарь?

— Не знаю, — ответил Фрэнсис, явно нервничая. — Не знаю, чем был Электрон и для чего он служил. Я лишь глубоко убежден, что такая вещь должна была существовать в какую-то эпоху. Вот и все!

С издевательским смешком Джерис-иконоборец отошел от брата Фрэнсиса, вернулся к своей работе. Этот инцидент, конечно, опечалил брата Фрэнсиса, но не заставил его отказаться от давно вынашиваемого плана. Усвоив кое-какие научные сведения, которые ему удалось раздобыть в монастырской библиотеке, в отношении того утраченного искусства, в котором когда-то блистал Лейбовиц, он вчерне набросал несколько предварительных проектов того плана, который он намеревался воспроизвести на своем пергаменте. Хотя он не мог проникнуть в скрытый смысл этой схемы, он, несомненно, постарается, чтобы воспроизвести ее в таком виде, в каком она представлена в оригинале. Для нее он будет

пользоваться черными чернилами, а разноцветными — для создания фантастических декоративных фигурок, а также для воспроизведения цифр и легенд плана. Он решил не допускать на своей копии строгости и геометрической монотонности оригинала, украсить ее голубками, херувимами, зелеными ветками виноградной лозы, золотистыми плодами и разноцветными птичками, даже искусно выполненным змеем. Вверху своей работы он поместит символическое изображение Святой Троицы, а внизу, для симметрии, рисунок кольчуги — эмблемы Ордена. Механизм транзисторного контроля блаженного Лейбовица будет настолько им возвеличен, как ему и полагается, и его тайный смысл будет бросаться в глаза, достигая ума и проникать в сердце.

Когда он закончил свой первый эскиз, он представил его смиренно на суд брата Хорнера.

— Я вижу, — сказал старый монах, в голосе которого чувствовались нотки раскаяния, — что эта работа отнимет у вас гораздо больше времени, чем я предполагал. Но это не столь важно. Продолжайте в том же духе. Рисунок красив, действительно очень красив...

— Спасибо за добрые слова, брат мой!

— Мне стало известно, — доверительно продолжал брат Хорнер, — что принято решение о необходимости поскорее покончить со всеми формальностями, препятствующими канонизации блаженного Лейбовица. Вполне вероятно, что наш преподобный отец не столь обеспокоен тем, что вы знаете.

Конечно, все были в курсе этой важной новости.

Причисление Лейбовица к лику святых было давно решенным делом, но последние формальности грозили отложить это событие еще на несколько лет. Кроме того, всегда были основания опасаться, как бы Адвокат Дьявола не отыскал какую-то причину, чтобы сделать предполагаемую канонизацию невозможной.

Через несколько долгих месяцев брат Фрэнсис наконец принялся за работу над своим прекрасным пергаментом, любовно выводя арабески, сложные завитки и элегантные миниатюры в окружении золотых лепестков. Это на самом деле была кропотливая, долгая работа, работа, которая, может быть, потребует нескольких лет, чтобы довести ее до конца. Глаза копииста, вполне естественно, испытывали сильнейшее напряжение, и ему порой приходилось прерывать свой труд на несколько недель, ибо он сильно опасался, как бы оплошность, вызванная усталостью, не испортила бы всего. Мало-помалу его произведение обретало нужную форму и являло собой такую великую красоту, что все монахи толпились

вокруг, с восхищением разглядывая его. Только скептик Джерис продолжал критиковать Фрэнсиса.

— Я часто задаю себе вопрос, — говорил он, — почему бы вам не заняться более полезной работой?

Такой полезной работой он считал, конечно, свою, — он делал абажуры из раскрашенного пергамента для масляных ламп в часовне.

Тем временем старый брат Хорнер захворал и стал таять прямо на глазах. В первые дни Нового года братья отслужили по нему заупокойную мессу и предали его прах земле. Аббат назначил брата Джериса преемником покойного, и теперь он должен был осуществлять надзор за работой переписчиков. Этот завистник, воспользовавшись этим, тут же велел брату Фрэнсису прекратить работу над своим шедевром. — Давно пора покончить с этим ребячеством, — говорил он ему. — Теперь займетесь изготовлением абажуров.

Брат Фрэнсис, спрятав плод своих бдений в надежном месте, не стал спорить и повиновался. Раскрашивая абажуры, он утешал себя тем, что все мы смертны... Несомненно, когда-нибудь душа брата Джериса отправится в рай, где присоединится к душе брата Хорнера, — ведь комната для переписчиков, в конце концов, была лишь прихожей перед Дорогой в вечность. Вообще, если будет угодно Богу, он позволит ему когда-нибудь выннуться к своей прерванной работе, — к созданию своего шедевра.

Однако божественное Провидение взяло это дело в свои руки задолго до кончины брата Джериса. Следующим летом епископ, восседавший верхом на муле, в сопровождении большой свиты церковников подъехал к дверям монастыря. Новый Ватикан, сообщил он им, поручил ему быть адвокатом канонизации Лейбовица, и он прибыл, чтобы получить у отца-аббата все сведения, могущие помочь ему в исполнении этой миссии, в частности, он хотел бы получить разъяснения по поводу земного явления блаженного, которым он удостоил некоего брата по имени Фрэнсис Джерард из штата Юта.

Как и следовало ожидать, посланцу Нового Ватикана был устроен горячий прием. Его поселили в апартаментах, предназначенных для проезжающих прелатов, и приставили к нему шестерых молодых монахов для удовлетворения всех его малейших прихотей. Для него откупорили бутылки лучшего вина, зажарили самых нежных птиц и даже позаботились о его развлечениях, каждый вечер нанимая для него нескольких скрипачей и целую группу клоунов.

Только на третий день пребывания прелатов в монастыре добрый аббат велел брату Фрэнсису предстать перед ним.

— Монсеньор Ди Симоне желает вас видеть, — сказал он. — Но если только вы осмелитесь перед ним дать волю своему воображению, то мы сделаем из ваших жил струны для скрипки, выбросим ваше тело на растерзание волкам, а косточки похороним в неосвященной земле... Теперь, сын мой, ступайте с миром, его преосвященство ждет вас.

Брат Фрэнсис вовсе не нуждался в предостережении доброго отца держать язык за зубами. С того далекого дня, когда он вернулся из пустыни после своего первого Великого поста, и в лихорадке, в бреду проговорился, он всячески остерегался, чтобы не сказать ни слова ни одной живой душе о своей встрече с паломником. Но он очень обеспокоился, когда узнал, что высшие церковные власти вдруг заинтересовались тем самым паломником, и, когда он предстал перед епископом, его сердце бешено колотилось в груди.

Однако напрасно он дрожал от страха. Прелат, довольно старый человек, разговаривал с ним, словно отец родной, и судя по всему, его не интересовало ничего, кроме карьеры молодого монаха.

— А теперь — сказал он после нескольких минут любезной беседы, — расскажите мне о вашей встрече с блаженным основателем.

— Ах, ваше преосвященство! Я никогда не говорил, что это был блаженный Лейбо...

— Разумеется, сын мой, разумеется... Вот протокол этого явления. Он был составлен на основе сведений, полученных из самых надежных источников. Я вас прошу только прочитать его, подтвердить его точность или исправить то, что вы сочтете необходимым. Этот документ, конечно, отражает лишь слухи. В действительности только вы, только вы один можете рассказать нам, что же произошло на самом деле. Посему прошу вас читать его очень и очень внимательно.

Брат Фрэнсис взял толстую кипу бумаг из рук прелата и принялся внимательно просматривать официальный документ. Охвативший его страх превращался в ледящий душу ужас.

— Вы изменились в лице, сын мой, — заметил епископ, — Вы нашли какую-то ошибку?

— Но... нет... не совсем так... все происходило совершенно не так! — воскликнул монах в отчаянии. — Я видел его один-единственный раз, и он только опросил указать ему дорогу в аббатство. Потом он ударил своим посохом по камню, под которым я и обнаружил реликвии...

— Выходит, никакого небесного хора голосов не было? Я вас правильно понял?

— Да нет!

— Ни нимба над головой, ни ковра из роз, развертывавшегося у него под ногами?

— Клянусь перед Богом, который лицезрит сейчас меня, ваше преосвященство, ничего такого не было!

— Хорошо, хорошо, — сказал епископ, вздохнув. — В историях путешественников всегда есть преувеличения, я знаю...

Судя по всему, он был разочарован ответами брата Фрэнсиса, и тот хотел уже было извиниться за это перед ним, но адвокат будущего святого жестом остановил его.

— Ничего, ничего, сын мой. Слава богу, у нас нет недостатка в чудесах, должным образом контролируемых, разумеется. Во всяком случае обнаруженные вами бумаги принесли свою пользу уже потому, что помогли нам установить имя супруги вашего блаженного основателя, которая, как вам известно, умерла до того, как он принял монашество.

— На самом деле, ваше преосвященство?

— Да, ее звали Эмилия.

Понимая, что его ожидания, связанные с рассказом молодого монаха, не оправдались, монсеньор Ди Симоне отправился на то место, где Фрэнсис нашел эту железную банку, и провел там целых пять дней. Его сопровождала целая когорта молодых послушников с лопатами и кирками. Перекопав там немало земли, епископ с помощниками вернулся в аббатство на пятый день вечером с богатой добычей разных реликвий, среди которых была старая алюминиевая банка с остатками засохшей массы, которая, возможно, когда-то была кислой капустой.

Перед тем как покинуть аббатство, епископ посетил комнату копий, где пожелал увидеть репродукцию знаменитой «синьки» Лейбовица, сделанную братом Фрэнсисом. Монах, протягивая свой шедевр дрожащей рукой, уверял прелата, что это всего лишь жалкая мазня, не стоящая его высокого внимания.

— Боже! — воскликнул пораженный епископ. — Нужно довести эту работу до конца, сын мой, непременно!

Довольно улыбаясь, монах искал взглядом брата Джериса, но тот поспешил отвернуться.... На следующий день брат Фрэнсис снова принялся за работу, запасшись большим количеством гусиных перьев, золотых листков и разных кистей.

Он продолжал усердно трудиться, когда вдруг новая депутация из Ватикана пожаловала в монастырь. На сей раз это была большая группа, даже с вооруженной охраной, чтобы отбивать нападения бандитов с большой дороги. Во главе ее верхом на черном муле с гордым видом де-

филировал прелат. На его голове торчали маленькие рожки, а изо рта высовывались длинные клыки. (Во всяком случае, так утверждали потом многие послушники.) Он представился Адвокатом Дьявола, имеющим поручение противиться всеми средствами канонизации Лейбовица. Он сообщил, что прибыл в аббатство для расследования определенных абсурдных слухов, распространяемых склонными к истерике монахами и дошедших до высших властей Нового Ватикана. Достаточно было лишь взглянуть на этого эмиссара, чтобы понять, — ему-то как раз и не следует обо всем рассказывать.

Аббат принял его тем не менее вежливо и предложил небольшую цельнометаллическую кушетку, установленную в келье с окнами на юг, извинившись за то, что не может поселить его в апартаментах для почетных гостей, которые, увы, временно непригодны для жилья по гигиеническим соображениям. Новый гость довольствовался обслуживанием людей из своей свиты, а в трапезной разделял с монахами их обычную пищу, — вареные травы и бульон из кореньев.

— Мне стало известно, что вы были подвержены нервным приступам, сопровождавшимся потерей сознания, — сказал он представшему перед ним брату Фрэнсису. — Сколько сумасшедших и эпилептиков насчитывается среди ваших предков и близких родственников?

— Ни единого, ваше преподобие.

— Не смейте называть меня преподобием! — прорычал церковный сановник. — И имейте в виду, — я без особого труда извлеку из вас всю правду!

Он сказал «извлеку», словно речь шла о банальной хирургической операции, которая, по его мнению, практиковалась с незапамятных времен.

— Вы наверняка знаете, — продолжал он, — что существуют способы, позволяющие искусственно придавать документам старинный, ветхий вид.

Брат Фрэнсис не знал об этом.

— Равным образом вам известно, что жена Лейбовица звалась Эмилией, и что Эмма — *отнюдь* не уменьшительное от этого имени, не так ли?

Брат Фрэнсис не был осведомлен об этом. Он только вспоминал, что его родители, когда он был ребенком, порой несколько легкомысленно придумывали уменьшительные имена... «И потом, — говорил он себе, — если блаженный Лейбовиц, да благословит его Бог, решил называть свою жену Эммой, то, вероятно, знал, что делал...»

И тут посланец Нового Ватикана принялся читать ему курс семантики, войдя при этом в такой яростный раж, что несчастный чуть не лишился рассудка. После такого грозового сеанса он стал и сам сомневаться, видел ли он на самом деле этого пилигрима или не видел?

Перед отъездом Адвокат Дьявола тоже захотел увидеть разукрашенную копию, сделанную Фрэнсисом, и этот несчастный монах принес ее, холодея от страха. Некоторое время прелат был явно ошарашен, но затем, взяв себя в руки, он с трудом произнес несколько слов:

— У вас и впрямь богатое воображение, — признал он. — Но, я думаю, что здесь давно всем об этом было известно.

Рожки на голове эмиссара уменьшились на несколько сантиметров, и он в тот же вечер уехал в Новый Ватикан.

Шли годы, добавляя морщин на лицах и седых волос на висках монахов. В монастыре жизнь шла своим чередом, и монахи, как и прежде, с головой погружались в свои копии. В один прекрасный день брату Джериксу пришла в голову идея сделать печатный станок. Когда аббат спросил у него, зачем это нужно, он ответил:

— Чтобы увеличить продукцию.

— Ах вот оно что! — удивился отец-аббат. — А для чего, по-вашему, нужны ваши бумажки в мире, где все счастливы оттого, что не умеют читать? Может, вы собираетесь продавать их крестьянам на растопку?

Оскорбленный такими словами брат Джерикс только недоуменно пожал плечами. Монастырские переписчики так и продолжали скрипеть своими гусиными перьями...

Наконец, одним весенним утром, назадолго до Великого поста, в монастырь прибыл новый посланец с превосходной вестью: досье для канонизации Лейбовица полностью собрано, вскоре соберется Священная Коллегия и основатель альбертинцев будет внесен в календарь святых.

Все братство радовалось, а отец-аббат, теперь сильно постаревший и изрядно выживший из ума, велел позвать брата Фрэнсиса.

— Его Святейшество требует вашего присутствия на празднествах, посвященных канонизации Исаака Эдварда Лейбовица, — прошамкал он. — Готовьтесь к отъезду. — И добавил ворчливым тоном:

— Если вы намерены упасть в обморок, то извольте это сделать в другом месте!

Путешествие молодого монаха в Новый Ватикан могло занять месяца три, если не больше, — все зависело от расстояния, которое он успеет

покрыть до того, как грабители с большой дороги неизбежно отнимут у него осла.

Он отправился в путь один, без оружия, лишь с одной деревянной кружкой для сбора подаяния. Он прижимал к сердцу разукрашенную копию плана Лейбовица и всю дорогу молил Бога, чтобы ее не отобрали у него воры. С другой стороны, — утешал он себя, грабители — люди невежественные, и попади она к ним в руки, они не знали бы, что с ней делать.

Все же из предосторожности монах прикрепил кусок черной тряпки на правый глаз: крестьяне — люди суеверные, и одной угрозы «дурного глаза» было порой достаточно, чтобы обратить их в бегство.

После двух месяцев и нескольких дней пути брат Фрэнсис встретил «своего» грабителя на горной тропинке в густом лесу, вдали от всякого жилья. Это был человек маленького роста, но, видимо, крепкий, как бык. Расставив широко ноги, скрестив руки на груди, он стоял поперек тропинки, ожидая монаха, который медленно и тихо приближался к нему на своем осле. У грабителя, казалось, не было никакого оружия, кроме ножа, который он даже не вытащил из-за пояса.

Эта встреча вызвала у монаха глубокое разочарование: на всем своем долгом пути он в глубине сердца не переставал надеяться на встречу с давешним паломником.

— Стой! — приказал грабитель.

Осел остановился сам. Брат Фрэнсис откинул капюшон, чтобы продемонстрировать черную повязку на глазу, и медленно стал подносить к ней руку, чтобы вот-вот удивить этого крепыша каким-то ужасным зрелищем, которое скрывалось под черной материей. Грабитель, закинув голову, разразился зловещим, просто сатанинским смехом. Монах поспешил пробормотать заклинание, но на грабителя, судя по всему, это не произвело абсолютно никакого эффекта.

— Этот трюк на меня не действует вот уже несколько лет, — сказал он. — Ну-ка, слезай, да поживее!

Брат Фрэнсис, пожав плечами, улыбнулся и без всяких возражений слез с осла.

— Желаю вам здоровья, сударь, — любезно сказал он. — Можете взять осла, мне полезно пройтись пешком.

Он уже сделал несколько шагов, как грабитель загородил ему дорогу.

— погоди! — крикнул он. — Разденься-ка догола да покажи, что там у тебя с собой?

Монах показал ему свою кружку для подаяний с извиняющимся видом, но тот снова расхохотался.

— Все эти проделки с бедностью мне изрядно надоели! — заверил он свою жертву саркастическим тоном. — У последнего нищего, которого я остановил тут, в сапоге оказалась сотня золотых. Так что раздевайся, да поскорее!

Когда монах снял с себя одежду, грабитель деловито обшарил ее и, ничего в ней не обнаружив, вернул владельцу.

— А теперь посмотрим, что в этом пакете!

— Это лишь документ, сударь, — запротестовал монах, — документ, не имеющий никакой ценности ни для кого, кроме его владельца.

— Открывай пакет, тебе говорят!

Не говоря ни слова, брат Фрэнсис повиновался, и разукрашенный миниатюрами пергамент засверкал на солнце.

Грабитель присвистнул от восхищения.

— Красота! Как будет довольна моя жена, когда повесит это в нашей хибаре!

Услыхав такие слова, бедный монах почувствовал, как у него упало сердце, и он забормотал едва слышно молитву: — Если Ты послал его, чтобы испытать меня, о, Господи, — молю тебя от всей души, — награди меня смелостью, чтобы умереть, как мужчина, ибо сказано, — тот, кто отнимет у меня сие, отнимет только у трупа Твоего недостойного слуги!»

— Заверни! — приказал разбойник, уже принявший решение.

— Прошу вас, сударь, — застонал брат Фрэнсис, — надеюсь, вы не захотите лишить бедного человека вещи, на изготовление которой он затратил всю свою жизнь? Я украшал эту рукопись пятнадцать лет и...

— Что-что? — прервал его грабитель. — Ты сделал это сам?

И он дико загоготал.

— Не вижу в этом ничего смешного, сударь, — сказал монах, чуть покраснев.

— Пятнадцать лет! — восклицал грабитель, когда ему это позволяли взрывы хохота, — пятнадцать лет! Но зачем, я спрашиваю тебя? Ради куска бумаги затратить пятнадцать лет жизни! Ха-ха-ха!

Схватив обеими руками разукрашенный лист, он хотел было разорвать его, но брат Фрэнсис упал перед ним на колени на тропе.

— Иисус, Мария, Иосиф! — закричал он. — Заклинаю вас, сударь, во имя Неба!

Грабитель, казалось, был немного польщен. Бросив пергамент на землю, он со злобной усмешкой спросил:

— Готов ли ты драться за этот клочок бумаги?

— Если вы того желаете, сударь. Я сделаю все, что вы хотите.

Оба изготовились к схватке. Монах быстро перекрестился и призвал на помощь Небеса, он в эту минуту вспомнил, что борьба когда-то была спортом, дозволенным Богом, и ринулся в бой...

Через несколько секунд он лежал на острых камнях, которые больно впивались ему в спину, придушенный этой горой твердых мускулов.

— Ну вот, поделом! — самодовольно сказал грабитель и взял пергамент.

Монах ползал перед ним на коленях, молитвенно сложив руки, оглашая окрестности своей отчаянной мольбой.

— Готов побиться об заклад, — издевался над монахом разбойник, — ты готов, если я потребую, поцеловать мне сапоги, чтобы я вернул тебе твою икону!

Ничего не ответив, брат Фрэнсис одним прыжком оказался у его ног и стал с жаром целовать пыльные сапоги победителя.

Это было уж слишком даже для такого закоренелого негодяя. Осыпая монаха проклятиями, грабитель бросил пергамент на землю, а сам, вскочив на осла, поскакал прочь...

Тут ж Фрэнсис подбежал к своему документу, подобрал его и легкой рысцей побежал за грабителем, призывая на его голову все благословения Неба и благодаря Господа за то, что Он создал таких бескорыстных разбойников...

Когда грабитель исчез за деревьями, монах с грустью подумал, зачем он и в самом деле посвятил пятнадцать лет жизни этому куску пергамента? Слова грабителя все звучали у него в ушах: «Зачем, я тебя спрашиваю!» Да и в самом деле, — зачем, по какой причине?

Брат Фрэнсис снова пустился в путь пешком, задумавшись, склонив голову в наброшенном капюшоне... В какой-то тягостный момент ему даже пришла в голову мысль бросить документ в кусты при дороге и пусть он мокнет там под дождем... Но ведь отец-аббат поручил ему доставить пергамент властям Нового Ватикана и передать его им в качестве подарка. Как же приехать туда с пустыми руками? И, немного успокоившись, он продолжил свой путь.

Час настал. Затерянный в огромной, величественной базилике, брат Фрэнсис погрузился в очаровательную магию красок и звуков. Когда прозвучали слова о святом и непогрешимом духе, символе всякого совершенства, поднялся один из епископов. Это был преосвященный монсеньор Ди Симоне, как заметил монах, — который обратил свою молит-

ву к святому Петру, прося его высказаться через уста Его святейшества Льва ХХII. Вместе с этим он повелел всем присутствующим старательно внимать торжественным словам, которые вот-вот послышатся в храме.

В этот момент Папа встал и тихо провозгласил, что ныне и присно Исаак Эдвард Лейбовиц является святым.

Все свершилось. Теперь безвестный техник прошлых времен становился частью небесной фаланги. Брат Фрэнсис немедленно обратил свою молитву к своему патрону, а хор запел «Te Deum».

Через несколько минут святейший понтифик довольно живым, бойким шагом вошел в зал для аудиенций, и его появление так удивило нашего маленького монаха, что он на мгновение лишился речи. Поспешно опустившись на колени, чтобы получить благословение Святого отца и облобызать кольцо Грешника, он затем неловко поднялся, — ему мешал прекрасный разукрашенный пергамент, который он держал сзади за спиной.

— Наш сын доставил нам подарок? — спросил он.

У монаха запершило в горле, он с глупым видом мотал головой, куда, наконец, не протянул ему свою рукопись. Викарий Христа долго молча с непроницаемым лицом разглядывал ее.

— Ничего особенного, — бормотал брат Фрэнсис, чувствуя, как молчание Папы все более угнетающе действовало на него, — жалкая вещица, убогий подарок. Мне даже стыдно, что я провел столько времени за...

Он остановился, не в силах продолжать, — волнение душило его. Но Папа, казалось, его не слышал.

— Понимаете ли вы, сын мой, значение символов, используемых святым Исааком? — спросил он монаха с любопытством рассматривая таинственные хитросплетения плана.

Брат Фрэнсис, чувствуя, что он не в силах ответить, лишь отрицательно покачал головой.

— Каким бы ни было значение... — начал Папа вновь, но вдруг прервал самого себя, стал говорить совершенно о другом. Если монаху оказали честь, принимая его здесь, объяснял он Фрэнсису, то, конечно, не потому, что церковные власти официально выражают какое-то мнение относительно паломника, которого видел один он... Брата Фрэнсиса принимали так, потому что хотели вознаградить его за то, что он нашел важные документы и священные реликвии. Должным образом была оценена обнаруженная им находка, без учета тех обстоятельств, при которых это произошло.

Монах забормотал слова благодарности, а святейший понтифик вновь погрузился в сосредоточенное созерцание такой красиво разукрашенной миниатюрами схемы.

— Каким бы ни было значение, — повторил он, наконец, — этот осколок знания, ныне мертвый, в один прекрасный день оживет.

Улыбаясь, он подмигнул монаху:

— И мы будем бдительно хранить его до этого счастливого дня, — заключил он.

Только теперь брат Фрэнсис заметил в белой сутане Папы дыру, да и все его облачение было слишком потрепано. Ковер в зале для аудиенций тоже был основательно потерт во многих местах, а с потолка кусками осыпалась штукатурка, разлетаясь на мелкие крошки на полу.

Но на полках, стоявших вдоль стен, лежали книги, книги, украшенные восхитительными миниатюрными рисунками, книги, в которых описывались непонятные им вещи, книги, которые терпеливо переписывали люди, задача которых состояла не в том, чтобы понять, а в том, чтобы непременно сохранить, сохранить.

И эти книги ожидали своего часа.

— До свидания, возлюбленный сын мой.

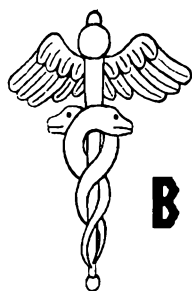
Скромный хранитель очага знаний отправился пешком назад, в свое далекое аббатство.

Когда он подходил к тем местам, в которых свирепствовал этот крепко-разбойник, он вдруг почувствовал, весь задрожал от радости. Если бы грабитель в это время отдыхал, то маленький монах посидел бы здесь, ожидая его возвращения к работе. Теперь он знал, что ответит ему на его вопрос «Зачем?».

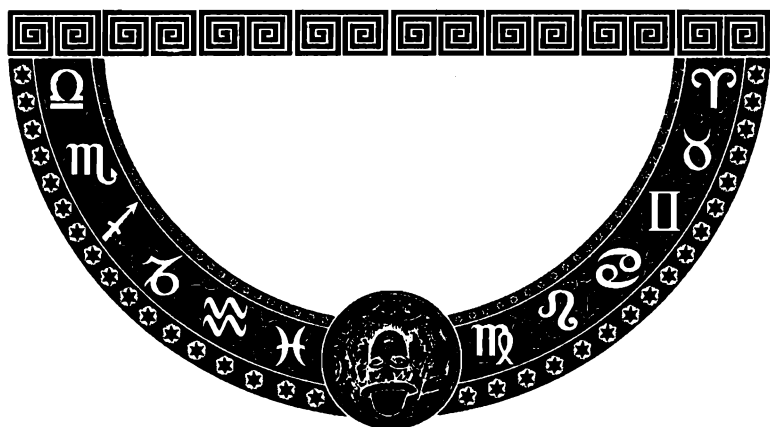

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

**Несколько лет
в абсолютно ином**

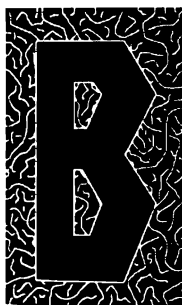

Глава I

ШУМ ПРИБОЯ БУДУЩЕГО

Все шарики в одной корзине. — Отчаяние историка. — Два любителя необычного. — В глубинах озера Дьявола. — Антифашизм, рождающий ветер. — Мы с Бержсье перед громадностью странного. — Троя тоже когда-то была легендой. — История запаздывает. — От банального видимого к фантастическому невидимому. — Апология скарабея. — Можно слышать прибой будущего. — Существует лишь механический холод

о время нацистской оккупации Парижа в Латинском квартале жил один старый оригинал, который одевался, как буржуа XVII века, не читал ничего другого, кроме Сен-Симона, обедал при свечах и играл в кости. Он редко выходил из дома, — только к бакалейщику и булочнику, — в капюшоне, накинутом на напудренный парик, в панталонах, из-под которых виднелись черные чулки и башмаки с пряжками. Радость парижан после освобождения, стрельба, народные гулянья выводили его из себя. Его охватывали страх и ярость, и однажды утром он вышел на балкон с гусиным пером в жабо, трепетавшем на ветру, и заорал страшным голосом отшельника: — Да здравствует Кобленц! (Кобленц — немецкий город, центр контрреволюции во времена Французской республики. — *Прим пер.*)

Его не поняли, возбужденные соседи чувствовали, что этот чудак живет в другом мире, связан с силами зла; и по крику его приняли за немца, к нему поднялись, взломали двери, чем-то ударили по голове, и он умер.

В то же утро какой-то молодой капитан из Сопротивления, который принимал участие в штурме городской ратуши, набросал соломы на ковер в большом зале и сложил винтовки в козлы, для того, чтобы реально пережить образ, возникший у него при прочтении своей первой книги по истории.

В то же утро в Доме инвалидов обнаружили стол, 13 кресел, штандарты, одеяния и кресты последнего заседания рыцарей Тевтонского ордена, которое было, по-видимому, неожиданно прервано.

В этот час через Орлеанские ворота проходил первый танк армии Леклерка — окончательный признак германского поражения. Его вел Анри Ратенау, дядя которого — Вальтер, стал первой жертвой нацизма.

Так цивилизация в определенный исторический момент, как и человек под наплывом нахлынувших на него сильнейших эмоций, переживает тысячи мгновений своего прошлого, выбранных неизвестно почему и в какой последовательности.

Жиладу рассказывал, что когда он уснул в выступе окопа, ожидая часа, когда ему предстояло менять своего товарища, убитого в разведке, он проснулся от покалываний на лице: это ветер распахнул мундир мертвеца, раскрыл выпавший бумажник и разметал его визитные карточки, уголки которых ударялись о щеки писателя. В это утро освобождения Парижа визитные карточки эмигрантов Кобленца, революционных студентов 1830 года, великих немецких мыслителей-евреев и братьев рыцарей-крестоносцев летали со многими другими, несомненно, по ветру, далеко разносившему стоны и звуки «Марсельезы».

Если потрясти кабину с шариками, то все шарики окажутся на поверхности в беспорядке, вернее, — в порядке, определяемом их трением, контроль над которым бесконечно сложен, но такой порядок позволит нам увидеть бесчисленные странные столкновения, которые Юнг называет многозначительными совпадениями. Замечательное изречение Жака Ривьера можно отнести к цивилизациям и к их историческим моментам: «С человеком случается не то, что он заслуживает, а то, что на него похоже».

Одна тетрадь кадета Наполеона заканчивается такими словами: «Святая Елена, маленький остров».

Очень жаль, что историк считает недостойным своей науки ведение учета и анализ таких многозначительных совпадений, таких столкновений, которые имеют определенный смысл и резко приоткрывают дверь в другую плоскость Вселенной, где время уже не носит линейного характера. Его наука отстает от науки вообще, которая в изучении как чело-

века так и материи демонстрирует постоянно сокращающееся расстояние между прошлым, настоящим и будущим. Все более тонкие зеленые преграды отделяют нас в саду судьбы — от целиком сохранившегося «вчера» до целиком сформировавшегося «завтра». Наша жизнь, как говорит Ален, «открыта громадным пространствам».

Есть маленький цветок, поразительно красивый и хрупкий, — он называется саксифраго. Его еще называют «отчаянием художника». Но он больше не приводит в отчаяние одного живописца с тех пор, как фотография и множество других открытий освободили его от забот о внешнем сходстве. Даже самый не сформировавшийся пока художник сегодня уже усаживается перед букетом, как он это делал прежде. Глаза его видят нечто другое, не букет, или скорее его модель служит ему лишь предлогом для выражения через разноцветную поверхность скрытой от глаз профанов реальности. Он пытается вырвать у творения его тайну. Когда-то он удовлетворялся бы воспроизведением того, что видит профан, скользя по всему небрежным, отсутствующим взглядом. Он удовлетворился бы воспроизведением торжествующей видимости и таким образом принял бы участие во всеобщем обмане в отношении внешних признаков реальности. «Ах, как похоже, на остальное мне плевать!» Но плюют или харкают больные люди. Судя по всему, за эти полвека историк не эволюционировал как художник, и наша история фальшива, как фальшивыми были женская грудь, кошечка или букет под кистью художника-конформиста 1890 года.

«Если наше поколение, — говорит один молодой историк, — намерено со всей ясностью изучать прошлое, то прежде ему придется сорвать те маски, за которыми скрываются наши ремесленники от Истории, стараясь быть неузнанными...»

У художника 1890 года были свои моменты «отчаяния». Ну, а что говорить о современном историке? Большая часть современных фактов стала похожей на саксифраго, они стали отчаянием историка.

Безумный самоучка, окруженный несколькими мегаломанами, отвергает Декарта, отмечает гуманистическую культуру, вызывает Люцифера и завоевывает Европу, чуть не завоевав весь мир. Марксизм укореняется на почве одной страны, которую Маркс считал в этом отношении бесплодной. Лондон едва не погибает под градом ракет, предназначенных для полетов на Луну. Размышления о времени и пространстве приводят к изготовлению бомбы, которая уничтожила с лица земли за три секунды двести тысяч человек и угрожает стереть с лица земли саму историю. Саксифраго!

Историк начинает проявлять беспокойство и сомневаться в практическом применении своего искусства. Он растрчивает свой талант на оплакивание того, что он больше не в силах заниматься своей профессией. То же наблюдается и в других искусствах и науках, когда задыхаются: писатель в десяти томах размышляет над ограниченными возможностями языка, врач в течение пяти лет объясняет в своих лекциях, что болезни излечиваются сами по себе. История переживает один из таких моментов.

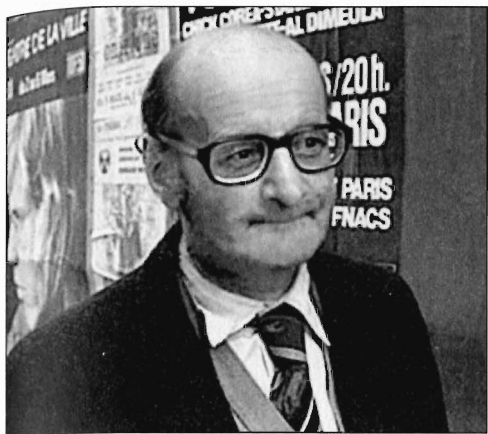
Раймон Арон, отбрасывая наскучивших ему Фукидида и Маркса, констатирует, что ни человеческих страстей, ни экономики недостаточно, чтобы объяснить злоключения обществ. «Совокупность причин, детерминирующих совокупность следствий, — сокрушается он, — выше человеческого понимания». Боден из Института (Французская академия) признает: «История — чистая страница, которую люди вольны заполнять, как им заблагорассудится».

Рене Гроссе возносит к пустым небесам свою почти отчаянную, хотя и прекрасную песнь:

«Является ли то, что мы называем историей, то есть я хочу сказать — вся эта смена империй, сражений, политических революций, дат, кровавых большей частью событий, — настоящей историей? Должен признаться, что я этому не верю и мне хочется при виде школьных учебников вычеркнуть из них добрую четверть... Подлинная история — это не перестановка пограничных столбов. Это — история цивилизации. А цивилизация — это, с одной стороны, прогресс техники, а другой — прогресс духовности. Можно спросить, не является ли политическая история в значительной степени историей паразитической.

Подлинная история, — с материальной точки зрения, — это история техники, замаскированная под политическую историю, угнетающую, узурпирующую ее место и даже ее название.

Но в еще гораздо большей степени подлинная история — это история духовного прогресса человечества. Функция человечества — помогать духовному человеку освобождаться, реализовывать себя, помогать человеку, как утверждают индийцы в своей замечательной Формуле, становиться тем, что он есть. Не вызывает сомнения, что история очевидная, видимая, история, лежащая на поверхности, это не что иное, как оссуарий. Если бы история была на самом деле такой, то оставалось бы только захлопнуть книгу и пожелать умерщвления в нирване... Но хочется верить, что буддизм солгал и история — вовсе не это...»

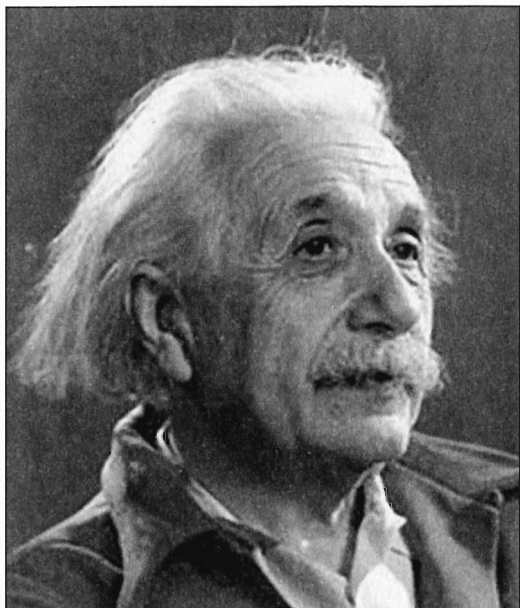
Бержье Жак (1912—1978) — химик и физик. Ему принадлежат большие открытия в области химии и электроники. В период Второй мировой войны он был участником французского движения Сопротивления и членом антифашистской группы «Марко Поло», которая была разгромлена нацистами. Он был узником концентрационных лагерей Нейенбреме и Маутхаузен; освобожден в мае 1945 года, получил награды от правительства Франции, написал доклад,

который сыграл важную роль на процессе против нацистских военных преступников во французском военном трибунале. После войны он опубликовал книги, посвященные границам научного познания, теории палеоконтактов и катастроф, а также возможности существования древних цивилизаций, обладающих иными, чем наши, знаниями.

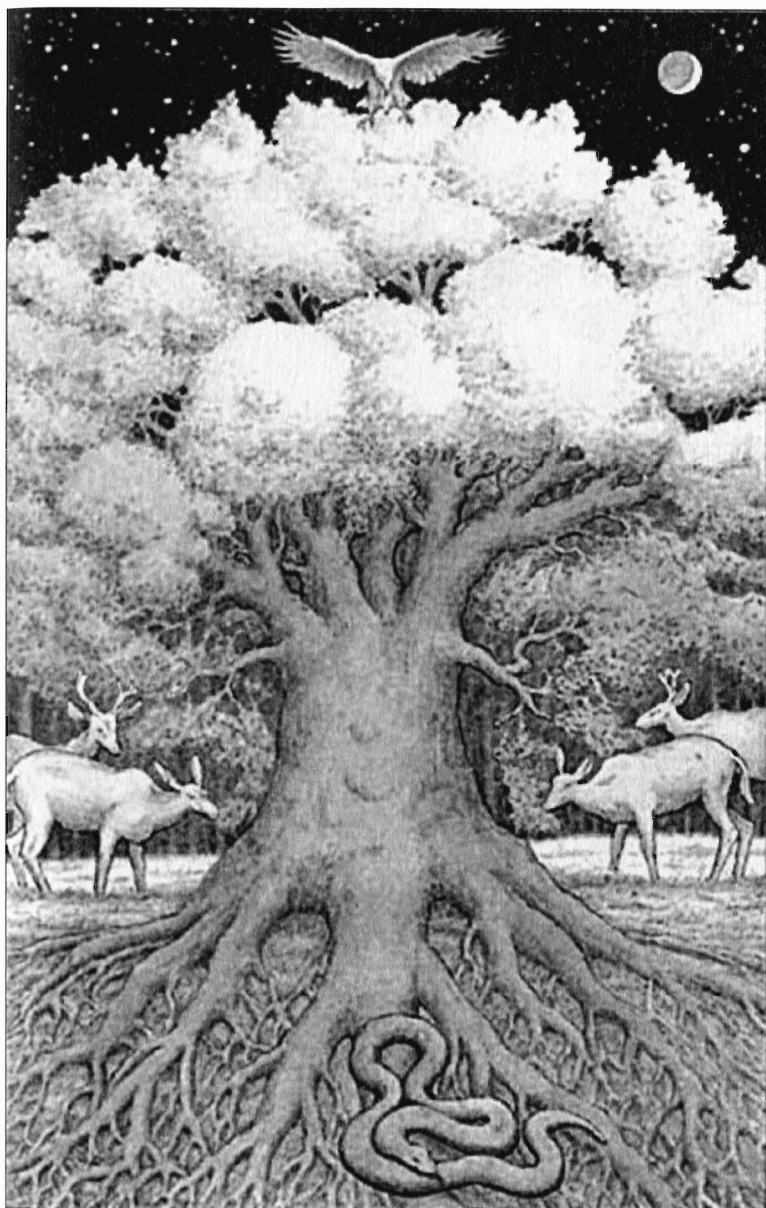

Повель Луи (1920 — 1997) — философ и публицист. Как и Жак Бержье, являлся сторонником теории палеоконтактов и катастроф, возможности существования в прошлом цивилизаций, обладавших эзотерической технологией. В 1961 году основал журнал «Планета», в котором публиковались научные и псевдонаучные статьи.

Альберт Эйнштейн

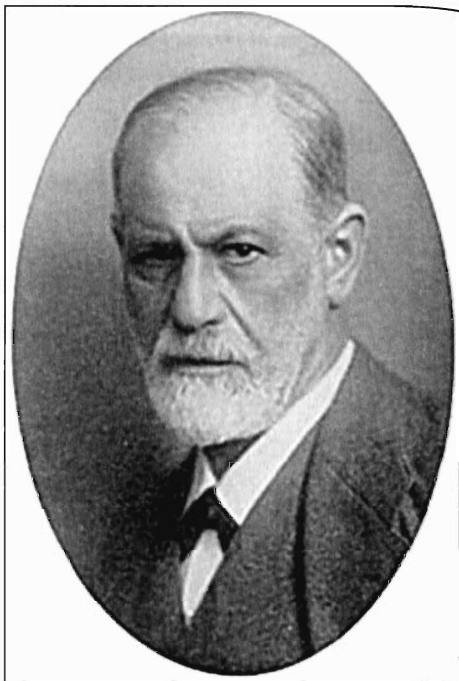

Карл Хаусхофер

Символическое Древо жизни

Зигмунд Фрейд

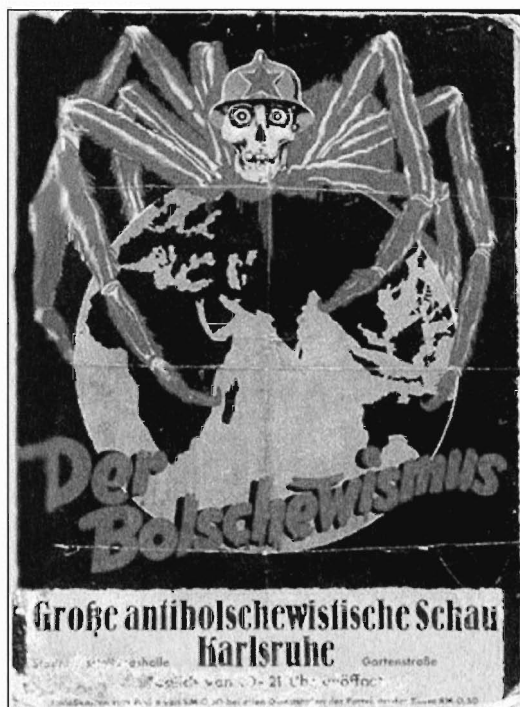

Георгий Иванович Гурджиев

Адольф Гитлер

Антибольшевистский
плакат времен
Третьего рейха

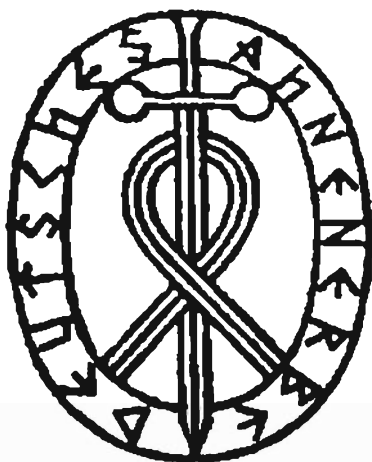
Альфред Розенберг

Вольфрам Зиверт

Рудольф Штейнер

Эмблема Анэнэрбе

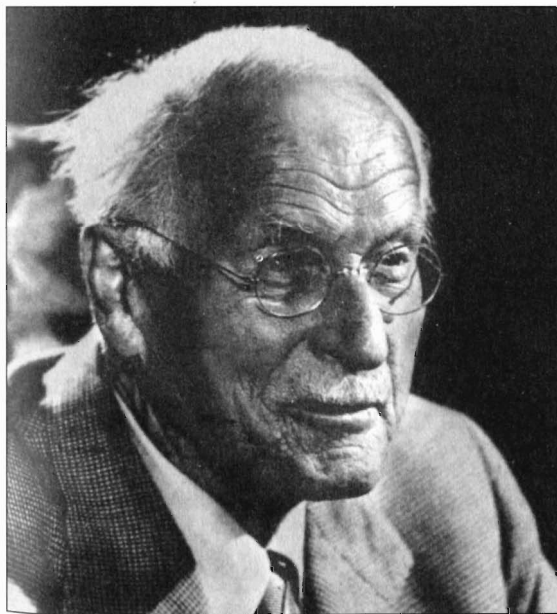

«Мертвая голова» СС

Вымпел для горна
с символикой СС

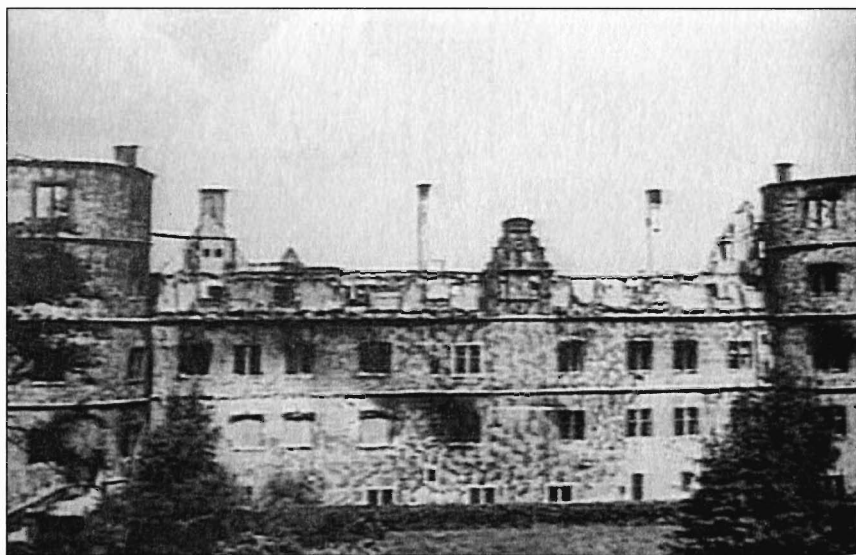
Дитрих Эккарт

Карл Густав Юнг

Вевельбург

Вевельбург после взрыва

Елена Петровна Блаватская

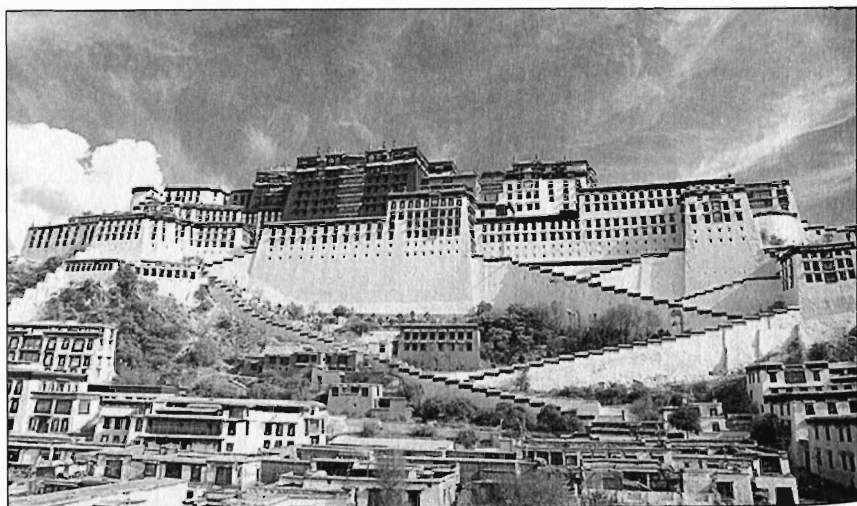
Эдуард Джордж Бульвер-Литтон

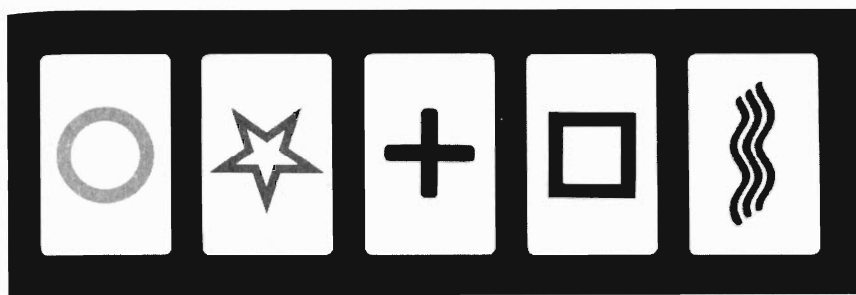
Алистер Кроули

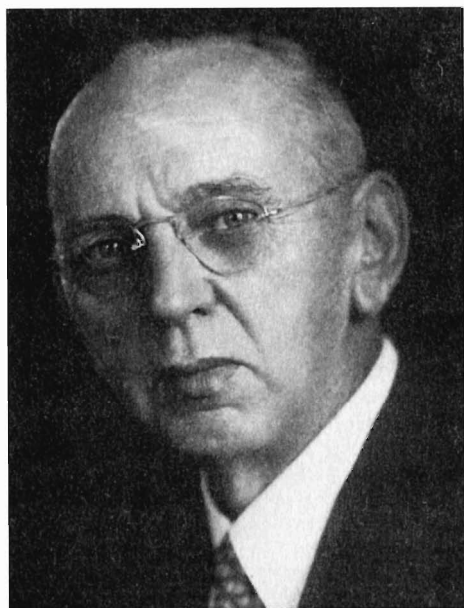
Горы Тибета

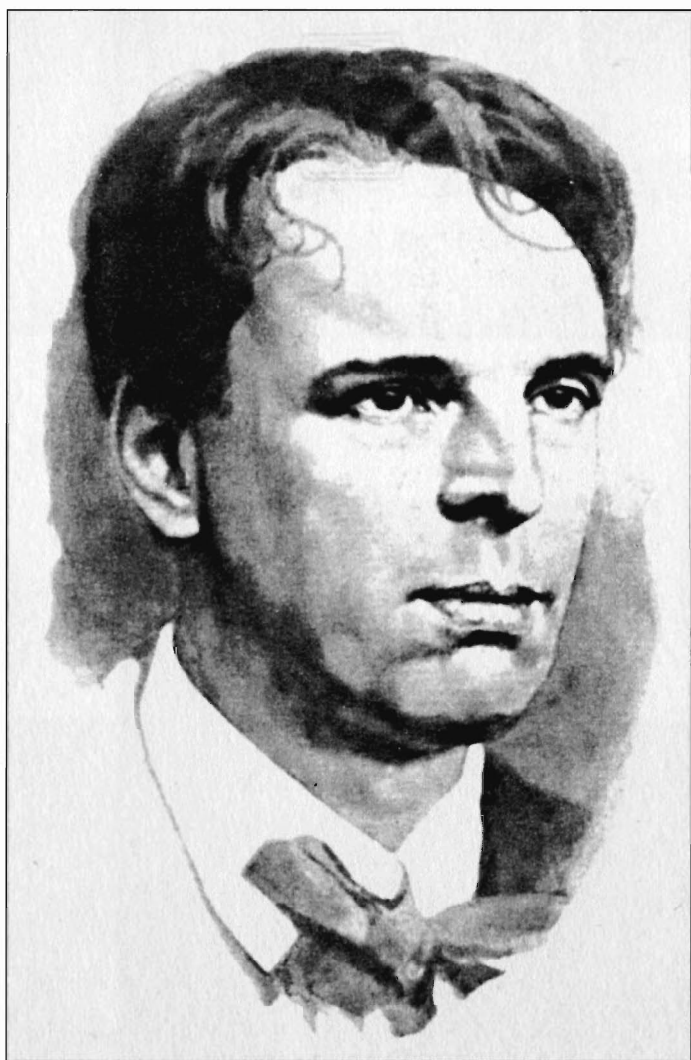
Лхаса

Карты Зенера

Эдгар Кейси

Уильям Батлер Йетс

Физик, химик, биолог, психолог — все они за эти пятьдесят лет получили чувствительные удары, нацеленные на различные саксифраго. Но сегодня они не проявляют прежнего беспокойства. Они работают, продвигаются вперед. Напротив, эти науки проявляют исключительную свою жизнестойкость. Сравните путанные построения Шпенглера или Тойнби со стремительным, как поток, развитием ядерной физики. История — в тупике.

Причин для этого, несомненно, множество, но особо здравыми нам кажутся следующие.

Если физик и психоаналитик и отбросили идею о том, что реальность в достаточной степени их устраивала, и сделали свой выбор в пользу реальности фантастической истории они остаются запертым в рамках картезианства.

Говорят, у счастливых народов нет истории. Но народы, не имеющие историков — вольных стрелков и поэтов, — более чем несчастны: им не хватает кислорода, они преданы.

Поворачиваясь спиной к фантастическому, историк порой совершает фантастические ошибки. Если он марксист, то предвидит крах американской экономики в тот момент, когда Соединенные Штаты достигают наивысшей степени стабильности и могущества. Если он капиталист, то предсказывает экспансию коммунизма на Запад в тот момент, когда в Венгрии происходит восстание. В то же время в других науках предсказания будущего, основанные на данных настоящего, становятся все удачнее и удачнее.

На основе миллионной доли плутония физик-ядерщик проектирует гигантский завод, который будет работать так, как это предусмотрено проектом. Основываясь на нескольких снах, Фрейд освещает душу человека так, как ее еще никогда не освещали. И все потому, что и Фрейд, и Эйнштейн прежде совершили колоссальные усилия над своим воображением. Они своей мыслью перешагнули реальное, совершенно отличающееся от рационально допустимых представлений. Исходя из этой вообразимой проекции, они установили совокупности фактов, которые затем были проверены опытным путем.

«Именно в области науки мы узнаем, насколько громадна странность мира», — говорит Оппенгеймер.

Мы убеждены в том, что признание такой странности может обогатить историю. Мы не претендуем на то, чтобы внести в исторический метод те преобразования, которые, мы тем не менее ему делаем. Мы лишь надеемся, что наш небольшой очерк, который вы прочтете ниже, может ока-

зять пусть незначительную услугу будущим историкам. Либо притяжением, либо отталкиванием. Мы хотели, взяв в качестве объекта исследований один из аспектов гитлеровской Германии, лишь приблизительно указать на направление исследований, которое может пригодиться и для других объектов. Мы прибили указатели к тем деревьям, которые были у нас под рукой, но не собираемся испещрить такими стрелками весь лес.

Мы старались собрать такие факты, которые «нормальный» историк в ужасе или гневѣ отбросил бы. По замечательному выражению Мориса Ренара, мы на время стали «любителями необыкновенного и летописцами чудес». Такого рода работа дается с трудом. Порой мы успокаиваем себя, вспоминая, что тератология, или исследование уродцев, прославившая профессора Вольфа вопреки подозрительности «разумных» ученых, осветила многие аспекты биологии. Нас укрепил в этой мысли и другой пример, пример Чарльза Форта, этого хитроумного американца, о котором мы уже рассказывали раньше.

В этом-то «фортианском» духе мы и вели наши исследования событий недавней истории. Так, нам не показался недостойным нашего внимания тот факт, что основатель национал-социализма действительно верил в приход сверхчеловека.

23 февраля 1957 года в Богемии человек в легком водолазном костюме с лапами на ногах искал тело студента, утонувшего в озере Дьявола. Когда он всплыл на поверхность, бледный как полотно, долго не мог вымолвить ни слова от ужаса.

Когда он обрел дар речи, то рассказал, что там, в глубине, в холодной воде он увидел шеренгу немецких солдат — призраков в форме, ободы запряженных лошадьми телег.

«О, Ночь, кто они, эти смертельно бледные воины?» В каком-то смысле мы тоже погрузились в озеро Дьявола. В материалах Нюрнбергского процесса, в тысячах книг и журналов, в личных свидетельствах мы почерпнули массу странностей, обрели целую коллекцию. Мы выстроили наш материал в соответствии с гипотезой, которую вероятно, так и не удастся превратить в связную теорию, хотя один крупный английский писатель (хотя и малоизвестный у нас), Артур Мейчен выразил ее весьма убедительно: «Вокруг нас существуют таинства зла, как существуют и таинства добра, и наша жизнь и вся наша деятельность протекают в мире, как я полагаю, в мире, — о котором мы и не подозреваем, в мире, в котором полно пещер, теней и обитателей мрачных пространств».

Душа человеческая любит день. Порой она с не меньшим пылом любит и ночь, и такая любовь способна подталкивать как людей, так и

целые общества к преступным и пагубным действиям, явно противоречащим разуму, но тем не менее объяснимым, если взглянуть на них под иным углом зрения. Пусть точнее объяснит свою точку зрения сам Артур Мейшен, которому мы и передаем слово.

В этой части нашей книги мы хотели дать сырой, необработанный материал о невидимой истории. В этом мы — не первые. Джон Бьюкен уже говорил, что исторические события скрывают под собой необычные «подводные течения». Немецкий энтомолог Маргарет Бовери, говоря о людях с той же беспристрастной объективностью, что и о наблюдаемых ею насекомых, написала «Историю предательства в двадцатом веке», первый том которой озаглавлен — «Видимая история», а второй — «Невидимая история».

Но о какой невидимой истории идет речь? Этот термин готовит множество ловушек. Видимое настолько богато и, по существу, так мало исследовано, что в нем всегда можно найти факты, оправдывающие любую теорию, и нам известны многочисленные объяснения истории тайными действиями евреев, франкмасонов, иезуитов или международных банков. Эти объяснения кажутся нам примитивными. Кроме того, мы постоянно остерегались смешать то, что мы называем фантастическим реализмом, с оккультизмом, и тайные пружины реальности с газетным романом. (Мы неоднократно говорили, что реальности не хватает достоинства, она не чуждается романтического, но нельзя отбрасывать факты под тем предлогом, что они кажутся взятыми как раз из такого романа.)

Мы собрали самые странные факты в надежде удостоверить их подлинность. Порой мы предпочитали предстать охотниками за сенсацией или людьми, подверженными вкусу ко всему странному, чем пренебречь тем или иным аспектом, который может показаться безумным. Результат несколько не похож на общепринятые картины нацистской Германии. В этом — не наша вина. Мы ставили перед собой определенную цель — изучить серию фантастических событий. Может, и непривычно, но вполне логично допустить, что за всеми этими событиями скрывается необычная реальность. Почему история должна иметь преимущество над всеми другими современными науками и объяснять все явления в форме, доступной для нашего разума?

Наша картина, разумеется, не соответствует общепринятым представлениям, к тому же она фрагментарна. Мы не хотели ничем жертвовать ради ее связности. Этот отказ жертвовать фактами ради связности — совсем недавняя традиция, как и тенденция к правдивости.

«Там или сям неизбежно возникнут пробелы: читатель может подумать, что современный историк отказался от старинной концепции, в силу которой Истина достигается только тогда, когда все части головоломки нужно сложить так, чтобы не оставалось ни зазора, ни выпираний. Идеал исторической работы, перестав быть для историка красивой, полной и гладкой мозаикой, становится как бы местом археологических раскопок с его бросающимся в глаза хаосом, где наслаиваются друг на дружку извлеченные, непонятные находки, коллекции мелких предметов, вызывающих какие-то образы, и то там, то здесь, — прекрасные восстановленные ансамбли и произведения искусства».

Физик знает, что такое аномальные, исключительные, пульсирующие энергии: они позволили открыть процесс распада урана и таким образом вступить в безграничную область изучения явления радиоактивности. Вот и мы искали пульсации необычного.

Книга лорда Рассела из Ливерпуля — «Краткая история преступлений нацистской войны», опубликованная через одиннадцать лет после победы союзников, поразила французских читателей своим чрезвычайно сдержанным тоном. Обычного в таких случаях негодования не было, — оно сменилось попыткой трезвого объяснения. В этой книге чудовищные факты говорили сами за себя, а читатели ничего не понимали в такой «чернухе». Выражая такие чувства, один известный специалист писал в газете «Монд»:

«Возникает вопрос, каким образом все это оказалось возможным в двадцатом веке, в странах, считавшихся самыми цивилизованными в мире».

Странно, что такой существенный, первоочередной вопрос задается историкам через двенадцать лет после открытия всех архивов. А сами-то они задаются таким просом? Что-то непохоже. По крайней мере, все происходит так, словно они стараются скорее забыть о таком ставящем их в затруднительное положение вопросе, повинаясь установившемуся общественному мнению, чем отвечать на него. Таким образом, получается, что историк, свидетельствующий о своем времени, отказывается писать историю. Едва написав: «Возникает вопрос, каким образом...», он начинает увильживать, чтобы вообще его не ставить.

«Вот, — добавляет он тотчас, — вот что творит человек, когда он беспрепятственно отдается своим инстинктам, развязным и систематически извращаемым».

Странное историческое объяснение, — такое толкование нацистской тайны с помощью солидных подпорок общепринятой морали! Однако

это единственное объяснение, которое нам было дано, — словно широкий заговор умов, создавших самые фантастические страницы современной истории, можно свести к уроку из примитивной истории, рассказывающему о дурных инстинктах. Можно сказать, что на историю оказывается большое давление, чтобы привести ее к крошечным масштабам условной рационалистической мысли.

«Между двумя войнами, — замечает один молодой философ, — не умея распознать, какая языческая ярость развевала вражеские знамена, антифашисты не смогли предсказать близкую, ненавистную им победу Гитлера на выборах».

Редко раздавалось голоса, к которым никто и не прислушивался, призывавшие под германским небом «заменить Крест свастики на крест Христа» и объяснявшие, что «происходит полное отрицание истины Евангелий».

Мы целиком не разделяем представление о Гитлере как об антихристе. Мы не думаем, что такого восприятия достаточно для полного освещения фактов. Это, по крайней мере, поднимает нас до уровня, с которого можно судить об этом исключительном моменте истории.

Проблема именно в этом. Мы не будем защищены от нацизма или, скорее, от восприятия некоторых форм люциферовского духа, тень которого фашизм набросил на весь мир, если не попытаемся осознать самые фантастические аспекты его авантюры и противостоять ей.

Между люциферовской амбицией, которую гитлеризм превратил в трагическую карикатуру, и христианским ангелизмом, тоже ставшим карикатурным в формах социального устройства, между искушением достигнуть уровня сверхчеловека, между признанием зла и признанием добра, равновеликими, глубокими и тайными; между громадными, противоречивыми движениями человеческой души и, бесспорно, коллективным бессознательным разыгрываются трагедии, о которых обычная, условная история не дает себе полного отчета. Кажется, она отказывается давать себе в этом полный отчет из страха своими некоторыми документами и некоторыми своими толкованиями серьезно помешать спокойному сну общества.

Кажется, что историк, пишущий о нацистской Германии, не желает знать, кем же был поверженный враг. И в этом его поддерживает общее мнение. Это происходит потому, что описание разгрома подобного врага со знанием дела потребовало бы такой концепции мира и человеческой судьбы, которая встала бы вровень с такой победой. Куда легче считать, что безумцам и злобным маньякам помешали в конце концов продолжать вредить, и что в конечном итоге добрые люди всегда правы, а

это были безумцы и злобные маньяки. Но только не в том смысле и не в той степени, как это себе представляют «добрые люди». Условный антифашизм, кажется, был изобретен победителями, чтобы скрыть образовавшийся вакуум. Но вакуум ведь затягивает.

Доктор Энтони Лаутен из Лондонского океанографического института опустил кинокамеру на глубину 4500 метров у берегов Ирландии. На фотографиях ясно различимы отпечатки ног неизвестного существа. После этого чудовища, снежного человека, в воображение людей проникает, разжигая их любопытство, его брат, ужасный морской человек, неведомое существо, обитатель глубин.

Копаться в невидимой истории — занятие весьма полезное для ума. Таким путем освобождаешься от вполне естественного отвращения к непонятному, что так часто парализует стремление к знанию.

Во всех областях не приходится преодолевать такое отвращение к непонятному, будь то пружины, побуждающие людей к действию, их верования или их самовыражение. Так, мы изучили некоторые работы оккультного отдела германской разведки. Этот отдел, например, составил объемистый доклад о магических свойствах колоколен Оксфорда, препятствовавших, по мнению авторов, прицельной бомбардировке. То, что это заблуждение, говорить не приходится, но это заблуждение воспринималось разумными и ответственными людьми. Вместе с тем нельзя отрицать, что этот факт освещает многие аспекты как видимой, так и невидимой истории.

Для нас право на существование имеют и такие события, которые разум не воспринимает; силовые линии истории могут быть невидимыми, но тем не менее реальными, как, например, силовые линии магнитного поля. Можно пойти и дальше.

Мы отважились вторгнуться в ту область, в которую, как мы надемся, историки будущего станут проникать с куда более совершенными средствами, чем у нас. Мы пытались применить к истории принцип «акаузальных (непричинных) связей», недавно предложенный физиком Вольфгангом Паули и психологом Юнгом. Именно это принцип я имел в виду, когда говорил о совпадениях. Для Паули и Юнга события, независимые друг от друга, могут иметь связи, хотя и не причинные, но тем не менее важные в масштабе человечества... Это «многозначительные совпадения», «знаки», в которых ученые усматривают явление «синхронности», обнаруживающее своеобразные связи между человеком, временем и пространством, которые Клодель великолепно назвал «торжеством случайностей».

Одна больная лежала на кушетке психоаналитика Юнга. У нее было тяжелое нервное расстройство, но анализ вперед не продвигался. Пациентка, под влиянием своего крайне рационального ума, все время цеплялась за какую-то ультра-логику, и оставалась глухой к аргументам врача...

Юнг вновь и вновь приказывал, предлагал, умолял:

— Не старайтесь ничего понять, просто расскажите мне свои сны.

— Мне снился жук-скарабей, — процедила, наконец, дама сквозь зубы.

В этот миг что-то ударилось о стекло. Юнг открыл окно, и в комнату влетел красивый, золотистый жук-скарабей, жужжа своими крылышками.

Увидев его, потрясенная пациентка обрела внутреннюю раскованность, и анализ наконец успешно начался. Так продолжалось до полного излечения.

Юнг часто приводит этот правдивый случай, который скорее похож на арабскую сказку. Мы думаем, что в истории человечества, как и в истории человека, есть немало таких золотистых жуков-скарабеев.

Сложная доктрина «синхронности», частично построенная на наблюдениях за такими совпадениями, возможно, могла бы изменить полностью всю концепцию истории. Наше честолюбие не заходит так далеко, но взлетает столь высоко. Мы только хотим привлечь внимание к фантастическим аспектам реальности. В этой части книги мы занимались поисками некоторых совпадений и их интерпретацией, весьма примечательных в наших глазах. В глазах других людей они могут показаться вовсе не такими.

Применяя наше понятие «о фантастической реальности» к истории, мы занимались отбором. Иногда мы выбирали факты малозначительные, но отклоняющиеся в ту или иную сторону от обычных, и именно в таких отклонениях от нормы мы искали объяснение многого. Отклонения на несколько секунд в движении Меркурия оказалось достаточным, чтобы разрушить здание физики Ньютона и доказать справедливость Эйнштейна. Нам кажется, что некоторые обнаруженные нами факты могут привести к необходимому пересмотру картезианских основ истории.

Можно ли использовать этот метод для предсказания будущего? Нам приходилось мечтать и об этом. В рассказе «Человек, который был четвергом» Честертон описывает отряд политической полиции, специализировавшейся в области поэзии. Одного покушения удалось избежать, потому что один полицейский понял смысл сонета. В вычурных шутках

Честертон часто кроется великая истина. Текучие мысли, не замечаемые обычно опытным наблюдателем, равно как писания и труды, на которые социолог не обращает внимания, факты, общественной жизни, слишком незначительные или слишком уводящие в сторону, говорят, может быть, о будущих событиях точнее и вернее, чем бросающиеся в глаза факты и очевидные направления мысли, которые вызывают у него тревогу.

Отличавшая нацизм атмосфера страха, которую никто не мог предвидеть, была достоверно передана в страшных рассказах немецкого писателя Ганса Гейнца Эверса, автора «Мандрагоры» и «В царстве ужаса», ставшего впоследствии официальным поэтом режима и написавшим песню «Хорст Вессель». Вполне возможно, что некоторые романы, стихи, картины, статуи, которыми пренебрегают специалисты критики, дают нам точный образ грядущего мира.

Данте в «Божественной комедии» точно описывает Южный Крест, созвездие, невидимое в северном полушарии, хотя ни один путешественник того времени не мог его наблюдать. Д. Свифт в своем «Путешествии в Лапуту» указывает размеры и периоды обращения двух спутников Марса, неизвестных в те времена. Когда американский астроном Асаф Холл, открывший их в 1877 году, заметил, что их измерения соответствуют указаниям Свифта, он был охвачен своего рода паникой и назвал их Фобос и Деймос — «страх» и «ужас». (Он был испуган еще и тем, что эти спутники появились неожиданно. Через более крупные телескопы, чем тот, которым располагал Холл, их до него не обнаружили. Судя по всему, он оказался первым, кто в эту ночь разглядывал Марс. После запуска спутника современные астрономы начинают писать, что, быть может, речь идет об искусственных спутниках, запущенных в тот день, когда их наблюдал Холл. Об этом упоминал Роберт С. Ричардсон из лаборатории Маунт-Паломар в «Сообщении о положении Марса» в 1954 году.)

В 1896 году писатель М. Чиел опубликовал новеллу, в которой рассказывал о банде чудовищных преступников, разорявших Европу, убивавших людей, которых они считали мешавшими прогрессу человечества, и сжигавших их трупы. Он озаглавил свою новеллу весьма многозначительно — «СС»!

Гете писал: «Грядущие события отбрасывают тень впереди себя». Вполне возможно отыскать за пределами того, что привлекает всеобщее внимание, в произведениях о деятельности человека, чуждой тому, что мы называем «движением истории», признаки грядущего, услышать его прибой.

Фантастические события история стыдливо прикрывает бесстрастными механическими объяснениями. В момент рождения Германия была родиной точных наук. Немецкая методичность, немецкая логика, немецкая точность и научная добросовестность пользовались уважением во всем мире.

«Герр профессор», такой притягательный образ для карикатуры, но он всегда был окружен уважением и поучением именно за те его положительные качества, которые и вызывали смех. Однако именно в этой среде свинцового картезианства из крошечного очага с невероятной скоростью распространялась бессвязная и почти безумная доктрина. В стране Эйнштейна и Планка стали исповедовать «арийскую физику», «расовую науку». В стране Гумбольдта и Геккеля стали говорить о расах. Нам кажется, что такие явления нельзя объяснять экономической инфляцией. Это — неподходящий кардебалет для подобного балета. Нам казалось более эффективным направить поиски в сторону некоторых странных культов и ошибочных космогоний, которыми до сих пор пренебрегали историки. Такое пренебрежение не может не удивлять. Космогонии и культы, о которых мы будем говорить ниже, пользовались в нацистской Германии официальным покровительством и одобрением властей, они сыграли сравнительно значимую духовную, научную, социальную и политическую роль. Вот благодаря такому заднику на сцене гораздо лучше можно понять балетный танец. Мы ограничились лишь одним моментом немецкой истории. Чтобы выделить фантастическое в современной истории, мы могли бы с таким же успехом показать, например, вторжение азиатских идей в Европу в тот момент, когда европейские идеи пробуждают народы Азии. Вот явление, которое так же сбивает с толку, как неевклидово пространство или парадоксы строения атомного ядра. Историк, приверженец условной истории, «ангажированный» социолог не видят или отказываются видеть эти глубинные движения, не соответствующие тому, что они называют «движением истории». Такие ученые невозмутимо продолжают анализировать и предсказывать судьбы людей, непохожих ни на этих людей, ни на таинственные, невидимые знаки, которыми они обмениваются со временем, пространством и судьбой.

«Любовь, — говорит Жак Мардони, — это нечто гораздо большее, чем любовь». В ходе наших исследований, мы приобрели уверенность в том, что история, — это нечто большее, чем история. Эта уверенность — тонизирующее средство. Вопреки возрастающему давлению социальных факторов и возрастающей угрозы, направленной против человеческой личности, мы видим, что ум и душа человечества продолжают зажигать

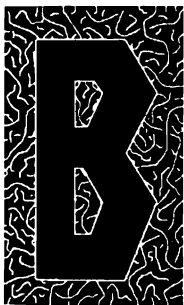
то здесь, то там свои огни, которые не ослабевают. Хотя коридоры истории становятся, по-видимому, очень узкими, мы уверены, что человек не потеряет в них нить, связующую его со всей необъятностью мира. Эти образы близки к образам Гюго, но они хорошо подтверждают и наш взгляд. Мы приобрели такую уверенность, углубляясь все дальше в реальное, и лишь на большой глубине это реальное приобретает фантастические черты и в определенном смысле становится сострадательным.

*Хоть мрачные машины и в движении,
Но не пугайтесь этого, мой друг...
Когда педанты нудно отмечают
Холодную механику, из коей
Должны как будто вытекать события,
То наши души шепчут из подполья:
«Быть может так, но есть ведь и иное...»*
(Предисловие к «Наполеону из Ноттинг-Хилла».
Г.К. Честертон, 1898 г.)

Глава II

БИТВА БОГОВ СУЩЕСТВУЕТ

«Трибьюн де насьон» отвергает дьявола и безумие. — Но битва богов существует. — Немцы и Атлантида. — «Магический социализм». — Религия и тайный орден. — Экспедиция к сокрытым регионам. — Первым гидом будет поэт

статье, опубликованной в «Трибьюн де насьон», французский историк проявляет свою явную интеллектуальную ограниченность, как только речь заходит о гитлеризме. Анализируя работу «Разоблаченный Гитлер», написанную доктором Отто Дитрихом, состоявшим в течение двенадцати лет начальником пресс-службы Гитлера, Пьер Казнев пишет:

«Д-р Дитрих вполне удовлетворяется словом, которое он постоянно повторяет и которое в наш позитивистский век не позволяет объяснить феномен Гитлера. “Гитлер, — говорит он, — был человеком демоническим, находившимся во власти “бредовых” националистических идей”. Что значит “демонический”? Что значит “бредовые”? В Средние века Гитлера назвали бы “одержимым”. Но сегодня? Либо слово “демоническое” вообще ничего не означает, либо оно означает “одержимый демоном”. Но что такое демон? Верит ли д-р Дитрих в существование дьявола? Нужно все же понять друг друга. Лично меня слово “демонический” никак не удовлетворяет.

А слово “бредовые” тем более. Тот, кто говорит — бред, имеет в виду психическое расстройство: маниакальный бред, меланхолический бред, мания преследования. В том, что Гитлер был психопатом и даже парано-

иком, никто не сомневается, но параноики и психопаты спокойно разгуливают по улицам.

От такого состояния до более или менее систематизированного бреда имеется определенная дистанция. Наблюдения за таким делириумом, окончательно поставленный диагноз, должны были бы определить внутреннее содержание такой личности. Другими словами, несет ли Гитлер ответственность за свои действия? По-моему — да. Вот почему я не принимаю слово “бред”, как и слово “демонический”: демонология в наших глазах может иметь лишь историческую ценность».

Нас не удовлетворяет объяснение д-ра Дитриха. Судьба Гитлера и та авантюра, в которую был вовлечен великий современный народ под его руководством, нельзя было бы описать только лишь на основании констатации бреда и демонической одержимости. Но нас в равной степени не удовлетворяет и критика историка из «Трибьюн де насьон». Гитлер, уверяет он, не был с клинической точки зрения сумасшедшим. И демонов не существует. Поэтому нельзя отказываться от понятия об ответственности. Это верно. Но наш историк, кажется, приписывает понятию об ответственности магические свойства. Он вскользь упомянул о том, что фантастическая история гитлеризма ему ясна и понятна и сводится к масштабам века позитивизма, в котором, по его мнению, мы живем. Но такое умозаключение грешит против истины, как умозаключение Отто Дитриха. Дело в том, что термин «ответственность», как показывают современные крупные политические процессы, в нашем языке представляет собой транспозицию (перенос того, что называлось «демонической одержимостью» в средневековых судилищах. Если Гитлер не был ни сумасшедшим, ни одержимым, что вполне возможно, то история нацизма остается необъяснимой в свете «позитивистского века». Глубинная психология показывает нам, что действия человека, якобы чисто рациональные, на самом деле управляются силами, о которых он сам не знает, или которые частично связаны с символизмом, совершенно чуждым обычной логике. С другой стороны, мы знаем, что демона не существует, но есть нечто иное, чем видение, называемое средневековым. В истории гитлеризма, — или скорее в некоторых аспектах этой истории, — все происходит так, словно главенствующие моторные идеи неподвластны обычной исторической критике, и нам, чтобы их понять, следовало бы отказаться от нашего позитивистского взгляда на вещи и совершить над собой усилие, чтобы войти в мир, в котором картезианский разум перестает взаимодействовать с действительностью реальной.

Мы попытаемся описать эти аспекты гитлеризма, потому что, как верно заметил Марсель Рей в 1939 году, война, которую Гитлер навязал миру, была «манихейской войной, или, как говорит Священное писание, «битвой богов». Речь не идет, разумеется, о битве между фашизмом и демократией, между либеральными и авторитарными представлениями в обществе. Это — экзотеризм битвы. Но есть и эзотерическая сторона (К.С. Льюис, профессор в Оксфордском университете, в 1937 году заявил в одном из своих символических романов — «Молчание земли» о начале войны за овладение человеческой душой: ужасная разрушительная война — это лишь ее внешняя форма. Он вернулся затем к этой мысли в двух других книгах — «Переландра» и «Мерзейшая мощь». Последняя книга Льюиса называется «Пока мы лиц не обрели». В этом большом поэтическом и пророческом рассказе мы находим восхитительную фразу: «Боги говорят с нами лицом к лицу только тогда, когда у нас оно есть».

Эта битва богов, которая разворачивается за видимыми событиями, не закончена на нашей планете, но поразительный прогресс человеческих знаний за несколько лет придает ей другие формы. Когда двери познания начинают открываться в бесконечное, важно уловить смысл этой борьбы. Если мы хотим сознать себя современными людьми, то есть современниками будущего, нам нужно иметь точное и глубокое понимание момента, когда фантастика начинает потоком заполнять собой реальность. Этот момент мы и будем изучать.

«В конечном счете, — говорил Раушнинг, — каждый немец одной ногой стоит в Атлантиде, где он ищет лучшую родину и лучшее родовое наследие. Эта двойная природа немцев, эта способность к раздвоению, позволяющая им одновременно жить в реальном мире и проецировать себя на мир воображаемый, с особой силой проявилась в Гитлере и дает ключ к пониманию его магического социализма».

И Раушнинг попытался объяснить себе восхождение к власти этого «великого первосвященника тайной религии», убедить себя в том, что не раз в истории «целые нации впадали в состояние необъяснимой агитации. Они принимали участие в шествиях флаггелантов. Их сотрясала пляска святого Витта. Национал-социалисты, — заключает он, — это пляска святого в XX века».

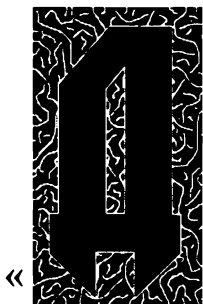
Но откуда пришла эта странная болезнь? Он нигде не нашел удовлетворительного ответа на этот вопрос. «Ее самые глубокие корни таятся в скрытых областях».

Эти «скрытые регионы», как нам кажется, весьма полезно исследовать. И в этом нашим гидом будет не историк, а поэт.

Глава III

ВЕЛИКИЙ НЕВЕДОМЫЙ ГЕНИЙ

Вопрос о Ж.П. Туле, второстепенном писателе. — Великий неведомый гений. — Робинзон Крузо в душе. — История ангелов Менса. — Жизнь, авантюры и несчастья Мейчена. — Как мы открыли тайное английское общество. — Лауреат Нобелевской премии под черной маской. — «Золотая заря», его связи, его члены, вожди. — Почему мы приводим текст Мейчена. Случайности вызывают усердие

ва человека, которые читали Жана-Поля Туле, встретились поговорить, как обычно в баре, воображая, что подобные встречи — признак аристократизма», — писал сам Туле. Бывает что великое создается на пустяках. Благодаря этому очаровательному второстепенному писателю, неизвестному, несмотря на усилия его нескольких страстных поклонников, до нас дошло имя Артура Мейчена, знакомое едва ли двум сотням читателей во Франции.

В результате проведенных поисков мы смогли убедиться, что произведения Мейчена, составляющие более тридцати томов («Анатомия табака», 1884; «Великий Бог Пан», 1895; «Дом души», 1906; «Холм мечтаний», 1907; «Великий выбор», 1915; «Ужас», 1917; «Тыльная слава», 1922; «Странные пути», 1923; «Лондонское приключение», 1924; «Чувственное чудо», 1926; «Зеленый круг», 1933; «Священный ужас», 1946 и — посмертно — «Рассказы о страшном и сверхъестественном», 1948) по остроте мысли, несомненно, выше произведений Уэллса. (Мейчен и сам осознавал это: «Г-н Уэллс, о котором вы

говорите, несомненно, очень способный человек. Я даже поверил, что он — нечто большее». Это выдержка из письма его к Ж.-П. Туле.)

Продолжая наши поиски в связи с Мейченом, мы наткнулись на английское общество посвященных, состоящее из людей высокого ума. Это общество, которому Мейчен обязан богатым внутренним опытом и лучшими порывами своего вдохновения, неизвестно даже специалистам. И, наконец, некоторые тексты Мейчена, в частности тот, который мы предложим вниманию читателя, в полной мере освещают не столь распространенную концепцию Зла, столь необходимую для понимания тех аспектов истории, которые мы исследуем в этой части книги.

Но прежде чем перейти к изложению сути дела, мы расскажем вам об этом любопытном человеке. Начнем с маленькой литературной истории, связанной с малоизвестным французским писателем Туле. А закончим описанием широко растворенной подземной двери, за которой еще дымятся останки мучеников и развалины нацистской трагедии, потрясшей весь мир.

Пути фантастического реализма, в чем мы убедимся еще раз, не похожи на обычные пути познания.

* * *

В ноябре 1897 года один друг Жана-Поля Туле, «несколько склонный к оккультизму», дал ему прочесть роман совершенно неизвестного тридцатичетырехлетнего английского писателя под названием «Великий бог Пан». Эта книга о языческом мире первобытных людей, еще окончательно не исчезнувшем, благоразумно выживающим, засылающим к нам своего бога Зла с его ангелами с радвоенными копытцами, настолько потрясла Туле, что заставила его самого заняться литературным трудом. Он стал переводить «Великого бога Пана» и, позаимствовав у Мейчена его декорации кошмара, — заросли кустарника, в которых прячется Великий бог Пан, — написал свой первый роман «Господин дю Пор, общественный деятель».

«Господин дю Пор» был опубликован в конце 1898 года и не имел никакого успеха. Это отнюдь не было великим сочинением. И мы ничего не знали бы о нем, если бы Анри Мартино, большой знаток Стендаля и друг Туле, не вздумал двадцать лет спустя переиздать его роман за свой счет. Дотошный историк и преданный друг, Анри Мартино хотел доказать, что «хотя “Господин дю Пор” была книгой, написанной под впечатлением прочитанного Мейхена, она сохраняла свою оригинальность.

Это он привлек внимание нескольких ученых к Артуру Мейхену и его «Великому богу Пану», возродив из праха скудную переписку между Туле и Мейхеном». (Анри Мартино. «Артур Мейчен и Туле». Неизданная переписка, «Мерк юр де Франс», № 4, январь 1938; Анри Мартино «Ж.-П. Туле и Артур Мейчен», «Господин дю Пор» и «Великий бог Пан», Изд-во «Диван», Париж.)

Для Мейчена и его огромного таланта все так и ограничилось литературной дружбой, давшей начало творчеству Туле.

В феврале 1899 года Жан-Поль Туле, пытавшийся в течение года опубликовать свой перевод «Пана», получил от автора письмо на французском языке:

«Дорогой собрат!

Значит, с «Великим богом Паном» в Париже ничего не получается. Если это так, мне — «труба», потому что я надеялся только на французских читателей.

Я надеялся, что если бы там, у вас, посмаковали «Великого Пана» во французском одеянии, и он пришелся бы по вкусу, то во Франции у меня появился бы свой читатель! Здесь все мои усилия бесплодны. Я пишу, пишу, не откладывая в сторону пера, но складывается впечатление, что я пишу в средневековой монашеской келье, и все мои сочинения отправляются в ад неизданными. У меня в ящике стола лежит маленький томик очень коротких рассказов, который я назвал «Украшения из нефрита». «Очень милая книжица, — сказал мне издатель, — но опубликовать ее нет никакой возможности». Есть также роман «Сад Авалона», нечто на пятьдесят пять тысяч слов. «Безукоризненное искусство, — похвалил меня издатель, но шокирует английскую публику». И сейчас я работаю над книгой, которая, я уверен, будет гнить в том же чулане! Может, мой дорогой собрат, вы увидите что-то трагическое (или, вернее, трагикомическое) в этих злоключениях английского писателя, но, как я уже сказал, я связывал все свои надежды с вашим переводом моей книги».

«Великий бог Пан» был наконец напечатан в журнале «Ла плюм» в 1901 году, а затем, благодаря хлопотам этого журнала, и отдельным изданием.

(Переизданная в 1938 году Эмилем Ролем с предисловием Анри Мартино, это — единственная книга Мейхена во Франции. Она прошла незамеченной.)

И только Метерлин был ею поражен. «Всячески благодарю за публикацию этого прекрасного и своеобразного произведения. Думаю, что

в ней впервые предпринята попытка соединить традиционную, то есть сказочную, магическую, фантастику с новой, научной и что из этого смешения родилось самое волнующее произведение, какое мне только известно, потому что оно одновременно затрагивает и наши воспоминания и надежды».

Артур Мейчен родился в 1863 году в Уэльсе, в Карлсон-Аск, крошечной деревушке, бывшей резиденции двора короля Артура, откуда рыцари Круглого стола отправлялись на поиски чаши Грааля. Зная, что Гиммлер в годы войны организовал экспедицию для поиска этой священной чаши, и, пытаясь осветить тайную нацистскую историю, мы наткнулись на текст Мейчена, из которого выяснили, что писатель появился на свет Божий именно в этой деревушке, колыбели вагнеровских тем. И мы еще раз сказали себе, — на совпадениях — светящиеся одежды, но для тех, кто умеет их видеть.

Мейчен еще в молодые годы поселился в Лондоне и жил там в постоянном страхе, как и Лавкрафт в Нью-Йорке. Несколько месяцев он служил рассыльным в магазине, потом работал учителем, но в конце концов убедился, что не способен зарабатывать на жизнь в обществе. Он стал писать, испытывая крайнюю материальную нужду, в состоянии полного истощения. Долгое время он жил переводами: «Мемуары Казановы» в двадцати томах за 30 шиллингов в неделю — и так в течение долгих двух лет.

После смерти отца — священника, он получил скромное наследство и, ненадолго обрета хлеб и кров, продолжал свой труд, все более убеждаясь в том, что «огромная духовная пропасть отделяет его от других людей» и что его неодолимо влечет к жизни в духе Робинзона Крузо.

Его первые книги в жанре фантастики были опубликованы в 1895 году. Это «Великий бог Пан» и «Малый свет».

В них он утверждал, что Великий Пан не умер и что силы зла в магическом значении слова не прекращают своего воздействия на некоторых из нас, чтобы перевести по ту сторону мира. В том же ключе был написан и опубликован в следующем году «Белый порошок» и самое значительное из написанных им произведений, настоящий шедевр — «Тайная слава».

В тридцать шесть лет, после двенадцати лет совместной жизни, он потерял любимую жену: «За эти двенадцать лет мы не разлучались и на двенадцать часов; можете себе представить, что я вынес и что мне по-прежнему приходится выносить ежедневно. Если у меня и остается желание увидеть некоторые свои рукописи напечатанными, то лишь для того, чтобы получить возможность на каждой написать: «Власть души — милость Божия». Он безвестен, он живет в нищете, сердце его изранено.

Через три года, в тридцать девять, он отказывается от литературной деятельности и становится странствующим актером.

«Вы говорите, что вам не хватает смелости, — пишет он Туле, — но у меня ее совсем нет. Так мало, что я не пишу более ни строчки и думаю, что не напишу никогда. Я теперь стал странствующим комедиантом: я сейчас взошел на подмостки и играю в “Кориолане”».

Он скитается по Англии с шекспировской труппой сэра Фрэнка Бенсона, затем присоединяется к труппе Сент-Джейсского театра. Незадолго до Первой мировой войны, когда он был вынужден оставить театр, он, чтобы каким-то образом существовать, немного занимается журналистикой. Он не пишет больше книг. На суматошной Флит-стрит, среди коллег по работе, его странная фигура постоянно задумчивого, медлительного, но приветливого человека, вызывает добродушную улыбку.

Для Мейчена, как следует из всех его произведений, «человек создан из тайны, для тайн и видений». Реальность — это сверхъестественное. Внешний мир малопоучителен — по крайней мере, если смотреть на него как на резервуар скрытых символов и значений. Реальными и реально полезными можно считать книги с воображением, созданные умом, ищущим вечные истины. Критик Филипп жан Дорен Стерн говорит: «Возможно, в фантастических рассказах Мейчана гораздо больше глубоких истин, чем во всех графиках и статистиках мира». Литературный успех Мейчену принесло одно странное приключение. За несколько недель он стал знаменитостью, — но удар, который он от этого получил, привел его к решению покончить с писательством.

Журналистика его тяготила, а писать только для себя у него уже не было никакого желания. Разразилась война. Возникла потребность в героической литературе. И в это время, хотя он никогда не писал в этом жанре, «Ивнинг ньюс» заказала ему рассказ. Он написал его, как говорится, «спустя рукава», но все же в своей обычной манере. Это были «Лучники». 20 сентября 1914 года, на следующий день после отступления из Монса, газета его опубликовала. Мейчен придумал свой эпизод сражения: святой Георгий в сверкающей кольчуге, во главе воинства ангелов, которые были древними лучниками Азинкура, приходит на помощь британской армии.

И десятки солдат написали в газету: этот господин Мейчен ничего не выдумал. Они своими глазами видели под Монсом ангелов святого Георгия, вливающих в их ряды. Таких писем было опубликовано очень много, и Англия, жадная до чудес в такой опасный для нее момент, взорвалась. Мейчен страдал от безвестности, питаясь раскрыть тайну реальности. И вот он взбудоражил всю страну своей смелой выдумкой. Или,

может, скрытые силы, которые по призыву его воображения являлись, принимая различную форму, силы, связанные с глубокой истиной, на сей раз сработали по собственной инициативе, без его ведома? Раз двадцать, если не больше, Мейчен повторял в газетах, что его рассказ — чистейшая выдумка, но никто ему не верил незадолго до смерти, более чем через тридцать лет, уже будучи глубоким старцем, он постоянно возвращался к этой экстравагантной истории с ангелами из Монса.

Несмотря на то, что он стал знаменит, книга, написанная им в 1915 году, на имела никакого успеха. Это — «Великое возвращение», — эссе-размышление о Граале. Затем в 1922 году вышла «Тайная слава», — критика современного мира в свете религиозного опыта. В шестьдесят лет он начал писать оригинальную автобиографию в трех томах. У него было несколько страстных поклонников в Англии и Америке, а он умирал с голоду. В 1943 году (ему было восемьдесят лет) Бернард Шоу, Макс Бирьон и Т.С. Эллиот создали комитет для сбора средств, чтобы спасти Мейчена от неумолимой печальной перспективы, — встретить свою кончину в приюте для бедняков. Он ушел из жизни мирно, в маленьком домике в Букингэмшире, в 1947 году. Его всегда восхищала одна фраза Мюрже. В «Жизни богемы» художник Марсель даже не имеет постели.

— На чем вы спите? — спросил его хозяин. — На провидении, — отвечал Марсель.

Около 1880 г. во Франции, Англии и Германии образовались общества посвященных, тайные «герметические» ордена, объединявшие наделенных властью и богатством лиц. История этого постромантического, мистического кризиса еще пока не создана, хотя вполне того заслуживает. В ней можно было бы найти истоки многих крупных течений мысли, определивших течения политические.

В письмах Артура Мейчена к Жану-Поллю Туле встречаются два странных пассажа:

В 1899 г.: «Когда я писал “Пана” и “Белый порошок”, то не думал, что столько странных событий могли бы когда-нибудь произойти в реальной жизни. Да и могли бы они вообще произойти. Но с тех пор и совсем недавно, кстати, я прошел в своей жизни через такой опыт, который коренным образом изменил мою точку зрения на сей предмет... Теперь я убежден, что на земле нет ничего невозможного. Вряд ли стоит добавлять, что ни один из этих опытов, через которые мне пришлось пройти, не связан с таким обманом, как спиритизм и теософия. Но я верю, что мы живем в мире великой тайны, совершенно поразительных вещей, о которых и не подозреваем».

В 1900 г.: «Знаете, это может вас позабавить: я послал “Великого бога Пана” одному адепту, завязанному “окультисту”, которого встретил... у розового куста! “Ваша книга является неопровержимым доказательством, что с помощью мысли и созерцания вы достигли, больше чем с помощью чтения, вы достигли определенной степени посвящения независимо от орденов и подобных организаций”».

Кто этот «адепт»? Что это за «опыты»?

В другом письме после приезда Туле в Лондон, Мейчен пишет ему:

«Г-н Уайт, которому мы очень понравились, шлет вам привет».

Имя того, о ком упоминает Мейчен и кто удостаивал своим посещением весьма немногих, и привлекло наше внимание. Уайт был одним из лучших историков алхимии и специалистом по ордену Розы и Креста.

Вот к чему привели наши поиски сведений о любопытных связях Мейчена, когда один из наших друзей принес ему серию сообщений о существовании в Англии в конце XIX века и начале XX века тайного общества посвященных, вдохновляемого розенкрейцерами (он опубликовал свои сообщения во втором и третьем номерах журнала «Башня святого Иакова» в 1956 году под именем Пьера Виктора: «Герметический орден «Золотой зари»».

Итак, это общество называлось «Золотая Заря». Оно состояло из нескольких самых блестящих умов Англии — и Артур Мейчен был одним из его адептов.

«Золотая Заря», основанная в 1887 году, происходила от английского общества розенкрейцеров, созданного за двадцать лет до этого Робертом Уэнтвортом-младшим: она вербовала своих членов среди мастеров-каменщиков (масонов). Общество розенкрейцеров состояло из 144 членов, среди которых был даже Бульвер-Литтон, автор романа «Последние дни Помпеи».

«Золотая Заря», численность которой была еще меньше, поставила своей практической целью проведение магических церемоний и получение с их помощью знаний и власти, доступных лишь посвященным. Его руководителями были Вудмэн, Матерс и Уинн Весткетт («Посвященный», о котором Мейчен говорил Туле в своем письме от 1900 г.) «Золотая Заря» находилась в тесном контакте с подобным германским обществом, а некоторые ее члены позже входили в знаменитое антропософское движение Рудольфа Штейнера, а потом и в другие влиятельные движения донацистского периода. Мастером «Золотой Зари» был Алистер Кроули, совершенно необыкновенный человек, один из наиболее блестящих умов того «нового язычества», следы которого мы обнаруживаем в Германии.

После смерти Вудмэна и отставки Эскотта во главе «Золотой Зари» встал С.Л. Матерс, который руководил ею некоторое время из Парижа, где он женился на сестре Анри Бергсона!

Находясь во главе «Золотой Зари», Матерс был впоследствии замечен знаменитым ирландским поэтом У.Б. Йетсом (Yeats), получившим позднее Нобелевскую премию.

Йетс (Yeats) принял имя «Брат Демон — Бог Наоборот». Он председательствовал на собраниях в национальном шотландском костюме, в килте, в черной маске с золотым кинжалом на поясе.

Артур Мейчен взял имя «Филус Акварты». Только одна женщина вошла в «Золотую Зарю» — Флора Фарр, директриса театра и близкая подруга Бернарда Шоу. Там можно было встретить писателей Блуквуда, Стокера, автора «Дракулы», и Сакса Ромера, равно, как и Пека, шотландского астронома, президента Королевской академии. Кажется, что все эти высокие умы испытали на себе влияние «Золотой Зари». По их собственному признанию, их мировоззрение изменилось, а практика, которой они занимались, всегда по-прежнему казалась им весьма действенной и достойной всякой похвалы.

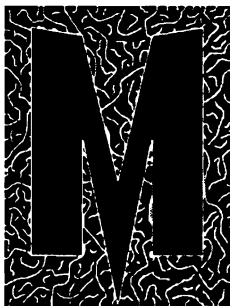
Некоторые тексты Артура Мейчена воскрешают знание, забытое большинством людей, но тем не менее оно необходимо для верного понимания мира. Даже неподготовленный читатель способен увидеть истину, просвечивающуюся между строчками этого писателя. Когда мы решили привести вам некоторые страницы Мейчена, мы еще не знали о «Золотой Заре». Хотя мы и сохранили все в точной пропорции и наше спасительное смирение, с нами случилось то, что происходит со всеми самыми великими жонглерами: если они все равны по ловкости рук, между ними существует различие. Во время исполнения их лучших трюков подбрасываемые ими предметы как бы начинают жить собственной жизнью, не подчиняясь больше их воли, сами проявляют невообразимую ловкость. Так и нас превзошло магическое. Мы искали в поразившем нас тексте Мейчена общее освещение аспектов нацизма, показавшихся нам наиболее значительными, чем все отраженное в официальной истории. Не трудно заметить, что наша система строится на неумолимой логике, которая могла бы, на первый взгляд, показаться ошибочной. В известном смысле, нет ничего особо удивительного в том, что эта информация приходит к нам от клана общества посвященных, явно отмеченного печатью «новоязычества».

Глава IV

ГРЕХ —

ПОПЫТКА ВЗЯТЬ ШТУРМОМ НЕБО

Текст Артура Мейчена. — Истинные грешники, как и настоящие святые, — аскеты. — Истинное Зло, как и истинное Добро, не имеет ничего общего с обычным нашим миром. — Грех — это попытка взять штурмом небо. — Истинное Зло становится все реже. — Материализм, враг Добра и еще больше Зла. — Но все равно и сегодня кое-что есть. — Если вы на самом деле заинтересованы...

ы приводим введение в новеллу, с заголовком «Белый народ». Эта новелла, написанная сразу после «Великого бога Пана», помещена в сборнике его рассказов: «Рассказы страшного и сверхъестественного» (Изд-во «Ричард пресс», Лондон).

«Аброз Бирс сказал:

— Колдовство и святость — вот единственные реальности.

И продолжал:

— Магия оправдывает себя в детях: они едят корки хлеба и пьют простую воду с гораздо большим удовольствием, чем эпикурец.

— Вы хотите поговорить о святых?

— Да, и о грешниках тоже. Мне кажется, что впадаете в ошибку, характерную для тех, кто ограничивает духовный мир наивысшими сферами. Извращенцы высшего порядка тоже составляют часть духовного

мира. Обычный человек, плотский и чувственный, никогда не будет настоящим святым. И настоящим грешником тоже. Мы по большей части просто противоречивые создания и, в общем, не заслуживаем особого внимания. Мы следуем своим путем по своей ежедневно знакомой грязной дороге, не понимая глубинного значения вещей, и поэтому добро и зло в нас идентичны, — они случайны, незначительны.

— Значит, по вашему мнению, настоящий грешник — это аскет, как и настоящий святой?

— Тот, кто велик в добре, как и во зле, оставляет несовершенные копии. И идет к совершенным оригиналам. У меня нет никакого сомнения: святейшие из святых никогда не совершали добрых дел в обычном, принятом смысле слова. А с другой стороны, есть люди, опустившиеся до дна пропасти зла, но за всю свою жизнь так и не совершившие никогда того, что мы называем «дурным поступком».

Он на мгновение вышел из комнаты. Котгрейв повернулся к своему другу и поблагодарил его за то, что он представил его Амброзу:

— Он просто великолепен, — сказал он, — никогда не слышал ничего более заумного. Он что, чокнутый?

Амброз вернулся с запасом виски и щедрой рукой разлил его по стаканчикам гостям. Нешадно критикуя секту абстинентов, он налил себе стакан воды. Он начал было продолжать свой монолог, но Котгрейв прервал его:

— Ваши парадоксы чудовищны. Человек может быть великим грешником и тем не менее не делать ничего дурного. Скажете, тоже!

— Сильно ошибаетесь, — возразил Амброз. — Я никогда не занимаюсь парадоксами, хотя и хотел, чтобы мне это удавалось. Просто я сказал, что человек может быть большим знатоком бургундских вин и при этом никогда не пробовать пикет из виноградных выжимок в бистро. Вот и все, но это скорее трюизм, чем парадокс, не так ли? Ваша такая реакция свидетельствует о том, что у вас нет ни малейшего представления о том, что такое грех. Да, конечно, есть связь между Грехом с большой буквы и действиями, считающимися дурными: убийством, воровством, адюльтером и т.д. Точно такая связь существует между алфавитом и гениальной поэзией. Точно так же заблуждаются буквально все: мы, следуя примеру остальных, привыкли на все смотреть через социальные очки. Мы думаем, что человек, который причиняет зло — нам или нашим соседям, — это дурной человек. И он на самом деле дурной, — с социальной точки зрения. Неужели вы не можете понять, что Зло в своей сущности есть что-то единственное, страсть души? Средний убийца как таковой — вовсе не грешник в истинном смысле этого слова. Это просто опасное животное,

от которого мы должны избавиться, чтобы спасти собственную шкуру. Я бы сказал, что он — хищник, а не грешник.

— Все это кажется мне довольно странным.

— Ничуть. Убийца убивает по негативным, а не позитивным причинам; ему не хватает чего-то того, что есть у не-убийцы. Зло же, наоборот, оно тотально позитивно. Только в другом смысле, в плохом. И оно редко. Безусловно, подлинных грешников меньше, чем святых. Что же касается тех, кого вы называете преступниками, то это существа, которые нам мешают, у общества есть причины их остерегаться. Но между их антиобщественными поступками и Злом есть заповедное священное пространство, поверьте мне!

Было уж поздно. Друг, приведший Котгрейва к Амброзу, несомненно, уже все это слышал. Он вникал ему со скучающим видом и немного лукавой улыбкой, но Котгрейв уже начал думать, не мудрец ли этот “чокнутый”.

— Знаете, вы меня страшно заинтересовали, — сказал он. — Значит, вы думаете, что мы не понимаем подлинной природы Зла?

— Мы его переоцениваем. Или недооцениваем. С одной стороны, мы называем грехом нарушение правил общества, социальных табу. Это — абсурдное преувеличение. С другой стороны, мы придаем такое огромное значение “греху”, состоящему в том, что кто-то посягает на наше имущество и на наших жен, но при этом теряем из вида все то ужасное, что есть в истинных грехах.

— Но что такое грех в таком случае? — спросил Котгрейв.

— На ваш вопрос я вынужден ответить вопросом, а, может, и не одним. Что бы вы почувствовали, если бы ваша кошка или собака заговорила с вами человеческим языком? Если бы запели розы в саду? Если бы камни на дорогах вдруг стали увеличиться в размерах прямо у вас на глазах? Так вот, эти примеры могут дать вам представление о том, что такой истинный грех.

— Послушайте, — сказал третий собеседник, остававшийся до этой минуты абсолютно равнодушным, — кажется, вы оба спятили. Я иду домой. На последний трамвай я опоздал, теперь придется на своих двоих.

После его ухода Амброз и Котгрейв поглубже уселись в креслах. В мраке от обледеневших окон бледнел свет ламп.

— Вы меня удивляете, — сказал Котгрейв. — Я никогда не думал об этом. Если это действительно так, то нужно все перевернуть. Итак, по-вашему, суть греха состоит в том... — чтобы захотеть взять небо штурмом, — подхватил Амброз. — Грех, на мой взгляд, состоит в стремлении

проникнуть запретным способом в другую, высшую сферу. Поэтому вы должны понять, почему он так редок. Слишком мало людей и вправду желает проникнуть в другие сферы, будь они высокими или низкими, дозволенными или запретными. Святых так мало. А грешников, — в том смысле, в котором я это понимаю, — еще меньше. И гениальные люди (принадлежащие порой и к тем и к другим) — тоже редки... Нет, может, значительно труднее стать великим грешником, чем великим святым.

— Потому что грех сугубо противоречит нашей природе?

— Совершенно верно. Святость тоже требует больших усилий, но они предпринимаются на пути, который когда-то считался естественным. Речь идет о том, чтобы вновь обрести экстаз, который человек познал до грехопадения. Но грех — это попытка добиться экстаза и знания, которые никогда не были даны человеку: и тот, кто пытается их получить, становится демоном. Я вам говорил, что простой убийца — не обязательно грешник. Грешник порой бывает убийцей, это верно. Мне приходит на память, например, Жиль де Рэ. Видите ли, если добро и зло равным образом находятся вне досягаемости современного человека, общественно-го, цивилизованного, то зло недостижимо для него в еще более глубоком смысле. Святой старается обрести утраченный дар; грешник стремится к обретению того, чем никогда не обладал. В общем, он вновь повторяет грехопадение.

— Вы католик? — спросил Котгрейв.

— Да, я член преследуемой англиканской церкви.

— Тогда что вы думаете о текстах, где называют смертным грехом то, что вы относите к незначительным преступлениям?

— Заметьте, пожалуйста, что в священных текстах моей религии постоянно встречается слово “волхв”, которое мне кажется ключевым. Мелкие преступления, называемые грехами, названы так лишь потому, что речь идет о чародеях, магах. Потому что маги пользуются человеческими недостатками, порожденными материальной и социальной жизнью, как орудиями для достижения своей мерзкой цели. Позвольте мне вам сказать вот что: ваши чувства, высшие чувства, настолько притупились, настолько пропитались материализмом, что, наверное, не распознали бы истинное зло, привелось нам столкнуться с ним.

— Но разве мы при этом не испытали бы какой-то ужас? Тот ужас, о котором вы упомянули сейчас, предлагая мне вообразить поющие розы?

— Если бы мы были существами естественными, — то да. Дети и некоторые женщины ощущают этот ужас. Но у большей части наших современников условности общества, цивилизация и образование заглуши-

ли и затемнили природу. Порой мы можем узнать зло по его ненависти к добру, — вот и все, причем чисто случайно. В действительности же Иерархи Ада проходят среди нас незамеченными.

— Вы думаете, что они сами не осознают зла, которое воплощают?

— Да, именно так я думаю. Истинное зло в человеке — как святость или гениальность. Это экстаз души, ускользающий от сознания. Человек может быть бесконечно, ужасающе дурным, и даже не подозревать об этом. Но, повторяю, зло в подлинном значении этого слова встречается редко. Думаю, что оно даже становится все реже.

— Я стараюсь следить за вашей мыслью, — сказал Котгрейв. — Вы хотите сказать, что истинное Зло — это, по существу, нечто иное, чем то, что мы обычно называем злом?

— Совершенно верно. Жалкий тип, подогретый алкоголем, возвращается домой и ударами ноги убивает жену и детей. Это — убийца. И Жиль де Рэ — тоже убийца. Но вы понимаете, какая пропасть их разделяет? Слово в обоих случаях одно и то же, но смысл его абсолютно другой. Несомненно, такое слабое сходство существует между всеми “социальными” грехами и истинными духовными грехами, но в одном случае речь идет о тени, а в другом — о реальности. Если вы хотя бы немного разбираетесь в богословии, то должны меня понять. Честно говоря, я никогда не уделял внимания богословию, — признался Котгрейв. — Приходится сожалеть об этом, но, возвращаясь к нашей теме, скажите, — вы считаете, что грех — это нечто оккультное, тайное?

— Да. Это — адское чудо, как святость — чудо сверхъестественное. Истинный грех возвышается до такого, что мы даже не можем подозревать о его существовании. Он — как самая низкая нота в органе, такая низкая, что никто ее не слышит. Порой бывают промахи, падения, и они приводят в сумасшедший дом или к еще более ужасным последствиям. Но ни в коем случае не следует смешивать это с социальными злодеяниями. Вспомните Апостола: он говорил “о том, что по другую сторону”, делая различие между благодетельными поступками и милосердием. Можно все раздать бедным и не обладать при этом милосердием, можно избежать всех грехов и тем не менее быть исчадием зла.

— Странная психология! — воскликнул Котгрейв. — Но в этом что-то есть. Так, по-вашему, истинный грешник мог бы запросто сойти за безобидную личность?

— Конечно. Истинное Зло не имеет ничего общего с обществом. Как и Добро. Неужели вы думаете, что получили бы “большое удовольствие”

в компании Святого Павла? Неужели вы думаете, что нашли бы «общий язык» о сэром Галахадом? Это относится как к грешникам, так и к святым. Если вы встретите истинного грешника и распознаете в нем греховность, то, несомненно, испытаете ужас. Но, может, вы не увидите никакой причины, чтобы этот человек вам “не понравился”. Напротив, вполне возможно, если вам удастся забыть о его грехе, то вы найдете его необходимым и приятным. И все же! Нет, никто не может угадать, насколько ужасно истинное Зло! Если бы розы и лилии в саду запели этим рождественским утром, если бы мебель в этом доме вдруг зашагала в шеренге, как в сказке Мопассана!

— Я рад, что вы вернулись к этому сравнению, — сказал Котгрейв, — потому что хотел спросить у вас, чему соответствует в человечестве эта воображаемая ловкость вещей, о которой вы говорите? Еще раз, — что же такое грех? Хотелось бы наконец услышать конкретный пример.

Амброз впервые заколебался.

— Я уже сказал, что истинное Зло встречается редко. Материализм нашей эпохи, сделавший многое для того, чтобы упразднить святость, сделал, может, еще больше, чтобы упразднить зло. Мы находим землю такой комфортабельной, что у нас нет никакого желания ни подниматься, ни опускаться. Все происходит так, словно специалист по аду ограничивается своей работой чисто археологического порядка.

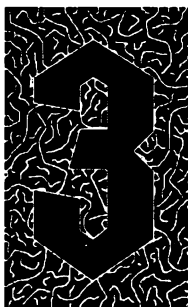
— Тем не менее мне кажется, что ваши исследования касаются нашего времени?

— Вижу, что вы действительно заинтересовались. Что ж, признаюсь, — я и в самом деле собрал кое-какие документы...»

Глава V

ПРОТИВ ПРИРОДЫ И ПРОТИВ БОГА

Земля полая, мир ледяной, человек новый. — Мы — «враги духа». — Против природы, против Бога. — Общество Вриль. — Раса, которая вытеснит нас. — Хаусхофер и Вриль. — Идея мутации человека. — Высший Неизвестный. — Матерс, руководитель «Золотой Зари», встречает «Высших Неизвестных». — Гитлер говорит, что он их видел. — Галлюцинация или реальное присутствие? — Дверь открывается на нечто другое. — Пророчество Рене Генона. — Первый враг нацизма: Штейнер

емля — полая. Мы живем внутри нее.

Звезды — глыбы льда. Несколько лун уже упало на землю. Наша тоже упадет. Вся история человечества объясняется борьбой льда и огня.

Человек еще не завершен. Он стоит на пороге грандиозной мутации, которая наделит его могуществом, которое древние приписывали богам. В мире уже существует несколько особей нового человека, явившихся, может быть, из-за пределов времени и пространства.

Существуют союзы, возможно, заключенные с Властелином мира, «Королем страха», который правит в скрытом городе где-то на Востоке.

Те, кто подпишет с ним договор, на тысячелетия изменят жизнь на Земле и придадут смысл человеческой в судьбе.

Таковы «научные теории» и «религиозные концепции», питавшие зарождавшийся нацизм, в которые верил Гитлер, верили члены группы, в которую он входил; это они, в большей степени определяли социальные

и политические факты недавней истории. Объяснение современной истории, даже частично, с помощью таких идей и верований может казаться нам отвратительным. Но, на наш взгляд, нет ничего отвратительного, отталкивающего в достижении истины.

Известно, что нацистская партия открыто, громогласно провозгласила себя антиинтеллектуальной, что она жгла книги и отвергала физиков-теоретиков, относила их к врагам-«марксистам». Менее известно, ради какого объяснения мира она отбросила официальные западные науки. Еще менее известно, на какой концепции человека зиждется нацизм, по крайней мере в умах некоторых его вождей. Если бы это было известно, то последняя мировая война лучше бы вписалась в рамки великих духовных конфликтов; история обретает новое дыхание в «Легенде Веков».

«Нас предают анафеме как врагов разума, — говорил Гитлер. — Ну да, мы такие и есть. Только в гораздо более глубоком смысле, которого буржуазная наука никогда бы не смогла понять в своей идиотской гордыне». Что-то вроде этого заявлял Гурджиев своему ученику Успенскому после того, как он осудил науку. «Мой путь — это путь развития скрытых возможностей человека. Он — путь, направленный против природы и против Бога».

Такая мысль о скрытых возможностях человека является основополагающей. Она зачастую ведет к отказу от науки и презрению к обычным людям. Для тех, кто воспринимает такую мысль, очень немногие люди реально существуют. Быть — значит быть совершенно другим, отличаться от всех других. Обычный человек, человек в естественном состоянии — это всего лишь личинка, а Бог христиан — всего-навсего пасть этих личинок.

Доктор Вилли Лей, один из самых крупных специалистов в мире в области ракет, в 1933 году бежал из Германии. От него мы узнали о существовании в Берлине незадолго до возникновения нацизма духовной общины, представляющей для нас реальный интерес.

Это тайная община была основана в точности по описанию в романе Бульвер-Литтена, «Раса, которая нас вытеснит». В романе рассказывается о людях, психика которых развита гораздо больше, чем у нас. Они приобрели власть над самими собой и над вещами, что сделало их подобными богам. Сейчас они пока еще скрываются. Они живут в пещерах в центре земли. Они скоро выйдут оттуда, чтобы властвовать над нами. Это все, что, судя по всему, знал об этом доктор Вилли Лей. Он, улыбаясь, добавлял, что члены общины верили, будто они на самом деле знают

некоторые тайны, необходимые для изменения расы, чтобы стать такими же людьми, которые скрываются в глубине земли. Методы концентрации, внутренняя гимнастика, позволяющая преобразить себя. Упражнения начинались с созерцания яблока, разрезанного пополам...

Мы продолжаем свои исследования.

Это берлинское общество называлось «Блестящая ложа» или «Общество Вриль». Вриль — это громадная энергия, лишь бесконечно малую часть которой мы используем в повседневной жизни, сила нашей возможной божественности. Тот, кто становился хозяином Вриля, становился хозяином над самим собой, хозяином всего мира (идея Вриля впервые появилась в произведении французского писателя Жакожио, консула Франции в Калькутте при Второй империи). Чего же еще желать? Следовательно, к этому должны быть направлены все наши усилия. Все остальное относится к официальной психологии, морали, религии, — к чему угодно. Мир должен измениться. Властители выйдут из-под земли. Если у нас не будет с ними союза, то мы окажемся в числе рабов, тем навозом, который станет удобрением, благодаря которому расцветут цветы, новые города.

У «Блестящей ложи» были свои друзья среди теософов и в группе розенкрейцеров. По словам Джека Белдинга, автора любопытной книги «Семеро в Шпандау», к этой ложе также принадлежал Карл Хаусхофер. Нам придется еще не раз говорить о ней, и мы увидим, что приход Хаусхофера в «Общество Вриль» далеко не случаен и многое нам открывает.

Читатель, вероятно, помнит, что, как мы выяснили, английский писатель Артур Мейчен был членом английского общества посвященных «Золотая Заря». Это новоязыческое общество, в которое входили люди большого ума, родилось в лоне английского общества розенкрейцеров, основанного Уэнтвортом-младшим в 1867 году. Уэнворт был связан с немецкими розенкрейцерами. Он набирал свои 144 адепта из видных масонов. Одним из этих адептов стал Бульвер-Литтон.

Бульвер-Литтон, писатель, гениальный эрудит, стал всемирно известным, написав роман «Последние дни Помпеи». Он, конечно, не ожидал, что один из его романов десятки лет спустя вдохновит в Германии группу нацистских мистиков. Тем не менее в таких его произведениях, как «Раса, которая нас вытеснит» или «Занони» он ставил свой главный акцент на реальность духовного мира и особенно мира Ада. Он считал себя посвященным. Пользуясь правом романиста на вымысел, он выражал уверенность в том, что есть существа, наделенные сверхчеловеческим могуществом. Эти существа вытеснят нас и приведут избранных человеческой расы к грандиозной мутации.

Нужно осторожно относиться к этой идее мутации расы. Мы вновь обнаружим ее у Гитлера, и она не исчезла до сих пор. («Целью Гитлера было не установление расы господ и не завоевание мира; для него это были лишь средства для осуществления “великого дела”, о котором он мечтал; истинной целью было дело созидания, “божественное” дело, биологическая мутация, в результате которой человечество должно было беспрецедентно возвыситься и создать человечество героев, полубогов, сверхчеловеков». Д-р Акиль Дема.) Нужно остерегаться также идеи «Высших Неизвестных». Она присутствует во всей черной мистике как Востока, так и Запада. Существуют ли эти подземные обитатели, эти пришельцы с других планет, гиганты, похожие на тех, которые покоятся в золотых панцирях в склепах тибетских монастырей, эти безобразные, ужасные существа, которые описаны Лавкрафтом, эти «Высшие Неизвестные»?

Когда Мейчен говорит о мире Зла, в котором «полно пещер и обитателей мрака», он обращается к другому миру, к тому, где человек общается с Высшими Неизвестными, и он говорит об этом как адепт «Золотой Зари». Мы уверены, что Гитлер разделял его мнение. Более того, он считал, что вступал в контакт с Высшими.

Мы уже вспоминали о «Золотой Заре», о немецком Обществе Вриль. Теперь поговорим о группе Туле. Мы не выжили из ума, чтобы пытаться объяснить историю деятельности обществ посвященных. Но мы станем свидетелями любопытного факта: вместе с нацизмом в мире в течение нескольких лет царил «иной мир». Он был побежден. Но он не умер. Ни по ту сторону Рейна, ни в других местах. И это не пугает. Пугает другое — наше невежество.

Мы говорили о том, что Самуэль Матерс создал «Золотую Зарю». Он утверждал, будто связан с «Высшими Неизвестными» и что установил эту связь вместе с женой, сестрой философа Анри Бергсона. Вот отрывок из написанного им в 1896 году манифеста-обращения в «Членам ордена второй степени посвящения»:

«По поводу этих тайных вождей, на которых я ссылаюсь и от которых я получил мудрость Второй степени, передаваемую вам, я ничего не могу сказать. Я даже не знаю их земных имен и очень редко видел их в физической субстанции... Они встречались со мной в своей физической субстанции в назначенное заранее время и в условленном месте. Думаю, что это человеческие существа, живущие на этой земле, но обладающие ужасным, сверхчеловеческим могуществом... Мои физические отношения с ними показали мне, насколько трудно смертному, каким бы продви-

нутым он ни был, выносить их присутствие. Я не хочу сказать, что во время этих редких встреч с ними действие, производимое на меня, не характеризовалось сильной физической депрессией вследствие потери магнетизма. Напротив, я чувствовал себя в контакте с такой ужасной силой, которую я мог бы сравнить только с близким ударом молнии во время сильной грозы, что вызывает трудности с дыханием. Нервная прострация, о которой я говорю, сопровождалась холодным потом и кровотечением из носа, рта, а иногда и из ушей».

Однажды Гитлер беседовал с Раушнингом, председателем данцигского сената, о проблеме мутации человеческой расы. Раушнинг, не имея разгадки такой его странной озабоченности, трактовал слова Гитлера как желание скотовода улучшить германскую породу.

— Но что вы можете сделать, кроме как помочь природе, — сказал он. — Вы в состоянии лишь сократить путь! Природа сама должна дать вам новую разновидность. Ведь до сих пор селекционерам крайне редко удавалось добиться мутации породы животного....

— Новый человек живет среди нас! Он здесь! — торжественным тоном воскликнул Гитлер. — Вам этого довольно? Я вам открою тайну. Я видел этого человека. Он смел и жесток. Мне было страшно в его присутствии.

И Раушнинг рассказывает также о странной сцене, по поводу которой напрасно задает себе вопросы д-р Ашиль Дельма, специалист по прикладной психологии. На самом деле психология к данному случаю неприменима.

«Один человек из его окружения сказал мне, что Гитлер проснулся ночью, издавая судорожные крики. Он, сидя на краю кровати, звал на помощь, и, казалось, что его парализовало. Он был охвачен паникой и дрожал так, что тряслась кровать. Он издавал нелепые, невразумительные вопли. Он задыхался. Тот же приближенный рассказывал мне об одном из таких приступов с подробностями, которым я никогда бы не поверил, если бы мой источник не был настолько надежен. “Гитлер стоял в комнате, пошатываясь и оглядываясь по сторонам с блуждающим взглядом. “Это он! Он! Он пришел сюда!” — рычал он. Его губы побледнели. Пот катился крупными каплями. Вдруг он стал бессмысленно произносить цифры, из его рта вылетали обрывки фраз. Это было ужасное зрелище. Он выкрикивал какие-то странные сочетания слов, весьма странные. Потом он умолк, продолжая беззвучно шевелить губами. Вдруг неожиданно взревел: “Там! Там! В углу! Он там!!” Он топал ногой по паркету и истошно кричал. Его успокоили, сказали, что там, куда он указывает,

ничего необыкновенного нет, и он понемногу успокоился. Затем он, очень долго спал и вновь стал почти нормальным и терпимым”». (Г. Раушнинг, «Гитлер мне сказал», Изд-во «Кооперасьон». Париж, 1939. Ашиль Дельма «Гитлер. Опыт психологической биографии». Париж, 1946.)

Предложим читателю сравнить заявление Матерса, руководителя маленького новоязыческого общества конца XIX века, со словами человека, который в тот момент, когда собирал и записывал Раушнинг, готовился свергнуть мир в авантюру, стоившую двадцати миллионов мертвецов. Мы просим не пренебрегать этим сравнением и его поучительностью под тем предлогом, что «Золотая Заря» и нацизм в глазах разумного историка вещи несоизмеримые. Историк, может, и рассудителен, а история — нет. Те же верования движут этими двумя, их основной опыт идентичен, их направляет та же сила. Они принадлежат к одному за тому же течению мысли, к одной и той же религии. Она еще никогда не была полностью изучена. Ни церковь, ни рационализм, являющаяся другой церковью, — этого не допустили. Мы вступаем в эпоху знания, когда такие исследования станут возможными, потому что реальность приоткрывает свое фантастическое лицо, идеи и технику, которые нам казались ошибочными, уводящими в сторону и заслуживали лишь презрения и неприятия; но они покажутся нам полезными для понимания все менее и менее умиротворяющего реального.

Мы не предлагаем читателю изучить связанную цепочку: розенкрейцеры — Бульвер-Литтон — Уэнтворт — Матерс — Кроули — Гитлер или любую другую связь такого рода, где можно встретить также Блаватскую и Гурджиева. Игра такими связями напоминает игру литературных течений. Игра окончена — а проблема остается. Проблема таланта в литературе. Проблема власти в истории. «Золотой Зари» достаточно для объяснения группы Туле или «Блестящей ложи», Анэнэробэ. Вполне естественно, существуют многочисленные взаимопроникновения, тайные или открытые переходы от одной группы к другой. Мы непременно расскажем об этом. Это увлекательно, как и всякая малая история. Но наша цель — история большая. Мы думаем, что все эти общества, большие или маленькие, разветвленные или ограниченные, связанные или разъединенные, являются более или менее важными, более или менее ясными проявлениями иного мира, не того, в котором мы живем. Скажем, что это — мир Зла в том смысле, в каком его понимал Мейсен. Но не лучше мы знаем и мир Добра. Мы живем между двумя мирами, принимая эту «ничейную землю» за всю планету в целом. Нацизм был одним из тех редких моментов в истории нашей цивилизации, когда приоткрылась дверь в Иное, что было заметно по

яркому свету. Странно, что люди притворяются, что ничего не видели и не слышали, кроме обычных зрелищ и обычного шума, вызываемого войной или политическими беспорядками.

Все эти движения: современные розенкрейцеры, «Золотая Заря», немецкое «Общество Вриль» (которые приведут нас к группе Туле, где мы встретим Хаусхофера, Гесса, Гитлера) были в большей или меньшей степени связаны с могущественным и хорошо организованным теософическим обществом. Теософия к новоязыческой магии добавила фрагменты восточной философии, индуистскую терминологию. Или, вернее, она открыла определенному люциферовскому Востоку дорогу на Запад. Именно теософией стало называться широкое движение по возрождению магического, что в начале века потрясло многие умы.

Удивительно одаренный человек, как Рудольф Штейнер, создал в Швейцарии исследовательское общество, основанное на идее, что вся Вселенная удерживается в уме человека и что этот ум способен к деятельности, несонизмеримой с тем, что утверждает в этой связи официальная психология. На самом деле, некоторые штайнеровские открытия в биологии (удобрения, не разрушающие почву), в медицине (использование металлов для модификации метаболизма), и особенно в педагогике (многочисленные штайнеровские школы функционируют в Европе и сегодня), заметно обогатили человечество.

Рудольф Штейнер утверждал, что есть черная и белая формы «магического исследования». Он полагал, что теософия и различные новоязыческие общества — выходцы из великого подземного мира Зла, которые возвещают о наступлении демонического века. Он спешил выработать в своем собственном учении доктрину морали, обязывающую «посвященных» прибегать только к благотворным силам. Он хотел создать общество «благонамеренных людей».

Мы не задаемся вопросом, прав ли на самом деле Штейнер, обладал ли он истиной или нет. Нас поражает тот факт, что первые нацистские образования, судя по всему, считали Штейнера своим врагом номер 1. Их подручные силой разгоняли собрания последователей Штейнера, угрожали им смертью, заставляли покидать Германию, а в 1924 году в Швейцарии, в Дорнахе, они сожгли здание общества, построенное Штейнером.

Архивы пылали, охваченные пламенем. Штейнер был уже не в состоянии продолжать работу и через год умер от горя.

До сих пор мы описывали только подступы к фантастическому в гитлеризме. Теперь мы вплотную подошли к предмету его повествования.

Две теории процветали в нацистской Германии: теория ледяного мира и теория голой земли. Эти два объяснения мира и человека, примыкающие к традиционным данным, оправдывают мифы, выделяют определенное число «истин», защищаемых группами посвященных, — от теософов до Гурджиева. Эти теории обильно уснащались научно-политическим аппаратом. Они чуть не изгнали из Германии то, что мы считаем современной наукой. Они властвовали над многими умами. Более того, они предопределяли известные военные решения Гитлера, порой влияли на ход войны и, несомненно, способствовали финальной катастрофе. Увлеченный этими теориями, в частности, идеей жертвенного, искупительного потопа, Гитлер сознательно повел немецкий народ к уничтожению.

Мы не знаем, почему эти теории, столь громогласно провозглашенные, признанные десятками тысяч людей, в том числе и великими умами, теории, потребовавшие больших материальных затрат и человеческих жертв, остаются неизученными и, по существу, ранее неизвестными.

Глава VI

ЛЕД И ОГОНЬ

Ультиматум ученым. — Пророк по имени Гербигер, Коперник XX века. — Теория ледяного мира. — История Солнечной системы. — Конец мира. — Земля и четыре луны. — Появление великанов. — Луны, великаны и люди. — Цивилизация Атлантиды. — Пять городов триста тысяч лет назад. — От Тиауанако до тибетских мумий. — Вторая Атлантида. — Потоп. — Вырождение и христианство. — Мы приближаемся к другому веку. — Закон льда и огня

днажды утром, летом 1925 года, почти каждый ученый Германии и Австрии получил письмо. Когда были вскрыты конверты, идея разумной науки умерла, кошмары и крики отважных заполнили вдруг лаборатории и библиотеки. Это было не письмо, это был ультиматум.

«Пришла пора выбрать, с кем вы, — с нами или против нас. Гитлер метлой расчислит политику, Ганс Гербигер выметает ложные науки. Доктрина вечного льда станет знаком возрождения немецкого народа. Берегитесь! Становитесь в наши ряды, пока не поздно!»

Тому, кто бросил такой вызов ученым, Гансу Гербигеру, было шестьдесят пять лет. Он был кем-то вроде разъяренного пророка. Носил огромную седую бороду и писал рючерком, способным привести в отчаяние лучшего графолога. Его учение становилось известным широкой публике под названием «Вель», («Welteislehke» — доктрина всемирного льда, вечного льда).

Это было объяснение космоса, противоречащее официальной астрономии и математике, но оправдывающее древние мифы. Тем не менее

Гербигер считал себя ученым. Но наука должна была менять свои пути и методы. «Объективная наука — это пагубное изобретение, тотем упадничества». Он, как и Гитлер, считал, что перед тем как начать любую научную деятельность, нужно ответить на главный вопрос, — «кто именно ищет знаний». Только пророк может претендовать на науку, поскольку только он в силу озарения поднимается на высший уровень сознания. Это, как раз и хотел, вероятно, сказать посвященный Рабле, когда написал: «Наука без сознания — это развалина души». Он имел в виду — без высшего сознания. Но смысл его фразы исказили, заменив высшее сознание на обычное гуманистическое рядовое сознание. Когда пророку нужны знания, то тогда и возникает вопрос о науке, то есть совершенно о другом, в отличие от того, что мы обычно подразумеваем под словом «наука». Вот почему Ганс Гербигер не выносил ни малейшего сомнения со стороны других, ни малейшего намека на противоречие ему. Тогда его охватывала священная ярость: «Вы верите уравниениям, — не мне! — кричал он. — Сколько же времени еще потребуется вам, чтобы понять, что математика — ложь, не имеющая никакой цены?»

В Германии «герра профессора», научной и технической, Ганс Гербигер окриками и разящими ударами прокладывал путь озаренным знаниям, знаниям иррациональным, основанным на видениях. И он был не единственным в этой области, кто становился светилом, Гитлер и Гиммлер пользовались услугами астролога, хотя и скрывали это. Астролог носил странную фамилию — Фюрер. Позже, после захвата власти, чтобы заявить о своей воле не только властвовать, но и «менять жизнь», они сами провоцировали ученых. Они присвоили Фюреру звание «полномочного представителя математики, астрономии и физики» Ганс Гербигер тут же применил в кругах интеллигенции систему, похожую на систему политической агитации.

Он, судя по всему, располагал значительными финансовыми средствами. Он действовал как вождь партии. Он создавал движение со своей службой информации, вербовочными пунктами, расценками, пропагандистами и подручными, набравшимися среди гитлеровской молодежи. Стены заклеивались объявлениями, страницы журналов и газет заполнялись плакатами, в массовом порядке распространялись листовки, организовывались митинги. Собрания и конференции ученых прерывались его сторонниками, кричавшими, что было сил: «Долой ортодоксальных ученых! Следуйте за Гербигером!» Профессоров избивали на улицах. Директора научно-исследовательских институтов получали вот такие открытки: «Когда мы победим, вы и вам подобные пойдут на ули-

цу просить милостыню!» Бизнесмены, промышленники, перед принятием к себе на работу служащего, заставляли его подписать такое заявление: «Клянусь, что верю в теорию вечного льда». Гербигер писал крупным инженерам: «Либо вы научитесь верить в меня, либо с вами будут обращаться, как с врагами».

За несколько лет его движение опубликовало три крупных труда, сорок популяризаторских книг, сотни брошюр. Оно большим тиражом издавало ежемесячный журнал «Ключ к мировым событиям». Гербигер завоевывал десятки тысяч сторонников. Он начал играть заметную роль в истории идей и истории вообще.

Вначале ученые протестовали, публиковали возмущенные письма и статьи, доказывали нелепость теории Ганса Гербигера. Они не на шутку встревожились, когда «Вель» приобрел масштабы широкого народного движения. После прихода Гитлера к власти такое сопротивление ослабло, но в университетах еще продолжали преподавать ортодоксальную астрономию. Прославленные инженеры, ученые присоединились к доктрине вечного льда — такие, как Ленард, открывший вместе с Рентгеном X-лучи, физики Оберт и Штарк, чьи исследования в области спектроскопии пользовались всемирной известностью. Гитлер открыто поддерживал Гербигера и верил в него.

«Наши северные предки обрели силу в снегах и во льдах, — провозглашала популярная листовка «Веля», — вот почему вера во всемирный лед — естественное наследие нордического человека. Австриец Гитлер прогнал еврейских политиков, другой австриец — Гербигер, прогонит еврейских ученых. Своей собственной жизнью Гитлер доказал, что дилетант выше профессионала! Потребовался другой дилетант, чтобы дать нам полное представление о Вселенной».

Гитлер и Гербигер, «два великих австрийца», встречались много раз. Главарь нацистов слушал этого ученого-визионера с благоговением. Гербигер терпеть не мог, чтобы его перебивали, и он то и дело покрикивал на Гитлера: «Заткнись!» Он довел до крайности убеждения Гитлера: германский народ в своем мессианстве отравлен западной наукой, наукой зашоренной, расслабляющей, лишенной тела и души. Недавние открытия, такие как психоанализ, серология и относительность, считались орудиями, боевыми орудиями, направленными против духа Парсифаля. Учение всемирного вечного льда даст нужное противоядие. Эта доктрина разрушила общепринятую астрономию: жалкая уцелевшая часть этого здания рухнет сама по себе; нужно, чтобы она рухнула ради возрождения магии, этой единственной динамической ценности. На совместных

совещаниях объединялись теоретики национал-социализма и теоретики вечного льда, — Розенберг с Гербигером, в окружении своих лучших последователей.

История человечества, в том ее виде, как описывал Гербигер, с великими потопами и последовательными миграциями, с ее великанами и рабами, жертвами и эпопеями, отвечала теории арийской расы. Сходство мысли Гербигера с восточными темами допотопных времен, периодами спасения человеческого рода и периодами обрушивавшихся на него кар, страстно увлекало Гиммлера. По мере того, как мысль Гербигера развивалась, все четче вырисовывалось ее соответствие с видениями Ницше и с вагнеровской мифологией, открывалось сказочное происхождение арийской расы, спустившейся с гор, населенных великанами, сверхчеловеками иных времен, призванных для того, чтобы управлять планетой и звездами. Учение Гербигера тесно сочеталось с мыслью о магическом социализме, демаршами нацистской группы. Оно щедро питало то, что позднее Юнг назвал «либидо безрассудного». Оно заключало в себе некоторые «витамины духа», содержащиеся в мифах.

В 1913 году инженер и конструктор Филипп Фаут (1867—1941), астроном-любитель, занимающийся на наблюдениях за Луной, опубликовал вместе с несколькими друзьями огромную книгу, объемом более 800 страниц: «Ледяная космология Гербигера». Большая часть этой работы была написана самим Гербигером. Гербигер в то время довольно небрежно управлял своим личным предприятием. Он родился в 1860 году, в тирольской семье, известной в этих местах на протяжении нескольких веков, учился в технологическом училище в Вене и стажировался в Будапеште. Вначале он работал чертежником у конструктора паровых машин Альфреда Кольмана, затем в качестве специалиста по компрессорам поступил к Ланду в Будапеште на работу. Там в 1894 году он изобрел новую систему крана для насосов и компрессоров. Лицензия была продана могущественным американским и немецким компаниям, и Гербигер вдруг стал обладателем крупного состояния, которое, правда, война вскоре свела к нулю.

Гербигер давно увлекался астрономическим применением различных состояний воды — жидкости, льда, пара; он мог все это неплохо изучить, работая по своей специальности.

Неожиданные «озарения», свойственные блестящей интуиции открыли перед ним, как он сам говорил, двери в новую науку, охватывающую все остальные области знаний. Он стал одним из пророков мессианской Германии и после смерти удостоился титула «Гениальный открыватель, благословенный Богом».

Доктрина Гербигера черпает свою силу из всеохватывающего видения истории и эволюции космоса. Она объясняет образование Солнечной системы, рождение Земли, зарождение жизни и духа. Она описывает все прошлое Вселенной и возвещает о ее будущих превращениях. Она отвечает на три главных вопроса: Кто мы? Откуда пришли? Куда идем? Ответы Гербигера точны и эмоционально окрашены.

Все основано на идее вечной борьбы в бесконечных пространствах, борьбы между льдом и огнем, между силами отталкивания и силами притяжения. Эта борьба, меняющаяся напряженность между противоположными принципами, эта вечная война на небе, являющаяся законом планет, управляет также Землей и живой материей, она определяет историю человечества.

Гербигер утверждает, что раскрыл самое далекое прошлое нашего земного шара и его еще более отдаленное будущее; он вводит самые фантастические понятия об эволюционном развитии живых существ. Он переворачивает наши представления об истории цивилизации, о появлении человека, развитии его и общества. Он в связи с этим описывает не длительное восхождение, а целую серию взлетов и падений. Люди-боги, великаны, сказочные цивилизации предшествовали нам сотни тысяч, если не миллионы, лет назад. Мы, быть может, вновь станем тем, чем были наши предки, пройдя через катаклизмы и необычные мутации по ходу истории, которая развивается циклично как на Земле, так и в космосе. Ибо законы неба те же, что и законы Земли, и вся Вселенная вовлечена в одно и то же движение, она — живой организм, и все отражается во всем. Судьбы людей связаны с судьбами звезд, то, что происходит в космосе, происходит и на Земле, и наоборот.

Как видим, эта доктрина цикличности и почти магических отношений между человеком и Вселенной возрождает мысль, высказанную в самых далеких традиционных преданиях. Она воскрешает очень древние пророчества, мифы и легенды, древние тексты о сотворении мира, Всемирном потоке, великанах и богах.

Эта доктрина, с которой мы сейчас познакомимся поближе, входит в противоречие со всеми данными общепринятой науки. Но, как говорил Гитлер, «есть нордическая и национал-социалистская наука, противостоящая науке иудейско-либеральной». Наука, принятая на Западе, как и совпадающая с ней иудео-христианская религия. Это заговор, который нужно подавить. Это заговор против чувства эпического и магического, чувства, живущего в сердце сильного человека, широкий заговор, захлопывающий перед человечеством двери прошлого и будущего, огра-

ничивая его коротким пространством нескольких известных цивилизаций происхождения, он лишен сказочной судьбы и диалога с богами.

Обычно ученые признают, что наша Вселенная была создана в результате взрыва 3—4 миллиарда лет назад. Но что взорвалось? Весь космос заключался, быть может, в одном атоме, нулевой точке создания. Этот атом взорвался, и с тех пор находился в состоянии непрерывного расширения. В нем содержалась вся материя и все известные нам сегодня силы. Но, выдвигая эту гипотезу, нельзя, однако, утверждать, что речь идет об абсолютном начале зарождения Вселенной. Теоретики, утверждающие, что Вселенная, вышедшая из этого атома, расширяется, оставляют в стороне проблему его происхождения. В общем, наука не высказывает на этот счет ничего более точного, чем великолепная эпическая индийская поэма: «В промежутке между разрушением и созиданием Вишну — Геша покоился в собственной сущности, сияющей спящей энергией, среди зародышей будущей жизни».

Что касается рождения нашей Солнечной системы, то и здесь гипотезы не менее легковесны. Например, планеты якобы родились от частичного взрыва Солнца. Какое-то большое звездное тело прошло поблизости, отколов часть солнечного вещества, которое вначале рассеялось в пространстве, а затем сгустилось, образовав планеты. После чего большое астральное тело неведомая сверхзвезда, продолжая свой путь, растворилась в бесконечности. Или, например, другая гипотеза, — взрыв какого-то близнеца нашего Солнца. Профессор Г.Н. Руссель с иронией резюмирует эту проблему: «До тех пор, пока мы точно не узнаем, как это все произошло, единственное, что мы знаем наверняка, так это то, что Солнечная система каким-то образом все же произошла».

Гербигер же утверждает, что знает, как это произошло. У него есть окончательное объяснение. В своем письме к инженеру Вилли Лею он пишет, что это объяснение пришло ему в голову, когда он был еще юношей. «Меня осенило, — говорит он, — когда, еще молодым инженером, я наблюдал, как расплавленная сталь пролилась на мокрую и покрытую снегом землю; с некоторым опозданием земля взорвалась, причем с большой силой. Вот и все». И вот на основе этого наблюдения доктрина Гербигера начинает поднимать голову и распространяться. Все просто, как яблоко Ньютона.

В небе находилось огромное тело с температурой, в миллионы раз выше температуры нашего нынешнего Солнца. Оно столкнулось с гигантской планетой, состоявшей из скопления космического льда. Эта ледяная масса глубоко проникла в сверх-солнце. И в течение сотни тысяч лет

ничего не происходило. Но потом водяные пары произвели гигантский взрыв.

Осколки разлетелись так далеко, что затерялись в необъятном ледяном пространстве. Другие упали назад, на центральную массу, где произошли взрывы. Наконец, третьи были отброшены в среднюю зону: это теперь планеты нашей системы. Их было тридцать. Это — глыбы, понемногу покрывавшиеся дьдом. Луна, Юпитер, Сатурн состоят из льда, а каналы Марса — это трещины в ледяном покрове. Только Земля не была целиком охвачена холодом, и в ней продолжается борьба льда и огня.

На расстоянии, равном троекратному расстоянию до Нептуна, в момент этого взрыва находилось огромное ледяное кольцо. Оно и сейчас там. Официальные астрономы упрямо называют его Млечным Путем, потому что несколько звезд, похожих на наше Солнце, сверкают в нем в бесконечном пространстве. Что касается фотографий отдельных звезд, совокупность которых и образует Млечный Путь, то все они — подделки.

Пятна, видные на Солнце, меняющие свою форму и место нахождения каждые одиннадцать лет, остаются необъяснимым феноменом для ученых-ортодоксов. А произошли они от падения ледяных глыб, оторвавшихся от Юпитера. А Юпитер, насколько известно, совершает свой оборот вокруг Солнца каждые 11 лет.

В средней зоне взрыва те планеты системы, к которой принадлежим и мы, подчиняются двум силам:

- первоначальной силе, удаляющей их;
- гравитации, притягивающей их к самой большой массе, расположенной по соседству.

Эти две силы не равны. Сила начального взрыва уменьшается, потому что пространство — не пустота, в нем есть некое вещество, состоящее из водорода и водяных паров. Кроме того, вода, достигшая Солнца, наполняет космос кристаллами льда. Таким образом, начальная сила отталкивания последовательно уменьшается, тогда как гравитация постоянна. Вот почему каждая планета приближается к более близкой к ней планете, притягивающей ее. Она приближается к ней, вращаясь вокруг нее, или, вернее, описывая все более сужающуюся спираль. Так что рано или поздно каждая планета упадет на ближайшую к ней, и вся система кончит тем, что, обледенеv, упадет на Солнце. Произойдет новый взрыв, и все начнется сначала.

Лед и огонь, отталкивание и притяжение вечно борются во Вселенной. Немецкий писатель Эльмар Бругг в 1952 году написал работу, вос-

хвалявшую Гербигера, в которой, в частности, говорит: «Ни одна из доктрин, рассказывающая о Вселенной, не касалась принципа противоречия, борьбы двух противоположных сил, борьбы, которая на протяжении тысячелетий поддерживала человеческую душу. Неувядаемая заслуга Гербигера состоит в том, что он с такой силой возродил интуитивное знание наших предков, знание о вечном конфликте огня и льда, воспетое в «Эдде». Он изложил этот конфликт в соответствии со взглядами его современников. Он научно обосновал этот грандиозный облик мира, связанный с дуализмом материи и силы, — отталкивания, которое рассеивает, и притяжения, которое собирает».

Поэтому не вызывает сомнения: Луна кончит тем, что упадет на Землю. На протяжении нескольких тысячелетий, расстояние от одной планеты до другой кажется неизменным. Но мы способны тем не менее обнаружить, что спираль сужается. Мало-помалу с течением веков Луна приблизится. Сила гравитации, оказываемая ею на Землю, будет возрастать. Тогда воды наших океанов станут похожими на одно сплошное водное пространство, и вода все будет прибывать, заливая сушу, затопливая тропики и самые высокие горы до вершин. Живые существа будут постепенно терять свой вес. Они вырастут. Космические лучи станут более интенсивными. Воздействуя на гены и хромосомы они вызовут мутации. В результате появятся новые расы, животные, растения и гигантские леса.

Затем, все приближаясь, Луна, вращаясь на бешеной скорости, взорвется; она превратится в огромное кольцо из скал, льда, воды и газа, вращающееся все быстрее. Наконец, это кольцо рухнет на Землю, и тогда произойдет падение, предсказанное Апокалипсисом. Но если люди при этом выживут, самые сильные, самые лучшие, избранные, — то они увидят страшное, потрясающее зрелище, может быть, последнее зрелище конца.

После тысячелетий без спутника, когда на Земле будут необычно наслаиваться друг на дружку старые и новые расы, появятся цивилизации, рожденные великанами, и после потопа и огромных катаклизмов все начнется сначала. Марс, значительно меньше земного шара, кончит тем, что приблизится к нему. Он выйдет на орбиту Земли. Но он слишком велик, чтобы стать ее спутником, подобно Луне. Он пройдет совсем близко от Земли, чуть заденет ее, падая на Солнце, притягиваемый его огнем. Тогда наша атмосфера окажется захваченной притяжением Марса и под его влиянием покинет нас, затерявшись в пространстве. Океаны забурлят, вскипая на поверхности Земли, смывая все на своем пути, и земная кора треснет. Наш земной шар, безжизненный, про-

должая движение по спирали, будет захвачен ледяными планетоидами, и сам превратится в громадный ледяной шар, который в свою очередь, упадет на Солнце. После страшного столкновения наступит Великое молчание. Великая неподвижность, и на протяжении миллионов лет внутри полыхающей жаром массы будут накапливаться водяные пары. Наконец, произойдет новый взрыв, который приведет к созданию новых миров вечными силами космоса.

Такова судьба нашей Солнечной системы в представлении а австрийского инженера, которого национал-социалистские сановники называли «Коперником XX века».

Теперь мы опишем его видение применительно к истории прошлого, настоящего и будущего Земли и людей. Эта история пророка Гербигера похожа на легенду, полную сказочных тайн и откровений.

В 1948 году, когда я был последователем Гурджиева, верил в него, одна из его преданных учениц любезно пригласила меня с семьей провести несколько недель у нее в горах. Эта женщина обладала подлинной культурой, была химиком по образованию, у нее был острый ум, твердый характер. Она часто оказывала помощь художникам и интеллектуалам. После Люка Дитриха и Рене Домали больше всего я обязан именно ей. Она не была безумной поклонницей учения Гурджиева, порой гостившего у нее, и всегда пропускала все его идеи через сито своего разума. Тем не менее, однажды я уличил ее — или считал, что вывел на чистую воду, — в непоследовательности. Она вдруг открыла передо мной всю глубину своего заблуждения, отчего я утратил дар речи и пришел в ужас, словно присутствовал при чьей-то агонии. Холодная ночь опустилась на сверкающий снег, и мы неторопливо беседовали, облокотившись на перила балкона. Мы смотрели на звезды так, как на них смотрят в горах, переживая абсолютное одиночество, столь угнетающее в других местах и столь душеочищающее здесь. Ясно проступали рельефы Луны.

— Вернее было бы сказать, — этой Луны, — поправила меня хозяйка.

— Что вы имеете в виду?

— То, что были и другие луны на небе. Эта просто последняя...

— Что вы сказали? Были и другие луны, кроме этой?

— Несомненно. Г-н Гурджиев знает это и другие — тоже...

— Но ведь астрономы...

— Ах, неужели вы еще верите ученым...

У нее было умиротворенное лицо, и она улыбалась. С этого дня я перестал чувствовать себя на одной ноге с некоторыми друзьями Гурджиева, которого я уважал. Они стали в моих глазах людьми, вызываю-

щими беспокойство, и я почувствовал, как оборвалась одна из нитей, связывавшая меня с этой семьей. Через несколько лет, читая книгу Гурджиева «Рассказы маленького племянника Вельзевула» и открыв космогонию Гербигера, я понял, что такое верование было не просто фантастическим прыжком в неизвестное. Существовала некая связь между этой странной историей с Луной и философией сверхчеловека, психологией «высших порогов сознания», механизма мутаций. Наконец, эту идею можно было найти в восточных преданиях, как и идею о том, что тысячелетия назад люди могли видеть другое небо, отличающееся от нашего, — с другими созвездиями, другим спутником.

Не вдохновлялся ли Гурджиев Гербигером, которого он, конечно, знал? Или может он черпал из древних источников знания, передавая и легенды, о которых Гербигер как бы случайно вспоминал во время своих псевдонаучных озарений?

Тогда, стоя на балконе горного шале, я не знал, что моя хозяйка выражала верования тысяч людей в гитлеровской Германии, еще погребенной в ту пору под руинами, кровоточащей, дымящейся среди развалин ее великих мифов. И моя хозяйка в ту чудную, светлую, спокойную ночь тоже этого не знала.

Таким образом, по Гербигеру, Луна, которую мы видим, — якобы последний, четвертый спутник, вовлеченный Землей в свою орбиту. На протяжении истории наш земной шар якобы проделал тоже самое с тремя другими. Три массы космического льда, блуждавшие в пространстве, одна за другой оказались на нашей орбите. Они стали описывать спиралевидные круги вокруг Земли, приближаясь к ней, а потом упали на нее. Наша теперешняя Луна тоже рухнет на Землю. Но на сей раз катастрофа будет куда ужаснее, потому что последний спутник больше предыдущих по размерам. Всю историю земного шара, эволюцию видов и всю историю человечества можно объяснить этой последовательной сменой лун на нашем небе.

Существуют четыре геологических периода на Земле, есть четыре луны. Мы живем в четвертый период. Перед тем, как упасть, Луна прежде взрывается, и, вращаясь все быстрее, превращается в кольцо из каменных глыб, льда и газа. Это кольцо и падает на Землю, засыпая поверхность, превращая в окаменелость все то, что окажется под завалами. В нормальный период погребенные организмы не окаменевают, — они разлагаются. Окаменение происходит только в тот момент, когда обрушивается Луна. Вот почему мы различаем первичный, вторичный, третичный периоды. Нам известны лишь фрагментарные свидетельства об

истории жизни на Земле. Некоторые виды животных и растений могли на протяжении веков появляться и исчезать, не оставляя никаких следов в геологических пластах. Но теория лун позволяет представить себе изменения, через которые в прошлом прошли различные формы живого. Она позволяет также предвидеть грядущие превращения.

Во время приближения спутника наступает период, продолжающийся несколько сот тысяч лет, когда новая Луна вращается вокруг Земли на расстоянии четырех-шести земных радиусов. Гравитация претерпевает значительные изменения. Именно она заставляет расти живые существа. И они растут до тех пор, покуда в состоянии выносить собственный вес. Когда спутник подходит вплотную, наступает период гигантизма. В конце первичного периода на Земле мы находим огромные растения, громадные насекомые. В конце вторичного — диплодоки, ящеры, другие тридцатиметровые животные. Происходят неожиданные, быстрые мутации под воздействием все более интенсивных космических лучей. Все живые существа, утратив первоначальный вес, выпрямляются, их черепные коробки увеличиваются в объеме, животные приобретают способность летать. Возможно, в конце вторичного периода появились гигантские млекопитающие. Возможно, и первые люди созданы мутацией. Это время следует отнести к концу вторичного периода, к моменту, когда неподалеку от Земли вращалась вторая луна, то есть приблизительно 15 миллионов лет назад. Это возраст нашего предка-великана. Блаватская, утверждавшая, что познакомилась с «Книгой Дзиан», самым древним текстом человечества, рассказывающим об истории происхождения человека, также утверждала, что первая человеческая раса, раса великанов, появилась во вторичный период. «Человек вторичного периода будет когда-нибудь найден, и с ним — его давно исчезнувшая цивилизация».

И вот в ночи, бесконечно более непроглядной, чем мы себе представляем, под другой луной, в мире чудовищ появляется этот огромный первый человек, лишь отдаленно похожий на нас, и его ум отличается от нашего. Первый человек, первая человеческая пара, близнецы, вышедшие из живой матрицы чрева в силу чуда мутаций, умножившийся, когда космическое излучение стало очень и очень мощным. Книга Бытия говорит нам, что потомки этого патриарха жили от 500 до 900 лет, — потому что уменьшение веса задерживает износ организма. В книге один лишь раз говорится о великанах, но еврейские и мусульманские предания дополняют ее. Наконец, последователи Гербигера утверждают, что кости человека вторичного периода недавно были найдены в России.

Каковы могли быть формы цивилизации исполинов пятнадцать миллионов лет назад? Можно представить себе сообщества по типу тех, которые создавались гигантскими насекомыми первичного периода, выродившимися потомками которых являются наши сегодняшние насекомые, все еще удивляющие нас. Можно себе представить великую силу коммуникации на расстоянии, цивилизации, основанные на моделях центральных материальной и психической энергии, моделей, например, колоний термитов, ставящих перед наблюдателем столько поразительных загадок в неведомых областях инфраструктур или суперструктур разума.

Эта вторая луна приближается, взрывается, превратившись в кольцо обломков, и обрушивается на Землю, которой предстоит пережить новый, продолжительный период без своего спутника. Движущаяся спиралеобразно, ледяная глыба, явившаяся из отдаленных пространств, попадает на орбиту Земли, у которой таким образом появляется новый спутник. Но за этот долгий период, когда над головами не висел этот бледный шар, выжили только особи, явившиеся результатом мутаций в конце вторичного периода. Они продолжают существовать, уменьшаясь в размерах. Были еще великаны, которые адаптировались. Когда появилась третья луна, сформировались обычные люди, — они были меньше ростом, менее разумны. Это были наши настоящие предки. Но великаны, пришедшие из вторичного периода и пережившие различные катаклизмы, еще существуют, — они-то и цивилизуют маленьких людей.

Идея о том, что люди из животного, дикого состояния медленно поднимались до уровня цивилизации — идея недавняя. Это — иудео-христианский миф, навязываемый сознанию, чтобы вытеснить более мощный миф. Когда человечество было не столь зрелым, то есть находилось ближе к своему прошлому, в те времена, когда ни один хитроумный заговор еще не изгнал это прошлое из памяти, человечество знало, что оно происходит от богов, от владык-великанов, которые научили людей всему. Оно вспоминало о золотом веке, когда те, кто был выше его, учили людей земледелию, металлургии, искусствам, наукам, указывали, как совладать с Душой. Греки вспоминали век Кроноса и говорили о признательности, которую их предки питали к Гераклу.

Египтяне и жители Междуречья сохранили легенды о гигантах-владыках — наставниках. Народы, которые мы сегодня называем «примитивными», туземцы островов Тихого океана, например, смешивают свою религию с выродившимся культом «добрых великанов» начала мира. В нашу эпоху, когда свойства духа и сознания были извращены, люди, предпринимавшие гигантские усилия, чтобы вырваться из рамок обще-

принятого мышления, вновь обретают под воздействием своего разума ностальгию по счастливым временам на заре веков, потерянному раю, вспоминая через пелену веков о своем первоначальном посвящении.

От Греции до Полинезии, от Египта до Мексики и Скандинавии, все предания доносили весть о том, что люди были посвящены великанами. Это золотой век третичного периода, длившийся много миллионов лет, в течение которых моральная, духовная, а может быть, и техническая цивилизация достигли на земном шаре своего апогея.

*Когда великаны еще смешивались с людьми,
Во времена, когда о них никто никогда не говорил...*

Так писал поэт Виктор Гюго, пребывая во власти необыкновенного озарения.

Третья луна, сужая свою спираль, приближается к Земле, Воды под воздействием гравитации спутника поднимаются, и люди — более 900 000 лет назад — бросаются к высочайшим вершинам вместе с великанами, своими владыками. На этих вершинах над океанами, окружившими земли, люди со своими властелинами намерены создать мировую морскую цивилизацию, в которой Гербигер и его английский последователь Беллами усматривают цивилизацию Атлантиды.

Беллами обнаружил в Андах, на высоте 4000 метров, следы морских отложений, которые тянутся на 700 километров. Воды конца третичного периода подымались до этого уровня, одним из центров цивилизации этого периода был Тиауанако, расположенный у озера Титикака. Развалины Тиауанако свидетельствуют о существовании цивилизации, ни в чем не похожей на все последующие и удаленной от нашего времени на сотни тысяч лет. Немецкий археолог Гаген, автор опубликованной на французском языке работы «В царстве икон» (Изд-во «Плон», Париж), записал близ озера Титикака устное предание местных индейцев, согласно которому «Тиауанако был построен прежде, чем появились звезды на небе».)

Гербигеряны находят там видимые следы великанов и их необъяснимые монументы. Например, девятитонный камень, на котором на шести его гранях сделаны трехметровые желоба, назначение которых совершенно непонятно архитекторам. Очевидно, они имели какое-то назначение. Портки высотой 3 метра и шириной — 4, высеченные из целого камня, с дверьми, с глухими окнами, скульптурами, вырезанными резцом, — и все это сооружение весит шесть тонн. Среди сказочных руин поднимаются гигантские статуи, из которых лишь одна была спущена

вниз и установлена в саду музея в Ла-Пасе. Она восьмиметровой высоты и весит 20 тонн, гербигерианцы видят в них автопортреты великанов.

«Линии лица бросаются не только в глаза, они проникают в наше сердце, это проявление высшей добродетели и высшей мудрости. Гармония пронизывает всю фигуру этого колосса, руки и туловище которого, сильно стилизованные, хорошо уравновешаны. Мир и спокойствие излучает этот чудесный монолит. Если это на самом деле скульптура одного из владык, правивших этим народом, то на память приходит начало фразы Паскаля: «Если бы Бог давал нам учителей своей щедрой рукой...»

Если эти монолиты на самом деле высечены и установлены великанами для их учеников-людей, если эти скульптуры, доведенные до такой степени абстрактности, такой мощной стилизации, которая поражает даже нас, были созданы этими высшими, то тогда становится понятным миф о том, что искусства были даны людям богами и здесь лежит ключ к различным мистическим объяснениям эстетического художественного вдохновения.

Среди этих скульптур фигурируют стилизованные скульптурные изображения токсодона, — животного третичного периода, кости которого были обнаружены в Тиуанако. Известно, что токсодоны могли жить только в третичный период, наконец, на этих развалинах, существовавших за сто тысяч лет до конца третичного периода, в засохшем иле был найден десятитонный портик, украшения которого были изучены немецким археологом Киссом, последователем Гербигера, между 1928 и 1937 годами. Речь идет о календаре, созданном в соответствии с наблюдениями астрономов третичного периода. Этот календарь содержит неоспоримые научные данные. Он разделен на четыре части солнцестояниями и равноденствиями, отмечающими астрономические времена года. Каждое из этих времен года делится на три части, и в этих двенадцати секциях указано положение Луны на каждый час суток.

Кроме того, два вида движения спутника — кажущееся и действительной, учитывающее вращение Земли, — обозначены на этом удивительное портике, украшенном скульптурными изображениями, что поневоле заставляет думать о том, что создатель портика и те, кто пользовался его календарем, обладали культурой гораздо более высокой, чем наша.

Тиуанако, расположенный в Андах на высоте более четырех тысяч метров над уровнем моря, был одним из пяти больших морских городов морской цивилизации конца третичного периода, построенных великанами, проводниками людей. Последователи Гербигера находят там остатки большого порта с огромными причалами, откуда атланты, — ибо

речь, несомненно, идет об Атлантиде, — отправлялись на своих усовершенствованных кораблях в кругосветное путешествие по кольцу океанов, направляясь в четыре других крупных центра цивилизации: Новую Гвинею, Мексику, Абиссинию и Тибет. Таким образом, эта цивилизация была распространена по всему земному шару, что и объясняет сходство между дошедшими до нас самыми древними преданиями человечества.

При крайней степени унификации, при постоянном совершенствовании знаний и используемых средств, люди и их великаны-владыки знали, что спираль третьей луны сужается, и что спутник в конце концов рухнет; но они осознавали связь всех вещей в Космосе, магические отношения живого существа во Вселенной, и, несомненно, приводили в действие известные им силы — индивидуальную и общественную, техническую и духовную энергию, чтобы задержать такой катаклизм и продлить этот атлантический век, размытое воспоминание о котором останется на тысячелетия.

После падения третьей луны воды вновь опустятся, но предшествовавшие этому потрясения уже нанесли непоправимый ущерб этой цивилизации. Уровень океанов понизится, пять великих городов, в том числе и Атлантида в Андах, исчезнут, в результате их изоляции и асфиксии из-за возвращения высоких вод. Их развалины лучше всего сохранились в Тиауанако, но гербигерианцы обнаруживают и другие.

В Мексике тольтеки оставили священные книги, описывающие историю Земли в полном соответствии с теорией Гербигера.

В Новой Гвинее туземцы племени малекула продолжают, не отдавая уже в этом себе отчета, воздвигать каменные десятиметровые изваяния, изображающие их высших предков, а их устное предание о Луне, создательнице человеческого рода, говорит и о падении спутника Земли.

Из Абиссинии после катаклизма вышли Средиземноморские великаны, и предание говорит, что это высокое плато — колыбель еврейского народа и родина царицы Савской, владевшей древними науками.

Наконец, известно, что Тибет — хранилище очень древних знаний, основанных на знаниях психических сил. Словно для того, чтобы подтвердить гербигеровские взгляды, в 1957 году в Англии и во Франции вышла любопытная работа. Это — «Третий глаз» Лобсанга Рампы. (Э. Томас свидетельствует, что Л. Рампа — вымышленное имя англичанина, мошенника и проходимца, живущего в Лондоне и никогда не выезжавшего из Англии. — Ж. Б.)

Автор утверждает, что он — лама, достигший последней степени посвящения. Возможно, он был одним из немцев, посланных в Тибет с

особой миссией нацистскими главарями. (Мы еще не раз вернемся к стран-ным отношениям, поддерживаемым Гитлером и его окружением с Тибетом.) При публикации «Третьего глаза» английские газеты заинтересо-вались, кто же скрывается под именем Лобсанга Рампы; официальные раз-ведслужбы хранят по этому поводу молчание. Остается предполагать, что это либо подлинное имя посвященного ламы, сына одного из высших сановников бывшего правительства Лхасы, как утверждает автор, вы-нужденный по этой причине скрывать свое подлинное имя; либо это не-мец, входивший в одну из секретных миссий в Тибете, направленных туда в период между 1928 и 1945 гг., концом гитлеровского рейха. В этом случае он либо сообщает о действительных открытиях, либо передает чей-то рассказ, либо расцвечивает собственными фантазиями гербигеровские или национал-социалистские воззрения. Следует, однако, учесть, что специалисты по Тибету никогда не опровергали этих открытий.

Лобсанг Рампа описывает, как он под руководством трех крупных ламаистских метафизиков спустился в святилище Лхассы, где находилась подлинная тайна Тибета:

«Я увидел три саркофага из черного камня, украшенные гравюрами и любопытными надписями. Они не были закрыты. Когда я заглянул внутрь, у меня перехватило дыхание.

— Смотри, сын мой, — сказал старший из монахов. — Они жили, как боги, в нашей стране в те времена, когда моря омывали эти берега и ког-да иные звезды сверкали на нашем небе. Смотри хорошенько, ибо лишь посвященные видели их.

Повинуясь, я был одновременно очарован и охвачен ужасом. Три обнаженных тела, покрытых золотом, лежали передо мной. Каждая их черточка был воспроизведена в золотом обрамлении. Но они были про-сто огромны! Женщина — более трех метров, а самый большой из муж-чин — не менее пяти. У них были большие головы, слегка сходящиеся конусом сверху, узкая челюсть, маленький рот и тонкие губы. Нос длин-ный и тонкий, глаза — раскосые и прямые, глубоко посаженные... Я раз-глядывал крышку одного из саркофагов. На ней была выгравирована карта неба с очень странным расположением звезд...»

Следует отметить, что в одной из пещер Вогистана, у подножия Ги-малаев, нашли карту неба, значительно отличающуюся от карт нашего времени. Астрономы считают, что здесь речь идет о наблюдениях, сде-ланных около тринадцати тысяч лет назад. (Эта карта была опублико-вана в 1925 году английским изданием журнала «Нэйшнл джиографик». — Л. П. и Ж. Б.)

После своего спуска в этот склеп он добавил:

«Когда-то, тысячи и тысячи лет назад, дни были короче и значительно теплее. Возводились грандиозные цивилизации и люди были куда мудрее, чем теперь. Из внешнего пространства возникла планета, которая задела край земли. Ветры взбудоражили моря, которые под воздействием различных гравитационных сил хлынули на сушу. Вода покрыла весь мир, который сотрясали землетрясения, и Тибет перестал быть страной с теплым климатом, превратившись в морскую».

Беллами, археолог и последователь Гербигера, нашел вокруг озера Титикака следы катастроф, предшествовавших падению третьей луны: вулканический пепел, отстой от неожиданных наводнений. В этот момент спутник взорвался и превратился в кольцо которое набирало все большую скорость вращения на небольшом расстоянии от Земли, перед тем как рухнуть на нее. Вокруг Тиауанако, среди развалин, видны начатые и неожиданно брошенные постройки, разбросанные повсюду орудия труда. Высокоразвитая атлантическая цивилизация, которая в течение нескольких тысяч лет подвергалась воздействию стихии, превратилась в прах.

Потом, сто пятьдесят тысяч лет назад произошел великий катаклизм, Луна упала, и ее осколки бомбардировали Землю. Притяжение Луны прекратилось, воды океанов спали, моря отступили, их уровень снизился. Вершины гор, которые служили большими морскими портами, оказались отрезанными друг от друга бесконечными болотами. Воздух стал более разреженным, тепло ушло. Атлантида погибла, не поглощенная водами, а напротив, оставленная ими. Корабли были либо унесены, либо разбиты, машины заглохли, либо взорвались, поступавшего извне продовольствия не хватало, море поглотило мириады живых существ, исчезли ученые с их наукой, социальная организация была разрушена, уничтожена. Если атлантическая цивилизация достигла наивысшего уровня социального и технического совершенства, иерархии и унификации, то как она могла исчезнуть так быстро, не оставив почти никаких следов? Стоит поразмыслить, что же могло стать причиной гибели нашей собственной цивилизации за столь короткий для истории период, — всего несколько столетий или даже лет.

Источники энергии и ее передатчики все более упрощаются. Скоро каждый из нас будет обладать передатчиком атомной энергии или жить вблизи от них — заводов или машин, — до того дня, когда будет достаточно одной аварии источника, чтобы все мгновенно улетучилось в огромной цепи этих передатчиков — люди, города, целые народы. Уцелело бы толь-

ко то, что не связано с этой высокотехнической цивилизацией. И ключевые науки, как и ключи власти разом исчезли бы всего лишь по одной причине — слишком высокой степени специализации. Самые высокоразвитые цивилизации погибли бы мгновенно, ничего не успев передать потомкам.

Такое видение, может, и раздражает, но оно, по-видимому, справедливо. Таким образом, можно допустить, что централи, передатчики психической энергии, бывшие, возможно, основой третичной цивилизации, разом взорвались, а пустыни из ила окружили эти горные, уже остывшие вершины, где воздух стал непригодным для дыхания. Итак, морская цивилизация вместе со своими высшими достижениями просто погибла в катаклизме.

Выжившим оставалось лишь спуститься в болотистые долины, образовавшиеся отступившим морем в огромных торфяниках нового континента, еще только освобожденного отступлением бурных вод, где полезная растительность появится только через тысячелетия. Владыки великаны завершили свое царствование; люди вновь одичали и вместе со своими последними, потерпевшими крах богами погрузились в глубокую безлунную ночь, которую теперь узнал земной шар.

Великаны, подобные богам, которые на протяжении миллионов лет жили в этом мире, великаны, которые густо населяли все наши легенды, утратили свою цивилизацию. Люди, над которыми они властвовали, одичали вновь. Это одичавшее человечество вместе со своими властителями, ордами рассеивалось по затянутым илом пустыням. Их падение произошло около 150 тысяч лет тому назад. Гербигер считает, что наш земной шар оставался без спутника 158 тысяч лет. В течение этого огромного периода цивилизация возродилась под руководством последних владык-великанов. Они возрождались в горных долинах между 40 и 60 градусами северной широты, а на пяти вершинах третичного периода еще оставалось кое-что от отдаленного золотого века. Выходит, было две Атлантиды: одна — в Андах, сияющая на весь мир, со своими четырьмя другими центрами. И другая — в северной Атлантике, гораздо более скромная, основанная много лет спустя после катастрофы потомками великанов. Эта гипотеза о двух Атлантидах позволяет совместить все предания и древние рассказы. Об этой, второй, и говорит Платон.

Двенадцать тысяч лет назад Земля приобрела четвертый спутник, нашу теперешнюю Луну. Произошла новая катастрофа. Земной шар приобрел нынешнюю форму, утолщенную в поясе тропиков. Северные и южные моря стекались к экваториальному поясу и вновь начались ледниковые периоды на севере, оголенных из-за притяжения новой Луной воздуха и воды.

Вторая атлантическая цивилизация, более короткая, чем первая, исчезла за одну ночь, поглощенная водами Севера. Это и есть Великий потоп, о котором говорится в Библии. Это грехопадение, о котором вспоминают люди, изгнанные в то время из земного рая в тропиках. Для гербигерианцев миф Книги Бытия и Потоп — одновременно и воспоминание и пророчество, ибо космические события повторяются. И текст Апокалипсиса, который никогда так и не был объяснен, — верное описание небесных и земных катастроф, наблюдавшихся людьми в течение веков, соответствует гербигерианской теории.

В этот новый период высокой Луны великаны выродились.

В мифах полно их сражений между собой, а также войн с людьми. Те, кто был когда-то владыками и богами, придавленные теперь тяжестью неба, истощив все свои силы, превратились в уродов, которых нужно было изгнать. И чем выше они поднимались, тем ниже падали. Это — людоеды из легенд. Уран и Сатурн пожирали своих детей. Давид убил Голиафа. Как писал В. Гюго: «ужасные глупые великаны, побежденные хитроумными карликами».

Это была гибель богов. Евреи, дойдя до Земли обетованной увидели монументальное железное ложе умершего царя-великана: «И смотрите, его постель была железной, десяти локтей длины и четырех — ширины».

Ледяная звезда, освещающая наши ночи, схвачена Землей и вращается вокруг нее. Так родилась наша Луна. Вот уже двенадцать тысяч лет не прекращается ее культ, полный неосознанных воспоминаний, который вызывает у нас тревожное внимание к себе, смысл которого нам не совсем ясен. Когда мы созерцаем Луну, то постоянно чувствуем, как в глубине нашей памяти шевелится нечто большее, чем мы сами. Древние китайские рисунки изображают лунного дракона, угрожающего Земле. В книге Чисел (XIII, 33) можно прочитать: «Там видели мы и исполинов... от исполинского рода, и мы были в глазах наших пред ними как саранча, такими же были мы и в глазах их». Иов вспоминает уничтожение великанов и восклицает: «Рафаимы трепещут над водами, и живущие в них» (XXVI, 5).

Мир поглощен водой, мир исчез, бывшие жители Земли погибли, и мы начинаем жизнь одиноких людей, маленьких, покинутых людей, в ожидании мутаций, чудес и катаклизмов будущего. в новой ночи времен, под новым спутником, который придет к нам из бесконечных пространств, где продолжается борьба между льдом и огнем.

Почти повсюду люди, словно слепые, наощупь, чувствуют творения угасших цивилизаций и копируют их, — возводят гигантские монументы

ты, не зная, для чего они это делают. Это — громадные мегалиты гвинейского племени малекула, кельтские менгиры, статуи на острове Пасхи. Племена, называемые нами ныне «примитивными», — это, несомненно, выродившиеся остатки исчезнувших цивилизаций, империй, повторяющие их действия, которые когда-то определялись сводом рациональных правил.

В некоторых местах, в Египте, в Китае, гораздо позднее — в Греции, возникли великие человеческие цивилизации, помнившие об исчезнувших Высших, наставниках. После четырех тысяч лет культуры египтяне времен Геродота и Платона продолжают заявлять, что величие древних оттого, что они научилось своим искусствам и наукам непосредственно у богов.

После многих веков вырождения на Западе рождается новая цивилизация. Цивилизация людей, отрезанных от своего сказочного прошлого, ограниченная во времени и пространстве, цивилизация людей, изгнанных из мест своего происхождения и не осознающих величия судьбы живых существ. Человеческая, гуманистическая цивилизация: цивилизация иудео-христианская. Она мала. Она — второстепенна. Но этот остаток великой души прошлого обладает безграничными возможностями. Но мы приближаемся к новому веку. Произойдут мутации, будущее протянет руку самому отдаленному прошлому. Земля вновь увидит великанов. Будут новые потопа, новые апокалипсисы, и новые расы будут властвовать: «Сначала мы хранили сравнительно ясное воспоминание о том, что видели. Затем эта жизнь поднялась клубами дыма и вскоре покрыла мраком все, за исключением нескольких главных линий. Теперь все возвращается в сознание и причем с большей ясностью, чем когда бы то ни было».

И во Вселенной, где все отражается во всем, мы оставим глубокий след.

Такова гипотеза Гербигера, таков создаваемый ею духовный климат. Эта гипотеза — мощный фермент нацистской магии, и сейчас мы расскажем о ее влиянии на события. Гипотеза проливает дополнительный свет на интуитивные прозрения Хаусхофера, она окрыляет тяжкий труд Розенберга, она вызывает и продолжает «озарения» фюрера.

По Гербигеру, мы живем в четвертом цикле. Жизнь на Земле прошла через три эпохи, пережила три апогея в течение трех периодов, низких лун, резких мутаций и появления великанов. В течение «тысячелетий без луны» возникли расы бессильных карликов и животных, ползавших, как змеи, напоминающих о грехопадении. Во время высоких лун появились средние

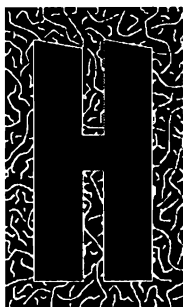
расы, — обычные люди начала третичного периода, наши предки. Нужно при этом не забывать, что луны перед тем, как обрушиться, вращались вокруг Земли, создавая различные условия в тех или иных частях земного шара, не находившихся под лунным кольцом. Таким образом, после множества циклов Земля представляет собой весьма пестрое зрелище, — расы в состоянии вырождения, расы, поднимающиеся все выше и выше, существа промежуточные, дегенераты и подмастерья будущего, провозвестники скорых мутаций, вчерашние рабы, карлики былых ночей и Владыки будущего. То, что происходит на небе, происходит и на Земле, и наоборот. Так же, как тайна и порядок Вселенной отражаются в песчинке, так и движение тысячелетий определенным образом замыкается в том кратком промежутке времени, когда мы проходим по планете, и мы должны как в индивидуальной, так и в коллективной душе повторять падения и взлеты прошлого и готовить апокалипсисы и восхождения будущего. Мы знаем, что вся история Вселенной состоит из борьбы между льдом и огнем, и что эта могучая борьба отражается здесь, внизу. В плане человеческого, в умах и сердцах, когда огонь начинает угасать, надвигается лед. Мы это знаем, и это касается не только нас, но и всего человечества, перед которым стоит вечный выбор между потоком и новой эпохой.

Вот суть гербигерианской и нацистской мысли. Теперь попытаемся разобраться в ее сути.

Глава VII

СУМЕРКИ БОГОВ

У Гербигера еще миллион учеников. — В ожидании мессии. — Гитлер и эзотеризм в политике. — Нордическая наука и магическая мысль. — Цивилизация, абсолютно не похожая на нашу. — Гурджиев, Гербигер, Гитлер и человек, ответственный за космос. — Цикл огня. — Гитлер говорит. — Суть нацистского антисемитизма. — Марсиане в Нюрнберге. — Антипакт. — Сталинград или падение ангелов. — Молитва на Эльбрусе. — Маленький человек, победивший сверхчеловека. — Маленький человек открывает ворота неба. — Сумерки богов. — Затопление берлинского метро и миф о Великом потопе. — Карикатурная смерть пророков. — Хор Шелли

емецкие инженеры, теоретические работы которых лежат в основе создания ракет, выведших на околоземную орбиту первые искусственные спутники Земли, запоздали с окончательной разработкой «Фау-2» по вине самих нацистских главарей. Генерал Вальтер Дорнбергер руководил испытаниями на острове Пенюнде, где и появились первые телеуправляемые ракеты. Испытания были приостановлены, чтобы представить доклады генерала на рассмотрение апостолам гербигерианской космогонии. Речь, прежде всего, шла о том, чтобы узнать, как будет реагировать на такие запуски в пространстве «вечный лед», не вызовет ли насилие над стратосферой какого-либо бедствия на Земле.

В своих мемуарах генерал Дорнбергер рассказывает, что позже работы были приостановлены еще на два месяца.

Фюреру привиделось, что «Фау-2» не полетят, а если полетят, то Небо отомстит за это. Такое видение у него было в состоянии транса и в глазах руководителей имело большее значение, чем мнение, высказанное на сей счет специалистами-инженерами. Научная и организаторская деятельность Германии была пронизана духом магии. Этот дух не умер и сейчас. В январе 1958 года шведский инженер Роберт Энгстрём направил в Нью-Йоркскую академию наук меморандум, чтобы предостеречь США против опытов в области астронавтики. «Прежде чем проводить подобные опыты, нужно исследовать с помощью современных средств небесную механику», — заявил инженер и продолжал в гербигерианском духе — «взрыв водородной бомбы на Луне может вызвать ужасающие потопаы на Земле». В этом странном предостережении отражена паранаучная идея об изменении лунной гравитации и мысль о каре, ниспосланной Вселенной, где все отражается во всем. Эти идеи (которые, впрочем, не следовало бы отбрасывать), если мы хотим сохранять открытыми все пути к познанию, продолжали в первоначальной форме сохранять определенную притягательность. В результате проведенного своего знаменитого расследования американец Мартин Гарднер определил, что в 1953 году в Германии, Англии и США было более миллиона последователей Гербигера. В Лондоне продолжает вот уже тридцать лет создавать антропологию, учитывающую крушение трех лун и существование вулканов вторичного и третичного периодов. Это он попросил русских после войны разрешить экспедицию на гору Арарат, где рассчитывал обнаружить Ноев ковчег. ТАСС, конечно, опубликовал категорический отказ. Советское правительство назвало позицию Беллами профашистской, считая, что такие паранаучные течения в науке могут лишь пробудить «опасные силы». Во Франции университетский профессор и поэт Дени Сора взял на себя роль представителя Беллами, а успех книги А. Великовского показал, что многие умы все же продолжают тяготеть к магической концепции мира. Само собой разумеется, интеллектуалы, находящиеся под влиянием Рене Генона, а также последователи Гурджиева протягивают руку гербигерианцам.

В 1952 году немецкий писатель Эльмар Бругг опубликовал большую работу, прославлявшую «отца вечного льда», «Коперника XX века». Он писал:

«Теория вечного льда — не просто значительный вклад в науку. Это раскрытие вечных и неизменных связей между Космосом и всеми событиями на Земле. Теория связывает с космическими событиями катаклизмы, приписываемые климату, болезням, смертям, и таким образом откры-

вает двери всему новому в развитии человечества. Молчание классической науки по поводу этой теории можно объяснить лишь заговором посредственностей».

Крупнейший австрийский романист Роберт Музиль, чьи произведения можно сравнить с книгами Пруста и Джойса (имеется в виду его роман «Человек без качеств»), великолепно обрисовал состояние умов в Германии в тот момент, когда на Гербигера снизошло озарение, а ефрейтор Гитлер взлелеял мечту об искуплении своего народа.

«Представители интеллектуальной жизни в Германии, — писал Музиль, — не были удовлетворены.... Их мысли не находили покоя, потому что тщетно стремились проникнуть в область неуправляемых вещей, которые вечно беспорядочно блуждают, будучи не в состоянии прийти к какой-то сообразности. Таким образом, они убедили себя, что эпоха, в которую они жили, была обречена на интеллектуальное бесплодие, и спасти ее от этого могло либо какое-то исключительное событие, либо какой-то исключительный человек. Тогда-то среди тех, кого называют “интеллектуалами” родился вкус к слову “искупление”. Они были убеждены в том, что жизнь остановится, если только в скором времени не придет мессия. Это мог быть мессия от медицины, который должен был спасти искусство эскулапов от лабораторных исследований, от которых люди страдают и умирают, не получая медицинской помощи; или мессия от поэзии, способный написать драму, которая привлекла бы в театры миллионы людей, причем драму весьма оригинальную в своем духовном благородстве. Кроме убеждения в том, что нет такого рода человеческой деятельности, который нельзя было бы спасти через вмешательство какого-то особого мессии существовала, конечно, и банальная мечта о мессии обладающем огромной силой, чтобы искупить всех и вся». Таким образом, должен был появиться не один мессия, но, если можно так выразиться, целое “общество мессий” с Гитлером во главе. Гербигер — один из них, и его паранаучная концепция законов Космоса и эпической истории человечества сыграет свою определенную роль в Германии “искупителей”. Человечество пришло из более отдаленных времен, из более высоких сфер, чем принято считать, и ему уготована чудесная судьба. В своем неизменном состоянии “мистического озарения” Гитлер был убежден, что он явился в этот мир, чтобы осуществить предначертания этой чудесной судьбы. Его честолюбие, его миссия, которая, как он был уверен, передана ему свыше, выходили далеко за область политики и патриотизма. “Идеей нации, — признавался он, — я был вынужден воспользоваться в силу оппортунистичес-

ких причин, но я уже знал, что она, эта идея, имеет лишь временную ценность... Придет день, когда от того, что называют национализмом, останется немного даже у нас, в Германии. На Земле возникнет всемирное братство учителей и господ”».

Политика — это только внешнее проявление, мгновенное практическое применение религиозного видения законов жизни на Земле и в Космосе. Судьба человечества непостижима для обычных людей, они не вынесли бы такого видения. Это доступно лишь немногим посвященным.

«Политика, — говорил Гитлер, — только практическая и фрагментарная форма этой судьбы». Гитлер и его подручные поощряли и поддерживали Гербигера, — и это была их исключительная попытка возродить, опираясь на науку или лженауку, дух древних веков, в соответствии с которым человек, общество и вся Вселенная подчиняются одним и тем же законам, а движение человеческих душ и движение звезд связаны друг с другом. Борьба между льдом и огнем, из которой родились, умрут и возродятся планеты, происходит и в самом человеке.

Э. Бругг справедливо пишет: «Для Гербигера Вселенная — не мертвый механизм, в котором достаточно испортиться одной части, чтобы вызвать гибель его всего, нет, это организм — живой в самом чудодейственном смысле этого слова, живое существо, где все отражается во всем, которое из поколения в поколение передает свою силу».

Как отметил еще Раушнинг. «Нельзя понять политических планов Гитлера, если не знать его скрытых мыслей и его убеждения в том, что человек находится в магических взаимоотношениях со Вселенной».

Такое убеждение, разделявшееся мудрецами прошлых столетий, управляющее разумом народов, которых мы называем «примитивными», и поддерживающее восточную философию, не угасло сегодня и на Западе, и, вполне возможно, что наука самым неожиданным образом придаст ему силу. Но в ожидании этого можно поискать и найти его в грубом виде, например, у ортодоксального еврея Иммануила Великовского, чья работа «Миры в столкновении» имела в 1956—1957 гг. всемирный успех. Для сторонников учения вечного льда, как и для Великовского, все ваши действия могут иметь отзвук в Космосе, и Солнце на самом деле могло остановиться в небе по воле Инсуса Навина. Неспроста Гитлер называл своего астролога «полномочным представителем математики, астрономии и физики». В известной мере Гербигер и нацистские эзотеристы изменяют методы науки и даже ее направления. Они насильно связывают ее с традиционной астрологией. Все, что произойдет потом, в техническом плане, когда будут предприняты колоссальные усилия для материально-

го укрепления рейха, будет осуществляться, очевидно, вне обычной науки: импульс дан, есть тайная наука, магия, лежащая в основе всех наук. «Есть нордическая национал-социалистская наука, — говорил Гитлер, — которая противостоит иудо-либеральной науке».

Истоки «нордической науки» находятся в самой сущности эзотеризма. Не случайно «Эннеады» Плотина были заботливо переизданы в нацистской Германии и в оккупированных ею странах. «Эннеады» читали в маленьких группах прогерманских интеллигентов-мистиков во время войны, как читали индусов, Ницше и тибетцев. Под каждой строчкой Плотина, например под его определением астрологии, мог бы подписаться Гербигер. Плотин говорит о естественных и сверхъестественных отношениях человека с Космосом и всеми частями Вселенной, взаимодействующими между собой: «Эта Вселенная — единое животное, содержащее в себе все другие... Даже не входя в контакт, вещи действуют друг на друга, они обязательно действуют друг на друга на расстоянии. Наш мир — единое животное, вот почему необходимо, чтобы он находился в симпатических отношениях с самим собой; в жизни нет случайностей, в ней царит гармония и единый порядок».

И наконец: «События, происходящие здесь, внизу, происходят в симпатической связи с небесными вещами».

Уильям Блейк, стоящий ближе к нашему времени, видит в поэтическо-религиозном озарении всю Вселенную в песчинке. Это те же мысли о взаимодействии бесконечно малого и бесконечно большого, о единстве Вселенной во всех ее частях. Как говорится в книге «Зогар»: «Что внизу, то и вверху».

Гермес Трисмегист: «Все что вверху, такое же, что и внизу».

И древнекитайский закон: «Звезды в своем движении борются за справедливого человека».

Здесь мы подошли к основе гитлеровской мысли. По нашему мнению, жаль, что она до сих пор не была проанализирована надлежащим образом. Аналитики довольствовались лишь тем, что акцентировали ее внешние аспекты, политические формулировки, ее эзотерические формы. Мы не стремимся, разумеется, к переоценке гитлеризма. Но мысль эта отражена в фактах. Она влияла на события. И эти события, как нам кажется, вряд ли будут поняты до конца, если не рассматривать их в таком свете. Они предстают просто ужасными, если их не рассматривать подобным образом, и они становятся не только бедами, причиненными сумасшедшими и злодеями. Они придают истории определенную масштабность, они возвышают ее до того уровня, на котором она перестает быть абсурдной и зас-

луживает того, чтобы лучше узнать ее, даже если это связано со страданиями, — на уровне духовном.

Мы хотим, чтобы все поняли, что в Германии возникла цивилизация, полностью отличавшаяся от нашей, которая продержалась несколько лет. И в том, что такая глубоко чуждая нам цивилизация могла быть создана в столь короткое время, нет ничего немислимого. Наша гуманистическая цивилизация сама основана на тайне. Тайна заключается в том, что у нас все идеи сосуществуют, и знание, принесенное одной идеей, в конечном итоге идет на пользу идее совершенно противоположной. Кроме того, в нашей цивилизации все способствует тому, чтобы сам ум осознал, что он — еще далеко не все. Неосознанный заговор материальной власти уменьшает риск, удерживает ум в определенных рамках, где не исключена гордость, но где честолюбие сдерживается немного вопросом: «А для чего?» Но как удачно заметил Музиль, «достаточно принять все-ррез какую-либо из идей, оказывающих влияние на нашу жизнь, причем так, чтобы исключить все, что ей противоречит, и наша цивилизация уже не будет нашей». Что и произошло в Германии, по крайней мере, в высших сферах магического социализма.

Мы находимся в магических отношениях со Вселенной, но мы об этом забыли. Грядущая мутация человеческой расы создаст существа, осознающие такую связь, людей-богов. Уже она, эта мутация, дает знать о себе в некоторых мессианских душах, связанных с очень отдаленным прошлым и вспоминающих о тех временах, когда великаны оказывали влияние на движение звезд.

Гербигер и его последователи, как мы уже видели, представляют себе эпохи, когда человечество достигало апогея своего развития: эпохи низкой луны в конце вторичного и третичного периодов. Когда спутник грозит упасть на Землю, когда он вращается на малом расстоянии от земного шара, живые существа достигают верхней точки своей жизненной силы и, несомненно, своей духовной мощи. Владыка-великан, человекобог, улавливает психические силы общества и направляет их в нужное русло. Он управляет этим пучком излучения так, чтобы гармонизировать движение небесных тел, и в результате катастрофа оттягивается. В этом и заключается главная функция великана-мага. В известной мере он удерживает на месте Солнечную систему. Он управляет чем-то вроде психической энергоцентрали, — в этом и состоит его власть. Эта энергия — часть космической энергии. Так что монументальный календарь Тиауанако, воздвигнутый при цивилизации великанов, не был создан для того, чтобы регистрировать время и движение

звезд, он был сделан, чтобы создавать время и поддерживать его движение. Речь идет о том, чтобы максимально продлить период, когда Луна находится на расстоянии нескольких земных радиусов от нашей планеты. Возможно, вся деятельность людей под руководством великанов была направлена на концентрацию психической энергии, чтобы сохранить гармонию земных и небесных вещей. Человеческие общества, руководимые великанами, являют собой некий вид динамомашин. Они производят мощности, которые сыграют свою роль в равновесии всемирных сил. Человек и в особенности великан, человекобог несет ответственность за всю Вселенную.

Существует примечательное сходство между таким представлением и точкой зрения Гурджиева. Как известно, он утверждал, что узнал в восточных центрах посвященных некоторые тайны, касающиеся происхождения нашего мира и развитых цивилизаций, погибших сотни тысяч лет назад. В своей знаменитой работе «Все и вся» он пишет в излюбленной своей образной форме:

«Эта Комиссия (ангелы-строители, создатели Солнечной системы), собрав все известные факты, пришла к заключению, что хотя осколки, отброшенные далеко от планеты Земля, могут оставаться в своем нынешнем положении, в будущем, однако, эти фрагментарные спутники могут изменить свое положение и натворить немало непоправимых бед. И верховные комиссары решили принять меры, чтобы на допустить таких последствий. Самой эффективной мерой, решили они, было бы посылать с Земли по направлению к этим фрагментарным спутникам, чтобы удерживать их на месте, священные вибрации, называемые “аскоккинс”».

У людей есть особый орган, излучающий психические силы, способные сохранить равновесие Космоса. Это то, что мы расплывчато называем душой, и все наши религии — это выцветшие воспоминания об этой первозданной функции, — функции участия в уравнивании космических энергий.

«В первобытной Америке, — напоминает Дени Сора, — великие посвященные с ракетками и мячами разыгрывали священную церемонию: пущенные мячи описывали в воздухе путь, подобный тому, по которому движутся звезды на небе. Если неловкий игрок позволял мячу упасть раньше времени, или он терял мяч, то тем самым вызывал космические катастрофы; тогда его убивали и вырывали у него сердце».

Воспоминание об этой первоначальной функции теряется в легендах и суевериях о фараоне, который с помощью магической силы заставлял Нил каждый год подыматься, в молитвах язычников Запада о том, что-

бы ветры изменили свое направление или чтобы прекратился град, в волшебных действиях полинезийских колдунов, желающих вызвать дождь. Происхождение всякой развитой религии кроется в этой необходимости, осознаваемой людьми древних времен и их владыками-великанами: поддерживать то, что Гурджиев называет «космическим движением общей гармонии».

В борьбе между льдом и огнем, являющейся ключом к жизни Вселенной, на Земле наблюдается некоторая цикличность. Гербигер заявляет, что каждые шесть тысяч лет мы подвергаемся нашествию льда. Происходят потопа и крупные «катастрофы». Но человечество каждые 700 лет становится свидетелем наступления огня. Иными словами, каждые семьсот лет человек вновь осознает свою ответственность в этой космической борьбе. Он вновь в полном смысле этого слова становится человеком религиозным. Он вновь вступает в контакт с давно исчезнувшими разумами. Он готовится к будущим мутациям. Его душа расширяется до масштабов Космоса. Он вновь обретает смысл всемирной эпопеи. Он снова способен различать то, что идет от человека-бога и от человека-раба, он способен отделять от человечества тех, кто предстает как виды, осужденные на вымирание. Он вновь становится пылким и беспощадным, верным тому духу, в котором его воспитывали великаны.

Нам так и не удалось понять, каким образом Гербигер оправдывал эти циклы, каким образом связывал это понятие со всей своей системой. Как и Гитлер, Гербигер заявлял, что беспокойство о последовательности действий — смертельный недостаток. Важно в конечном итоге только то, что вызывает движение. Преступление — это тоже движение, а преступление против ума — благодеяние. Гербигер признавал, что пришел к своей цикличной системе через озарение. Озарение по своему авторитету выше разумных рассуждений. Последнее наступление огня было связано с появлением тевтонских рыцарей. Было новое наступление, и оно совпало с учреждением «Черного ордена» нацистов.

Раушнинг, который так и не сумел подобрать ключи к мысли фюрера, оставаясь добрым аристократом-гуманистом, записывал высказывания Гитлера, которые тот иногда позволял себе делать в его присутствии.

«Темой, к которой он постоянно возвращался в своих высказываниях, был “решающий, поворотный момент в развитии мира”. То есть подвижность времени, его круговорот. Планете предстоит пережить такое потрясение, которое мы, непосвященные, не сможем понять во всем его размахе. Четвертая луна приблизится к Земле, гравитация изменится.

Воды поднимутся, все живое вступит в период гигантизма. Под воздействием более мощных космических излучений произойдут мутации. Мир войдет в новую атлантическую фазу. Гитлер говорил как ясновидец. Он выстроил для себя биологическую мистику, ставшую источником его вдохновения. Он изобрел свою, личную терминологию. “Ложная дорога ума” означала пренебрежение человека к своему божественному призванию. Приобретение “магического видения” представлялось ему целью человеческой эволюции. Он верил, что сам уже находится на пороге этого магического знания, источник его нынешних и грядущих успехов. Один мюнхенский (точнее, не мюнхенский, а австрийский; речь, несомненно, идет о Гербигере) профессор того времени написал, помимо научных работ, несколько странных эссе о первобытном мире, о составлении легенд, о толковании снов у первобытных племен, об их интуитивных знаниях и об их какой-то трансцендентной силе, которую они использовали для изменения законов природы. В нагромождении этой чепухи упоминался даже глаз циклопа, его глаз во лбу, который затем атрофировался и образовал шишковидную железу в мозге. Такие идеи просто завораживали Гитлера. Он любил в них погружаться. Он объяснял свою чудную судьбу только действием скрытых сил. Он приписывал себе сверхчеловеческое призвание: известить человечеству новое евангелие».

«Род человеческий, — говорил он, — испытывал на себе с самого своего зарождения чудодейственный циклический опыт. Он проходил через испытания, совершенствуясь из тысячелетия в тысячелетие. Солнечный период человека (то есть период, находящийся под влиянием Солнца; высшие периоды находятся под влиянием Луны, когда она приближается к Земле. — Л. П., Ж. Б.) подходил к своему концу; уже можно было различить первые образцы сверхчеловека. Намечался новый вид, который должен был оттеснить прежнее человечество. Точно так же, следуя бессмертной мудрости древних нордических народов, мир должен был постоянно омолаживаться через крушения отживших веков, сумерки богов, точно так же, как в древних мифах солнцестояния представляли собой символ жизненного ритма не в виде прямой, продолжающейся линии, а в виде спирали; и человечество также прогрессировало, совершая скачки вперед и возвращаясь назад».

«Когда Гитлер обращался ко мне, — продолжает Раушнинг, — он пытался выразить свое призвание провозвестника нового человека в рациональных, конкретных выражениях. Он говорил: “Творение не завершено. Человек явно подходит к новой фазе своей метаморфозы. Прежний человеческий вид уже вступил в стадию гибели и выживания. Че-

ловечество восходит на новую ступень каждые 700 лет, и ставка в борьбе, еще более длительной — пришествие Сына Божьего. Вся творческая сила будет сконцентрирована в новом виде. Его две разновидности будут быстро эволюционировать, противостоя друг другу. Одна погибнет, другая разовьется. Она бесконечно далеко превзойдет современного человека... Понимаете ли вы теперь глубокий смысл нашего национал-социалистского движения? Тот, кто понимает национал-социализм только как политическое движение, не очень-то много знает...»

Раушнинг, как и многие другие наблюдатели, не связал расовую доктрину с общей системой Гербигера. Но они тем не менее определенным образом связаны. Расовая доктрина составляет часть нацистского эзотеризма, и мы еще увидим и его другие аспекты. Был расизм пропагандистский, — он описан историками и вполне справедливо осужден в судах, выражающих общественное мнение. Но был и другой расизм, более глубокий и куда более ужасный. Он остался непонятым историками и народами, и между этим расизмом, с одной стороны, и его жертвами и судьями, с другой, не могло быть общего языка.

В этот земной и космический период, в котором мы пребываем в ожидании нового цикла, который вызовет на Земле новые мутации, перераспределение видов и возвращение к великану-магу и человеку-Богу, в этот период на земном шаре сосуществуют различные виды людей, явившиеся из различных фаз вторичного, третичного и четвертичного периодов. Были фазы подъемов и падений. Некоторые периоды отмечены печатью вырождения, другие являются провозвестниками будущего, несут в себе его зародыш, человек не один и тот же. Люди — не потомки великанов. Они появились после создания великанов, которые тоже, в свою очередь, были созданы мутацией. Но и это усредненное человечество не принадлежит к одному виду. Есть настоящее человечество, призванное пережить ближайший цикл и оснащенное органами психики, нужными ему для того, чтобы играть свою роль в уравнивании космических сил, и предназначенное для эпохи, когда ему придется жить под руководством «Высших Неизвестных» будущего. Но есть и другое человечество, так, одна видимость, не заслуживающая такого названия, которое, несомненно, родилось на земном шаре в низкие, мрачные эпохи, когда после крушения спутника огромные части земного шара были лишь пустыней. «Оно, это другое человечество, несомненно, создавалось вместе с ползучими, мерзкими существами, свидетельствовавшими о падшей жизни. Цыгане, негры и евреи — не люди в истинном смысле слова. Родившиеся после падения третьей луны в результате неожиданной мутации да еще в нака-

знание с неблагоприятными перебоями в снабжении “жизненной силой”, эти “современные” создания (особенно евреи) лишь имитируют человека и ему завидуют, но к его расе не принадлежат. Они так же далеки от нас, как далеки животные от истинного человека», — так буквально сказал Гитлер пришедшему в ужас от его слов Раушнингу, который вдруг открыл у фюрера еще более безумное представление, чем у Розенберга и всех теоретиков расизма. «Это не значит, — уточнил Гитлер, — что я называю еврея животным. Евреи гораздо дальше от животного, чем мы». Поэтому уничтожить еврея — вовсе не значит совершить преступление против человечества; евреи не являются частью человечества. «Это существо, чуждое естественному порядку вещей». Именно поэтому некоторые заседания суда в Нюрнберге были лишены смысла. Судьи не могли вести никакого диалога с теми, кто на самом деле нес ответственность за совершенные преступления, большая часть этих лиц исчезли или ушли из жизни, и на скамье подсудимых остались лишь исполнители. Два разных мира находились в зале, между которыми не было никакого понимания. В равной степени можно было бы пытаться судить марсиан, исходя из положений человеческой цивилизации. Но они и были марсианами. Они принадлежали к миру, отделенному от нашего, от того, который знаком нам на протяжении шести или семи веков. Цивилизация, полностью отличавшаяся от того, что принято называть цивилизацией, упрочилась в Германии всего за несколько лет, а мы и не отдавали себе в этом отчета. Ее создатели не имели никакой интеллектуальной, моральной или духовной связи с нами. Если не брать во внимание внешние формы, они были во всем остальном так же чужды нам, как аборигены Австралии (кстати, те гораздо ближе). Нюрнбергские судьи старались не замечать той реальности, с которой они столкнулись. В известной мере речь шла о том, чтобы набросить покрывало на эту реальность, чтобы она исчезла под ним, как это бывает при фокусе иллюзиониста. Речь шла о поддержании постоянства, универсальности гуманистической картезианской цивилизации, и требовалось добровольно или силой вогнать обвиняемых в эту систему. Это было необходимо. Речь шла о поддержании баланса западного сознания. Разумеется, мы и не собираемся отрицать добродетельность Нюрнбергского военного трибунала. Мы просто думаем, что фантастическое было погребено под землей. Как бы там ни было, но это неплохо, чтобы десятки миллионов душ не были этим отравлены. Мы лишь делаем кое-какие раскопки для нескольких любителей, умудренных опытом и снабженных гигиеническими масками.

Наш разум отказывается признать, что нацистская Германия воплотила концепции такой цивилизации, которая не имеет абсолютно никакой связи с нашей. Только это, и ничто другое, оправдывает последнюю войну, одну из немногих, известных нам в истории, где ставки были на самом деле очень и очень высоки. Должно было восторжествовать одно из двух представлений о человеке, о небе и земле, — гуманистическое или магическое. Сосуществование было невозможным, хотя можно легко себе представить сосуществование марксизма и либерализма: они покоятся на одном и том же основании, принадлежат к одному и тому же миру. Но мир Коперника — это не мир Плотина; они фундаментально противостоят друг другу, и это справедливо не только в теоретическом плане, но и в отношении социальной, духовной, интеллектуальной и эмоциональной жизни.

Нам мешает признать, что за Рейном в кратчайший срок возникла странная, совершенно иная цивилизация, сохранившееся наше детское представление о том, что является «цивилизованным», а что нет. Чтобы почувствовать сейчас это различие, нам понадобятся головные уборы из перьев, там-тамы, убогие хижины. Но гораздо легче было бы сделать «цивилизованным» колдуна из племени банту, чем связать с нашим гуманизмом Гитлера, Хаусхофера или Гербигера. Однако, немецкая техника, немецкая наука, немецкая организация, сравнимые с нашими или даже превосходящие их, застилали от нас такую точку зрения. Потрясающая новизна нацистской Германии состоит в том, что магическая мысль впервые заручилась поддержкой науки и техники.

Интеллектуалы, носящие нашу цивилизацию и обращающиеся к духу древних веков, всегда были врагами технического прогресса, — например, Рене Генон, Гурджиев или бесчисленные индусы. Но нацизм стал тем временем, когда дух магии овладел рычагами материально-технического прогресса. Ленин говорил, что «социализм есть Советская власть плюс электрификация всей страны». Гитлеризм, в известном смысле, — Рене Генон плюс танковые дивизии.

Одно из самых прекрасных произведений нашей эпохи называется «Марсианские хроники». Их автор — «тридцатилетний американец, христианин на манер Бернаноса, боящийся цивилизации роботов, человек, подверженный гневу и редкого милосердия. Его зовут Рэй Брэдбери. Он отнюдь не научный фантаст, как считают во Франции, а религиозный художник. Он выбирает темы самого современного воображения, но если он предлагает читателю совершить путешествие в будущее и в Космос, то лишь затем, чтобы раскрыть внутреннюю сущность человека и его растущую тревогу.

В начале «Марсианских хроник» люди запускают первую большую межпланетную ракету. Она достигнет Марса и установит контакты с другими разумными существами. Мы — в январе 1999:

«Мгновение раньше была зима в Огайо, с его закрытыми дверьми и окнами, с оконными стеклами, покрытыми инеем, с бахромой сосулек, повисших на краю крыш... Потом нескончаемая волна жары прокатилась по всему городку. Волна обжигавшего воздуха, как будто открыли дверцу печи. Горячее дыхание коснулось домов, кустарников, детей. Сосульки отрывались, падали, разбивались и начинали таять... Ракетное лето. Эта новость распространялась из уст в уста в больших открытых домах. Ракетное лето. Обжигающее дыхание пустыни растворяло на окнах ледяные арабески... Снег, падавший с холодного неба на город, превращался в теплый дождь, еще не упав на землю. Ракетное лето. Стоя у дверей, где вода струилась у самого порога, жители смотрели, как краснело небо...»

То, что потом произошло с людьми в книге Брэдбери, будет печальным и горестным, потому что автор не считает, что прогресс душ человеческих связан с прогрессом вещей. Но в прологе он описывает это «ракетное лето», делая особый акцент на архетипе человеческой мысли, — обещании вечной весны на Земле. В тот момент, когда человек прикасается к небесной механике и устанавливает в ней новый мотор, здесь, на Земле, происходят великие перемены. Все отражается во всем. В межпланетных пространствах происходит цепная реакция, влияющая на земной шар, где меняется температура. В тот момент, когда человек завоевывает не только небо, но и то, что за ним; в момент, когда происходит великая материальная и духовная революция во Вселенной; в момент, когда цивилизация перестает быть человеческой и становится космической, все меняется и на Земле. Стихии больше не угнетают человека. Вечная приятность, вечное тепло обволакивают шар. Лед, этот призрак смерти, побежден. Холод отступает. Обещание вечной весны исполнится, если человечество исполнит свою божественную миссию. Если оно интегрируется во всемирное Все, то в награду получит и вечно теплую и цветущую Землю. Могущество холода, которое является могуществом одиночества и лишений, будет побеждено могуществом огня.

Ассимиляция огня с духовной энергией — это уже другой архетип. Тот, кто несет в себе эту энергию, несет в себе огонь. Как это ни странно, но Гитлер был убежден, что там, где он идет вперед, холод перед ним отступает. Это мистическое убеждение отчасти объясняет, почему он взял на себя руководство военной кампанией в России.

Гербиерианцы, которые громогласно заявляли, что могут предсказывать погоду на всей планете на месяцы и даже годы вперед, предсказали, что зима предстоит довольно мягкая. Но было еще одно обстоятельство. Вместе с последователями учения о вечном льде Гитлер был глубоко убежден, что он заключил союз с холодом и что снега русских степей не смогут задержать его наступления. Человечество под его руководством войдет в новый цикл огня. И оно входило. Зима отступит перед легионами, носителями пламени.

Хотя фюрер уделял особое внимание материально-техническому снабжению своих войск, он выдал своим солдатам для русской кампании смехотворное дополнение к обмундированию — шарф и пару перчаток.

В декабре 1941 года термометр внезапно опустился чуть ли не до сорока. Все предсказания оказались ложными, пророчества не оправдались, стихия взбунтовалась, звезды в своем движении перестали работать на мессию. Лед торжествовал над огнем. Автоматическое оружие заклинивало, смазка замерзала. Синтетическое топливо под воздействием холода разлагалось на два негорючих компонента. В тылу на рельсах застывали локомотивы. Люди умирали в легких шинелях и форменных ботинках. Самое легкое ранение было равносильно смерти. Тысячи солдат, справляя естественную нужду, отмораживали себе зад. Гитлер отказывался верить такому первому разладу между мистикой и реальностью. Генерал Гудериан, рискуя быть разжалованным и даже казненным, вылетел в Берлин, чтобы объяснить фюреру сложившуюся на фронтах ситуацию и убедить его дать приказ об отступлении.

«Холодом, — ответил Гитлер, — я займусь сам. Продолжайте наступать!»

Так весь танковый корпус, захвативший Польшу за восемнадцать дней, а Францию — за месяц, армий Гудериана, Рейнгарта и Геппера, колоссальный легион завоевателей, которых Гитлер называл своими «Бессмертными», под жальщими порывами ветра, на обжигающем льду погибал в снежной пустыне только ради того, что доказать, что мистика действеннее, чем земная реальность.

Остатки этой Великой армады были вынуждены бросить все и повернуть на юг. Когда следующей весной немецкие войска оказались на Северном Кавказе, там состоялась странная церемония. Три альпиниста-эссовца взобрались на Эльбрус, священную гору арийцев, колыбель древних цивилизаций, магическую вершину секты «Друзей Люцифера». Они водрузили там знамя со свастикой, благословленное в полном соответствии с ритуалом «Черного ордена». Освящение знамени на вершине

Эльбруса должно было отметить начало новой эры. Теперь времена года должны были повиноваться, а огонь на тысячелетия победить лед. В прошлом году, правда, имело место серьезное разочарование, но это было лишь еще одним испытанием, последним перед истинной духовной победой. И вопреки предсказаниям метеорологов, предупреждавших о еще более суровой зиме, вопреки тысяче тревожных признаков, войска двинулись на север, к Сталинграду, чтобы рассечь Россию надвое.

Когда дочь моя распевала пламенные песни, там, наверху, возле мачты с пурпурным шелком, «ученики разума стояли поодаль с мрачными физиономиями».

Эти-то «ученики разума с мрачными физиономиями» и выводили фюрера из себя. Эти люди-материалисты, люди «без искры огня», с их храбростью, их «иудо-либеральной наукой, с их техникой без религиозной подоплеки, эти люди без священной безмерности» торжествовали, и в этом им помогали холод и лед. Они обрекли на неудачу заключенный пакт. Они ущемили магию. После Сталинграда Гитлер перестал быть пророком. Его религия рухнула. Сталинград — это не только военное и политическое поражение. Равновесие духовных сил нарушено. Сообщения в немецких газетах в траурной кайме были ужаснее русских сводок. В Германии был объявлен общенациональный траур. Но он вышел за пределы нации. «Поймите! — писал Геббельс. — Все наше представление о Вселенной, вся наша концепция потерпели поражение. Духовные силы сокрушены, близится час Страшного суда!»

В Сталинграде не коммунизм восторжествовал над фашизмом, — произошло кое-что и другое. Если посмотреть на историю издаലെка, с той точки, с которой яснее предстает вся масштабность произошедших событий, то можно понять, что наша гуманистическая цивилизация прервала могучее восхождение другой, люциферовской, магической, созданной не для человека, а для чего-то большего, чем человек. Между мотивами действий во имя цивилизации СССР и США нет существенных различий. Европа XVIII и XIX веков создала двигатель, который до сих пор можно использовать. Он лишь создает разный шум при работе в Нью-Йорке или Москве вот и все. В войне с Германией выступал один-единственный мир, а не наспех сколоченная коалиция заклятых врагов. Один-единственный мир, веривший в прогресс, справедливость, равенство и науку. Мир, имевший одинаковое представление о Космосе, одинаково понимающий всемирные законы, которые отводят человеку во Вселенной одно и то же место, не слишком большое, но и не слишком маленькое. Один-единственный мир, верящий в разум, в реальность вещей. Один-единственный мир,

который должен был целиком погибнуть, чтобы уступить свое место другому, чьим провозвестником чувствовал себя Гитлер.

Маленький человек «свободного мира», житель Москвы, Бостона, Лиможа или Льежа, маленький человек, положительный, рационалистический, сильный скорее своей моралью, чем религиозностью, лишенный метафизического смысла и вкуса к фантастическому, тот, которого Заратустра считал видимостью человека, его карикатурой, — этот маленький человек, вышедший из бедра господина Омэ, уничтожил великую армию, призванную для того, чтобы открыть дорогу сверхчеловеку, человеку-богу, властелину стихий, климата, звезд. И что любопытно, — по стечению обстоятельств, — справедливых или несправедливых, — этот маленький человек с невеликой душой через несколько лет запускает в небо спутник и открывает межпланетную эру. Сталинград и запуск спутника — это, как говорят русские, — две решающие победы, и они сильнее сплывали их, когда они праздновали в 1957 году сорокалетний юбилей своей революции. Их газеты опубликовали фотографию Геббельса с надписью: «Он думал, что мы погибнем. Но именно нам нужно было восторжествовать, чтобы создать межпланетного человека».

Отчаянное, безумное, катастрофическое сопротивление Гитлера, когда было ясно, что все потеряно, объясняется лишь ожиданием потопа, предсказанного гербиерианцами. Если нельзя изменить ситуацию обычными человеческими средствами, то остается возможность призвать суд богов.

Потоп наступит, и это будет кара всему человечеству. Ночь окутает земной шар, и все скроется под водой, вызванной бурями и градом. Шпеер в ужасе говорил, что Гитлер «совершенно сознательно пытался добиться, чтобы вместе с ним погибло все. Он теперь был человеком, для которого конец собственной жизни был концом всего на свете». Геббельс в своих последних редакционных статьях восторженно приветствует вражеские бомбардировщики, уничтожающие страну: «Под обломками наших разрушенных городов будут погребены все достижения этого дурацкого XX века». Гитлер хочет, чтобы повсюду царилась смерть: он благословляет полное уничтожение Германии, приказывает казнить пленных и заключенных, велит убить своего двоюродного брата, требует смерти для побежденных солдат и сам сходит в могилу.

«Гитлер и Геббельс, — пишет Тревор Ропер, — призвали немецкий народ разрушить свои города и заводы, взорвать плотины и мос-

ты, принести в жертву железные дороги и весь подвижной состав, и все это во имя легенды под названием «сумерки богов». Гитлер требует крови, бросает в пекло свои последние войска: «Потери никогда не могут быть слишком большими», — говорит он. Побеждают не враги Германии, силы Вселенной вступают в действие, чтобы затопить Землю и покарать человечество, потому что оно позволило льду победить огонь, силам смерти победить силы жизни и воскрешения. Небо отомстит за себя. Умирая, остается лишь призвать на помощь великий потоп. Гитлер совершает водяное жертвоприношение: приказывает затопить берлинское метро, где погибает 300 000 человек, укрывшихся в подземке. Это — акт имитативной магии: такой его поступок вызовет апокалиптические изменения на небе и на Земле. Геббельс перед тем, как убить в бункере свою жену, детей и самого себя, пишет последнюю, прощальную статью под заголовком: «И все-таки это будет!»

Он говорит, что драма разыгрывается не на земном, а на космическом уровне: «Наш конец будет концом Вселенной».

Они возносили свою безумную мысль к небу, а умерли в подземелье.

Они верили, что создают человека-бога, которому покорятся стихии. Они верили в огненный цикл. Они победят на Земле и на Небе, утверждали они, а их солдаты умирали.

Они разработали фантастическое представление об эволюции видов в ожидании потрясающих мутаций. А последние сообщения из внешнего мира поступали к ним от сторожа берлинского зоопарка, который, забравшись на дерево, передавал в бункер по телефону о том, что происходит вокруг. Сильные, жадные до славы, гордые, они пророчествовали:

*«Великая эпоха возродится,
Вернется золотой счастливый век,
И, как змея весной меняет кожу,
Свою одежду обновит Земля».*

Но есть, несомненно, другое, более глубокое пророчество, обрекающее самих пророков если не на трагическую, то на карикатурную смерть.

В глубине своего подвала, слыша усиливающееся рычание танков, они заканчивали свою пламенную, дурную жизнь в мятежной ярости, страданиях и мольбах, которыми заканчивается видение английского поэта П.Б. Шелли, озаглавленное «Эллада».

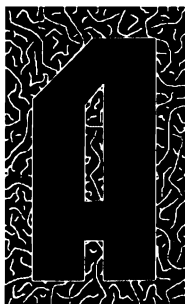

*Остановитесь! Ненависть и смерть
Должны ль они вернуться?
Остановитесь же! Должны ли люди
Без счета убивать и умирать?
Остановитесь! О, не черпайте до дна
Из урны горького пророчества!
Наш мир устал от прошлого.
О! Способен ли он ныне
Иль умереть, иль, наконец, вздохнуть свободно?!*

Глава VIII

ТЕОРИЯ ПОЛОЙ ЗЕМЛИ

Земля — полая. — Мы живем внутри нее. — Солнце и Луна находятся в центре Земли. — Радар на службе магов. — Религия, рожденная в Америке. — Его немецким пророком был летчик. — Анти-Эйнштейн. — Работа безумца. — Гитлеровский арбитраж. — За пределами логики

прель 1942 года. Германия бросает в войну все свои силы. Ничто, кажется, не могло отвлечь техников, ученых и военных от выполнения их непосредственных задач.

Тем не менее экспедиция, организованная с одобрения Гитлера, Гимmlера и Геринга, тайно покидает рейх. Ее участники — лучшие специалисты по радиолокации. Под руководством доктора Гейнца Фишера, известного своими научными работами по инфракрасному излучению, они высаживаются на балтийском острове Рюген. У них — самые совершенные на то время радары. Эти приборы пока еще редкость, и их даже забирали с наиболее чувствительных точек немецкой обороны. Но наблюдения, которыми должны были заниматься на Рюгене, считались в главном штабе немецкого военно-морского флота чрезвычайно важными для наступления, которое Гитлер готовился начать на всех фронтах.

Прибыв на место, д-р Фишер направляет все свои радары... к небу под углом 45 градусов. Хотя что там обнаруживать в этом направлении? Другие участники экспедиции думают, что речь идет о каких-то испытаниях. Они не знают, что высшее руководство ожидает от них. Они кон-

статируют, что радары вот уже несколько дней нацелены на небо, и их это сильно удивляет. Наконец, они получают такое разъяснение: у фюрера есть все основания считать, что наша Земля не выпуклая, а вогнутая. Мы живем не на наружной поверхности земного шара, а внутри него. Наше положение можно сравнить с положением мух, ползающих внутри шара. Цель экспедиции — научно доказать эту «истину». С помощью отражения радарных волн, распространяющихся по прямой линии, можно получить изображение самых отдаленных точек внутри сферы. Вторая цель экспедиции — получить таким способом изображение английского флота, стоящего на якоре на базе в Скапафлоу.

Мартин Гарднер рассказывает об этой безумной авантюре на острове Рюген в своей книге «Во имя науки». Сам д-р Фишер после войны лишь намекнул на это. Профессор Джерард С. Купер из обсерватории в Маунт-Паломар посвятил серию статей доктрине полый Земли, что и послужило причиной экспедиции. В журнале «Попьюлар астрономи» он писал: «Руководство немецкого флота и авиации верило в теорию полый земли. Там считали, в частности, что она могла быть полезной для обнаружения английского флота, потому что вогнутая кривизна Земли позволяла бы делать наблюдения на очень большом расстоянии с помощью инфракрасных лучей, обладающих меньшей кривизной, чем видимые лучи». Инженер Вилли Лей сообщает о тех же фактах в своем исследовании в 1947 году, — «Лженаука в стране нацистов».

Невероятно, но факт, — высшие нацистские сановники, военные специалисты просто, без всяких обиняков, отрицали то, что кажется очевидным даже ребенку в нашем цивилизованном мире: Земля заполнена внутри, имеет форму шара и мы находимся на поверхности; над нами, — размышляет маленький ребенок, — бесконечная Вселенная с мириадами звезд и галактик, — под нами — твердая порода. Этот ребенок, кем бы он ни был, — французом, американцем, англичанином или русским, — вполне согласен с официальной наукой, со всеми общепринятыми религиями и философиями. Наша мораль, искусство, техника основаны на таком представлении, которое подтверждается опытом. Если мы станем искать то, что может лучше всего гарантировать однородность современной цивилизации, то найдем все необходимое в космогонии. Относительно положения человека и Земли во Вселенной единого мнения придерживаются все, даже марксисты. Не согласны только нацисты.

Для сторонников теории полый Земли, организовавших эту псевдонаучную экспедицию на остров Рюген, мы живем внутри шара, образо-

вавшегося в скальной массе, протяженность которой бесконечна. Мы живем, прилипнув к внутренней вогнутой стороне шара. Небо находится в центре этого шара: это — масса синеватого газа со сверкающими точками, которые мы принимаем за звезды. Есть олице, есть Луна, только бесконечно меньшие по размерам, в отличие от того, что утверждают ортодоксальные астрономы. Мы одни замурованы в скальной породе.

Мы увидим, как рождалось подобное представление — из легенд, интуиции, озарения. В 1942 году нация, ведущая войну, в которой главенствующая роль принадлежит технике, потребовала от науки поддерживать мистику, и мистика обогатила технику. Д-р Фишер, специалист из инфракрасному излучению, получил приказ поставить радар на службу магам.

В Париже и Лондоне тоже есть мыслители-эксцентрики, открыватели ошибочных космогоний, пророки различного рода странностей. Они пишут свои статьи, посещают задние комнаты книжных лавок, ораторствуют в Гайд-парке или в «Географическом зале» на бульваре Сен-Жермен. В гитлеровской Германии такие люди мобилизуют силы нации и обеспечивают техническое оснащение воюющей армии. Мы видим, какое влияние оказывают они на высшие штабы, на политических вождей, на ученых. Мы стоим перед лицом совершенно новой цивилизации, основанной на полном презрении к классической культуре и разуму. В ней, в этой цивилизации интуиция, мистика, поэтическое озарение поставлены точно в такое положение, как научное исследование и рациональное познание.

«Когда я слышу разговор о культуре, я вытаскиваю свой револьвер», — сказал Геринг. Эта страшная фраза имеет двойственный смысл: буквальный, когда перед глазами встает Геринг-убийца, разбивающий головы интеллигентам, и более глубокий, но не менее угрожающий для того, что мы называем культурой, и здесь мы видим Геринга, стреляющего такими разрывными пулями, как гербигерианская космология, доктрина полый Земли и мистика группы Туле.

Доктрина полый Земли родилась в США в начале XIX века. 10 апреля 1818 года все члены конгресса Соединенных Штатов, ректоры университетов и несколько крупных ученых получили такое письмо:

«Сен-Луи, штат Миссури, Северная Америка, 10 апреля

Всему миру Я заявляю, что Земля полая и населена внутри. В ней много твердых концентрических сфер, находящихся одна в другой и она открыта у полюса от 12 до 16 градусов. Я обязуюсь доказать реальность

того, что я выдвигаю, готов исследовать внутренность Земли, если весь мир согласится помочь мне в этом предприятии.

Клив Саймонс, капитан пехоты в отставке, штат Огайо».

Спрэг де Камп и Вилли Лей в своей прекрасной книге «От Атлантиды до Эльдорадо» так резюмируют теорию и авантюру бывшего пехотного капитана:

«Саймонс утверждает, что в том полом мире все является полым, — кости, волосы, стебли растений и т.д. Планеты тоже полые, и на Земле, например, можно различить путь сфер, заключенных одна в другой, и все они имеют широкие отверстия на полюсах, через которые жители каждой сферы могут отправляться в любую точку как внутри другой, так и снаружи ее, подобно муравью, ползающему вначале внутри, а потом и снаружи фарфоровой чашки. Саймонс организовал поездки, во время которых выступал со своими докладами, — что-то вроде избирательной кампании. После своей смерти он оставил кучу заметок и, вероятно, маленькую модель “земного шара Саймонса”, которая теперь хранится в Академии естественных наук в Филадельфии. Его сын Америк Веспущий Саймонс, стал одним из его последователей и безуспешно пытался слепить из его заметок связную работу. Он от себя добавил предположение о том, что когда времена изменятся, десять исчезнувших колен израилевых будут обнаружены, живыми и здоровыми, внутри самой внешней из земных сфер».

В 1870 году другой американец, Сайрус Тид, в свою очередь провозгласил, что Земля — полая. Тид был большим эрудитом и специализировался на изучении алхимической литературы. В 1869 году, когда он работал в своей лаборатории, размышляя над книгами Исайи, у него было «озарение». Он осознал, что мы живем хотя и на Земле, но внутри нее. Это видение заставило его поверить древним легендам, и он создал что-то вроде религии и стал распространять свою доктрину, выпуская свою маленькую газетку — «Огненный меч». В 1894 году у него было более четырех тысяч последователей-фанатиков. Его религия называлась «корейшизм». Он умер в 1908 году, заявив перед смертью, что его тело недоступно разложению. Но его последователи были вынуждены похоронить его уже через два дня...

Идея полой Земли тесно связана с преданием, которое мы встречаем в разных местах и во все эпохи. Самые древние религиозные тексты говорят об этом мире, как о мире, находящемся под земной корой, месте пребывания мертвых и духов. Когда Гильгамеш, легендарный герой древних шумеров и вавилонян, отправился с визитом к своему предку Ут-

напиштому, он спустился в недры Земли; там же Орфей искал свою Эвридику. Плутон царствует в глубинах Земли над душами мертвых. Первые христиане собирались в катакомбах и, очевидно, поэтому сделали подземные глубины местом пребывания душ проклятых людей. Германские легенды сослали Венеру в глубину Земли. Данте помещает свой ад в «низшие круги». Европейский фольклор посылает драконов под Землю, а японцы воображают, что в глубинах их острова живет чудовище, и когда оно начинает ворочаться, начинаются землетрясения.

Мы говорили о тайном догитлеровском обществе «Общество Вриль», объединявшем эти легенды с гипотезами, высказанными Бульвер-Литтоном в романе «Раса, которая нас вытеснит». Члены этого общества полагали, что существа, обладающие психической силой, превышающей нашу, живут в пещерах в центре Земли. Они в один прекрасный день выйдут оттуда, чтобы властвовать над нами.

В конце Первой мировой войны молодой немецкий летчик по имени Бендер, находившийся во французском плену, натывается на старые номера газетки Тида «Огненный меч» и на брошюры, пропагандирующие идею полой Земли. Увлечшись этим культом, он, в свою очередь, осененный озарением, развил дальше эту доктрину. Вернувшись домой, в Германию, он основал движение «Учение о полом мире». Он издает работы другого американца, Маршалла Б. Гарднера, который в 1923 году опубликовал свой труд, в котором доказывал, что Солнце находится не над Землей, а внутри нее, и что его лучи оказывают давление, удерживающее нас на вогнутой ее поверхности.

По Бендеру, Земля — это сфера таких же размеров, что и в ортодоксальной географии, но она полая, и жизнь протекает на внутренней ее поверхности под воздействие давления солнечных лучей. Под ее поверхностью — бесконечная скальная масса. Слой воздуха внутри имеет толщину 60 километров, который потом разреживается до абсолютного вакуума в центре, где находятся три тела: Солнце, Луна и призрачный мир. Этот «призрачный мир» — шар синеватого газа, в котором сверкают светящиеся точки — их называют звездами.

Когда эта синяя масса проходит перед Солнцем, наступает ночь. А тень от этой массы, падающая на Луну, вызывает затмения. Мы верим во внешнюю Вселенную, расположенную над нами, потому что световые лучи не распространяются по прямой линии: они искривлены, за исключением инфракрасных. Эта теория Бендера стала популярной около 1930 года. Руководители рейха, высшее командование военно-морского флота и авиации верило в полую Землю.

Не кажется ли вздором, что поведение людей, отвечающих за руководство нацией, пусть даже в небольшой мере, обуславливалось мистической интуицией, отрицающей существование нашей Вселенной? Однако следует учитывать, что для простого человека, немца с улицы, душу которого терзали поражение и нищета, идея полой Земли в тридцатых годах была не более безумной, чем идея о безграничных источниках энергии, заключенных в частичке материи, или идея четырехмерного пространства. Наука с конца XIX века стала на путь, который не укладывался в рамки здравого смысла. Для примитивных, несчастных и мистических умов любая странность становилась допустимой, и, по преимуществу, такая странность, которая понятна, утешительна, как, например, полая Земля. Гитлер со своими товарищами, людьми, вышедшими из низов, должны были считать идеи Бендера куда более приемлемыми, чем теории Эйнштейна, открывавшие бесконечно сложный мир, к которому и подойти-то страшно. Мир, по Бендеру, явно был таким же безумным, как и мир Эйнштейна, и чтобы в него проникнуть, нужно было бы обладать безумием первой степени. Объяснение Вселенной, даваемое Бендером на основании безумных предпосылок, укреплялось на вполне разумный манер.

Сумасшедший терял все, кроме рассудка. «Учение о полом мире», согласно которому люди — единственные наделенные разумом существа во Вселенной, принимавшей размеры Земли, рождавшей у человека ощущение того, что он прикрыт, защищен, оберегаем, как зародыш во чреве матери, удовлетворяло упованиям несчастной души, уязвленной гордыней и полной злобы на внешний мир. Кроме того, это была единственная немецкая теория, которую можно было противопоставить этому еврею Эйнштейну.

Теория Эйнштейна зиждется на опыте Микельсона и Морли, доказывающем, что скорость света, движущегося в направлении вращения Земли, равна скорости света, направленного перпендикулярно этому вращению. Эйнштейн в результате пришел к выводу, что среды, несущей свет, не существует и что он состоит из потока независимых частиц. Исходя из этого Эйнштейн заметил, что свет сжимается в направлении движения и представляет собой конденсированную энергию. Он разработал теорию относительности движения света. По системе Бендера полая Земля неподвижна. Эффекта Микельсона не существует. Поэтому гипотеза полой Земли кажется такой же реальной, как и гипотеза Эйнштейна. В то время никакая экспериментальная проверка не могла подтвердить мысль Эйнштейна. Это могла сделать ужасным, убедительным об-

разом только атомная бомба, но ее тогда еще не было. Немецкие руководители воспользовались случаем, чтобы отрицать всякую ценность работ гениального еврея, — началось преследование ученых-евреев и официальной науки. Эйнштейн, Теллер, Ферми и множество других крупных ученых были вынуждены отправиться в изгнание. Их радушно встретили в США, дали денег, предоставили прекрасно оборудованные лаборатории. Так родилась американская ядерная мощь. Расцвет оккультных сил в Германии дал американской армии энергию атомного ядра.

Самый крупный исследовательский центр американской армии находится в Дайтоне, штат Огайо. В 1957 году сообщили, что в лаборатории этого центра, работавшей над созданием водородной бомбы, была получена температура в миллион градусов. Ученым, которому удалось добиться такого выдающегося результата, оказался... наш старый знакомый, д-р Гейнц Фишер, руководивший экспедицией на острове Рюген, которая проверяла гипотезу поллой Земли. С 1945 года он работал в США. На расспросы американской прессы о его прошлом он отвечал: «Нацисты заставляли меня работать до изнеможения, что весьма мешало моим исследованиям».

Можно лишь задаваться вопросом, что произошло бы и как изменился бы ход войны, если бы собственные исследования доктора Фишера не были прерваны ради мистики Бендера...

После экспедиции на остров Рюген авторитет Бендера в глазах нацистских сановников покатился вниз, несмотря на протекцию Геринга, который испытывал привязанность к этому бывшему герою авиации. Гербигерианцы, сторонники великой Вселенной, где царит вечный лед, одержали над ним победу. Бендер был отправлен в концлагерь, где и умер. Теория «поллой Земли» приобрела своего мученика.

Но еще задолго до этой безумной экспедиции последователи Гербигера осыпали Бендера насмешками и требовали запрета на его работы по проблеме «поллой Земли». Система Гербигера претендовала на статус глобальной космогонии, однако нельзя одновременно верить в космос, в котором продолжается вечная борьба льда с огнем, и в полый земной шар в бесконечно продолжающейся скальной массе. Гитлера попросили быть арбитром. Его ответ наводит на размышления:

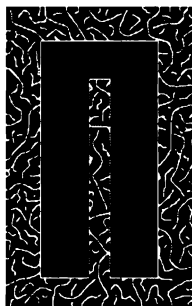
«Нам вовсе не нужна связанная концепция мира, — ответил он. — Могут быть правы и те и другие».

Следовательно, важны не связность или единство взглядов, а разрушение систем, построенных на логике рационального мышления, — важен мистический динамизм и взрывная сила интуиции. «В блещущих сумерках магического разума есть место не только для одной блески».

Глава IX

ЛЕГЕНДА О ТУЛЕ

Вода на нашу ужасную мельницу. — Священник Ленц. — Циркуляр гестапо. — Последняя молитва Дитриха Эккарта. — Легенда о Туле. — Рассадник медиумов. — Хаусхофер, маг. — Молчание Гесса. — Свастика и тайны Ипатьевского дома. — Тибетская колония. — Массовое уничтожение и ритуал. — Сейчас темнее, чем вы думаете

осле войны в Киле жил один импозантный мужчина, врач социального страхования, судебный эксперт, бонвиван по имени Фриц Саваде. В конце 1959 года таинственный голос сообщил ему, что правосудие намерено его арестовать. Он бежал, восемь дней где-то скрывался, после чего сдался властям. Оказалось, что никакой он не Саваде, а бывший оберштурмбанфюрер СС Вернер Гейде. Профессор Гейде был организатором медицинской программы эвтаназии, в ходе выполнения которой с 1940 по 1941 гг. было уничтожено 200 000 немцев, что стало прологом к уничтожению в

концлагерях иностранных граждан.

В связи с его процессом М. Нобекур, французский журналист и блестящий историк нацизма, писал: «Дело Гейде, как и многие другие дела нацистов, напоминает айсберг, — видна лишь его небольшая верхняя часть. Эвтаназия с целью уничтожения ослабленных, неизлечимых людей, массовое, планомерное уничтожение целых общин, могущих отрицательно повлиять на «чистоту германской крови», — такие меры проводились активно, с патологическим старанием, чуть ли не с религиозной убежденностью, близкой к болезненной одержимости. Это было

отмечено не только многими наблюдателями-специалистами на послевоенных нацистских процессах, но и учеными и медицинскими авторитетами, отнюдь не склонными принимать мистификации за улики. Очень многие в конце концов приходили к выводу, что политические страсти — слишком малоубедительное объяснение происходящего. Между столькими начальниками и исполнителями, между Гиммлером и последним палачом-охранником концентрационного лагеря должна была существовать своеобразная мистическая связь.

«Постепенно напрашивается гипотеза о существовании общины посвященных, об общине поистине демонической, действовавшей в соответствии со скрытыми догмами, гораздо более разработанными, чем примитивные доктрины Майн кампф с исполнением ритуалов, отдельные следы которых так и не были обнаружены. Тем не менее в ее существовании не сомневаются специалисты (повторяем — ученые, медики), анализирующие нацистскую патологию».

Утверждения Нобекура льют воду на нашу мельницу. Однако мы не думаем, что речь идет о существовании единого тайного общества, общества хорошо организованного и разветвленного, с единым учением и совокупностью связанных друг с другом ритуалов. Напротив, многочисленность, отсутствие четкой связанности кажутся нам характерными чертами для нацистского подполья Германии, которые мы попытаемся здесь описать. Единство и связанность в любом начинании, даже мистическом, представляются необходимыми западному человеку, вскормленному позитивизмом и картезианством. Но мы пребываем вне этого Запада: речь скорее идет о многообразном культе, о состоянии выше рассудка (или ниже его), при котором воспринимаются разные ритуалы и верования, плохо связанные одно с другим. Главное — удерживать в себе тайный огонь, живое пламя, и чтобы его поддерживать, все средства хороши.

В таком состоянии нет ничего невозможного. Естественные законы больше не действуют, мир становится подвижным, текучим. Вожди СС заявляли, что Ла-Манш на самом деле гораздо уже, чем это указано на карте в атласе. Для них, как для индийских мудрецов две тысячи лет назад, как для епископа Беркли в XVIII веке, Вселенная — это лишь иллюзия, и ее структуру можно изменить с помощью активно действующей мысли посвященных.

Для нас вполне вероятно существование какой-то магической шарადы, какого-то сильного люциферианского мистического течения, по поводу которого мы сделали кое-какие указания на страницах предыдущих

глав. Все это позволяет объяснить большое количество страшных фактов, причем гораздо убедительнее обычных историков, которые хотят видеть за всеми этими жестокими и бессмысленными действиями ничего другого, кроме как мании величия сифилитика, садизма кучки невротиков и рабское повиновение толпы трусов.

Следуя своему методу, мы теперь предоставим вам проверенные сведения о других аспектах «магического социализма»: «Общество Туле», верхушка «Черного ордена» Анэнэргбэ. Мы собрали об этом довольно обширную документацию — более тысячи страниц. Но эти данные должны быть еще раз тщательно перепроверены и максимально дополнены, если только мы хотим написать большую, обстоятельную, полноценную работу, что в данный момент неосуществимо. Кроме того, мы не хотим до предела усложнять книгу, в которой рассматривается лишь ряд примеров из современной истории в контексте «фантастического реализма». Вот краткое резюме нескольких довольно убедительных констатаций.

В один осенний день 1923 года в Мюнхене умер один персонаж, — поэт, драматург, журналист, любитель богемы, которого звали Дитрихом Эккартом. Его легкие были сожжены отравляющим газом-ипритом. Перед смертью, когда уже начиналась агония, он прочитал составленную им самим молитву перед черным метеоритом, который он называл «мой камень Каабы». Его по завещанию получил профессор Оберт, один из создателей астронавтики. Перед этим Эккарт отослал свою пухлую рукопись своему другу — Карлу Хаусхоферу. Уладив все свои земные дела, он умер, но «Общество Туле» будет жить и очень скоро изменит мир и жизнь в нем.

В 1920 году Дитрих Эккарт и еще один член «Общества Туле», архитектор Альфред Розенберг, познакомились с Гитлером. Первую встречу они ему назначили в доме Вагнера, в Байрейте. В течение трех лет они никуда не отпускали от себя маленького ефрейтора рейхсвера, руководили его мыслями и поступками. Конрад Хейдан пишет: «Эккарт взялся за духовное формирование Гитлера».

Он учил его хорошо излагать свои мысли на бумаге и говорить перед аудиторией. Его образование осуществлялось по двум направлениям: «тайная доктрина» и пропагандистская доктрина. Он собрал записанные разговоры с Гитлером по поводу искусства пропаганды и опубликовал их в любопытной брошюрке под названием «Большевизм от Моисея до Ленина».

В 1923 году новый «учитель» Эккарт станет одним из семи членов-учредителей национал-социалистской партии. Семь — священное число.

Осенью того же года, умирая, он обратился к друзьям: «Следуйте за Гитлером! Он будет танцевать под музыку, написанную мною. Мы дали ему средства общения с Ними. Не скорбите обо мне: я повлиял на историю больше любого из немцев...»

Легенда о Туле восходит к истокам германских преданий. Речь идет об исчезнувшем острове где-то на Крайнем Севере. Где же? В Гренландии? На Лабрадоре? Подобно Атлантиде, Туле является магическим центром исчезнувшей цивилизации. Эккарт с друзьями верили, что все тайны Туле не были потеряны. Существа-посредники между людьми и разумными созданиями извне якобы сохранили для посвященных хранилище сил, откуда те могут их черпать, чтобы сделать Германию госпожой мира, провозвестицей грядущего сверхчеловечества, подвергнувшейся мутации человеческой расы. Настанет день, когда двинутся легионы, чтобы смести все препятствия на духовном пути Земли, и их поведут непогрешимые люди, щедро черпающие в источниках энергий, ведомые Великими Древними. Таковы мифы, содержащиеся в арийской доктрине Эккарта и Розенберга, которыми эти пророки магического социализма пропитали медиумическую душу Гитлера.

Пока «Общество Туле» — лишь, несомненно, небольшая, но довольно мощная машина для смешения мечты с реальностью. Однако оно очень скоро станет — под другим влиянием и с другими персонажами, — гораздо более странным инструментом, способным изменить саму природу реального. Видимо, лишь при Карле Хаусхофере «Общество Туле» принимает истинный характер тайного общества посвященных, находящихся в контакте с невидимым, и становится магическим центром нацизма.

Гитлер родился в Браунау, 20 апреля 1889 года, в 17 часов 30 минут, в доме № 219, в Зальцбургском форштадте. Этот пограничный австро-баварский городок, место, где стыкуются два германских государства, позже стал для Гитлера символическим городом. О нем ходит странное предание, что он питомник для медиумов. Это — родной город Вилли и Руди Шнейдеров, чьи психологические опыты стали сенсацией около тридцати лет назад. У Гитлера была та же кормилица, что и у Вилли Шнейдера. В 1940 году Жан де Панж писал: «Браунау — центр медиумов. Один из самых известных — мадам Стокгамм, вышедшая в 1920 г. замуж за принца Иоахима Прусского в Вене. Именно в Браунау прославленный спирит, барон Шренк-Нотцинг, приводил своих медиумов, одним из которых был двоюродный брат Гитлера».

Оккультизм учит, что после умиротворения с помощью скрытых сил члены группы могут вызывать эти силы через посредство мага, который

не может действовать без медиума. Скорее всего, в «Обществе Туле» медиумом был Гитлер, а магом — Хаусхофер.

Раушнинг так описывал фюрера: «Глядя на него, невольно вспоминаешь о медиумах. Большую часть времени — это обычные, ничем не примечательные существа. Внезапно на них, словно с неба, сваливается сила, власть, поднимающая их над обычными людскими мерками. Эта сила, власть проявляются за пределами их реальной личности. Медиум — человек одержимый. Истощав свой порыв, он вновь становится посредственностью. Я бесповоротно убежден, что такие силы воздействовали на Гитлера. Квазидемонические силы, для которых человек по имени Гитлер был лишь временной оболочкой, одеждой. Смещение банального и необыкновенного — вот та невыносимая двойственность, с которой приходится сталкиваться, когда вступаешь в контакт с ним. Такого человека мог бы придумать Достоевский. Такое впечатление складывается, когда видишь, как соединяются болезненное расстройство с тревожащим могуществом».

Штрассер: «Слушавший Гитлера видел вдруг перед собой возникновение фюрера из недр славы человеческой... За темным окном появлялся свет. Господин со смешной щеточкой усиков превращался в архангела... Потом архангел улетает, остается только обливающийся потом, измочаленный Гитлер с остекленевшим взглядом».

Буше: «Я смотрел ему в глаза, они становились медиумическими... Порой казалось, что в оратора вселялось что-то извне, из окружающей среды. От него исходили токи... Потом он вновь становился маленьким, даже вульгарным человеком. Он, казалось, сильно устал, аккумуляторы его полностью сели».

Франсуа-Понсе: «Он впадал в какой-то медиумический транс. На его лице был написан экстатический восторг. За этим медиумом, несомненно, стоял не один человек, а группа, совокупность чьих-то энергий, магическая энергоцентраль».

Нам кажется бесспорным, что сам Гитлер возбуждался не тем, что выражал: силами и плохо скоординированными доктринами, но куда бесконечно более страшными, чем одна национал-социалистическая теория. Его постоянно будоражила мысль, гораздо более масштабная, чем его собственная, из которой он передавал народу, своим сообщникам лишь грубые, вульгарные обрывки. Доктор Акиль Дельта пишет: «Подобно мощному резонатору, Гитлер на самом деле был «барабаном», как он хвастался на скамье подсудимых в Мюнхене. Барабаном он и остался. Однако он сохранял и пользовался только тем, что в силу обстоя-

тельств отвечало его амбиции о захвате власти, его мечте о владычестве над миром и его одержимости: создание через биологическую селекцию человека-бога».

Но у него была и другая цель, еще одна, иная одержимость, одержимость идеей изменить всю жизнь на планете. Порой эта скрытная, задняя мысль вырывалась из него, как вырывается вода через крошечную щель. Он говорил Раушнингу: «Наша революция — это новый этап, вернее окончательный этап эволюции, ведущий к завершению хода истории». Или еще тому же собеседнику: «Вы ничего не знаете обо мне, мои товарищи по партии не имеют никакого представления о моих намерениях, которые меня одолевают, и о том грандиозном сооружении, лишь фундамент которого будет заложен до моей смерти. Предстоит решающий поворот мира, мы — возле шарнира времени. Планете предстоит встряска, масштабы которой вы, непосвященные, не в состоянии понять. То, что происходит, это гораздо больше, чем рождение новой религии...»

Рудольф Гесс был помощником Хаусхофера, когда тот был профессором в Мюнхенском университете. Он установил контакт между Хаусхофером и Гитлером. Он бежал из Германии на самолете, совершив эту безумную авантюру после того, как Хаусхофер сказал ему, что видел его во сне, как он летит в Англию. В редкие дни его необъяснимой болезни, в минуты просветления, заключенный Гесс, последний из оставшихся в живых членов «Общества Туле», официально заявлял, что Хаусхофер был магом, тайным учителем (Джек Фишман «Семеро из Шпандау»).

После неудавшегося путча (8—9 ноября 1923 г.) Гитлер был заключен в тюрьму Ландсхурт. Гесс чуть ли не ежедневно приводил к нему в камеру генерала Карла Хаусхофера. На протяжении долгих часов тот развивал перед ним свои теории о захвате политической власти, удерживая его внимание на самой сильной своей аргументации. Оставаясь наедине с Гессом, Гитлер собирал вместе для внешней пропаганды тезисы Хаусхофера и планы Розенберга, которые постепенно превращались в книгу «Майн кампф».

Карл Хаусхофер родился в 1869 году. Он неоднократно бывал в Индии и на Дальнем Востоке. Его послали в Японию, где он выучил японский язык. Для Хаусхофера колыбелью германского народа была Центральная Азия, поскольку именно от германской расы пошли лучшие качества нашего мира, — постоянство, величие и благородство. Хаусхофер получил посвящение в одном из самых влиятельных тайных буддистских обществ и обязался в случае провала его «миссии» совершить ритуальное самоубийство.

В 1914 году, Хаусхофер, будучи молодым генералом, обратил на себя внимание своим исключительным даром предвидения: часа начала атак противника, точек падения тяжелых снарядов, и даже предстоящие политические изменения в странах, о которых ему заранее ничего не было известно. Такие же качества ясновидца впоследствии обнаружил у себя Гитлер. Уж не научил ли его собственным озарениям Хаусхофер? Гитлер, например, точно предсказал дату вступления своих войск в Париж, время прорыва блокады в Бордо. Когда было принято решение об оккупации Рейнской области, все эксперты Европы, включая и немецких, были убеждены, что Франция и Англия этому будут препятствовать. Однако Гитлер был уверен в обратном, и оказался прав. Он также назвал точную дату смерти Рузвельта.

После окончания Первой мировой войны Хаусхофер вернулся в науку. Занимаясь исключительно политической географией, он стал выпускать журнал «Геополитика», опубликовал множество своих научных работ. Любопытно отметить, что все его работы основаны на узко материалистическом политическом реализме. Все члены его группы старались использовать чисто материалистическую, экзотерическую терминологию, продвигать к внешней сфере псевдонаучные концепции, постоянно ловко путать карты.

Под маской профессора-геополитика скрывается другой персонаж, ученик Шопенгауэра, пришедший к буддизму, полковник Игнасия Лойола, мечтающий об управлении людьми, мистик, ведущий поиск скрытых реальностей, человек высокой культуры, иаделенный недюжинной психической энергией. Есть все основания считать, что именно Хаусхофер избрал свастику в качестве нацистской эмблемы.

Как в Европе, так и в Азии свастика всегда была магическим знаком. В нем видели символ солнца, источник жизни и плодородия, или гром — проявление божественного гнева, который важно предотвращать. В отличие от креста, треугольника, круга или полумесяца свастика — сложный знак, изобретаемый вновь и вновь человечеством в каждом столетии во всех точках мира, и каждый раз все с новой символикой. Это — первознак, созданный с совершенно ясным намерением. Изучение его миграции ставит проблему изучения первых общих для многих религий истоков и доисторических связей между Европой, Азией и Америкой.

Самый древний след свастики обнаружен в Трансильвании и восходит к концу эпохи неолита. Ее находят на сотнях плит на развалинах Трои. В Индии этот знак появляется в VI веке до н.э., в Китае — в V веке н.э. Веком позже, в VI столетии, свастика приходит в Японию вместе с буд-

дизмом, сделавшим ее своим символом. Важнейшее наблюдение: во всем семитическом обширном регионе, в Египте, Халдее, Ассирии, Финикии, — свастика либо совершенно неизвестна, либо встречается от случая к случаю. Это исключительно арийский символ. В 1891 году Эрнст Краус привлек внимание немецкой публики к такому факту: в 1908 году Гвидо Лист описывает в своих популяризаторских книжках свастику как символ чистоты крови и тайных магических знаний, что стало ясно после расшифровки рунической эпопеи «Старшая Эдда». При дворе последнего русского царя крест с загнутыми концами был почитаем императрицей Александрой Федоровной. Что это, влияние на нее теософов? Или здесь сыграл свою роль медиум Бадмаев, странный персонаж, бурят по происхождению, ламаист, духовно сформировавшийся в Лхассе и имевший потом многочисленные связи с Тибетом? Именно Тибет является тем районом мира, где правосторонняя или левосторонняя свастика используется чаще всего. И с этим связана одна удивительная история.

На стене в доме Ипатьева в Екатеринбурге царица нарисовала свастику с подписью. Изображение вместе с надписью было сфотографировано, но потом якобы стерто. Видный деятель русской контрреволюции генерал Кутепов, вероятно был владельцем этого снимка, сделанного 24 июля, хотя официальная фотография датирована 14 августа. Кроме того, как утверждает, он хранил нательный образок царицы, внутри которого была обнаружена запись с упоминанием о тайном обществе Зеленого Дракона. По словам агента разведки, отравленного впоследствии при странных обстоятельствах и издававшего свои романы под псевдонимом Тедди Леграна, Кутепов, тоже таинственным образом исчезнувший без всяких следов, на самом деле был похищен, доставлен на трехмачтовую яхту барона Отто Баутенаса и там убит. Барон тоже был впоследствии убит. Тедди Легран пишет: «Большой белый корабль назывался “Асгард”. Случайно ли он носил имя, которым в исландских сагах называют владения короля Туле? Как писал Требич-Линкольн (который утверждал, что он в действительности тибетский лама Джоржи Деном), общество Зеленых ведет свое происхождение из Тибета и является обществом, родственным Туле. В Берлине жил один тибетский монах, по прозвищу “человек в зеленых перчатках”, который трижды точно предсказал, сколько кандидатов от нацистской партии пройдет в рейхстаг. Гитлер был у него частым гостем. Посвященные называли ламу “хранителем ключей от “королевства Агарты”».

Все это ведет нас к Туле. В одно время с «Майн кампф» вышла также книга русского автора Оссендовского — «Люди, звери, боги», где

впервые в мировой печати упоминаются названия Шамбала и Агарти. Впоследствии мы услышим эти два слова от подсудимых на Нюрнбергском процессе при слушании дела о руководителях Анэнэрбэ («Наследие предков»).

В своей работе «Символизм креста» (1931), Рене Генон замечает: «Мы недавно обнаружили в статье из „Журналь де деба“ 11 января 1929 года следующую информацию, указывающую, по-видимому, на то, что древние предания не настолько утрачены, как принято считать: “В 1925 г. большая часть индейцев Куна восстала и, перебив Панамских жандармов, живших на их территории, основала независимую республику Туле с государственным флагом в виде свастики на оранжевом фоне с красной каймою, республика эта существует до сих пор”. Следует “обратить внимание на связь свастики с названием Туле, одним из самых древних обозначений высшего духовного центра, примененного затем и к некоторым подчиненным центрам”».

Национал-социалистская партия развернула бурную деятельность. Хорст Вессель, подручный Гербигера, организует штурмовые отряды. Через год он будет убит в стычке с коммунистами. В память о нем поэт Эверс сочинит песню, ставшую священным гимном национал-социалистического движения; этот немецкий Лавкрафт с энтузиазмом примкнул к нацистам, поскольку видел в их истоках самое мощное выражение черных сил».

Семеро отцов-основателей, вознамерившиеся «изменить весь мир», и психически, и духовно, уверены в том, что их влекут эти могучие черные силы. Если наши сведения верны, то объединяющая их клятва, миф, на который они ссылаются как на источник их энергии, взяты ими из тибетской легенды. Тридцать или сорок веков назад в Гоби существовала высокоразвитая цивилизация. В результате катастрофы, возможно, атомной, Гоби превратилась в пустыню, а выжившие эмигрировали из этого региона — кто на север Европы, кто на Кавказ. Бог Гор из нордических преданий был одним из героев этого исторического переселения.

«Посвященные» из «Общества Туле» были убеждены, что эти эмигранты из Гоби составляли главную расу человечества, ее арийский слой. Хаусхофер проповедовал «необходимость возвращения к истокам», то есть необходимость завоевания всей восточной Европы, Туркестана, Памира, Гоби и Тибета. Эти страны в его глазах являлись «ключевыми регионами», и тот, кто их контролировал, контролировал весь земной шар.

По легенде, с которой Хаусхофер познакомился, несомненно около 1905 года, в том ее виде, в котором ее передает Рене Генон в «Короле

мира», после катаклизма в Гоби учителя высокоразвитой цивилизации, обладатели знания, сыны запредельного разума поселились в громадном скоплении пещер под Гималаями. В глубинах этих пещер они разделились на две группы: одна пошла «по пути правой руки», а другая «по пути левой». Центром первого пути был Агартти, — место созерцания, скрытый город добра, храм неучастия в мирских делах. Второй путь проходил через Шамбалу, город насилия и могущества, силы которого управляют стихиями, массами людей и ускоряют приход человечества к «шариру времени». Маги-вожди народов могут заключать с Шамбалой договор, через посредство клятв и жертвоприношений.

В Австрии в 1928 году группа «Эдельвейс» объявила о рождении нового мессии. В Англии сэр Мосли и ученый Беллами объявили, что «свет коснулся Германии». В Америке появились «Серебряные рубашки» полковника Балларда. Группа видных английских деятелей предостерегают общественное мнение против такого движения, в котором они видели духовную угрозу, подъем люциферианской религии. Киплинг убирает с обложек своих книг свастику. Лорд Твидсмур, писавший под псевдонимом Джон Бьюкен, издает два своих ключевых романа — «Суд рассвета» и «Плененный принц», в которых дает описания опасностей, которыми являются для западной цивилизации интеллектуальные, духовные, магические «энергоцентральи». Сент-Джордж Саундерс разоблачает в своих книгах «Семеро спящих» и «Скрытое царство» мрачное пламя нацистского эзотеризма и источник его вдохновения — «тибетского собрата».

В 1926 году в Берлине, в Мюнхене образовалось еще, правда, немногочисленная тогда колония тибетцев и индусов. Как только у нацистского движения появились крупные финансовые средства, оно стал организовывать многочисленные экспедиции в Тибет, следовавшие одна за другой почти непрерывно до 1943 года. В день, когда русские завершили взятие Берлина, они среди трупов последних защитников нацизма обнаружили около тысячи тел добровольцев-смертников, уроженцев Гималаев. Они были одеты в немецкую форму без знаков различия, в их карманах не было никаких документов.

Члены «Общества Туле» готовились к захвату материальной власти над всем миром. Они считали, что им не угрожают никакие опасности, их делу суждено продолжаться тысячелетие, вплоть до будущего потопы. Они давали клятву покончить с собой в случае совершения тяжелой ошибки, разрывающей договор и приводящей к человеческим жертвам. Массовое уничтожение цыган (750 000 тыс. чел.) не имело никаких, судя

по всему, причин, кроме «магических». Вольфрам Зиверс был назначен главным исполнителем, жертвенным палачом, ритуальным душегубом. К нему мы еще вернемся, а пока попытаемся осветить с помощью «запретного света» один из аспектов ужасающей проблемы, встающей перед современной совестью в связи с массовыми истреблениями людей. В представлении высших, облеченных самой большой ответственностью руководителей речь шла лишь о том, чтобы преодолеть безразличие «Могучих сил», привлечь их внимание. У многих народов можно познакомиться с магическим смыслом человеческих жертвоприношений — от древних майя до нацистов. На Нюрнбергском процессе присутствовавшие часто удивлялись поразительному безразличию высших нацистских вождей к убийству. Меррит вкладывает в уста одного из своих героев «Обитателей миражей» прекрасную и вместе с тем ужасную фразу: «Я забывал об этом, как забывал каждый раз о жертвоприношениях, погружаясь в мрачный восторг таинственного ритуала...»

14 марта 1946 года Карл Хаусхофер убил свою супругу Марту, после чего покончил с собой согласно японской традиции. На его могиле нет ни креста, ни памятного камня. Он очень поздно узнал о казни в Моабите своего сына Альберта, арестованного вместе с участниками заговора против Гитлера и неудачного покушения на него 20 июля 1944 г. В кармане окровавленной одежды сына великого мага нашли написанные от руки стихи:

*С моим отцом говорила Судьба,
От него снова и снова зависело, —
Оттолкнуть ли демона в его темнице.
Мой отец сломал печать,
Не почувствовав дыхания Зла,
Он выпустил демона на волю...*

Все, что собрано здесь с такой поспешностью, с просто фатальной несвязностью, отражает лишь небольшую часть совпадений, отдельных сведений, знаков и предположений. Само собой разумеется, что собранные в соответствии с нашим методом сведения абсолютно не исключают политических, экономических и любых других объяснений нацистского феномена. Разумеется, также, что не все в сознании и даже в подсознании описанных нами людей определялось такими представлениями.

Но безумные идеи, которые мы здесь описываем, принимаемые за те или иные реальности, преследовали их рассудок, в тот или другой мо-

мент их жизни. По крайней мере, нам это кажется бесспорным.

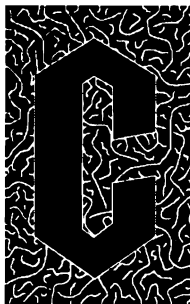
Наши видения никуда в глубине нас не исчезают, как никуда не исчезают звезды с наступлением дня. Они продолжают жить, поблескивая, за нашими чувствами, мыслями и поступками. Есть факты, но есть и их подоплека, — ее-то мы и исследуем.

Или, скорее, мы сигнализируем с помощью нескольких ориентиров на их руках, где можно вести поиск. Мы не хотим, да и не можем больше ничего сказать, кроме одного: в этой подоплеке, гораздо темнее, чем вы думаете.

Глава X

СМЫСЛ ВОЙНЫ И СМЫСЛ ПОБЕДЫ

Гиммлер и проблема «наизнанку». — Поворотный момент 1934 года. «Черный орден» у власти. — Монахи-воины и мертвая голова. — Посвящения в Бургах. — Последняя молитва Зиверса. — Страшные работы Анснэрбэ. — Первосвященник Фридрих Хильшар. — Забытая записка Юнгера. — Смысл войны и смысл победы

уровая зима 1942 года. Лучшие немецкие солдаты и СС впервые не продвигались ни на шаг вперед, забившись в свои норы в русских степях, окоченев в них от холода.

Упрямые англичане готовились к будущим боям, а Америка приходила в движение. Однажды зимним утром в Берлине знаменитый доктор Керстен, руки которого излучают целительные флюиды, увидел, что его клиент, рейхсфюрер Гиммлер, необычно печален и сильно подавлен.

— Дорогой доктор Керстен, я просто в отчаянии...

Что такое! Может, он уже начинал сомневаться в германской победе? Нет, конечно. Расстегнув себе брюки, чтобы оголить для массажа живот, он, лежа на кушетке и уставившись в потолок, продолжал говорить:

— Фюрер осознал, что на земле мира не будет до тех пор, покуда жив хотя бы один еврей. — И вот, — добавил Гиммлер, — он приказал мне немедленно ликвидировать всех евреев, которые находятся сейчас в наших руках.

Его руки, длинные и сухие, лежали неподвижно на кушетке. Он умолк. Пораженному его словами Керстену показалось, уже не просну-

лось ли чувство жалости в сердце великого магистра «Черного ордена», и охвативший его ужас сменился надеждой.

— Да, да, в глубине вашей души вы, конечно, не одобряете такой жестокости... теперь я понимаю, почему вы так сегодня печальны.

— Да не в этом дело! — воскликнул Гиммлер, садясь на кушетке. — Ничего подобного! Вы не черта не поняли!

Оказывается, Гитлер вызвал его и отдал приказ немедленно уничтожить пять или шесть миллионов евреев. Громадная работа, а он, Гиммлер, невероятно устал, к тому же у него сейчас дел не впрокорот! Бесчеловечно требовать от него новых усилий в ближайшее время. Поистине бесчеловечно. И он дал понять это своему горячо любимому шефу, а его горячо любимый шеф разгневался, выражая свое неудовольствие — оттого Гиммлер и был печален. Ему было не по себе от того, что он позволил себе зайти слишком далеко в момент, когда его одолевала усталость и эгоизм. (Мемуары Керстена и книга Жозефа Кесселя «Руки чуда». Изд-во «Галлимар», Париж).

Как же понять такую ужасную переоценку ценностей? Нельзя же все сваливать на безумие. Нет, все происходит в мире, параллельном нашему миру, структура которого и царящие в нем законы отличаются от наших коренным образом. В этом мире живут такие люди, как Гиммлер, и он так же странен для нас, как и мир Гамова. Настоящий человек, посвященный из «Общества Туле», находится в связи с могущественными силами и вся его энергия направлена на изменение жизни на Земле. Медиум требует от настоящего человека ликвидировать несколько миллионов ненастоящих людей. Согласен, но момент для этого выбран неудачно. Неужели это так необходимо? И все сделать немедленно? Ну что же, сделаем. Возвысимся еще немного над собой, принесем себя в жертву...

20 мая 1945 года на мосту Берверде, в двадцати пяти милях к западу от Люнебурга, британские солдаты задержали высокого человека с круглой головой и узкими плечами, у которого были документы на имя Гитзингера. Он был в гражданском и с повязкой на правом глазу. Его отвели в военную комендатуру. Три дня британские офицеры выясняли, кто он такой на самом деле. Наконец, уставший от допросов арестованный сорвал с глаза повязку и заявил: «Я — Генрих Гиммлер!» Ему не поверили, но он настаивал. Чтобы это проверить, ему приказали раздеться догола, и предложили на выбор либо американскую форму, либо одеяло, чтобы прикрыть наготу. Он завернулся в одеяло. Один из преследователей хотел убедиться, что у него на теле ничего нет. Другой приказал ему открыть рот. В этот момент тот раздавил зубами ампулу с цианистым

калием во рту и упал, как подкошенный. Через три дня майор и три унтер-офицера забрали тело и отвезли его в ближайший к Люнебургу лес. Они там вырыли могилу, бросили в нее труп и тщательно заровняли землю. Никому точно не известно, где покоится Гиммлер, какие птички чирикают на ветвях над тем местом, где разложилось тело того, кто считал себя новым воплощением императора Генриха I Птицелова.

Если бы Гиммлера, живого и здорового, доставили на Нюрнбергский процесс, что сказал бы он в свою защиту? Он не нашел бы общего языка с судьями. Он обитал не по эту сторону нашего мира. Он принадлежал к совершенно иному порядку вещей, иному духу. Это был монах-воин, прибывший с другой планеты. Как говорил докладывавший Петель, «до сих пор не смогли дать удовлетворительного объяснения психологическим соображениям, стоявшим за планами создания Освенцима (Аушвица), и всего того, с чем связано такое название. По сути дела, Нюрнбергский процесс не пролил на это достаточно света, а множество психоаналитических гладких объяснений о том, что будто бы целые нации могли утратить душевное равновесие, как это бывает с отдельными индивидами, только запутывают проблему. Никто не знает, что происходило в мозгу таких, как Гимлер и ему подобных, когда они отдавали приказ о массовом уничтожении людей». Только с позиций фантастического реализма мы начинаем это понимать.

Дени де Румон говорил о Гитлере: «Некоторые, пережив в его присутствии священный ужас, думают, что в нем — место пребывания Господства, Престола, Власти, — так святой Павел называет ангелов второй триады, которые могут проникать в тело человека и захватывать его, как захватывают вражескую крепость. Я слушал его, когда он произносил одну из своих больших речей. Откуда появлялась в нем сверхчеловеческая власть? Ясно ощущалось, что такая энергия не исходит от личности, и она проявляется таким образом, что такая личность может об этом ничего и не знать, она — лишь ее проводник, и она необъяснима для нашей психологии. Я бы назвал это самым низкопробным романтизмом, если бы то, что совершил этот человек, — я имею в виду действующую через не о могучую силу, — не было реальностью, приводившей в изумление наш век».

Но на первом этапе своего восхождения к власти Гитлер, усвоивший уроки Эккарта и Хаусхофера, захотел, судя по всему, использовать Могущества, предоставленные в его распоряжение, или скорее всего действующие через него, в направлении осуществления довольно ограниченной политической и националистической амбиции. Он, в сущнос-

ти, маленький человек, обуреваемый сильными патриотическими и социальными страстями. Пока он на внутренней своей ступени, его упования не выходят за определенные границы. Но вот его самым чудесным образом уносит вперед, и ему все удастся. Но медиум в нем, через которого действует такая энергия, может и не понимать всей масштабности этих сил и их вектор действия.

Он танцует не под свою музыку. До 1934 года он мог считать, что отлично справляется со своими «па». Но он выпадает из ритма. Он теперь считает, что ему остается лишь пользоваться Могушествами. Но Могушествами нельзя пользоваться, им можно только служить. Таково значение (или одно из значений) коренного изменения, произошедшего во время «чистки партии» в июне 1934-го или же сразу за ней. Движение, которое, как казалось самому Гитлеру, должно было быть национальным и социалистическим, становится тем, чем и должно было бы стать, — оно все больше, все теснее связывает себя с тайной доктриной. Гитлер так и не осмелится затребовать отчета о «самоубийстве» Штрассбера, и его заставили подписать приказ, возводящий СС в ранг автономной организации, стоящей над партией.

После разгрома нацизма Иоахим Гунтер писал в одном немецком журнале: «Жизненная идея, вдохновлявшая СА, была побеждена 30 июня 1934 года чисто сатанинской идеей СС».

«Трудно назвать день, — говорит доктор Дельма, — когда Гитлером овладела идея биологической мутации». Но ведь эта идея является одним из аспектов эзотерического учения тайного общества, к которому с этого времени все теснее примыкает нацистское движение, и медиум уже на является полным сумасшедшим, как думает Раушнинг, а более послушным инструментом, барабаном, зовущим к куда более амбициозному походу, чем восхождение к власти партии, нации, расы.

Организация СС была поручена Гиммлеру. Но его предстояло создавать не как полицейское ведомство, а как настоящий монашеский орден с иерархией ступеней, начиная с «низших» братьев до «высших».

Высшие ступени занимали сознательные руководители «Черного ордена», чье существование, однако, никогда официально не признавалось нацистским правительством. Даже в партии говорили о тех, кто «находится в узком внутреннем кругу», и только более точного определения никогда не давалось. Но вызывает сомнения, что эта тайная доктрина, никогда в ясной форме не выражавшаяся, зиждилась на абсолютной вере в силы, значительно превосходящие силы обычного человека. В религиях отличают теологию как науку от мистики, позна-

ваемой лишь интуитивно, не подлежащей объяснению. Работы Анэнэр-бэ, о которых речь впереди, можно отнести к теологическому аспекту, а «Черный орден», — к мистическому аспекту религии Властителей Туле. Нужно хорошенько уяснить, что когда вся деятельность нацистской партии по ее сплочению и разворачиванию подстрекательской пропаганды меняет направление, или скорее более строго ориентируется на тайную доктрину, в большей или меньшей степени понимаемую и применяемую медиумами, занимающими пропагандистские посты, то перед нами уже не национальное политическое движение. Тезисы в целом могут оставаться прежними, но теперь речь будет идти лишь об эзотерическом языке, на котором будут обращаться к толпам людей, об описании ближайших целей, за которыми будут скрываться совершенно иные.

«Отныне, — говорит Бразиллаш, — ничего не может быть важнее, чем неутомимое преследование неслыханной мечты. Теперь, если бы у Гитлера был народ, который более, чем немецкий народ, мог служить практическому осуществлению его высшей идеи, то он, не задумываясь, принес бы в жертву весь германский народ». Нет, не его «высшая идея», а высшая идея магической группы, действующей через него. Бразиллаш признает, что «он пожертвовал бы всем человеческим счастьем, своим и своего народа, если бы к этому призвал бы тот долг, которому он повиновался».

— Я открою вам секрет, — как-то сказал Гитлер Раушнингу, — я создаю орден. — Он, упомянув о Бургах, где будет происходить первое посвящение, добавил: — Оттуда выйдет человек второй ступени, человек, который будет мерой и центром мира, человек-бог. Человек-бог — великолепное Существо, которое станет культовым образом... Но есть еще и другие уровни, о которых мне не дозволено говорить...»

Энергоцентральный, построенный вокруг главной «материнской» централи. «Черный орден» изолирует всех своих членов от мира, сортируя их по степеням посвящения. «Само собой разумеется, — пишет Петель, — только очень узкий круг высших чинов и крупных сановников СС знал основные теории и требования. Члены различных «подготовительных» подразделений узнавали об этом, когда им требовалось получить от своего начальства разрешение на заключение брака или после того, как их ставили в рамки особой, весьма строгой юрисдикции, главное требование которой было вывести их из компетенции гражданских властей. Они узнавали тогда, что кроме как исполнения законов ордена, у них не было никакого другого долга, и что теперь у них не было никакой частной жизни».

Монахи-воины, члены СС, с «мертвой головой» на головном уборе принимали первое посвящение в Бургах. Но прежде им предстояло пройти через семинарию, так называемую Наполу. Открывая одну из таких «напол», подготовительных школ, Гиммлер свел всю тайную доктрину к краткой формулировке: «Верить, повиноваться, сражаться! Точка. Это все». В этих школах, как писала газета «Черный корпус» от 26 ноября 1942 года, «обучают сеять смерть и принимать ее». Позже наиболее достойные кадеты, поступившие в Бурги, поймут, что выражение «принять смерть» можно интерпретировать в том смысле, что «умереть в себе самом». Но если они недостойны этого, то их ждет физическая смерть на поле боя. «Трагедия величия состоит в нагромождении трупов». Ну и что из этого? Существование людей не настоящее, существует иерархия и в существовании, от человекоподобного существа до великого мага. Едва выйдя из небытия, низший, недостойный кадет возвращается в него, не заметив путь к спасению, ведущий к великолепной фигуре Высшего Существа...

В Бургах давали обеты, вступая на путь «неотвратимой сверхчеловеческой судьбы». «Черный орден» приводил в исполнение угрозы доктора Лея: «Зарубите себе на носу, — тот, у кого партия отнимет право на коричневую рубашку, — потеряет не только свои функции. Он будет уничтожен сам вместе со своей женой, членами семьи и детьми. Таковы жестокие, неумолимые законы нашего ордена».

Вот снова мы в другом мире. Нет уже речей ни о вечной Германии, ни о национал-социалистском государстве, а только о магической подготовке к приходу человека-бога, иного человека, которого Могущества пришлют на Землю, когда нам, посвященным, удастся изменить равновесие духовных сил.

Церемония, на которой получали руны СС, должна была, по всей видимости, напоминать то описание, которое приводит Рудольф Шнейдер, рассказывая об обетах рыцарей Тевтонского ордена. Такой обряд обычно проходил в Мариенбурге, в большом зале замка Ремтер (Вознаграждение); они давали, почтительно склонив голову, обеты, превращавшие их в военную Церковь: «Они приезжали из разных стран, разноликие, разноязычные, прошедшие через жизнь, полную тревожений. Они вступали в суровую, замкнутую атмосферу замка, оставляя свои щиты, принадлежавшие их предкам, по крайней мере, четвертого поколения. Теперь их гербом становился крест, зовущий их на самую главную из войн, на ту, которая обеспечивает им вечную жизнь».

Знающий молчит. Не сохранилось ни одного описания проведения церемонии посвящения в Бургах, хотя нет никакого сомнения в том, что

они там проходили. Их называли церемониями «плотного воздуха», намекая на обстановку сильнейшего напряжения, ослабевавшего только после того, как обет был дан. Такие оккультисты, как Льюис Спенсер, усматривают в этом черную мессу, проводимую в чисто сатанинских традициях. Напротив, Вилли Фришгауэр в своей работе о Гиммлере трактует «плотный воздух», как момент полного отупения участников церемонии. Между этими двумя крайностями есть место для иной интерпретации, — либо более реалистической, либо более фантастической.

Неотвратимая сверхчеловеческая судьба: были разработаны планы полной изоляции эсэсовцев «мертвых голов» от мира «человекоподобных» пожизненно. Намечалось создание городов и селений для ветеранов СС по всему миру, причем подчинявшихся только администрации Ордена и назначаемым им властям.

Но Гиммлер со своими «братьями» лелеял гораздо более захватывающую мечту. Мир должен быть построен по образцу суверенного государства СС. «На мирной конференции, — говорил Гиммлер в марте 1943 года, — мир узнает о воскрешении древней Бургундии. Это страна, бывшая когда-то землей наук и искусств, была доведена Францией до уровня заспиртованного придатка. Суверенное государство Бургундия, со своей армией, законами, монетой, почтой, станет образцовым государством СС. В нее войдут романская Швейцария, Пикардия, Шампань, Франш-Конте, Эно и Люксембург. Официальным языком, разумеется, будет немецкий. Править будет только СС, национал-социалистская партия не будет иметь в Бургундии никакой власти. Мир будет потрясен, восхищен государством, где будут осуществлены на практике наши концепции».

Истинный «Черный орден» — это организация «посвященных» по его собственному определению — находится выше добра и зла. Организация Гиммлера не рассчитывает на помощь фанатиков садистов, испытывающих сладострастную тягу к убийству, она рассчитывает на новых людей.

За пределами «узкого внутреннего круга», в который входят «мертвые головы», их вожди, стоящие ближе всего к тайной доктрине, в зависимости от их ранга, центром которого является святая святых — Туле, существует другая СС, среднего типа, которая является бездушной машиной, роботом исполнителем. Она, эта СС, штампуются по стандарту на основе «негативных качеств» кандидатов. Такое производство далеко от доктрины, речь идет о простых методах дрессировки. «Речь вовсе не идет об устранении неравенства между людьми, напротив, его необ-

ходимо усилить, превратить в закон, ограниченный непреодолимыми барьерами, — говорил Гитлер. — Каким будет грядущий социальный порядок? Друзья мои, я скажу вам: будет класс господ, будет толпа различных членов партии, разделенных по иерархическому принципу, будет огромная безликая масса, общество служителей, вечных низших, а под ними — класс завоеванных иностранцев, современных рабов. И надо всем этим возвысится новая благородная аристократия, о которой я пока говорить не могу.... Но эти планы должны быть неизвестны рядовым членам партии».

Мир — это материя, которую нужно преобразовать, чтобы выделить из нее энергию, сконцентрированную шагами, энергию психическую, способную привлечь Силы Извне, Высших Неизвестных, Хозяев Космоса, деятельность «Черного ордена» не определяется никакой политической или военной необходимостью: она отвечает магической потребности. Концентрационные лагеря — следствие имитативной магии; они — символический акт, макет. Все народы будут лишены своих корней, превратятся в громадное кочевое население, в грубое сырье, которое будет легко, податливо к воздействию, но на этой почве расцветет цветок: новый человек в контакте с богами. Эта модель, эта матрица (как говорил Барбье де Ореви́льи, «ад — это матрица неба») планеты, ставшей полем для магических трудов «Черного ордена».

При обучении в Бургах часть тайной доктрины объяснялась такой формулировкой: «Существует только Космос, Вселенная, живое существо. Все вещи, все существа, включая человека — лишь умножающиеся на протяжении веков различные формы всемирного живого». Мы сами не живем, покуда не осознали этого Сущего, которое нас окружает, поглощает и готовит через нас другие живые формы. Акт творения не завершен, Космический дух не обрел покоя, так будем же внимательны к его призывам, передаваемым богами нам, злобным магам, пекарям, месяющим кровоточащее и слепое человеческое тесто! Печи Освенцима. Ритуал.

На Нюрнбергском процессе полковник СС Зиверс ограничился чисто рациональной защитой и, перед тем как войти в камеру для казни через повешение, потребовал, чтобы ему предоставили возможность в последний раз отправить свой культ, вознести тайные молитвы. После этого он бесстрастно позволил палачу накинуть ему на шею петлю.

Он был главным администратором Анэнэ́рбэ и именно за это был приговорен к смерти. Научный институт под названием Анэнэ́рбэ, «Общество по изучению наследия предков», был основан как частная орга-

низация Фридрихом Хильшером, мистическим другом шведского исследователя Свена Гедина, поддерживавшего тесные отношения с Карлом Хаусхофером. Свен Гедин, специалист по Дальнему Востоку, долго жил в Тибете, играл роль важного посредника в создании нацистских эзотерических доктрин. Сам Фридрих Хильшер никогда не был членом партии и даже поддерживал отношения с еврейским философом Мартином Бубером. Но его глубинные тезисы близко подходят к «магическим» положениям адептов национал-социализма. Хильшер создал Анэнэрбэ в 1933 году. Двумя годами позже Гиммлер превратил Аненерба в официальное учреждение и присоединил его к «Черному ордену». Были сформулированы поставленные перед ним цели: «Изыскания с целью локализации духа, деяний, наследия индо-германской расы и передача результатов своих исследований в доступной и интересной форме широким народным массам. Выполнение такой миссии должно осуществляться с помощью научных методов и с научной точностью».

Рациональная немецкая организация, таким образом, поставлена на службу иррационального. В январе 1939 года Анэнэрбэ вошла целиком в состав СС, а ее руководители стали членами личного штаба рейсхфюрера Гиммлера. К этому времени Анэнэрбэ располагала 50-ю научными институтами, деятельность которых координировал профессор Вурст, специалист по древним священным текстам, возглавлявший кафедру санскрита Мюнхенского университета.

Кажется, Германия израсходовала на все исследования Анэнэрбэ больше, чем США — на производство атомной бомбы. Эти исследования охватывали чисто научные области, а также изучение практического применения оккультизма, вивисекцию над заключенными, включая шпионаж за тайными обществами. Так, например, велись переговоры со Скорцени об организации экспедиции, целью которой должно было стать похищение чаши Святого Грааля, а Гиммлер создал даже специальный разведотдел, которому были поручены исследования «области сверхъестественного».

Список тем, разработанных на основе громадных расходов Анэнэрбэ, поражает воображение: невидимое присутствие братства Розы и Креста, символический смысл ликвидации арфы в музыке Ольстерау оккультный смысл готических башенок Оксфорда, а также шляп-цилиндров «итон» и т.д. Когда немецкая армия готовилась к сдаче Неаполя, Гиммлер слал туда приказ за приказом, чтобы не забыли вывезти массивный надгробный камень последнего императора из династии Гогенштауфенов. В 1943 году, вскоре после падения Муссолини, рейсхфюрер собрал

на вилле в окрестностях Берлина шестерых крупнейших оккультистов Германии, чтобы они с помощью своих тайных методов открыли то место, где содержался дуче. Совещания генерального штаба начинались сеансами йогической концентрации.

По приказу Зиверса доктор Шефер налаживает многочисленные связи в Тибете с ламаистскими монастырями. Он привозит в Мюнхен для «научного изучения» «арийских» лошадей и «арийских» же пчел, мед которых якобы обладает особыми свойствами.

Во время войны Зиверс организывает в лагерях для депортированных ужасные опыты, о которых рассказывалось во многих «черных книгах» (гремуарах). При Анэнэбэ появляется «Институт научных исследований национальной обороны», который располагает всеми научными возможностями, предоставляемыми в Дахау.

Профессор Гирт, возглавляющий работу этого института, собирает целую «коллекцию типичных израильских скелетов». Зиверс отдает приказ вторгнувшимся в Россию немецким армиям собирать коллекцию черепов «комиссаров-евреев».

Профессор Хильшер, несомненно, сыграл важную роль в разработке тайной доктрины. Вне ее позиция Зиверса, как и позиция других нацистских вожakov, остается непонятной. Такие определения, как «моральная чудовищность», «жестокость интеллекта», «безумие» ничего, по сути, не объясняют. Ничего нам не известно и о духовном учителе Зиверса. Но Эрнет Юнгер упоминает о нем в дневнике, который он вел в Париже, в годы оккупации. Французский переводчик дневников, на наш взгляд, не уловил главного замечания. Смысл его становится ясным только при «реалистически-фантастическом» объяснении нацистского феномена.

14 октября 1943 года Юнгер писал:

«Вечером, визит Бого. (Из осторожности Юнгер наделяет высоких персонажей псевдонимами. Бого — это Хильшер, Книболо — Гитлер). В эпоху, столь бедную оригинальными умами, он один из моих знакомых, над которыми я долго размышлял, но так и не смог составить окончательного суждения. Прежде я считал, что он войдет в историю нашей эпохи как личность малонизвестная, хотя и наделенная исключительно тонким умом. Теперь я думаю, что он сыграет куда более значительную роль. Многие, если не большая часть поколения молодых интеллектуалов, возмужавших после великой войны, оказались под его влиянием и прошли через его школу... Он подтвердил то подозрение, которое я выпытывал довольно долго, — он основал новую церковь. Теперь он встал над догматикой и далеко продвинулся в области литургии. Он показал мне се-

рию песнопений и цикл праздников под названием “языческий год”, который включает в себя порядок расположения богов, животных, цветов, блюд, камней и растений. Так, 2 февраля отмечается праздник освящения света...»

Далее Юнгер добавляет, подтверждая наш тезис:

«Я вижу в Бого глубокое, характерное для всей нашей элиты изменение: он устремляется к метафизическим областям с таким порывом мысли, сформированной рационализмом. Это меня уже однажды поразило в Шпенглере, и я считаю это одним из добрых предзнаменований. Грубо говоря, XIX век был веком рационализма, а век XX — веком культов. Книболо (Гитлер) видит в нем себя, там где полная беспомощность либерально настроенных умов видит лишь то место, на котором в данный момент он стоит».

Хильшер, который ничего не опасался, сам явился в Нюрнберг, чтобы свидетельствовать в пользу Зиверса. Перед судьями он делал отступления политического характера и высказывал абсурдные соображения по поводу рас и древних племен. Он потребовал оказать ему честь сопровождать Зиверса к виселице, и там, в его компании, приговоренный к смерти читал свои молитвы некоего культа, о которых он ни разу не упомянул во время допросов. После этого Зиверс вступил в тень вечности.

Они хотели изменить жизнь, соединить ее со смертью на иной манер. Они готовили пришествие Высших Неизвестных. У них было магическое понимание мира и человека. Они принесли в жертву всю молодёжь своей страны, предложили богам целое море человеческой крови. Они сделали все, чтобы смириться с Волей Могуществ. Они ненавидели современную западную цивилизацию, будь она буржуазной или рабочей, с ее выцветшим гуманизмом и ограниченным материализмом. Они должны были победить, ибо они — носители Огня, которому их враги, капиталисты или марксисты, давно дали угаснуть, сонно погрузившись в идею ровной и лимитированной судьбы. Они должны были стать хозяевами на тысячелетия, так как они были на стороне магов, великих жрецов, демиургов...

И вот они оказались побежденными, раздавленными, судимыми, униженными, и кем! — обычными людьми, пьющими водку или жующими резинку, людьми, наделенными священной одержимостью, людьми примитивной веры и приземленных желаний. Людьми поверхностного мира, позитивистами, рационалистами, приверженцами общепринятой морали, просто людьми. Миллионы людей доброй воли привели к краху Волю рыцарей сверкающих сумерек. На Востоке, эти механические песклад-

ные автоматы, на Западе, эти пуритане с разжиженными мозгами понастроили такое громадное количество танков, самолетов, пушек. Гораздо больше, чем было у них! К тому же у них в руках оказалась атомная бомба, у них, не имевших никакого представления о том, что такое скрытая энергия! И теперь подобно улиткам после ливня, уцелевшим после свинцового дождя, очкастые судьи, профессора гуманитарного права, сто рошники приземленной добродетели, доктора посредственных наук, баритоны из Армии Спасения, санитары из Красного Креста, наивные горлопаны о «счастливом завтра» явились в Нюрнберг, чтобы давать там уроки примитивной морали Властителям, монахам-воинам, заключившим союз с Могуществами, посвященным, жертвоприносящим жрецам, умевшим читать в черных зеркалах, союзникам Шамбалы, наследникам рыцарей Святого Грааля!

И они отправляли их на виселицу, как простых преступников, и опасных безумцев.

Ни осужденные в Нюрнберге, ни их покончившие с собой главари не могли понять, что их сокрушила другая цивилизация, цивилизация, несомненно, высокодуховная, грозное движение от Чикаго до Ташкента, увлекающая человечество к более высокой судьбе. Они поставили под сомнение Разум, заменили его магией. Конечно, картезианский Разум не охватывает всего человека, всего его сознания. Они усыпили его. А сон разума порождает чудовищ. На самом деле происходило другое, — не усыпленный разум, а разум, достигший своих пределов, добрался по более возвышенному пути до мистерий духа, тайн энергии и универсальной гармонии. В силу растущей рациональности появляется фантастическое, и порожденные сном разума чудовища являют собой на них лишь страшную карикатуру. Но нюрнбергские судьи, глашатаи победившей цивилизации, сами не знали, что эта война была войной духовной. Они не имели о собственном мире такого возвышенного представления. Они лишь верили, что Добро восторжествовало над Злом, не видя, по существу, всю глубину поверженного зла и всю высоту восторжествовавшего добра. Немецкие и японские воины-мистики вообразили себя большими магами, чем оказалось на самом деле. Но их цивилизованные победители еще не осознали того высшего магического смысла, который приобретал их мир. Они говорили о Разуме, Справедливости, Свободе, Уважении к жизни человеческой и т. д. все в том же старом смысле, который ко второй половине XX века уже давно утратил свою актуальность, а наше сознание трансформировалось, и стал ощутимым его переход к более высокому его состоянию.

Нацисты непременно одержали бы победу, если бы современный мир был тем, каким он до сих пор предстает в глазах большинства из нас: чистой воды материалистическое и научное паследие, как доминирующее буржуазной мысли, рассматривающей нашу планету как место, требующее кое-какого усовершенствования, чтобы лучше можно было наслаждаться радостями жизни. Существуют два дьявола. Один превращает божественный порядок в беспорядок, другой превращает этот порядок в иной, отнюдь не божественный. «Черный орден» должен был внести его в цивилизацию, которая, как он считал, скатилась до уровня одних материальных забот, прикрытых лицемерной моралью. Но она была не только такой. В ходе навязанного нацистами ей мученичества появлялось ее новое лицо, как божественный лик на Святой плащанице. При повышении уровня интеллектуального развития народных масс до ядерной физики, от психологии высших порогов сознания до межпланетных ракет, действовала алхимия, становилось очевиднее обещание трансмутации человечества, вознесение всего живого на более высокий уровень. Может, это не проявлялось столь зримо, и неглубокие умы уже с сожалением вспоминали о древнейших временах духовной традиции, сближались с врагом из-за жарких порывов души, ополчались на этот мир, в котором видели лишь одно, — все возрастающую механичность. Но в те же времена были и другие, подобные, например, Тейяру де Шардену, у которых глаза были куда шире открыты. Глаза наивысшего разума и глаза любви видят то же самое, только в различных планах. Стремление народов к свободе, гимн доверия мучеников, — это зародыш великой архангельской надежды. Нужно было спасти эту цивилизацию, которую так плохо понимали снаружи мистики-пассенсты, а изнутри — прогрессивные примитивисты. Алмаз режет стекло. Но боразон, синтетический кристалл, режет алмаз. Структура алмаза более упорядочена, чем структура стекла.

Нацисты могли победить. Пробужденная мысль может создать еще более чистые структуры порядка, чем те, которые поблескивают в сумерках.

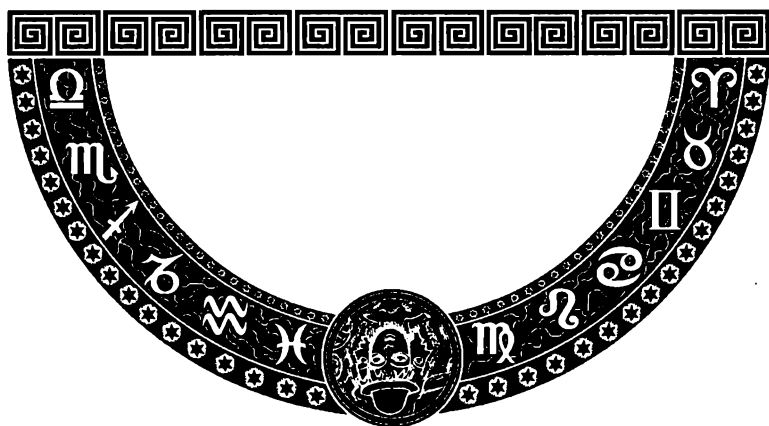
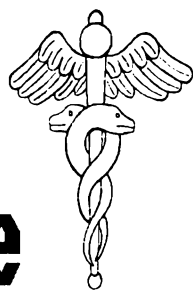
«Когда меня ударят по щеке, я не подставляю другую, обнажу меч, — я призову молнию!» Вероятно, было нужно, чтобы битва между Высшими из глубин и простаками, живущими на поверхности Земли, между темными Могуществами и прогрессирующим человечеством завершилась под ясным знаком неоспоримой Силы.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

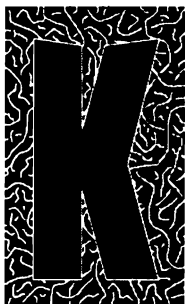
Человек — нечто бесконечное

Глава I

НОВАЯ ИНТУИЦИЯ

Фантастическое в огне и в крови. — Барьеры неверия. — Первая ракета. — Буржуа и труженики земли. — Ложные факты и настоящая фантастика. — Обитаемые миры. — Визитеры, прибывшие извне. — Большие коммуникации. — Современные мифы. — Для исследования фантастического внутри. — Изложение метода. — Другая концепция свободы

Когда я выбрался из подвала, Жювизи, город моего детства, исчез с лица земли. Плотный желтый туман обволакивал кучи щебня, откуда доносились крики о помощи и глухие стоны. Мир моих детских игр, дружеских привязанностей, влюбленностей лежал в развалинах вместе с большей частью тех, кто видел первые шаги, на фоне этого пустынного, лунного пейзажа. Позже, когда были организованы спасательные работы, птицы, обманутые светом прожекторов, вернулись сюда и, веря в то, что пришел новый день, весело зачирикали в покрытых толстым слоем пыли кустах.

Вот еще одно воспоминание: летним утром, за три дня до Освобождения, я с десятью товарищами находился в частном особняке неподалеку от Булонского леса. Случай свел нас из различных, враз опустевших молодежных лагерей, в этой последней «школе по подготовке кадров», где нас невозмутимо продолжали учить, когда все менялось под бряцание орудий и цепей, искусству изготовления марионеток, играть в комедии и петь.

В это утро, собравшись в холле с псевдоготикой, мы под руководством хормейстера-романтика распевали на три голоса фольклорную арию: «Дайте мне воды, дарите мне воды, воды, чтобы наполнить мои два ведра...» Нас прервал телефон. Через несколько минут наш учитель пения привел нас в чей-то гараж. Парни с автоматами охраняли его. На полу, среди старых автомобилей и канистр с маслом, лежали молодые люди, изрешеченные пулями, приконченные гранатами. Это была группа, Сопротивления, которую немцы пытали в Лесном каскаде. Их тела доставили сюда. Привезли гробы. Были отправлены нарочные, чтобы предупредить их семьи. Нужно было обмыть трупы, вытереть кровь, застегнуть брюки и куртки, расстегнутые осколками гранат, накрыть листами белой бумаги в гробу эти растерзанные жертвы, в чьих глазах застыл страх, а разверстые рты и раны, казалось, кричали, придать этим искаженным лицам подобие естественной смерти, и, вдыхая этот тошнотворный запах скотобойни, вооружившись щетками и губками, мы давали воды, воды, воды...

Пьер Жак Орлан перед войной путешествовал в поисках «социальной фантастики» и нашел ее в живописных крупных портах: быстро Гамбурга под дождем, набережная Темзы, фавн Антверпена. Как все это очарование обветшало, выцвело! Теперь фантастическое перестало быть сюжетом для художника, оно стало опытом, пережитым цивилизованным миром, огнем и кровью. Сапожник с вашей улицы однажды утром появился на пороге своей лавки с желтой, шестиконечной звездой на груди. Сын консьержки получал из Лондона послания в реалистическом стиле и носил никому не видимые капитанские нашивки. Тайная партизанская война натолкнулась на трупы повешенных на балконах деревенских домов. Множество миров, яростно непохожих один на другой, накладывались один на другой, и достаточно было какого-то случайного толчка, чтобы очутиться в любом из них.

Бержье рассказывал мне:

«В Маутхаузене мы носили метку № NN, даже ночью, даже в густом тумане. Никто из нас не надеялся выжить. 5 мая 1945 года, когда первый американский джип показался на холме, один русский, лежавший рядом со мной, который когда-то проводил антирелигиозную кампанию на Украине, приподнялся на локте и воскликнул: “Слава Богу!”»

Все способные передвигаться без посторонней помощи были отправлены на “летающей крепости” на родину и, таким образом, я оказался на аэродроме Гейнц в Австрии. Прибыл самолет из Бирмы. “Это ведь была

мировая война, не правда ли?” услышал я по радио. По нему передали мое сообщение в штаб союзнических сил в Реймсе. Потом мне показали радарное оборудование. Там была такая аппаратура, появление которой я считал возможным не ранее 2000 года. В Маутхаузене американские врачи говорили мне о пенициллине. За два года наука шагнула вперед на целый век. И мне вдруг пришла в голову безумная идея: “А атомная энергия?”. — “О ней говорят, — услышал я ответ по рации. — Это довольно секретно, но ходят слухи...”

Через несколько часов я в своем полосатом костюме шагал по бульвару Мадлен. Неужели я в Париже? Или мне это снится? Люди окружали меня, забрасывали вопросами. Я скрылся от них в метро, позвонил по телефону родным: “Скоро буду”. Вышел на поверхность. Теперь оставалось самое важное — найти то место, которое я больше всего любил до войны: американский книжный магазин Брентано, на улице Оперы. С каким волнением я входил в него. Повсюду пачками разложены газеты, журналы...»

Сидя на скамье в саду Тюильри, я пытался примирить окружающий мир с тем, который знал прежде. Муссолини был повешен на крюке. Гитлер сгорел. На острове Олерон, в атлантических портах еще оставались немецкие войска. Разве война во Франции не окончена? Технические журналы вызывали головокружение. Значит, пенициллин — этот научный триумф сэра Александра Флеминга, — это дело серьезное? Родилась новая химия силиконов, веществ, промежуточных между органическими и минеральными. Геликоптер, невозможность создания которого была доказана в 1940 году, теперь был поставлен на поток. Электроника добивалась фантастических успехов. Телевидение вскоре станет таким же распространенным средством, как и телефон. Я вдруг оказался в мире моих мечтаний о двухтысячном годе. Многое в газетах мне казалось непонятным. Кто такой маршал Тито? А что такое — Организация Объединенных Наций? А ДДТ?

Внезапно я ощутил всем своим существом, что я больше — не заключенный, не осужденный на смерть, и что у меня теперь сколько угодно времени и свободы, чтобы во всем разобраться и соответственно действовать. Моей была, если захочу, и эта ночь... Наверное, я сильно побледнел. Какая-то женщина подошла ко мне, предложила отвести к врачу. Я отговорился, побежал к родным, — они все были в слезах. В столовой на столе лежали посылочки, доставленные велосипедистами, телеграммы от военных и гражданских лиц. Лион называл моим именем одну из улиц, я был произведен в капитаны, награжден орденами разных стран, а аме-

риканская экспедиция, прибывшая в Германию на поиски секретного немецкого оружия, обратилась ко мне с просьбой о помощи. Около полуночи отец заставил меня лечь. Засыпая я увидел два латинских слова, которые без всякой причины возникли в моей памяти: «магна», «матер». Проснувшись утром, я вспомнил о них и тут же понял их смысл. В древнем Риме кандидаты для участия в тайном культе «Магна Матер» — «Великой матери» — должны были пройти через кровавую баню. Если они выжили, то считали себя родившимися заново.

В этой войне распахнулись все двери для общения между всеми мирами. Возник колоссальный сквозняк. Потом атомная бомба швырнула нас в атомную эру. В следующее мгновение ракеты оповестили нас об эре космической. Все становилось возможным. Барьеры неверия, достаточно прочные в XIX веке, были серьезно расшатаны войной. Теперь они вообще рушились.

В 1954 году американский военный министр Ч. Вильсон заявил: «США, как и Россия, отныне обладают силой, способной уничтожить весь мир». Мысль о конце света овладевала сознанием людей. Оторванный от прошлого, сомневающийся в своем будущем, человек открывал для себя настоящее как абсолютную ценность, эту узкую границу, как вновь обретенную вечность. Путешественники отчаяния, одиночества и вечности отправились по морям на плотях. Нон-экспериментаторы, зачинатели будущего потопа, питающиеся планктоном и летучими рыбками. Одновременно с этим отовсюду, из разных стран поступали сообщения о появлении «летающих блюд». Небо населялось внеземными разумными существами. Мелкий торговец по фамилии Адамски, державший лавку у подножия горы Паломар с громадным установленным на ней телескопом в Калифорнии, назвал себя профессором и заявил, что его посетили венерианцы. Он рассказал о беседах с ними в книге, ставшей одним из послевоенных бестселлеров, и заделался Распутиным при голландском королевском дворе. В таком мире, в котором в равной степени проявляется трагическое и страшное, невольно напрашивается вопрос, — что же это за люди, живущие без веры и не желающие при этом больше дурачиться.

Когда Честertonу говорили о конце света, он отвечал: «Почему я должен из-за этого беспокоиться? Он уже наступал и не один раз». На протяжении миллиона лет, в течение которых люди приходят на эту землю, они, вне всякого сомнения, пережили не один апокалипсис. Свет разума много раз угасал и вспыхивал снова. Человек, бредущий в ночи

далеко от нас с фонарем в руке, становится попеременно то тенью, то огоньком. Все побуждает нас думать, что конец света вновь произошел, и мы заново учимся разумному существованию в новом мире: в мире больших человеческих масс, ядерной энергии, электронного мозга и межпланетных ракет. Может быть, нам нужен другой ум и другая душа в этом другом мире?

16 сентября 1952 года, в 22 часа 02 минуты, радиостанции всех стран сообщили о том, что первая ракета, запущенная с земной поверхности, достигла Луны. Я слушал «радио Люксембург». Диктор, бегло сообщив об этой новости, тут же объявил воскресную, как всегда, развлекательную эстрадную передачу — «Открытая дверь»... Я вышел в сад, чтобы посмотреть на спящую Луну, на Море Спокойствия, куда за несколько часов до этого упали осколки ракеты. Садовник тоже там был. «Как это все прекрасно, сударь, как Евангелие...» Его слова вдруг придали этому событию его подлинный масштаб. Я чувствовал себя в эту минуту таким близким этому человеку, ко всем простым людям, которые сейчас поднимали глаза к небу во власти этого чуда, испытывая сильное, безотчетное волнение. «Счастлив человек, теряющий голову, — он вновь обретет ее на небе!» В то же время я был невероятно далек от людей моего круга, — всех этих писателей, философов и артистов, которые не позволяли себе переживать такой восторг под предлогом своей просвещенности и защиты гуманизма. Например, мой друг, Жан Дютур, замечательный писатель, влюбленный в Стендаля, сказал мне за несколько дней до этого: «Давай-ка оставаться на Земле, но станем развлекаться всеми этими детскими электровозиками для взрослых». Один, очень дорогой для меня друг, Жан Жионо, с которым я увидался в Маноске, рассказал мне, как, проезжая однажды утром через Кальмар-лез-Альп, он увидел жандармского офицера и кюре, которые играли в карты на церковной паперти. «До тех пор, покуда капитаны жандармерии и кюре играют здесь в карты, на Земле будет место для счастья; нам будет здесь гораздо лучше, чем на Луне...»

Так вот, все мои друзья были запоздавшими буржуа в мире, где люди, увлеченные громадными космическими проектами, начинают чувствовать себя тружениками Земли. «Останемся на Земле!» — говорили они. Они реагировали точно так, как лионские ткачи на изобретение ткацкого станка: они боялись потерять работу. Мои друзья — писатели чувствуют, что в мире, в который мы вступаем, социальные,

моральные, политические, философские перспективы гуманистической литературы, психологического романа могут показаться им малозначительными. Главное воздействие так называемой современной литературы заключается в том, что она мешает быть нам на самом деле современными. Сколько раз они уверяли себя, что пишут «для всех». Они чувствуют, что приближается время, когда разум широких масс будет захвачен великими мифами, планами гигантских свершений, и тогда, продолжая писать свои маленькие «человеческие» истории, они будут лишь обманывать людей ложными фактами вместо того, чтобы рассказывать им о действительно фантастическом.

В тот вечер, 16 сентября 1959 года, когда я спустился в сад и глядел усталыми, жадными глазами зрелого человека на далекую Луну, на которой теперь отпечатались человеческие следы, мое волнение усилилось, так как я вспоминал о своем отце. Каждый вечер, как и он когда-то, я выходил в наш жалкий садик возле домика в пригороде и, дыша полной грудью, задираю голову. Как и он, я хотел задать себе самый важный, самый существенный вопрос: «Люди планеты Земля, — неужели мы единственные живые существа?». Мой отец задавал себе этот вопрос потому, что у него была большая душа, и еще потому, что он читал сомнительную спиритическую литературу, все эти примитивные выдумки. Я же задал его, прочитав сообщение в «Правде» и чисто научные работы, так как часто общался с учеными. Но, стоя под звездами, с запрокинутым лицом, я присоединялся к нему с такой же пытливостью, которая вызывает бесконечный полет мысли.

Только что я упоминал о рождении мифа о «летающих блюдцах». Это — показательный социальный факт. Разумеется, бессмысленно верить в межзвездные корабли, из которых высаживаются маленькие человечки, которые любят поболтать со сторожами железнодорожных переездов или торговцами сэндвичами. Существование марсиан, сатурнианцев или венериан кажется невероятным. Однако, резюмируя совокупность действительных данных по этому вопросу, Шарль-Ноэль Мартен пишет: «Многообразие возможных обиталищ в различных галактиках и, в частности, в нашей приводит нас почти к полной уверенности в том, что формы жизни чрезвычайно многочисленны». На каждой планете с другим Солнцем, даже если она находится в сотнях световых лет от Земли, если ее масса и атмосфера на ней схожи с нашими, должны жить существа, похожие на нас. Расчеты показывают, что в одной только нашей Галактике может существовать от 10 до 16 миллионов планет, более или менее сравнимых с ней. Хэрлоу Шэпли в своей работе «Звезды и люди» насчи-

тывает в известной нам Вселенной 10 вероятных сестер нашей Земли. Эти данные заставляют нас предположить, что другие миры обитаемы, что Вселенная заселена и другими живыми существами. В конце 1953 года в Корнельском университете (США) были открыты лаборатории под руководством профессоров Коччиони и Мориссона, пионеров дальней Космической связи. В них пытаются перехватить послания, возможно, направляемые нам другими разумными существами из космоса.

Куда в большей мере, чем посадка ракет на ближайшие к нам планеты, важен контакт людей с разумными существами, обладающими иной психикой, и он, этот контакт, может стать самым потрясающим событием в истории человечества.

Если, помимо нас, существуют другие разумные существа, то знают ли они о нашем существовании? Принимают ли они, расшифровывают ли излучаемые нашими радио- и телеприемниками волны?

Наблюдают ли они с помощью своих приборов те пертурбации, которые вызывают на нашем Солнце такие гигантские планеты, как Юпитер и Сатурн? Посылают ли они свои корабли в нашу галактику? Через нашу Солнечную систему могли пройти бесчисленное число ракет-наблюдателей, а мы и не подозревали об этом. Нам не удастся даже сейчас, когда я пишу эти строки, отыскать «Лунник 111», передатчик которого вышел из строя. Мы так и не знаем, что происходит в наших владениях.

Посещали ли нас обитатели других миров? Существует высокая вероятность, что такие визиты на другие планеты состоялись. Но почему обязательно Земля? Существует миллиарды звезд, рассеянных по всему полю световых лет. Разве мы самые близкие? Или самые интересные для них? Вполне логично предположить, что «великие пришельцы» могли прилететь, чтобы взглянуть на нашу Землю, даже высадиться на нее и пожить немного на ней. Жизнь на нашей планете существует, по крайней мере, миллиард лет. Человек появился на ней более миллиона лет назад, а наши воспоминания охватывают период не более шести — семи тысяч лет. Что мы знаем? Может, доисторические чудовища вытягивали вверх свои длинные шеи, когда над ними пролетали межзвездные корабли, но след такого сказочного события где-то затерялся...

Американский доктор Ральф Стэр из «Эн-Би-Си», анализируя странные скалы-тектиты в районе Ливана, допускает, что они могут быть остатками исчезнувшей планеты, находившейся между Марсом и Юпитером. В составе тектитов обнаружили радиоактивные изотопы алюминия и бериллия. Многие заслуживающие доверия ученые считают, что спутник Марса, Фобос, полый внутри, речь идет об искусственном астероиде.

де, выведенном на орбиту вокруг Марса разумными существами. Такой вывод статьи в ноябрьском номере журнала «Дискавери» за 1959 год. Этот вывод совпадает с гипотезой советского профессора И. Шкловского, специалиста по радиоастрономии.

В нашедшей статье, опубликованной в «Литературной газете» за февраль 1960 года, доктор физико-математических наук профессор М. Агрест заявил, что тектиты, образование которых невозможно без высокой температуры и мощной радиации, являются, возможно, следами приземления исследовательских зондов. Миллион лет назад на Земле могли побывать визитеры. По мнению Агреста (который рискнул в своей статье выдвинуть столь фантастическую гипотезу и тем самым хотел продемонстрировать, что в рамках позитивной философии можно уделить большое место творческому воображению, для весьма смелых предположений), разрушение Содома и Гоморры произошло в результате термоядерного взрыва, произведенного пришельцами либо по неосторожности, либо по необходимости для уничтожения избыточных запасов энергии перед возвращением в космос. В свитках Мертвого моря читаем такое объяснение: «Поднялся столб дыма и пыли, словно вышедший из сердца Земли. Он пролил дождь из огня и серы на Содом и Гоморру и разрушил города, уничтожил всю равнину, всех жителей и растительность. Жена Лота оглянулась и превратилась в статую. Лот жил в Исоаре, а потом поселился на горах, потому что боялся оставаться в Исоаре. Люди были предупреждены, что должны покинуть место будущего взрыва, не задерживаться на открытых пространствах, не смотреть на взрыв и прятаться под землей... Беглецы, которые оборачивались, слепли и умирали...»

В том же районе Анти-Ливана есть один из самых таинственных монументов — «терраса Баальбека». Речь идет о платформе, сделанной из каменных блоков; некоторые из них более двадцати метров в длину и весят две тысячи тонн. До сих пор совершенно непонятно, для чего, как и кем была построена эта платформа. Профессор Агрест высказал предположение, что перед нами, возможно, остатки площадки для приземления кораблей, воздвигнутой пришельцами Извне.

Наконец, доклады АН СССР о взрыве 30 июня 1908 года в Сибири наводят на гипотезу о гибели межпланетного корабля, потерпевшего там катастрофу.

В этот день, в семь часов утра, над сибирской тайгой появился столп пламени высотой до 80 километров. Лес в радиусе 40 километров был уничтожен вследствие падения огненного шара на землю. В течение не-

скольких недель над Россией, Западной Европой и Северной Африкой проплывали странные золотистые облака, отражавшие ночью солнечный свет. Сохранились фотографии лондонцев, читающих на улице газету в час ночи. Еще и сегодня в этом сибирском районе не возродилась растительность. Измерения, проведенные в 1960 году в этом месте русской научной комиссией, показали, что радиоактивность здесь втрое выше нормы.

Если и нас посещали, то встречались ли эти визитеры из сказки с людьми? Гуляли ли они среди нас?

Здравый смысл подсказывает, что в таком случае мы бы их увидели. Однако не следует спешить с такой уверенностью. Первое правило экологии требует не тревожить животных, за которыми ведется наблюдение... Цимански, немецкий ученый из Тюбингена, ученик гениального Конрада Лоренца, в течение трех лет изучал улиток, усвоил их «язык» и психологию поведения, причем так здорово, что улитки на самом деле принимали его за «своего». Наши посетители могли бы поступать так и с людьми. Идея, может быть, не слишком приятная, но тем не менее вполне обоснованная.

Посещали ли доброжелательно настроенные исследователи Землю до известной нам истории человечества? Индийская легенда рассказывает о Властителях Дзиан, прибывших Извне и доставивших землянам огонь и лук со стрелами. Зародилась ли жизнь на Земле сама по себе или она была привнесена пришельцами из космоса? «Прибыли ли мы Извне? — вопрошает биолог Лорен Эйсли. — Прибыли ли мы извне, и не готовимся ли вернуться назад, домой, с помощью наших машин и инструментов?»

Большая часть астрономов и теологов считает, что земная жизнь началась на Земле. Иного мнения придерживается астроном из Корнеллского университета, доктор Томас Голд. В своем докладе, прочитанном в 1960 году в Лос-Анджелесе, на конгрессе по проблемам космоса, Голд высказал предположение, что жизнь, возможно, существовала в другой части Вселенной на протяжении миллиардов лет до того, как пустила корни на Земле. Каким образом она была занесена сюда, начав свое долгое развитие до появления человека? Может, космическими кораблями? Голд, обратил внимание на то, что жизнь на Земле существует примерно в течение миллиарда лет. А начиналась она с простейших форм, с микробов. По гипотезе Голда, через миллиард лет на «засеянной» таким образом планете могли появиться достаточно разумные существа, чтобы отправиться дальше в космос, посетить плодородные, но целинные плане-

ты, и «засеять» их, в свою очередь, своими легко приспособливающимися к их условиям микробами. Такое «заражение», вполне вероятно, дало начало жизни на любой планете, включая и Землю. «Пришельцы из космоса, — говорит Голд, — могли посетить Землю миллиард лет назад, и оставленные ими зачаточные формы жизни развились настолько, что у микробов вскоре появился другой агент (космические путешественники), способный распространять их дальше по всему полю сражения». Что произойдет с другими галактиками, плавающими в космосе за пределами Млечного Пути? Голд — один из приверженцев теории бесконечности Вселенной. В таком случае, когда же началась жизнь? Теория бесконечно фиксированной Вселенной утверждает, что пространство не имеет границ и что у времени нет ни начала, ни конца. Если жизнь распространяется от древних галактик к новым, то ее история может восходить к вечности.

Еще немного о небе: звездная динамика показывает, что ни одна звезда не может «взять в плен» другую. Двойные или тройные звезды, наблюдаемые на небе, должны поэтому иметь одинаковый возраст. Но спектроскопия свидетельствует об обратном. Различный возраст в двойных и тройных звездных системах. Один белый карлик, которому десять миллиардов лет, сопровождает, например, красного великана, которому три миллиарда лет. Это невозможно, — скажете вы, — однако это так. Мы с Бержье опросили многих астрономов и физиков. Некоторые — и таких немало, — не исключают гипотезы о том, что эти аномальные скопления звезд были выведены на свои места чьей-то Волей, чьим-то Разумом. Такая Воля, такой Разум, которым якобы по силам перемещение звезд и их искусственное сгруппирование, таким образом давали понять Вселенной, что жизнь существует в таком-то участке неба, что может лишь сильнее прославить такой Разум.

В своем удивительном предостережении о предстоящей духовности Блан де Сен-Бонне (1815—1880 гг., малоизвестный французский философ. Главное сочинение — «Духовное единение») писал: «Религия будет нам продемонстрирована через абсурд. Это уже не будет неведомая доктрина, которой придется внимать, это не будет вопиющее, не услышанное сознание. Нет, факты заговорят сами в полный голос. Истина слетит с высот слова, она проникнет в хлеб наш насущный. Огонь станет нашим светочем!»

Сбивающая с толку мысль о том, что разум человека, вероятно, не единственная живая, действующая сила во Вселенной, соединяется с мыслью, что наш собственный разум способен посещать иные, отличающиеся

от нашего мира, постигать их законы, в определенном смысле путешествовать и функционировать в зазеркалье. Такая фантастическая просека была проложена математическим гением. Недостаток любопытства и знаний заставил нас принимать опыт поэзии, начиная с Рембо, за главный факт интеллектуальной революции в современном мире. Но основной факт, как верно подметил Валери, — взрывное развитие математического гения.

Отныне человек стоит перед собственным математическим гением, как перед обитателем Извне. Современные математические сущности живут, размножаются, оплодотворяют друг друга в этих недоступных мирах, чуждых всякому человеческому опыту. В своем романе «Люди как боги» Г. Уэллс предполагает, что существует столько же вселенных, сколько страниц в большой книге. Мы обитаем только на одной из ее страниц. Но математический гений пронизывает ее всю насквозь, — он является собой истинную и безграничную мощь человеческого мозга. Так, путешествуя по другим вселенным, он возвращается с эффективными инструментами для преобразования мира, в котором мы живем. Он обладает сущностью и способностью действовать. Математик, например, изучает теории пространств, требующие двух полных оборотов для возвращения к исходной точке. Но именно такая работа, абсолютно чуждая любой деятельности, протекающей в сфере нашего бытия, позволяет обнаружить свойства и поведение элементарных частиц в микроскопических пространствах и тем самым развивать ядерную физику, меняющую нашу цивилизацию. Математическая интуиция, открывшая путь к другим вселенным, конкретным образом меняет и нашу. Математический гений, столь близкий к гению музыкальному, оказывает и самое сильное, эффективное воздействие на материю. В «абсолютном» рождается «абсолютное оружие».

Наконец, доведя математическую мысль до наивысшего уровня абстракции, человек замечает, что она, эта мысль, не является его исключительной собственностью. Он открывает, например, что насекомые воспринимают недоступные ему свойства пространства и что, может, существует универсальная, вселенская математическая мысль, которая поднимается высшим разумом до такого уровня, когда она возвышается над всем живым...

В этом мире, где человек ни в чем не уверен, ни в себе, ни в мире, диктующем ему свои законы и демонстрирующем ему никогда не признаваемые факты, с поразительной быстротой возникает новая мифология. Кибернетика породила идею о том, что человеческий разум обойден разумом электронного мозга и простой человек смотрит на «зеленый гла-

зок» думающей машины со смятением, со страхом, с которым древний египтянин взирает на Сфинкса. Атом восседает на Олимпе с молнией в руке. Едва начали строить французскую атомную станцию в Маркуле, как местные жители возопили, что их помидоры непременно погибнут. Бомба выбила из колен наше время, заставляет нас рожать чудовищ. Литература, называемая «научно-фантастической», более обильная, чем литература психологическая, создает одиссею нашего времени со всеми этими марсианами и мутантами, и этот метафизический Улисс возвращается домой, победив пространство и время.

За вопросом: «Одни ли мы?» звучит другой: «Последние ли мы?» Остановится ли эволюция на человеке? Не формируется ли уже Высшее существо? Или, может, оно уже среди нас? Как следует его себе представлять? Как индивидуума или как коллективное существо, как всю человеческую массу в состоянии брожения или сгущения, движимую к осознанию своего единства и своего возвышения? В «эпоху масс» индивидуальность умирает, но это — спасительная смерть в рамках духовной традиции: умереть, чтобы родиться вновь. Индивидуальность умирает в психологическом, человеческом сознании, чтобы возродиться в сознании космическом. Она ощущает на себе колоссальное давление: она должна либо умереть, оказывая сопротивление, либо умереть, покоряясь. Если отказ, сопротивление — то это тотальная смерть. Если покорность, повинование, то это медленное умирание на пути к тотальной жизни, ибо речь идет о действиях человеческой массы для создания единой психики, управляемой сознанием Времени и Пространствами, жадной Открытия.

Если присмотреться, то все это лучше отражает глубину мыслей современного человека и его тревоги, чем анализ неонатуралистического романа или политико-асоциальные исследования. Скоро мы увидим, как те, кто присваивает себе функцию наблюдателя и видит новое прежними глазами, будут поражены молнией фактов.

В этом мире, открывающем окно на все странное и необычное человеку приходится постоянно сталкиваться с тем, что вызывает у него вопросы с таким громадным вопросительным знаком, какими были допотопные животные и растения. Они ему не по росту. Но какой рост у человека? Социология и психология развивались не столь быстро, как физика или математика. Человек XIX века вдруг оказывается лицом к лицу с другим миром. Но разве человек, по представлению социологии и психологии XIX века, настоящий человек? В этом нет никакой уверенности. После интеллектуальной революции вызванной «Рассуждением о мето-

де» Декарта, после рождения, наук и возникновения духа энциклопедистов, после весомого вклада рационализма XIX века, мы живем в такой момент, когда громадность и сложность ставшего на повестку дня реального должны были изменить природу человеческого знания, опрокинуть признанные представления о взаимоотношениях человека с собственным разумом, короче, — потребовать совершенно иной позиции от ума, которая кардинально отличалась бы от такой, которую мы еще вчера именovali современной. Вторжению фантастического внешнего должно соответствовать и исследование фантастического внутреннего. Существует ли оно, внутреннее фантастическое? И не является ли все то, что сделал человек, проекцией того, что он есть или того, чем он станет?

Этим исследованием внутреннего фантастического мы и намерены заняться. Или, по крайней мере, попытаемся дать понять, что такое исследование необходимо, и набросаем вчерне метод такого исследования.

Естественно, у нас нет ни времени, ни средств для проведения измерений и желательных экспериментов, которыми, возможно, захотят заняться другие, более квалифицированные исследователи. Смысл нашей работы не в том, чтобы что-то измерять и проводить эксперименты. Он заключается в том, как и во всей нашей большой работе, чтобы собрать факты, которыми официальная наука порой пренебрегает, лишая их права на существование. Такой подход может показаться необычным и даже вызвать подозрение. Тем не менее он с самого начала приводил к крупным открытиям. Именно так поступал Дарвин, собирая и сравнивая информацию, которой обычно пренебрегали. Его теория эволюционного развития родилась из коллекции таких, явно уводящих в сторону, необычных фактов. Точно так же в разумной мере мы наблюдали, как в ходе нашей работы рождалась теория внутреннего мира настоящего человека, теория его тотального и пробужденного разума.

Эта работа еще не завершена, нам для этого потребовалось бы еще лет десять. Кроме того, мы даем только ее резюме или, вернее, ее образ, чтобы не отбить к ней охоту, поскольку рассчитываем на новизну мысли читателя и посему старались сами не зачерстветь.

Тотальный разум, пробужденное сознание, как нам кажется, человек движется к этим основополагающим завоеваниям в лоне этого возрождающегося мира, требующего, как кажется, прежде всего отказа от его свободы. Но свободы для чего? — спрашивал Ленин. Свобода быть тем, кем он прежде был на самом деле постепенно у него отнимается. Ему вскоре будет предоставлена другая, единственная — свобода становиться другим, переходить в высшее состояние ума и сознания. Это по своей

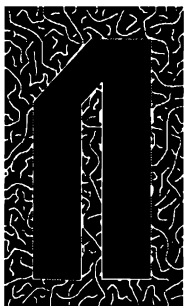

природе не психологическая свобода, по крайней мере мистическая, если пользоваться старыми схемами, вчерашним языком. В определенном смысле мы считаем, что наступление так называемой мистики расширяется на этой Земле, дымящейся заводами и вибрирующей от запуска ракет, на все человечество, и это — неоспоримый факт цивилизации. Мы увидим, что это продвижение имеет практический характер, ибо оно в некотором роде — «второе дыхание», необходимое людям, чтобы подчиниться ускорению судьбы Земли. «Бог вложил в нас самое меньшее. Свобода — это власть выбора причины, возможность проявления своих заслуг, и она призывает человека переделать самого себя».

Глава II

ВНУТРЕННЕЕ ФАНТАСТИЧЕСКОЕ

Пионеры: Бальзак, Гюго, Фламмарион. — Жюль Ромен и более глубокий вопрос. — Конец позитивизма. — Что такое парапсихология? — Необычные факты и неоспоримые опыты. — Пример «Титаника». — Ясновидение. — Предвидение и сны. — Парапсихология и психоанализ. — Наша работа исключает оккультизм и лженауку. — В поисках механизма глубин

литературный критик и философ Альбер Беген утверждал, что Бальзак был скорее визионером, чем наблюдателем. Эта гипотеза кажется мне верной. В восхитительной новелле «Реквизиционер» Бальзак предвосхищает рождение парапсихологии, которое произойдет лишь во второй половине XX века. В результате будет предпринята попытка создать точную науку на основе изучения «психических сил» человека. «Точно в тот час, когда мадам де Дей умирала в Карантане, ее сына расстреляли в Морбиане. Мы можем присовокупить этот трагический факт ко всем наблюдениям симпатической связи, которая не знает законов пространства; документы, которые собирают с любознательностью ученых некоторые анахореты, послужат когда-нибудь для создания основ новой науки, которой до сегодняшнего дня не хватало гениального человека».

В 1891 году Камилл Фламмарион заявил в газете «Фигаро иллюстре», ноябрь 1891 года, Париж: «Конец нашего века напоминает конец предыдущего. Ум утомлен заявлениями философии, называющей себя

позитивной. Нетрудно догадаться, что она ошибается... Сократ говорит: «Познай самого себя!» На протяжении тысяч лет мы узнали огромное количество вещей, за исключением того, что нас интересует больше всего. Кажется, что современная тенденция человеческой мысли состоит, наконец, в том, чтобы следовать этому изречению Сократа».

К Фламмарнону в его обсерваторию в Жювизи раз в месяц приезжал Конан Дойл, чтобы вместе с французским астрономом изучать явления ясновидения, привидений, материализации духов, в общем, всего того, что можно назвать весьма сомнительным. Фламмаринон верил в привидения, а Конан Дойл коллекционировал «фотографии фэй». Новая наука, рождение которой предчувствовал Бальзак, еще не появилась на свет Божий, но нужда в ней становилась все более очевидной.

Гюго прекрасно сказал об этом в своем исследовании о Шекспире: «В каждом человеке есть свой Патмос. (Остров в архипелаге Южный Спорад в Эгейском море, где святой Иоанн писал свои Откровения (Апокалипсис). — *Прим. ред.*) Он волен взбираться или не взбираться на этот устрашающий пик мысли, откуда перед ним открывается мрак. Если он не идет туда, он продолжает свою обычную жизнь, пребывает в том же обычном состоянии сознания, при своих обычных добродетелях, в своей обычной вере, одолеваемый обычными сомнениями, и это неплохо. Для сохранения внутреннего покоя нет ничего лучшего. Но если он взбирается на эту вершину, то он пленен. Перед его глазами вздымаются волны чудес. Никому не дано безнаказанно лицезреть этот океан... Он сопротивляется этой увлекающей его к себе пропасти, этому зондированию неисследованного, этому равнодушию земли и жизни, проникновению в запретное, попытке ощутить неосязаемое, этому взгляду в невидимое. Но он приходит вновь, он возвращается, он опирается локтями на край, наклоняется над бездной, делает шаг, другой, и так проникает в непроницаемое; так уходят в безграничное, расширяющееся, бесконечное пространство».

Что касается меня, то еще в 1939 году у меня сложилось точное представление о науке, которая, обладая неопровержимыми свидетельствами о внутреннем мире человека, побуждала ум к новым размышлениям о природе знаний и постепенно могла бы привести к изменению всех методов научного исследования во всех областях. Мне было девятнадцать лет, и война началась в тот момент, когда я решил посвятить свою жизнь разработке психологии и физиологии мистических состояний человека. В это время я прочитал в «Нувель ревю франсэз» эссе Жюль Ромена «Ответ на самый важный вопрос», которое неожиданно укрепило мои по-

зиции. Это эссе тоже оказалось пророческим. После войны на самом деле родилась новая наука о психике человека — парапсихология, которая сегодня бурно развивается, в то время как в таких официальных науках, как математика и физика, мозг ученого работает в ином плане.

«Я думаю, — писал Жюль Ромен, — что главная трудность для человеческого ума заключается не в том, чтобы добиться правильных выводов в определенном порядке или в определенных направлениях, а скорее в том, чтобы найти способ соответствия тех заключений, к которым он приходит, работая над различными плоскостями реальности, продираясь в различных направлениях в зависимости от той или иной эпохи. Например, ему трудно привести в соответствие идеи, пусть и очень достоверные, к которым его приводит современная физическая наука, с идеями, возможно, тоже вполне надежными, которые он обнаружил в других эпохах, где его привлекали в большей степени духовные или психические реальности, и в этом его поддерживают сегодня те, которые, оставив в стороне физические методы, посвящают себя исследованиям духовной и психической области. Я вовсе не думаю, что современной науке, которую часто упрекают в материализме, угрожает разрушительная революция, которая покончит с результатами ее исследований, в которые она свято верит. (Это грозит лишь слишком общим или преждевременным гипотезам, в которых она сама недостаточно уверена.) Но она когда-нибудь может оказаться перед лицом таких связных, таких неоспоримых результатов, достигнутых с помощью методов, грубо называемых “психическими”, что никак нельзя будет, как это происходит сегодня, от них отпираться, считая их не существующими, а абсолютно вымышленными.

Многие воображают, что в таком случае все легко уладится, что науке, называемой “позитивной”, останется лишь мирно сохранять завоеванную ею область, предоставляя лишь за ее рамками возможность развиваться совершенно другим знаниям, которые она в настоящий момент считает чистым суеверием или относит к сфере “непознаваемого”, либо с презрением отдает их метафизике. Но все не будет так просто. Многие важнейшие результаты психических экспериментов, после того как они будут подтверждены (если такое все же случится) и официально признаны “истинами”, начнут атаковать позитивную науку изнутри ее границ, а человеческому уму, до сих пор из страха перед ответственностью делающему вид, что не видит никакого конфликта, придется стать арбитром в этом споре.

Нас ожидает впереди такой же тяжелый кризис, как и тот, который был вызван внедрением в промышленности физических открытий. Сама

жизнь человечества от этого изменится. Я считаю, что такой кризис вполне возможен, и он уже близок».

Однажды зимним утром я провожал друга в клинику, где ему должны были сделать срочную операцию. Едва рассвело, мы шли под дождем, пытаюсь, правда безуспешно, поймать такси. Лихорадка у друга усиливалась, он шел, пошатываясь, и вдруг пальцем указал мне на лежавшую на тротуаре забрызганную грязью игральную карту.

— Если Джокер, — сказал он, — все будет хорошо.

Он поднял карту, перевернул ее. Это был Джокер.

Парапсихология стремится изучить и систематизировать такие факты экспериментальным путем. Обладает ли нормальный человек силой, которой почти никогда не пользуется, поскольку его убедили, что у него таковой нет.

Действительно, научный опыт способен устранить представление о случайности. Мне вместе с Олдосом Хаксли приходилось, в частности, принимать участие в работе международного конгресса по парапсихологии в 1955 году, после чего следить за работами в этой области. В отношении их серьезности не может быть никаких сомнений. Если бы наука не воспринимала с определенной сдержанностью высказывания поэтов, то парапсихология могла бы позаимствовать у Аполлинера великолепное определение:

*Кто из нас не пророк, дорогой Андре Билли,
Но людей убеждали так долго, что у них
Вовсе нет будущего, и что они неведомы навсегда,
И идиоты от рождения,
Что они примирились с этим, и что даже никому
Не пришло на ум
Спросить себя, знает ли он будущее или нет,
Во всем этом нет религиозного духа —
Ни в суевериях, ни в пророчествах,
Ни во всем том, что называют оккультизмом,
Есть прежде всего способ наблюдать
И понимать природу.*

Парапсихологические эксперименты, кажется, доказали, что между Вселенной и человеком существуют связи помимо тех, которые устанавливаются с помощью наших обычных пяти чувств. Всякий нормальный человек мог бы видеть сквозь стены, воспринимать предметы на рассто-

янии, не касаясь, приводить их в движение, передавать свои мысли и свои чувства нервной системе другого человека и, наконец, предсказывать грядущие события.

Английский писатель Г.Р. Хаггард, умерший в 1925 году, в романе «Месть Майвы» подробно описывает побег своего героя Аллана Куотермейна, попавшего в плен к дикарям. Когда он перебирался через скалу, преследователи схватили его за ногу, но ему удается ускользнуть. Он выстрелил в них из пистолета, приложив его параллельно к ноге. Через несколько лет после опубликования романа к Хаггарду явился один английский путешественник. Он специально приехал в Лондон, чтобы спросить у писателя, откуда ему известны такие подробности его приключения, тем более что он об этом никому не рассказывал, опасаясь понести наказание за убийство.

В библиотеке австрийского писателя Карла Ганса Штроби, умершего в 1946 году, его друг Вилли Штродер сделал такое открытие: «Я порылся в его книгах на полке. Между страницами были заложены многочисленные газетные вырезки. Однако, как выяснилось, это были не рецензии, как я сперва предполагал, а описание путешествий. Меня бросило в дрожь, когда я увидел сообщения о событиях, описанных Штроби».

В 1898 году американский писатель-фантаст Морган Робертсон описал кораблекрушение гигантского судна. Этот воображаемый корабль водоизмещением 70 000 тонн имел 800 футов в длину и перевозил три тысячи пассажиров. Он был оснащен тремя винтами, приводящими его в движение. В одну апрельскую ночь, во время своего первого рейса, он столкнулся в тумане с айсбергом и затонул. Корабль назывался «Титан».

«Титаник», затонувший позднее при сходных обстоятельствах, обладал водоизмещением 66 000 тонн, он имел 825,5 футов в длину, он перевозил три тысячи пассажиров и у него было три винта. Катастрофа произошла ночью, в апреле.

Таковы факты. А вот опыты, проведенные экспериментаторами-парапсихологами:

В Дурхэме, США, экспериментатор держит в руке пять специальных карт. Он их перетасовывает и вытаскивает одну за другой. Все его манипуляции снимаются на пленку. В то же время в Загребе (Югославия) его коллега-экспериментатор пытается определить, в какой последовательности вытаскиваются карты. Опыт повторяется тысячи раз. Количество правильных ответов оказалось куда больше, чем это допускает случайность.

В Лондоне, в запертой на ключ комнате Д.С. Соал занимается подобной игрой — вытаскивает карты за перегородкой из матового стекла; студент по имени Базил Шеколтон старается их угадать. При сравнении обнаруживают, что студент в пропорции, также превышающей ту, которая определяется случайностью, угадывал ту карту, которая вытаскивалась по порядку.

Инженер из Стокгольма сконструировал машину-автомат, подбрасывающую игральные кости и снимающую на пленку их падение. Зрители — студенты университета мысленно призывают выпасть какое-то определенное число очков, вкладывая в это весь свой азарт. Это им удается в пропорции, превышающей любую случайность.

Изучая явления предвидения в состоянии сна, англичанин Данн научно доказал, что некоторые сны могут открыть будущее, даже весьма отдаленное (его работы «Время и сон»). Д.У. Данну в 1901 году приснилось, что город Лоустофт, расположенный на побережье Ла-Манша, был обстрелян иностранным флотом. Этот обстрел точно с такими подробностями, описанными им в 1901 году, имел место в 1914 году. Тот же Данн увидел во сне заголовки газет, сообщивших об извержении вулкана Монт-Пеле за несколько месяцев до указанного события, а два немецких исследователя Моуфанг и Стивенс в своей книге «Тайна снов» перечислили многочисленные проверенные случаи, когда сны открывали будущие события и приводили к важным научным открытиям.

Будучи студентом, знаменитый физик Нильс Бор увидел странный сон. Он видел себя на Солнце из горящего газа. Планеты со свистом проносились мимо. Они были связаны с Солнцем тонкими нитями и вращались вокруг него на них. Вдруг газ затвердел и планета уменьшилась в размерах. В этот момент Бор проснулся и осознал, что открыл модель атома, которую так долго искал. «Солнце» было его неподвижным ядром, центром, вокруг которого вращались электроны. Таким образом, можно сказать, что вся современная атомная физика с ее применением вышла из этого сна.

Немецкий химик Фридрих Август Кекуле рассказывает: «Однажды летним вечером я уснул на втором этаже автобуса, который вез меня домой. Во сне я отчетливо видел, как со всех сторон атомы соединялись в пары, которые, в свою очередь, притягивались другими, еще более мощными, и все они вихрем крушились в неудержимом хороводе. Несколько часов ночью я записывал то, что увидел во сне. Так была найдена теория структуры органических соединений».

Однажды осенью 1940 года один инженер из американской телефонной компании «Белл», прочитав в газетах сообщения о бомбардировке

Лондона, увидел во сне, что чертит план прибора, позволяющего направлять зенитную пушку точно на то место, где пролетит самолет, если известна его скорость и траектория полета. Проснувшись, он набросал схему по памяти. Изучение этого аппарата, впервые применившего принцип радара, проводилось крупнейшим американским ученым Норбертом Винером, и его размышления по этому поводу привели к рождению кибернетики.

«Никогда, ни в коем случае, нельзя недооценивать, — говорил Лавкрафт в своей новелле «За стеной она», — того фундаментального знания, которое могут иметь сны». Теперь уже не будут с пренебрежением относиться в феномену предвидения, будь то в состоянии сна или бодрствования. Уходя значительно дальше рубежа завоеваний официальной психологии, американская комиссия по атомной энергии в 1958 году предложила использовать ясновидцев для определения ими точек попадания русских ракет в случае войны (Доклад «Рэнд корпорейшн» от 31 августа 1958 года).

25 июля 1959 года на борт атомной подводной лодки «Наутилус» взошел таинственный пассажир. Лодка тотчас же вышла в море и в течение шестнадцати дней, не поднимаясь на поверхность, находилась в погруженном состоянии. Безымянный пассажир не выходил из своей каюты. Только матрос, приносивший ему еду и капитан Андерсен, ежедневно навещавший его, видели его в лицо. Дважды в день он передавал капитану листок бумаги. На этих листках в различных комбинациях были изображены пять таинственных знаков: крест, звезда, круг, квадрат и три волнистые линии. Капитан Андерсен и неизвестный пассажир ставили свои подписи под каждым листком, и капитан вкладывал его в конвертик, поставив две печати с обратной стороны. На первом штампе были указаны час и дата, на втором было написано: «Совершенно секретно. В случае опасности уничтожить».

В понедельник, 10 августа 1959 года, лодка пришвартовалась к причалу в Кройтоне. Пассажир сел в ожидавшую его машину, доставившую его на ближайший военный аэродром.

Через несколько часов самолет приземлился на маленьком аэродроме города Френдшип, в штате Мэриленд. Автомобиль уже ждал. Пассажира привезли к подъезду здания с вывеской «Центр особых исследований Вестингауз. Вход только по пропускам». Он попросил дежурного проводить его к полковнику Уильяму Бауэрсу, доктору наук, начальнику биологической службы США.

Бауэрс ждал визитера в своем кабинете.

— Садитесь, лейтенант Джонс, — сказал он. — Конверт у вас?

Не говоря ни слова, Джонс протянул конверт полковнику. Тот подошел к сейфу, вытащил из него точно такой, с той лишь разницей, что на нем стоял штамп не «Подлодка «Наутилус», а «Центр исследований X, Френдшип, Мэриленд».

Бауэрс вскрыл оба конверта, вынул из них конверты поменьше, вскрыл их в свою очередь, и оба офицера стали откладывать в сторону листки с одинаковыми датами. Потом их сравнили. С точностью до 70 процентов и выше знаки были одинаковыми и располагались в том же порядке на обоих листках, помеченных одной датой.

— Мы с вами присутствуем при поворотном моменте истории, — торжественно сказал полковник Уильям Бауэрс. — Впервые в мире, в условиях, не допускающих никакой фальсификации, с точностью, достаточной для практического применения, человеческая мысль передана на расстоянии без промежуточного прибора, непосредственно от одного мозга к другому.

Когда станут известны имена этих двух людей, принимавших участие в этом опыте, они, несомненно, войдут в историю.

А пока это — «лейтенант Джонс», офицер американского флота, и «мистер Смит», студент университета Дьюка в Драхэме (Северная Каролина, США).

Дважды в день, в течение шестнадцати суток, объект Смит, запертый в комнате, из которой он ни разу не выходил, сидел перед аппаратом, автоматически тасовавшим карты. Внутри этого аппарата в барабане непрерывно перемешивалась тысяча карт. Это были не обычные игральные карты, а упрощенные, так называемые карты Зенера. Они уже давно использовались в опытах по парапсихологии, все они были одного цвета и на каждой по одному из пяти символов: три волнистые линии, круг, крест, квадрат, звезда. Два раза в день под действием часового механизма аппарат выбрасывал по карте с минутным интервалом. Объект Смит пристально разглядывал карту, напряженно стараясь думать только о ней. В тот же час, в ту же минуту, на расстоянии 2000 километров, в океане, на глубине нескольких сот метров, лейтенант Джонс пытался угадать, какая карта в данный момент находится перед глазами объекта Смита. Он записывал результат и передавал капитану Андерсону листок с записанным результатом своего опыта, и тот заверял его своей подписью. В семи случаях из десяти лейтенант Джонс угадывал верно. Никакие фокусы здесь не проходили. Даже если предположить самый неверо-

ятный сговор, то все равно это не могло повлиять на результаты, — между подводной лодкой и лабораторией, в которой находился объект Смит, не было никакой связи. Даже радиоволны не проникают на такую глубину. Впервые в истории наук было получено бесспорное доказательство возможности передачи сообщений на расстоянии непосредственно от одного мозга к другому. Парапсихология, наконец, вступила в научную фазу своего развития.

Это великое открытие было сделано в силу военной необходимости.

В начале 1957 года знаменитая «Рэнд корпорейшн», занимавшаяся наиболее засекреченными исследованиями для американского правительства, направила доклад по этому вопросу президенту Эйзенхауэру. В нем сообщалось: «Наши подводные лодки теперь становятся бесполезными, ибо с ними нельзя установить связь, когда они находятся в погруженном состоянии и особенно во время их нахождения под толщей полярного льда. Необходимо использовать все средства». Целый год доклад «Рэнд» пролежал под сукном. Советники президента Эйзенхауэра по науке считали, что такая идея сильно смахивает на столоверчение. Когда же, наконец, пропищали знаменитые «бип-бип» Спутника-1, что воспринималось американцами как погребальный звон, американские ученые решили, что пришло время двигаться во всех направлениях, включая и те, к которым русские относились с явным презрением. Американская наука обратилась к общественному мнению. 13 июля 1958 года в воскресном приложении к «Нью-Геральд трибюн» была опубликована статья самого крупного военного обозревателя в американской прессе — Ансела Тальберта. Он писал: «Вооруженные силы США должны знать, может ли энергия, выделяемая человеческим мозгом, оказывать воздействие на другой человеческий мозг за тысячи километров... Речь идет о вполне научных исследованиях; отмеченные явления, как и все производимое живым организмом происходят под воздействием энергии, образуемой в результате сгорания питательных веществ в организме... Если придать этому явлению больший размах, то в будущем мы сможем получить новое средство связи между подводными лодками и сушей, а когда-нибудь и между межпланетными космическими кораблями и нашей планетой».

В результате появления этой статьи, а также из-за многочисленных докладов ученых, подтвердивших целесообразность доклада «Рэнд корпорейшн», были приняты соответствующие решения; исследовательские лаборатории новой науки — парапсихологии существуют теперь не только в этой корпорации в Кливленде, но и у «Вестингауза» во Френдшипе (Мэриленд), «Дженерал электрик» в Шапектеди, «Релл телефон» в Бос-

тоне и даже в центре научно-исследовательских работ армии США в Ред-Стоуне (Алабама). В этом центре лаборатория, изучающая передачу мысли на расстоянии, находится менее чем в пятистах метрах от кабинета Вернера фон Брауна, главного специалиста по космическому пространству. Таким образом, завоевание планет и завоевания человеческой мысли уже готовы идти вместе, рука об руку.

Меньше чем за год эти мощные лаборатории получили больше результатов, чем за весь век исследований в области телепатии. Причина проста: исследователи начали с нуля, без предвзятой идеи. По всему миру были разосланы комиссии. В Англии, где члены такой комиссии установили тесные контакты с видными учеными, были подтверждены явления передачи мысли на расстоянии. Доктор Соаль из Кембриджского университета провел перед комиссией несколько демонстраций сеансов подобной связи на расстоянии нескольких сотен километров, в которых были задействованы два молодых вахтера из Уэльса.

В Германии комиссия встретила с такими неоспоримыми авторитетами, как Ганс Бендер и Паскуаль Иордан, которые не только наблюдали явления передачи мысли на расстоянии, но и не побоялись об этом написать. А в самой Америке доказательства все множились. Китайский ученый, доктор Чин Ю Ван, который проводил опыты со своими двумя помощниками, тоже китайцами, смог передать в «Рэнд корпорейшн» убедительные доказательства возможности передачи мысли.

Как же действовать на практике, чтобы получить такие же удивительные результаты, как в опыте, проведенном лейтенантом Джонсом и объектом Смитом? Для этого нужно найти пару экспериментаторов, один из которых становится передатчиком, а второй — реципиентом. Только используя с такой целью двух человек, двух объектов, мозг которых в какой-то мере синхронизирован (американские специалисты употребляют термин «резонанс», заимствованный из радиотехники), можно получить действительно сенсационные результаты.

В современных работах установлено, что такая связь может быть только односторонней. Если поменять их местами, заставить реципиента передавать, а передатчика принимать, то ничего не получится. Для осуществления надежной двусторонней связи потребуются две пары передатчик—реципиент: иначе говоря, один передатчик и один реципиент на подложке, и один передатчик и реципиент на суше, в условленном месте.

Как выбрать таких людей, двух объектов?

Сейчас это секрет. Известно лишь, что выбор делается на базе изучения электроэнцефалограмм, то есть записи электрической активности

мозга добровольцев. Такая хорошо известная науке активность мозга не приводит ни к какому излучению волн. Но электроэнцефалограмма отмечает выделения энергии в мозге, и знаменитый английский кибернетик Грей Уолтер первым показал, что электроэнцефалограмма может служить для фиксации аномальной мозговой активности.

Большую ясность в этот вопрос внесла американский психолог Гертруда Шмайдлер. Она установила, что добровольцев, предлагающих свои услуги для опытов в области парапсихологии, можно разделить условно на две категории, которых она назвала «баранами» и «козами». «Бараны» — это те, кто верит в экстрасенсорное восприятие, а «козы» — это те, кто в это не верит. При передаче сообщений нужно, следовательно, объединять «барана» с «козой».

Такую работу сильно затрудняет то, что в момент установления мысленной связи на расстоянии, как передатчик, так и реципиент ничего не чувствуют. Связь осуществляется на уровне бессознательно, а в области сознательного ничего не возникает. Передатчик не знает, дошло ли по назначению его послание. Реципиент не знает, получает ли он сигналы от другого мозга или он изобретает их сам. Вот почему, вместо сложных или спорных, сомнительных образов, прибегают лишь к простейшим пяти символам карт Зеннера. Если наладить как следует такую передачу, то можно будет легко пользоваться этими картами как кодом, наподобие азбуки Морзе, и в результате передавать вразумительные послания. Сейчас речь идет о дальнейшем усовершенствовании такого способа связи, чтобы сделать его более надежным. Работа ведется по многим направлениям, и, в частности, ведется поиск медицинских препаратов психологического воздействия, облегчающих передачу мысли на расстоянии. Американский фармаколог, доктор Хэмфри Осмонд, уже получил первые результаты в этой области и доложил о них на заседании Нью-Йоркской академии наук в марте 1947 года. Тем не менее ни лейтенант Джонс, ни объект Смит не использовали наркотики, потому что целью этих опытов ВМС США было исследовать до конца возможности нормально-го человеческого мозга. Кроме кофе, который, вероятно, улучшает качество передачи, и аспирина, который, наоборот, ее тормозит, парализует, никакой наркотик не допускается в опытах по проекту «Рэнд корпорейшн».

Эти опыты, вне всякого сомнения, открывают новую эру в истории человечества и науки. (Ж. Бержье. «Констелласьон», № 140, декабрь, 1959 г.)

В области «паранормальных исцелений», то есть полученных в результате психологического лечения, когда заходит речь о целителе, обладающем «флюидами», или психоаналитике (учитывая все различия в их методах), парапсихологи пришли к выводам, представляющим огромный интерес. Они вооружили нас новой концепцией: наличие пары врач—пациент. Результат лечения определяется телепатической связью, существующей или не существующей между врачом и больным. Если такая связь установлена, а она похожа на любовные отношения, то она вызывает то сверхпросветление и ту сверхчувствительность, которые только бывают у страстно влюбленных пар: в таких случаях выздоровление возможно. Если нет, то целитель и больной только зря теряют время. Понятие «флюид» вытесняется в пользу понятия «пара». Вероятно, можно будет создать глубокий психологический портрет этой пары, врач—пациент. Некоторые тесты позволяют определить, какого рода умом и какой чувствительностью обладают доктор и больной, и какова природа тех отношений на уровне бессознательного, которые устанавливаются между ними. Врач, сравнивая свой портрет с портретом пациента, сможет заранее узнать, возможно ли такое сотрудничество.

В Нью-Йорке один психоаналитик сломал ключ от картотеки с карточками своих наблюдений. Он побежал к слесарю, и через час получил новый ключ. Он никому не рассказывал об этом случае. Через несколько дней один из его пациентов во время сеанса в состоянии бодрствующего сна увидел его ключ и в точности описал его. Ключ сломан, на нем номер ключа от картотеки: истинное проявление осмоса.

Знаменитый американский психоаналитик доктор Линдер в 1953 году лечил известного ученого-атомщика. Позднее он описал свой опыт в книге воспоминаний («Час из пятидесяти минут»). Тот утратил всякий интерес к работе, семье, вообще ко всему. Все чаще он убегал к другой планете, в другой Вселенной, признавался он Линдеру. Все чаще его мысль путешествовала по другой планете, где наука находилась на гораздо более высоком уровне развития и где он был одним из ее руководителей. Он детально описывал этот новый мир, рассказывал о его законах, нравах, культуре. Как это ни странно, доктор Линдер понемногу стал понимать, что и он втягивается в безумие своего пациента, его мысль присоединялась к его мысли в этом новом мире, в его вселенной, и в результате он сам получил частичное психическое расстройство. И тогда вдруг его пациент начал освобождаться от своего навязчивого видения и становиться на путь излечения. Линдер, в свою очередь, поправился через несколько недель. Он прошел экспериментальным путем через опыт, содержащий-

ся в бессмертном изречении — «Бери на себя!» — так тауматург (чудотворец) брал на себя чужую болезнь, искупление чужого греха.

Парапсихология не имеет никакого отношения к оккультизму и лженаукам, напротив, она скорее занимается демистификацией в этой области. Тем не менее ученые, популяризаторы и философы, осуждающие ее, не видят в парапсихологии ничего другого, кроме шарлатанства. Это, конечно, неправильно, но тем не менее верно, что наша эпоха гораздо в большей степени, чем любая другая, благоприятствует развитию лженаук, «которые создают видимость чего угодно, но в реальности ничего из себя не представляют». Мы убеждены, что в самом человеке есть неизведанные области. Парапсихология предлагает свой метод их исследования. Ниже мы предложим в этой связи свой метод. Эти исследования только начались, и это будет одной из величайших задач грядущей цивилизации. Еще неведомые силы природы будут обнаружены, что не вызывает у нас сомнения, изучены и подчинены, чтобы человек смог осуществить свою судьбу на Земле, проходящей через коренную трансформацию. В этом мы уверены. Но мы также уверены, что нынешнее развитие оккультизма и лженаук среди широкой публики — это явление сродни болезни. Несчастья приносят не треснувшие зеркала, а треснувшие мозги.

В послевоенных Соединенных Штатах насчитывалось более тридцати тысяч астрологов, двадцать чисто астрологических журналов, причем тираж одного из них достигает полмиллиона экземпляров. Более 2000 газет ведут астрологическую рубрику.

В 1943 году пять миллионов американцев прислушивались к рекомендациям колдунов и тратили 200 миллионов долларов в год, чтобы узнать будущее. Во Франции — 40 тысяч целителей и более 50 000 кабинетов, в которых можно получить консультации у оккультиста. По этим данным (цифры приводятся Франсуа де Лиониз в его статье «Болезнь цивилизации лженауки», «Да Неф», № 6, 1954 г.), ежегодные гонорары колдунов, прорицательниц, ясновидцев и т.д. достигают 50 миллионов франков только в одном Париже. Общий бюджет «магии» во всей Франции составляет около 300 миллионов в год, это гораздо больше бюджета любого научного института.

«— Если гадалка торгует правдой... И что же?

— Значит, я думаю, она торгует с врагом» (Честертон. «Отец Браун»).

Нужно, хотя бы для того, чтобы расчистить поле исследований, отразить это наступление. От этого должен выиграть прогресс в развитии знаний. То есть речь не идет о возвращении к позитивизму, который Фламмарин считал устаревшим еще в 1891 году, ни об узком сайен-

тизме, — сама наука ведет нас к новой рефлексии о структурах мозга. Если человек обладает какой-то до сих пор неизвестной силой, которой пренебрегают, если существует, как мы склонны думать, какое-то высшее состояние сознания, то не следует отбрасывать гипотезы, полезные для экспериментирования, действительные факты, бросающиеся в глаза противоречия, при отражении этого наступления оккультизма и лженаук. Английская пословица гласит: «Вместе с грязной водой не следует выплескивать ребенка». Даже советская наука и та допускает, что «мы не знаем всего, но запретных областей, областей «табу» нет, как нет и навечно заповедных территорий». Специалисты из института им. Павлова, китайские ученые, посвятившие себя изучению деятельности высшей нервной системы человека, работают над этим. «Сейчас, — пишет В. Садарин в журнале «Знание — сила», 1966, № 7, явления, демонстрируемые йогами, необъяснимы, то такое объяснение будет, бесспорно, найдено. Интерес к таким явлениям огромен, ибо они демонстрируют необыкновенные возможности человеческого организма». Изучение экстрасенсорных способностей, «псионика», как говорят американские исследователи по аналогии с электроникой и бионикой, вполне может привести к практическому применению в широком масштабе. Недавние работы о чувстве ориентировки животных, например, показывают, что экстрасенсорные способности на самом деле существуют. Перелетные птицы, кошка, пробегающая 1300 километров, чтобы вернуться домой, самец бабочки, находящий самку за 11 километров, используют, судя по всему, тот же тип восприятия и умение действовать на расстоянии. Если бы могли открыть природу этого явления и подчинить его себе, то располагали бы новым средством коммуникации и ориентации. В наших руках оказался бы настоящий человеческий радар.

Непосредственное эмоциональное общение, подобно тому, которое имеет место в пара психоаналитик—пациент, могло бы найти широкое практическое применение. Человеческое сознание подобно айсбергу в океане, у которого большая часть находится под водой. Порой айсберг опрокидывается, демонстрируя нам огромную, невидимую до этого массу. В случае с человеком мы говорим: «Вот он, сумасшедший!»

Если бы удалось установить прямую связь с такими «подводными массами» в паре врач—больной с помощью какого-то «псионического усилителя», то мы могли бы навсегда избавиться от психических заболеваний.

Современная наука учит нас, что экспериментальные методы, достигая предела совершенства, ставят перед нами определенные границы.

Например, достаточно сильный микроскоп использует такой мощный источник света, что он смещает наблюдаемый электрон, делая такое наблюдение практически невозможным. Мы не можем узнать, что находится внутри, бомбардируя его, ибо он при этом изменяется. Но, возможно, неизвестные нам способности человеческого мозга позволяют напрямую воспринимать тончайшие структуры материи и гармонию Вселенной. Может быть у нас когда-нибудь появятся «псионические микроскопы», «псионические телескопы», которые напрямую сообщат нам, что находится внутри отдаленной звезды или атомного ядра.

Может быть, в человеке есть определенное место, через которое воспринимается вся эта реальность. Такая гипотеза кажется бредом. Но ведь Орюст Копт заявлял, что нам никогда не будет известен химический состав звезды. А через год Бунзен изобрел спектроскоп. Может, мы находимся на пороге открытия совокупности методов, которые позволят нам систематически развивать наши внутренние экстрасенсорные способности, использовать мощные механизмы, скрытые внутри нас.

С такой перспективой мы с Бержье и работали, памятуя высказывание нашего учителя Г.К. Честертон: «Шарлатан не тот, кто погружается в тайну, а тот, который отказывается из нее выйти».

Глава III

НА ПУТИ К ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

«Второе дыхание» разума. — Нужен Эйнштейн в психологии. — Возрождается религиозная идея. — Наше общество агонизирует. — Жорес и дерево, жуужжащее мухами. — Мы видим немного потому, что и сами невелики

«

емля с дымящимися трубами заводов. Земля, дрожащая от деловой активности. Земля, вибрирующая от сотен новых радиаций. Этот большой организм в конечном счете живет новой душой и ради этой души. Меняется век, меняется Мысль. Где искать, куда поместить это робкое, обновляющее изменение, которое, не меняя в заметной степени нашего тела, все же делает из нас новых существ? Нигде, только в новой интуиции, модифицирующей во всей тотальности лик Вселенной, в которой мы враща-

емся, то есть, иначе говоря, в пробуждении».

Таким образом, для Тейяра де Шардена мутация человеческого рода уже началась: рождается новая душа. Такая мутация осуществляется в глубинах разума, с помощью этого «обновляющего изменения»; новое, тотальное видение Вселенной сменяет прежнее, тотально отличаясь от него. Состояние бодрствования сознания сменяется состоянием высшим, по сравнению с которым прежнее — лишь сон. Вот наступает время истинного пробуждения.

К размышлениям о таком истинном пробуждении мы и привели читателя. Я уже вначале говорил, как я в детстве и в юношеском возрасте испытывал нечто подобное тому, о чем говорит Тейяр. Когда я гляжу на все свои поступки, на свои исследования, на свои сочинения, то вижу, что все это направлялось чувствами, такими яростными и необъятными, что человеческому сознанию нужно преодолеть еще один этап, обрести «второе дыхание», и что время для этого пришло. И эта книга, по существу, ставит своей целью самое стойкое, по возможности, утверждение таких чувств. Психология значительно отстает от других наук. Психология, называемая современной, изучает человека в соответствии с воззрениями XIX века, в которых доминировал воинствующий позитивизм. Подлинно современная наука исследует Вселенную, в которой все больше сюрпризов, все менее и менее пригнанную к строению нашего мозга и природе социально признаваемых знаний. Психология различных состояний сознания считает человека статичным и завершенным то есть «гомо сапиенс» века просвещения. Физика открывает нам мир, который разыгрывает с нами несколько игр, мир, многочисленные двери которого открываются в бесконечное. Точные науки выходят на фантастическое. Гуманитарные науки все еще заключены в рамки позитивистского суеверия. В научной мысли доминирует представление об эволютивном становлении. Психология все еще строится на представлении о завершенном в своем развитии человеке, на его раз и навсегда иерархизированных психических функциях. Нам же кажется, что, напротив человек далек от завершения, нам кажется, что легко различимы через сильнейшие толчки, меняющие в данный момент наш мир, и другие, направленные вверх, в область создания, а также толчки вширь, производимые большими людскими массами, первые изменения человеческого сознания, «обновляющая перемена» внутри самого человека. Эффективная психология, принятая в наше время, должна бы, на наш взгляд, основываться на том, что такое человек (или, чем он хочет казаться), на том, кем он станет в ходе возможной эволюции. Поэтому первым полезным шагом стало бы исследование с такой точки зрения такой возможной эволюции. Такими исследованиями мы и занимаемся.

Все традиционные доктрины основаны на идее, что человек — создание незавершенное, и древние психологии как раз изучают условия, при которых должны происходить такие изменения, перемены, трансмутации, которые и приведут человека к его истинному завершению. Вполне современная рефлексия, соответствующая нашему методу, ведет нас к мысли, что человек, возможно, обладает такими способностями, которые-

ми он не пользуется, а это целый неиспользуемый механизм. Мы уже говорили: познание внешнего мира в его экстремальной точке приводит к тому, что ставится под сомнение сама природа познания, строение мозга и человеческое восприятие. Мы уже говорили, что будущая революция будет психологической. И это не только наше мнение. Его разделяют многие современные исследователи: от Оппенгеймера до Коста де Боре-гара, от Вольфганга Паули до Гейзенберга, от Шарля-Ноэля Мартина до Жака Ментерье.

Тем не менее верно, что на пороге этой революции никакая из почти религиозных высоких мыслей не проникает в умы обычных людей, не опалает застывших глубин общества. Все перевернулось лишь в нескольких мозгах. Но ничего не изменялось с XIX века в общих представлениях о природе человека и человеческом обществе. В неопубликованной статье о Боге Жорес в конце жизни великолепно писал:

«Сегодня мы хотим только сказать, что религиозная идея, некогда стертая, может вновь проникнуть в умы и сознание, потому что современные заключения науки их к этому предрасполагают. Отныне существует, если можно так выразиться, совершенно готовая религия, и если она сейчас не затрагивает глубины общества, если буржуазия разделяет пошлый спиритуализм или вредный позитивизм, если пролетариат мечется между рабскими суевериями и озлобленным материализмом, то это происходит потому, что теперешний социальный режим, — это режим огрубления и ненависти, то есть режим нерелигиозный. Нет, не в силу того, как часто утверждают вульгарные декламаторы и безыдейные моралисты, что наше общество прежде всего заботится о своих материальных интересах, оно нерелигиозно. Напротив, есть что-то религиозное в завоевании природы человеком, в подчинении сил Вселенной нуждам человечества. Нет, нерелигиозным можно назвать то, что человек завоевывает природу лишь поработав при этом других. Не забота о материальном процветании отвергает человека от высоких мыслей и размышлений о Божественном, а изнурение нечеловеческим трудом не оставляет большей части людей сил ни для таких размышлений, ни для того, чтобы чувствовать жизнь, то есть Бога. И перевозбуждение дурными страстями, ревность и гордыня поглощают в нечестивой борьбе внутреннюю энергию самых мужественных и самых счастливых. Из-за мук голода, из-за сверхненависти человечество не в состоянии думать о бесконечном.

Человечество как большое дерево, облепленное жужжащими мухами под грозовым небом, и в этом жужжании ненависти не слышен больше глубокий и божественный голос Вселенной».

Когда я обнаружил этот текст Жореса, то испытал сильное волнение. Он пользуется словами из того длинного послания, которое ему направил мой отец. Он с нетерпением ждал ответа, но он так и не пришел. Он пришел ко мне, через эту неизданную статью, спустя почти пятьдесят лет...

Несомненно, человек не осознает себя на уровне того, что он делает. Я имею в виду, что наука, этот венец его скромных трудов, открывает Вселенную, ее тайны, ее могучие силы, ее гармонию. А если этого нет, то только потому, что социальная система, основанная на устарелых идеях, лишает его надежды, досуга и покоя. Лишенный жизни, в полном смысле этого слова, может ли он открыть для себя бесконечность? Но все говорит о том, что все быстро изменится, — приход в движение широких людских масс, колоссальное давление на сознание открытий и современной техники, передвижение идей в сферах высокой ответственности, контакт с внеземными разумными существами, — все это сметет с пути древние принципы, парализующие жизнь в обществе, и человек, вновь обретя себя в конце дороги, — от отчуждения к мятежу, а затем от бунта к участию, почувствует, как в нем возвышается эта «новая душа», о которой говорил Тейяр, и откроет в своей свободе «власть быть причиной», связывающей существование с деланием.

Кажется, уже признано, что человек обладает определенными силами: ясновидением, телепатией и т.п. Есть факты, поддающиеся наблюдению. Но до сих пор такие факты преподносились как мнимые доказательства «реальности души» или «духа умерших». Необычное, как проявление невероятного, — не абсурд ли? Мы в нашей работе отказались от всякого обращения к оккультному и магическому. Это не означает, что следует пренебречь всеми фактами и текстами, поступавшими из этой области. И мы заняли новую, честную и разумную позицию, выраженную Роджером Бэконом в его книге «Письмо о чудесах» (1613).

«Среди этих вещей нужно идти с осторожностью, потому что человек может легко ошибиться, и здесь, как правило, обнаруживаются два заблуждения: одни отрицают все необычное, а другие, выходя за пределы разумного, впадают в магию. Посему следует остерегаться всех этих многочисленных книг, содержащих стихи, знаки, молитвы, заклинания, жертвы, потому что это книги чистой магии, в которых не проявляется ни мощи искусства, ни природы, но есть лишь фиксии колдунов. С другой стороны, нужно считать, что среди книг, считающихся магическими, есть и такие, которые таковыми вовсе не являются и содержат секрет мудрецов... Если кто-то обнаружит в этих работах какую-нибудь информацию, относящуюся к природе или искусству, то пусть он ее хранит...»

Единственным прогрессом в области психологии стало начало исследований глубин сознания и зон подсознательного. Мы думаем, что есть вершины, требующие своего исследования, — это зона сверхсознательного. Скорее наши исследования, наши рефлексии заставляют нас признать в качестве гипотезы существование в мозге какого-то высшего оснащения, большей частью пока неисследованного.

В состоянии нормального бодрствования функционирует лишь десятая часть клеток мозга. Ну а что происходит в этих безмолвных девяти десятых? Существует ли такое состояние, когда активно функционирует весь мозг целиком? Все факты, которые мы собираемся сообщить и изучить, могут быть отнесены к феномену активизации зон, находящихся обычно в состоянии спячки. Пока нет никакой физиологии, ориентирующей на такой феномен. Нужно, несомненно, ждать, когда в результате развития нейрофизиологии на свет появится психология вершин. Не ожидая этой новой физиологии, не желая предвосхищать ее возможные результаты, мы просто хотим привлечь внимание к этой области науки. Может быть, ее исследование окажется таким же важным, как и исследование атома и космического пространства.

До сих пор интересовались только тем, что находится под сознанием; что касается самого сознания, то в современных исследованиях оно так и остается явлением, заявляющим о себе из низших зон: сексуальная активность у Фрейда, условные рефлексы Павлова и т.д. Вся психологическая литература, все современные романы, например, строятся на основе определения Честертона: «Эти люди, заводя разговор о море, говорят только о морской болезни». Сам Честертон был католиком; он предполагал о существовании вершин сознания, потому что допускал существование Бога. Нужно было, чтобы психология освободилась от теологии, как любая наука. Мы полагаем, что такое освобождение еще не осуществилось до конца, есть еще освобождение свыше: посредством методического изучения явлений, проходящих в сверхсознании, посредством разума, вибрирующего на наивысших частотах.

Световой спектр представляется таким образом: слева широкая лента волн Герца и инфракрасные лучи. Посередине — узкая полоска видимого света; справа — ультрафиолетовые лучи, X-лучи, гамма-лучи и неизвестное.

А нельзя ли сравнить световой спектр со спектром разума, «человеческого света»? Слева — инфра- или подсознательное, посередине — узкая полоска сознания, справа — бесконечная лента ультрасознания. До сих пор исследования занимались лишь сознательным и подсознатель-

ным. Обширная область ультрасознания, судя по всему, изучалась лишь мистиками и магами: но это тайные исследования, свидетельства, с трудом поддающиеся расшифровке. Немногие дошедшие до нас сведения объясняют некоторые неоспоримые явления, такие как интуиция и гениальность, что соответствует началу правой полосы, а явления инфрасознательного соответствуют концу левой. То, что мы знаем о подсознательном, служит нам для объяснения того немногого, что известно о сверхсознании. Но нельзя объяснить правую часть светового спектра его левой частью, гамма лучи — волнами Герца, уж больно разные у них свойства.

При каких условиях сознание может достичь иного состояния? Каковы будут в таком случае его свойства? Какие знания будет способен усвоить наш мозг? Поразительное развитие знаний приводит нас к той точке, когда человеческий ум осознает обязательную необходимость измениться, чтобы видеть то, что можно видеть, чтобы делать то, что можно делать. «Мы видим немного потому, что и сами невелики». Но являемся ли мы такими, какими представляли себя?

Глава IV

НОВОЕ ОТКРЫТИЕ МАГИЧЕСКОГО ДУХА

Зеленый глаз Ватикана. — Другой интеллект. — Завод спящего леса. — История «перемывалки». Природа, быть может, ведет двойную игру. — Новые соборы, новое «арго». — Последняя дверь. — Существование как инструмент. — Новое и разумное в символах. — Все не во всем

тобы расшифровать некоторые рукописи, найденные на берегах Черного моря, знаний лучших лингвистов мира оказалось недостаточно. В Ватикане для этого установили ЭВМ, поручив машине расшифровать эту ужасную абракадабру — обрывки древних пергаментов, на которых разбегались во все стороны сохранившиеся неразличимые знания. Машине предстояло выполнить работу, которую не смогли бы сделать сотни и сотни человеческих мозгов, в течение сотен и сотен лет: сравнить значки, объединить их в серии на основе схожести, выбрать необходимое из всех возможных вариантов, выявить закон сходства между всеми вообразимыми сравнимыми комбинациями, после чего, исчерпав их, составить алфавит на основе приблизительного сравнения, восстановить утраченный язык, понять смысл написанного и перевести его.

Машина, уставила свой зеленый глаз, неподвижный и холодный, и принялась пощелкивать и гудеть, бесчисленные быстрые стремительные волны побежали по ее электронному мозгу и, наконец, она выдала из этой

мешанины послание, донеся до людей слово от древнего, погребенного мира. Она перевела. Буквы, похожие на их тени, вдруг ожили, вошли в определенные сочетания, оплодотворили друг дружку, и из этого сообщения, из этих омертвевших слов послышался многообещающий голос: «Машина произнесла: «И в этой пустыне мы проложим дорогу к вашему Богу»».

Хорошо известно различие между арифметикой и математикой. Математическая мысль, начиная с Эвариста Галуа, открыла мир, чуждый человеку, не отвечающий человеческому опыту, миру Вселенной, знакомой обычному человеческому сознанию. Логика, которой предшествуют «да» и «нет», заменена «суперлогикой», которая действует через «да» и «нет». Эта сверхлогика принадлежит не к области разума, а к области интуиции. Именно в этом смысле можно сказать, что интуиция, то есть способность «дикаря», необычная власть «духа», «царит теперь в больших кантонах математиков».

Как функционирует нормальный мозг? Как арифметическая, бинарная, двоичная машина: да, нет, согласен не согласен, правда, ложь, люблю, не люблю, плохо, хорошо. В области бинарного наш мозг непобедим. Людям-счетным машинам, удалось превзойти электронные. Что такое электронная арифметическая машина? Это машина, которая с исключительной скоростью классифицирует, принимает или отказывается принимать, рассортировывает различные факторы по сериям. В общем, - это машина, устанавливающая порядок во Вселенной. Она имитирует функционирование нашего мозга. Человек классифицирует. Это дело его чести. Все науки построены на классификации, для чего и предпринимаются все усилия. Да, все это так, но теперь существуют электронные машины, которые не действуют лишь арифметически, но и по аналогии.

Например: если вы хотите изучить все условия сопротивляемости плотины, которую вы возводите, то вы создаете ее макет. На этом макете вы проводите все, какие только возможно, наблюдения. Потом вы вводите в машину результаты всех ваших наблюдений. Она их с нечеловеческой скоростью сравнивает, координирует и устанавливает все возможные связи между тысячами детальных наблюдений и говорит вам: «Если не укрепить башмак третьей опоры справа, то она треснет в 1984 году».

Аналоговая машина установила с помощью своего неподвижного непогрешимого глаза всю совокупность сопротивлений плотины, затем проанализировала все условия существования ее, она на себе прикинула ее существование и вывела из этого все закономерности. Она увидела

настоящее во всей его масштабности и, устанавливая на скорости, сжимающей время, все возможные отношения между отдельными факторами, в то же время заглянула в будущее. В общем, она перешла от знания к познанию.

Мы думаем, что человеческий мозг тоже может в некоторых случаях функционировать так, как такая аналоговая машина. Иными словами он должен быть в состоянии:

1. Объединить все только возможные наблюдения о предмете;
2. Составить список постоянных отношений между множеством аспектов этого предмета;
3. Стать в некотором роде самим предметом, принять его сущность и увидеть всю его судьбу.

И все это, естественно, он должен проделать с электронной скоростью, когда десятки тысяч связей происходят с такой же быстротой, как и столкновение атомов. Такую фантастическую серию математически точных операций, когда такой механизм включается случайно, мы порой называем озарением.

Если человеческий мозг может функционировать так, как аналоговая машина, то он может работать не с самим предметом, а с его макетом. Не с самим Богом, а с идолом. Не с вечностью, а с одним часом. Не с Землей, а с песчинкой. То есть он должен уметь, устанавливая связи со скоростью, превосходящей все разумные бинарные пределы, видеть на том, что играет роль макета, то, о чем говорил Блейк: «Вселенную в песчинке и вечность в одном часе времени».

Если бы все было так, если бы скорость классификации, сравнения, дедукции колоссально увеличивалась бы, если бы наш мозг в некоторых случаях разгонялся бы, как частица в циклотроне, то мы получили бы толковое объяснение всей магии. Наблюдая за звездой невооруженным глазом, жрец майя мог воссоздать в своем мозгу всю Солнечную систему и открыть Уран и Плутон без телескопа (как об этом свидетельствуют некоторые барельефы). Наблюдая за тем, что происходит в тигле, алхимик мог бы иметь точное представление о строении самого сложного атома и раскрыть тайну материи. Было бы найдено объяснение формулы, в соответствии с которой «То, что вверху, подобно тому, что внизу». Даже в области подражательной (имитативной) магии можно было бы понять, каким образом колдун-кроманьонец, созерцая в своей пещере образ церемониального зубра, ухватывал все законы мира зубров и сообщал соплеменникам дату, место и время для удачной предстоящей охоты.

Кибернетики создали электронные машины вначале арифметические, а затем и аналоговые. Этими машинами, в частности, пользуются для расшифровки кодированных языков. Но ученых не исправишь! Они отказываются признавать, что человек, что-то создавший, может быть равным своему созданию. Странное самоуничужение! Мы признаем такую гипотезу: человек, сам по себе аппарат, по крайней мере, не уступающий, если не превосходящий любой технически осуществимый аппарат, и самой судьбой он призван достичь тех же результатов, достигаемых техническими приспособлениями, включая постижение сил Вселенной и управление ими. Почему ему не иметь в глубинах своего мозга что-то вроде аналоговой электронной машины? Сегодня мы знаем, что девять десятых клеток человеческого мозга остаются неиспользованными в его нормальной сознательной жизни, и доктор Уоррен Пенфилд продемонстрировал нам эту обширную безмолвную область. А что если она, эта молчаливая область, представляет собой громадный машинный зал с машинами наготове, ожидающими лишь нажатия кнопки? Если это так, то магия имеет смысл. В нас есть почта: секрция рассылает свой продукт — гормоны по тысячам различных адресов в нашем теле, чтобы вызывать возбуждение.

В нас есть телефон: наша нервная система; если меня ущипнуть, я вскрикиваю, если мне стыдно, я краснею и т.д. Почему бы нам не иметь и своего радио. Может быть, наш мозг излучает волны, распространяющиеся с большой скоростью, как высокочастотные волны, и поглощаемые полыми проводниками, — они циркулируют в оболочке нервных волокон (миелиновых). В таком случае, у нас была бы своя система коммуникаций, связи, никому не известная. Наш мозг, возможно, непрерывно излучает эти волны, но их приемники либо не используются, либо работают в редких случаях, как неисправное радио, которое может заставить вдруг на мгновение зазвучать сильный удар кулаком.

Мне было семь лет. Я был на кухне, рядом с матерью, которая мыла посуду. Мать взяла щетку для мытья посуды, чтобы удалить жир с тарелок, и вдруг вспомнила, что ее подруга Раймона называет эту щеточку «перемывалкой». Я в это время что-то щебетал, но в ту секунду, когда она подумала о подруге, я ясно произнес: «Раймона называет это перемывалкой», после чего я сник. Я бы не стал вспоминать об этом инциденте, если бы моя мать, пораженная этим фактом, не напоминала бы мне довольно часто об этом, словно она сама прикоснулась к великой тайне, почувствовав в порыве радости, что я на мгновение «стал ею», что стало для нее другим, выше человеческого, доказательством моей любви. Поз-

же, когда я заставлял ее страдать, в одиночестве, она вспоминала об этом случае, словно пыталась убедить себя, что она вместе со своей кровью передала мне и нечто другое.

Я отлично знаю, как нужно относиться к совпадениям, даже к таким привилегированным, которые Юнг называл «многозначительными», но все же мне кажется, что каждый из нас, пережив аналогичные моменты с близким другом или страстно любимой женщиной, попытается преодолеть представление о совпадении и даже осмелится прийти к магической интерпретации.

Что же произошло тогда на кухне, однажды вечером, когда мне было семь лет? Думаю, что без моего ведома (по причине неощутимого удара, бесконечно малого сотрясения, сравнимого с воздействием легкой волны, заставляющей упасть предмет, уже давно находящийся в состоянии неустойчивого равновесия, бесконечно малого сотрясения, произошедшего по чистой случайности), неожиданно заработал во мне таинственный механизм, ставший бесконечно чувствительным из-за тысяч и тысяч порывов любви, этих простых, яростных, исключительных порывов детской любви. Это совершенно новая, абсолютно готовая к работе машина в молчаливой области моего мозга, находящаяся на заводе Спящей красавицы, каким-то образом узрела мою мать. Увидав ее, она собрала и классифицировала все оттенки ее мысли, биения ее сердца, уловила ее настроение, ее чувства, она, эта машина, теперь стала моей матерью; за это мгновение она познала ее сущность и всю ее судьбу. Со скоростью, превышающей скорость света, она учла, рассортировала все ассоциации чувств и мыслей, промелькнувшие в сознании моей матери со дня ее рождения, и, наконец, остановилась на последней, имеющей отношение к щетке для мытья посуды, Раймоне и ее «перемывалке». И тогда я подвел итог результатам работы этой машины, выполненной с такой безумной скоростью, что я даже не почувствовал, как она действовала внутри меня, как не чувствуют космических лучей, которые пронизывают нас, не вызывая никакого ощущения, и сказал: «Раймона называет это «перемывалкой». Потом машина остановилась или я перестал реагировать на ее работу после того, как воспринимал ее в течение одной миллиардной доли секунды, и я остановился на этой фразе, которую произнес до того, как время остановилось или ускорилося во всех направлениях — прошлом, настоящем или будущем, что в общем одно и то же.

Я мог отмечать и при других обстоятельствах подобные «совпадения». Мне кажется, их можно интерпретировать в таком смысле. Вполне возможно, что машина работает беспрерывно, а мы становимся рецепи-

ентами лишь от случая к случаю. К тому же такая восприимчивость — дело крайне редкое. Несомненно, у некоторых людей она равна нулю. Есть «люди, которым повезло», и те, которым не повезло. Везучие — это те, которым порой удастся получить послание от машины: она при этом проанализировала все элементы сложившейся конъюнктуры, она классифицировала, выбрала, сравнила все последствия всех возможных причин и, открывая таким образом лучшую дорогу, ведущую к судьбе, она сделала свое предсказание, которое было воспринято, причем при этом нашего сознания даже не коснулось легкое подозрение в том, какая громадная работа была ради этого проделана. Такие люди — это «любимцы богов», воистину. Они время от времени подключаются в своему заводу. Ну, а если говорить только обо мне, то у меня было то, что называется «шансом». Все заставляет меня думать, что явления, которые вызывают такой шанс, это явления такого же порядка, которые вызвали и эту историю с «перемывалкой».

Так мы начинаем замечать, что концепция магического в отношениях человека с себе подобным, с вещами, с пространством и временем — вовсе не чужда свободной и животворной рефлексии в отношении техники и современной науки. Современность позволяет нам верить в магию. Электронные машины заставляют нас всерьез принимать кроманьонского колдуна и жреца майя. Если в молчаливой области человеческого мозга при определенных обстоятельствах устанавливаются ультрабыстрые связи, то результат такой работы воспринимается сознанием, — определенная практика имитативной магии, некоторые пророческие прорицания, некоторые поэтические озарения или мистические откровения, в общем, все то, что мы относим к делирию или случайности, рассматриваются теперь как реальные приобретения ума в состоянии пробуждения.

Мы много лет знаем, что природа неразумна. Она обычно отвечает функциям головного мозга. Для той его части, которая постоянно работает, всякое действие носит бинарный (двоичный) характер. Черное — белое. «Да» — «нет». «Непрерывность — прерывность». Машина нашего восприятия — машина арифметическая. Она классифицирует, сравнивает. Весь труд Декарта «Рассуждения о методе» основан на этом. Вся китайская философия. Вся китайская философия Инь—Ян («Книга перемен» — единственный сборник оракулов, донесший до нас из глубокой древности правила предсказаний, составленных в виде графических фигур: три линии, три прерывистые, причем в самом разнообразном порядке). Но, как говорил Эйнштейн в конце своей жизни: «Я спрашиваю себя, всегда ли природа играет с нами в одну и ту же игру?» На самом деле

кажется, что природа ускользает от этой бинарной машины, от нашего мозга в его состоянии нормального функционирования.

После Луи де Бройля мы были вынуждены признать, что свет одновременно и непрерывен и прерывен. Но ни одному человеческому мозгу не удалось представить себе такое явление, понять его изнутри, познать на самом деле. Это признают, говорят, что знают или не знают. А теперь представьте себе на модели света (вся религиозная литература и иконография усеяна упоминаниями о свете), что мозг переходит от арифметического к аналоговому состоянию во время вспышки экстаза. Он становится светом. Он видит непонятное явление. Он рождается с ним. Он его познает. Он достигает такой области, которая была недоступна даже для ума де Бройля. Потом он сникает, утрачивает контакт с высшими машинами, работающими в громадной секретной части мозга. Его память восстанавливает лишь обрывки приобретенных знаний. Язык не в силах перевести эти обрывки. Может быть, некоторые мистики познали таким образом природные явления, открытые нашим современным интеллектом, признанные им, но ему не удалось их объединить.

Вот отрывок из записи того, что сообщила Анжела де Фолиньо своему исповеднику: «И, как и я сам, писец спросил ее, что она видела, видела ли она что-то материальное? Она так ответила: я видела полноту, ясность, от чего чувствовала себя настолько переполненной, что и словами не выразить, и я не могу ни с чем этого сравнить...» Знаменательное признание.

Электронно-вычислительная машина, анализируя математический макет плотины или самолета, действует по аналогии. В какой-то мере она сама становится этой плотиной или самолетом и открывает для себя всю совокупность аспектов каждой конструкции. Если мозг может действовать подобным образом, то мы начинаем понимать, почему колдун создает что-то напоминающее ему врага, которого он хочет поразить, или рисуется зубра, следы которого хочет обнаружить.

Перед этими макетами он ждет, когда его мозг из бинарного состояния перейдет в состояние аналоговое, перехода его сознания из обычного состояния в состояние высшего пробуждения. Он ждет, покуда его мозг не начнет действовать по аналогии, покуда в молчаливой области его мозга не возникнут ультраскоростные связи, которые откроют ему всю полноту реальности предлагаемого ему предмета. Он ждет, но при этом не остается пассивным. Что же он делает? Он выбрал час и место по древним указаниям, преданиям, которые, может быть, стали результатом многочисленных попыток отыскать нужное наощупь. Такой-то момент, та-

кая-то ночь, например, более благоприятны, чем какой-то другой момент, другая ночь, может, из-за состояния неба, космического излучения, расположения магнитных полей и т.д. Он еще не знает, что, возможно, действует под воздействием своих технических приемов (еще зачаточных, наощупь), призванных запустить сверхскоростные машины, находящиеся в дремлющей области нашего мозга. Его ритуалы, возможно, лишь сложные ритмические предрасположения, способные вызвать наивысшие функции мозга. Это что-то вроде ручек для более или менее эффективно управления. Все наводит на мысль, что такое вызывание наивысших функций мозга, этой аналоговой электронно-вычислительной машины требует гораздо более сложной, гораздо более тонкой деятельности, по сравнению с той, которая наблюдается при переходе от сна к бодрствованию.

После появления работ фон Фриша стало известно, что у пчел есть свой язык: они рисуют в пространстве математические бесконечно сложные фигуры во время своего полета и с их помощью сообщают друг другу сведения, необходимые для жизни их улья. Все ведет к мысли, что человек, чтобы установить связь со своими наивысшими силами, должен ввести серию импульсов, по крайней мере таких же сложных, таких же тонких и таких же странных, по сравнению с теми, которые обычно определяют действия его интеллекта.

Молитвы и ритуалы перед идолами, перед символическими культовыми изображениями могли бы, следовательно, стать способами восприятия и направления таких неуловимых энергий (магнитной, космической, ритмической и т.д.) с целью приведения в действие аналогового разума, что позволило бы человеку познать представшее перед ним божество.

Если это так, если существует техника, позволяющая получить от мозга отдачу, не идущую ни в какое сравнение с результатами деятельности самого большого бинарного мозга, и если эта техника исследовалась до сих пор лишь оккультистами, то становится понятно, что большая часть научных и практических открытий XIX века была сделана ими.

Наш язык, наша мысль возникают в результате арифметического бинарного (двойного) функционирования нашего мозга. Мы классифицируем по понятиям «да» — «нет», «позитивно — негативно», мы сравниваем, делаем выводы. Если язык служит нам для упорядочения наших мыслей, которые, в свою очередь, стремятся к такому упорядочению, то нельзя не заметить, что в этом нет внешнего элемента, божественного признака. Он не добавляет одну мысль к другой. Когда я говорю или

пишу, то торможу свою машину. Я могу описать ее, когда она работает только на малых оборотах. Я выражаю лишь свое бинарное сознание мира только если это сознание прекращает функционировать с нормальной скоростью. Мой язык свидетельствует лишь о замедленном видении мира, которое само ограничено бинарностью. Такая недостаточность языка вполне очевидна и живо ощущается.

Но что можно сказать о недостаточности самого дурного разума? От него ускользает внутреннее существование, суть вещей. Он может понять, что свет может быть непрерывным и прерывистым одновременно, и что молекула бензола устанавливает между своими шестью атомам двойные и притом взаимоисключающие отношения. Он допускает это, но не может этого понять, интегрировать в себе, в своем функционировании реальность тех глубоких структур, которые он исследует. Чтобы этого добиться, ему нужно было бы измерить свое состояние, нужно было бы, чтобы другие машины, а не те, обычные, начали работать в мозгу, и чтобы бинарный образ мышления был замещен аналоговым сознанием, которое принимает другие формы и усваивает непостижимые ритмы деятельности этих глубоких структур. Такое, несомненно, происходит при научной интуиции, поэтическом озарении, религиозном экстазе и в других случаях, о которых нам ничего не известно. Переход к пробужденному сознанию, то есть к состоянию, отличающемуся от состояния ясного бодрствования, является лейтмотивом всех древних философий. Он также является лейтмотивом действий самых великих современных физиков и математиков, для которых «что-то должно произойти в человеческом сознании, чтобы оно перешло от знания к познанию».

Поэтому неудивительно, что язык, свидетельствующий лишь об осознании мира, находящегося в нормальном состоянии ясного бодрствования, становится «затемненным», как только речь заходит о выражении его глубоких структур, о свете, о вечности, времени, энергии, сущности человека и т.д. Однако мы различаем два вида такой «затемненности».

Одна объясняется тем, что язык — это орудие разума, стремящегося исследовать эти глубокие структуры, которые он никогда не сможет ассимилировать. Он — порождение такой природы, которая тщетно сталкивается с другой. В лучшем случае, он может лишь продемонстрировать свидетельство своей неспособности, отразить чувство бессилия и далекой отстраненности. Его «затемненность» реальна. Это на самом деле «затемненность», не больше.

Вторая объясняется тем, что человек, пытающийся выразить себя, познал, словно вспышки молнии, другое состояние своего сознания. Он

пережил какое-то мгновение в сокровенной близости с этими глубокими структурами. Он их познал. Это — мистик типа Иоанна Крестителя, ученый типа Эйнштейна или вдохновенный поэт типа Уильяма Блейка, или математик не от мира сего типа Галуа, или философ-миссионер типа Майринка.

Вернувшись в прежнее состояние, «ясновидящий» ничего не может сообщить об увиденном. Но, пытаясь это сделать, он выражает уверенность в том, что Вселенной можно было бы управлять и контролировать, если бы человеку удалось комбинировать как можно точнее состояние бодрствования и сверхбодрствования. В таком языке появляется что-то эффе́ктное, очертания инструмента высшего порядка. Фулканелли говорил о тайне соборов, Винер — о структуре времени, но все, что они говорили, «затемнено», но в этом случае «затемненность» таковой не является: она — знак того, что где-то что-то блещет.

Несомненно, только современный математический язык дает отчет о некоторых результатах мышления по аналогии. В математической физике существуют области «абсолютного иного» и «непрерывного нулевого измерения», то есть измерения непостижимого, но вместе с тем реально существующего мира. Можно спросить, почему поэты пока не слышат через эту науку песнопение фантастической реальности, — не из-за опасения ли признать такую очевидность: магическое искусство живет и процветает вне их кабинетов? (Кантор. «Суть математики — свобода»).

Этот математический язык, свидетельствующий о существовании Вселенной и ускользающий от ясного нормального сознания, единственный, который проявляет активность, который постоянно разбухает.

1. Миттаг-Леффлер по поводу работ Абеля: «В работах Абеля речь идет о подлинных лирических поэмах высочайшей красоты; совершенство формы позволяет проглядывать величие мысли и наполняет до краев воображение миром, настолько удаленным от банальных внешних проявлений жизни, миром, более непосредственно возникающим из души, миром самого прекрасного творения самого лучшего поэта в обычном смысле этого слова».

Додекинд: «Мы принадлежим к божественной расе и обладаем властью творить».

2. В статье «Математика и цивилизация» Жорж Биро писал: (Журнал «Круглый стол», № 4, 1959 г.) «Там все открыто: техника мышления, “логика совокупностей”, все живо и непрерывно обновляется, самые странные и самые прозрачные концепции рождаются одна от другой — трансформируют друг друга, они сами похожи на части симфонии,

мы пребываем в божественном мире воображения. Но воображение абстрактно, если можно так сказать. По сути дела, эти образы и математическая техника ничего не имеют общего с образами иллюзорного мира, в котором мы увязаем, хотя они удерживают тайну и ключи от нее».

«Математические сущности», то есть выражения, знаки, символизирующие жизнь, и законы невидимого мира, мира немислимого, оплодотворяют другие «сущности». Собственно говоря, этот язык — подлинный жаргон нашего времени.

Да, жаргон, или «арго» в первоначальном значении этих слов, в том, которое им придавали в Средние века (не в том безвкусном смысле, который придают им сегодня литераторы, желающие считать себя «абсолютно свободными»), — мы его находим в этой авангардистской науке, в математической физике, которая, если присмотреться, является расстройством обыкновенного ума, разрывом с ним, ясновидением.

Что такое готическое искусство, которому мы обязаны нашими соборами? «Для нас, — писал Фулканелли в «Тайне соборов», — готическое искусство — это лишь орфографическое искажение слова «арготическое», что соответствует фонетическому закону, который определяет во всех языках, не обращая никакого внимания на орфографию, традиционную Каббалу». Собор — это произведение искусства или «го» (got) (art got) или арго.

А что такое сегодняшний собор, который учит людей структурам Творения, если не математическое уравнение, заменяющее круглый витраж? Освободимся же от бесполезной привязанности к прошлому, чтобы плотнее приблизиться к нему. Не будем искать современный собор в монументе из стекла и бетона, увенчанном крестом. Средневековый собор был книгой тайн, переданной людям вчерашнего дня. Сегодняшнюю книгу тайн пишут физики и математики, используя «математические сущности», вставленные, как розетки (круглые витражи), в конструкции, называемые межпланетными ракетами, атомными заводами, циклотронами. Вот — подлинная непрерывность, вот реальная нить, тянущаяся от предания.

Арготье («argotiers») Средних веков, духовные сыновья аргонавтов, знавших дорогу к саду Гесперид, выражали в камне свои герметические послания. Знаки, непонятные людям, чье сознание не подверглось трансмутациям, чей мозг не испытал этого колоссального ускорения, благодаря чему непостижимое становится реально ощутимым и управляемым. Эти знаки были тайными не из-за любви к тайне, но просто потому что отраженные в них открытия законов энергии, материи и духа были сделаны в другом состоянии сознания, непередаваемом напрямую. Они были тай-

ными, потому что, по тогдашнему разумению, «быть» означало «быть другим», «отличаться».

По не столь ярко выраженной традиции, как бы в память о столь высоком примере, аргю в наши дни — промежуточный диалект, им пользуются непокоренные, все, жадные до свободы — изгнанники, кочевники, все те, кто живет вне общепризнанных законов и условностей. Проходимцы, то есть «ясновидящие», из числа тех, о которых нам рассказывает Фулканелли, в Средние века притязали на звание Сынов или детей Солнца, а «ар-го» (akt got) было в ту пору искусством света и Духа.

Но мы вновь обретаем традицию, ничуть не выродившуюся традицию, если только поймем, что это «akt got», искусство Духа является сегодня искусством «математических сущностей» и интегралов Лебесга, «чисел по ту сторону Бесконечного», искусство физиков-математиков, возводящих на необыкновенных кривых из «запретного света», из грёма и пламени соборы для наших будущих литургий.

Такие наблюдения могут показаться возмутительными религиозному читателю. Но они таковыми не являются. Мы считаем, что возможности человеческого мозга безграничны. Это приводит нас к противоречию с психологией и официальной наукой, которая «выражает доверие человеку», если только он не выходит за рамки, очерченные для него рационалистами XIX века. Но это не должно вводить нас в противоречие с религиозным духом, по крайней мере с тем, что является более чистым и более высоким.

Человек может получить доступ к тайнам, видеть свет, видеть Вечность, понять законы Энергии, воспринять своим нутром ритм всемирной судьбы, получить чувственное познание наивысшего слияния сил, как Тейяр де Шарден, жить непостижимой жизнью «точки Омега», в которой окажется все творение по окончании земных времен, одновременно совершенное, завершенное и восхваленное.

Человек может все. Его разум с рождения, несомненно, «оборудованный» всем необходимым для бесконечного познания, может при определенных условиях понять всю совокупность механизмов жизни. Сила человеческого разума, если он проявится во всю свою мощь, вероятно, может охватить всю Вселенную. Но эта сила прерывается там, где разум, достигший края своей миссии, начинает предчувствовать, что есть «еще что-то» за пределами Вселенной. Здесь аналоговое сознание полностью утрачивает свою способность функционировать. Во Вселенной нет моделей того, что находится за ее пределами. Нельзя пройти через дверь, ведущую в Царство Божие. Мы просто принимаем такие слова: «Царство Божие».

Пытаясь выйти за пределы Вселенной, вообразить число, куда большее, чем все, что можно было бы постигнуть во Вселенной, пытаюсь создать концепцию, которую Вселенная не смогла бы осуществить, гениальный математик Кантор сошел с ума. Есть последняя дверь, которую аналоговое сознание не может открыть. Немногие тексты могут сравниться по своей метафизической величавости с тем, в котором Г.П. Лафкрафт пытается описать немыслимое приключение человека, которому удалось приоткрыть эту дверь и осмелиться проскользнуть туда, где Бог царствует по ту сторону бесконечного...

«Он знал, что некий Рандольф Картер из Бостона существовал; но он не мог точно знать, был ли это он, фрагмент или грань сущности, находящейся по ту сторону Последней двери, или же кто-то другой был этим Рандольфом Картером. Его “Я” было уничтожено, но, благодаря какой-то непостижимой способности, он в равной степени сознавал себя целым легионом “Я”. Как же в этом месте, где малейшее понятие об индивидуальном существовании было устранено, могла выжить в какой-то форме такая странная вещь? Но это было так, как если бы его тело неожиданно превратилось в одно из скульптурных изображений с многочисленными голосами и руками в индийских храмах. Предпринимая безумные усилия, созерцая это скопление, он пытался выпростать из него свое прежнее тело, если такое прежнее тело еще могло существовать...

Во время этих ужасающих видений этот фрагмент Рандольфа Картера, проникший за Последнюю дверь, был выхвачен из этого ужаса и погружен в пучину еще более страшного ужаса, и на сей раз это пришло изнутри: это была сила, похожая на личность, которая резко выросла у него перед глазами и, окружая его всего, захватывала его, вливалась в его присутствие, сосуществуя во всех вечностях, соприкасаясь со всеми пространствами. Не было ничего видимого, но ощущение этой сущности и грозная комбинация концепций идентичности и бесконечности наполняли его парализующим страхом. Этот страх далеко превосходил все те страхи, о существовании многочисленных ликов которых Картер мог только подозревать... Эта сущность была вся в одном и одна во всем, существо, одновременно бесконечное и ограниченное, не принадлежавшее только континууму пространства-времени, но составлявшая неотъемлемую часть вечного круговорота жизненных сил, после дней безграничной бездны, преодолевающей легко как математику, так и воображение. Эта сущность была, быть может, той, о которой некоторые тайные культы Земли упоминали шепотом и которую паробразные духи спиралевидных туманностей определяют непередаваемым на бумаге знаком. И во вспышке, от-

брасываемой еще дальше, фрагмент Картера узрел поверхность, недостаточность того, что он испытал от всего этого, от всего этого...»

Вернемся к тому, с чего мы начали. Мы не говорим: в обширной молчаливой области мозга существует аналоговая электронная машина. Мы говорим: если существуют арифметические и аналоговые машины, то почему бы не вообразить, что кроме функционирования нашего мозга в нормальном состоянии, есть еще и другое функционирование — в высшем состоянии? Нет ли таких сил разума, которые могут быть такими же, что и силы аналоговых машин? Не следует понимать наше сравнение буквально. Речь идет об отправной точке, об установке для запуска в целинную, едва затронутую исследованиями, область мозга. В этой области разум может неожиданно засверкать, освещая то, что обычно скрыто во Вселенной. Как же ему удастся проникнуть в те области, где его собственная жизнь становится чудом? С помощью каких операций можно изменить его состояние? Мы не утверждаем, что знаем это. Мы говорим, что в обширной древней и современной литературе, магических и религиозных обрядах, в которых описываются странные вещи и моменты, фантастические вспышки разума, полно — тысячи и тысячи — фрагментов, которые следовало бы соединить, сравнить и которые, может, явят нам утраченный метод или тот, который пригодится в будущем.

Возможно, что разум порой, как бы случайно, касается границы этих целинных областей. На какую-то долю секунды он там включает высшие машины, чей гул он невнятно различает. Это — моя история с «перемывалкой». Таковы все явления, называемые «парапсихологическими», существование которых так нас тревожит, это исключительные и редкие вспышки озарения — раз, два, три или же неоднократно пережитые большей частью восприимчивыми людьми в течение их жизни, и в особенности в нежном, детском возрасте. От них ничего не остается — одни воспоминания.

Проникновение через эту границу (или, как говорится в традиционных текстах, «вступление в состояние пробуждения») включает бесконечно большее и не может быть целиком отнесено к случайности. Все побуждает думать, что такое проникновение требует концентрации и правильного ориентирования громадного количества сил, как внешних, так и внутренних. Вовсе не абсурд думать, что эти силы находятся в нашем распоряжении. Просто нам не достает метода. Совсем недавно нам не доставало метода, чтобы высвободить атомную энергию. Но такие силы окажутся в нашем распоряжении, если для овладения ими мы посвятим всю свою жизнь. Аскеты, святые, чудотворцы, ясновидящие, по-

эты и гениальные ученые — все говорят об этом. И об этом пишет известный современный американский поэт Уильям Темпл: «Никакое особое откровение невозможно, если вся ваша жизнь не становится целиком инструментом такого откровения».

Продолжим, однако, наши сравнения. «Только во время Второй мировой войны родились понятия «исследование операций». Чтобы все почувствовали необходимость в таком методе, «нужно было, чтобы на повестке дня оказались проблемы, ускользающие от здравого смысла и неподвластные опыту».

Ученые-тактики прибегли к математикам:

«В результате возникновения такой ситуации, которой невозможно овладеть в силу сложности ее структуры и видимой эволюции с помощью обычных средств, мы обращаемся к ученым с призывом подойти к этой ситуации так, как они это делают в своей профессии, когда они рассматривают явления природы и из этого выводят свою теорию. Чтобы построить теорию на основе ситуации или предмета, необходимо в воображении построить абстрактную модель, свойства которой будут похожими на свойства этого объекта. Модель должна быть только математической. Через ее посредство конкретные вопросы превращаются в математические свойства».

Речь идет о «модели» либо слишком новой вещи, либо слишком сложной ситуации, которые невозможно во всей полноте и целостности охватить человеческим разумом. «При оперативном исследовании проявляется интерес к созданию аналоговой электронной машины, причем так, чтобы она сама стала моделью. Тогда будет можно, нажимая кнопки управления, наблюдая за ее работой, найти ответы на все вопросы, из-за которых такая модель и была сделана».

Эти строчки взяты нами из одного технического бюллетеня («Бюллетень по связи политических и экономических кругов», март 1953). Они куда важнее для представления о «пробужденном человеке», для понимания «магического» духа, чем большинство работ по оккультной литературе. Если мы передадим модель через идола или символ, а аналоговую машину через вызывающее озарения функционирование мозга в его состоянии наивысшего просветления, то увидим, что самая таинственная дорога познания человечества, та, которую отказываются признавать наследники XIX позитивистского века, на самом деле — истинный и великий путь. Сама современная техника призывает его считать таковым.

«Присутствие символов, загадочных знаков и таинственных выражений в религиозных преданиях, произведениях искусства, сказках и

обычаях, отраженных в фольклоре, свидетельствует о существовании языка, распространенного как на Востоке, так и на Западе, трансконтинентальное значение которого восходит, судя по всему, к самому корневищу нашего существования, наших знаний и наших ценностей» (Рене Алло. «О природе символов»).

Однако, что такое символ, если не абстрактная модель реальности, структурой которой человеческий разум не может овладеть полностью, но «теорию» которой он набрасывает в общих чертах?

«Символ выявляет некоторые аспекты реальности, аспекты самые глубокие, которые недоступны любому способу познания» (Мирча Элиаде. «Образы и символы»).

Подобно «модели», которую разрабатывает математик для предмета или ситуации, ускользающих от здравого смысла или опыта, свойства символа напоминают свойства объекта или ситуации в их абстрактном выражении, и чей фундаментальный аспект остается скрытым от нас.

Затем нужно запустить электронную машину, чтобы она работала, подражая этой модели, чтобы символ «выдал» скрывающуюся в нем реальность и дал ответы на все вопросы, для чего, собственно, эта машина и была создана. Эквивалент такой машины, как мы полагаем, находится в человеке.

Некоторые пока еще нам неизвестные свойства психики и физики человека могут запустить такую машину в действие. Все технические требования аскетизма, религии и магии, судя по всему, должны быть сориентированы на получение такого результата и, несомненно, уже это, охватывая всю историю человечества, обещает мудрецам «состояние пробуждения».

Таким образом, символы — это, возможно, абстрактные модели, созданные со времен происхождения мыслящего человечества, опираясь на которые мы можем ощущать самые глубокие структуры Вселенной. Но внимание! Неверно также думать, что они — всего лишь упрощенные схемы. В «исследовании операций, модель — это не упрощенная или уменьшенная модель какой-то известной нам вещи. Она — возможная отправная точка для познания этой вещи. И отправная точка, расположенная вне реальности, в мире математики. Аналоговая машина, построенная в соответствии с этой моделью, должна войти в «электронный транс», чтобы дать практические ответы. Вот почему все объяснения символов, которые дают оккультисты, для нас не представляют интереса. Они работают над символами, словно речь идет о схемах, читаемых разумом в его нормальном состоянии. Словно, такие схемы могли

бы непосредственно привести к какой-то реальности. На протяжении веков, в течение которых они занимаются изучением Креста святого Андрея, то есть свастики, звезды Соломона, исследованием глубинных структур Вселенной нисколько не продвинулось вперед, несмотря на все их старания.

Благодаря озарению своего высшего интеллекта, Эйнштейну удалось заглянуть (не понять полностью, не приобщиться и не подчинить себе) в отношения между временем и пространством. Чтобы сообщить о своем открытии на том уровне, на котором его может понять коммуникабельный разум и помочь самому себе в возвышении до своего озаренного видения, он рисует знак « γ » (гамма) или символический векторный трехгранник. Этот рисунок — не схема реальности. Он недоступен для заурядных людей. Это приказ — «Встань и вперед!» для всей совокупности физико-математических знаний. И вся эта совокупность, активизированная в мощном мозгу, не найдет ничего другого, кроме того, на что указывает этот трехгранник, не сможет проникнуть во Вселенную, где действует закон, выраженный этим знаком. Но в ходе такого продвижения вперед станет известно, что другая Вселенная существует.

Все символы, возможно, одного порядка. Перевернутая свастика или ломаный крест, чье происхождение теряется в самом далеком прошлом, это, может быть, «модель» закона, регулирующего всякое разрушение. Каждый раз, когда наблюдается разрушение в области материи или мысли, движение сил, может, соответствует этой модели, как соответствуют отношения времени и пространства трехграннику.

Точно так, говорит нам математик Эрик Темпл Белл, спираль, возможно, — это «модель» глубокой структуры всякой эволюции (энергии, жизни, познания). Возможно, в «состоянии пробуждения» мозг может функционировать как аналоговая машина, на основе созданной модели, и, таким образом, он, отталкиваясь от свастики, проникает в универсальную структуру разрушения, а отталкиваясь от спирали — в универсальную структуру эволюции. Символы, знаки, следовательно, могут быть моделями, созданными для высших машин нашего разума, когда он функционирует в другом состоянии. Наш разум в обычном своем состоянии работает, быть может, с тончайшим резцом, чтобы начертить модели, благодаря которым он, переходя в высшее состояние, смог бы интегрироваться в конечную реальность вещей. Когда Тейяр де Шарден замысливает свою точку Омега, он также разрабатывает «модель» конечной точки эволюции. Но, чтобы почувствовать реальность этой точки, чтобы жить в глубине столь трудно воображаемой реальности, чтобы созна-

ние интегрировалось в это сознание, полностью ассимилировало его, чтобы, учитывая все, само превратилось в точку Омега и поняло все, что можно понять в этой точке: конечный смысл жизни на Земле, космическую судьбу завершённого разума за скончанием времен на земном шаре. Чтобы такой переход от идеи к познанию произошёл, нужна действующая форма другого разума. Скажем, аналоговый разум, мистическое озарение, состояние абсолютного созерцания.

Таким образом, идея Вечности, идея бесконечности, идея Бога и т.д., — это, может быть, «модели», созданные нами и предназначенные для того, чтобы в другой, обычно спящей области нашего мозга получить ответы, из-за чего мы их и разработали.

Нужно хорошо себе уяснить, что самая возвышенная идея возможно, есть эквивалент рисунка зубра для кроманьонского колдуна. Речь идет о макете. После чего требуется, чтобы аналоговая машина стала функционировать, как и эта модель тайной области нашего мозга. Колдун через транс проникает в реальность мира зубра, одним усилием открывает в нем все аспекты и в результате может сообщить о наиболее благоприятном месте и времени будущей охоты. Это магия на самом низком уровне. В более высоком состоянии модель — это не рисунок, не статуэтка и даже не символ. Она — идея, это самый тонкий продукт, созданный самым тонким бинарным разумом. Эта идея была выработана в целях следующего этапа исследований: этапа аналогового, второй фазы любого оперативного исследования.

Нам кажется, что самая высокая, самая активная работа человеческого ума заключается в выработке «моделей», предназначенных для другой, малоизвестной деятельности, которую очень трудно вызвать. В этом смысле можно сказать: все есть символ, все есть знак, все есть вызывание другой реальности.

Это открывает нам двери в область возможной бесконечной силы человека. Это, однако, не дает нам ключ ко всему, как считают символисты. От идеи Троицы, до идеи Бесконечного, от статуэтки, истыканной булавами деревенским магом, через крест, свастику, витраж, собор, Пресвятую Деву Марию, «математические сущности», числа и т.д. — все это суть модель, макет чего-то, что существует во Вселенной, отличающейся от той, в которой был создан этот макет. Но «макеты» не взаимозаменяемы: математическую модель плотины, созданную ЭВМ, нельзя сравнить с моделью сверхзвуковой ракеты. Все не во всем. Спираль нет в красоте. Изображения зубра нет на фотографии, с которой работает медиум, точки Омеги отца Тейяра нет в аде Данте, менгира нет в соборе, чисел Кантора нет в цифрах

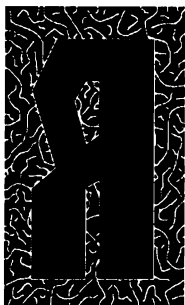
Апокалипсиса. Если есть «макеты» всего, то все макеты это вам не «кукла-матрешка», и они не образуют целого, которое можно разобрать, вынуть одно из другого, чтобы выяснить тайну Вселенной. Если самые эффективно действующие модели, созданные разумом в состоянии высшего пробуждения, являются моделями безразмерными, то есть идеями, то нужно оставить надежду встретить макет Вселенной в Великой пирамиде или на портале собора Нотр-Дам. Если существует макет всей Вселенной, то он может существовать только в мозгу человека, в этой наивысшей точке развития всех разумов. Но разве у Вселенной не больше ресурсов, чем у человека? Если человек — это бесконечность то разве Вселенная — не бесконечность, плюс что-то еще?

Однако открытие того, что все есть модель, знак, символ, ведет к нахождению ключа. Не того, который открывает двери непроницаемой тайны и который находится в руках Бога, или вообще не существует. Другого ключа, — не к уверенности, а к другому отношению. Речь идет о функционировании «другого» разума, которому и предлагаются такие макеты. Речь, следовательно, идет о перехода от состояния обычного бодрствования к состоянию высшего бодрствования. К состоянию пробуждения. Все — не во всем. Но бодрствовать — это все.

Глава V

ПОНЯТИЕ О СОСТОЯНИИ ПРОБУЖДЕНИЯ

На манер теологов, ученых, магов и детишек. — Привет специалисту по вставлению палок в колеса. — Конфликт материализм—спиритуализм, или история аллергии. — Легенда о чае. — Мысль как передвижение по дороге и как полет. — А если речь шла о естественной способности? — Дополнение к правам человека. — Сны о пробужденном человеке. — Мы — другие: честные варвары

посвятил большую книгу описанию общества интеллектуалов, которые под руководством чудотворца Гурджиева занимались поисками «состояния пробуждения». Я считаю и сейчас, что нет более важного занятия. Гурджиев говорил, что мысль, родившаяся на навозе, туда и вернется, и учил презирать свой век. На самом деле современная мысль возникла из забвения, из невежества тех, кто не понимал всей необходимости такого поиска. Но Гурджиев, человек старый, смешивал современную мысль с судорожным картезианством XIX века. Для подлинной современной мысли картези-

анство уже не является панацеей, и в пересмотре нуждается сама природа разума. Сверхсовременная мысль может привести людей к полезным размышлениям о возможном существовании иного состояния сознания — состояния пробужденного сознания. В этом смысле сегодняшние математики и физики протягивают руку вчерашним мистикам. Презрение Гурджиева (как и презрение Рене Генона, еще одного, чисто теоретического

защитника состояния Пробуждения) сейчас не в моде. И я думаю, что если бы Гурджиев был озаренным, он не ошибся бы в моде сезона. Для разума, испытывающего абстрактную необходимость в трансмутации, теперь время не презирать век, а напротив, любить его.

До сих пор состояние пробуждения упоминалось в религиозных, эзотерических или поэтических терминах. Неоспоримый вклад Гурджиева состоял в том, что он продемонстрировал возможности психологии и физиологии человека в таком состоянии. Но он с удовольствием «затемнял» свой язык, обрекая своих последователей на полное одиночество. Мы же попытаемся говорить, как люди второй половины XX века, с помощью средств, лежащих вовне. Вполне естественно, касаясь такого предмета, мы будем выглядеть в «глазах специалистов» варварами. Ха! Но ведь мы и на самом деле немногие варвары! Мы чувствуем, как в сегодняшнем мире выковывается новая душа для нового века. Наш способ набросать контуры вероятного существования «состояния пробуждения» не будет ни вполне религиозным, ни вполне эзотерическим, ни вполне поэтическим или научным. Он будет понемногу ими всеми, и не позволит ни одной из наук с его помощью добиться поставленной цели. Это и есть Возрождение: кипение смеси методов теологов, ученых, магов и детишек.

Августовским утром 1957 года при большом стечении журналистов от пирса в Лондоне отходил пакетбот в Индию. На него по трапу поднимались двое — невзрачный на вид джентльмен и дама лет пятидесяти. Это был великий биолог Дж.Б. Холдейн и его жена: они навсегда покидали Англию.

«С меня довольно этой страны и всей этой невообразимой кучи вещей в ней, — тихо бормотал он. — Например, загромодившего нас американизма. Я отправляюсь на поиск новых идей и буду свободно работать в свободной стране».

Так начинался новый этап в карьере одного из самых необыкновенных людей эпохи. С винтовкой в руках Холдейн защищал Мадрид от франкистов. Он вступил в британскую компартию, но после «дела Лысенко» разорвал свой партбилет. Теперь он отправлялся в Индию за истиной.

На протяжении тридцати лет его мрачный юмор вызывал беспокойство. На вопрос анкеты одной ежедневной газеты по поводу годовщины казни английского короля Карла I, возродившего старинные противоречия в стране, он ответил: «Если бы Карл I был геранью, то обе его отрезанные половинки выжили бы».

После своей яростной речи в клубе атеистов он получил письмо от английского католика, уверявшего его в том, что «Его святейшество папа был с ним не согласен». Тут же усвоив эту почтительную формулировку, он так начинал свои письма военному министру — «Ваше свирепейшество», министру авиации «Ваше скорейшество», а президенту лиги рационалистов — «Ваше нечестивейшество!».

В то августовское утро «левые» его собраты тоже не были сильно огорчены его отъездом, потому что, защищая марксистскую биологию, Холдейн тем не менее требовал расширения всего поля научных наблюдений, права наблюдать явления, не соответствующие рациональному, научному духу. Он отвечал им со сдерживаемой дерзостью: «Я изучаю то, что на самом деле является странным в химии и физике, но я не пренебрегал ничем другим».

Он уже давно настаивал на необходимости систематического изучения понятия о мистическом пробуждении. С 1930 года в своих книгах «Неравенство человека» и «Возможные меры» он, несмотря на свою позицию официального ученого, заявил, что Вселенная, несомненно, — это нечто гораздо более странное, чем принято думать, и что поэтические или религиозные свидетельства о высшем состоянии сознания во время бодрствования должны стать предметом научного исследования.

Такой человек неизбежно, рано или поздно, должен был бы отправиться в Индию, и нет ничего удивительного в том, что его последующие работы посвящены таким темам, как «Электроэнцефалограмм и мистицизм» или «Четвертое состояние сознания и метаболизм углекислого газа». Этого следовало ждать от человека, среди работ которого уже была и такая: «Исследование применения восемнадцатимерного пространства по отношению к основным проблемам генетики».

Наша официальная психология допускает два состояния сознания — сон и бодрствование. Но с первых дней существования до наших дней история изобилует свидетельствами наличия сверхсознания. Холдейн был, несомненно, первым современным ученым, решившим объективно исследовать это понятие.

Логика нашей переходной эпохи как раз и объясняет, почему этот человек показался и своим врагам — спиритуалистам, и своим друзьям — материалистам, человеком, любящим вставлять палки в колеса.

Мы, как и Холдейн, не должны вмешиваться в старый спор между спиритуалистами и материалистами. Вот подлинно современная позиция. Нельзя стоять и над спором — у него нет ни верха, ни низа, ни объема, ни направления.

Спиритуалисты верят в возможность высшего состояния сознания. Они видят в ней атрибут бессмертной души.

Материалисты гневно топают ногами, как только об этом заходит речь, и размахивают Декартом. Но ни те, ни другие не пытаются поближе взглянуть свободно действующий разум. Должен быть другой способ рассмотрения этой проблемы. Способ реалистический в том смысле, в котором мы понимаем этот термин: всеобъемлющий реализм, учитывающий и фантастические аспекты реальности.

Вполне возможно, что этот старый спор является философским лишь по видимости. Возможно он — не что иное, как спор между людьми, которые в силу своих функций реагируют по-разному на естественные явления. Что-то весьма похожее на спор в семье между хозяином, любящим сквозняки, и хозяйкой, которая терпеть их не может. Столкновение двух человеческих типов, которое по самой своей природе не может пролить необходимый свет. Если в действительности так и было, то сколько времени потеряно в абстрактных дискуссиях, насколько мы оказались правы, уклоняясь от бессмысленного спора, чтобы подойти с нашим «первобытным» умом к рассмотрению вопроса о состоянии пробуждения!

Рассмотрим гипотезу.

Переход от сна к бодрствованию вызывает определенное количество изменений в организме. Например, меняется артериальное давление, нервная напряженность. Если, как мы считаем, существует иное состояние, которое мы называем состоянием сверхбодрствования, то есть высшего сознания, то переход к нему должен сопровождаться различными трансформациями.

Все мы знаем, что для некоторых людей акт пробуждения бывает болезненным или, по крайней мере, весьма неприятным. Современная медицина учитывает это явление и различает — исходя из реакции на пробуждение — два типа людей.

Что же такое — состояние сверхсознания, действительно пробужденного сознания? Люди, испытавшие его, после возвращения к нормальному состоянию затрудняются его описать. Словами можно лишь весьма приблизительно описать его. Мы знаем, что его можно достичь усилием воли. Все упражнения мистиков сводятся именно к этому. Мы также знаем, что возможно, как говорил Свами Вивикананда, «человек, не знающий науки (науки мистических упражнений), может случайно впасть в такое состояние». Поэтическая литература всего мира полна свидетельствами о таких неожиданных озарениях. А сколько людей — не поэтов и не мистиков — чувствовали, как в течение доли секунды они оказыва-

лись в таком состоянии! Сравним это странное исключительное состояние с другим исключительным состоянием. Медики и психологи начинают изучать по просьбе армии поведение человека при свободном падении в состоянии невесомости. Пассажир экспериментального самолета, на определенной ускоренной параболе, парит в течение нескольких секунд в воздухе. Отмечено, что у одних такое ощущение сродни ощущению безмерного счастья, а у других оно вызывает только страх или неподдельный ужас.

Так вот, возможно, и переход — или робкая попытка — из состояния обычного бодрствования в состояние высшего сознания непонятен для одних людей и неприятен для других. Изучение психологии, связанной с состоянием сознания, находится пока еще в зародыше. Оно только начинает движение вперед. Физиология высшего состояния сознания, за редким исключением, еще не привлекла к себе внимания ученых. Если принять нашу гипотезу, то нужно признать существование рационалистического, позитивистского типа человека, агрессивного при самозащите, когда заходит речь в литературе, философии или какой-то науке о выходе его из того состояния сознания, в котором такой человек обычно пребывает.

Нужно будет признать и существование другого типа — спиритуалистического, для которого любой намек на такое возвышение разума вызывает ощущение потерянного рая. В основе огромного схоластического спора лежит скромненькое противопоставление: «люблю» — «не люблю». Но что в нас любит или не любит? Это никогда не «Я». Во мне любит или не любит это только эго. Будем же держаться как можно дальше от ложных проблем: материализм — спиритуализм, что может лишь вызвать аллергию. Самое важное — это знать, обладает ли человек в этих неисследованных областях высшими инструментами, громадными усилителями его ума, необходимым оборудованием для понимания и завоевания Вселенной, чтобы понять и завоевать себя самого, чтобы воспринять всю свою судьбу целиком.

Бодхидхарма — основатель дзэн-буддизма однажды во время созерцания уснул (то есть позволил себе по неосмотрительности впасть в состояние сознания, обычное для большинства людей). Эта ошибка показала ему настолько чудовищной, что он отрезал себе веки. Легенда гласит, что они упали на землю и тут же проросли. Так появился первый кустик чая. Чай, который отгоняет сонливость, это растение, символизирующее желание мудрецов поддерживать себя в состоянии бодрствования.

Вот почему говорят: «Вкус чая напоминает вкус дзэн».

Понятие о «состоянии пробуждения», судя по всему, такое же древнее, как и само человечество. Оно является краеугольным камнем самых древних религиозных текстов, и, может быть, уже кроманьонский человек пытался достигнуть этого третьего состояния. Датировка с помощью радиоуглерода позволила констатировать, что индейцы юго-восточной Мексики более шести тысяч лет назад съедали некоторые грибы, чтобы вызвать состояние сверхвидения. Речь опять идет о том, чтобы открыть для себя «третий глаз», превзойти состояние обычного сознания, при котором все — лишь иллюзии, продолжение видений в глубоком сне. «Пробудись, спящий, пробудись!» От Евангелия до волшебных сказок звучит один и тот же призыв.

Люди пытались обрести такое состояние в самых различных обрядах, в танцах, песнях, в умерщвлении плоти, в посте, в физических пытках, разных наркотиках и т.д. Когда современный человек поймет важность того, о чем идет речь, — а это несомненно произойдет — то будут найдены другие способы перехода к этому. Американский ученый Дж.Б. Олдс предлагает электронное стимулирование мозга (статья «Центры наслаждения в мозге», журнал «Сайентифик Америкэн», октябрь 1956). Английский астроном Фред Хойл предлагает использовать наблюдение светящихся изображений на телеэкране. (В романе «Черное облако» он писал, что черные облака в космосе между звездами являются высшими формами жизни. Это — сверхразумы, которые, пытаясь пробудить людей, посылают к ним светящиеся изображения, производящие в мозге состояние пробужденного сознания».)

Уже Г. Уэллс в своей прекрасной книге «Время кометы» вообразил, что в результате столкновения с кометой атмосфера Земли оказалась заполненной газом, вызывавшим феномен сверхвидения. Люди наконец проникли через границу, отделяющую истину от иллюзии. Они пробудились для подлинной реальности. Вдруг все практические, моральные и духовные проблемы оказались разрешенными.

Такое «пробуждение сознания» искали, кажется, до сих пор одни мистики. Если оно на самом деле возможно, то к чему его отнести? Религия твердит о Божественной милости. Оккультист — о магическом посвящении. Ну, а если речь идет о естественной способности?

Новейшая наука показывает нам, что значительные части мозгового серого вещества пока еще — «терра инкогнита». Значит, это места нахождения сил, которые мы не умеем обратить себе на пользу? Зал машин, назначение которых нам неизвестно? Инструментарий для получения будущих мутаций?

Кроме того, сегодня нам известно, что даже при самых сложных мысленных процессах человек обычно не использует и десятой части своего мозга. Следовательно, большая часть наших силовых возможностей пребывают в целинных областях. Миф, существующий с незапамятных времен, о спрятанном сокровище говорит о том же. Об этом же говорит и английский ученый Грей Уолтер в одной из важнейших книг нашей эпохи — «Живой мозг». В другой работе — «Дальше перспективы», несколько странной смеси фантастики и истинных наблюдений, философии и поэзии, Уолтер заявляет, что возможностям человеческого мозга нет никаких пределов и что наша мысль будет когда-нибудь исследовать Время, как сегодня мы исследуем пространство. В этом к нему присоединяется и математик Эрик Темпл Белл, наделивший героя своего романа «Поток времени» способностью путешествовать по всей истории космоса:

«Я открыл не очень понятным мне самому способом секрет, позволяющий мне подниматься вверх по течению событий. Это похоже на плавание. Стоит ему научиться, — не разучишься никогда. Но процесс обучения требует постоянной практики, и чтобы этого добиться, требуется напряжение мысли и мышц. Я уверен вот в чем: нет такого человека, который точно знал бы, как ему удалось впервые преодолеть свои трудности при обучении плаванию; и нет никакого сомнения, что самые большие специалисты по ясновидению не смогут объяснить другим секрет, позволяющий им подниматься вверх по течению времени».

Подобно Фреду Хойлу и другим американским, английским и русским ученым, Эрик Темп Белл пишет эссе и фантастические романы. Глуп тот читатель, который видит в этом лишь забаву великих умов. Это единственный способ пустить в обращение некоторые истины, недопускаемые официальной философией. В течение всего дореволюционного периода мысли о будущем публиковались из-под полы. Обложка сборника, на которой стоит — «научная фантастика». Вот вам обычная хитрость!

Будем придерживаться фактов. Можно приписывать состояние сверхбодрствования бессмертной душе. Нам предлагали эту мысль на протяжении тысячелетий. Но она ничуть не продвинула изучение проблемы вперед. Если, не желая идти дальше фактов, мы ограничимся констатацией того, что понятие о сверхбодрствующем состоянии — это извечное стремление человечества, то этого явно недостаточно. Да, это стремление, но это в равной степени и кое-что другое.

Выдерживание пытки, моменты вдохновения математиков, наблюдения за электроэнцефалограммами йогов и другие свидетельства должны заставить нас признать, что человек может иметь доступ к более высокому состоянию,

чем состояние нормального ясного бодрствования. Для объяснения такого состояния каждый волен выдвигать собственную гипотезу — милость Божию, либо пробуждение бессмертного «Я». Каждый может искать научное объяснение с помощью «диких методов». Пусть нас правильно поймут: мы — не догматики. Мы не пренебрегаем ничем существующим в нашу эпоху, чтобы исследовать то, что относится ко всем временам. Наша гипотеза такова:

Связи в мозге обычно устанавливаются с помощью нервного импульса. Это — медленное действие: несколько метров в секунду по поверхности нервов. Возможно, при некоторых обстоятельствах устанавливается другая форма связи — гораздо более быстрая — посредством электромагнитной волны, движущейся со скоростью света. Тогда запись и передача информации могут осуществляться на громадной скорости, свойственной электронным машинам. Ни один закон природы не противоречит существованию такого феномена. Такие волны не воспринимаются вне мозга. Это — гипотеза, которую мы выдвигали в предыдущей главе.

Если такое состояние пробуждения существует, то в чем оно выражается? Описания, приводимые поэтами, арабскими, индийскими, христианскими мистиками, никогда не собирались и не были изучены. Как это ни удивительно, но в обширном списке всевозможных антологий, опубликованных в нашу эпоху переизданий, нет ни одной антологии «состояния пробуждения». Эти описания убеждают, но в них мало ясности. Если попытаться дать на современном языке определение пробужденного состояния, то вот оно:

Обычная мысль еле-еле плетется по дороге, как показал Эмиль Мерсон. Большая часть достижений мысли — это в конечном счете результат исключительно медленного продвижения шаг за шагом в направлении очевидности. Самые восхитительные математические открытия — это равенства. Равенства неожиданные, но все равно — равенства. Великий Леонард Эйлер считал высшей вершиной математической мысли отношение:

$$e^{i\pi} + 1 = 0.$$

Это отношение, которое связывает реальное с воображаемым, является основой натуральных логарифмов и представляет собой явную очевидность. Как только это начинают объяснять ученику, изучающему все «особенное», тот сразу заявляет, что «это само бросается в глаза». Тогда для чего понадобилось столько мысленных усилий, чтобы в течение стольких лет всего лишь прийти к подобной очевидности?

В физике открытие волнообразной природы частиц — ключ, открывший современную в ней эру. И здесь речь идет об очевидности. Эйнш-

тейн писал: энергия равна mc^2 , где m — масса, а c — скорость света. Это было в 1905 году. Планк же в 1900 г. писал: энергия равна — hf , где h — константа, а f — чистота колебаний. Нужно было ждать до 1923 года, когда Луи де Бройль, этот исключительный гений, додумался написать равенство из двух уравнений:

$$hf = mc^2.$$

Мысль движется ползком даже у самых великих умов. Она не властвует над предметом.

Последний пример: с конца XVIII века учили, что масса проявляется одновременно по формуле кинематической энергии и в законе всемирного тяготения Ньютона (две массы притягивают друг друга с силой, обратно пропорциональной квадрату расстояния между ними).

Для чего нужно было ждать Эйнштейна, чтобы понять, что слово «масса» имеет один и тот же смысл в обеих классических формулах? Вся теория относительности основана на этом. Почему один-единственный ум во всей истории науки заметил это? Но почему он не увидел это сразу, а лишь через десять лет напряженных поисков? Потому что наша мысль бродит по извилистой тропинке, проложенной на одном-единственном плане, прерывающейся много раз. Идеи исчезают, возникают вновь, — в этом нет никакого сомнения. Забываются изобретения, возникают снова. И все же кажется возможным, что мысль в состоянии взмыть над этой тропинкой, не брести больше по ней, а, значительно расширив поле обозрения, передвигаться, как птицы или самолет. Это-то мистики и называют «состоянием пробуждения».

О чем идет речь? Об одном состоянии пробуждения или же о нескольких? Все побуждает думать, что таких состояний множество, как существует множество высот для полета. Первый уровень — гениальность. Остальные — неизвестны толпе и считаются легендами. Но Троя тоже была легендой, покуда раскопки не доказали, что она реально существовала.

Если бы у людей появилась реальная возможность переходить в то или иное состояние пробуждения, то поиск способов воспользоваться такой возможностью мог бы стать главной целью их жизни. Если мой мозг обладает нужными машинами, и если все это не только область религии или мифологии, если все это не только зависит «от милости Божией» или «магического посвящения», а от определенной техники, определенных внутренних или внешних позывов на включение этих машин, то тогда я начинаю понимать, что достижение состояния пробуждения, высшего па-

рения ума должна стать моим единственным стремлением, единственной амбицией, главной задачей. Если люди не сосредотачивают всех своих усилий на таких поисках, то они это делают не потому, что они легкомысленны или глупы. Это все не относится к области нравственных категорий. Немного доброй воли, кое-какие легкие усилия то здесь, то там не принесут в этом деле никакой пользы. Может, высшие инструменты нашего мозга становятся пригодными к использованию только тогда, если вся жизнь (индивидуальная или коллективная) сама становится инструментом, если она прожита так, что позволит привести эти механизмы в действие.

Если люди не ставят своей единственной целью переход к состоянию пробуждения, то лишь потому, что трудности жизни в обществе, добывание материальных средств к существованию не оставляют им свободного времени для такого занятия. Не хлебом единым жив человек, но до сих пор наша цивилизация не доказала своей способности обеспечить им всех.

По мере того как технический прогресс будет позволять людям дышать свободное, поиск «третьего состояния», состояния пробуждения, сверхвидения, заменит все другие устремления. Возможность принимать участие в таких поисках будет в конце концов признана тоже неотъемлемым правом человека. Грядущая революция будет психологической.

Представим себе человека-неандертальца, чудом перенесенного в Институт передовых исследований в Принстоне.

Стоя перед доктором Оппенгеймером, он оказался бы в положении, в котором оказались бы и мы в обществе настоящего пробужденного человека: чья мысль не брела бы по дороге, а передвигалась в трех, четырех, в энное количество измерений.

Физически мы, судя по всему, могли бы стать таким человеком. В нашем мозге достаточно клеток, достаточно возможных взаимосвязей. Но нам трудно даже представить себе, что такой ум мог бы воспринимать и понимать.

Легенда алхимиков утверждает, что манипуляции с веществом в тигле могут вызвать то, что современники называли бы радиацией или силовым полем. Эта радиация трансмутировала бы все клетки адепта, сделала бы его действительно пробужденным человеком, человеком, «живущим одновременно и здесь и по ту сторону».

Допустим, если хотите, такую гипотезу. В один прекрасный день в 1960 году человек, такой же, как и мы, манипулируя определенным образом материей и энергией, вдруг полностью изменился, то есть стал

«пробужденным». В 1955 году профессор Синглтон показал в кулуарах атомной конференции в Женеве гвоздику, выращенную им на поле, подвергнутом радиации от большого атомного реактора в Брукхейвене. До этого цветы были белыми. Теперь они стали лиловато-красными, — то есть видом, до сих пор неизвестным. Все их клетки подверглись изменениям, и они размножались побегами, а не семенами, упорно сохраняя свое новое состояние. Так и наш человек. Он теперь стал нашим высшим. Его мысль не бредет, она летит. Соединяя отличающимся от нашего способом все, что мы знаем, или же просто устанавливая всевозможные связи между достижениями нашей науки, в том ее виде, в котором она представлена в учебниках для будущих бакалавров и на курсах Сорбонны, он может прийти к концепциям, столь же для нас странным, как могли бы стать хромосомы для Вольтера или нейтрино для Лейбница. Такому человеку было бы совершенно неинтересно общаться с нами, и он даже не стремился бы блистать среди нас, пытаясь объяснить нам загадки света или тайны генов. Валери не публиковал бы своих мыслей в «Неделе Сюжетты». Этот человек оказался бы над человечеством, по ту его сторону. Он мог бы беседовать с пользой для себя лишь с людьми, наделенными таким же, как у него, умом.

Об этом можно помечтать.

Можно предположить, что различные предания посвященных возникают от контакта с умами других планет. Можно вообразить, что для человека пробужденного время и пространство не имеют больше барьеров и что возможно сообщение с разумами других обитаемых миров, — это, кстати сказать, объяснило бы, почему нас никто не посещает.

Мечтать не грешно. При условии, как пишет Холдейн, что мечты такого рода, вероятно, всегда менее фантастичны, чем реальность. Об этом нельзя забывать.

Теперь мы предложим вашему вниманию три правдивых истории. Они послужат нам иллюстрациями. Иллюстрации — это не доказательства, само собой. Но эти три истории наводят на мысль, что существуют другие состояния сознания, кроме тех, которые признаны официальной психологией. Даже понятия о гениальности, пусть и расплывчатого, недостаточно. Мы не выбирали эти иллюстрации среди жизнеописаний и работ мистиков, что было бы для нас гораздо легче и, вероятно, куда более эффективно. Но мы сохраняем наше намерение освещать этот вопрос вне всякой церкви, с несвязанными руками, как и все честные варвары...

Глава VI

ТРИ ИСТОРИИ В КАЧЕСТВЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ

История великого математика в диком состоянии. — Самая удивительная история о ясновидящих. — История завтрашнего ученого, который жил в 1750 году

РАМАНУДЖАН

днажды, в начале 1887 года, один брахман из провинции Мадрас отправился в храм богини Намагири. Уже много месяцев назад он выдал замуж свою дочь, а у супружеской пары до сих пор не было потомства. Пусть богиня плодородия Намагири поможет им. Намагири услышала его молитву. 2 декабря у супружеской четы родился мальчик, которого назвали Шриниваса Рамануджан Алиангар. Накануне богиня явилась к матери, чтобы известить ей, что ребенок ее будет необыкновенным.

Когда ему исполнилось пять лет, его отдали в школу. Необычно развитый ум мальчика вызывал всеобщее удивление. Казалось, он уже знал все то, чему его учили. Ему была выделена стипендия для продолжения обучения в лицее Кумбокнан, где он вызывал своими способностями всеобщее восхищение — и соучеников, и преподавателей. Ему было пятнадцать лет. Один из его друзей принес ему книгу из местной библиотеки под названием: «Свод элементарных выводов чистой и прикладной математики». Эта двухтомная работа — меморандум, составленный профессором Кембриджского университета Джорджем Шубриджем. В ней были перечис-

лены в кратком изложении около 600 теорем без доказательства. Этот труд произвел на молодого индийца просто фантастическое впечатление. Мозг Рамануджана неожиданно стал действовать совершенно непонятным для окружающих способом. Вначале он доказал все теоремы, а потом, исчерпав геометрию, принялся за алгебру. Позже сам Рамануджан рассказывал, что богиня Намагири являлась к нему, чтобы объяснить самые сложные расчеты. В шестнадцать лет он провалился на экзаменах, так как был слаб в английском, и его лишили стипендии. Он продолжал самостоятельно заниматься математическими исследованиями, не имея никакого диплома. Он освоил все знания в этой области, по их состоянию на 1880 год, отбросил, как ненужную, работу профессора Шабриджа. Он пошел дальше. Только ему одному удалось воссоздать, а затем и превзойти все достижения цивилизации в области математики — и все это лишь на основе одного, далеко неполного меморандума. История человеческой мысли не знает другого такого примера. Даже сам Галуа работал не один: он занимался в Политехнической школе, которая в то время считалась лучшим математическим центром в мире. Он имел доступ к тысячам работ. Он поддерживал контакт с первоклассными учеными. Рамануджаном все обстояло иначе. И тем не менее никогда еще человеческий мозг не взлетал так высоко, если его владелец имел в своем распоряжении столь ничтожные средства.

В 1909 году, после многих лет уединенной работы и нищеты, Рамануджан женился. Он искал работу. Его рекомендовали местному сборщику налогов, Рамачандре Рао, большому любителю математики. Он оставил нам рассказ об их встрече:

«Маленький человек, нечистоплотный, небритый, с глазами, подобных которым я никогда не видел, вошел в мою комнату с потрепанным блокнотом в руках. Он говорил мне о чудесных открытиях, которые были недоступны для моих знаний, и я спросил его, чем я могу ему помочь. Он сказал мне, что хотел бы зарабатывать только на пропитание, чтобы иметь возможность продолжать свои исследования».

Рамачандра Рао предложил ему крохотную пенсию. Но молодой человек был слишком горд и отказался. В конце концов ему нашли место — жалкую должность бухгалтера в Мадраасском порту.

В 1914 году его уговорили вступить в переписку с крупным английским математиком Г. Гарди, который в то время был профессором в Кембридже. Он написал ему и с той же почтой послал ему 120 доказанных им теорем. Гарди написал в ответ: «Эти записки мог написать только математик высочайшего класса. Никакой похититель идей, никакой шутник, даже гениальный, не смог бы понять таких запредельных абстракций».

Он предложил Рамануджану немедленно приехать в Кембридж. Но мать гения не отпускала сына по религиозным соображениям. И снова богиня Намагири разрешила эту трудную проблему. Она явилась старой женщине и убедила ее, что ее сын может поехать в Европу, избегая опасностей для своей души, и показала ей во сне Рамануджана, сидящего в амфитеатре большой аудитории Кембриджского университета среди англичан, которые не сдерживали своего восхищения им.

В конце 1913 года индус все же уехал. Пять лет он работал и самым чудесным образом продвигал вперед математику. Он был избран членом Королевского научного общества и назначен профессором в Тринити-колледж. В 1918 году он заболел туберкулезом и вернулся в Индию, где и умер в тридцатидвухлетнем возрасте.

У всех, кто с ним общался, остались неизгладимые впечатления о нем. Он жил только в мире чисел. Гарди посетил его в больнице и в разговоре с ним упомянул, что приехал на такси. Рамануджан спросил, какой номер у машины? 1729.

«Какое замечательное число! — воскликнул он. — Это самое маленькое число из всех, составляющих двойную сумму двух кубов!» На самом деле, $1729 = 10^3 + 9^3$; а также $12^3 + 1^3$. Гарди потребовалось целых шесть месяцев для доказательства этого, а та же задача для четвертой степени не решена до сих пор.

История Рамануджана принадлежит к числу невероятных, однако она абсолютно достоверна. Изложить простыми словами суть его математических открытий невозможно. Речь идет о наиболее абстрактных таинственных понятиях о числе, и в частности «первом числе».

Почти совсем неизвестно, что привлекало Рамануджана помимо математики. Он почти не интересовался ни искусством, ни литературой, но увлекался всем удивительным, необычным. В Кембридже он составил для себя небольшую библиотеку и картотеку о всякого рода явлениях, непостижимых для разума человека.

КЕЙСИ

Эдгар Кейси умер 5 января 1945 года, так и не постигнув тайну, которую пытался разгадать всю жизнь и которая постоянно его страшила. Фонд Эдгара Кейси в Вирджиния-Бич, в котором трудятся врачи и психологи, до сих пор продолжает анализ оставленных им досье. С 1958 года в Америке щедро финансируются исследовательские программы по проблемам ясновидения. Этим занимаются спецслужбы, которые при-

влекают людей, способных к телепатии и ясновидению, к службе в военном ведомстве. Из всех случаев ясновидения феномен Кейси — наиболее яркий, наглядный и самый необыкновенный.

Маленький Эдгар вдруг заболел. Сельский фельдшер склонился над ним у изголовья его кровати. Он никак не мог вернуть мальчика из бессознательного состояния. Неожиданно раздался голос Эдгара, ясный и спокойный, хотя он явно спал в эту минуту. «Я вам скажу, что со мной. Меня ударили бейсбольным мячом по позвоночнику. Нужно сделать особую примочку и наложить ее на основание шеи». Тем же неизменным голосом мальчик продиктовал список тех целебных растений, которые нужно было смешать и приготовить из них отвар. «Торопитесь, иначе болезнь затронет мозг».

Ошеломленные родители вместе с фельдшером не знали, что им делать, на всякий случай, они послушались больного мальчика. К вечеру лихорадка спала. На следующий день Эдгар встал, свежий, как огурчик. Он ничего не помнил. Он не знал большей части растений, которые называл. Так началась одна из самых удивительных историй в медицине. Э. Кейси, сельский парнишка из Кентукки, плохо образованный, не всегда склонный использовать свой дар, постоянно огорчавшийся из-за того, что он «не такой, как все», тем не менее лечил и вылечил, находясь в состоянии гипнотического сна, более пятнадцати тысяч больных, что должным образом засвидетельствовано и подтверждено.

Сезонный рабочий на ферме одного из своих дядей, рассыльный в книжной лавке в Хопкинсвилле, наконец, владелец маленького магазинчика фототоваров, где он намеревался мирно коротать свои дни, этот человек против своей воли стал чудотворцем. Друг его детства Эл Лейн и его невеста Гертруда употребили все свое влияние на него, чтобы навязать ему эту роль. И делали они это не из честолюбия, а лишь потому, что понимали, — не имеет он права зарывать свой талант, отказывая в помощи страждущим. Эл Лейн — такой хилый, вечно больной. Он едва передвигал ноги. Кейси согласился заснуть. Во сне он описал все симптомы его болезни, продиктовал необходимые лекарства. Проснувшись, он, поглядев на записи, закричал в страхе: «Нет, это просто невозможно! Я не знаю и половины тех слов, которые ты записал. Не принимай этих лекарств — это опасно! Я в этом ничего не смыслю, это — магия чистой воды!» Он отказался встречаться с Элом, заперся в своем фотомагазине. Через восемь дней Эл выломал к нему дверь. Никогда он еще не чувствовал себя так хорошо, как сейчас. Городок охватила лихорадка, каждый требовал консультации у Кейси. «Я не стану лечить людей только потому, что разговариваю во сне», — отказывался он. В конце концов он все же согласился. Но при условии, что он не

будет видеть пациентов, чтобы не подвергаться их влиянию, и что на сеансах будут присутствовать врачи. И он не возьмет ни гроша, самого пустякового подарка.

Диагнозы и рецепты, продиктованные им в состоянии гипноза, оказались настолько точными и эффективными, что врачи были убеждены: перед ними — весьма образованный их коллега, лишь маскирующийся под знахаря. Он ограничивался проведением двух сеансов в день. И не потому, что опасался переутомления, — нет, он просыпался не измочаленным, довольно свежим, полным сил. Просто он хотел оставаться фотографом. Он совсем не старался приобрести какие-то медицинские знания. Он ничего не читал, оставался по-прежнему крестьянским сыном с аттестатом об окончании сельской школы. Он продолжал восставать против своей странной способности. Однако в тот момент, когда он решил отказаться от своих сеансов, он оглох.

Американский железнодорожный магнат Джеймс К. Эндриус приехал к нему на консультацию. Кейси прописал ему в состоянии гипноза перечень лекарств, в том числе какую-то мускатно-шалфейную воду. Этого лекарства нигде не было, его было просто невозможно найти. Эндриус публиковал объявления в медицинских журналах — все напрасно. На следующем сеансе по его просьбе Кейси продиктовал ее состав, исключительно сложный. Наконец, Эндриус получил ответ от одной молодой женщины, врача по специальности. Ее отец, тоже врач, создавший мускатно-шалфейную воду, перестал ею пользоваться за пятьдесят лет до этого. Ее состав оказался абсолютно идентичным тому, который увидел «во сне» маленький фотограф.

Местный секретарь профсоюза медицинских работников Джон Блэкберн увлекся деятельностью Кейси. Он создал комитет из трех членов, которые, не скрывая своего изумления, следили за проводимыми Кейси сеансами, американская гильдия врачей признала необычные способности Кейси и выдала ему официальное разрешение на проведение консультации «психического характера».

Кейси женился. Как-то раз его восьмилетний сыночек Хью Линн, играя со спичками, вызвал взрыв всего запаса магнезии, повредивший ему зрение. Специалисты прочили ему в скором времени полную слепоту и предложили удалить один глаз. Придя в ужас от такой перспективы, Кейс приступил в новому сеансу. Во сне он отказался от операции и предписал двухнедельный курс примочек танниновой кислотой. Узнав о таком рецепте, все окулисты пришли в ужас. Это чистое безумие. Однако Кейси, раздираемый мучительными противоречиями, все же не посмел послушаться своих внутренних голосов. Через пятнадцать дней Хью Линн был здоров.

Однажды, после одной консультации он продолжал спать и продиктовал одну за другой еще четыре обстоятельных точных консультации. Но было непонятно, для кого они предназначались? Все объяснилось, когда через сорок восемь часов к нему пришли четверо больных на прием.

Во время одного сеанса он прописал лекарство, названное им «кордирон», и указал то место, где можно его найти, — чикагскую лабораторию. Туда позвонили по телефону. «Откуда вы знаете о кордироне? — удивились там. — Он еще не поступил в продажу. Мы буквально только что уточнили его состав и придумали название».

Кейси, страдавший от неизлечимой болезни, о которой знал лишь он, умер в день и час, названный им заранее: «В пять вечера я вылечусь окончательно... Вылечен от того, чтобы быть “чем-то другим”».

Когда во время сна его спросили, каким способом он обычно действует, он заявил (как обычно ничего не помня после пробуждения), что он в состоянии вступить в контакт с любым живым человеческим мозгом и использовать информацию, содержащуюся в этом мозгу или в мозгах сразу нескольких людей, чем и пользуется для диагноза и лечения предлагаемых ему случаев заболеваний. Он, вероятно, был наделен другим разумом, который функционировал в Кейси, используя все знания человечества, как пользуются библиотекой, но это происходило почти мгновенно или, по крайней мере, со скоростью света или распространения электромагнитных волн. Однако у нас нет никакой возможности объяснить этот странный случай Эдгара Кейси так или иначе. Единственно, что нам известно наверняка, что этот фотограф из маленького городка, не слишком любознательный и культурный, мог по желанию впадать в такое состояние, в котором его ум функционировал, как ум гениального врача, или, вернее, как умы всех врачей мира, вместе взятые.

БОСКОВИЧ

Вот тема для научной фантастики: если релятивисты правы, утверждая, что мы живем в мире четырех измерений, и если бы мы могли осознать это, тогда то, что мы называем здравым смыслом, разбилось бы вдребезги. Авторы-фантасты стараются думать в терминах пространство-время. А в плане более глубокого исследования на их теоретическом языке их усилия совпадают с усилиями крупных физиков и математиков.

Но способен ли человек мыслить в четырех измерениях? Для этого ему потребовалось бы другое строение мозга, другие структуры психики.

Может, они ждут человека, который будет жить потом, существа будущей мутации? И не находится ли уже среди нас этот грядущий человек? Романисты-фантасты это утверждают. Но ни Ван Фогт в своей прекрасной фантастической книге о «Сланах», ни Стерже в своем описании «Более, чем люди», не осмелились представить такого сказочного персонажа, каким был Роже Боскович. Кто он? Мутант? Путешественник во времени? Внеземное существо, скрывающееся за обликом этого таинственного серба?

Боскович родился в 1711 году в Дубровнике: по крайней мере так он сказал, когда в 14 лет записывался вольнослушателем в Римский иезуитский колледж. Там он изучал математику, астрономию и теологию. В 1728 году, завершив свое послушничество, он вступил в орден иезуитов. В 1736 году опубликовал свое сообщение о пятнах на Солнце. В 1740 году преподавал математику в Римской Коллегии, затем стал научным сотрудником в Ватикане. Он построил обсерваторию, занимался осушением Понтийских болот, обновил купол собора Святого Петра. Измерил меридиан между Римом и Римини на двух градусах широты. Затем он исследовал различные районы Европы и Азии, проводил раскопки в тех самых местах, где позднее Шлиман обнаружил Трою.

26 июня 1760 года он был избран членом Королевского общества и по этому случаю опубликовал одну длинную поэму, написанную полатами, о видимых явлениях на Солнце и Луне, о которой современники отзывались так: «Это Ньютон в устах Вергилия». Его принимали величайшие эрудиты своего времени, и он вел обширную переписку с доктором Джонсоном и Вольтером. В 1763 году ему было предоставлено французское гражданство. Он взял на себя руководство департаментом оптических инструментов королевского флота в Париже, где жил до 1783 года. Лаланд считал его самым великим из всех живущих в то время ученых, Д'Аламбер и Лаплас были напуганы его идеями. В 1783 году он уехал в Бассаво, где посвятил себя изданию собрания своих трудов. Умер он в Силоне в 1787 году.

Совсем недавно по предложению югославского правительства там перечитали вновь труды Босковича, главным образом его «Теорию натурфилософии», изданную в Вене в 1758 году. Удивление было всеобщим. Аллан Линдсей Маккей, рецензируя эту работу в статье, помещенной в журнале «Нью сайентист» в марте 1958 года, считает, что здесь речь идет о мыслителе XX века, вынужденного жить и работать в XVIII. Кажется, Боскович опередил не только науку своего, но и нашего времени. Он предложил единую всеобщую теорию Вселенной, общее, единое урав-

нение, по которому можно управлять механикой, физикой, химией, биологией и даже психологией. По его теории вещество, пространство и время не делятся на части до бесконечности, а состоят из точек — зерен. Это напоминает недавние работы Жана Шарона и Гейзенберга, которых, кажется, Боскович опередил. Он одинаково убедительно писал о свете, явлении магнетизма, об электричестве и всех явлениях в химии, известных в его время или открытых впоследствии, и о тех, которые еще предстояло открыть. У него можно найти кванты, волновую механику, атом, состоящий из нуклонов. Историк науки Л.Л. Уайт утверждает, что Боскович как минимум на 200 лет опередил свою эпоху: и что до конца его можно будет понять, когда произойдет, наконец, слияние теории относительности и квантовой физики.

Еще никто не дал объяснения этому удивительному явлению. Есть два издания полного собрания его трудов на сербском и на английском. В уже опубликованной переписке с Вольтером (коллекция Бестермана) среди прочих встречаются и такие вполне современные идеи, как то: проведение международного геофизического года, перенос малярии комарами, возможные применения каучука (идея, реализованная Ла Кондаминином, иезуитом, другом Босковича), существование планет вокруг других звезд, возможность локализовать психику в определенной области тела, сохранение «зернового количества» движения в мире, константа Планка, о которой тот заявил в 1958 году.

Боскович придает большое значение алхимии и дает ясные научные переводы с алхимического языка. Для него, например, четыре стихии — Земля, Вода, Огонь и Воздух — отличаются только особым расположением частиц, не имеющих ни массы, ни заряда, которые и составляют эти стихии, что приближается к передовым исследованиям, ставящим перед собой цель поиска универсального уравнения.

Но самое поразительное у Босковича — это его изучение случайностей в природе. У него можно найти статистическую механику, предложенную американским ученым Виллардом Гиббсом в XIX веке и принятую лишь в XX. У него можно встретить также и вполне современное объяснение радиоактивности (совершенно неизвестного в XVIII веке явления) посредством серии исключений из законов природы, то есть то, что мы называем «статистическим проникновением сквозь барьеры потенциала».

Почему же эти его исключительные труды не оказали влияния на современную мысль? Потому что немецкие философы и ученые, возглавлявшие научные исследования до войны 1914—1918 гг., являлись сто-

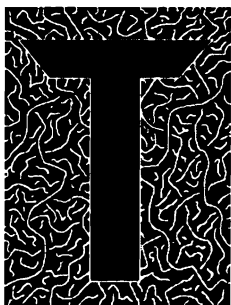
ронниками непрерывных структур, в то время как концепции Босковича были основаны на идее прерывности. И еще потому, что поиски в библиотеках и исторические работы о самом Босковиче, этом большом путешественнике, чьи работы разбросаны по всему свету, этом разностороннем ученом, происходившем из страны, подверженной непрерывным потрясениям, были очень поздно систематизированы. Когда все его работы будут собраны, когда будут найдены все воспоминания его современников, — то какая странная, беспокойная, потрясающая личность возникнет перед нашими глазами!

Глава VII

ПАРАДОКСЫ И ГИПОТЕЗЫ О ПРОБУЖДЕННОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Почему наши три истории разочаровали читателя. — Нам ничего серьезного неизвестно о левитации, бессмертии и т.д. —

И все же человек обладает даром вездесущности, он видит на расстоянии и т.д. — Что вы называете машиной? — Каким образом мог бы родиться первый пробужденный человек. — Фантастический, но тем не менее вполне разумный сон об исчезнувших цивилизациях. — Апология паутеры. — Почерк Бога

акие случаи предельно ясны. Тем не менее они рискуют разочаровать, потому что большая часть людей предпочитают образы фактам. Ходить по воде — это образ доминирования над движением, остановить движение Солнца — образ торжества над временем, доминировать над движением, владеть над временем — это, может быть, тоже реальные факты, но лишь в измененном состоянии сознания, в лоне сильно ускоренного разума. И эти факты, несомненно, могут привести к тысяче значительных последствий в осязаемой реальности, —

в технике, науке, искусствах. Но большинство людей, как только начинают им верить о другом состоянии сознания, тут же хотят видеть идущих по водам людей, останавливающих движение Солнца, проходящих сквозь стены или выглядящих лишь на двадцать, хотя им уже восемь десятков, чтобы поверить в бесконечные возможности пробужденного ра-

зума; они ждут, когда получит полное удовлетворение и снисхождение детская его часть, которая верит в образы и легенды.

Есть кое-что и другое. Столкнувшись с такими случаями, как Рамануджан, Кейси и Боскович, многие отказываются верить, что речь идет об умах совершенно других. Они лишь признают, что такие умы, как и наши, вдруг получили особую привилегию и в результате «вознеслись выше обычного» и что там, «на высоте», они получили определенные знания. Как будто во Вселенной существовал некий склад по медицине, математике, физике или поэзии, где запасаются этими знаниями эти умы, чемпионы по взлету вверх.

И такое абсурдное представление ободряет. Нам кажется, наоборот, что Кейси, Боскович, Рамануджан — это умы, оставшиеся здесь (а куда им идти?), среди нас, отличаются от наших скоростью исключительной. И дело не в уровне высоты, а в разнице скорости. Мы говорим о самых великих мистических умах. Чудеса заключены в ускорении, как в ядерной физике, так и в психологии. Мы считаем, что исходя из такого понимания и нужно изучать третье состояние сознания или состояние пробуждения.

Но если такое состояние возможно, если оно — не дар, ниспосланный с небес, милость какого-нибудь Бога, а содержится в «экипировке» мозга и тела, то разве такое устройство, если привести его в действие, не может изменить в нас не только разум, но и все остальное? Если состояние пробуждения — это свойство какой-то высшей нервной системы, то его действие должно оказывать влияние на все тело человека, наделяя его странными силами. Все предания связывают с этим состоянием пробуждение таких сил, как бессмертие, левитация, телекинез и т.д. Но разве эти силы не являются образцами того, на что способен разум, если он перешел в другое состояние, в области познания? Да и реальны ли они? Могло быть несколько вероятных случаев левитации. В том, что касается бессмертия, то нам не удалось объяснить случай Фулканелли. Больше ничего более или менее важного на сей счет мы сказать не можем. В нашем распоряжении нет никакого доказательства, полученного экспериментальным путем. И мы должны признать, что это нас меньше всего интересует. Нас привлекает не странное, а фантастическое. Этот вопрос о паранормальных возможностях человека заслуживает подхода с совершенно другой стороны. Не с точки зрения картезианской (от которой сам Декарт, живи он сегодня, отказался бы), но с точки зрения сегодняшней науки. Посмотрим на вещи глазами пришельца, высадившегося на нашей планете: левитация существует, видение на расстоянии существует,

человек обладает даром вездесущности, пользуется всемирной энергией. Самолет, радиотелескоп, телевидение, атомный реактор существуют. Это — не дары природы, а порождения человеческого ума. Такое наблюдение может показаться ребяческим, но оно животворно. Ребячество — сводить все к одному человеку. Отдельный человек не обладает даром вездесущности, не поднимается в воздух, не способен видеть на расстоянии и т.д. На самом деле такими возможностями обладает человеческое общество, а не отдельный индивидуум. Может быть, представление об индивидууме, — ребяческое представление, а предание в купе с легендами выражало, возможно, понятие о человеческой совокупности, о таком феномене, как человек...

«Вы несерьезны! Говорите нам о машине».

Вот что скажут нам рационалисты, ссылающиеся на Декарта, и оккультисты, ссылающиеся на «предание». Но что называется машиной? Вот еще один вопрос, заслуживающий иной постановки.

Несколько чернильных строчек на пергаменте — это машина? Но техника печатных цепей проводников, широко используемых в современной электронике, позволяет создать приемник для волн, состоящий из линий, начертанных разными чернилами — в одних присутствует графит, в других — медь.

Драгоценный камень — это машина? Нет, дружно отвечает хор голосов. Но кристаллическая структура драгоценного камня — это сложная машина, а алмаз используется в качестве детектора атомной радиации. Искусственные кристаллы, транзисторы заменяют одновременно электронные лампы, трансформатор, вращающиеся машины для усиления напряжения и т.д.

Ум человека использует в таких самых тонких, самых эффективно действующих приборах все более простые материалы.

«Вы играете словами, — воскликнул бы оккультист, — я говорю о проявлениях человеческого разума без всяких посредников».

Но это он играет словами.

Никогда в истории не было отмечено проявление человеческого ума. Не использующего при этом машины. Идея «ума в себе» — вредная фантазмагория. Человеческий ум использует сложнейшую машину, созданную в ходе эволюции за три миллиарда лет, — человеческое тело. И это тело никогда не было отдельным, не существовало отдельно, само по себе оно связано с Землей, с Космосом тысячей материальных и энергетических связей.

Мы не знаем всего о своем теле. Мы не знаем и всех его отношений со Вселенной. Никто не мог бы сказать, каковы пределы «человеческой этой машины» и как мог бы использовать ее ум, достигший максимума своих возможностей.

Мы не знаем всего о силах, циркулирующих в глубине нас и вокруг нас, на Земле, вокруг нее, в огромном Космосе.

Никто не знает, каковы силы природы, о существовании которых мы пока и не подозреваем, но они находятся у нас под рукой, — это силы, которые мог бы использовать человек, наделенный пробужденным сознанием, человек, имеющий прямой контакт с природой, в отличие от нашего обычного линейного разума.

Простые силы природы. Еще раз взглянем на вещи простым, варварским, ясным взглядом пришельца извне: нет ничего более простого, более легкого для создания, чем электрический трансформатор. Древние египтяне вполне могли бы построить его, зная они электромагнитную теорию. Нет ничего легче процесса высвобождения этой энергии. Достаточно растворить соль чистого урана в тяжелой воде, а тяжелую воду можно получить в течение двадцати пяти или ста лет, дистиллируя чистую воду. Машина для предсказания высоты приливов, созданная лордом Кельвином (1893), состояла из блоков, шкивов и веревочек, но именно от нее пошли наши аналоговые счетные машины и вся наша кибернетика. Ее вполне могли построить и шумеры. Вот взгляд, придающий новизну проблеме исчезнувших цивилизаций. Если в прошлом были люди, достигшие состояния пробуждения и применившие свои новые возможности не только в области философии, религии и мистики, но и в области объективного знания и техники, то вполне естественно, рационально и резонно допустить, что они могли совершать «чудеса» даже с помощью самой простой аппаратуры. Если большая часть археологов полностью отрицает существование в прошлом продвинутых цивилизаций, располагавших мощными материальными средствами, то возможность существования в любую эпоху небольшого числа пробужденных существ, использующих силы природы в качестве «подручных средств», нельзя опровергнуть. Мы также думаем, что методическое исследование археологических и исторических данных подтвердило бы эту гипотезу.

Каким же образом началось такой пробуждение? Конечно, можно сослаться на вмешательство Извне. Можно представить себе и чисто материалистическое, рациональное объяснение. Физика космических лучей уже много лет назад открыла то, что она называет чрезвычайными событиями. Событием в космической физике называют столкновение

между частицей из космоса и нашей материей. В 1957 году, как мы указывали в нашем исследовании об алхимии, была обнаружена исключительная частица с фантастической энергией — 10^{18} электровольт, а расщепление урана происходит только при 2^{10} . Допустим, что только один раз после появления человечества такая частица поразила человеческий мозг. Не могла ли высвободившаяся огромная энергия активизировать мозг и таким образом создать первого пробужденного человека? Кто знает? Он сам мог бы открыть технические средства и применить их для передачи своего нового состояния пробуждения. Эта техника в различных формах могла применяться до нашей эпохи, и «Великое Делание» алхимиков, как и Посвящение, могли быть не только легендой. Наша гипотеза — только гипотеза, не больше. Ее нельзя проверить экспериментальным путем, потому что нет искусственного ускорителя, создающего такие фантастические энергии. Очень крайний английский ученый, сэр Джеймс Джинс, писал: «Быть может, космическая радиация сделала из обезьяны человека» (в книге «Таинственный мир», 1929). Мы только подхватили эту идею, а современные данные, неизвестные сэру Джинсу, позволяют нам сказать: «Быть может, исключительные частицы «космических событий», обладающие фантастическими энергиями, сделали из человека сверхчеловека».

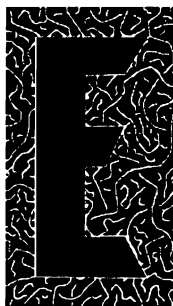
Хорхе Луис Борхес пишет в одном из своих рассказов, как один человек, мудрец, посвятил свою жизнь поискам среди бесчисленных знаков природы неизреченного имени Бога, числа выражающего, великую тайну. Ему пришлось немало пережить, пройти через множество бедствий и лишений, но однажды его арестовала полиция местного принца, и он был осужден на съедение пантерой. Его бросили в клетку. С другой стороны решетчатой перегородки, которую должны были вот-вот поднять, хищник готовился к пиршеству. Наш мудрец посмотрел на животное и, глядя на пятна на его шкуре, он обнаружил в ритмическом движении форм тела число, имя, которое он так долго искал. Теперь он знал, почему ему придется умереть, и он умрет умиротворенным, а это вовсе не означает умереть.

Вселенная пожирает нас и выдает нам свою тайну, и все зависит от того, умеем ли мы ее созерцать. В высшей степени вероятно, что самые тонкие, самые глубокие законы жизни и судьбы, всего сотворенного, ясно записаны в окружающем нас материальном мире, и Бог оставил свою запись на вещах, как для нашего мудреца на шкуре пантеры, и что достаточно одного определенного взгляда... Пробужденным человеком и будет человек с таким определенным взглядом.

Глава VIII

НЕКОТОРЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ПРОБУЖДЕННОМ СОСТОЯНИИ

Антология, которую предстоит составить. — Высказывания Гурджиева. — Мое пребывание в школе для пробужденных. — Рассказ Раймона Абеллио. — Размышления Рене Алло о состоянии высшего сознания. — Восхитительный текст Густава Майринка, неизвестного гения

Если состояние пробуждения существует, то в здании современной психологии не достает одного этажа. Вот четыре документа, относящиеся к нашей эпохе. Мы их не подбирали, у нас не было времени, чтобы как следует все разведать. Антологию современных свидетельств и исследований о состоянии пробуждения предстоит еще составить. Она будет очень полезна. Она вновь установит связи с преданиями. Она продемонстрирует постоянство сущности в нашем веке. Она осветит своим светом кое-какие пути будущего. Литераторы найдут в ней ключ, исследователи гуманитарных наук — свой сти-

мул. Ученые увидят в ней нить, ведущую через все крупные авантюры разума и в результате не будут чувствовать себя такими изолированными. Само собой разумеется, собирая документы, находившиеся у нас под рукой, мы ни на что не претендовали. Мы только хотели собрать краткие указания на возможную психологию состояния пробуждения в его элементарных формах.

В этой главе вы обнаружите:

1. Строки из высказываний главы школы Георгия Ивановича Гурджиева, собранные философом Успенским;
2. Мое собственное свидетельство о попытках пройти по пути состояния пробуждения под руководством инструкторов школы Гурджиева;
3. Рассказ романиста и философа Раймона Абеллио о его личном опыте;
4. Самый восхитительный, на наш взгляд, текст из всей современной литературы об этом состоянии. Этот текст взят из неизвестного романа австрийского поэта, писателя и философа Густава Майринка, чьи произведения не переведенные на французский, за исключением «Зеленого лика» и «Голема», поднимаются до вершин мистической интуиции.

I. ВЫСКАЗЫВАНИЯ ГУРДЖИЕВА

«Чтобы понять различие между состояниями сознания, нужно вернуться к первому — ко сну. Это совершенно субъективное состояние. В нем человек погребен в свои сны, и неважно, сохраняет ли он воспоминания о них или нет. Даже если реальные впечатления беспокоят спящего, такие как звуки, чей-то голос, жара, холод, ощущения собственного тела, они вызовут в нем только фантастические образы. Потом человек просыпается. На первый взгляд, это — совершенно иное состояние сознания. Он может двигаться, разговаривать с другими, строить планы, видеть опасности, избегать их и т.д. Вполне разумно можно допустить, что он сейчас находится в лучшем положении, чем когда спал. Но если взглянуть на это поглубже, если бросить взгляд на его внутренний мир, на его мысли, на причины его действий, то мы поймем, что он находится почти в таком же состоянии, что и во время сна.

Даже хуже. Во сне он пассивен, то есть, он ничего не может делать. В состоянии же бодрствования, напротив, он может действовать все время, и результаты его действий отражаются на нем самом и на его окружении. Но он не вспоминает о себе. Он — машина, все только происходит с ним.. Он не может остановить поток своих мыслей, он не в состоянии контролировать свое воображение, свои эмоции, свое внимание. Он живет в субъективном мире — «я не люблю» — «это мне нравится» — «это мне не нравится», «я хотел бы» — «я не хотел бы», то есть в мире, состоящем из того, что, как он подставляет, он любит или не любит, чего он хочет или не хочет. Он не видит реального мира. Реальный мир скрыт от него стеной воображения. Он живет во сне. Он опит. И то, что он называет своим «ясным сознанием», — это только сон, причем гораздо более опасный, чем его ночной сон в постели.

Рассмотрим какое-нибудь событие в жизни человечества. Например, войну. В настоящий момент идет война. Что это означает? Это означает, что многие миллионы спящих стараются уничтожить многие миллионы других спящих. Они, вполне естественно, от этого отказались, если бы проснулись. Все, что ныне происходит, вызвано их сном.

Эти два состояния — сон бодрствование — в одинаковой степени субъективны. Только вспоминая о самом себе, человек может действительно проснуться. Тогда вся жизнь вокруг приобретает иной вид и иной смысл. Он видит ее как жизнь спящих людей, жизнь во сне. Все, что люди говорят и делают, они говорят и делают во сне. Поэтому ничто из этого не может иметь ни малейшей ценности. Только пробуждение и то, что ведет к пробуждению, обладает реальной ценностью.

«Сколько раз вы меня спрашивали, нельзя ли предотвратить войны? Возможно, ли такое? Несомненно, такое возможно. Для этого было достаточно того, чтобы люди проснулись. Это нам кажется таким пустяком. Напротив, нет ничего труднее, потому что сон вызывается и поддерживается всей окружающей жизнью, всеми условиями окружающей среды.

Как проснуться? Как избавиться от этого сна? Эти вопросы — самые важные, самые жизненные из всех, которые только может задать человек. Но прежде чем задать их себе, он должен убедиться в самом факте сна. И он сможет убедить себя в этом, лишь предприняв попытку проснуться. Как только он поймет, что он себя не помнит, и возможность вспомнить о себе означает до какой-то степени пробуждение, когда он убедится на собственном опыте, как трудно вспомнить о себе самом, тогда поймет, что одного его желания для пробуждения мало. Строго говоря, мы в таком случае скажем, что человек не может проснуться сам. Но если двадцать человек условятся, что тот из них, кто проснется первым, разбудит остальных, то у них появляется шанс. Но даже этого недостаточно, потому что эти двадцать человек могут спать и видеть во сне, что они пробуждаются. Но и этого мало. Нужно что-то еще. За эти двадцатью людьми должен следить человек, который сам не спит, и не засыпает так легко, как остальные, или который сознательно будет спать при такой возможности, если от этого не возникнет никакого зла ни для него самого, ни для других. Они должны найти такого человека, нанять его, и потребовать от него, чтобы он их будил и не давал им больше погружаться в сон. Без этого невозможно проснуться. Вот что нужно понять.

Можно размышлять в течение тысячи лет и можно написать целые библиотеки книг, выдумывать миллионы теорий, и все это делать во сне, не имея никакой возможности, чтобы проснуться. Напротив, все эти тео-

рии, все эти книги, придуманные или написанные спящими, вовлекут в состояние сна других людей, а те других и т.д.

Нет ничего нового в идее сна. Почти от самого сотворения мира людям было сказано, что они спят и что они должны проснуться. Сколько раз мы читаем в «Евангелиях»: «Пробудитесь!»; «Бодрствуй!»; «Не спи-те!». Ученики Христа даже в Гефсиманском саду опали, когда их Учитель молился в последний раз. Этим сказано все. Но понимают ли это люди? Они принимают это за риторическую фигуру, за метафору. Они вовсе не видят, что все это нужно воспринимать буквально. И здесь тоже легко понять, — почему. Им следовало бы хоть немножко проснуться, или, по крайней мере, предпринять такую попытку. Серьезно мат часто спрашивали, почему в Евангелиях ничего не говорится о сне... Но об этом говорится чуть ли не на каждой странице. Это доказывает, что люди читают Евангелие во сне.

Что обычно требуется, чтобы разбудить спящего человека? Каково общее правило? Нужна хорошая встряска. Но если человек крепко спит, встряхнуть его один раз — недостаточно. Нужен продолжительный период непрерывной встряски. Нужен еще тот, кто будет его трясти. Я уже говорил, что человек, который хочет проснуться, должен нанять себе помощника, который позаботится об этом, — будет трясти его в течение продолжительного времени. Но кого нанять, если все спят? Он нанимает кого-нибудь, поручает ему разбудить себя, а тот тоже засыпает. В таком случае какая от помощника польза? Что касается человека, который способен длительное время бодрствовать, то он, вероятно, откажется будить других, не станет терять на них своего драгоценного времени, — у него полно других важных дел.

Можно разбудить себя о помощью механических средств. Можно воспользоваться будильником. Но беда в том, что люди очень быстро привыкают и любому будильнику. Его попросту перестают слышать. Потребуется множество будильников с различными по интенсивности звонками. Человек должен буквально вооружить себя будильники, которые своим трезвонком не дадут ему спать. И здесь снова возникают трудности. Будильники нужно заводить, а чтобы их заводить нужно об этом помнить, а чтобы об этом помнить, нужно часто просыпаться. Но самое худшее ожидает впереди: человек привыкает ко всем своим будильникам и со временем только крепче спит под их перезвон. Поэтому будильники нужно постоянно менять, все время изобретать новые. Со временем это поможет человеку проснуться. Но очень мало шансов, что он проделает эту работу сам, без посторонней помощи — будет изобретать, заво-

дить и менять все эти будильники. Гораздо вероятнее, что приступив к этой работе, он не замедлит уснуть и во сне уже будет видеть, что он якобы изобретает будильники, меняет их и, как я уже сказал, будет только крепче спать.

Так что для пробуждения нужны объединенные усилия. Необходимо, чтобы был кто-нибудь, чтобы будить спящего; чтобы бил кто-нибудь, чтобы слезть за тем, кто будит; нужно иметь будильники в своем распоряжении и постоянно изобретать новые.

Но чтобы успешно пронести такое мероприятие и добиться результатов, определенное количество людей долго работать вместе.

Отдельный человек ничего не сможет сделать. Прежде всего, он нуждается в помощи. Но одинокий человек не может на нее рассчитывать. Те, кто могут помочь, очень ценят свое время. И, вполне естественно, они предпочтут оказывать помощь сразу двадцати или тридцати людям, желающим проснуться, чем одному — единственному. Более того, как я уже сказал, человек может легко ошибиться в отношении своего истинного пробуждения, принять за него то, что является лишь новым сном. Если несколько человек решат совместно бороться со сном, то они будут будить друг друга по очереди. Часто будет наблюдаться такая картина — два десятка будут спать, но двадцать первый проснется и разбудит остальных. То же самое происходит и с будильником. Один человек изобретет будильник, второй изобретет другой, после чего они смогут обмениваться своими изобретениями. Все шесте они смогут стать друг для друга отличными помощниками, и без такой взаимной помощи никто из них не сможет добиться ничего. Так что человек, собирающийся проснуться, должен искать других, тоже желающих проснуться, чтобы действовать с ними заодно. Но как говорится, легче сказать, чем сделать, потому что такая работа, ее организация с самого начала требуют знаний, которыми человек обычно не обладает. Работа должна быть хорошо организована, и это обязанность начальника. Без таких двух условий она не даст ожидаемых результатов, и никакие усилия не разбьют спящих. Кажется, некоторым людям труднее всего понять это именно это. Сами, по собственной инициативе они могут затратить гораздо большие для этого усилия, их первые жертвы должны будут кому-то подчиняться, но ничто в мире их никогда не убедит в необходимости этого. И они не хотят признать, что в таком случае все эти жертвы ни к чему.

Работа должна быть хорошо организована. А это может сделать только человек, знающий ее задачи и цели, знающий ее методы, поскольку он сам в свое время проделал такую организованную работу».

(Эти высказывания Гурджиева взяты из работы П. Д. Успенского «Фрагменты неведомого учения». Париж, 1950).

II. МОИ ДЕБЮТЫ В ШКОЛЕ ГУРДЖИЕВА

«Возьмите часы», — сказали нам, — посмотрите на большую стрелку, стараясь сохранять восприятие самого себя и сосредоточиться на мысли: «Я — Луи Повель в этот момент нахожусь здесь». Старайтесь думать только об этом, просто следите за движением большой стрелки, продолжая осознавать самого себя, свое имя, самочувствие и место своего нахождения».

Сначала это мне показалось очень простым и даже немножко смешным. Само собой разумеется, что я могу удержать в уме мысль о том, что меня зовут Луи Повель и что в данный момент я нахожусь здесь, слежу за очень медленным движением большой стрелки моих часов. Потом я очень быстро заметил, что эта мысль очень недолго останется во мне неподвижной, что она начинает приобретать тысячу форм, растекаться во всех направлениях, как предметы, которые Сальвадор Дали превращает в текучую грязь. Но я еще должен признать, что от меня требуют поддерживать живую, фиксированную мысль, а восприятие. От меня требуют не только думать, что я существую, что я есть я, но знать это, абсолютно сознавать этот факт. Я чувствую, что такое возможно, и что это может произойти во мне, что принесет мне нечто новое и весьма важное. Я обнаруживаю, что тысяча мыслей или теней мыслей, тысяча ощущений, образов и ассоциаций идей, совершенно чуждых предмету, на который направлены мои усилия, непрерывно осаждают меня и отвлекают от таких усилий. Порой еще эта стрелка, которая привлекает все мое внимание, и, глядя на нее, я теряю себя из вида. Порой мое тело, сокращение мышц в ноге, какое-то движение в животе, отрывают меня одновременно в от стрелки и от меня самого. Порой я думаю, что остановил крутить свое маленькое кино, устранил внешний мир, но тут же замечаю, что погружился в подобие сна, когда стрелка исчезла или это я сам исчез, и в этом моем состоянии продолжают сталкиваться друг с другом образы, ощущения, мысли. Как за тюлевой занавеской, как во сне, который изворачивается сам по себе, когда я сплю. Порой в какую-то долю секунды, я смотрю на эту стрелку, и ощущаю себя целиком, полностью. Но в те же секунды я поздравляю себя с тем, что это произошло; моя мысль, если можно так выразиться, аплодирует, и тут же мой разум, хватаясь за этот успех, чтобы ему порадоваться, тут же безвозвратно его сводит на нет,

вконец, раздосадованный, невероятно уставший, я как можно быстрее отказываюсь от этого опыта, потому, что, как мне кажется, я пережил самые трудные минуты в своей жизни, что меня постепенно лишили воздуха, и я уже не мог больше этого терпеть и сопротивляться. Какой долгой мне показалась эта процедура! Но прошло и более двух минут, и за эти две минуты у меня возникало ощущение самого себя лишь в течение трех-четырех коротких всплесков. И я должен был признать, что мы почти никогда не осознаем самих себя и почти никогда не осознаем, насколько трудно это осознание.

Состояние сознания, — говорили нам, — прежде всего, состояние человека, наконец, понимающего, что он почти никогда себе не осознает, и отдающего себе отчет в тех препятствиях внутри него, которые мешают предпринимаемым им усилиям. Выполнив такое небольшое упражнение, вы теперь знаете, что человек может читать книгу, например, соглашаться скучать, выражать свой протест или чем-то увлекаться, ни на секунду не сознавая того, что он существует, а значит, ничто из прочитанного им не адресовано действительно ему. Его чтение это сон, прибавляемый к его собственным снам, погружение в вечное течение бессознательного. Потому что наше подлинное сознание может быть — и почти всегда бывает — совершенно отрешенным от всего того, что мы делаем, думаем, воображаем, чего хотим.

И тогда я понял, что разница между состоянием сна и обычным бодрствованием, когда мы говорим, действуем и т.д. очень невелика. Наши сны невидимы, как звезды с наступлением дня, но они не исчезают, и мы продолжаем жить под их воздействием. Мы после пробуждения стали только критически относиться к нашим собственным ощущениям, наши мысли стали лучше контролироваться, наши действия стали более дисциплинированными, появилось больше живости, впечатлений, чувств, желаний, но мы по-прежнему пребываем в бессознательном состоянии. Речь идет не о подлинном пробуждении, а о «бодрствующем сне», и в этом состоянии «бодрствующего сна» проходит почти вся наша жизнь. Нас учили, что можно вдруг пробудиться, приобрести состояние сознания себя самого. В этом состоянии, как я убедился во время опыта с часами, я мог получать, благодаря функционированию моей мысли, разворачивающиеся передо мной образы, идеи, ощущения, чувства, желания, объективное осознание.

В этом состоянии я мог попытаться предпринять усилие и продолжать его, реальное усилие, чтобы изучать эту вереницу образов, время от времени останавливая ее и изменяя. И такое усилие, говорили мне, создаст

во мне определенное существование. Это усилие не приводило ни к чему, — ни к этому, ни к тому.

Достаточно того, чтобы оно было, чтобы оно создавало во мне, накапливало субстанцию моего существования. Как мне говорили, тогда я смог бы, обладая такой фиксированной сущностью, достичь «объективного сознания» и что тогда мне будет доступно совершенно объективное, абсолютное сознание не только самого себя, но и других людей, вещей, всего мира. («Господин Гурджиев». Париж, 1954 г.)

III. РАССКАЗ РАЙМОНА АБЕЛЛИО

Когда, находясь в «естественном» состоянии, я, как и все люди, «вижу» дом, то мое восприятие самопроизвольно, и я воспринимаю дом, а не свое восприятие его. Наоборот, в «трансцендентном» состоянии воспринимается мое восприятие. Но это восприятие восприятия радикальным образом изменяет первоначальное состояние. Пережитое состояние, наивное вначале, утрачивает свою самопроизвольность фактически из-за того, что объектом новой рефлексии становится то, что прежде было «состоянием», а не «объектом», и что среди элементов моего нового восприятия фигурируют не только восприятия самого дома, как такового, но и само восприятие, как пережитого мной процесса. Существенно важным в таком «изменении» является то, что сопутствующее видение, возникающее у меня в этом бирефлекторном, или, вернее, рефлекторно-мыслительном состоянии, этого дома, который был моей первоначальной целью, не только не теряется, не удаляется и не заглушается этим наложением моего вторичного восприятия на восприятие первичное, а парадоксальным образом интенсифицируется, становится более ясным, более присутствующим, более нагруженным объективной реальностью, чем прежде. Мы стоим здесь перед фактом, который нельзя объяснить с помощью чисто спекулятивного анализа: фактом трансформации вещи как бы нашим сознанием, ее превращения, как мы скажем позднее, в «сверхвещь», ее перехода от состояния знания в состояние познания. Этот факт обычно неизвестен, хотя он наиболее разительный из всех экспериментов феноменологии реального. Все трудности, с которыми приходится сталкиваться вульгарной феноменологии и всем классическим теориям «познания», заключаются в том, что они, эти теории, рассматривают пару понятий: сознание — познание (или точнее сознание — знание), способную исчерпать всю полноту пережитого, хотя в действительности следовало бы рассматривать триаду: дознание — сознание — знание, которая одна обеспечивает реально онтологическую основу феноменологии. На самом

деле, ничто не может сделать столь очевидным такое преобразование, кроме прямого и личного опыта самого феноменолога. Но никто не может утверждать, что понял подлинную трансцендентную феноменологию, если только он не осуществил с успехом такой опыт и не получил во время его проведения «озарения». Будь он самым тонким диалектиком, самым проницательным логиком, но если он не пережил этого и не видел за одними вещами — другие, то он может лишь произносить громкие речи по феноменологии, но не заниматься активно самой феноменологией. Возьмем один наиболее точный пример. Насколько мне позволяют судить мои воспоминания, я всегда умел распознавать краски, — синюю, красную, желтую. Их видел мой глаз, у меня был скрытый опыт на этот счет. Правда, мой глаз «не спрашивал» меня о цвете этих красок, да и как он мог задавать мне вопросы? Его функция заключается в том, чтобы видеть, а не видеть себя в процессе видения, но мой мозг пребывал как бы во сне, он вовсе не был глазом глаза, а лишь простым продолжением этого органа. Я только говорил, почти не задумываясь: вот красивый красный, чуть приглушенный зеленый, блестящий белый... Однажды, несколько лет назад, я прогуливался среди виноградников, амфитеатром возвышающихся над озером Леман, создававших один из самых красивых пейзажей в мире. Вид был таким прекрасным, таким величественным, что мое «Я» независимо от меня расширилось и растворилось в нем, оно то и дело обретало себя, восторгалось, и вот неожиданно произошло событие, для меня необыкновенное. Я сто раз видел охру растительности крутого ската, синеву озера, лиловатость Савойских гор и в глубине их сверкающие ледники Гра Комбен. Но я впервые тогда понял, что никогда их не видел, хотя жил там уже три месяца. Этот пейзаж, правда, не растворил меня в себе; но ему во мне отвечало лишь сбивчивое восхищение. Правда, «Я» философа сильные всех пейзажей. Острое чувство красоты лишь вновь захватило мое «Я», которое укрепляется от бесконечного расстояния, отделяющего нас с ним от нее.

Но в тот день я неожиданно понял, что это я сам создавал этот пейзаж, что он был бы ничем без меня: «Это я тебя вижу, я вижу себя видящим тебя и, видя себя, я создаю тебя». Этот истинный крик изнутри — крик демипурга во время сотворения «ним» мира. Он не только приостановка «старого» мира, он — проекция мира «нового». И в одно мгновение мир на самом деле был создан заново. Никогда я не видел подобных красок. Они были во сто раз интенсивнее, богаче оттенками, более живые. Я знал, что приобрел ощущение красок, что мне стало доступно девственное восприятие цветов, которые я до тех пор не видел на

картине, или во Вселенной живописи. Но я также знал, что через этот призыв моего сознания, через восприятие моего восприятия я получал ключ от этого преображенного мира, который не является каким-то таинственным потусторонним миром, но миром подлинными, миром, в котором «природа» удерживает нас пленниками. В этом нет ничего общего с вниманием. Преображение обладает полнотой, а внимание — нет. Преображение познается в своей достаточной определенности, а внимание тяготеет к грядущей достаточности. Нельзя сказать, конечно, что если у внимания нет полноты, то оно — пустота. Напротив, оно наполнено жадностью видеть. Но такая жадность — это не полнота. Когда в тот день я вернулся в деревню, тех, кого я встречал по дороге, были весьма «внимательны» к своей работе; но мне они все казались каким-то сомнамбулами (Раймон Абеллио. «Тетради кружка метафизических исследований»).

IV. ВОСХИТИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТ ГУСТАВА МАЙРИНКА

Ключ, который делает нас хозяевами своей внутренней природы, ржавеет со времен потопа.

Он зовется — бодрствование.

Бодрствование — это все.

Человек твердо убежден, что он бодрствует, но на самом деле он угодил в сети сна, сплетенные им самим. Чем плотнее эта сеть, тем сильнее царящий сон. Запутавшиеся в ее ячейках — эти спящие идут по жизни, равнодушные, без всякой мысли, как стадо скота, гонимое на бойню.

Спящие видят мир сквозь сеть, они замечают лишь обманчивые дырки, действуют соответствующим образом и даже не знают, что наблюдаемые ими картины — это лишь бессмысленные осколки громадного целого. Эти спящие не являются, как ты, вероятно, думаешь, фантастами и поэтами; нет, это неутомимые безмолвные труженики мира, которых подмывает безумное желание действовать. Они похожи на примитивных жуков-скарабеев, которые карабкаются по скользкой трубе только ради того, чтоб оказаться наверху. Они говорят, что бодрствуют, но то, что они считают жизнью, на самом деле — только сон, вплоть до деталей, предопределенный заранее и неподвластный их воле. Может, есть еще несколько людей, которые поняли, что они спят, это — пионеры, выдвинувшиеся к бастионам, за которыми скрывается вечно бодрствующее «Я», ясновидящие, такие, как Декарт, Шопенгауэр, Кант. Но у них нет необходимых орудий для взятия крепости, и их призыв к бою, увы, не разбудит спящих.

Бодрствование — это все.

Первый шаг к этой цели настолько прост, что его может сделать каждый ребенок. Только тот, у кого повредился разум, забыл о том, как ходят, и остается паралитиком на двух ногах только потому, что не желает воспользоваться костылями, унаследованными им от предшественников.

Бодрствование — это все.

Бодрствуй во всем, что делаешь! Не считай себя уже пробужденным. Нет, ты спишь и видишь. Собери все свои силы и пусть ручейком пробежит в твоём теле такое чувство: теперь я бодрствую!

Если тебе это удастся, ты тотчас же узнаешь, что состояние, в котором ты находился прежде, было дремой и сном. Это — первый, неуверенный шаг в долгом, долгом путешествии, которое ведет от рабства ко всемогуществу.

Таким образом, иди вперед, от пробуждения к пробуждению!

Нет ни одной мучительной мысли, от которой ты не сможешь отделаться. Она остается позади и уже тебя не догонит. Ты раскрываешься над ней, как раскрывается крона деревьев над сухими ветвями.

Всякая боль отлетит от тебя, как слетают опавшие листья, когда это бодрствование охватит все твоё тело. Ледяные ванны браминов, ночные бдения последователей Будды и христианских аскетов, пытки, через которые проходят индийские факиры, все это нечто иное, как застывшие обряды, указующие на то, что здесь когда-то возвышался храм тех, кто старался бодрствовать.

Прочти Священные писания всех народов. В каждом из них красной нитью проходит скрытая наука бодрствования. Это — лестница Иакова, вместе с ангелом Господним, побеждающая всякую «ночь» до тех пор, пока не настанет «день» полной победы.

Ты должен подниматься по ступеням воображения, если только хочешь победить смерть. Уже низшая ступень называется гением. Как в таком случае назвать высшие? Они остаются неизвестными толпе и считаются легендарными. Но историю Трои считали легендарной до тех пор, пока не нашёлся человек, достаточно сильный, чтобы начать раскопки о себе самом.

Первым врагом, которого ты встретишь на пути к пробуждению, будет твоё собственное тело. Оно будет бороться с тобой до первых пелухов. Но если ты узришь день вечного бодрствования, который отделит тебя от сомнамбул, считающих себя тем не менее людьми и не знающих, что они — спящие боги, тогда сон твоего тела пройдет, и тебе подчинится Вселенная. Тогда ты сможешь совершать чудеса, если захочешь, и больше не будешь вынужденно ждать, как смиренный раб, пока жесто-

кий мнимый бог не окажется настолько любезным, чтобы либо засыпать тебя подарками, либо отрубить тебе голову.

Счастья хорошей, верной собаки, заключающееся в служении своему хозяину, у тебя, естественно, не будет, но оставайся искренним с самим собой: захочешь ли ты поменяться местами со своей собакой?

Не бойся, что не достигнешь цели в этой жизни. Нашедший такой путь всегда вернется в мир, достигнув такой внутренней зрелости, которая позволит ему продолжать свою работу. Он рождается теперь «гением».

На тропинке, которую я показываю тебе, полно странных событий: мертвые, которых ты знал, восстанут и заговорят с тобой. Но это лишь образы! Светящиеся силы явятся тебе и благословят тебя. Это только образы, формы, возбужденные твоим телом, которое под воздействием твоей преображенной воли умрет магической смертью и станет духом, подобно тому как лед, опаленный огнем, превращается в пар.

Когда разложится труп внутри тебя, то только тогда сможешь ты сказать: теперь сон ушел от меня навсегда. Тогда совершится чудо, в которое люди не могут поверить, потому что, обманутые обоими чувствами, они не понимают, что материя и сила — это одно и то же, и даже если тебя похоронят, в твоём гробу не окажется трупа.

Тогда только ты сможешь различить, что является реальностью, а что ее видимостью. Тот, кого ты встретишь, будет только одним из тех, кто проследовал по этому пути до тебя.

Все остальные тени.

До сих пор ты не знаешь, являешься ли ты самым счастливым или самым несчастным созданием на свете. Ничего не бойся. Ни один из тех, кто вступил на тропинку бодрствования — даже если, ли он сбился с пути, — не был покинут своими проводниками.

Я хочу передать тебе знак, по которому ты сможешь узнать, что перед тобой, — реальность или привидение: если оно приближается к тебе, если твое сознание мутилось, если то, что принадлежит внешнему миру, смутно или исчезает, — берегись! Будь настороже! Привидение — это часть тебя самого. Если ты его не понимаешь, то это — бесплотный призрак, вор, похищающий у тебя часть твоей жизни.

Воры, крадущие душевные силы, хуже, чем воры реального мира. Они влекут тебя, как болотные огоньки, и уведут в трясины обманутой надежды, бросают тебя одного во мраке и исчезают после навсегда. Не давай ослепить себя никакому чуду, которое они якобы сотворяют для тебя, не верь никакой их клятве, никакому их пророчеству, даже если оно

осуществится: они — твои смертельные враги, изгнанные из ада твоего собственного тела, с которым ты ведешь борьбу за власть.

Знай же, что чудодейственные силы, которыми они располагают, это твои собственные силы. Они не могут существовать вне твоей жизни. Но если ты их победишь, они станут безмолвными и усердными инструментами, которые ты сможешь использовать для своей пользы.

Бесчисленное число их жертв среди людей. Прочти историю визионеров и сектантов, и ты узнаешь, что тропинка, по которой ты идешь, завалена черепами.

Бессознательно человечество воздвигало против них стену — стену материализма. Эта стена — надежная защита, она — образ тела, но она также и тюремная стена, закрывающая обзор

Сегодня она разрушена, и феникс внутренней жизни восстал из пепла, в котором он долго почивал как мертвый, но коршуны из другого мира уже начинают бить крыльями. Вот почему — остерегайся! Весы, на которые ты бросишь свое сознание, покажут тебе, когда ты сможешь довериться этим привидениям. Чем более бодрствующим окажется твое сознание, тем больше склонится в твою пользу эта чаша.

Если проводник, брат из иного, духовного мира, захочет к тебе явиться, то он должен это сделать не обворовывая твое сознание. Ты можешь возложить персты на его бок, как Фома неверующий. Можно легко избежать привидений и всех связанных с ними опасностей. Для этого нужно только вести себя как обычный человек. Но что ты этим выиграешь? Ты останешься в темнице своего тела, покуда палач по имени «Смерть» не ответит тебя на эшафот.

Желание смертных лицезреть сверхъестественные существа, — это громкий крик, который пробуждает даже призраков в аду, ибо такое желание нечисто, потому что оно — скорей жадность, чем желание, потому что человек в этом случае стремится каким-то способом «взять», вместо того, чтобы научиться «давать».

Все те, кто считает Землю тюрьмой, все набожные люди, умоляющие о спасении, сами того не сознавая, вызывают к миру призраков. То же делай и ты. Только сознательно.

Те, кто делает это бессознательно, не знают, существует ли невидимая пука, могущая вывести их из болота, в которое они забрели. Я лично верю в это.

Когда на твоем пути пробуждения ты пройдешь через царство призраков, то постепенно узнаешь, что они, эти призраки, — просто мысли, которые ты сможешь вдруг увидеть собственными глазами. Вот почему

они кажутся тебе чуждыми для тебя творениями, потому что язык форм отличается от языка интеллекта.

Тогда наступает момент превращения: окружающие тебя люди станут призраками. Все, кого ты любил, превратятся в личинок. Даже твое собственное тело. Можно ли представить себе более ужасное одиночество, чем одиночество паломника в пустыне, который не знает, где найти источник и поэтому умирает от жажды?

Все, что я говорю тебе здесь, находится в книгах набожных людей у всех народов: пришествие нового царствия, бодрствование, победа над телом и одиночеством. Но от этих людей нас отделяет непреодолимая пропасть. Они верят, что близок день, когда праведные войдут в рай, а неправедные будут брошены в ад. Мы знаем, что наступит время, когда многие пробудятся и будут отделены от спящих, которые не могут понять, что означает слово «бодрствование». Мы знаем, что нет ни добра, ни зла, а есть только правильное и ложное. Они считают, что бодрствовать — значит сохранять свои чувства в полной их ясности, а глаза нужно держать открытыми всю ночь, чтобы можно было молиться. Мы же знаем, что бодрствование — это пробуждение нашего бессмертного «Я» и что бессоница тела — его естественное следствие. Они верят, что телом нужно пренебрегать и презирать его, потому что оно грешно. Мы знаем, что греха нет: тело начало наших всех деяний, и мы спустились на Землю, чтобы превратить его в дух. Они верят, что мы должны жить в одиночестве со своим телом, чтобы тем самым очистился дух. Мы знаем, что наш дух вначале должен испытать одиночество, чтобы потом преобразить тело.

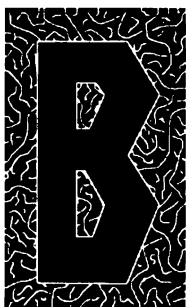
Тебе одному предстоит сделать выбор, определить свой путь, — наш или их. Ты должен действовать так, как тебе приказывает твоя воля.

У меня нет права советовать тебе. Лучше сорвать горький плод по своему собственному решению, чем — сладкий, по совету другого. Но не поступай, как многие, знающие, что написано: познавайте все, но оставляйте лишь лучшее. Нужно идти, ничего не познавая, а сохраняя то первое, что пришло к тебе. (Густав Майринк. Отрывок из романа «Зеленый лик». Париж. 1932).

Глава IX

ТОЧКА ПО ТУ СТОРОНУ БЕСКОНЕЧНОСТИ

От сюрреализма — к фантастическому реализму. — Наивысшая точка. — Остерегайтесь образов. — Безумие Георга Кантора. — Йог и математик. — Главное устремление человеческого духа. — Отрывок из гениальной повеллы Хорхе Луиса Борхеса

предыдущих главах я хотел дать читателю представление о возможных исследованиях реальности другого состояния сознания. В этом другом состоянии, если оно существует, каждый человек, находящийся во власти демона познания, найдет, может быть, ответ на вопрос, который он непременно в конце концов перед собой поставит:

«Нельзя ли найти в себе самом место, из которого можно было бы объяснить все, что со мной случается, место, откуда все, что я вижу, знаю, чувствую, можно было бы сразу расшифровать, независимо от того, о чем идет речь, — о движении звезд, расположении лепестков цветка, развитии цивилизации, к которой принадлежу и я, или о самых тайных движениях моего сердца. Нельзя ли когда-нибудь сразу понять и объяснить мою огромную, безумную амбицию, которая не покидает меня, вопреки моему желанию, во всех злоключениях моей жизни? Неужели в человеке, во мне самом, нет пути, ведущего к познанию всех законов мира? Не лежит ли где-нибудь в недрах моего “Я” ключ к полному познанию?»

Андре Бретон во втором своем «Манифесте сюрреализма» считал, что может дать окончательный ответ на этот вопрос: «Все побуждает думать, что существует определенная точка ума, в которой жизнь и смерть, реальное и воображаемое, прошлое и будущее, выразимое и невыразимое, высокое и низкое, перестают восприниматься как понятия, противоречащие друг другу».

Само собой разумеется, что я не претендую на то, что, в свою очередь, могу дать окончательный ответ. К методу и аппарату сюрреализма мы хотели бы добавить более скромные методы и более деятельный аппарат того, что мы с Бержье называем «фантастическим реализмом». Для изучения этого я обращаюсь к различным планам познания. К эзотерическому преданию. К авангардистской математике. К современной необычной литературе. Проводить исследование в различных планах (в плане магического духа, в плане чистого разума, в плане поэтической интуиции), установить связь между ними, проверить путем сравнения истины, содержащиеся на каждой стадии, выявить в конце концов гипотезу, объединяющую все такие истины, — таков, собственно говоря, наш метод. Это наша первая большая книга, по существу, является началом демонстрации этого метода и его защиты.

Фраза Андре Бретона «Все заставляет считать...» датируется 1930 годом. Ей, этой фразе, исключительно повезло. Ее до сих пор не перестают цитировать, комментировать. Потому что на самом деле одна из черт активной деятельности современного ума — растущий интерес к тому, что можно было бы назвать точкой зрения по ту сторону бесконечности.

Эта концепция касается как самых древних преданий, так и самой современной математики. Она проявляется в поэтической мысли Валери, и один из самых крупных писателей современности, аргентинец Хорхе Луис Борхес, посвятил ей свою самую прекрасную и самую удивительную новеллу, дав ей многозначительное название — «Алеф» (отрывок из нее можно прочесть в конце этой главы). Это название первой буквы алфавита священного языка. В Каббале она означала Эн-Соф, то есть место полного познания, точку, откуда ум воспринимает сразу всю совокупность явлений, их причин и их смысл. Во многих текстах сказано, что эта буква в виде человека, показывающего рукой на небо и на землю, выбрана для того, чтобы дать понять, что мир внизу — всего лишь зеркальное отражение и картина мира, находящегося сверху. Точка по ту сторону бесконечного — это и есть высшая точка сюрреализма, точка Омега отца Тейяра де Шардена и завершение «Великого Делания» алхимиков.

Каким образом с достаточной ясностью определить эту концепцию? Давайте попытаемся. Во Вселенной существует точка, одно привилегированное место, откуда открывается вся Вселенная. Мы наблюдаем мироздание с помощью инструментов: телескопов, микроскопов. Достаточно наблюдателю оказаться в этой точке, как перед ним одна только вспышка высветит всю совокупность фактов, пространство и время раскроются перед ним во всей полноте и во всех своих аспектах.

Чтобы дать ученикам шестого класса представление о понятии вечности, один священник-иезуит из знаменитого колледжа проводил такой образный пример: «Вообразите, что Земля сделана из бронзы и что одна ласточка каждые тысячу лет касается ее своим крылом. Когда таким образом Земля будет вся стерта, только после этого начнется вечность...» Но вечность — не только бесконечная длительность времени. Она — нечто иное, чем такая длительность. Нужно всегда остерегаться образов. Они служат для перенесения на гораздо более низкий уровень сознания идей, которые могут «дышать полной грудью» только на другой высоте. Они доставляют в подвал только труп. Единственные образы, способные передать высшую идею, — это те, которые создают в сознании атмосферу удивления, неловкости, которая способна поднять его до того уровня, где обитает такая идея, где ее возможно воспринять во всей ее свежести и силе. Магические обряды и подлинная поэзия не имеют иного назначения. Вот почему мы не стараемся создать «образ» этой концепции, этой точки, находящейся по ту сторону бесконечности. Лучше отослать читателя к мистическому и поэтическому тексту Борхеса.

В своей работе он использовал труды каббалистов, алхимиков и мусульманские легенды. Другие древние легенды, как само человечество, упоминают об этой Высшей Точке, об этом привилегированном месте во Вселенной. Но эпоха, в которую мы живем, отличается тем, что усилие разума, прикладываемое к исследованию, далекому от всякой мистики и метафизики, в конечном итоге приводит к математическим концепциям, позволяющим нам осмыслить и понять идею бесконечности.

Самые важные и наиболее своеобразные работы принадлежат гениальному Георгу Кантору, который умер в сумасшедшем доме. О его работах до сих пор спорят математики, а некоторые из них утверждают, что идеи Кантора нельзя защищать с позиции логики. Но его сторонники, находящиеся по ту сторону бесконечности, отмечают: «Никто не выгонит нас из рая, открытого Кантором».

Вот как можно приблизительно резюмировать мысль Кантора. Представим на листе бумаги две точки А и Б, на расстоянии одного сантимет-

ра друг от друга. Соединим их прямой линией. Сколько точек на этом отрезке? Кантор доказывает, что их число — число бесконечности, не больше. А чтобы заполнить отрезок целиком потребуется число точек большее, чем бесконечность, — число Алеф.

Это число Алеф равно всем своим частям. Если разделить отрезок на десять равных частей, то в каждой из этих частей будет столько же точек, сколько во всем отрезке. Если исходя из этого отрезка построить квадрат, то на отрезке будет столько же точек, сколько их на площади квадрата. Если построить куб, то во всем его объеме будет столько же точек, сколько их на первоначальном отрезке прямой. Если на основе куба построить твердое тело, имеющее четыре измерения, тессаракт, то в его четырехмерном объеме будет столько же точек, сколько их на отрезке прямой. И так далее, до бесконечности. В этой математике величин, превышающих бесконечность, которая изучает алефы, часть равна целому. Это — полное безумие, если принять точку зрения классического разума, и тем не менее это вполне доказано. Точно так же доказуем тот факт, что если умножить алеф на любое число, то всегда будет получаться алеф. И вот высшая математика присоединяется к изумрудной скрижали Геомеса Трисмегиста («то, что сверху, подобно тому, что внизу»), и к интуиции таких поэтов, как Уильям Блейк в (вся Вселенная содержится в одной песчинке).

Есть только один способ проникнуть по ту сторону алефа — возвести его в степень алеф (известно, что A в степени B означает A , умноженное на B раз, и по аналогии алеф в степени алеф — это новый алеф).

Если назвать первый алеф нулем, то второй алеф — единица, третий — двойка и т.д. Алеф-нуль, как мы уже сказали, — это число точек, содержащихся на отрезке прямой или в каком-то объеме. Можно доказать, что алеф-один — число всех возможных рациональных кривых, находящихся в пространстве. Что касается алефа-два, то оно соответствует числу, большему, чем все, что можно себе представить во Вселенной. В мире нет предметов в таком количестве, пересчитывая которые можно прийти к алефу-два. А алефы простираются до бесконечности, значит, человеческий ум способен выйти за пределы Вселенной, выстроить концепции, в рамках которых Вселенная всего не заполнит. Это традиционный атрибут Бога, но никто никогда не предполагал, что мысль способна обладать этим атрибутом. По всей вероятности, при созерцании алефов выше двух Кантор и сошел с ума.

Современные математики, более устойчивые или менее чувствительные к метафизическому бреду, манипулируют концепциями такого поряд-

ка и даже находят в них возможности какого-то практического применения. Некоторые из таких предложений ставят в тупик здравый смысл. Например, знаменитый парадокс Банаха и Тарского. (Это современные польские математики. Банах был убит немцами в Освенциме. Тарский еще жив и переводит на французский свой монументальный трактат о математической логике.)

В их парадоксе утверждается, что можно взять шар нормальных размеров, скажем, яблоко или теннисный мяч, разрезать его на доли, а затем собрать эти доли таким образом, что в результате получится шар величиной меньше атома или больше Солнца.

Такую операцию нельзя выполнить физически, потому что резать нужно по форме специальных плоскостей, не имеющих соприкосновения; и технически такая операция неосуществима. Однако большая часть специалистов считает, что это невообразимая операция теоретически возможна в том смысле, что если эти плоскости не принадлежат к управляемой Вселенной, то расчеты, сделанные с учетом этого, оказываются верными и эффективными в мире ядерной физики. Нейтроны движутся в реакторах по кривым, не имеющим соприкосновения.

Работы Банаха и Тарского приводят к заключениям, приближающимся, как это ни безумно, к представлениям индийских ученых, посвященных в технику Самадхи: те заявляют, что могут вырасти до размеров Млечного Пути или сократиться до величины самой маленькой постижимой разумом частицы. Стоящий ближе к нам Шекспир вложил в уста Гамлета такие слова: «О Боже, как бы мне хотелось быть заключенным в скорлупу ореха и своими лучами освещать бесконечные пространства!» Нельзя, как нам кажется, не поразиться сходству между этими далекими отражениями магической мысли и современной математической логики. Один антрополог, участник коллоквиума по парапсихологии в Ройямоне, в 1956 году, заявлял: «По верованиям йогов, сиддхи, легендарные существа, занимающие промежуточное положение между богами и людьми, обладают способностью становиться маленькими, как атом, и большими, как Солнце, или вся Вселенная! Среди этих невообразимых притязаний мы встречаем положительные факты, которые вполне обоснованно можно считать правдивыми, и факты, подобные этим, которые кажутся невероятными, выходящими за пределы всякой логики». Вероятно, этот антрополог не знал ни восклицания Гамлета, ни неожиданных форм, приобретаемых самой чистой и самой современной логикой — математической логикой.

Каково же глубокое знание всех этих сообщений? Как и всегда в этой книге, ограничимся тем, что сформулируем гипотезы. Самым романти-

ческим, самым волнующим, но менее «обобщающим» было бы допущение, что техника Самадхи реальна, что посвященный на самом деле может стать таким маленьким, как атом, и таким большим, как Солнце. И что эта техника вытекает из знаний древних цивилизаций, владеющих математической величиной, превышающей бесконечность. По нашему мнению, речь идет о глубоких устремлениях человеческого ума, который проявляется как в йоге Самадхи, так и в авангардистской математике Банаха и Тарского.

Если математики-революционеры правы, если парадоксы бесконечного обоснованны, то перед человеческим разумом открываются необыкновенные перспективы. Можно понять, что в пространстве существуют точки алеф, как, например, та, которая описана в новелле Борхеса. В этих точках отражена вся непрерывность пространства-времени, и такая картина охватывает все — от сердцевины атомного ядра до самой отдаленной галактики.

Можно пойти еще дальше: можно представить себе, что в результате манипуляций, проводимых одновременно материей, энергией и мыслью, любая точка пространства может стать точкой по ту сторону бесконечности. Если такая гипотеза соответствует физико-психо-математической реальности, то мы получаем объяснение «Великого Делания» алхимиков и высшего экстаза в некоторых религиях. Идея точки по ту сторону бесконечности, с которой может быть воспринята вся Вселенная, представляет собой абстракцию, смахивающую на чудо. Но основные уравнения теории относительности — это тоже своего рода чудо, но ведь на них строятся изобретение говорящего кино, телевидения, наконец, атомной бомбы. Человеческая мысль постоянно прогрессирует в направлении все более высоких уровней абстракции. Уже Поль Ланжевен заметил, что электромонтер, обслуживающий жилой квартал, отлично справляется с такими абстрактными и тонкими понятиями, как потенциал, он даже внес представление об этом в свой жаргон — он говорит: «ток идет».

Можно еще представить себе, что в более или менее отдаленном будущем человеческий ум овладеет математикой, лежащей за пределами бесконечности; с помощью определенных инструментов ему удастся построить в пространстве алефы, точки, находящиеся за пределами бесконечности, откуда бесконечно малое и бесконечно большое предстанут во всей своей полноте до последней истины. Традиционные поиски абсолюта привели бы, наконец, к своей цели. Как заманчиво считать, что этот опыт уже частично удался. В первой части этой работы мы упоминали о манипуляциях, в ходе которых адепт окисляет поверхность расплавлен-

ного металла. Когда пленка окиси разрывается, то на тусклом фоне видно изображение нашей Галактики с ее двумя спутниками — Магеллановыми облаками. Что это — легенда или действительность? Во всяком случае, здесь упоминается первый инструмент «сверхбесконечности», вступающий в контакт со Вселенной иными средствами, чем те, которые предоставляют нам хорошо знакомые инструменты. Может, таким способом майя, не знавшие телескопа, открыли Уран и Нептун. Не будем увлекать себя в область воображаемого. Удовлетворимся тем, что отметим эти глубокие устремления ума человека, которыми пренебрегает классическая психология, и отметим при этом связь между древними преданиями и одним из крупных течений современной математики.

Приводом отрывок из новеллы Борхеса «Алеф».

«На улице Гарай прислуга попросила меня немного подождать. Хозяин, как обычно, торчал в подвале, проявлял фотографии. Возле вазы без цветов на ненужном теперь рояле на большом неуклюже раскрашенном портрете улыбалась Беатрис. Никто нас здесь не мог увидеть, и я в порыве нежности и отчаяния подошел к портрету и сказал: “Беатрис, Беатрис Елена, Беатрис Елена Витебро, милая Беатрис, потерянная навсегда, это я, Борхес”.

Вскоре вошел Карлос. Он говорил довольно сухо, и я понял, что он не был способен думать ни о чем другом, кроме того, что он теряет Алеф.

— Стаканчик этого псевдоконьяка, — распорядился он, — и ты отпавишься в подвал. Ты знаешь — нужно лежать на спине. Это важно, важны также темнота, неподвижность, время для аккомодации глаз. Ты ложишься на каменный пол и направляешь взгляд на девятнадцатую ступеньку лестницы. Я уйду, закрываю люк, и ты остаешься один. Если тебя испугает мышь, не беда! Через несколько минут ты увидишь Алеф. Микрокосм алхимиков и каббалистов, вошедший в поговорку, — “multum in parvo!” (Многое в малом — лат.)

Проходя мимо столовой, он добавил: — Совершенно ясно, что если ты его не увидишь, твоя неспособность это сделать не обесценивает моего свидетельства. Спускайся, очень скоро сможешь начать диалог со всеми образами Беатрис.

Я быстро сошел вниз, мне уже стали надоедать его пустые слова. Подвал, который был не шире лестницы, походил на колодец. Напрасно я искал взглядом сундук, о котором говорил мне Карлос Архентино. Весь угол загромождала груда ящиков с бутылками и мешки из грубого холста. Карлос взял мешок, сложил его и положил на рассчитанном месте.

— Подушка так себе, — объяснил он, — но если я сделаю ее хоть на

сантиметр толще, то ты не увидишь ничего, и тебе будет стыдно от такого конфуза. Ну, растянись на земле и отсчитай девятнадцать ступенек.

Я подчинился его смешным требованиям; наконец, он ушел. Он старательно закрыл люк; темнота, несмотря на щель, которую я обнаружил позднее, сперва показалась мне полной. Вдруг я ощутил грозящую мне опасность: после того как я выпил яд, я дал похоронить себя сумасшедшему. В бравадах Карлоса сквозил тайный страх, боязнь того, что чудо мне не явится: чтобы оправдать свой бред, чтобы не убедиться в том, что он сумасшедший Карлос должен был меня убить.

Я вновь почувствовал слабое недомогание, которое я объяснял себе ооченелостью своего тела, а не действием наркотика. Я закрыл глаза, вновь открыл их. И тут увидел перед собой Алеф.

Теперь я подхожу к неизгладимому воспоминанию, к сердцевине своего рассказа, и здесь начинается отчаяние писателя. Всякий язык — алфавит символов, использование которого предполагает общее для собеседников прошлое; но как передать другим бесконечный Алеф, который пугливая память удерживает с трудом? Мистики в подобном случае используют символы: чтобы обозначить божество, перс говорит о птице, которая некоторым образом является всеми птицами сразу; Аланус де Инсулис — о шаре, центр которого находится повсюду, а окружность — нигде; Иезекииль — об ангеле с четырьмя луками, обращенными одновременно к востоку и западу, северу и югу (я не без основания напоминаю об этих непостижимых аналогиях, они имеют определенную связь с Алефом). Быть может, боги не откажут мне в возможности найти подобный образ, но тогда этот рассказ был бы литературщиной, фальшью. В конечном счете главная задача — неразрешима: бесконечную совокупность нельзя перечислить даже частично. В это бесконечное мгновение я увидел миллион действий, приятных и жестоких; ни одно из них не удивило меня, так же, как и тот факт, что все они происходили в одной и той же точке, но накладываясь друг на друга и не просвечивая одно сквозь другое. Все, что видели мои глаза, происходило одновременно, — я же описываю все последовательно, потому что такое свойство нашего языка. Тем не менее я хочу назвать хоть кое-что.

Внизу лестницы справа, я увидел маленький шар с волнистой поверхностью, ослепительно, нестерпимо сверкавшей. Сначала я подумал, что он вращается, но потом понял, что движение было иллюзорным, — его вызывало головокружительное, заключенное в нем зрелище. В диаметре Алеф имел два или три сантиметра, но внутри него находилось космическое пространство, ничуть не уменьшенное. Каждый предмет (например, стекло зер-

кала) был бесконечным множеством предметов, и я это ясно видел со всех точек Вселенной. Я видел густо населенное море, я видел рассвет и вечер, видел народы Америки, видел серебряную паутину в центре черной пирамиды; видел лабиринт ломаных линий (это был Лондон), видел бесконечные глаза, испытующе глядящие на меня во мне самом; и тотчас же, как в зеркале, я видел все зеркала планеты, и ни одно из них не отражало меня; я видел на заднем дворе улицы Солер те же плиты, которые видел тридцать лет назад в доме Фрея Бенто; я видел гроздь плодов, снег, табак, залежи железной руды, водяные пары, я видел пустыни у экватора и каждую песчинку в них, видел в Инвернесе женщину, которую я не забуду, видел ее пышные волосы, видел ее гордое тело, видел рак груди, видел кружок сухой земли на тротуаре в том месте, где росло дерево, видел в сельском доме округа Адрогэ экземпляр первого английского перевода Плиния, сделанный Филимоном Голландским, видел одновременно каждую букву на каждой странице (ребенком я всегда восхищался тем, что буквы в закрытой книге не смешивались и не терялись за ночь), я видел ночь и день, одновременный с ночью, я видел закат в Каретаро, который, казалось, отражал цвет бенгальской розы, я видел свою пустую спальню, видел в кабинете Алкмаара глобус между двух зеркал, бесконечно отражавших его, видел лошадей с развевающимися гривами на пляже Каспийского моря на восходе солнца, я видел тонкие кости руки, видел оставшихся в живых после боя, отправляющих почтовые открытки, я видел в витрине Мирсапура колоду испанских карт, я видел косые тени папоротников на почте, в теплицах видел тигров, зубров, морскую зыбь и армии, видел всех муравьев земли, видел персидскую астролябию, я видел в ящике письменного стола (и почерк заставил меня вздрогнуть) непристойные, невероятные, исчерпывающие письма, которые Беатрис посылала Карлосу Архентино, я видел дорогой мне памятник на кладбище в Чакарите, я видел ужасную реликвию, то, что когда-то было восхитительной Беатрис Витебро, я видел, как старательно бежит по моим сосудам темная кровь, я видел сплетенные тела в экстазе любви, я видел перемены, которые приносит смерть, видел Алеф со всех точек. Я видел в Алефе землю, а в земле — новый Алеф, и в Алефе опять земной шар, я видел свое лицо и свои внутренности, я видел твое лицо и испытывал головокружение, я плакал, потому что мои глаза видели таинственный и лишь предполагаемый предмет, название которого люди незаконно употребляют, хотя ни один человек не видел его — непостижимую Вселенную.

Я испытал бесконечное почтение, бесконечную боль.

— Ты точно свихнешься, если будешь совать нос туда, куда не нужно, — сказал ненавистный мне, моложавый голос. — Ты можешь исто-

чить весь свой мозг, но и за сто лет не сможешь заплатить мне за это откровение. Какая потрясающая обсерватория, а, Борхес?

Ноги Карлоса Архентино стояли на верхней ступеньке лестницы. В слабom, просочившемся сюда свете я кое-как встал и пробормотал:

— Потрясающе! Да, на самом деле потрясающе!

Безразличная интонация моего голоса удивила меня.

Испытывая нетерпение, Карлос Архентино настаивал:

— Ты все хорошо видел, в красках?

В это мгновение я придумал свою месть. Благожелательно, с явным сожалением, я уклончиво поблагодарил Карлоса Архентино за гостеприимство, которое он оказал мне в своем подвале, и посоветовал ему воспользоваться сносом его дома, чтобы поселиться подальше от пагубной столицы, не прощающей ничего никому, поверь мне, никому! Я наотрез отказался обсуждать вопрос об Алефе. Уходя, я обнял его на прощание, повторил, что деревня и покой, — вот два самых замечательных врача.

На лестнице, на улице Конституции, в метро все лица мне казались знакомыми. Теперь я стал бояться, что отныне во всем мире не найдется больше ничего, что могло бы меня удивить, что меня уже никогда не покинет чувство, что все это я уже видел. К счастью, после нескольких бессонных ночей забвение вновь овладело мною».

Глава X

МЕЧТАНИЯ О МУТАНТАХ

*Дитя-астроном. — Приступ лихорадки интеллекта. —
Теория мутаций. — Миф о Великих Высших. — Мутанты среди
нас. — От «Орля» до Леонарда Эйлера. — Рождение коллективного
существа. — Любовь живого*

имой 1956 года доктор Дж. Форд Томас, психиатр в учебном заведении Волверхэмптона, принял в своем кабинете семилетнего мальчика, сильно беспокоящего своих родителей и учеников.

«У него не было никаких специализированных работ, — писал доктор Томпсон. — Но даже если бы они у него были, — смог ли бы он их прочитать? Тем не менее он давал правильные ответы на исключительно сложные астрономические задачи».

Пораженный таким случаем, доктор решил проверить уровень умственного развития школьников и с помощью Британского совета по медицинским исследованиям, физиков Харуэлла и многочисленных университетских преподавателей раздал тесты пяти тысячам детей по всей Англии. После 18 месяцев проверки стало очевидным, что «произошел неожиданный скачок в умственном развитии детей».

«Из последних 90 детей от семи до девяти лет, которых опросили, у 25 оказался интеллектуальный коэффициент 140, что почти соответствует уровню гения. Я думаю, продолжал доктор Томпсон, что причиной этого может быть стронций 90, радиоактивное вещество, проникающее в тело ребенка. Этого вещества не существовало до первого атомного взрыва».

Два американских ученых К. Брук Уорт и К. Роберт Эндерс в своей большой работе «Природа живых вещей» считают, что им удалось доказать, что структура генов сегодня нарушена и что под воздействием каких-то пока еще таинственных для нас сил появляется новая раса людей, обладающая более высоким интеллектом. Естественно, это пока только предположение. Тем не менее генетик Льюис Терман, изучавший в течение тридцати лет особо одаренных детей, пришел к следующим выводам.

Большая часть вундеркиндов, взрослея, теряют свои качества. Но, судя по всему, они становятся взрослыми людьми высшего порядка, их интеллект не сравнится с интеллектом обычных людей. Они раз в тридцать активнее хорошо одаренного человека. Их «индекс успеха» раз в двадцать выше. У них — превосходное здоровье, они уравновешены в чувственном и сексуальном отношении. Наконец, они не подвержены психосоматическим заболеваниям, и в частности, раку. Так ли это на самом деле? Можно только с уверенностью сказать, что мы являемся свидетелями прогрессивной акселерации во всем мире, и теперь психические способности соответствуют физическим. Это явление проявляется настолько очевидно, что американский ученый, профессор Огайского университета Сидни Пресси составил план обучения детей, развитых не по годам, план, по которому человечеству можно будет дать по триста тысяч высокоразвитых умов в год.

Имеем ли мы дело с мутацией человеческого рода? Присутствуем ли мы при появлении существ, внешне похожих на нас и в то же время глубоко от нас отличавшихся? Мы рассмотрим эту поразительную проблему. Мы, несомненно, присутствуем при рождении этого мифа — мифа о мутантах. Но рождение мифа в нашей технической и научной цивилизации не может не иметь какого-то значения и какой-то динамической ценности. Современная спортивная техника наглядно показала, что человек далеко еще не исчерпал всех своих скрытых физических ресурсов. Проводимые ныне испытания поведения человеческого организма в межпланетных ракетах-носителях продемонстрировали его такую сопротивляемость воздействию внешних факторов, о которой нельзя было и подозревать. Выжившие в ужасных условиях концентрационных лагерей узники проявили свои исключительные способности к самосохранению и обнаружили в себе громадные внутренние ресурсы, которые стали результатом взаимодействия их психического и физического состояний. Наконец, в том, что касается ума, открытие, приближающее нас к технике, «наделенной психикой», химические вещества, способные активизировать память, процесс запоминания открывают перед нами захватывающие перспективы. Принципы на-

уки вовсе не недоступны нормально развитому уму. Если мозгу школьника или студента помогают предпринимать определенные усилия для улучшения памяти, то вполне возможно добиться усвоения строения ядра или периодической системы элементов у школьников, еще не получивших аттестата зрелости, а теории относительности и квантов у тех, кто самостоятельно сдал экзамены за полный курс средней школы.

С другой стороны, когда принципы науки будут в массовом порядке распространены во всех странах, когда будет раз в пятьдесят, а то и в сто больше исследователей, то умножение новых идей произведет такой же эффект, как и увеличение числа генов. Эффект будет даже лучше, ибо гений часто — существо неуравновешенное и даже антисоциальное. Вполне вероятно также, что новая наука, общая теория информации, в ближайшее время позволит уточнить количественную сторону идеи, которую мы здесь излагаем с качественной стороны. Равномерно распространяя между людьми знания, которыми человечество уже располагает, и, побуждая людей обмениваться ими, чтобы в результате возникали какие-то новые их комбинации, мы получим возможность усилить интеллектуальный потенциал человеческого общества столь же быстро и столь же надежно, как и увеличение числа гениев.

Этого мнения можно придерживаться наравне с фантастическим мнением о существовании мутантов.

Наш друг Шарль-Нозль Мартен в нашумевшем своем сообщении показал аккумулятивный эффект атомных взрывов. Радиация, распространяющаяся во время атомных испытаний, производит действие, возрастающее в геометрической прогрессии. Человеческий род, таким образом, рискует стать жертвой неблагоприятных мутаций. Кроме того, вот уже на протяжении пятидесяти лет радий используется повсюду в мире без какого-либо контроля за таким использованием. Рентгеновские лучи и некоторые химические вещества используются в различных отраслях промышленности. Как эта радиация действует на современного человека, насколько проникает в него? Нам ничего не известно о системе мутаций. Не могут ли также происходить благоприятные мутации? Выступая на атомной конференции в Женеве, сэр Эрнст Рокк Карлинг, патолог британского министерства внутренних дел, заявил: «Можно надеяться, что в ограниченном числе случаев эти мутации производят благоприятное воздействие и создают гениального ребенка. Рискуя шокировать почтенную аудиторию, я заявляю, что мутация, которая нам даст нового Аристотеля, еще одного Леонардо да Винчи, еще одного Ньютона, Пастера или Эйнштейна, полностью компенсирует девяносто девять других, которые будут иметь гораздо меньшую эффективность».

Вначале лишь одно слово о мутации.

В конце века А. Вейсман и Г. Фриз возродили прежнее представление об эволюции. Тогда в моде был атом, мысль о реальном существовании которого уже начинала проникать в физику. Они открыли «атом наследственности» и локализовали его в хромосомах. Созданная таким образом новая наука — генетика обогатила нас работами, проведенными во второй половине XIX века чешским монахом Грегором Менделем. Сегодня уже никто не спорит о том, что наследственность передается генами. Они хорошо защищены от воздействия внешней среды, тем не менее атомная радиация, космические лучи и некоторые сильные яды, такие, как колхицин, могут их поражать или удваивать число хромосом. Наблюдения показали, что частота мутаций пропорциональна интенсивности радиоактивности. Но сегодня радиоактивность в тридцать раз сильнее, чем в начале века. Точные данные о селекции, производимой посредством мутаций под влиянием антибиотиков, были сообщены в 1943 году Лурия и Дебруком, а в 1945 году — Демерцием. В этих работах указывается, что мутация-отбор происходит так, как и полагал Дарвин. Противники этой гипотезы — Ламарк, Мичурин, Лысенко, утверждавшие, что приобретенные черты передаются по наследству, возможно, не так уж и заблуждались. Но можно ли сравнивать бактерии с растениями, животными, людьми, наконец? В этом уже нет никакого сомнения. Существуют ли контролируемые технически мутации человеческого рода? Да, существуют. Вот один из не вызывающих сомнения случаев.

Он был обнаружен в архивах специальной больницы для детей в Лондоне. Доктор Луи Вольф, заведующий этой больницей, считает, что в Англии ежегодно рождается тридцать фенил-кетонических мутантов. Они обладают генами, не выделяющими в кровь некоторые ферменты, действующие в нормальной крови. Фенил-кетонический мутант не способен растворять фенилаланин. Такой дефект делает ребенка подверженным эпилепсии и экземе, вызывает у него пепельно-серую окраску волос, а когда он вырастает, то становится подверженным психическим заболеваниям.

В последовательности мутаций нужно различать несколько разных аспектов. Клеточная мутация, не поражающая генов и не вызывающая изменений у потомства, известна нам в своей неблагоприятной форме: рак, лейкемия и т.д. Но разве не могли происходить и благоприятные клеточные мутации, задевающие весь организм? Мистики говорят о появлении «нового тела», о его преображении.

Неблагоприятная генетическая мутация (например, фенил-кетоническая) становится нам все более знакомой. Но разве не могла бы произойти благоприятная мутация? И здесь тоже нужно различать два аспекта такого явления или, вернее, две его интерпретации:

1. Эта мутация, это появление другой расы может быть вызвана случайностью. Среди других причин и радиоактивность могла бы привести к изменению генов. Слегка измененный протеин генов не выделял бы некоторые кислоты, вызывающие у нас чувство страха. Мы бы стали свидетелями появления другой расы — расы спокойных людей, ничего не боящихся, не испытывающих никаких отрицательных эмоций. Человека, отправляющегося на войну без всяких волнений, убивающего себе подобных без особых переживаний, род робота, лишённого всяких внутренних колебаний. Может, так оно и произойдет, в этом нет ничего невозможного.

2. Генетическая стадия якобы не вызывается случайностью. Она якобы направляемая. Она могла бы пойти по пути духовного возвышения человечества. Она была бы переходом от одного уровня сознания к другому, высшему. Воздействие радиоактивности было бы подчинено воле, устремленной ввысь. Изменения, о которых мы говорим сейчас, были бы ничтожными с точки зрения того, что ждет человеческий род: только слабый расцвет по сравнению с будущими глубокими переменами. Протеин гена был бы изменен во всей своей структуре, и мы увидели бы рождение расы, способной покорить время и пространство, произвести любую интеллектуальную операцию по ту сторону бесконечности. Между первой и второй идеей существует такое же различие, как между закаленной сталью и сталью, превращенной в тонкую магнитную ленту.

Эта последняя по времени идея, создательница современного мифа, которым завладела научная фантастика, любопытным образом описана на скрижалях современных магических учений. Со стороны люцеферрианцев мы выделили Гитлера, верящего в существование Великих Высших, и мы слышали, как он восклицал: «Я вам раскрою тайну: мутация человеческой расы началась, уже появились сверхчеловеческие существа!»

Со стороны обновленного индуизма, учитель из Ашрама в Пондичерри, один из величайших мыслителей новой Индии, Шри Ауробиндо Говиндасан основал свою философию, а свои комментарии к священным текстам строил на уверенности в эволюции человечества по восходящей линии, осуществляемой посредством мутации. Он, в частности, пишет: «Появление на этой Земле новой человеческой расы, каким бы чудесным ни казалось нам это явление, сможет стать делом современной практики». Наконец, со

стороны католицизма, открытого для научных размышлений, Тейяр де Шарден замечает, что он верит в «прилив, способный унести нас к какой-нибудь ультрачеловеческой форме».

Пилигрим на пути странного, более чувствительный, чем любой другой человек, к «сквознякам», вызывающим тревогу идей, свидетель скорее, чем творец, но ясновидящий свидетель крайностей в перипетиях современного разума, писатель Андре Бретон, отец сюрреализма, без всяких колебаний писал в 1942 году: «Человек, может, вовсе не центр, не яблочко мишени Вселенной. Можно позволить себе поверить, что он существует над собой на лестнице эволюции живого, существа, чье поведение ему кажется таким же странным, как его поведение какой-нибудь химере или киту. Ничто не мешает считать, что такие существа отлично ускользают от системы чувственного восприятия человека с помощью камуфляжа, природу которого можно себе представить в воображении, и который только одни они способны изобрести; о таких их возможностях говорят теория форм и изучение мимикрии животных. Не вызывает сомнения, что эта идея создает широкое поле для различного рода спекуляций, хотя она отводит человеку скромную роль интерпретации собственной Вселенной, в которой ребенок жалуется на то, что не смог понять сущность муравья, когда он ногой разрушил муравейник. Наблюдая за пертурбациями, типа тех, которые вызывают циклоны, при которых человек не в силах быть чем-то другим, кроме как жертвой или свидетелем, или других, тех, которые производят войны, и в отношении которых выдвигаются поразительно беспомощные гипотезы, можно было бы даже в самой большой работе с самыми смелыми выводами приблизиться вплотную к описанию вполне доступной структуры и свойств таких гипотетических существ, которые лишь смутно ощущаются нами, переживающих страх под властью случайности».

Должен заметить, что я не очень далек от идеи Новалиса: «Мы реально живем внутри животного, чьими паразитами мы является. Конституция этого животного определяет нашу и наоборот», и я могу только согласиться с мыслью Уильяма Джеймса: «Кто знает, может, в природе мы занимаем такое незначительное место возле существа, о котором мы и не подозреваем: как ваши кошки и собаки, живущие рядом с нами, в наших домах?» И далеко не все ученые возражают против такого мнения. «Может, вокруг нас движутся существа, созданные в том плане, что и мы, но отличающиеся от нас, например, люди, у которых альбумины (белки простые) прямые?» Так говорит Эмиль Дюкло, бывший директор Пастеровского института.

Новый миф? Нужно ли убедить эти существа в том, что они — лишь мираж или же предоставить им возможность обнаружить себя?

Существуют ли среди нас существа, внешне похожие на нас, но чье поведение нам кажется столь же странным, как и «поведение» эфемеры (однолетнее растение) или кита? Здравый смысл утверждает, что если бы такие высшие существа жили среди нас, мы бы их видели. К вашему сведению, Джо В. Кэмпбелл свел на нет этот аргумент здравого смысла в статье журнала «Эстаундинг Сайенс фикшн», опубликованной в 1942 году.

«Никто не вызывает врача, чтобы сообщить ему, что он чувствует себя превосходно. Никто не пойдет к психиатру, чтобы поставить его в известность, что жизнь — легкая, прелестная игра. Никто не позвонит в дверь психоаналитика, чтобы заявить ему, что он не страдает никаким комплексом. Неблагоприятные мутации обнаруживаются сами по себе. А благоприятные?»

Тем не менее здравый смысл говорит, что высшие мутанты можно было бы обнаружить по фактам проявления их чудодейственной интеллектуальной высшей деятельности.

— Ничуть, — отвечает Кэмпбелл. Гениальный человек, принадлежащий к нашему роду человеческому, публикует результат своих трудов. Он обращает на себя внимание. Это приносит ему множество неприятностей, вызывает враждебность к нему, непонимание, угрозы и даже грозит изгнанием. Эйнштейн в книге своей жизни заявил: «Знай я об этом раньше, то сделался бы водопроводчиком». Мутант, стоящий выше Эйнштейна, слишком умен и посему скрывается. Свои открытия он держит при себе. Он живет, возможно, более животной жизнью, чем полагают, стараясь только поддерживать контакт с такими же великими умами своего вида. Несколько часов работы в неделю, ему достаточно, чтобы удовлетворить все свои потребности, а все остальное время он использует для деятельности, о которой мы даже представления не имеем.

Гипотеза, конечно, соблазнительная. При нынешнем состоянии научных знаний ее невозможно проверить. Никакое анатомическое обследование не дает информации об умственном развитии человека. У Анатolia Франса, например, мозг был удивительно малого веса. Наконец, нет никаких причин, чтобы делать вскрытие мутанта, за исключением возможного несчастного случая. Тогда каким образом обнаружить мутацию, действующую на мозговые клетки? Поэтому не такое уж безумие предположить возможность существования Высших среди нас. Если стадии управляют одной случайностью, то некоторые из них все же благоприят-

ные. Если они управляются организованной природной силой, если совпадают с волей к восхождению всего живого, как, например, считал Шри Ауробиндо, то они должны быть еще более благоприятными. Наши потомки уже смогут этого достичь.

Все побуждает предполагать, что они, эти мутанты, в точности походят на нас. Или, вернее, ничто не дает возможности отличить их от нас. Некоторые авторы научной фантастики, естественно, приписывают мутантам какие-то анатомические особенности. Ван Вогт в своей знаменитой книге «Слен» представляет себе, что их волосы имеют особое строение, — что-то вроде антенн, служащих для телепатической связи. И вот он строит на этом увлекательную, просто ужасную историю охоты на Высших, скопированную с гонений на евреев. Но случается, что романисты кое-что добавляют и к природе, чтобы упростить возникающие проблемы.

Если телепатия существует, то она не передается посредством радиоволн, и никакой нужды в антеннах нет. Если верить в управляемую эволюцию, то можно допустить, что мутант для своей защиты располагает едва ли не самыми совершенными средствами. В царстве животных можно постоянно видеть преследователя, обманутого жертвой, с поразительной точностью прикидывающейся сухими листьями, валежником, сучьями, и даже экскрементами. «Хитрость» иных видов в некоторых случаях настолько изобретательна, что они даже умеют подражать окраске «несъедобных» типов. Как заметил Андре Бретон, если среди нас «Великие Прозрачные», то, возможно, эти существа ускользают от нашего наблюдения «благодаря какому-то камуфляжу, который даже трудно себе вообразить и осуществить который могут только одни они, что и подтверждает теория форм и учение о мимикрии животных».

«Новый человек живет среди нас! Он здесь! Вам этого довольно? Я вам открою тайну: я видел нового человека. Он бесстрашен и жесток! Я боюсь его!» — кричал, весь дрожа, Гитлер.

Другой ум, пораженный безумием, — Мопассан, смертельно бледный, весь в поту, наспех пишет один из блестящих текстов во всей французской литературе — рассказ «Орля».

«Теперь я знаю, я догадываюсь. Царство человека кончилось. Он пришел. Тот, кто пугал страхами наивные народы. Тот, кто заколдовал обеспокоенных священников, тот, которого чародеи вызывали темными ночами, хотя так его и не увидели, потому что он не пришел; кому предчувствия учителей, странников этого мира, придавали чудовищные или исполненные грации обличья гномов, духов, гениев, фей, домовых. Пос-

ле грубых представлений о примитивных страшилах, предчувствия более проницательных людей обретают более ясную форму. Месмер догадался о нем, а врачи уже десять лет назад открыли природу его силы, еще до того, как он воспользовался ею сам. Они играли оружием нового Властителя, таинственной его властью над человеческой душой, ставшей рабыней. Они называли это магнетизмом, внушением, гипнотизмом... кто его знает! Я видел, как они забавлялись с этой ужасной силой, как неосторожные дети! Горе нам! Горе человечеству! Он пришел... Как его зовут? Мне кажется, что он выкрикивает свое имя, а я его не слышу... Да... он кричит... я слушаю... я не могу... повторяю... Орля... я слышал... Орля... Это он... Орля... Он пришел!»

В своей сбивчивой интерпретации этого видения, полного очарования и ужаса, Мопассан, человек своей эпохи, наделял мутанта гипнотической властью. Современная научно-фантастическая литература, более близкая к работам Райна, Соала, Мак-Кензила, чем к работам Шарко, отдает мутантам «парапсихологическую» власть: телепатню, телекинез. Некоторые авторы идут еще дальше и показывают нам Высшего плавающим в воздухе или проходящим через стены. Все это — лишь фантазии, отзвуки архетипов из волшебных сказок фей. Так же остров мутантов или галактика мутантов отражают древнюю мечту о счастливых островах, паранормальная власть отражает архетип греческих богов. Но в плане реального становится ясно, что вся эта власть, все эти силы совершенно бесполезны для живых существ современной цивилизации. На что нужна телепатия, если есть радио? Зачем телекинез, если есть самолет? Если мутант существует — во что весьма соблазнительно верить, — то он наделен силой, поражающей наше воображение. Силой, которой человек совершенно не пользуется, — он полагается только на свой ум.

Наши действия — иррациональны, и ум принимает лишь небольшое участие в принятии нами решений. Можно представить себе Сверхчеловека, новую ступень жизни на планете, как рациональное, а не только разумное существо, наделенное объективным, постоянным разумом, принимающим решения только после подробного, полного изучения всей массы информации и своих возможностей. Существо, чья нервная система похожа на крепость, способную противостоять любому штурму негативных импульсов. Существо с холодным и быстрым разумом, обладающим всеобъемлющей, безотказной памятью. Если мутант существует, он, вероятно, и есть существо, физически похожее на человека, но радикальным образом отличающееся от него тем простым фактом, что оно контролирует свой разум и постоянно им пользуется. Такое видение кажется

простым. Но оно тем не менее более фантастично, чем все, что нам внушает научно-фантастическая литература. Биологи начинают провидеть химические изменения, которые потребовались бы для создания такого нового вида. Опыт с транквилизаторами, с лизергиновой кислотой (ЛСД) и ее производными показали, что достаточно ничтожного количества некоторых, пока неизвестных нам составов, чтобы защитить нашу нервную систему, сделать ее менее уязвимой, и позволить нам сохранять во всех случаях свой объективный разум.

Так же, как существуют фенил-кетонические мутанты, химическая структура которых хуже нашей приспособлена к жизни, позволительно допустить, что существуют и такие, чья химическая структура приспособлена лучше нашей к жизни в этом постоянно преобразующемся мире. Это — такие мутанты, чьи железы самопроизвольно выделяют транквилизаторы и вещества, стимулирующие активную мозговую деятельность, они — провозвестники нового вида, призванные заменить человека. Их место жительства — не таинственный остров и не запретная планета. Жизнь оказалась способной создать существо, приспособленное к существованию в подводных безднах или в разреженной атмосфере самых высоких горных вершин. Она также способна создать сверхчеловека, существо, для которого идеальное обиталище — Метрополия, «Земля, дымящаяся трубами заводов, Земля, сотрясаемая деловой активностью, Земля, вибрирующая от сотен новых радиаций...

Жизнь никогда не была абсолютно приспособленной для существования, но она стремится к совершенству в этом плане. Для чего ей отказываться от этой напряженной цели, к которой она идет со времени создания человека? Почему ей не заложить начало лучшего, чем человек, существа среди обычных людей? И этот «послечеловеческий человек», может, уже родился. «Жизнь, — говорит доктор Лорен Эйсли, — это большая мечтательная река, текущая через все рукава, меняющаяся и приспособляющаяся к новым условиям в своем движении». Ее видимая стабильность — иллюзия, порожденная краткостью ваших собственных дней. Мы не видим, как стрелка отмечает эти часы и эти дни, делает оборот на циферблате; так же мы не видим различные формы жизни, вытекающие одна из другой.

Цель этой книги — изложить факты и высказать гипотезы, но ни в коем случае не продвижение культов. Мы не утверждаем, что знаем мутантов. Однако, если мы допускаем мысль, что достигший совершенства мутант с таким же совершенством закамуфлирован, то тем самым допускаем мысль, что природе порой не удается творить по восходящей и она пускает в оборот несовершенных мутантов, которые видимы для нас. У этого

несовершенного мутанта исключительные умственные способности смешаны с физическими недостатками. Таковы, например, многочисленные человеческие чудо-калькуляторы. Лучший специалист в этой области, профессор Роберт Токе, в частности, заявляет: «Многих счетчиков сперва считали отсталыми детьми. Бельгийский чудо-счетчик Оскар Верфеген в семнадцатилетнем возрасте разговаривал, как двухлетний ребенок. Более того, можно сказать, что у знаменитого Зера Колберна наблюдались явные признаки вырождения: у него было по одному дополнительному пальцу, на каждой руке и ноге.

Другой чудо-счетчик, Пролонго, родился без рук и без ног. Монде был истериком... Оскар Верхеге, родившийся в Бусвале, в семье скромных служащих, принадлежит к группе счетчиков, общее развитие которых значительно ниже среднего. Но возведение в различные степени чисел, состоящих из одних и тех же цифр — одна из его специальностей. Так $888\ 888\ 888\ 888\ 888\ 888$ возводится им в квадрат за сорок секунд, а $9\ 999\ 999$ в пятую степень за шестьдесят секунд с итогом, состоявшим из тридцати пяти цифр...

Дегенераты или неудачные мутанты?

Вот перед вами, вероятно, случай заверщенного мутанта. Леонард Эйлер, который дружил с Роже Босковичем, о котором мы рассказывали в предыдущей главе.

Леонард Эйлер (1700—1783) обычно считается одним из самых великих математиков всех времен. Но такая оценка слишком мала, чтобы в точности отразить сверхчеловеческие способности его ума. Он перелистывал за несколько мгновений самые сложные работы и мог подробно передать содержание всех книг, прошедших через его руки с тех пор, когда он научился читать. Он в совершенстве знал физику, химию, зоологию, ботанику, геологию, медицину, греческую и латинскую литературу. Ни один из его современников не мог сравниться с ним в знании всех этих наук. Он обладал способностью по желанию совершенно отключиться от внешнего мира и продолжать начатые рассуждения в любой обстановке, чтобы ни происходило. Он утратил зрение в 1766 году, что вовсе не сказалось на его возможностях. Один из его учеников заметил, что во время дискуссии о расчетах с точностью до одной семнадцатой десятичной дроби, возникло разногласие. За долю секунды Эйлер с закрытыми глазами повторил расчеты. Он видел такие отношения, такие связи, которые ускользали от других представителей рода человеческого и их интеллекта. Так, он обнаружил новые и революционные по существу идеи в поэмах Вергилия. Это был простой, скромный человек, и все его совре-

менники сходятся во мнении, что его главной заботой всегда было оставаться в стороне, незамеченным. Эйле и Боскович (В 1959 году в Советском Союзе опубликовали дневник отца астронавтики Циолковского. Он пишет, что большую часть своих идей позаимствовал у Босковича.) жили в эпоху, когда ученые были окружены почетом, когда они не рисковали очутиться в тюрьме за политические идеи и когда правительства не заставляли их создавать оружие. Если бы они жили в наше время, они, может быть, как-то организовались, чтобы целиком камуфлироваться. Сегодня, быть может, тоже существуют такие Эйлеры и Босковичи. Умные и рациональные мутанты, обладающие абсолютной памятью и неизменно светлым умом, они, быть может, наши соседи, переодетые в сельских учителей или страховых агентов.

Образуют ли мутанты невидимое сообщество? Ни одно человеческое существо, как правило, не живет в одиночестве: нормально жить, функционировать человек может только в обществе. То человеческое общество, которое мы знаем, дало более чем достаточно доказательств, что оно враждебно настроено по отношению к большому уму и свободному полету воображения: сожженный на костре Джордано Бруно, изгнанный с родины Эйнштейн, Оппенгеймер, живущий под надзором полиции. Если существуют мутанты, соответствующие нашему описанию, то все заставляет думать, что они работают и общаются между собой в рамках общества другого, не общающегося с нашим, и такое общество наблюдается во всем мире. Предположить, что они общаются между собой при помощи высших физических явлений, таких как телепатия, это детский лепет. Более близкой к реальному, причем более фантастической нам кажется гипотеза о том, что они пользуются нормальными человеческими средствами общения для передачи своих сообщений, сведений, которыми могут пользоваться только они и никто другой. Общая теория информации и семантика достаточно убедительно показывают, что можно составлять тексты, имеющие двойной, тройной или четверной смысл. Существуют китайские тексты, где семь разных значений заключены — одно в другом. Герой романа Ван Вогта «Слэн» обнаруживает существование других мутантов, читая газету или расшифровывая скрытый смысл статьи наивного на первый взгляд содержания. Существование такой сети связи через нашу литературу или периодику вполне вероятно. 15 марта 1958 года «Нью-Йорк геральд трибюн» опубликовал статью своего лондонского корреспондента о серии загадочных посланий, содержащихся в объявлениях лондонской «Таймс». Эти послания привлекли к себе внимание специалистов-шифровальщиков и различных полицейских

служб, потому что в них явно чувствовался какой-то скрытый смысл. Но он ускользал от понимания, несмотря на все усилия его выявить. Не вызывает сомнения, что есть и другие виды подобной связи, еще менее уловимые. Тот или иной четверосортный роман, та или иная техническая работа или туманная книга по философии могут быть средствами для передачи сложных исследований, посланиями, предназначенными для высших умов, настолько отличающихся от наших, насколько наши отличаются от ума больших обезьян.

Луи де Бройль пишет («Нувель литератюр», 2 марта 1950 года, статья «Что такое жизнь?»): «Мы никогда не должны забывать, насколько наши знания ограничены и каким непредвиденным эволюциям они подвержены. Если человеческая цивилизация выживет, физика сможет в течение нескольких веков стать настолько же отличающейся от нашей, как наша — от физики Аристотеля. Быть может, расширение рамок концепций, к которым мы тогда придем, позволит нам обобщить в едином синтезе, в котором каждый найдет свое место, всю совокупность физических и биологических явлений. Если человеческая мысль, которая, возможно, станет более могущественной вследствие какой-нибудь биологической мутации, когда-нибудь поднимется до этого уровня, она убедится в том, о чем мы, несомненно, еще не подозреваем, — в единстве явлений, которые мы различаем с помощью прилагательных: «физико-химические», «биологические» или даже «психические».

А если такая мутация уже произошла? Один из самых крупных французских биологов, Моран, изобретатель транквилизаторов, допускает, что мутанты появлялись всегда, на протяжении всей долгой истории человечества (П. Моран и Г. Лабори. «Судьбы человеческой жизни». Париж. 1959 г.) «Мутанты среди прочих, назывались Магометом, Конфуцием, Иисусом Христом...» Существуют, может, и многие другие. Вполне вероятно, что в нашу эволюционную эпоху мутанты считают бесполезным привлекать к себе внимание в качестве образца или проповедовать какую-то новую форму религии. В настоящее время они могут действовать более эффективно, не обращаясь к индивидам. Вполне допустимо, что они считают необходимым и благоприятным продвижение человечества к коллективизму. Нельзя, наконец, считать немыслимым, что для них желательны наши детские болезни, и даже какая-то серьезная катастрофа, способная ускорить осознание духовной трагедии, которую являет собой все человечество целиком. Чтобы действовать, чтобы ясно наметился прорыв, который приведет нас к какой-то новой сверхчеловеческой фор-

ме, которой они сами пользуются, им, может, нужно оставаться скрытыми, хранить в тайне свое существование, когда вопреки внешним признакам, благодаря их присутствию, выковывается новая душа для нового мира, который мы призываем всеми силами своей любви.

Вот мы подошли к границе воображаемого. Здесь необходимо остановиться. Мы только хотим подсказать возможно большее количество гипотез, не противоречащих разуму. Многие из них, несомненно, будут отброшены. Но если некоторым из них открыли двери для исследования, скрытые до сих пор, наш труд был не напрасен: мы не напрасно подвергали себя риску выставить себя в смешном виде. «Тайна жизни может быть найдена. Если бы такой случай мне представился, я не дал бы ей ускользнуть из моих рук, опасаясь насмешек» (Лорен Эйсли).

Всякая рефлексия о мутантах приводит к мечтаниям об эволюции, о судьбах жизни человека. Что такое время на космическом уровне, какое место должна занимать история Земли? Разве будущее не принадлежит, если можно так сказать, начинающейся вечности? С появлением мутантов все происходит так, словно человечество уже слышит прибор будущего, когда его посещают носители грядущих знаний. Разве мутанты — это не память будущего, которой может быть одарен великий мозг человечества?

Теперь о другом: идея благоприятной мутации, несомненно, связана с идеей прогресса. Эта гипотеза о мутации может быть представлена в самом строгом и положительном научном плане. Не вызывает никакого сомнения, что области, лишь недавно завоеванные эволюцией и в результате наименее специализированные, то есть молчаливые области мозгового вещества, созревают последними. Неврологи не без основания считают, что в них заключены такие возможности, которые нам продемонстрирует только будущий род человеческий. Индивид с иными возможностями. Высокая индивидуализация. И тем не менее будущее общество ориентируется на все больший коллективизм. Разве есть в этом противоречие? Мы так не думаем. На наш взгляд, существование — не противоречит, в процессе дополнения и преодоления существующих границ.

В письме к своему другу Лабориту биолог Моран писал: «Человек, ставший совершенно логичным, освободившийся от всех страстей и всех иллюзий, станет клеткой жизненного пространства, которую представляет общество, подошедшее к высшему пределу своего развития. Вполне очевидно, что мы еще далеки от этого, но, как мне кажется, может быть эволюция и без этого. Тогда и только тогда появится это «всемирное сознание» коллективного существа, к которому мы стремимся».

Перед таким видением, в высшей степени вероятным, сторонники старого гуманизма, вылепившего нашу цивилизацию, приходят в отчаяние — мы это знаем. Они воображают, что теперь у человека нет больше цели, и он вступает в фазу упадка. «Ставший совершенно логичным, освободившись от всех страстей и всех иллюзий...» Каким же образом человек, изменившийся под воздействием блистательного ума, может клониться к упадку? Правда, психологическое «Я», то, что мы называем личностью, находится на пути к исчезновению. Но мы не считаем, что эта «личность» — последнее богатство человека. В этом, думается, мы религиозны. Нет, личность — не последнее богатство человека. Она — только один из инструментов, данных ему, чтобы перейти к состоянию пробуждения. Как только это произойдет, инструмент исчезнет. Если бы у нас были зеркала, способные показать нам эту «личность», которой мы придаем такую данность, мы не смогли бы вынести ее вида, столько бы там копошилось монстров и уродов. Только на самом деле пробужденный человек мог бы разглядеть ее, не рискуя умереть от ужаса, ибо в таком случае зеркало не отражало бы ничего, было бы абсолютно чистым. Вот подлинное лицо, которое в зеркале истины не отражается. В этом смысле у нас еще нет лица. А боги будут говорить с нами лицом к лицу только в том случае, если оно у нас будет, это лицо.

Отбрасывая психологическое, подвижное и ограниченное «Я», еще Рембо говорил: «Я — это другой». Это неподвижное прозрачное и частое «Я», протяжение которого бесконечно; все предания побуждают человека отказаться от всего, чтобы его достигнуть. Возможно, мы доживем до того времени, когда близкое будущее заговорит тем же языком, что и отдаленное прошлое.

Помимо этих соображений относительно других возможностей ума, даже самая смелая мысль различает только противоречия между индивидуальным и всемирным сознанием, между личной и коллективной жизнью. Но мысль, которая видит противоречия, — в живом — это мысль больная. Поистине пробужденное индивидуальное сознание вступает во Вселенную. Личная жизнь, вся целиком представляемая как инструмент пробуждения, основана на коллективной, не причиняя ей при этом никакого ущерба.

Наконец, нигде не сказано, что конституция этого коллективного существа является последним, окончательным пределом эволюции. Дух Земли, душа всего живого не завершили своего развития. Перед лицом крупных, видимых потрясений, вызываемых этим тайным развитием, пессимисты говорят, что нужно, по крайней мере, попытаться «спасти человека».

Но его не нужно спасать, ему нужно меняться. Человек классической психологии и современной философии уже превзойден, он осужден на неприспособляемость. В результате стадии или не по этой причине, человек, с которым приходится иметь дело, чтобы привить человеческий феномен с текущей судьбой, — это другой человек. И с этого момента уже нет речи ни о пессимизме, ни об оптимизме — речь идет только о любви.

С тех пор, когда я думал, что владею истиной в своей душе и теле, когда я воображал, что вскоре получу решение всех проблем в школе философии Гурджиева, с тех пор я никогда не слышал слова «любовь». Сегодня у меня нет ни в чем абсолютной уверенности. Я не могу решительно настаивать даже на самой скромной из гипотез, сформулированных в этой работе. Пять лет размышлений и работы с Жаком Бержье принесли мне только одно: позволили сохранить свой ум в таком состоянии, когда он с удивлением, доверчиво будет воспринимать все формы жизни и все признаки разумного в живом. Эти два аспекта — удивления и доверия — неразделимы. Стремление возвыситься до этих двух аспектов состояния умственного и как можно дольше сохранить их подвергается в конце концов трансформации. Оно перестает быть желанием, то есть ярмом, и становится любовью, то есть радостью и свободой. Одним словом, мое единственное приобретение заключается в том, что я ношу в себе теперь уже неискоренимую любовь к живому, к этому миру, к бесконечности миров.

Для того чтобы с уважением отнестись к этой могучей сложной любви, чтобы выразить ее, мы с Жаком Бержье не ограничились, конечно, научным методом, как того требовала бы осторожность исследователя. Но чего стоит осторожная любовь? Наши методы были методами ученых, но вместе с тем и методами теологов, поэтов, колдунов, магов и детишек. В общем, мы вели себя как варвары, предпочитая вторжение отходу. Потому что что-то нам говорило: мы — боевая часть чужеземных войск, орд фантомов, ведомых ультразвуковыми трубами, призрачные, беспорядочные когорты, которые начинают маячить над нашей цивилизацией. Мы на стороне захватчиков, на стороне наступающей жизни, на стороне изменений века и изменений мысли. Что это? Ошибка? Безумие? Жизнь человека оправдывается только предпринимаемыми им усилиями, пусть не всегда удачными, чтобы все лучше понять. А лучше понять — это лучше, активнее участвовать. Чем больше я понимаю, тем больше я люблю, потому что очень хорошо, если ты понимаешь.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Юлиус Эвола

ГИТЛЕР И ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА

Заслуживает внимания тот факт, что ряд французских авторов предпринял попытку исследования отношений между немецким национал-социализмом, тайными обществами и инициатическими организациями. Поводом к этому послужила версия о предполагаемом оккультном происхождении движения Гитлера. Этот тезис был изначально выдвинут в известной и крайне неправдоподобной книге Повеля и Бержье «*Matin des Magiciens*» («Утро магов»), в которой национал-социализм был определен как единство «магической мысли» и технологии. Использованное там выражение звучало как «Танковые дивизии плюс Рене Генон»: фраза, которая могла бы заставить этого выдающегося представителя традиционалистской мысли и эзотерических дисциплин с негодованием перевернуться в могиле.

Первое возникающее здесь недоразумение — это смешение мистического элемента с мифическим, в то время как они не имеют между собой ничего общего. Роль мифов в национал-социализме бесспорна, например в идее государства-Рейха, харизматического Фюрера, Расы, Крови и т.д. Но преж-

де чем называть их «мифами», следует приложить к ним концепцию Сореля о «мотивирующих идеях-энергиях» (которыми обычно и являются все, предлагаемые демагогами, идеи), и не приписывать им магическую составляющую. Точно так же ни один рационально мыслящий человек не думает о связи магии с мифами фашизма, как например с мифом о Риме или о вожде-Дуче, в большей степени чем в случае с теми же Французской революцией или коммунизмом. Исследование пошло бы иначе, при условии принятия предположения, что некоторые движения, сами того не зная, были подчинены не вполне человеческим влияниям. Но в случае с французскими авторами дело обстоит не так. Они не думают о влияниях подобного рода, но о конкретной ситуации, созданной реально существовавшими организациями, среди которых некоторые были в той или иной степени «секретными». Аналогично, некоторые говорили о «Высших Неизвестных» кто, как предполагается, вызвали к жизни национал-социалистическое движение и использовали Гитлера в качестве медиума, хотя неясно, какие цели они могли при этом преследовать. Если даже косвенно рассматривать результаты, катастрофические последствия, к которым привел национал-социализм, то такие цели должны были быть темными и разрушительными. Можно было бы идентифицировать «оккультную сторону» этого движения с тем, что Генон называл «контр-инициацией». Но французские авторы также выдвигают тезис, что Гитлер, как «медиум» в определенный момент освободился от опеки «Высших Неизвестных», словно голем, и что именно в этот момент движение приняло свое фатальное направление. Но в этом случае нужно признать, что эти «Высшие Неизвестные» не имели никакого предвидения и очень ограниченные способности, если оказались не в силах остановить их предполагаемого медиума Гитлера.

Много фантазий было наткано относительно происхождения символов и тем национал-социализма. При этом ссылались на некоторые предшествующие организации, но на те, которым крайне трудно было бы приписать подлинный и фактический инициатический характер. Нет сомнений, что Гитлер не изобретал немецкую расовую доктрину, символ свастики, или арийский антисемитизм: все это давно уже существовало в Германии. Книга, озаглавленная «Der Mann, der Hitler die Ideen gab» («Человек, давший Гитлеру его идеи») сообщает о Йорге Ланце фон Либенфельсе (титул был им присвоен), бывшем цистерцианском монахе и основателе Ордена, который уже использовал свастику; Ланц, начиная с 1905 г., выпускал периодический журнал «Ostara», о котором Гитлер конечно знал, и в котором арийские и антисемитские расовые теории были уже четко разработаны.

Но гораздо более важной в «окультистском происхождении» национал-социализма являлась роль Общества Туле. Здесь все гораздо сложнее. Это общество выросло из Germanenorden, основанного в 1912 г., и возглавлявшегося Рудольфом фон Зеботтендорфом, который когда-то жил на Востоке и издал странный буклет «Die Praxis der alten turkischen Freimaurerei» («Практические ритуалы древнего турецкого масонства»). Практики, описанные в нем, включали в себя повторение определенных звуков и жестов и ставили своей целью, как и алхимия, инициатическое преобразование человека. Неясно с какой турецкой масонской организацией Зеботтендорф состоял в контакте, а также, занимался ли он сам рассматриваемыми практиками, или просто описал их.

Кроме того, невозможно установить были ли эти практики приняты в Обществе Туле, возглавлявшемся Зеботтендорфом. Было бы немаловажным выяснить это, т.к. многие высокопоставленные национал-социалисты, от Гитлера до Рудольфа Гесса, часто посещали это общество. В некотором смысле, Гитлер был уже посвящен Гессом в мир идей Общества Туле во время их совместного заключения после неудавшегося мюнхенского Пutsch.

В любом случае, стоит подчеркнуть, что Общество Туле было в меньшей степени инициатической, чем тайной организацией, которая уже имела свастику в качестве символа и характеризовалась решительным антисемитизмом и германским расовым мышлением. Стоит осторожно относиться к тезису о том, что само имя Туле является серьезной и сознательной отсылкой к Норду, Полюсу; отсылкой, пытающейся установить преемственность с гиперборейским происхождением индо-германцев — так как Туле появляется в древней традиции как священный центр или священный остров на дальнем Севере. «Туле» может быть всего лишь перифразированием названия «Thale», местечка в Гарце, где Germanenorden в 1914 проводил конференцию, на которой было решено создать тайный «volkisch» отряд, чтобы сражаться с т.н. еврейским Интернационалом. Прежде всего, эти идеи были выдвинуты Зеботтендорфом в его книге «Bevor Hitler kam» («Прежде чем пришел Гитлер»), изданной в Мюнхене в 1933, в которой он указал на мифы и «volkisch» мировоззрение, существовавшее еще до Гитлера.

Таким образом серьезное исследование об инициатических связях Гитлера с секретными обществами далеко не идет. Необходимо сделать несколько пояснений относительно Гитлера как «медиума» и его способности привлекать людей. Нам представляется чистой фантазией, что он обрел эти способности инициатическим путем. В противном случае то же

стоит предположить относительно психических способностей других лидеров, таких как Муссолини и Наполеон, а это является абсурдным. Намного лучше предположить, что существует своего рода психический водоворот, являющийся результатом массовых движений, и что он концентрируется в человеке в центре и наделяет его некой излучающей способностью, которая чувствуется особенно поддающимися внушению людьми.

Качества медиума (которые, строго говоря, являются антитезой инициатической квалификации) могут быть приписаны Гитлеру с несколькими оговорками, потому что в некотором смысле он являлся одержимым (что отличает его, например, от Муссолини). Когда он подхлестывал массы к фанатизму, создавалось впечатление, что некая сила использует его как медиума, даже при том, что он и сам по себе был человеком очень необычным и чрезвычайно одаренным. Любопытно, кто слышал речи Гитлера, обращенные к восхищенным массам, не может с этим не согласиться. Так как мы уже указали на наши оговорки относительно предполагаемого участия «Высших Неизвестных», будет не легко определить качественный характер этой сверх-личной силы. Относительно теософии [Gotteserkenntnis] национал-социализма, т.е. относительно его предполагаемого мистического и метафизического измерения, нужно понять уникальное сочетание в этом движении и в Третьем Рейхе мифических, просветительских и даже научных аспектов. В Гитлере можно заметить много признаков человека с типично «современными» взглядами на мир, которые по существу являются профаническими, натуралистическими и материалистическими; в то же время он верил в Провидение, чьим орудием видел себя, особенно в отношении судьбы немецкой нации. (Например, он видел руку Провидения в своем спасении после покушения в восточно-прусском штабе). Альфред Розенберг, идеолог движения, провозгласил миф Крови, в котором говорил о «тайне» нордической крови и приписывал ей сакральную ценность; одновременно он нападал на все обряды и таинства католицизма, как на заблуждения, точно так же как и люди эпохи Просвещения. Он выступал против «темных людей нашего времени», в то же время приписывая Арийскому человеку честь создания современной науки. Интерес национал-социализма к рунам, древним нордическо-германским буквам-знакам, должен быть расценен как чисто символический, примерно так же как фашисты использовали некоторые римские символы без какого-либо эзотерического значения. Программа национал-социализма по созданию сверхчеловека имеет в себе элемент «биологического мистицизма», но снова — это был научный проект.

В лучшем случае, это мог бы быть вопрос «сверхчеловека» Ницше, но не сверхчеловека в инициатическом смысле.

План «создания нового расового, религиозного и военного Ордена посвященных, собранных вокруг божественного Фюрера» не может быть расценен как официальная политика национал-социализма, как об этом пишет Рене Алло, когда указывает на такого рода тенденции и даже сравнивает их, помимо прочего, с измаилитами в Исламе. Несколько элементов более высокого уровня были заметны только в СС.

Во-первых, ясно прослеживается намерение рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера создать Орден, в котором должны были быть объединены элементы прусской этики и старых рыцарских орденов, особенно тевтонского ордена. Он искал легитимности для такой организации, но не мог получить ее, так как радикальное крыло национал-социализма открыто противостояло этим старым католическим орденам. Не имея возможности установить традиционную преемственность, Гиммлер также искал связь с нордическо-гиперборейским наследием и его символикой (Туле), хотя и без участия и влияния «тайных обществ», описанных выше. Он, также как и Розенберг, наблюдал за исследованиями голландца Германа Вирта в области нордическо-атлантической традиции. Позднее Гиммлер совместно с Виртом создаст исследовательскую и образовательную организацию под названием «Ahnenerbe». Это довольно интересно, но никакого «окультистского происхождения» в данном случае нет.

Так что в чистом виде результат отрицательный. Фантазия французских авторов достигает наивысшей точки в книге «Hitler et la tradition cathare» («Гитлер и традиция катаров») Жан-Мишель Ангебера (Париж, 1971). Здесь речь идет о катарах, также называвшихся альбигойцами, еретической секте, распространенной особенно в Южной Франции между XI и XII веками и имевшей центр в крепости Монсегюр. Согласно Отто Рану, она была разрушена в время «крестового похода против Грааля», как и называется одна из его книг. Какое отношение Грааль и его рыцари имели к этой секте остается полностью невыясненным. Секта характеризовалась своего рода фанатичным манихейством: иногда ее члены предпочитали умереть от голода или каких-то других причин в качестве демонстрации их отделенности от мира и их враждебности к земному, плотскому и материальному существованию. Предполагается, что Ран, с которым я при его жизни переписывался, пытаясь убедить в необоснованности его тезиса, состоял в СС и что была послана экспедиция на поиски легендарного Грааля, который был возможно перенесен в безопасное место в момент разрушения крепости катаров Монсегюр. Считают,

что после падения Берлина некий военный отряд достиг Циллерталя и скрыл этот объект в подножии ледника, ждать лучших времен.

Правда состоит в том, что ходил слух о десантном подразделении, у которого однако были менее мистические полномочия, а именно спасение и сокрытие сокровищ Рейха. Два дальнейших примера показывают к чему могут привести такие фантазии, когда их выпускают на волю. СС (в состав которых входили не только военные подразделения, но также и исследователи, и академические эксперты) отправили экспедицию в Тибет, чтобы сделать открытия в области альпинизма и этнологии, а другую — в Арктику, якобы для научно-исследовательской работы, но также и с целью возможного размещения там немецкой военной базы. Согласно же этим, фантастическим толкованиям, первая экспедиция искала связь с секретным центром Традиции, в то время как другая искала контакт с потерянным гиперборейским Туле...

ЛИТЕРАТУРА

Alleau R. Préface Le Breton. Les Clés de la Philosophie spagyrique. Paris: Editions Caractères.

Alleau R. De la Nature des Symboles. Paris: Flammarion.

Apollinaire G. Calligrammes. Paris, 1918.

Armstrong E. The Inventor as Hero // Harpers Magazine.

Aspects de l'Alchimie Traditionnelle. Paris: Editions de Minuit.

Bowen J. H. The Exploration of Time. London, 1958.

Brugg E. Spiessburger gegen Genie. Schweiz: Baden, 1952.

Campbell J. W. Cayce // Astounding S. F., March, 1957.

Chesterton G. K. The Innocence of Father Brown. London, 1911.

Clarke A. C. Childhoods End. New York: Ballantine Books, 1953.

De Camp S., Ley W. Lands Beyond.

Delmas A. Hitler, essai de biographie psycho-pathologique. Paris: Editions Marcel Riviere, 1946.

Dornberger W. V 2 — Der Schuss ins Weltall. Esslingen: Bechtle Verlag, 1952.

Dunn J. W. An Experiment with Time.

Eliade M. Images et Symboles. Paris, 1952.

Fain C. Bolivie. Paris: Arthaud.

Fishman J. The Seven Men of Spandau.

Frazer J. The Golden Bough. London, 1890.

Fulcanelli. Le Mystere des Cathedrales. Paris, 1925.

Heiden K. Adolf Hitler. Zürich: Europa Verlag, 1936.

Huten S. Histoire de Rose-Croix. Paris: Editions Gerard Nizet.

Jungk R. Heller als tausend Sonnen. Bern: Alfred Scherz Verlag, 1956.

Kessel J. Medizinalrat Kersten. München, 1961.

La Tourbe des Philosophes // Bibliothèque des Philosophes Chimiques. 1741.

Laborit H., Morand P. Les Destins de la vie et de L'homme. Paris: Editions Masson, 1959.

Le Lionnais F. Une Maladie des Civilisations: les Fausses Sciences // La Nef, № 6, Juni, 1954.

Leroy R.O. La Levitation. Paris: Editions du Cerf.

Lovecraft H. P. Beyond the Wall of Sleep.

Machen A. The Anatomy of Tobacco (1884), The Great God Pan (1895), The House of Souls (1906), The Hill of Dreams (1907), The Great Return (1915), The Bowmen (1915), The Terror (1917), The Secret Glory (1922), Strange Roads (1923), The London Adventure (1924), The Carning Wonder (1926), The Green Round (1933), Holy Terrors (1946).

Magloire G. Teilhard de Chardin tel que je lai connu // Synthese, November, 1957.

Martin Ch.-N. Les Vingt Sens de l' Homme.

Martineau H. Arthur Machen et Toulet, correspondance inédite // Le Mercure de France, № 4, Janviery, 1938.

Jaen-Paul Toulet et Arthur Machen Monsieur du Paur et le Grand Dieu Pan. Paris: Le Divan.

Millikan R. A. The Electron. 1917.

Millard Y. Cayce. Cayce Foundation.

Mundy T. The Nine Unknown. 1925.

Odds J. B. The Pleasure Centres in the Brain // Scientific American, October, 1958.

Pauwels L. Monsieur Gurdjieff. Paris: Editions du Seuil, 1954.

Poetel K. O. Typologie de l' Ordre Noir // Diogene.

Rauschnig H. Gespräche mit Hitler. Zürich: Europa Verlag, 1940.

Ruzo D. La culture Masma // Revue de la Societé d' Ethnographie de Paris, 1956, 1959.

Sanderson I. T. статья в Fantastic Universe. January, 1959.

Seabrook W. The Magic Island. Paris: Editions Firmin-Didot, 1932.

Seligmann K. The Mirror of Magic.

Sugrue T. Edgar Cayce. Dell Books.

Technique Mondiale. Paris, April, 1957.

Theoria philosophiae naturalis redacta ad unicam legem viriium in natura existentium. Wien, 1758.

Velikovskiy I. Welten im Zusammenstoss. Stuttgart: Europa Verlag, 1959.

Wells H. G. The Invisible Man (1897), In the Days of the Comet (1906).

Menschen Gottern gleich. Wien, 1927.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Будущее, которое в прошлом

Глава I. Воспоминания о прошлом	21
Глава II. По другую сторону логики	29
Глава III. Немного лирики	37

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Заговор у всех на виду

Глава I. Розенкрейцеры и тайные общества	45
Глава II. Легенда о Девяти Неизвестных	55
Глава III. Настоящее запаздывает	63
Глава IV. Тайная власть	81

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Алхимия — достойный пример

Глава I. Алхимия — достойный пример	95
Глава II. Водородная бомба в кухонной плите	102
Глава III. Пророчество мастера алхимии	113
Глава IV. Философский Камень	122
Глава V. Время есть для всего	133

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Исчезнувшие цивилизации

Глава I. Собор святого Иного	139
Глава II. Гипотеза для костра	157

Глава III. Девять миллиардов имен Бога	165
Глава IV. Тайны исчезнувших миров	171
Глава V. Память старше нас	181
Глава VI. Песнопение в честь Святого Лейбовица	193

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Несколько лет в абсолютно ином

Глава I. Шум прибоя будущего	221
Глава II. Битва богов существует	235
Глава III. Великий неведомый гений	238
Глава IV. Грех — попытка взять штурмом небо	246
Глава V. Против природы и против Бога	252
Глава VI. Лед и огонь	260
Глава VII. Сумерки богов	281
Глава VIII. Теория полой земли	299
Глава IX. Легенда о Туле	306
Глава X. Смысл войны и смысл победы	318

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Человек — нечто бесконечное

Глава I. Новая интуиция	333
Глава II. Внутреннее фантастическое	347
Глава III. На пути к психологической	362
Глава IV. Новое открытие магического духа	368
Глава V. Понятие о состоянии пробуждения	387
Глава VI. Три истории в качестве иллюстрации	398
Глава VII. Парадоксы и гипотезы о пробужденном человеке	407
Глава VIII. Некоторые документы о пробужденном состоянии	412
Глава IX. Точка по ту сторону бесконечности	426
Глава X. Мечтания о мутантах	436

ПРИЛОЖЕНИЕ. <i>Юлиус Эвола</i> . Гитлер и тайные общества	452

ЛИТЕРАТУРА	458

Повель Луи, Бержье Жак

Утро магов. Введение в фантастический реализм / Пер. с франц. Л. Д. Каневского. — М.: Вече, 2005. — 464 с. (Лабиринты тайноведения)

ISBN 5-9533-0459-5

Одна из самых знаменитых, загадочных и нашумевших в свое время книг впервые публикуется на русском языке полностью, без малейших купюр. Несколько лет назад публикация части этой книги, посвященной связи Гитлера с тайными обществами и оккультной историей Третьего рейха, произвела настоящую сенсацию. Однако книга не исчерпывается только этой темой. Розенкрейцеры и тайная власть, алхимия, загадки исчезнувших миров и пророчества для времен грядущих — не даром книга имеет подзаголовок «Введение в фантастический реализм».

ПОВЕЛЬ Луи, БЕРЖЬЕ Жак

УТРО МАГОВ

Введение в фантастический реализм

Генеральный директор *Л.Л. Палько*

Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*

Главный редактор *С.Н. Дмитриев*

Редактор *О.А. Володарская, В.В. Вергун*

Корректор *О.Н. Богачева*

Верстка *И.В. Хренов*

Разработка художественного оформления серии *О.В. Фомин*

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

ООО «Издательство Вече 2000»

ЗАО «Издательство «Вече»

ООО «Издательский дом «Вече»

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

www.100top.ru

Подписано в печать 30.11.2004. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Гарнитура «Кудряшов». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 29,0. Тираж 5000 экз. Заказ № 0413170.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

ИСТОРИЯ НАША ПРОФЕССИЯ

БОЛЕЕ **25** СЕРИЙ
БОЛЕЕ **500** НАИМЕНОВАНИЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

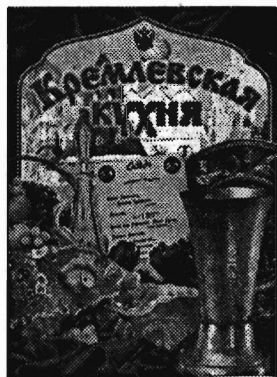
♦ **«100 великих»** – самые прославленные мини-энциклопедии наших дней. Обо всем и обо всех более чем в 60 томах.

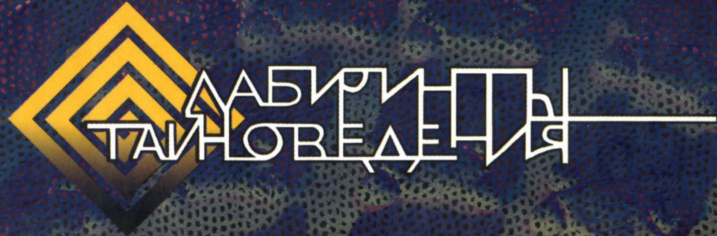
♦ **«Тайны Земли Русской»** – книги о тайнах российской истории с древнейших времен до наших дней. Теперь еще и в романах. Более 20 томов.

♦ **«Досье без ретуши»** – биографии, документы, исследования – один из самых популярных жанров исторической литературы.

♦ **«Эпоха Сталина»** – к Сталину и его эпохе люди относятся по-разному, но настоящие историки не могут обойти ее вниманием. Новая серия.

♦ **«Кремлевская кухня»** – этой подарочной книгой рецептов русской кухни «Вече» открывает особое направление – прикладной исторической литературы.

МЕГАПРОЕКТ – TERRA INCOGNITA

Наверное, каждый читатель хоть раз слышал имена Луи Повея и Жака Бержье — легендарных авторов одной из самых знаменитых, загадочных и нашумевших в свое время книг, которая впервые публикуется на русском языке без малейших купюр. Алхимия и тайная власть, загадки исчезнувших миров и пророчества для времен грядущих — недаром книга имеет подзаголовок «Введение в фантастический реализм».

ISBN 5-9533-0459-5

9 785953 304597

